ISSN 2078-8975 (print) ISSN 2078-8983 (online)

ВЕСТНИК
КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

2017 № 3(71)
Издается с 1999 года

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет»

Объединенная редакционная коллегия: *Невзоров Б. П.*, д-р пед. наук, профессор, ответственный редактор, КемГУ (Кемерово, Россия) – председатель коллегии; *Бабич О. О.,* д-р техн. наук, профессор, проректор по научной и инновационной работе, КемГУ (Кемерово, Россия) – зам. председателя.

Редакционная коллегия:

Серый А. В., д-р психол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия) – главный редактор.

Аникин А. Е., д-р филол. наук, чл.-корр. РАН, Институт филологии РАН (Новосибирск, Россия).

Араева Л. А., д-р филол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Бобров В. В., д-р ист. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Гаврилов С. О., д-р ист. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Кремер Р., д-р, проф. Потсдамского университета, главный редактор журнала «WeltTrends» (Потсдам, Германия).

Лушникова Г. И., д-р филол. наук, проф., КГУ (Ялта, Россия).

Молодин В. И., д-р ист. наук, академик РАН, Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия).

Невзоров Б. П., д-р пед. наук, профессор, ответственный редактор, КемГУ (Кемерово, Россия).

Овчинников В. А., д-р ист. наук, проф., КРИРПО (Кемерово, Россия).

Проскурин С. Г., д-р филол. наук, проф., НГУ (Новосибирск, Россия).

Тюпа В. И., д-р филол. наук, проф., РГГУ (Москва, Россия).

Хьюитт К., Кавалер ордена Британской Империи, магистр гуманитарных наук, проф., Институт непрерывного образования Оксфордского Университета (Оксфорд, Великобритания).

Юревич А. В., д-р психол. наук, чл.-корр. РАН, Институт психологии РАН (Москва, Россия).

Яницкий М. С., д-р психол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

BULLETIN
OF KEMEROVO STATE UNIVERSITY

2017 no 3(71)
Founded in 1999

The Bulletin is included into the "List of leading peer-reviewed journals and issues" which should publish main research results of Doctor's and Candidate's theses by the Higher Attestation Commission

Founder: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Kemerovo State University

United editorial board: *Boris P. Nevzorov,* Dr. of Pedagogic, Prof., Executive Editor, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia) – Chair; *Olga O. Babich*, Dr. of Technical Sciences, Prof., Vice-rector for scientific and innovative work, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia) – Vice-Chairman.

Editorial board:

Andrey V. Seriy, Dr. of Psychology, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia) – Editor-in-Chief.

Alexander E. Anikin, Dr. of Philology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Phililogy of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

Ludmila A. Araeva, Dr. of Philology, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Vladimir V. Bobrov, Dr. of History, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Stanislav O. Gavrilov, Dr. of History, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Raimund Krämer, Dr., Prof. at Potsdam University, Editor-In-Chief of WeltTrends Journal (Potsdam, Germany).

Galina I. Lushnikova, Dr. of Philology, Prof., Crimean University for the Humanities (Yalta, Russia).

Vyacheslav I. Molodin, Dr. of History, Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

Boris P. Nevzorov, Dr. of Pedagogic, Prof., Executive Editor, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Vladislav A. Ovchinnikov, Dr. of History, Prof., Kuzbass Regional Institute for Professional Education Development (Kemerovo, Russia).

Sergey T. Proskurin, Dr. of Philology, Prof., Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia).

Valeriy I. Tyupa, Dr. of Philology, Prof., Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia).

Karen Hewitt, M.B.E., M.A. (Oxon.), Prof. of Department for Continuing Education, University of Oxford (Oxford, England).

Andrey V. Yurevich, Dr. of Psychology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Psychology of the RAS (Moscow, Russia).

Mikhail S. Yanitskiy, Dr. of Psychology, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Журнал издается по решению редакционно-издательского совета Кемеровского государственного университета.

Выходит 4 раза в год.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77 – 67989

Адрес редакции:
Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6

Сайт издания: http://vestnik.kemsu.ru

Адрес учредителя, издателя:
Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6.
Тел.: 8(3842) 58-12-26
Факс: 8(3842) 58-12-26
e-mail: rector@kemsu.ru

Подписной индекс:
Объединенный каталог «Пресса России» – 42150

Журнал представлен в открытом доступе на сайте Российской универсальной научной электронной библиотеки и включен в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ): http://elibrary.ru

Правила для авторов опубликованы на сайте издания: http://vestnik.kemsu.ru

Контакты для сотрудничества:
Невзоров Борис Павлович,
ответственный редактор
Тел.: 8 (384-2) 58-13-01
Факс: 8(3842) 58-38-85
e-mail: nevzorov@kemsu.ru

Старикова Людмила Семеновна,
технический редактор
Тел.: (3842) 58-13-01
Факс: 8(3842) 58-38-85
e-mail: vestnik@kemsu.ru

Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

16+

© Кемеровский государственный университет, 2017
© Авторы научных статей, 2017

Printed by the decision of Scientific Editorial Publishing Council of Kemerovo State University

Published 4 times a year

The Journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)
Certificate of registration: ПИ № ФС 77 – 67989

Editorial Office Address:
Russia, Kemerovo region, 650000, Kemerovo, 6 Krasnaya St.

Web-site: http://vestnik.kemsu.ru

Address of the founder, publisher:
Russia, Kemerovo region, 650000, Kemerovo, 6 Krasnaya St.
Tel.: (3842) 58-12-26
Fax: (3842) 58-12-26
e-mail: rector@kemsu.ru

Subscription indices:
42150 – in the United catalogue "The Press of Russia"

Free access to the Journal is provided at the website of the Russian Universal Scientific Electronic Library. The Journal is included into the database of the "Russian Science Citation Index": http://elibrary.ru.

Information for Authors published on the website Edition: http://vestnik.kemsu.ru

Contacts for co-operation:
Boris P. Nevzorov,
Executive Editor
Tel.: 8 (3842) 58-13-01
Fax: 8(3842) 58-38-85
e-mail: nevzorov@kemsu.ru

Lyudmila S. Starikova
Technical Editor
Tel.: 8 (3842) 58-13-01
Fax: 8(3842) 58-38-85
e-mail: vestnik@kemsu.ru

No part of the Journal can be republished without the permission of the authors or the publisher.

16+

© Kemerovo State University, 2017
© The authors of scientific articles, 2017

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

5 ***Алятина А. Г., Дегтярева Н. А.*** Культурная политика СССР в послевоенное десятилетие (на примере театров Южного Урала)

13 ***Баев О. В.*** Политика Павла I в области внешних займов

21 ***Булдыгин С. С.*** «Великая дивергенция» в исследованиях «Калифорнийской школы» экономической истории

26 ***Видмер Р., Невзоров Т. Б.*** Употребление алкоголя в Швейцарии: от «картофельной чумы» до разбавленной водки

32 ***Вторушин М. И.*** Казачий вопрос в Сибири в период революции и Гражданской войны в России

39 ***Гордеев А. Г.*** Деятельность Бийской Городской думы в период с июня 1918 по декабрь 1919 гг.

43 ***Гордеева М. А.*** Традиции опеки у крестьян Томской губернии в начале XX в.

49 ***Дамбаев Д. Н.*** Первые сельскохозяйственные школы и пропаганда аграрных знаний в Байкальском регионе в начале XX в.

55 ***Коновалов И. А.*** Особенности генерал-губернаторской власти в Сибири в первой половине XIX в.

62 ***Магарамов Ш. А.*** Англичане на Каспийском море в XVI в.

67 ***Почеревин Е. В.*** Деятельность уездных распорядительных комитетов Томской губернии по распределению натуральных повинностей в начале XX в.

73 ***Протасов Е. Т.*** Конституционные изменения 1970-х гг. и функции органов власти Бурятской АССР

79 ***Сизов С. Г.*** Уголовная преступность в Белом Омске в 1918–1919 гг. (на материалах периодической печати)

86 ***Солодкин Я. Г.*** К истории создания Сибирского летописного свода (об источниках и этапах редактирования статей о возобновлении русского градостроительства в Сибири с воцарением Михаила Федоровича)

91 ***Усков И. Ю.*** Динамика численности русского населения левобережного Причулымья в XVIII – первой половине XIX вв.

96 ***Хаминов Д. В.*** Детерминанты генезиса исторического образования и науки в рамках сибирского научно-образовательного комплекса: синтез методологических подходов

104 ***Ярощук А. М.*** Египет. Дашур. Спутница Ломаной пирамиды Снефру. Открыта ее функция – проверка канатов на прочность

ПСИХОЛОГИЯ

110 ***Блинова Н. Г., Кошко Н. Н., Акбиров Р. М.*** Морфофункциональные и психофизиологические особенности детей с нарушениями умственного развития

HISTORY AND ARCHEOLOGY

5 ***A. G. Aliatina, N. A. Degtiareva.*** Cultural Policy of the USSR in the Postwar Decade (Theatres in the Southern Urals)

13 ***O. V. Baev.*** Foreign Loan Policy of Paul I

21 ***S. S. Buldygin.*** «The Great Divergence» in the California School of Economic History

26 ***R. Widmer, T. B. Nevzorov.*** Alcohol Consumption in Switzerland: from the "Potato Plague" to the Diluted Vodka

32 ***M. I. Vtorushin.*** Cossack Issue in Siberia during the Revolution and Civil War in Russia

39 ***A. G. Gordeev.*** Activities of the Biysk City Duma in June 1918 – December 1919

43 ***M. A. Gordeeva.*** Traditions of Guardianship among Peasants of the Tomsk Province in Early XX Century

49 ***D. N. Dambaev.*** First Agrarian Schools and Propaganda of Agrarian Knowledge in the Baikal Region in the Early XX Century

55 ***I. A. Konovalov.*** Features of the General-Governor's Authority in Siberia in the First Half of XIX Century

62 ***Sh. A. Magaramov.*** The British on the Caspian Sea in the XVI Century

67 ***E. V. Pocherevin.*** Activities of The Local Administrative Committees of the Tomsk Province in Metayage Distribution in the Early XX Century

73 ***E. T. Protasov.*** Constitutional Changes in the 1970s and the Buryat ASSR Authorities Functions

79 ***S. G. Sizov.*** Criminal Offence in the White Omsk in 1918–1919 (as exemplified in periodicals)

86 ***Ya. G. Solodkin.*** On the History of the Creation of the Siberian Chronicle (on the Sources and Stages of Editing Articles on the Resumption of Russian Urban Development in Siberia with the Accession of Mikhail Fedorovich)

91 ***I. Yu. Uskov.*** Dynamics of the Number of Russian Population of the Left-bank Prichulym'e in the XVIII – first half of the XIX Centuries

96 ***D. V. Khaminov.*** Determinants of the Genesis of Historical Education and Science in the Framework of the Siberian Scientific-Educational Complex: Synthesis of Methodological Approaches

104 ***A. M. Yaroschuk.*** Egypt. Dashur. The Companion of the Pyramid of Snefru: its Function has been Revealed as Testing Cable Endurance

PSYCHOLOGY

110 ***N. G. Blinova, N. N. Koshko, R. M. Akbirov.*** Morphofunctional and Psychophysiological Features in Children with Intellectual Disorders

117 ***Зорина С. В., Камзина О. А.*** Формирование впечатления о человеке как результат целостной и поэлементной обработки лицевых сигналов

125 ***Кадыров Р. В., Мироненко Т. А.*** К вопросу ранних дезадаптивных схем в суицидальном поведении личности

133 ***Киселева А. А.*** Копинг-стратегии студентов с ограниченными возможностями здоровья

143 ***Неяскина Ю. Ю., Пронькина В. О.*** Особенности конструирования будущего при разных уровнях толерантности к неопределенности (на примере юношеского возраста)

153 ***Фризен М. А.*** Рефлексивность в структуре психологической готовности к саморазвитию личности в период поздней юности

161 ***Шеина Т. Е.*** Мотивация использования сети Интернет студентами вуза во взаимосвязи с временной перспективой личности и социально-психологической адаптацией

ФИЛОЛОГИЯ

167 ***Буженинов А. Э.*** Атиконцепт и концепт как структуры различных категорий в терминологии (на материале гомеопатической терминологии)

172 ***Голев Н. Д.*** Экспериментальные исследования русской лексики в рамках одного лингвистического направления: опыт обобщения и методологической рефлексии постфактум. Статья 2

180 ***Карпухина Т. П., Кузнецова Н. В.*** Основания формирования политкорректного современного политического дискурса (на материале французского языка)

187 ***Куцевич Ю. А.*** Признаковое пространство английских интенциональных глаголов со значением «реализация»

193 ***Логунов Т. А., Лымарева М. С.*** Владение элементами профессиональных языков как условие успешной межкультурной коммуникации

198 ***Пономарева Е. В.*** Аксиологическая составляющая коммуникативного пространства медиадискурса (на примере англоязычных интернет-СМИ)

205 ***Тихонова Д. В.*** Трактовка кризиса идентичности у афроамериканцев во времена рабства и способов его преодоления (на материале романа Э. Рэндалл «Ветер унес»)

210 ***Точилина Ю. Н.*** Признаки концептов *Личность* и *Persönlichkeit* как составляющих макроконцептов *Россия и Deutschland (Германия)*

217 ***Юй Исин.*** Формы обращения и вокативные функции имен нарицательных (на материале текстов художественной литературы)

223 ***Ястребов-Пестрицкий М. С.*** Спектр вторичных номинаций в поэтическом очерке И. Сельвинского «Путешествие по Камчатке»

117 ***S. V. Zorina, O. A. Kamzina.*** Impression Formation about Person as a Result of Holistic and Elementwise Processing of Facial Signals

125 ***R. V. Kadyrov, T. A. Mironenko.*** Early Inadequate Schemes in Suicidal Behavior

133 ***A. A. Kiseleva.*** Coping Strategies in Students with Physical Conditions

143 ***Yu. Yu. Neyaskina, V. O. Pronkina.*** Future Planning Peculiarities under Different Conditions of Uncertainty Tolerance in Adolescents

153 ***M. A. Frizen.*** Reflexivity in Structure of Psychological Readiness for Self-Development of the Personality in the Period of Late Adolescence

161 ***T. E. Sheina.*** Internet Use Motivation in Students of Higher Education Institutions in Interrelation with Temporary Perspective of the Individual and socio-Psychological Adaptation

PHILOLOGY

167 ***A. E. Buzheninov.*** Anticoncept and Concept as Structures of Different Categories in Homeopathic Terminology

172 ***N. D. Golev.*** Experimental Research on the Russian Vocabulary and Texts within One Linguistic School: Experience of Summary and Methodological Reflection in Hindsight. Paper 2

180 ***T. P. Karpukhina, N. V. Kuznetsova.*** The Basis of the Politically Correct Modern Political Discourse in the French Language

187 ***Iu. A. Kutsevich.*** The Feature Set of English Verbs Meaning Realization of a Volitional Action

193 ***T. A. Logunov, M. S. Lymareva.*** Mastering Professional Language Units as a Condition of Effective Cross-Cultural Communication

198 ***E. V. Ponomareva.*** Axiological Component of Communicative Space in Media Discourse (in the English-language Media)

205 ***D. V. Tikhonova.*** The Interpretation of the Identity Crisis of African Americans at the Time of Slavery and the Ways of Overcoming it (Based on «The Wind done Gone» by A. Randall)

210 ***Ju. N. Tochilina.*** Features of the Concepts *Personality* and *Persönlichkeit* as a Parts of the Macroconcepts *Russia and Deutschland*

217 ***Yu Yixing.*** Forms of Address and Vocative Functions of Common Nouns in Fiction

223 ***M. S. Yastrebov-Pestritskiy.*** The Spectrum of Secondary Nominations in I. Selvinsky's Poetic Essay "Journey across Kamchatka Peninsula"

УДК 94:502(470.55/.58)

КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА СССР В ПОСЛЕВОЕННОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ (НА ПРИМЕРЕ ТЕАТРОВ ЮЖНОГО УРАЛА)

***Анна Г. Алятина*[1, @1], *Наталья А. Дегтярева*[1, @2]**

[1] *Оренбургский государственный университет, Россия, 460018, г. Оренбург, пр. Победы, 13*
[@1] annaaliatina@mail.ru
[@2] degtjareva-natasha@mail.ru

Поступила в редакцию 02.02.2017.
Принята к печати 17.05.2017.

Ключевые слова: театры, идеологические постановления ЦК ВКП(б), постановление Совета Министров СССР, Южный Урал, спектакли, пьесы, государственная культурная политика.

Аннотация: В статье рассматривается влияние идеологических постановлений ЦК ВКП(б) «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению», «Об опере «Великая дружба» В. Мурадели», а также Постановление Совета Министров СССР «О сокращении государственной дотации театрам и мерах по улучшению их финансовой деятельности» на функционирование театров Южного Урала (Челябинской, Чкаловской и Курганской областей) в послевоенные годы. Методы сравнительного и статистического анализа, используемые в исследовании, показали, что указанные документы сыграли важную роль в изменении репертуарной политики и привели к сокращению количества театров в южноуральском регионе. Результатом проводившейся политики стали направленность театральных произведений исследуемого региона на воспитание патриотических чувств, акцентирование внимания на важности развития коммунистического общества, на формирование особого отношения к главе государства. Подобная идеологическая политика привела к увеличению в репертуаре театров количества произведений современной советской драматургии и значительному снижению числа постановок по мотивам классической русской и зарубежной драматургии. Следствием этого стала потеря интереса к театральным постановкам и уменьшение количества зрителей драматических театров и театров музыкальной комедии исследуемого региона. Смерть Сталина и последовавшая за ней партийная и государственная реорганизация привели к позитивным изменениям в функционировании театров названного региона. Примером этого может послужить деятельность Чкаловского драматического театра, демонстрировавшего свой обновленный репертуар не только на региональных, но и на столичных сценах во время гастрольных поездок.

Для цитирования: Алятина А. Г., Дегтярева Н. А. Культурная политика СССР в послевоенное десятилетие (на примере театров Южного Урала) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 3. С. 5–12. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-3-5-12.

Деятельность театров нашей страны в послевоенный период исследована достаточно подробно. Однако историография исследуемой проблемы испытала на себе влияние времени и политики государства. Так, в вышедших в 1950–1960-х гг. монографиях советских исследователей, таких как П. И. Кабанов, Л. М. Зак, В. Е. Жирнов, М. П. Ким и ряда других, говорится о творческом расцвете в культуре послевоенного десятилетия [1–3].

Новый подход к изучению данной проблемы представили публикации 1990-х гг. Авторы акцентировали внимание на серии партийных идеологических постановлений в области культуры, вышедших в послевоенное десятилетие и сыгравших пагубную роль в творческой жизни страны. Так, по мнению Е. Ю. Зубковой, послевоенный период стал важным этапом для формирования идеологии режима Сталина, при котором любые творческие идеи не должны идти вразрез с указами правительства [4, с. 495].

Начиная с 1990-х гг. публикуются многочисленные научные статьи, демонстрирующие переосмысление идеологического подхода к советской культуре [5, с. 55]. В числе монографий 2000-х гг. наряду с работами обобщающего характера встречаются исследования, в которых уделено внимание региональному аспекту [6, с. 192]. При этом лишь небольшое количество научной литературы посвящено исследованию культурной жизни южноуральского региона в послевоенный период.

В 1946 г. И. В. Сталин начал оказывать идеологическое давление на интеллигенцию. Причиной этого было участие огромного количества граждан Советского Союза в войне с фашизмом на территории некоторых европейских стран. Оказавшись в другом мире, простые советские граждане сравнивали уровень жизни в стра-

нах с разными системами. Советский Союз проигрывал в подобном сравнении. В связи с этим новым направлением в идеологической политике послевоенных лет стала борьба с явлениями преклонения перед Западом [7, с. 175]. Деление мира на два враждебных по отношению друг к другу лагеря и начавшаяся «холодная война» минимизировали международный культурный обмен. Газеты и журналы в основном содержали статьи, в которых авторы хвалили все родное, отечественное, советское. Аналогичная ситуация наблюдается также в киноискусстве и театральной жизни. Основной задачей в сфере культуры становится патриотическое воспитание советских граждан.

Начиная с лета 1946 г. происходило укрепление тоталитарной системы, что способствовало выходу целой серии постановлений, повлиявших на развитие культурной деятельности Южного Урала. В данной статье основное внимание будет уделено влиянию данных постановлений на работу театров трех областей – Чкаловской, Челябинской и Курганской.

26 августа 1946 г. Центральным Комитетом партии было принято Постановление «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению», согласно которому в репертуар театров должны входить в первую очередь советские пьесы [8, с. 69]. Именно с выходом указанного документа начинаются серьезные изменения в творческой жизни театров. Спектакли подвергаются строжайшей критике и при несоответствии стандартам снимаются с показа, не дойдя до зрителя.

На Южном Урале начинается повсеместная кампания за утверждение в массах «советского патриотизма» против «растлевающего» влияния Запада, и происходит «перевоспитание» интеллигенции, деятелей культуры и науки. В соответствии с поручением Сталина главным идеологом этой кампании становится А. А. Жданов. На местах организовывались так называемые «суды чести», преследующие цель поддержания порядка в обществе. Данная политика была направлена на узкий круг творческой интеллигенции, с условием, что именно эта среда формирует общественные настроения. В такой обстановке полностью меняется не только культурная политика, но и репертуар южноуральских театров, что в последующем окажет существенное отрицательное влияние на творческую жизнь изучаемого региона. Исходя из указаний Москвы, на местном уровне властями запрещаются к показу произведения некоторых отечественных драматургов и зарубежных авторов.

Так, в 1945 г. в репертуарных планах всех театров Челябинской области были представлены произведения русской и зарубежной классической драматургии и советских авторов. Например, в Магнитогорском, Челябинском, Златоустовском театрах ставились пьесы: «Васса Железнова» М. Горького, «Ревизор» Н. Гоголя и «Анжело» В. Гюго, «Коварство и любовь» Ф. Шиллера. В репертуар Челябинского городского театра кукол были включены спектакли: «Каштанка» А. П. Чехова, «Город мастеров» Г. Габбэ [9, л. 3]. Таким образом, на сценах помимо советских пьес (32 %) и русской классики (38 %) театрами области в 1945 г. были сыграны произведения западноевропейской драматургии (30 %).

После принятия указанного постановления «О репертуаре…» местная пресса характеризует негативно работу челябинских театров. Уже к 1947 г. в репертуаре театров Челябинской области происходят кардинальные изменения: показываются спектакли с явным преимуществом советской драматургии, составляющей 70 % всего репертуара, русской классики – 10 %, пьес западной классики – 10 %, современной иностранной драматургии – 10 %.

Аналогичная перестройка репертуарной политики наметилась и в театрах Чкаловской области (прежнее наименование Оренбургской области). К примеру, в 1945–1946 гг. Чкаловский областной театр им. Горького, Бугурусланский, Бузулукский, Орский драмтеатры строили свой репертуар на показе пьес советских драматургов, русской и западной классики, таких как А. К. Гладкова, «Платон Кречет» А. Е. Корнейчук, «На бойком месте» А. Н. Островского; «Женитьба» Н. В. Гоголя, «Горе от ума» А. С. Грибоедова, «Собака на сене» Лопе де Вега, «Укрощение строптивой» В. Шекспира и др. [10, л. 19]. Таким образом, до выхода постановления репертуар драматических театров на территории Чкаловской области включал пьесы авторов советской драматургии, а также произведения русской и зарубежной классики, однако появление названного постановления привело к тому, что репертуар театров указанной области начал резко перестраиваться. Уже к 1947 г. пьесы советских драматургов составили 65 %, а к 1949 г. – 85 % из общего числа постановок, а количество спектаклей, основанных на русской и зарубежной классике, постепенно уменьшалось [11, с. 315].

Подобная ситуация наблюдается и в театрах Курганской области. Еще в 1945 г. в репертуар включались современные пьесы о городах-героях Севастополе, Сталинграде и Ленинграде, а в классической его части были пьесы русской и западной драматургии, но уже через пару лет преимущество будет отдано не в пользу русской и зарубежной классики [12, л. 33]. Например, в Курганском областном драматическом театре в 1948 г. было показано 16 советских спектаклей (57,1 %), 7 пьес русской классики (25 %), 5 пьес иностранной драматургии (17,9 %).

Результатом выхода постановления «О репертуаре…» явилось то, что на театральных сценах изучаемого региона существенная роль стала отводиться современной советской драматургии, а лучшие произведения зарубежных и русских классиков предавались забвению или выходили редко. В результате начинается самый настоящий репертуарный голод. Советский человек послевоенного периода, пройдя через ужасы войны, испытывал желание, придя в театр, посмотреть высоконравственные произведения А. П. Чехова, А. Н. Островского, О. Бальзака, Ф. Шиллера [13, с. 250]. Зритель в первую очередь тянулся к красоте в театральных постановках, которой не находил в советских спектаклях, отображавших производственные, технологические и партийные задачи, на тот момент это стремление противоречило политике государства в сфере культуры.

Реализация данной политики находила отражение в статьях газет изучаемого периода. Так, в газете «Чкаловская коммуна» за 1946 г. в статье «О превосходстве

советской социалистической культуры над буржуазной» говорилось, «что буржуазное искусство все больше и больше деградирует. Театр выродился в пошловатую эстраду или «театр ужасов». В противоположность «растлевающей» западной культуре подчеркивалось, что «советские театры окружены огромным вниманием со стороны партийного руководства, в них ведется высокоидейная работа по воспитанию масс» [14, с. 2]. Как видно, идеологическая составляющая в деятельности театров начинает приобретать все большее значение.

Часто зрительский интерес вступал в противоречие с эталоном, навязанным правительственной политикой, что подтверждается большим числом фактов. Так, преобладающие в количественном соотношении пьесы советской драматургии после 1946 г. в южноуральских театрах редко занимали доминирующие позиции по числу постановок. К примеру, политически важный с точки зрения партийной идеологии «Заговор обреченных» Н. Е. Вирты в Чкаловском областном драматическом театре прошел лишь 18 раз, в то время как «Обрыв» И. А. Гончарова – более 50 раз [15, л. 18]. Первый указанный спектакль фигурировал в репертуаре менее полугода, а второй спектакль демонстрировался зрителям в течение как минимум двух театральных сезонов.

Анализ статистических данных южноуральских архивов показал, что это был не единичный случай в работе театров области и всего изучаемого региона. Например, в Бузулукском театре шли «абсолютно безвкусные, безыдейные и никчемные», по мнению местных властей, пьесы А. И. Куприна «Сестры» и «Олеся», пользовавшиеся огромной любовью у провинциального населения, что связано со стремлением уральских театров откликаться на духовные запросы местных зрителей. Это привело к осуждению представителями местной прессы режиссеров и актеров за потакание «отсталым и недалеким вкусам населения» [16, с. 237]. Провинциальных драматургов обвиняли в несостоятельности, а также в неспособности превратить советскую пьесу в совершенство, так как именно с их подачи современная драматургия имела «блеклое воплощение».

Таким образом, театральным постановкам, оказавшимся востребованными уральским зрителем, альтернативы не было. Творческие коллективы, подвергшиеся идеологическому прессингу, стали частью сложного механизма политической системы.

Помимо вышеназванных проблем, следует иметь в виду, что творческие коллективы и отдельные их представители находились под постоянным контролем правоохранительных органов. Так, в Центре документации новейшей истории Оренбургской области хранится документ, ранее отмеченный грифом «совершенно секретно», в котором содержится краткая характеристика на 16 артистов и работников Чкаловского театра музыкальной комедии: судимых; исключенных из ВКП(б); бывших за границей в плену у немцев; исключенных из партии по разным причинам; сотрудников, чьи родственники были арестованы органами НКВД в 1937 г. [17, л. 61]. За данной категорией людей устанавливался строгий надзор, их рассматривали как граждан, не вызывающих доверия властей. Подобные примеры встречаются и в других архивах.

Еще более непродуманная политика имела место в отношении театров музыкальной комедии. Примером тому может послужить Постановление ЦК ВКП(б) от 10 февраля 1948 г. «Об опере «Великая дружба» В. Мурадели», явившееся продолжением ждановской кампании и повлиявшее на репертуар музыкальных театров [18, с. 369]. Суровой критике А. А. Жданова была подвергнута не только указанная опера. В качестве обвиняемых названы имена лучших композиторов: Д. Шостаковича, А. Хачатуряна, С. Прокофьева и др. Подчеркивалось, что в деятельности композиторов «не изжиты пережитки буржуазной идеологии, питаемые влиянием упадочной западноевропейской и американской музыки» [19, с. 3]. Выход данного постановления, как и предыдущего, объясняется политикой, проводимой советским правительством в условиях «холодной войны». На фоне происходящего отрицания как эталона западной культуры («низкопоклонства перед западом»), превозносилась советская, отечественная.

Однако на местах данная политика не была достаточно продумана. Например, если в 1945 г. Челябинский театр оперетты ставил спектакли, львиную долю которых (90 %) составляли русская и зарубежная классика («Ярмарка невест», «Баядерка», «Бедный Джон» и др.), то после 10 февраля 1948 г. на сцене были поставлены оперетты «Чудесный край», «Есть на Волге городок» на музыку Н. Богословского, А. Рябова и др. Новая репертуарная политика совершенно не оправдала себя. Изучив работу театра, московская комиссия его закрыла [20, с. 317].

Характеризуя работу театров музыкальной комедии на Южном Урале, необходимо подчеркнуть, что в результате непродуманной политической линии в отношении культуры театры музыкальной комедии были самыми нерентабельными. Убытки Челябинского театра музыкальной комедии за 1949 г. составили 995 тыс. руб. Чкаловский театр музыкальной комедии понес убытки на 546 тыс. руб., при этом количество спектаклей в 1946 г. составило 103 % от плана, а в 1950 г. – 111,8 % [21, с. 196]. Отсюда следует, что достаточно внушительные убытки при большом количестве спектаклей объясняются только полупустым залом.

Следует также отметить, что одной из главных причин нерентабельности являлось то, что постановки музыкальных спектаклей обходились дороже, чем театральных, так как задействовалось большее количество актеров, что не оправдывало затрат. Причинами также являлись гонение на классическую оперетту, слабость балетной, вокальной и музыкальных трупп при постановке современных спектаклей на производственную тему. По выражению одного из критиков, в Чкаловском театре музыкальной комедии было «все, кроме музыки и пения» [22, с. 3].

Помимо указанных трудностей, негативное влияние на работу южноуральских театров оказало Постановление Совета Министров СССР № 537 от 4 марта 1948 года «О сокращении государственной дотации театрам и мерах по улучшению их финансовой деятельности». В нем акцент делался на необходимости перехода театров на самоокупаемость [23, с. 231], что объясняется невозможностью финансирования, так как в послевоен-

ное время ресурсы были направлены на восстановление разрушенного народного хозяйства. Государство в данный период не способно было выделять достаточно средств на развитие театрального искусства. При наличии финансовых задолженностей за предыдущие отчетные периоды переход уральских провинциальных театров на бездотационную систему тяжелым бременем отразился в целом на их деятельности. Южноуральские театры закрывались, сокращались штаты, шло увеличение количества премьер.

В результате в изучаемый период на Южном Урале в 1948 г. был ликвидирован на территории Челябинской области из-за нерентабельности Кыштымский драматический театр, в один театр объединены Златоустовский и Миасский, в 1950 г. ликвидирован Копейский драматический театр. В городе Чкалове в 1949 г. ликвидирован Татарский колхозно-совхозный театр, в 1950 г. в Чкаловской области – Бузулукский драматический театр.

Следствием выхода указанного постановления, многочисленных резолюций по усилению контроля, а также идеологического давления на репертуарную деятельность южноуральских театров становится их сокращение. Если в 1945 г. в Челябинской области было 8 театров, в Чкаловской – 7, Курганской – 2, то после выхода мартовского постановления СНК СССР 1948 г. количество их сократилось на конец года в Челябинской области – до 7 (1950 г. – до 5), Чкаловской – до 6, в Курганской – не изменилось [24, л. 95]. До конца изучаемого периода число театров в названных областях оставалось неизменным: в Челябинской – 5, Чкаловской – 6, Курганской – 2. Всего по трем областям изучаемого региона число театров с 1945 по 1953 гг. сократилось в 1,3 раза (с 17 до 13).

Несмотря на сокращение количества уральских театров, в интересующий нас период происходит повсеместное увеличение числа спектаклей: в 1948 г. в указанных областях южноуральского региона – на 730, в 1949 г. – на 154 [25, л. 60]. Резкое увеличение количества пьес и поставленных спектаклей объясняется переходом их на самоокупаемость, что вынуждало театральные коллективы работать на износ, чтобы получить прибыль. При этом страдало качество пьес и количество поставленных спектаклей. За 1 год отрепетировать и поставить 73 пьесы 15 провинциальным театрам региона было не под силу.

Все вышеизложенное стало результатом того, что данная политика не только отразилась на работе уральских театров, но и на самом зрителе, интерес которого к постановкам постепенно снижался, что в свою очередь привело к уменьшению количества посещений. К 1953 г. число посетителей театров трех областей Южного Урала по сравнению с 1945 г. сократилось в 1,25 раза (с 1747,0 до 1398,8 тыс. чел.). Следствием осуществлявшейся в идеологических кампаниях послевоенных лет советской культурной политики стал кризис театрального искусства, явившийся неотъемлемой частью кризиса сталинского режима.

Особо следует подчеркнуть, что в неблагоприятных для них условиях послевоенного периода южноуральские театры продолжали постоянно работать. Вовлечение театров в работу, отвечавшую новым идеологическим требованиям, привело к тому, что во всех уральских театрах проходили спектакли, посвященные истории жизни нашей страны, такие как «Молодая гвардия» А. Фадеева, «Белеет парус одинокий» В. Катаева, «Там, где не было затмения» Ю. С. Семенова, «Так будет» К. Симонова, «Кремлевские куранты» Н. Ф. Погодина, «Вас вызывает Таймыр» А. Галича и К. Исаева и др. [26, с. 3]. Нельзя не принимать во внимание и положительный результат того, что показано провинциальному зрителю. Среди главных тем на сценах театров южноуральского региона была история страны, где особое внимание уделялось событиям октября 1917 г., строительству коммунистического общества, тяжелым годам Великой Отечественной войны, подвигу советских людей, воспитанию патриотизма в противовес русской истории нашего государства, которой уделялось значительно меньше внимания.

После смерти Сталина произошли значительные изменения в театральной жизни. В середине 50-х гг. начинается новый этап в духовной и политической жизни страны. В марте 1953 г. осуществляется реорганизация в государственных и партийных органах управления, занимающихся развитием искусства [27, с. 134]. В это же время было сформировано Министерство культуры СССР, что привело государство к невозможности проводить прежнюю культурную политику. Театр рассматривался как предприятие идеологического направления, что постепенно позволило предоставлять театрам свободу в выборе репертуара.

В театрах Южного Урала, начиная с 1954 г., происходят наиболее существенные и благотворные перемены. Формирование, развитие и становление характера советского человека – основная тема, интересующая уральские театры. На сценах шли спектакли, получившие признание и любовь зрителя, такие как «За тех, кто в море» Б. Лавренева, «Победители» Б. Чирскова, «По велению сердца» Н. Анова и Я. Штейна и др.. Важными темами, волновавшими общество во все времена, стали вопросы надежной дружбы, семейной привязанности, личного счастья человека, а также любви, что нашло отражение в пьесе драматурга. В. Пистоленко «Любовь Ани Березко», показанной в Чкаловском драматическом театре в 1954 г., ставшей популярной и уже через год демонстрировавшейся во многих театрах изучаемого региона.

Дебютные гастрольные поездки южноуральских театров состоялись в зонах своих областей. Так, в 1947 г. в обслуживании жителей сельской местности Челябинской области принимали участие областной передвижной кукольный театр, Магнитогорский, Златоустовский, Троицкий и другие театры, принявшие свыше 1,5 млн чел. Театры Чкаловской области в 1946 г. выезжали на гастроли в г. Орск для организации культурного досуга на промышленных площадках города [28, с. 351].

Первая поездка Чкаловского драматического театра по стране состоялась в 1955 г. в Москву. Эта поездка поставила перед труппой важную задачу выбора репертуара для столичных сцен. В результате в репертуар были включены пьесы местных уральских авторов, таких как произведения Н. Антонова и Я. Штейна «По велению сердца», В. Пистоленко «Любовь Ани Березко». В классическую часть программы вошли историче-

ские произведения А. Толстого «Царь Федор Иванович» и В. Пистоленко «Емельян Пугачев» [29, с. 169]. Последняя пьеса отражала историю края – показывала Оренбургскую губернию в период крестьянской войны, тем самым отводя важное значение региону. Следует иметь в виду, что указанные исторические произведения после 1954 г. в к показу уже разрешались [30, с. 55]. В результате гастрольная поездка указанного театра вызвала позитивные отклики и неподдельный интерес у москвичей и гостей столицы необычностью, актуальностью и новизной созданных постановок.

Из вышесказанного следует, что гастрольные поездки уральских театров, проводившиеся по областям, сопровождались жестким контролем вышестоящих органов за демонстрацией спектаклей и репертуаром, причиной чего стало действие названных ранее постановлений. В условиях изменения культурной политики после 1954 г. поездка в столицу предоставляла режиссерам полную свободу в выборе постановки и творчества.

Таким образом, анализ партийных решений, их значения в области культуры, их возможности воздействовать на репертуар и культурную жизнь помогает лучше понять особенности функционирования театров Южного Урала в условиях тоталитарного государства. Будучи важнейшим элементом сформировавшейся тоталитарной культуры, театр обязан был стать рупором политики власти, толковать, подчинять, при необходимости оправдывать абсолютно все поступки и свершения.

Подводя итог вышесказанному, необходимо указать на изменения в деятельности южноуральских театров в период с 1945 по 1955 гг., произошедшие под влиянием идеологических постановлений.

После 1946 г. доминирующее положение заняли произведения советских драматургов, посвященные злободневным вопросам жизни советского общества (68 % репертуара по театрам Южного Урала). Провинциальные театральные коллективы оставались частью сталинской системы, лишенные самостоятельности и свободы в выборе репертуара.

В изучаемый период терялся интерес зрителей к спектаклям, и существенно снижалась посещаемость уральских театров. Количество спектаклей увеличилось, но демонстрация спектаклей проходила в полупустых залах театров. В городах Южного Урала росло беспокойство зрителей относительно качества демонстрируемых спектаклей.

Существенное отрицательное влияние оказали региональные меры, принятые в ответ на постановление центрального правительства о необходимости перевода театров на самоокупаемость. Это стало тяжелой финансовой нагрузкой для провинциальных театров Южного Урала в условиях послевоенного времени. Данная политика оказалась непродуманной и экономически ущербной для уральского региона. В связи с переводом театров Южного Урала на самоокупаемость, 6 из них были закрыты. Самыми убыточными театрами в трех областях указанного региона оказались театры музыкальной комедии. Это объясняется незаинтересованностью местных органов власти в оказании помощи театрам.

Несмотря на указанную политику, следует иметь в виду, что результатом этого стало преобладание среди театральных постановок на Южном Урале пьес, направленных на воспитание преданности коммунистическим идеалам, патриотизма, любви и уважения к главе государства, классовой ненависти к врагам Советского Союза, что, несомненно, было важным в условиях «холодной войны». Однако новый положительный поворот в истории театрального искусства, связанный с дальнейшим его развитием, происходит после 1953 г., когда деятелям культуры Южного Урала удалось найти способ дистанцироваться от номенклатуры и начать проявлять определенную самостоятельность в принятии решений.

Литература

1. Жирнов В. Е. Культурное строительство в послевоенной пятилетке. М.: Госполитиздат, 1947. 158 с.
2. Кабанов П. И. Очерки культурно-просветительной работы в СССР в послевоенные годы. 1946–1953 гг. М.: Госкультпросветиздат, 1955. 278 с.
3. Ким М. П. 40 лет советской культуры. М.: Госполитиздат, 1957. 388 с.
4. Зубкова Е. Ю. Советский режим в послевоенные годы: новации и консерватизм (1945–1953) // Россия в XX веке. Война 1941–1945 годов: современные подходы. М.: Наука, 2005. С. 493–511.
5. Федченко М. Н. Молодежь и театральное искусство Урала (1945–1960) // Культура Зауралья: прошлое и настоящее: сб. науч. тр. Курган.: Изд-во Курган. ун-та, 2000. Вып. 3. С. 55–56.
6. Загребин С. С. Культурная политика Российского государства (общенациональные доминанты и региональные особенности): монография. Челябинск: Абрис, 2006. 376 с.
7. Данилов А. А., Пыжиков А В. Рождение сверхдержавы: 1945–1953 годы. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 320 с.
8. Алятина А. Г. Влияние на деятельность учреждений культуры на Южном Урале идеологических постановлений правительства после окончания Великой Отечественной войны // Наука сегодня: теоретические и практические аспекты : сб. науч. тр. по материалам междунар. науч.-практ. конф., г. Вологда, 23 дек. 2015 г. : в 3 ч. Ч. 3. Вологда: Маркер, 2015. С. 68–70.
9. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. Р-914. Оп. 1. Д. 399.
10. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-373. Оп. 10. Д. 756.
11. Государственный архив общественно-политической документации Курганской области (ГАОПДКО). Ф. 166. Оп. 3. Д. 5.
12. Федченко М. Н. Молодые производственники Урала. Исторический опыт социализации (1945–начало 60-х гг.): дис. … д-ра ист. наук. Курган, 2001. 722 с.
13. «Хулители» и гонители: драматургия 50–80-х годов в документах из архива ЦК КПСС // Современная драматургия. 1994. № 3. С. 248–255.

14. Кафтанов С. В. О превосходстве советской социалистической культуры над буржуазной // Чкаловская коммуна. 30 апреля 1948 г. № 67 (6148).
15. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. Р-1581. Оп. 2. Д. 6.
16. Зезина М. Р. Советская художественная интеллигенция и власть в 1950-е–1960-е гг.: дис. … д-ра ист. наук. Москва, 2000. 344 с.
17. Центр документации новейшей истории Оренбургской области (ЦДНИОО). Ф. 371. Оп. 13. Д. 1933.
18. Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) - ВКП(б), ВЧК - ОГПУ - НКВД о культурной и политике. 1917–1953 / под ред. А. Н. Яковлева. М.: Международный фонд «Демократия», 2002. 871 с.
19. Развить и совершенствовать советскую музыку // Чкаловская коммуна. 30 марта 1948 г. № 64 (6145)
20. Загребин С. С. Культурная политика государства и ее реализация на Урале в 1900–1940 гг.: дис. … д-ра ист. наук. Челябинск, 1999. 578 с.
21. Алятина А. Г. Культура на Южном Урале после окончания Великой Отечественной войны (1945–1953 гг.): монография. Оренбург: Пресса, 2012. 272 с.
22. Хавторин Б. П. Музыкальная культура и современность // Оренбургский край: история, традиции, культура: сборник. Оренбург, 2009. 370 с.
23. Хисамутдинова Р. Р., Алятина А Г. Деятельность учреждений культуры на Южном Урале после окончания Великой Отечественной войны: монография. Оренбург: ОГПУ, 2011. 300 с.
24. Государственный архив Курганской области (ГАКО). Ф. Р-1775. Оп. 1. Д. 211.
25. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 2075. Оп. 15. Д. 1051.
26. Добкин А. «Вас вызывает Таймыр» // Чкаловская коммуна. 9 июня 1948 г., № 114 (6114)
27. Культура России. Актуальные задачи духовного возрождения России: информ.-аналит. сб. / гл. ред. О. П. Неретин. М.: ГИВЦ Минкультуры России, 2012. 283 с.
28. Сайгин И. Н. История культуры Оренбуржья (XVIII–XXI вв.). Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2011. 480 с.
29. Устинова О. А. Советы депутатов трудящихся и функционирование учреждений культуры в условиях послевоенного времени (на материалах Чкаловской области) // Восьмые Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен: сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. Оренбург: ОГПУ, 2016. С. 168–171.
30. Алятина А. Г. Культура Чкаловской области в послевоенный период как проводник толерантности // Диалог культур: евразийский опыт и региональная специфика: материалы междунар. науч.-практ. семинара. Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ, 2009. 480 с.

CULTURAL POLICY OF THE USSR IN THE POSTWAR DECADE (THEATRES IN THE SOUTHERN URALS)

***Anna G. Aliatina*[1, @1], *Natal'ia A. Degtiareva*[1, @2]**

[1]*Orenburg State University, 13, Pobedy Ave., Orenburg, Russia, 460018*
[@1] annaaliatina@mail.ru
[@2] degtjareva-natasha@mail.ru

Received 02.02.2017.
Accepted 17.05.2017.

Keywords: theatres, ideological resolution of the Central Committee of the CPSU(b), the resolution of Council of Ministers of the USSR, southern Urals, plays, plays, the state cultural policy.

Abstract: The article examines the influence of ideological resolutions of the Central Committee of the All-Union Communist Party of the Bolsheviks ("On the repertoire of drama theatres and measures for its improvement", "About the Opera "Great Friendship" by V. Muradeli"), as well as the resolution of the Council of Ministers of the USSR "On the reduction of public subsidies to theaters and measures for improving their financial activities" on the theatres of the South Urals (Chelyabinsk, Kurgan and Chkalov areas) in the postwar years. Methods of comparative and statistical analysis used in the study showed that these documents played an important role in changing the repertoire policy, and led to the reduction in the number of theatres in the South Ural region. As a result, theatrical productions in the area in question became focused on patriotic education, the importance of development of Communist society and the formation of a special attitude towards the head of state. This ideological policy led to an increase in the repertoire of the number of works of modern Soviet drama, and a significant reduction in the number of productions based on classic Russian and foreign drama. The result was a loss of interest in theatrical productions and a decrease in the number of audience of drama and musical comedy theatres in the region. The death of Stalin followed by the party and state reorganization brought about positive changes in the functioning of the regional theatres. For example, the Chkalov drama theater demonstrated its new repertoire in the region as well as in the capital during tours.

For citation: Aliatina A. G., Degtiareva N. A. Kul'turnaia politika SSSR v poslevoennoe desiatiletie (na primere teatrov Iuzhnogo Urala) [Cultural Policy of the USSR in the Postwar Decade (Theatres in the Southern Urals)]. *Bulletin of Kemerovo State University,* no. 3 (2017): 5–12. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-3-5-12.

References

1. Zhirnov V. E. *Kul'turnoe stroitel'stvo v poslevoennoi piatiletke* [Cultural construction in the post-war five year plan]. Moscow: Gospolitizdat, 1947, 158.

2. Kabanov P. I. *Ocherki kul'turno-prosvetitel'noi raboty v SSSR v poslevoennye gody. 1946–1953* [Essays on cultural and educational work in the USSR in the postwar years. 1946–1953]. Moscow: Goskul'tprosvetizdat, 1955, 278.

3. Kim M. P. *40 let sovetskoi kul'tury* [40 years of soviet culture]. Moscow: Gospolitizdat, 1957, 388.

4. Zubkova E. Iu. Sovetskii rezhim v poslevoennye gody: novatsii i konservatizm (1945–1953) [The Soviet regime in the postwar years: innovation and conservatism (1945–1953)]. *Rossiia v XX veke. Voina 1941–1945 godov: sovremennye podkhody* [Russia in the XX century. The war of 1941–1945: modern approaches]. Moscow: Nauka, 2005, 493–511.

5. Fedchenko M. N. Molodezh' i teatral'noe iskusstvo Urala (1945–1960) [Youth and theatre of the Urals (1945–1960)]. *Kul'tura Zaural'ia: proshloe i nastoiashchee* [Culture of the Urals: past and present]. Kurgan: Izd-vo Kurgan. un-ta, no. 3 (2000): 55–56.

6. Zagrebin S. S. *Kul'turnaia politika Rossiiskogo gosudarstva (obshchenatsional'nye dominanty i regional'nye osobennosti)* [Cultural policy of the Russian state (national structures and regional characteristics)]. Cheliabinsk: Abris, 2006, 376.

7. Danilov A. A., Pyzhikov A. V. *Rozhdenie sverkhderzhavy: 1945–1953 gody* [The birth of a superpower. 1945–1953 years]. Moscow: OLMA-PRESS, 2002, 319.

8. Aliatina A. G. Vliianie na deiatel'nost' uchrezhdenii kul'tury na Iuzhnom Urale ideologicheskikh postanovlenii pravitel'stva posle okonchaniia Velikoi Otechestvennoi voiny [Impact on the activities of cultural institutions in the southern Urals of the ideological resolutions of the government after the end of world war II]. *Nauka segodnia: teoreticheskie i prakticheskie aspekty: sb. nauch. tr. po materialam mezhdunar. nauch.-prakt. konf. G. Vologda, 23 dek. 2015 g.* [Science today: theoretical and practical aspects: Proc. Intern. Sc.-Prac. Conf. Vologda, December 23 2015]. Vologda: Marker, 3, no. 3 (2015): 68–70.

9. *Ob"edinennyi gosudarstvennyi arkhiv Cheliabinskoi oblasti (OGAChO)* [United state archive of Chelyabinsk region]. Found R-914, List 1, File 399.

10. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF)* [State archive of the Russian Federation]. Found A-373, List 10, File 756.

11. *Gosudarstvennyi arkhiv obshchestvenno-politicheskoi dokumentatsii Kurganskoi oblasti (GAOPDKO)* [State archive of socio-political documentation of the Kurgan region]. Found 166, List 3, File 5.

12. Fedchenko M. N. *Molodye proizvodstvenniki Urala. Istoricheskii opyt sotsializatsii (1945–nachalo 60 k gg.)*. Diss. doktora ist. nauk [Young Industrialists of the Urals. Historical socialization experiences (1945–early 60s). Dr. hist. Sci. Diss.]. Kurgan, 2001, 722.

13. «Khuliteli» i goniteli: dramaturgiia 50–80-kh godov v dokumentakh iz arkhiva TsK KPSS ["Detractors" and persecutors: drama 50–80s of the documents from the archive of the Central Committee of the CPSU]. *Sovremennaia dramaturgiia = Contemporary drama*, no. 3 (1994): 248–255.

14. Kaftanov S. V. O prevoskhodstve sovetskoi sotsialisticheskoi kul'tury nad burzhuaznoi [About the superiority of Soviet culture over bourgeois]. *Chkalovskaia kommuna = Chkalovskoe municipality*, no 67 (1948).

15. *Gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti (GAOO)* [State archive of the Orenburg region]. Found R-1581, List 2, File 6.

16. Zezina M. R. *Sovetskaia khudozhestvennaia intelligentsiia i vlast' v 1950-e–1960-e gg.* Diss. doktora ist. nauk [The Soviet artistic intelligentsia and power in the 1950s–1960s. Dr. hist. Sci. Diss.]. Moscow, 2000, 344.

17. *Tsentr dokumentatsii noveishei istorii Orenburgskoi oblasti (TsDNIOO)* [Center of documentation of the newest history of the Orenburg region]. Found 371, List 13, File 1933.

18. *Vlast' i khudozhestvennaia intelligentsiia. Dokumenty TsK RKP(b) – VKP(b), VChK – OGPU – NKVD o kul'turnoi i politike. 1917–1953* [The authority and the artistic intelligentsia. Documents of the Central Committee of the RCP(b) – VKP(b), VCHK – OGPU – NKVD on cultural and policy. 1917–1953]. Ed. Iakovlev A. N. Moscow: Mezhdunarodnyi fond «Demokratiia», 2002, 871.

19. Razvit' i sovershenstvovat' sovetskuiu muzyku [To develop and perfect Soviet music]. *Chkalovskaia kommuna = Chkalovskoe municipality*, no 64 (1948).

20. Zagrebin S. S. *Kul'turnaia politika gosudarstva i ee realizatsiia na Urale v 1900–1940 gg*. Diss. doktora ist. nauk [State's cultural policy and its implementation in the Urals in 1900–1940. Dr. hist. Sci. Diss.]. Cheliabinsk, 1999, 578.

21. Aliatina A. G. *Kul'tura na Iuzhnom Urale posle okonchaniia Velikoi Otechestvennoi voiny (1945–1953 gg.)* [Culture in the southern Urals after the great Patriotic war (1945–1953)]. Orenburg: Pressa, 2012, 272.

22. Khavtorin B. P. Muzykal'naia kul'tura i sovremennost' [Musical culture and modernit]. *Orenburgskii krai: istoriia, traditsii, kul'tura* [Orenburg region: history, tradition, culture]. Orenburg, 2009, 370.

23. Khisamutdinova R. R., Aliatina A. G. *Deiatel'nost' uchrezhdenii kul'tury na Iuzhnom Urale posle okonchanii Velikoi Otechestvennoi voiny* [The activities of cultural institutions in the South Urals after the great Patriotic war]. Orenburg: OGPU, 2011, 300.

24. *Gosudarstvennyi arkhiv Kurganskoi oblasti (GAKO)* [State archive of the Kurgan region] Found R-1775, List 1, File 211.

25. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstva (RGALI)* [Russian state archive of literature and art]. Found 2075, List 15, File 1051.

26. Dobkin A. «Vas vyzyvaet Taimyr» [«You is Taimyr»]. *Chkalovskaia kommuna = Chkalovskoe municipalit,* no. 114 (1948).

27. *Kul'tura Rossii. Aktual'nye zadachi dukhovnogo vozrozhdeniia Rossii* [The Culture Of Russia. Actual problems of spiritual revival of Russia]. Ed. Neretin O. P. Moscow, 2012, 283.

28. Saigin I. N. *Istoriia kul'tury Orenburzh'ia (XVIII–XXI vv.)* [History of culture of the Orenburg region (XVIII–XXI centuries)]. Orenburg: Izd-vo OGPU, 2011, 480.

29. Ustinova O. A. Sovety deputatov trudiashchikhsia i funktsionirovanie uchrezhdenii kul'tury v usloviiakh poslevoennogo vremeni (na materialakh Chkalovskoi oblasti) [The Soviets and the functioning of cultural institutions in the conditions of the postwar period (on the materials of Chkalovsky area]. *Vos'mye Bol'shakovskie chteniia. Orenburgskii krai kak istoriko-kul'turnyi fenomen: sb. st. mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Eighth Balakovskie reading. Orenburg region as a historical and cultural phenomenon: Proc. Sc.-Prac. Intern. Conf.]. Orenburg: OGPU, 2016, 168–171.

30. Aliatina A. G. Kul'tura Chkalovskoi oblasti v poslevoennyi period kak provodnik tolerantnosti. [Culture Chkalov region in the post-war period as conductor of tolerance]. *Dialog kul'tur: evraziiskii opyt i regional'naia spetsifika: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. seminara* [Dialogue of cultures: experience of Eurasian and regional specifics: Proc. of Intern. Sc.-Prac. Seminar]. Orenburg: IPK GOU OGU, 2009, 480.

УДК 94:336.273.3"1796/1801"

ПОЛИТИКА ПАВЛА I В ОБЛАСТИ ВНЕШНИХ ЗАЙМОВ

Олег В. Баев[1,@]

[1] *Кемеровский государственный университет, Россия, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6*
[@] *baev-ov@rambler.ru*

Поступила в редакцию 06.07.2016.
Принята к печати 22.09.2016.

Ключевые слова: Россия, внешний долг, Павел I, Польша, Англия.

Аннотация: Статья посвящена анализу развития внешнего государственного долга Российской империи в период правления Павла I. В это время протекали динамичные процессы как во внешней политики России в целом, так и в развитии её внешнего долга. В частности, была решена проблема принятия на счёт империи части внешнего долга Польши и польских магнатов, заложивших свои имения в иностранных банках. При этом был увеличен и срок погашения собственного внешнего долга России. В обслуживании долговых обязательств России в Италии проблемы были связаны с её занятием французскими войсками и попытками конфискации облигаций у их владельцев. В самом конце XVIII в. для финансирования военных расходов, связанных с участием в наполеоновских войнах, Россия стала получать субсидии от Англии. Разное толкование российской и британской сторонами положений о предоставлении субсидий привело к фактической приостановке обслуживания российского внешнего долга.

Для цитирования: Баев О. В. Политика Павла I в области внешних займов // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 3. С. 13–20. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-3-13-20.

Правление Павла I вошло в историю Российской империи как период многочисленных преобразований во всех сферах общественной жизни. К настоящему времени достаточно подробно исследованы и внутренние преобразования, и внешнеполитические повороты царствования Павла I. Вместе с тем финансовые преобразования данной эпохи остаются практически неизученными, хотя активная внешняя политика и её повороты предполагают соответствующую трансформацию государственного кредита, развитие которого началось в конце 60-х гг. XVIII в.

Екатерина II провела серию заграничных государственных займов, и к началу правления Павла I внешний долг России составлял 61815000 гульденов, а с причислением к этой сумме процентов и комиссии за пересрочку займов следовало к уплате 82571960 гульденов или 55047973 руб. [1, с. 1028]. На платёж иностранных долгов в 1796 г. было назначено «до 3000000 руб.» [2, с. 75].

Приход Павла I к власти привёл к серьёзным новациям в области государственного долга Российской империи. 4 декабря 1796 г. должность государственного казначея обособляется от должности генерал-прокурора и управление финансовой частью становится самостоятельным. Государственным казначеем был назначен Алексей Иванович Васильев. Под его управлением были соединены все отдельные части финансового управления, в том числе и экспедиция, учреждённая для разбора внутренних долгов [3, с. 217]. На следующий день Счётная экспедиция уже официально была переименована в Экспедицию для разбора долгов [3, с. 219], а 10 декабря 1796 г. сам Комитет для погашения государственных долгов упразднён [3, с. 226]. В 1797 г. уполномоченными по внешним займам вместо вице-канцлера графа Остермана и генерал-прокурора графа Самойлова были назначены канцлер князь Безбородко и государственный казначей барон Васильев [4, л. 8 об.].

В Экспедиции был разработан второй (после 1793 г.) проект погашения государственного долга и уже 7 января 1797 г. императору была представлена «подробная записка о всех государственных долгах, как о внутренних, так и о внешних. На погашение этих последних определено было ежегодно 6 млн руб.» [1, с. 1028]. Эта сумма вошла и в бюджет 1797 г. [2, с. 76].

Комитет уполномоченных, которому поручено было составление плана погашения внешнего долга, полагал в течение 1797–1798 гг. по «голландскому» долгу производить лишь платежи процентов, а по «генуэзскому» – произвести погашение некоторой части; а между тем в течение этого времени, переводя за границу назначенные на погашение внешних долгов 6 млн руб. и подготовив там таким образом значительный фонд, приступить с 1799 г. к выкупу облигаций и закончить эту операцию к 1809 г. «Для обеспечения же выкупа пересрочить 1, 2, 3 и 10 займы (всего на 12 млн гульденов) сроком на 10 лет, но с тем, чтобы их также выкупить к 1809 году» [1, с. 1028].

Этот план погашения внешних государственных долгов был принят, и указом от 28 февраля 1797 г. повелено было привести его в исполнение [1, с. 1028].

Однако увеличившееся при Павле I расстройство финансов заставило вместо этого перейти к пересрочке старых долгов [5, с. 30]. Скудость государственных доходов делала невозможным назначение 6 млн руб. ежегодно на погашение, а упавший вексельный курс делал переводы денег за границу крайне дорогостоящими. Указ от 28 февраля был отменен и «начали думать о других мерах, давших внешнему государственному долгу совершенно иное направление» [6, с. 157]. В частности, из 9 млн руб., назначенных на платёж ино-

странных и внутренних долгов, 4 июля 1797 г. было решено «удержать» 5 млн руб. [2, с. 76].

Разделы Речи Посполитой повлекли за собой возникновение проблем, связанных с оплатой внешних и внутренних долгов Польской республики и Станислава Понятовского (только королевские долги к 1797 г. достигли 40 млн злотых) [7, с. 130, 131]. А. А. Безбородко в письме С. Р. Воронцову от 11 октября 1795 г. упоминал 2 проекта уплаты долгов республики: Россия платила 50 % долгов, Пруссия – 40 % и Австрия – 10 %, либо Россия и Пруссия оплачивали по 30 % долгов, а остальные 40 % делились между 3 державами в соответствии с доходами с присоединённых территорий [8, с. 312].

И в 1796 г. партнёр России по размещению займов в Нидерландах банкирский дом «Hope & Co» через своего поверенного Роберта Воута вторично предложили «все их законные и неотрицаемые требования на короле польском, на преждебывшей Польской республике и на разных польских частных особах, обеспечивших занятые ими у голландцев суммы залогом недвижимых имений и доходов, с оных собираемых, перенести на казну» [9, с. 33]. На этот раз Р. Воут имел полномочия еще от 6 голландских банкирских домов в отношении займов на общую сумму более 10 млн гульденов бывшему королю Станиславу, Речи Посполитой и ряду польских магнатов, выплата процентов и погашения по которым были практически прекращены после финансового кризиса 1793 г. Известны следующие голландские займы Станислава Августа и польской казны: у банковского дома Вильгельма ван Хорна (1782 г.), у банкиров Хорна, Гюльхера и Мюльдера (1791 г.), 2 займа у «Hope & Co» (1776 г., гарантированный Екатериной II, и 1786 г.), у банкирских домов Хогер Гранд и «R. & Th. de Smeth» (10 млн злотых на 12 лет под 7 % годовых в 1790 г. и 15 млн в 1792 г.) и у банкира Петера де Хаэна (15 млн под 5 % годовых в 1792 г. с выплатой с 1795 г. в течение 12 лет) [7, с. 132].

Кроме того, банкиры не имели возможности реализовать свои права кредиторов по отношению к заложенным у них имениям польских аристократов вследствие их конфискации. Всего претензии на счёт польских магнатов заключались в 11 займах, из которых наиболее крупными были следующие: князя Станислава Любомирского (189929 гульденов), князя Адама Чарторыйского (516600 гульденов), Станислава Яблоновского (208197 гульденов), Винцента Потоцкого (1032937 гульденов) [7, с. 132, 133].

15 (27) января 1797 г. представители российского, прусского и австрийского дворов подписали конвенцию об урегулировании финансовых вопросов, связанных с разделами. Стороны договорились о принятии обязательств по польским долгам в соответствии с размером полученных по разделу территорий [7, с. 131]. Россия и Пруссия взяли на себя по 43⅓ % долгов республики, сделанных в Голландии по публичным займам, и по 40 % долгов короля, Австрия – 13⅓ % и 20 % соответственно. Погашение долгов польских аристократов в конвенции не оговаривалось [3, с. 281, 282]. Конвенция также предусматривала создание специальной Комиссии для «освидетельствования счетов и поверения долгов короля и республики польской» под председательством государственного казначея барона Васильева [10, с. 25; 7, с. 131].

Переговоры начались 28 апреля 1797 г. [7, с. 133]. На этот раз Р. Воуту с помощью императрицы Марии Фёдоровны удалось достичь намеченной цели, и польские долги были приняты на свой счёт российской казной [11, с. 4]. 30 июня 1797 г. представители русского и голландского правительств подписали акт о признании долгов польского короля, бывшей Польской республики, князей Александра и Иосифа Любомирского и Михаила Огинского на 12458455,25 нидерландских гульденов, а 29 октября – еще на 3449130,70 гульденов. Долги по частным сделкам польских магнатов и русских купцов составили 15892414,05 гульденов. К тому же 53500000 гульденов составляли «прежние, учинённые в Голландии долги», а 3000000 – долг антверпенскому банкиру де Вольфу. Общая сумма внешних долгов составляла 88300000 гульденов [12, с. 24].

Вступив в переговоры с государственным казначеем бароном А. И. Васильевым, Воут предложил объединить голландский заем России с польскими долгами и пролонгировать его, так как в противном случае Россия должна была немедленно приступить к исполнению обязательств. Васильев и канцлер Безбородко были против предложенной конверсии, но 29 октября состоялось подписание соответствующего договора [7, с. 133].

В результате А. И. Васильев был уполномочен «все оные долги принять именем Нашим на казну Нашу на равном основании, как и прежние в Голландии долги существуют». После этого 15 января 1798 г. был издан императорский указ «О выдаче общей облигации на 88300000 гульденов в пользу амстердамских банкиров «Hope & Co»», в соответствии с которым «рассудили мы за благо все прежние в Голландии займы пересрочить и присовокупить к оным и суммы, перенесенные на счет казны Нашей по частным сделкам с особами, кои по окончательному Польши разделу или по прежним требованиям предпочли получить себе удовлетворение облигациями, по Нашим в Голландии обязательствам даваемыми». Вместо всех прежних обязательств голландским капиталистам «от имени Нашего и Наших преемников престола» выдавалась одна облигация в 88300000 гульденов, которая включала в себя следующие частные суммы: долги короля Польского, бывшей Польской республики и других польских особ, признанные и утвержденные особенными актами от 30 июня 1797 г. на 12458455 гульденов 5 шт. и 29 октября 1797 г. на 3449130 гульденов 14 шт., прежние долги в Голландии, учиненные Екатериной II и ныне возобновляемые или пересрочиваемые на 53500000 гульденов, долги по разным частным сделкам с разными частными людьми 15 892 414 г. 1 шт., а также долг, учиненный в 1788 г. в Антверпене у тамошнего банкира де Вольфа в 3000000 гульденов (Ст. 1). На всю вышеозначенную сумму 88300000 гульденов были установлены ежегодные проценты «по 5 на 100, считая с 1 января нынешнего 1798 г., с тем, что сии проценты впредь до совершенной выплаты всего капитала ежегодно будут платимы в Голландии посредством банкиров Гопе или кого они вместо себя назначат» (Ст. 3). Капитал 88300000 гульденов должен был быть уплачен в течение 12 лет, считая с 1 января 1798 г. по 31 декабря

1809 г., но выплаты не должны были производиться определенными суммами ежегодно, а в 1809 г. заем можно было продлить: «Мы предоставляем себе право уплачивать ежегодно столько, сколько по остатку наших доходов по добыче рудников Наших и по приобретению от торговли будет возможно… и если бы к 31 числу декабря 1809 г. остающаяся за таковыми уплатами сумма по состоянию торговли подданных наших с иностранцами была слишком велика для перевода в Голландию в течение 1809 г., в таком случае из остающейся к 1809 г. суммы выплачиваема будет ежегодно по крайней мере 20-я часть и более, но не менее, и предъявители частных облигаций на сумму, без платежа оставшуюся, снабдены будут новыми купонами, и платеж 20-й части, но не менее, как выше сказано, капитала производим будет на том же самом основании» (Ст. 6). «Дабы уплата капитала, в течение 12 лет или более чинимая, проводима была сколько возможно беспристрастнейшим образом, то банкиры «Hope & Co» чинить оную будут посредством лотереи... о вышедших номерах облигаций повещаемо будет в публичных голландских ведомостях, что они имеют быть в назначенный срок выплачены» (Ст. 7). Банкиры «Hope & Co» могли от себя дать частные облигации в 1000 гульденов за своей собственной подписью или подписью своих поверенных (Ст. 9). «Повелеваем платеж ежегодных процентов и уплату по временам капитала производить так, чтобы никакое политическое происшествие, какого бы свойства оно ни было, не возмогло воспрепятствовать исполнению оного, не исключая даже войны с Голландией или землею, известную под сим всеобщим наименованием, или с какою-либо другою державою или государством. Сверх того для вящего удостоверения в сей нашей императорской воле в верности платежа процентов и капитала полагаем в залог все казенные доходы нашей империи и особенно получаемые по питейным сборам и пошлины, собираемые за привоз и вывоз товаров в таможнях всей Лифляндии и Финляндии и г. С.-Петербурга» (Ст. 10) [9, с. 33–39].

Таким образом, весь долг был обращен под 5 % годовых (хотя 26,5 млн старых долгов были под 4–4½ %). Появление же пункта о специальном обеспечении займа пошлинами с товаров в Лифляндии, Финляндии и Петербурге объясняется недоверием к крайне неустойчивой политике Павла I [5, с. 31, 32]. В данном аспекте Павлу I также не удалось добиться улучшения условия внешних займов. «Как и при Екатерине II, так и при Павле I русские долги обеспечивались специальными таможенными сборами балтийских портов и доходами винного откупа, чему нельзя удивляться при полной неизвестности и хаотичном состоянии нашего тогдашнего бюджета» [13, с. 1113].

«Готовность правительства отвечать на претензии к польской казне объяснялась тем, что, по словам Роберта Воута,.. Россия, взяв на себя бремя польского долга, преследовала политические цели. С одной стороны, правительство стремилось доказать твёрдость в выполнении своих обязательств перед европейскими банкирами, а с другой – заручиться поддержкой польского дворянства и продемонстрировать патерналистское отношение к польским землям» [14, с. 43]. По мнению М. Бюиста, эти действия российского правительства были продиктованы финансовыми и политическими интересами: желанием России продемонстрировать готовность России защищать права кредиторов, отсрочить выплаты по долгам и заручиться поддержкой польского дворянства [7, с. 135]. «Взяв на себя долг, империя тем самым позиционировала себя как полноправного собственника земель…» [14, с. 43, 44].

Итак, Россия приняла на себя уплату существенной части долгов Речи Посполитой, бывшего короля и польских аристократов, что не было оговорено в конвенции 1797 г. Правда, практически вся сумма переведённых на русскую казну частных польских долгов была компенсирована посредством продажи имений магнатов (из 3449130 гульденов к 1818 г. поступило от должников в казну и было зачтено за купленные имения 3144280 гульденов). Всего российская доля в долге Речи Посполитой достигла 12925779 злотых 14 грошей из 25245949 злотых 7 грошей, то есть 51,2 % [7, с. 134, 135].

В это же время для проведения международных финансовых операций 18 января 1798 г. была учреждена особая Контора для внешних казенных переводов, платежей и комиссий. В качестве придворных банкиров были определены «негоцианты Вут, Велго и Раль» [9, с. 39]. Следующим указом от 4 марта 1798 г. правительству предписывалось делать все переводы денег за границу через данную контору, которая получала за свои услуги по ⅝ % со всех переводов за границу и по 24000 руб. в год на конторские издержки и жалование служащим. Каждый из банкиров, состоящих в конторе, в течение 12 месяцев должен был отказаться от участия в делах частных торговых домов, что лишало банкиров значительных личных доходов и фактически превращала в чиновников. Подчинялась контора непосредственно государственному казначею, который назначал для конторы специального контролёра [9, с. 114–119], которому был поручен и скуп в Голландии обращавшихся там русских облигаций [5, с. 135]. Контролёром конторы был назначен надворный советник Вульф [15, л. 17, 18].

Однако уже 10 марта 1799 г. князь А. Безбородко, граф П. Завадский, барон А. Васильев и князь П. Лопухин обратились к императору с просьбой сохранить за придворными банкирами их коммерческие дома, «кои желают они продолжать для малолетних детей своих», так как установленная система контроля исключала возможность смешения казённых дел с собственными, и император 12 марта 1799 г. уступил этим просьбам [16, л. 89, 89 об.].

Пётр Воут (Voute) был племянником уже известного нам Роберта Воута, приезжавшего в Россию для выполнения поручений «Hope & Co». Он не оставил заметного следа в деятельности конторы и был уволен из неё по собственному желанию уже 27 сентября 1798 г. [15, л. 247]. Новым компаньоном Велио и Ралля 20 октября 1798 г. стал Николай Семёнович Роговиков [15, л. 246].

Жозе Педро Целистино (Иосиф Петрович) Велио (Velho) был по происхождению португальцем, одновременно с учреждением конторы по поручению Павла I получил заем в 150 тыс. руб., чтобы «скорее выйти из коммерческих его собственных дел» [15, л. 8, 8 об.] и прослужил в конторе придворных банкиров до своей смерти в 1802 г. [17, л. 98].

Николай Семёнович Роговиков принадлежал к хорошо известной купеческой семье и был связан с конторой придворных банкиров почти до самой смерти в 1809 г. [18, с. 276]. Александр Франц Ралль оставался в должности придворного банкира вплоть до 1817 г. [19, с. 130]. 14 июля 1800 г. все трое были возведены Павлом I в баронское достоинство [18, с. 276].

Постоянными корреспондентами конторы оставались кредиторы русского правительства: де Сметы в Амстердаме и Эме Реньи в Генуе (см. например [20]); контора имела постоянные связи с банкирскими домами Гамбурга, Лондона, Лейпцига, Берлина, Вены, Дрездена, Генуи и других городов и использовала своих европейских корреспондентов для своевременной доставки денег в места дислокации подразделений русской армии и флота во время военных действий в Европе, а также дипломатическим представителям русского правительства за границей [21, с. 13].

Контора придворных банкиров осуществляла и переводы средств для обслуживания внешнего долга. 20 июля 1798 г. де Сметы сообщили о получении для платежа процентов на срок 1 июня 282500 гульденов, а 1 июля – 142500 гульденов [22, л. 34 об.]. При этом 1 ноября 1798 г. в Амстердаме следовало заплатить 300000 гульденов, 1 декабря в Генуе – 184000 пиастров (около 374297 гульденов) и 31 декабря в Амстердаме – 2963342 гульдена 17 стиверов [15, л. 129].

1 марта 1799 г. по «антверпенскому» займу следовало заплатить 266043 гульденов 15 стиверов, по «генуэзскому» – 322500 пиастров (или около 645000 гульденов), 1 июня – 30361½ пиастр, 1 сентября – 15000 пиастров, 1 декабря – 180361½ пиастра и 31 декабря – 3828332 гульденов 16 стиверов по «амстердамскому займу», а в итоге – 5190822 гульдена 11 стиверов [16, л. 73]. Всего в течении 1799 г. де Сметам было переведено 4108091 гульден 11 стиверов 8 феннингов или 3288673 руб. 57 коп. [23, л. 12]. Часть этой суммы вернулась обратно в казну, так как на 1 января 1800 г. в казне находилось как минимум 53 облигации займа де Смет [20, л. 5; 24, с. 154]. Де Вольф выплатил по «антверпенскому» займу 138543 гульдена (144449 голл. гульденов) и хотел получить 259 гульденов «за издержки, куртаж, гербовую бумагу и почтовых», но ему было отказано по причине получения единовременной комиссии [25, л. 125 об.].

К тому же финансовая ситуация в России оставалась очень сложной, о чём свидетельствует увеличение с 1 января 1800 г. процента, уплачиваемого по вкладам в Заёмный банк, с 4,5 до 5 %, и сокращение минимального срока выплат процентов с 12 до 3-х месяцев [9, с. 789, 790]. В 1798 и 1799 годах на платёж процентов и капиталов по внешним долгам было назначено по 4500000 руб., в 1800 г. – 4000000 руб. [2, с. 80, 82, 85], но уменьшения суммы долга не происходило. «Такая система погашения нисколько не подвигала дела вперед: предоставив всецело погашение долга стечению благоприятных обстоятельств, а не подчинить его какой-нибудь определенной системе – значило оставить все по-прежнему» [6, с. 161].

В связи с этим 25 февраля 1800 г. Комитет довел до сведения императора Павла, что с 1798 г. прошло уже 2 года, но уплаты внешнего долга не последовало по причине недостатка государственных доходов. Поэтому члены Комитета предложили новый план погашения путём сокращения расходов разных ведомств, чтобы на полученные остатки скупать облигации голландского займа. Благодаря такой системе к тому времени было выкуплено облигаций на 1277000 гульденов с выгодою против их номинальной ценности от 15 до 30 %, даже несмотря на невыгодность курса [1, с. 1028]. Подобная выгода образовалась благодаря падению цен на все государственные фонды по случаю политических событий [5, с. 32]. На 1 января 1801 г. как минимум 1300 облигаций «голландских» займов находились в казне, поэтому проценты по ним поступали обратно [26, л. 96, 101, 101 об., 118–119, 153, 283].

Долг по «генуэзским» займам на 1 марта 1798 г. составлял 2564472 пиастра (764472 пиастра по первому займу, 12000000 – по второму и 600000 – по третьему) [27, с. 225]. Комитет считал, что этот долг можно незаметно погасить в течение 6 лет. В письме от 16 апреля 1798 г. поверенный в делах в Генуе А. Г. Лизакевич донес Комитету, что капиталисты, поместившие свои деньги в «генуэзский» заем, обратились к нему с просьбой произвести уплату процентов «лишь по отбытии французских войск из Генуи» [1, с. 1028]. При всем этом Васильев поручил придворным банкирам перевести к 1 марта 1799 г. банкирам Реньи 1612500 гульденов [23, л. 147].

16 сентября 1799 г. Лизакевич известил Комитет, что банкиры Реньи ликвидировали все свои банковые и торговые дела, поручив ведение их своему товарищу Траверсу, чтобы не иметь никаких связей с французским правительством [1, с. 1028]. В связи с этим 30 октября 1799 г. Васильев предписал Конторе придворных банкиров остановить все платежи в адрес Реньи [20, л. 136].

18 июня 1800 г. Васильев предписал Конторе придворных банкиров подготовить для перечисления «при первом востребовании» Реньи 2836667 ливров 6 сольдов 2 динара, к 1 сентября 1800 г. – еще 37500 ливров и к 1 декабря 1800 г. – 883059 ливров 2 сольда 1 денар [23, л. 154]. 25 июня 1800 г. доверенным лицом по русским займам в Генуе был назначен коллежский асессор С. А. Санковский, который должен был санкционировать все сделки по этому займу [24, л. 7; 26, л. 18]. Однако уже 4 (15) августа 1800 г. т. с. Лизакевич писал из Флоренции, что «по нынешнему критическому положению торговых дел» платёж по «генуэзскому» долгу затруднён [28, л. 109].

Вместе с тем в начале сентября Лизакевич поручил «генуэзские платежи» ливорнскому банкиру Ламбручини [28, л. 119], но уже 8 сентября 1800 г. государственному казначею было повелено отложить эти платежи и уплату капитала «до будущего примирения в Италии», а отложенные деньги, составлявшие 1127171 руб., обратить на платежи процентов по «голландскому» займу [26, л. 81, 81 об.]. Фактически же переводы денег на «генуэзские платежи» были остановлены только 14 октября [28, л. 131], а Ламбручини вернул полученные деньги в сумме 8216 пиастров 9 солидов 6 денаров только в начале 1801 г. [29, л. 1 об.]. Сумма несостоявшихся платежей вносилась в Заёмный банк, чтобы иметь их в готовности для выплат [1, с. 1028].

Политическая ситуация оказывала сильнейшее влияние на состояние внешнего долга России. Еще 14 октября 1798 г. был издан указ о конфискации вкладов французских граждан в Заёмном банке в ответ на действия французского правительства, которое «чинит притеснения подданным нашим, отнимая наглым образом их собственность везде, где только случай к тому имеет» [9, с. 418]. При этом на содержание Людовика XVIII и войск под командованием принца Конде с 1798 по 1814 гг. Государственное казначейство израсходовало 19284497 франков [24, л. 192].

В целом же «наполеоновские войны сделали совершенно невозможным пользование ресурсом внешних займов. Для большей части европейских правительств их заменили субсидии от Англии» [30, с. 193]. 18 (29) декабря 1798 г. в Петербурге был подписан русско-английский союзный договор, в соответствии с которым английское правительство предоставляло России на расходы для российских войск в числе до 45 тыс. человек субсидии в размере 225 тыс. ф. ст. на первое вступление в поход (5 ф. ст. на воина), 75 тыс. ф. ст. ежемесячно на жалованье и содержание солдат и 37500 ф. ст. в месяц на прочие расходы [31, с. 205, 709]. «Эти деньги предназначались для финансирования совместной англо-русской экспедиции в Голландию и русско-австрийских операций в Северной Италии» [32, с. 251].

Трактатами от 11 (22) июня и 24 августа (4 сентября) 1799 г. на аналогичных условиях были определены субсидии на корпуса в количестве соответственно 17593 и 9366 человек [31, с. 205], и в 1799 г. Россия получила 1388320 ф. ст. (12815261 руб.), а в 1800 г. – 1084805 ф. ст. (10013583 руб.) [1, с. 1029].

Таким образом, поверхностным выглядит утверждение И. П. Хоришко о том, что «правительство Павла I при содействии конторы «Воута, Велио, Ралля и Ко» заключало внешние займы, в первую очередь, для оплаты расходов на содержание армии. Центрами таких финансовых операций были Гамбург и Лондон» [33, с. 10]. В данном случае Англия предоставляла средства на безвозмездной основе, а небольшие займы в Гамбурге произошли уже в начале XIX в.

Поначалу англо-русский военно-финансовый союз имел успех. 27 августа 1799 г. соединённые силы Британии и России высадились в Северной Голландии и в Гельдере были возобновлены платежи по русским долгам [34, л. 32 об.], но уже 18 октября было подписано соглашение в Алкмаарe, а к 20 ноября 1799 г. была завершена эвакуация из Голландии русских и английских войск [35, с. 221, 222].

Видимо, в связи с этим на рубеже 1799–1800 гг. произошла небольшая накладка в обслуживании внешнего долга. 31 декабря 1799 г. следовало заплатить де Сметам процентные платежи в сумме 3828750 гульденов, в наличии же имелось только 3430745 гульденов. Ситуация была урегулирована в начале 1800 г. [28, л. 1, 25].

Вместе с тем английское правительство поставило непременным условием, чтобы действовавший против французов корпус генерала Римского-Корсакова состоял из 45000 человек. Но так как последнее условие не соблюдалось, и в этом корпусе никогда не было более 35000 человек, то «английское правительство полагало учинить расчет с удержанием той суммы, которая причитается к вычету...». Ввиду возникших по этому поводу недоразумений император Павел, «не приступая к расчету, определил все оные деньги (т. е. недоплаченные субсидии в количестве 463 тыс. ф. ст.) на заплату здешних долгов в Голландии и рескриптом от 1 июня 1800 г. повелел бывшему в Лондоне министром Лизакевичу объявить о том английскому правительству, не входя ни в какое более объяснение». За последовавшим затем отъездом русского посольства из Лондона 20 января 1801 г. «Норе & Со» было поручено «самим произвести требование на заплату помянутых сумм, почему и перевод процентов на сию сумму с нынешнего года пресечь» [36, стб. 614, 615].

Таким образом, держателям русских займов было предложено обращаться за уплатой процентов к английскому правительству, что вызвало падение курсов и русского долга, и российского рубля [37, с. 66]. Вслед за этим 22 ноября 1800 г. Павел I издал указ Коммерц-коллегии, которым предписывалось «состоящие на российских купцах долги англичанам впредь до расчёта оставить, а имеющиеся в лавках и магазинах английские товары в продаже запретить» [33, с. 10, 11]. В этот же день А. И. Васильев был уволен со всех своих должностей и государственным казначеем был назначен Г. Р. Державин [10, с. 25].

Всего сумма внешнего долга на 1800 г. оценивалась в 88300000 гульденов, а внутренних – в 19678038 руб. 48 коп. [38, л. 4]. В 1801 г. общая сумма государственных долгов показана в отчетах министра финансов в количестве 132999079 руб. 39¾ коп., в том числе долгов внешних – 55581352 руб. [36, стб. 625, 626]. 7 декабря 1800 г. роспись доходов и расходов на 1801 г. впервые удостоилась Высочайшего утверждения [39]. В соответствии с данным документом на платёж процентов по голландским займам было назначено уже 2800000 руб. [2, с. 87, 88].

В целом же нужно отметить, что именно при Павле I была проведена первая консолидация внешнего долга Российской империи путём присоединения к нему долгов частных лиц и «бывшей короны польской». С этой целью пришлось увеличить обязательства голландским банкирам до 88,3 млн гульденов под 5 % годовых и вместе с генуэзским долгом платеж процентов достиг 4695435 гульденов (4,01 % от суммы государственных доходов) [13, с. 1113].

Таким образом, политика Павла I в отношении внешних государственных заимствований носила противоречивый характер. С одной стороны, в начале своего правления новый император попытался упорядочить внешний долг и в ближайшей перспективе погасить его. Однако активная внешняя политика, изобиловавшая крутыми поворотами, не позволила ни избавиться от внешних займов, ни даже аккуратно их обслуживать. Эта проблема досталась в наследство уже преемнику Павла I.

Литература

1. Шторх П. О государственном долге // Гражданин. 1873. № 38. С. 1025–1029.
2. Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 45. Финансовые документы царствования императора Александра I / собраны и изданы А. Н. Куломзиным. СПб.: Типография Безобразова и комп., 1885. 623 с.
3. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. Т. 24. СПб.: Типография 2 отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1830. 869 с.
4. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 583. Оп. 5. Д. 345. 1798–1829 гг.
5. Мигулин П. П. Русский государственный кредит. Опыт историко-критического обзора. Т. 1. Харьков: Печатное дело, 1899. 606 с.
6. Бржеский Н. Государственные долги России. Историко-статистическое исследование. СПб.: Типолитография А. М. Вольфа, 1884. 283 с.
7. Правилова Е. А. «Польский долг» Российской империи. К истории российской финансовой политики в Польше конца XVIII – начала XX в. // Страницы российской истории: проблемы, события, люди: сб. статей в честь Б. В. Ананьича. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 130–140.
8. Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 29. Григорович Н. И. Канцлер князь Александр Андреевич Безбородко в связи с событиями его времени. СПб.: Типография В. С. Балашева, 1881. 736 с.
9. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. Т. 25. СПб.: Типография 2 отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1830. 933 с.
10. Министерство финансов. 1802–1902. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1902. Ч. 1. 640 с.
11. Бюист М. Г. Появление России на голландском рынке капитала в 1770–1780 гг. Тезисы доклада на V Международном конгрессе по экономической истории. Л., 1970. 4 с.
12. Гейлер И. К. Сборник сведений о процентных бумагах (фондах, акциях и облигациях) России. Руководство для помещения капитала. СПб.: Типография В. Безобразова и комп., 1871. 496 с.
13. Мигулин П. П. Русский государственный кредит. Опыт историко-критического обзора. Харьков: Печатное дело, 1907. Т. 3. 1217 с.
14. Правилова Е. А. Финансы империи: деньги и власть в политике России на национальных окраинах. 1801–1917. М.: Новое издательство, 2006. 456 с.
15. РГИА. Ф. 602. Оп. 1. Д. 320. 1798 г.
16. РГИА. Ф. 602. Оп. 1. Д. 327. 1799 г.
17. РГИА. Ф. 602. Оп. 1. Д. 328. 1802 г.
18. Русский биографический словарь. Рейтерн-Рольцберг. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1913. 436 с.
19. Ананьич Б. В., Лебедев С. К. Контора придворных банкиров в России и европейские денежные рынки (1798–1811 гг.) // Проблемы социально-экономической истории России. СПб.: Наука, 1991. С. 125–147.
20. РГИА. Ф. 602. Оп. 1. Д. 323. 1800 г.
21. Ананьич Б. В. Банкирские дома в России 1860–1914 гг. Очерки истории частного предпринимательства. Л.: Наука, 1991. 198 с.
22. РГИА. Ф. 602. Оп. 1. Д. 350. 1798 г.
23. РГИА. Ф. 602. Оп. 1. Д. 322. 1800 г.
24. РГИА. Ф. 583. Оп. 4. Д. 215. 1799–1805 гг.
25. РГИА. Ф. 602. Оп. 1. Д. 351. 1799 г.
26. РГИА. Ф. 602. Оп. 1. Д. 324. 1800 г.
27. Внешняя политика России XIX и начала XX вв. Документы российского Министерства иностранных дел. М.: Госполитиздат, 1963. Т. 3. 840 с.
28. РГИА. Ф. 602. Оп. 1. Д. 352. 1800 г.
29. РГИА. Ф. 602. Оп. 1. Д. 353. 1801–1802 гг.
30. Кауфман И. И. Государственные долги России // Вестник Европы. 1885. Кн. 1. С. 184–218.
31. Внешняя политика России XIX и начала XX вв. Документы российского Министерства иностранных дел. М.: Госполитиздат, 1970. Т. 7. 872 с.
32. Ананьич Б., Правилова Е. Имперский фактор в экономическом развитии России, 1700–1914 // Российская империя в сравнительной перспективе. М.: Новое издательство, 2004. С. 230–260.
33. Хоришко И. П. Внешние заимствования России (от Екатерины Великой до наших дней). М.: Компания Спутник+, 2006. 103 с.
34. РГИА. Ф. 563. Оп. 2. Д. 1. 1812 г.
35. Бауман Г. Г. Великая французская революция и Нидерланды // Французская революция XVIII века: экономика, политика, идеология. М.: Наука, 1988. С. 208–231.
36. Архив Государственного совета. СПб.: Типография 2 отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1878. Т. 3. Ч. 1. 884 стб.
37. Коломиец А. Г. На переломе (государственные финансы России во 2 половине 18 в.) // Финансы. 1997. № 12. С. 59-66.
38. РГИА. Ф. 560. Оп. 10. Д. 71. 1814 г.
39. Баранский Е. А. История государственного хозяйства России. СПб.: Типография 1-й СПб. артели, 1913. 6 с.

FOREIGN LOAN POLICY OF PAUL I

Oleg V. Baev[1, @]

[1] *Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000*
[@] *baev-ov@rambler.ru*

Received 06.07.2016.
Accepted 22.09.2016.

Keywords: Russia, external debt, Paul I, Poland, England.

Abstract: This article analyzes the development of the external state debt of the Russian Empire during the reign of Paul I. That period was marked by dynamic processes in Russia's foreign policy in general and in the development of its foreign debt in particular. For instance, they solved the problem of taking on by the empire of the foreign debt of Poland and of those Polish magnates who had put their estates in pledge in foreign banks. Also, the due date of Russia's own foreign debt was prolonged. As for the debt obligations between Russia and Italy, the problem was that the latter was occupied by French troops who constantly attempted to confiscate bonds from their owners. At the very end of the XVIII century, Russia began to receive subsidies from England to finance its military expenses for the Napoleonic wars. Different interpretations of the terms by the Russian and the British sides led to a de facto suspension of the Russian foreign debt service.

For citation: Baev O. V. Politika Pavla I v oblasti vneshnikh zaimov [Foreign Loan Policy of Paul I]. *Bulletin of Kemerovo State University,* no. 3 (2017): 13–20. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-3-13-20.

References

1. Shtorkh P. O gosudarstvennom dolge [About the Public Debt]. *Grazhdanin = Citizen,* no. 38 (1873): 1025–1029.
2. *Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva. T. 45. Finansovye dokumenty tsarstvovaniia imperatora Aleksandra I* [Collection of the Imperial Russian Historical Society. Vol. 45. Financial documents of the reign of Emperor Alexander I]. Collected and published Kulomzin A. N. Saint-Petersburg: Tipografiia Bezobrazova i komp., 1885, 623.
3. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii: sobranie 1-e* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire: 1st collection]. Saint-Petersburg: Tipografiia 2 otdeleniia Sobstvennoi E. I. V. kantseliarii, vol. 24 (1830): 869.
4. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (RGIA)* [The Russian State Historical Archives]. Found 583, List 5, File 345, 1798–1829.
5. Migulin P. P. *Russkii gosudarstvennyi kredit. Opyt istoriko-kriticheskogo obzora* [Russian state credit. Experience the historical-critical review]. Khar'kov: Pechatnoe delo, vol. 1 (1899): 606.
6. Brzheskii N. *Gosudarstvennye dolgi Rossii. Istoriko-statisticheskoe issledovanie* [State Russian debts. Historical and statistical research]. Saint-Petersburg: Tipolitografiia A. M. Vol'fa, 1884, 283.
7. Pravilova E. A. «Pol'skii dolg» Rossiiskoi imperii. K istorii rossiiskoi finansovoi politiki v Pol'she kontsa XVIII – nachala XX v. ["Polish debt" of the Russian Empire. On the history of the Russian financial policy in Poland late XVIII – early XX century]. *Stranitsy rossiiskoi istorii: Problemy, sobytiia, liudi: Sb. statei v chest' B. V. Anan'icha* [Pages of Russian History: Problems, events, people: Coll. articles in honor of B. V. Anan'ich]. Saint-Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2003, 130–140.
8. *Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva. T. 29. Kantsler kniaz' Aleksandr Andreevich Bezborodko v sviazi s sobytiiami ego vremeni* [Collection of the Imperial Russian Historical Society. Vol. 29. Chancellor Prince Alexander Bezborodko in connection with the events of his time]. Auth. Grigorovich N. I. Saint-Petersburg: Tipografiia V. S. Balasheva, 1881, 736.
9. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii: sobranie 1-e* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire: 1st collection]. Saint-Petersburg: Tipografiia 2 otdeleniia Sobstvennoi E. I. V. kantseliarii, vol. 25 (1830): 933.
10. *Ministerstvo finansov. 1802–1902* [The Ministry of Finance. 1802–1902]. Saint-Petersburg: Ekspeditsiia zagotovleniia gosudarstvennykh bumag, Part 1 (1902): 640.
11. Biuist M. G. *Poiavlenie Rossii na gollandskom rynke kapitala v 1770–1780 gg. Tezisy doklada na V Mezhdunarodnom kongresse po ekonomicheskoi istorii* [The emergence of Russia on the Dutch capital market in the years 1770–1780. Abstracts at the V International Congress on Economic History]. Leningrad, 1970, 4.
12. Geiler I. K. *Sbornik svedenii o protsentnykh bumagakh (fondakh, aktsiiakh i obligatsiiakh) Rossii. Rukovodstvo dlia pomeshcheniia kapitala* [Collection of information on interest-bearing securities (funds, stocks and bonds), Russia. Guidelines for the investment of capital]. Saint-Petersburg: Tipografiia V. Bezobrazova i komp., 1871, 496.
13. Migulin P. P. *Russkii gosudarstvennyi kredit. Opyt istoriko-kriticheskogo obzora* [Russian state credit. Experience the historical-critical review]. Khar'kov: Pechatnoe delo, vol. 3 (1907): 1217.
14. Pravilova E. A. *Finansy imperii: den'gi i vlast' v politike Rossii na natsional'nykh okrainakh. 1801–1917* [Empire Finance: Money and Power in Russia's policy in the national borderlands. 1801–1917]. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2006, 456.
15. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv* [The Russian State Historical Archives]. Found 602, List 1, File 320, 1798.

16. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv* [The Russian State Historical Archives]. Found 602, List 1, File 327, 1799.

17. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv* [The Russian State Historical Archives]. Found 602, List 1, File 328, 1802.

18. *Russkii biograficheskii slovar'. Reitern-Rol'tsberg* [The Russian Biographical Dictionary. Reitern-Rol'tsberg]. Saint-Petersburg: Tipografiia Imperatorskoi Akademii nauk, 1913, 436.

19. Anan'ich B. V., Lebedev S. K. Kontora pridvornykh bankirov v Rossii i evropeiskie denezhnye rynki (1798–1811 gg.) [The office of the court bankers in Russia and European money markets (1798–1811)]. *Problemy sotsial'no-ekonomicheskoi istorii Rossii* [Problems of social and economic history of Russia]. Saint-Petersburg: Nauka, 1991, 125–147.

20. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv* [The Russian State Historical Archives]. Found 602, List 1, File 323, 1800.

21. Anan'ich B. V. *Bankirskie doma v Rossii 1860–1914 gg. Ocherki istorii chastnogo predprinimatel'stva* [Banking house in Russia 1860–1914. Essays on the history of private enterprise]. Leningrad: Nauka, 1991, 198.

22. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv* [The Russian State Historical Archives]. Found 602, List 1, File 350, 1798.

23. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv* [The Russian State Historical Archives]. Found 602, List 1, File 322, 1800.

24. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv* [The Russian State Historical Archives]. Found 583, List 4, File 215, 1799–1805.

25. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv* [The Russian State Historical Archives]. Found 602, List 1, File 351, 1799.

26. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv* [The Russian State Historical Archives]. Found 602, List 1, File 324, 1800.

27. *Vneshniaia politika Rossii XIX i nachala XX vv. Dokumenty rossiiskogo Ministerstva inostrannykh del* [The foreign policy of Russia XIX and early XX centuries. Documents of the Russian Ministry of Foreign Affairs]. Moscow: Gospolitizdat, vol. 3 (1963): 840.

28. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv* [The Russian State Historical Archives]. Found 602, List 1, File 352, 1800.

29. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv* [The Russian State Historical Archives]. Found 602, List 1, File 353, 1801–1802.

30. Kaufman I. I. Gosudarstvennye dolgi Rossii [Public Russia debts]. *Vestnik Evropy = Bulletin of the European,* Book 1 (1885): 184–218.

31. *Vneshniaia politika Rossii XIX i nachala XX vv. Dokumenty rossiiskogo Ministerstva inostrannykh del* [The foreign policy of Russia XIX and early XX centuries. Documents of the Russian Ministry of Foreign Affairs]. Moscow: Gospolitizdat, vol. 7 (1970): 872.

32. Anan'ich B., Pravilova E. Imperskii faktor v ekonomicheskom razvitii Rossii, 1700–1914 [Imperial factor in the economic development of Russia, 1700–1914]. *Rossiiskaia imperiia v sravnitel'noi perspective* [Russian Empire in a Comparative Perspective]. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2004, 230–260.

33. Khorishko I. P. *Vneshnie zaimstvovaniia Rossii (ot Ekateriny Velikoi do nashikh dnei)* [External borrowings of Russia (from Catherine the Great to the present day)]. Moscow: Kompaniia Sputnik+, 2006, 103.

34. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv* [The Russian State Historical Archives]. Found 563, List 2, File 1, 1812.

35. Bauman G. G. Velikaia frantsuzskaia revoliutsiia i Niderlandy [The French Revolution and the Netherlands]. *Frantsuzskaia revoliutsiia XVIII veka: ekonomika, politika, ideologiia* [The French Revolution of the XVIII century: the economy, politics and ideology]. Moscow: Nauka, 1988, 208–231.

36. *Arkhiv Gosudarstvennogo soveta* [Archive of the State Council]. Saint-Petersburg: Tipografiia 2 otdeleniia Sobstvennoi E. I. V. kantseliarii, vol. 3, part 1 (1878): 884.

37. Kolomiets A. G. Na perelome (gosudarstvennye finansy Rossii vo 2 polovine 18 v.) [At the turn of the (Russian state finances in the 2nd half of the 18th century)]. *Finansy = Finance*, no. 12 (1997), 59-66.

38. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv* [The Russian State Historical Archives]. Found 560, List 10, File 71, 1814.

39. Baranskii E. A. *Istoriia gosudarstvennogo khoziaistva Rossii* [The history of Russian state economy]. Saint-Petersburg: Tipografiia 1-i SPb. arteli, 1913: 6.

УДК 930.85

«ВЕЛИКАЯ ДИВЕРГЕНЦИЯ» В ИССЛЕДОВАНИЯХ «КАЛИФОРНИЙСКОЙ ШКОЛЫ» ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

Сергей С. Булдыгин[1,@]

[1] *Кемеровский государственный университет, Россия, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6*
[@] *buldygin.sergey@mail.ru*

Поступила в редакцию 08.07.2016.
Принята к печати 22.09.2016.

Ключевые слова: Калифорнийская школа, Великая дивергенция, промышленная революция, экономический рост, европоцентризм.

Аннотация: В статье анализируются взгляды ученых «Калифорнийской школы» на «возвышение» стран Европы в Новое время, названное в 1990-е гг. «Великой дивергенцией». Представители школы исходят из положения о том, что передовые страны Востока вплоть до XIX в. не отставали по уровню развития от стран Западной Европы. Китай и Индия по уровню жизни, заработной платы и производительности труда ничем не уступали Западу. Исследователи, точки зрения которых представлены в данной статье, считают, что до 1800 г. наиболее развитые области Евразии обладали рядом сходств. Они указывают на то, что «Великая дивергенция» между Западом и Востоком началась только в ходе индустриальной революции, а также что это временное явление. В статье предпринимается критический анализ идей и концепций, дается оценка теоретического вклада в развитие проблематики становления современной промышленной цивилизации.

Для цитирования: Булдыгин С. С. «Великая дивергенция» в исследованиях «Калифорнийской школы» экономической истории // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 3. С. 21–25. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-3-21-25.

Глобальные изменения конца XX в. привели к серьезной переоценке традиционных оценок дихотомии Запада и Востока. Социальный, культурный, политический подъем азиатских обществ отразился в том числе и на развитии национальных исторических школ. В новой глобальной исторической перспективе цивилизация Востока все реже рассматривается как отсталая, зависимая и ведóмая.

После Второй мировой войны в западной науке наметилась тенденция отхода от европоцентризма. Деколонизация стран Азии и Африки, самобытные пути развития стран третьего мира заставили ученых и политиков отказаться от линейных теорий модернизации в духе «вестернизации». В шестидесятые годы на формирование более вариабельной модели исторического развития повлияла школа «новой экономической истории» (клиометрика). Позднее оформились концептуальные идеи школ зависимости и миросистемного анализа. Новые модели по-разному объясняли причины и факторы «возвышения» Западной цивилизации в 1500–1800 гг. Акцент делался на том, что Восток в мировой системе занимал положение «периферии» по отношению к динамично поднимающимся странам западноевропейского и североамериканского «ядра» [1]. Исторические и социальные процессы на Востоке рассматривались в данных теориях «негативно», как отражение генеральных процессов, происходивших на Западе. К 1990-м гг. эти взгляды претерпели значительную эволюцию. Факторная модель развития разных регионов Европы стала более разнообразной и нелинейной.

В конце XX в. в американской историографии появляется концепт «Великой дивергенции» (The Great Divergence) между Западом и остальным миром, в частности Китаем. Автором данного понятия стал С. Хантингтон. Он использовал термин в концепции «столкновения цивилизаций» [2, p. 180]. Под «Великой дивергенцией» понимается процесс, происходивший в Западной Европе в Новое время, посредством которого в XIX веке европейцам удалось достигнуть доминирующего положения над странами Востока. Причинами этого были особые культурные, политические и экономические предпосылки, созревшие в доиндустриальной Европе.

На протяжении последних двух столетий ученые пытаются объяснить причины успеха Европы, позволившего распространить ей политическое, экономическое и культурное влияние в мире. Генерализирующие концепции и теории в разное время выдвигали К. Маркс, М. Вебер, Т. Парсонс, У. Ростоу, У. Макнил, Ф. Бродель, И. Валлерстайн. В 1990–2000-е гг. в США появляются работы, содержащие ревизию взглядов на причины и факторы индустриальной революции в Европе XVIII–XIX вв. (Р. Б. Вон, Дж. Голдстоун, К. Померанц, Д. Ли, В. Феng, А. Г. Франк). Указанных авторов объединяла работа в научных центрах Калифорнии, а также разработка схожей проблематики, что позволило социологу и историку Дж. Голдстоуну говорить о «Калифорнийской школе» (the California School) [3, p. 177]. Представителей школы отличал глубокий интерес к сопоставлению экономических, социальных и демографических параметров европейских и восточных обществ.

Так, Р. Б. Вон в своих работах попытался по-новому взглянуть на процессы, происходившие в Европе и Китае Нового времени. Ученый считает, что «ведущая роль Европы, как в пространстве, так и во времени была преувеличена» [4, p. 281]. Причины этому исследователь находит в проблеме «объективного восприятия» европейцами остального мира сквозь призму устоявшихся теорий. На стабильный восточный социум евро-

пейцы смотрят в контексте генеральных европейских процессов – становления национальных государств и промышленно-финансового капитализма [4, p. 1]. Отсутствие аналогичных процессов рассматривается как проявление отсталости. Р. Б. Вон утверждает, что необходимо искать адекватный взгляд на исторические реалии Востока.

По мнению Р. Б. Вона, потенциальные возможности осуществить промышленную революцию были и на Западе, и на Востоке. В XVIII столетии Китай и Европа обладали важными сходствами в экономическом развитии и имели сопоставимую мощь. В Китае, как и в Европе, можно было увидеть обширную кустарную промышленность, сопоставимые объемы прибавочного продукта, эффективное сельское хозяйство и расширяющиеся товарно-денежные отношения. Нет оснований говорить о деградации экономической жизни в Китае XVII–XVIII вв. Стоит заметить, что одни лишь производственные факторы и показатели не детерминируют процесс индустриализации как таковой. Конкретное историческое развитие подвержено множеству субъективных влияний [4, p. 278].

Критику европоцентризма усиливает и развивает один из основоположников школы зависимости А. Г. Франк. Его идеи сыграли роль своеобразного манифеста школы. Согласно им, Азия (главным образом Китай и Индия) занимала более значимое положение в мировой экономике, чем Европа, вплоть до 1800 г. А. Г. Франк отрицал, что «Европа выстроила мир вокруг себя» (т. е. исходя из своих социально-экономических традиций и ресурсов). Она активно использовала Америку путем присвоения её природных ресурсов и эксплуатации рабского труда [5, p. XXV]. А. Г. Франк приходит к выводу, что Европа развивалась не благодаря своим экономическим особенностям и уж точно не благодаря своей «исключительности», рациональности, институтам предпринимательства или технологиям. Он делает акцент на экспроприации, системном неравенстве, эксплуататорском характере европейской гегемонии.

Открытие Нового Света было результатом закономерного расширения на пространстве афро-евразийской мир-экономики. Центральное место в ней занимали Китай, Индия и Османская империя. Европейцы стратегически выиграли в тот момент, когда в их руки попали американские серебряные месторождения. Это серебро фактически пошло на покупку дефицитных товаров роскоши Востока. Выигрывали от этого только несколько стран, а Европа в целом оставалась бедной частью мир-экономики [5, p. 353–354].

По мнению А. Г. Франка, только в период между 1750 и 1850 годами европейцы смогли выйти в лидеры экономического роста. Для пережившей рост доходов и цен Европы товары из остальных частей света стали гораздо доступней. Страны Запада использовали произведенные на Востоке товары, которые получили в обмен на серебро, для добычи которого был затрачен лишь рабский труд. Также серебро из Америки шло на покупку зерна и леса в Восточной Европе. Европа конъюнктурно получала необходимые ресурсы из других стран, предлагая им в обмен с относительной легкостью полученное серебро. Освободившиеся вследствие этого внутренние ресурсы были потрачены на экономический рост.

Глобальный переток серебра из Америки в страны Азии привел к неожиданным историческим последствиям. В Османской империи, Иране, Индии, Японии и Китае на протяжении XVII–XVIII вв. не произошло «революции цен», которая подтолкнула технологическое обновление Европы [5, p. 355]. Американское серебро обеспечивало стратегическую стабильность азиатской экономики, поэтому население этих государств не страдало от демографического давления вплоть до середины XIX в. А. Г. Франк приходит к выводу, что до 1800 г. центральное место в мир-экономике занимал скорее Китай, нежели Западная Европа.

Большой интерес к демографии Китая как наиболее крупного государства проявили исследователи Д. Ли и В. Фенг. Ими была выявлена зависимость уровня рождаемости и уровня жизни от административных возможностей государства. Китайское правительство с давних пор осознавало жизненную необходимость контроля населения. В XVIII в. важную роль играли система государственных зернохранилищ и политика контроля рождаемости. Китайские семьи посредством абортов и умерщвлений сознательно избавлялись от девочек, т. к. они требовали приданого, только мальчики являлись наследниками имущества. Характерно, что среднее количество детей в китайских семьях было существенно ниже европейского показателя – 6 против 9,5.

Начиная с 1850 г., когда императорская власть стала ослабевать, рождаемость стихийно возросла. Только в 1970-х гг. после столь бурного роста народонаселения возобновляется традиционное сознательное регулирование рождаемости. Таким образом, Китаю долгое время удавалось избежать мальтузианской ловушки [6]. Также они поставили под сомнение утверждения, согласно которым более ранние браки в Китае способствовали большей рождаемости и крупным семьям, а следовательно, в буквальном смысле съеданию экономического роста [7, с. 48–49].

Большое внимание проблеме промышленной революции в Европе уделил К. Померанц. Он дистанцировался от европоцентризма и принял полицентричную модель А. Г. Франка [8, p. 39]. В своих работах исследователь отрицает ведущую роль эндогенных сугубо европейских факторов (рыночная экономика, буржуазная ментальность, технический прогресс) в процессе индустриализации [9, p. 5].

Как и другие представители школы, Померанц указывает на принципиальный экономический и производственный паритет между ключевыми центрами Западной Европы и Азии вплоть до XIX столетия. По его мнению, глобальная коммерциализация, коммодификация товаров, земли и рабочей силы не вели к промышленному перевороту сами по себе. Все основные экономические регионы мира, включая Западную Европу, к XVIII в. зашли в «протоиндустриальный» тупик («proto-industrial» cul de sac). В громадных обществах все технические и социальные инновации быстро нивелировались мальтузианским ростом населения [9, p. 207].

«Прорыв» Европы, по мнению К. Померанца, случился благодаря двум важнейшим обстоятельствам:

1) наличие в изобилии легкодоступного угля в Великобритании;

2) фактор сверхприбылей от использования богатств Нового Света. «Плоды заморской эксплуатации» (the fruits of overseas exploitation) и «эпохальный переход к ископаемому топливу» (epochal turn to fossil fuels) в Британии решили проблему недостатка земли и энергии [9, p. 21].

В это же время изначально лучше функционирующие экономики Восточной Азии зашли в тупик.

Теоретические построения Дж. Голдстоуна о «Великой дивергенции» в значительной мере являются обобщением идей разных представителей «Калифорнийской школы». Рассматривая суммарное действие религиозных, политических, экономических и демографических факторов, ученый пытается выстроить общую модель «возвышения» Запада. Он разделяет идеи об американском серебре, о восточной демографии и экономическом приоритете доиндустриальной Азии. Но при этом главное внимание автора уделено поиску причин и предпосылок промышленной революции.

Голдстоун утверждает, что многие мировые цивилизации на протяжении истории добились больших успехов в науке и технологии. Индийцы издавна славились передовой математикой, а китайцы и мусульмане в средние века по уровню развития математики и астрономии намного опережали Европу. Но ни одна из этих цивилизаций не совершила промышленной революции. Более того, в большинстве великих цивилизаций научный прогресс часто приостанавливался, а научные достижения даже утрачивались во время политических кризисов, когда общества обычно обращались к возобновлению традиции или религиозной ортодоксии [7, с. 274].

Интеллектуальный отрыв Запада Голдстоун связывает с переворотом в сознании европейцев в XVI в. Открытие новых земель и природных явлений продемонстрировало несостоятельность существовавшего представления о мире, заложенного древними греками, в частности Аристотелем [10, p. 64]. Это привело к поиску новой картины мира, что выразилось в появлении рационализма и эмпиризма. Последний основывался на эксперименте как базе научного познания, был особенно популярен в Британии и сыграл решающую роль в рождении культуры инноваций. «Для того чтобы промышленность могла преобразиться, экспериментальные исследования должны были распространиться по всему обществу, а научное проектирование – стать рутинной составляющей предпринимательства» [7, с. 275]. Дж. Голдстоун пришел к выводу, что в период между 1700 и 1850 годами в Британии сложилась уникальная ситуация, когда огромное количество инноваций во многих отраслях следовали друг за другом, закладывая основу промышленной цивилизации современности.

Итак, обобщим основные положения «Калифорнийской школы»:

1. Во-первых, представители утверждают сопоставимые уровни рождаемости в Китае и Европе Нового времени. Дается высокая оценка высокому уровню производительности труда, уроню развития земледелия на Востоке в XVI–XVIII вв.

2. Во-вторых, превосходство азиатских стран в сфере торговли и финансов в абсолютном исчислении капиталов и товарооборота.

3. В-третьих, высокая субъективная роль американского серебра в формировании глобальных финансовых потоков и отрицательного торгового баланса между Европой и Азией.

4. В-четвертых, концепция «бонусов», которые получает Европа и при помощи которых она покрывает издержки экономического и демографического роста, уходит в отрыв. Это уникальные явления и факты, такие как легкая доступность каменного угля для использования или культура инноваций в Британии XVIII века.

5. Пятый вывод – макроисторический, масштабный. Это принципиальное отсутствие экономического детерминизма в историческом развитии Европы; субъективность и временность европейской гегемонии Нового времени.

С самого начала работы исследователей «Калифорнийской школы» подверглись критике. В 1990-е гг. в США развернулись дебаты между сторонниками «европейской исключительности» и последователями идеи «Великой дивергенции» [8, p. 37]. Так, наиболее яркий приверженец первого лагеря, экономист и историк Д. Лэндис стоял на позиции М. Вебера о связи капитализма и религии. По мнению ученого, именно европейская культура и религия стали главными источниками могущества и богатства Европы. Именно мировоззрение, ценности и инициатива позволили Западу добиться доминирования [11, p. 253]. В то же время наука не была изначально одной из основных причин промышленной революции, поэтому Китай, несмотря на технические достижения, проиграл в борьбе с европейскими державами [12, p. 16].

Историки экономики Б. Гупта и Д. Ма через детальное изучение уровня зарплат и потребления пришли к выводу, что уровень жизни даже в самых развитых областях Индии и Китая существенно отставал от северо-запада Европы. Это позволяет утверждать, что «Великая дивергенция» началась с XVII в. [13, p. 270]. Соглашается с исследователями профессор Дартмута Д. Кут. Действительно, производительность сельского хозяйства в Китае и Индии была одним из высочайших в мире. Однако в развитых районах Западной Европы уровень жизни был выше, т. к. их жителям были доступны более дешевые промышленные товары [14, p. 6]. Также указывает на более высокий уровень жизни в Европе, в особенности Британии, Р. Аллен. По его мнению, в Англии в XVIII в. сложилось уникальное сочетание зарплат и цен. Зарплаты были высокими, а цены на энергию – низкими. Это сочетание привело страну прямо к промышленной революции, т. к. дало фирмам мощный стимул изобретать технологии, позволяющие заменить труд капиталом и каменным углем [15, с. 42].

Пожалуй, наиболее последовательным критиком «Калифорнийской школы» является профессор Венского университета П. Врис. Историк во многом соглашается с американцами. По его мнению, конфуцианство в Китае не было преградой для развития экономики; сельское хозяйство даже в конце XVIII в. имело бóльшую производительность, чем в Великобритании, а разница в доходах на душу населения, вероятно, была

невелика. Но в то же время между странами были существенные различия в хозяйственной организации, институтах и в экономической политике [16, p. 71]. Исследователь не соглашается с К. Померанцем, что доступ к углю стал главным фактором в ходе промышленной революции. Таким странам, как Голландская республика и Япония, не хватало ресурсов, однако они стали развитыми [17, p. 737]. П. Врис делает важное замечание, что исследователи «Калифорнийской школы» пренебрегли важными аспектами, среди которых – культура, институциональные и политические различия. Среди них движущие факторы в Великобритании: Банк Англии, финансирование государственного долга, привилегии торговых компаний и парламент. Также важную роль сыграла военная и финансовая политика государства, выражавшаяся в отстаивании собственных экономических интересов за рубежом, что не было характерно для Китая [18, p. 439].

Идеи «Калифорнийской школы» приобрели особую актуальность на фоне экономического роста стран Восточной Азии. Следует признать, что высказанные ими идеи ревизии, пересмотра традиционных оценок баланса Запад–Восток существенно повлияли на позиции современных историков во всем мире. Дискуссия вокруг предложенного смыслового ядра – одна из наиболее содержательных и интересных дискуссий по социально-экономической истории.

Литература

1. Wallerstein I. The Modern World-System. Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century. New York, 1974. 411 p.
2. Frank A. G. Review of The Great Divergence // Journal of Asian Studies. 2001. Vol. 60(1). P. 180–183.
3. Goldstone J. A. The rise of the West – or not? A revision to socio-economic history // Sociological Theory. Davis, 2000. P. 173–194.
4. Wong R. B. China transformed: Historical change and the limits of the European experience. Ithaca, 1997. 327 p.
5. Frank A. G. ReOrient: Global Economy in the Asian Age. Berkeley and Los Angeles, 1998. 557 p.
6. Lee J., Feng W. Malthusian Models and Chinese Realities: The Chinese Demographic System 1700–2000 // Population and Development Review. 1999. Vol. 25(1). P. 33–65.
7. Голдстоун Дж. Почему Европа? Возвышение Запада в мировой истории, 1500–1850. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. 224 с.
8. Eng R. From «The West and the Rest» to Global Interconnectedness: China Historians and the Transformation of World History as a Discipline // ASIANetwork Exchange. 2015. Vol. 22(2). P. 35–48.
9. Pomeranz K. The great divergence: China, Europe, and the making of modern world economy. Princeton, 2000. 393 p.
10. Goldstone J. A. The Origins of Western Superiority: a Comment on Modes of Meta-History and Duchesne's Indo-Europeans Article // Cliodynamics: the Journal of Theoretical and Mathematical History. 2013. Vol. 4(1). P. 54–66. Режим доступа: http://escholarship.org/uc/item/1144d4t7 (дата обращения: 28.02.2016).
11. Landes D. S. The Wealth and Poverty of Nations: Why Some Are So Rich and Some So Poor. New York, 1999. 658 p.
12. Landes D. S. Why Europe and the West? Why Not China? // Journal of Economic Perspectives. 2006. Vol. 20(2). P. 3–22.
13. Gupta B., Ma D. Europe in an Asian mirror: The great divergence // The Cambridge economic history of modern Europe: 1700–1870. Vol. 1. Cambridge, 2010. P. 264–285.
14. Koot G. M. The Great Divergence: Explaining why Asian economic growth lagged behind European growth, 1500–1870 // University of Massachusetts Dartmouth. 2013, 11 p. Режим доступа: http://www1.umassd.edu/euro/resources/worldeconomy/3.pdf (дата обращения: 13.03.2016).
15. Аллен Р. С. Британская промышленная революция в глобальной картине мира. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. 448 с.
16. Vries P. Via Peking Back to Manchester: Britain, the Industrial Revolution, and China. Leiden, 2003. 121 p.
17. Vries P. The California School and Beyond: How to Study the Great Divergence? // History Compass. 2010. Vol. 8(7). P. 730–751. DOI: 10.1111/j.1478-0542.2010.00698.x (дата обращения: 11.03.2016).
18. Vries P. Are Coal and Colonies Really Crucial? Kenneth Pomeranz and the Great Divergence // Journal of World History. 2001. Vol. 12(2). P. 407–446.

«THE GREAT DIVERGENCE» IN THE CALIFORNIA SCHOOL OF ECONOMIC HISTORY

Sergey S. Buldygin[1, @]

[1] *Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000*
[@] *buldygin.sergey@mail.ru*

Received 08.07.2016.
Accepted 22.09.2016.

Keywords: California School, The Great Divergence, Industrial Revolution, the economic growth, Eurocentrism.

Abstract: The article discusses works of California School scientists in order to analyze their views on the "rise" of Europe in Modern era, called in 1990s "The Great Divergence". The researchers argue that such advanced countries of the pre-XIXth century East as India and China did not fall behind, and in some cases even surpassed, most developed regions of Western Europe in the level of their economic development, trade and use of technology. The scholars of California School believe that before 1800 the most developed regions of Eurasia had a number of similarities. They point out that the "Great Divergence" between East and West began only during the industrial revolution, and that this is a temporary phenomenon. The article presents the criticism of California School and draws conclusions about the role and influence of the school on the development of issues related to the search for the causes of the formation of modern industrial civilization.

For citation: Buldygin S. S. «Velikaia divergentsiia» v issledovaniiakh «Kaliforniiskoi shkoly» ekonomicheskoi istorii [«The Great Divergence» in the California School of Economic History]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2017): 21–25. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-3-21-25.

References

1. Wallerstein I. *The Modern World-System. Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century*. New York, 1974, 411.
2. Frank A. G. Review of The Great Divergence. *Journal of Asian Studies,* vol. 60(1) (2001): 180–183.
3. Goldstone J. A. The rise of the West – or not? A revision to socio-economic history. *Sociological Theory. Davis*, 2000, 173–194.
4. Wong R. B. *China transformed: Historical change and the limits of the European experience*. Ithaca, 1997, 327.
5. Frank A. G. *ReOrient: Global Economy in the Asian Age*. Berkeley and Los Angeles, 1998, 557.
6. Lee J., Feng W. Malthusian Models and Chinese Realities: The Chinese Demographic System 1700–2000. *Population and Development Review*, vol. 25(1) (1999): 33–65.
7. Goldstoun Dzh. *Pochemu Evropa? Vozvyshenie Zapada v mirovoi istorii, 1500–1850* [Why Europe? The Rise of the West in World History, 1500–1850]. Moscow: Izd-vo Instituta Gaidara, 2014, 300.
8. Eng R. From «The West and the Rest» to Global Interconnectedness: China Historians and the Transformation of World History as a Discipline. *ASIANetwork Exchange*, vol. 22(2) (2015): 35–48.
9. Pomeranz K. *The great divergence: China, Europe, and the making of modern world economy*. Princeton, 2000, 393.
10. Goldstone J. A. The Origins of Western Superiority: a Comment on Modes of Meta-History and Duchesne's Indo-Europeans Article. *Cliodynamics: the Journal of Theoretical and Mathematical History*, vol. 4(1) (2013): 54–66. Available at: http://escholarship.org/uc/item/1144d4t7 (accessed 28.02.2016).
11. Landes D. S. *The Wealth and Poverty of Nations: Why Some Are So Rich and Some So Poor*. New York, 1999, 658.
12. Landes D. S. Why Europe and the West? Why Not China? *Journal of Economic Perspectives*, vol. 20(2) (2006): 3–22.
13. Gupta B., Ma D. Europe in an Asian mirror: The great divergence. *The Cambridge economic history of modern Europe: 1700–1870*. Cambridge, vol. 1 (2010): 264–285.
14. Koot G. M. *The Great Divergence: Explaining why Asian economic growth lagged behind European growth, 1500–1870.* University of Massachusetts Dartmouth, 2013, 11. Available at: http://www1.umassd.edu/euro/resources/worldeconomy/3.pdf (accessed 13.03.2016).
15. Allen R. S. *Britanskaia promyomyshlennaia revoliutsiia v global'noi kartine mira* [The British Industrial Revolution in Global Perspective]. Moscow: Izd-vo Instituta Gaidara, 2014, 448.
16. Vries P. *Via Peking Back to Manchester: Britain, the Industrial Revolution, and China*. Leiden, 2003, 121.
17. Vries P. The California School and Beyond: How to Study the Great Divergence? *History Compass*, vol. 8(7) (2010): 730–751. DOI: 10.1111/j.1478-0542.2010.00698.x.
18. Vries P. Are Coal and Colonies Really Crucial? Kenneth Pomeranz and the Great Divergence. *Journal of World History*, vol. 12(2) (2001): 407–446.

УДК 94 (494) + 34.03

УПОТРЕБЛЕНИЕ АЛКОГОЛЯ В ШВЕЙЦАРИИ: ОТ «КАРТОФЕЛЬНОЙ ЧУМЫ» ДО РАЗБАВЛЕННОЙ ВОДКИ

***Рут Видмер*[1, @1], *Тимур Б. Невзоров*[2, @2]**

[1] *Федеральное управление по контролю за оборотом алкоголя, Швейцария, CH-3000, Берн 9, Langgassstrasse, 35 (а/я 516)*
[2] *Кемеровский государственный университет, Россия, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6*
[@1] *rutewidmer@gmail.com*
[@2] *timur101@bk.ru*

Поступила в редакцию 30.12.2016.
Принята к печати 06.09.2017.

Ключевые слова: алкоголизация, история пьянства, социальные условия, алкогольное законодательство Швейцарии, борьба с алкоголизмом, либеральная алкополитика в Швейцарии, профилактика как основа борьбы с алкоголизмом, социальная безопасность.

Аннотация: Издревле замечено, что пьянство населения является индикатором нравственности и благополучия государства. Это явление давно перестало быть проблемой отдельно взятой семьи на нашей планете и стало проблемой общества (человечества). Не может быть иначе, если среди бела дня на улице можно часто натолкнуться на мирно или не совсем мирно почивающее на земле тело, перебравшее хмельного напитка. Не проходит ни одного дня, чтобы не стало известно о преступлениях, совершенных кем-то в пьяном угаре. Когда появилось и как появилось это «зелье» – в истории указывается поразному, но уже в языческую эпоху на праздниках (пирах, тризнах, игрищах и т. п.) хмельные напитки имели широкое хождение в народе. Как правило, основным сырьем был мёд, поэтому хмельные напитки были скорее бодрящими, чем пьянящими: брага, медовуха, пиво.

В античные времена это явление также, видимо, приносило немало неприятностей, поэтому не зря к первым методологам трезвенного воспитания можно отнести Пифагора (около 540–500 гг. до Р.Х.) и Аристотеля (384–322 гг. до Р. Х.), отмеченных мыслителями Древней Греции и Древнего Рима как личности, имеющие трезвеннические позиции, которые они передавали своим ученикам и последователям. Судя по этому, история изготовления и употребления алкоголя уходит в далекие времена, и жизненные условия накладывали на эти процессы различные отпечатки. В данной статье мы не предполагаем глубоко и всесторонне рассматривать данное явление как исторический процесс (производство и потребление крепких спиртных напитков), а коснёмся лишь некоторых аспектов, которые регулярно оказываются предметом озабоченности даже в такой, казалось бы, благополучной стране, каковой является в настоящее время Швейцария.

Учитывая уже в давние времена весьма разнообразные жизненные условия, современные наблюдатели того времени перестали смотреть на алкоголиков как на индивидов порочных, со слабой силой воли. Они пришли к выводу, что прежде всего жизненные условия (отсутствие средств к существованию, нищета, слабая экономика страны, кризисная ситуация), приводящие людей в безвыходное состояние, ставят их в условия, когда человек хотя бы на время ищет способ забыться. В данной ситуации человек нуждается в поддержке, в нахождении важных причин, приводящих отдельные социальные слои населения к неблагоприятным и даже пагубным условиям. Какая-то часть населения становится наиболее уязвимой, склонной в случае отсутствия поддержки стать даже на асоциальный путь.

В истории борьбы с алкоголизмом практикой многократно было подтверждено, что алкоголизм не изжить фронтальными и перманентными, абсолютными запретами алкогольных напитков. Поэтому необходимы: безусловное выполнение всеми субъектами правоотношений в сфере производства и оборота алкогольной продукции существующих норм и правил, в том числе носящих запретительный характер, а также изменение структуры потребления алкоголя и воспитание культуры потребления алкогольных напитков, реализация иных неотложных мер в этой области.

Современное общество все более активно ориентируется на четыре принципа, которые являются основой алкогольной политики в Швейцарии: профилактика, лечение, уменьшение вреда, репрессия. Профилактика в этом перечислении занимает первое место, репрессия – последнее. Это не случайно, а соответствует приоритетам алкополитики. Для Швейцарии типично следующее: сначала пытаются предотвратить проблему, потом лечить тех, для кого про-

филактика не была действенна, потом уменьшить вред, который могут причинить уже серьёзно больные алкоголизмом, и только в последнюю очередь следует репрессия. Лидирующим принципом является профилактика. При этом одним из способов профилактической борьбы с алкоголизмом, наряду с просветительской деятельностью и созданием достойных условий жизни, может быть повышение налогов на алкоголь. Как показывает история, либеральная политика основана на самоответственности людей, и действенна она может быть только там, где у людей есть перспектива на достойную жизнь. А это значит, что более или менее константная экономическая ситуация и стабильность дают веру в социальную безопасность.

Для цитирования: Видмер Р., Невзоров Т. Б. Употребление алкоголя в Швейцарии: от «картофельной чумы» до разбавленной водки // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 3. С. 26–31. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-3-26-31.

В начале 21 века можно сказать, что в Швейцарии проблема с безмерным употреблением алкогольных напитков значительно снизилась. Это не значит, что швейцарцы не являются любителями выпить. Большинство людей довольно регулярно выпивает алкогольные напитки, но пьют они, прежде всего, вино и пиво и при этом, как говорится, в меру, без заметных последствий для окружающих. Но так было не всегда. Если обратиться к истории, то еще в конце 19 века проблемы с алкоголизмом в Швейцарии были настолько серьёзными, что требовали урегулирования со стороны государства.

«Распространение алкоголизма, как народного бедствия, имеет глубокие социальные корни. При капитализме алкоголизм неизбежен. Как и всякая социальная болезнь, он порождается условиями жизни трудящихся, их бедственным и бесправным положением. В капиталистических странах в пучину алкоголизма трудящихся толкает постоянный страх потерять работу, развращающее влияние буржуазной бульварной литературы, детективных кинофильмов» [1].

Алкоголизм и индустриализация

Во второй половине 19 века алкоголизм среди сельского населения воспринимался как настоящая проблема. «Картофельная чума», то есть безмерное употребление самогона из картошки, была одним из последствий общественного преобразования, которое произошло в результате бурной индустриализации в стране, да и в Европе в целом.

Химик и агроном Йозеф Шильд писал в 1864 г., что «в эре индустриального капитализма люди стали объектами, физические силы которых работой на машинах настолько исчерпывались, что они, деморализованные, искали утешение в водке» *(перевод авторов)* [2, s. 53].

Фабричный инспектор и врач из кантона Гларус, Фрадиолин Шулер, подтвердил эти наблюдения. В конце 19 века он писал, что рабочие, «прикованные к машинам», и при этом «столько часов каждый день, что у них не хватает времени на приготовление и наслаждение настоящей здоровой пищей», в этой безысходной ситуации неудивительно, как пишет Шулер, видят в спиртном замену и полноценному отдыху, и элементарным ободряющим прогулкам на свежем воздухе [3, s. 11–12].

Первый директор будущего *Федерального управления алкогольных напитков (ФУА)* Эдмунд Вильгельм Миллье видел проблему также в способе употребления: вместо того чтобы спокойно и в меру, с наслаждением и в удовольствие пить спиртные напитки, люди начали их очень быстро и в больших мерах употреблять. В значительной степени, как он отмечал в начале 1890-х гг., ухудшились условия жизни рабочих, и связано это было с «достижением большого экономического прогресса в эпохе пара и электричества, с новыми способами в сферах промышленности и транспорта». Снижение интереса работодателей в рабочих руках всё больше усугубляло ситуацию рабочего класса. Не хватало ни качественных продуктов, ни возможности их приготовления, и в маленьких, плохих квартирах жилось очень некомфортно. Вдобавок в это время в сельском хозяйстве наблюдалась некая «меркантилизация сырья» (особенно картофеля), то есть фермеры перегоняли картофель на спиртное, производя все больше и больше водки. В сложившихся условиях данный товар становился чрезвычайно ходовым [4, s. 543–544].

Вопрос алкоголизации в социальном контексте

Учитывая такие жизненные условия, современные наблюдатели того времени перестали смотреть на алкоголиков как на индивидов порочных, со слабой силой воли. Они пришли к выводу, что прежде всего социальный контекст, приводящий людей в безвыходное состояние, ставит их в ситуацию, когда человек хотя бы на время ищет способ забыться в этой беде. В данной ситуации человек нуждается в поддержке, в нахождении важных причин, приводящих отдельные социальные слои населения к неблагоприятным и даже пагубным условиям. Определенная часть населения становится наиболее уязвимой, склонной в случае отсутствия поддержки стать даже на асоциальный путь. Так они убедили Федеральное правительство в том, что нужно принимать меры. Чтобы иметь основу для необходимых мер, Федеральный Совет, то есть правительство, решил ввести статистику для квантивицирования факторов, которые способствовали алкоголизму: производство и употребление алкогольных напитков и социальные условия, в которых жили те люди, которые пили бо́льшие количества алкогольных крепких напитков. Эта статистика должна была не только определить «объем этой беды, но и в будущем обеспечить действенный контроль. Выстроить систему действия государственных и административных мер, которые будут приняты в целях эффективного обеспечения решения социальных проблем» *(перевод авторов)* [5, s. 82].

Введение первого закона об алкогольных напитках

В 1882 и в 1883 годах Федеральное правительство отправило письмо всем организациям, кантонам и дипломатическим представителям с просьбой о предоставлении ему всех документов и цифр, касающихся алкогольного вопроса. Молодой чиновник федеральной статистической службы Эдмунд Вильгельм Миллье тщательно рассматривал все эти материалы и два года спустя представил свой анализ. На основе этого анализа, который учитывал не только статистку, но и множество других факторов, государство предложило ввести федеральный закон об алкогольных напитках, монополию на налоги для спиртных напитков. Данный закон был типичным швейцарским компромиссом, принятым впоследствии интенсивных переговоров между представителями разных интересов и кантонов. Один из спорных вопросов касался лишения кантонов самостоятельно облагать налогом спиртные напитки. Так, в законе было определено, что доход из нового федерального налога распределяется между всеми кантонами пропорционально к их численности населения. Это с условием, что каждый кантон 10 % этой суммы инвестирует в борьбу с алкоголизмом. Для исполнения этого закона было основано Управление алкогольных напитков, первым директором которого стал Эдмунд Миллье. Название управления немного неверное, потому что закон до сегодняшнего дня касается только спиртных напитков – изначально только спиртных напитков из картофеля и зерновых культур. Во-первых, большинство алкоголиков употребляло водку из этого сырья, и, во-вторых, большинство населения, то есть имеющие право на голосование мужчины, не голосовало бы за закон, если бы он также касался спиртных напитков из фруктов и ягод. Швейцария со своей прямой демократией обычно перед голосованиями старается найти компромисс, чтобы предлагаемые на голосования проекты имели шанс быть одобренными.

Специалист по народному хозяйству Йоганн Фридрих Тёндури в начале 20 века видел в федеральной монополии на налогообложение спиртных напитков «настоящую монополию профилактики». Её цель он видел в том, что она «превращает, видимо, вредную промышленность, которую из-за сельскохозяйственных причин невозможно отменить, в наименее вредный вид» *(перевод авторов)* [6, s. 27–28]. Одновременно он указывал на возрастающее употребление недорогих спиртных напитков из фруктов и ягод, которые не облагались налогом. Только в 1932 г. был введен пересмотренный закон, в который вошли все спиртные напитки. Вино и пиво, то есть броженые алкогольные напитки, до сегодняшнего дня не регулируются законом об алкогольных напитках.

Другой мерой было принятие закона об условиях на заводах в конце 19 века. Этот закон касался рабочего времени и защитных мер для женщин и детей.

В Швейцарии с 1886 г. установлена государственная винная монополия, то есть право торговли спиртными напитками, принадлежит только государству, которое регулирует эту продажу с целью сокращения народного пьянства. Часть доходов от продажи спиртных напитков идет на борьбу с алкоголем. Опыт и здесь показал, что потребление алкоголя с введением монополии не только не сократилось, но даже увеличилось. Разница лишь в том, что народ от крепких напитков перешел к более слабым, но общее количество поглощаемого в них чистого алкоголя стало еще больше.

Безалкогольное использование фруктов и картофеля

Во время Первой мировой войны было запрещено производство спиртных напитков из картофеля и зерновых культур. Правительство считало, что в такое время, когда не хватает еды, лучше кормить народ здоровой пищей, чем производить водку. Это было начало так называемого «безалкогольного использования» пищевых продуктов. На бывших спиртовых заводах начали сушить картофель, чтобы он дольше хранился в не перегнанном в спирт виде. В дальнейшем это использование расширилось и на фрукты. Управление алкогольных напитков начало поощрять употребление фруктов и картофеля в безалкогольном виде. Проводились обширные кампании, такие как бесплатная раздача яблок детям в школах (Pausenapfel – яблоко на перемене), доставка фруктов в отдаленные горные края во время, когда мобильность была не настолько развита, как сегодня. Чтобы убедить население в пользе безалкогольного употребления и здорового питания, ФУА пользовалось в ту пору современными средствами массовой информации и вместе с знаменитыми режиссерами снимало большое число пропагандистских фильмов. Выходит, что своей алкогольной политикой ФУА поддерживало не только здоровое питание людей, но и культурную деятельность.

Изменение способа употребления

Если во второй половине 19 века алкогольные напитки употреблялись, прежде всего, рабочим классом в виде картофельной водки (в том числе и собственного приготовления), то во второй половине 20 века употребление алкоголя стало статусным символом благосостояния среднего класса. Люди пили броженые напитки, такие как вино и пиво, а иногда спиртные напитки высокого качества. До конца 1970-х гг. это употребление не воспринималось как проблематичное. Но появилась новая проблема – молодежь начала употреблять различные наркотики. По сравнению с этим употребление алкоголя считалось не очень вредным. Однако в этом восприятии в 1980-е гг. наступило изменение, когда стало модно быть спортивным. Здоровый образ жизни и достижения на работе становились все важнее. Слишком часто хорошенько расслабляться по вечерам с помощью алкоголя в кругах амбициозных людей вышло из моды. Люди не бросили пить, но выпивали более умеренно, стали чаще посвящать свободное время проведению досуга – спортивным играм и соревнованиям с призами и моральными поощрениями. Широкое распространение приобрели культурно-массовые мероприятия для людей всех возрастов с активным вовлечением в них большого количества людей.

В начале 21 века стало отмечаться, что ситуация с разными зависимостями несколько успокоилась. Молодёжь по выходным дням иногда употребляет недорогую импортную водку, которую она разбавляет всякими типами лимонада. Взрослые люди выпивают прежде всего вино и пиво – и это в большинстве случаев (это стало очень заметно, особенно в последнее время, в различных слоях общества) без значительного вреда для себя или окружающих (рис.).

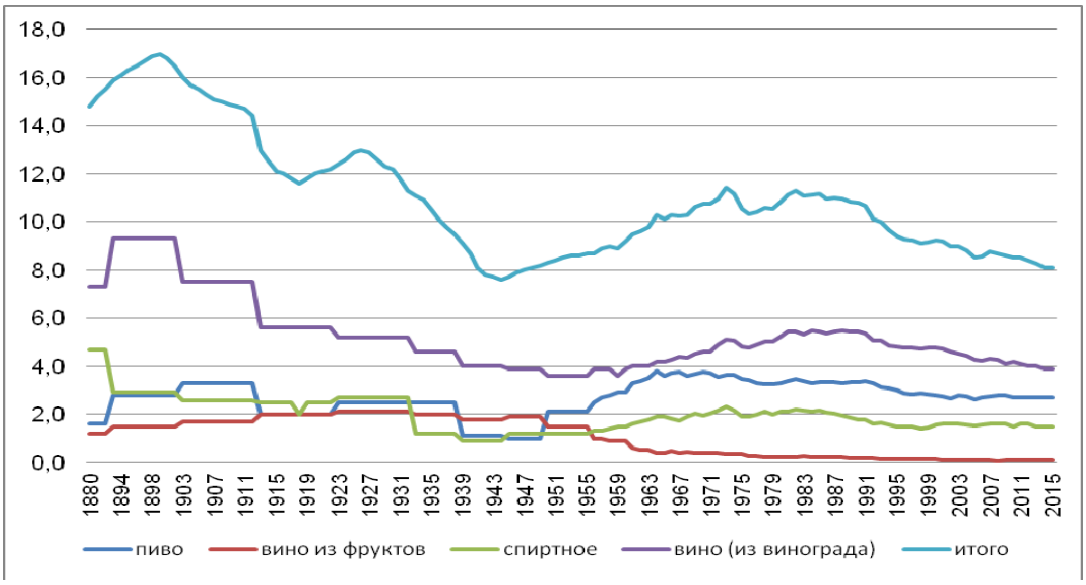

Рис. ***Статистика употребления алкогольных напитков в Швейцарии с 1880 по 2015 гг. на душу населения*** **[7]**
Fig. ***Statistics of the use of alcoholic beverages in Switzerland from 1880 to 2015 per capita*** **[7]**

Либеральная политика и профилактика

В швейцарской алкогольной политике сухой закон никогда не считался средством для борьбы с алкоголизмом, хотя никто не отрицает, что безмерное употребление вредит здоровью. Первый директор ФУА (Управление алкоголя) Эдмунд Милльe написал ещё в конце 19 века, что очень часто «плохое индивидуальное и (или) общественное состояние в обществе, из-за нежелания увидеть другие причины более глубокие и значимые, просто объясняется употреблением алкогольных напитков» *(перевод авторов)* [8, S. 17]. Он был убежден, что такой подход к острым проблемам препятствует их решению. Он хотел определить суть и бороться с причинами беды, а не с её последствиями. Наиболее очевидный (известный всем) фактор, который влияет на употребление алкоголя, – жизненные условия. В стране это всегда учитывалось в борьбе с алкоголизмом. Как показывает статистика, сегодня в Швейцарии жизненные условия для подавляющего большинства населения созданы хорошие, жизненный уровень имеет высокие показатели: обеспеченность работой, высокая заработная плата, медицинское и другие виды социального обеспечения. И хотя значительная часть населения пьёт алкогольные напитки, однако не каждый день и обычно в меру. Но все равно есть и в этой богатой стране проблемы с алкоголизмом, которые нуждаются в принятии мер. На профилактическую работу направлены действия разных уровней власти и организаций. Кроме федеральной администрации это и территориальные кантоны (области), и негосударственные организации, которые занимаются проблемами таких различных зависимостей, как алкоголизм и наркомания. Действия этих организаций и кантонов координируются, для чего их представители регулярно встречаются и обмениваются опытом. Все ориентируются на четыре принципа, которые являются основой алкогольной политики в Швейцарии: профилактика, лечение, уменьшение вреда, репрессия. Профилактика в этом перечислении занимает первое место, репрессия – последнее. Это не случайно и соответствует приоритетам алкополитики, что типично для Швейцарии: сначала пытаются предотвратить проблему, потом лечить тех, для кого профилактика не была действенна, потом уменьшить вред, который могут причинить уже серьёзно больные алкоголизмом, и только в последнюю очередь следует репрессия.

(Примечание: не следует, однако, придерживаться порочной точки зрения, утверждавшей, что пьянство – это чисто русское явление. Следующие данные доказывают обратное: если в 1906–1910 гг. (по данным немецкого гигиениста К. Влассака) в Европейской России на 1 человека в течение года потреблялось 3,41 литра чистого алкоголя, то в этот же период во Франции потреблялось 22,93 литра, в Италии – 17,29, в Испании – 14,02, в Швейцарии – 13,71, в Англии – 9,76, в Германии – 8,52, в США – 6,89. Следовательно, по потреблению алкоголя на душу населения Россия стояла на одном из последних мест).

Выводы

На федеральном уровне есть разные законы в пользу защиты здоровья населения. В том, что касается спиртных напитков, есть конкретные профилактические законы в области рекламы и торговли. По поводу рекламы в законе установлено, что «в тексте, на изображениях и в звуках реклама разрешается только тогда, когда она исключительно распространяет информацию, которая относится непосредственно к самому напитку и его содержанию» (ст. 41, абз. 1) [9]. Конкретно это значит, что например нельзя показывать жизнерадостную компанию людей, которые выпивают спиртное, а только бутылку, которая не прямо внушает положительные эмоции. В том, что касается торговли, запрещаются «продажа за цены ниже себестоимости, продажа детям и молодым людям младше 18 лет (то есть 16 – для пива и вина, 18 – для спиртных напитков), вручение алкогольной продукции в качестве подарков в целях рекламы для неопределенного круга потребителей, например распространение товарных образцов или проведение дегустации» (ст. 41, абз. 1) [9]. Для проверки соблюде-

ния закона о «возрастном ограничении» регулярно проводятся пробные покупки.

Это не касается пива, вина и шампанского, так как их управление не регулируется алкогольным законом, что объясняется историей. Актуальный закон очень старый – 1932 года. Были некоторые небольшие изменения, но тотального пересмотра пока не было [10]. Проект [11] о тотальном пересмотре парламент «похоронил» в конце 2015 г. К спорным вопросам принадлежали введение минимальной цены для алкогольных напитков и запрет продажи ночью. Но кантоны имеют право самостоятельно ввести такие ограничения в пользу профилактики. Так, в некоторых кантонах уже ввели запрет продажи алкогольной продукции ночью.

Такая либеральная алкополитика в Швейцарии пользуется успехом. Философия о том, что запреты и стигматизация редко решают проблемы, а уводят людей в иллегальность и в крайнем случае в преступность, – красная нить в алкополитике Швейцарии с самого начала.

Швейцарцы не лучше и не хуже других народов в отношении разных зависимостей, как доказывает история. И конечно есть и в Швейцарии люди, которые болеют алкоголизмом (Alkoholkranke – «больные алкоголем»: в Швейцарии умышленно употребляется этот термин), и среди них те, которых лечить уже сложно или невозможно. К тому же использование плохого качества самогона или заместителей спиртных напитков – явление редкое, и преступность в связи с доставкой алкоголя незначительная. Но одной непосредственной алкополитикой нельзя объяснить факт, что проблема с алкоголизмом – не острая. Есть другой фактор, который важнее этого: такая либеральная политика, которая основана, между прочим, на самоответственности людей, может быть действенна только там, где у людей есть перспективность. Перспектива на достойную жизнь, где экономическая ситуация более или менее стабильная и где эта стабильность сопровождается мерами, которые дают веру в социальную безопасность. Перспективность – самая лучшая профилактика.

Литература

1. Банщиков В. М. Алкоголизм и его вред для здоровья человека. М.: Медгиз, 1958. 38 с.
2. Schild J. Die Branntweinfrage. Mit besonderer Berücksichtigung des Kantons Bern. Bern, 1964.
3. Schuler F. Über die Ernährung der Fabrikbevölkerung und ihre Mängel. Zürich, 1882.
4. Milliet E. W. Zur Alkoholfrage. Bern, 1885.
5. Schneeberger J. F. Die Branntweinpest im Kanton Bern. Bern, 1872.
6. Töndury J. F. Resultate und Wirkungen der Eidgenössischen Alkoholgesetzgebung. Basel, 1907.
7. Eidgenössische Alkoholverwaltung EAV: сайт. Режим доступа: https://www.eav.admin.ch/eav/en/home.html (дата обращения: 23.12.2016).
8. Milliet E. W. Glossen zur Statistik des Alkoholkonsums // Zeitschrift für schweizerische Statistik. 1894. № 30.
9. Bundesgesetz über die gebrannten Wasser (Alkoholgesetz) Nummer 680 vom 21 Juni 1932 (Stand am 1 Januar 2017). Режим доступа: https://www.admin.ch/opc/de/classified-compilation/19320035/index.html (дата обращения: 23.12.2016).
10. Ночную продажу алкоголя запретили в Швейцарии // EuropeTourism: сайт. Режим доступа: http://www.europetourism.su/nochnuyu-prodazhu-alkogolya-zapretili-v-shvejjcarii/ (дата обращения: 30.08.2017).
11. Auderset J., Moser P. Rausch und Ordnung. Eine illustrierte Geschichte der Alkoholfrage, der schweizerischen Alkoholpolitik und der Eidgenössischen Alkoholverwaltung (1887–2015). Bern, 2016.

ALCOHOL CONSUMPTION IN SWITZERLAND: FROM THE "POTATO PLAGUE" TO THE DILUTED VODKA

***Ruth Widmer*[1, @1], *Timur B. Nevzorov*[2, @2]**

[1] *Federal Office for the Control of Alcohol Turnover, 35, Langgassstrasse, Bern 9, Switzerland, CH-3000 (PO Box 516)*
[2] *Kemerovo State University, 6, Krasnaya street, Kemerovo, Russia, 650000*
[@1] *rutewidmer@gmail.com*
[@2] *timur101@bk.ru*

Received 30.12.2016.
Accepted 06.09.2017.

Keywords: alcoholism, the history of alcoholism, social conditions, alcohol legislation in Switzerland, fight against alcoholism, liberal alcohol policy in Switzerland, prevention as the basis of the fight against alcoholism, social security.

Abstract: It has long been known that social alcoholism is an indicator of public moral and wellbeing of the state. Alcoholism is no longer the problem of one particular family but a global issue. How can it be otherwise if a drunkard lying on the ground in broad daylight has become a familiar sight, as well as a violent drinker? Not a single day passes without a number of alcohol related crimes. There is no consensus on when and where alcohol first appeared, but alcoholic drinks are known to have already been quite common during pagan festive and funeral feasts or public merrymakings. As a rule, the main raw material for alcoholic beverages (brags, mead, or beer) in those days was honey, so their influence was more invigorating than intoxicating.

In ancient times, this phenomenon was, similarly, a source of much trouble, resulting in Pythagoras (about 540–500 BC) and Aristotle (384–322 BC) being the first methodologists of sober upbringing, and both were described by their contemporaries as displaying teetotalling views, which they passed on to their disciples and followers. Taking into consideration all mentioned above, the history of making and drinking alcohol goes back to ancient times. Living conditions has always had an impact on these processes. The article does not aim at a deep and thorough description of the phenomenon of drinking, production and consumption of liquor; it covers some aspects that remain matters of concern even in such a seemingly prosperous country as modern-day Switzerland.

Considering various living conditions of those ancient days, modern historians do not see alcoholics of the past as depraved, weak-willed individuals any more. They believe that it is life conditions (no means of subsistence, poverty, ailing economy, crisis in the country) leading people into hopeless predicament that make people want to look for a way to forget about their troubles for a while. In such a situation one needs support in defining the causes that lead some social strata to unfavorable and malignant conditions. Some social groups are more likely to become vulnerable and even tend to turn anti-social if deprived of support.

The long history of fight against alcoholism has often proved that alcoholism cannot be destroyed by frontal, permanent and absolute bans of alcoholic beverages. Therefore, it requires an unconditional fulfillment of alcohol products, existing norms and rules, including those that are prohibitive, by all entities of legal relations in the sphere of production and turnover, as well as a change in the structure of alcohol consumption and the cultivation of a drinking culture and other urgent measures in this.

Modern society is getting more and more focused on the four principles that make up the basis of alcohol policy in Switzerland: prevention, treatment, harm reduction and repression. The fact that prevention and repression take the first and the last place correspondingly conforms to the alcohol policy in Switzerland: first they try to avoid the problem, then they treat those for whom preventive measures did not work, then they minimize the harm that habitual drinkers can cause, and repressive measures are considered the last resort, prevention being the main principle. Also, one of the ways of preventive struggle against alcoholism, along with public awareness activities and providing decent living conditions, is to raise alcohol taxes. History shows that liberal policy is based on self-responsibility of people and can be effective only where there is a perspective of a decent life, which presupposes a more or less stable economic situation that allows one to believe in social security.

For citation: Widmer R., Nevzorov T. B. Upotreblenie alkogolia v Shveitsarii: ot «kartofel'noi chumy» do razbavlennoi vodki [Alcohol Consumption in Switzerland: from the "Potato Plague" to the Diluted Vodka]. *Bulletin of Kemerovo State University,* no. 3 (2017): 26–31. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-3-26-31.

References

1. Banshchikov V. M. *Alkogolizm i ego vred dlia zdorov'ia cheloveka* [Alcoholism and its harm to human health]. Moscow: Medgiz, 1958, 38.
2. Schild J. *Die Branntweinfrage. Mit besonderer Berücksichtigung des Kantons Bern*. Bern, 1964.
3. Schuler F. *Über die Ernährung der Fabrikbevölkerung und ihre Mängel*. Zürich, 1882.
4. Milliet E. W. *Zur Alkoholfrage*. Bern, 1885.
5. Schneeberger J. F. *Die Branntweinpest im Kanton Bern*. Bern, 1872.
6. Töndury J. F. *Resultate und Wirkungen der Eidgenössischen Alkoholgesetzgebung*. Basel, 1907.
7. *Eidgenössische Alkoholverwaltung EAV*. Available at: https://www.eav.admin.ch/eav/en/home.html (accessed 23.12.2016).
8. Milliet E. W. Glossen zur Statistik des Alkoholkonsums. *Zeitschrift für schweizerische Statistik*, no. 30 (1894).
9. Bundesgesetz über die gebrannten Wasser (Alkoholgesetz) Nummer 680 vom 21 Juni 1932 (Stand am 1 Januar 2017). Available at: https://www.admin.ch/opc/de/classified-compilation/19320035/index.html (accessed 23.12.2016).
10. *Nochnuiu prodazhu alkogolia zapretili v Shveitsarii* [Night sale of alcohol banned in Switzerland]. Available at: http://www.europetourism.su/nochnuyu-prodazhu-alkogolya-zapretili-v-shvejjcarii/ (accessed 30.08.2017).
11. Auderset J., Moser P. *Rausch und Ordnung. Eine illustrierte Geschichte der Alkoholfrage, der schweizerischen Alkoholpolitik und der Eidgenössischen Alkoholverwaltung (1887–2015)*. Bern, 2016.

УДК 93: 355/359–05 (57)"1917/20"(091)

КАЗАЧИЙ ВОПРОС В СИБИРИ В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ

Михаил И. Вторушин [1, @]

[1] *Омский государственный технический университет, Россия, 644050, Омск, Проспект Мира, 11*
[@] *vtorushin-m2013@yandex.ru*

Поступила в редакцию 12.01.2017.
Принята к печати 24.07.2017.

Ключевые слова: Войсковое правительство, Гражданская война, земельный вопрос, казачий вопрос, казачья олигархия, расказачивание, Совет казачьих депутатов.

Аннотация: представлена проблема кризиса сибирского казачества в период социально-политических катаклизмов революции и Гражданской войны 1917–1920 гг.
Цель исследования – изучить причины и сущность кризиса областной казачьей общины в ходе революции 1917 г. и Гражданской войны в регионе; выявить варианты и результаты его разрешения. Проблема исследуется на основе диалектико-материалистического метода познания: каждое положение изучается на принципах историзма, в связи с другими историческими событиями эпохи и конкретным опытом истории.
В начале XX века в ходе цивилизационной трансформации общества России в стране оформился «казачий вопрос». В Сибири он получил внутреннее и внешнее содержание. Его внутреннюю сторону составили противоречия между рядовыми казаками и офицерами из-за неравенства размеров земельных наделов, а также между основной массой казаков, с одной стороны, и казачьей старшиной, с другой стороны, – из-за проблемы эксплуатации земельного резерва войска, соблюдения равенства обязанностей и прав в казачьей общине. Внешнюю сторону составляли противоречия привилегированной казачьей общины Сибири по земельному вопросу с крестьянством и малыми народами региона. Кроме того, «казачий вопрос» включал в себя и общеисторическую тенденцию – поиск оптимальных путей отмены сословных привилегий казаков и их уравнивание в правах и обязанностях с остальным населением России. Так как в этот период сословно-кастового единства казаков уже не существовало де-факто, это требовалось оформить де-юре. Данную историческую роль взяла на себя революция 1917 г. Разрешение «казачьего вопроса» вылилось в острое социально-политическое противостояние как внутри областной казачьей общины, так и в гражданскую войну сибирских казаков с основной массой населения Сибири.
Итоги исследования могут быть использованы при написании обобщающих работ по истории Сибири, чтении курса истории России данного периода, спецкурсов по истории революции 1917 г. и Гражданской войны.

Для цитирования: Вторушин М. И. Казачий вопрос в Сибири в период революции и Гражданской войны в России // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 3. С. 32–38. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-3-32-38.

Участие России в Первой мировой войне обострило все противоречия российского общества. Это касалось и Сибирского региона России, где в предыдущий период оформился общекраевой кризис, который состоял из ряда подсистемных кризисов или вопросов. Одним из таких вопросов была проблема местного казачества, которое еще до войны переживало развитие внутреннего кризиса, так как было расколото из-за несправедливого распределения войсковых земель между офицерами и рядовыми казаками, ущемления прав всех казаков на полное владение паевыми наделами, манипуляций войсковой старшины с резервом земли, а также тяготами несения военной службы, разорявшими хозяйства простых казаков. Все это обусловило активное участие казачества края в событиях революции 1917 г. и Гражданской войны, которые, с одной стороны, обернулись трагедией для этой категории сибирского аграрного населения, а с другой стороны, – привели к разрешению «казачьего вопроса» в Сибири.

Февральская революция и свержение системы самодержавия в России активизировали процесс политизации и демократизации сибирских казаков. В апреле 1917 г. на фронте в Сибирской казачьей дивизии началось движение за «расказачивание», т. е. за отмену привилегий и получение общегражданских прав [1, стлб. 427]. Так, Дивизионный комитет Сибирской казачьей дивизии 17 апреля 1917 г. заявил: «По вопросу п. 4. постановления Дивизионного комитета от 13 апреля за № 5, должно ли существовать Сибирское казачье войско как отдельная сословная единица, постановил: в виду желательности установления образа правления Государства Российской Демократической Республики, где нет места сословиям, – от казачества отказаться. Выражаем желание быть только равноправными гражданами, со всеми другими гражданами пользоваться землей и всеми благами Государства на общих основаниях, а равно нести и все обязанности наравне со всеми» [2, л. 1].

Заявление было созвучно времени, поскольку Февральская революция происходила под общедемократическими лозунгами. Официальная политика цензового, а затем коалиционных Временных правительств в основном опиралась на либеральную программу партии кадетов, которая предусматривала глубокую трансформацию социальной структуры российского общества, установление равенства политических и гражданских прав для всех жителей страны, незыблемость частной собственности и экономическую свободу [3, с. 73–79]. Программа Временного правительства априори предполагала гражданское реформирование казачьего сословия России через постепенное уничтожение его привилегий и введение института частной собственности на войсковые земли. Реализация этого варианта в Сибири должна была юридически закрепить перераспределение резерва войскового земельного фонда сибирского казачества в пользу его олигархической «верхушки» и офицеров.

В ходе революции появился демократический проект решения «казачьего вопроса». Его обычно связывают с программой партии эсеров [3, с. 95–97], который предлагал упразднить казачье сословие и перераспределить войсковые земли на уравнительных принципах в пользу казачьей бедноты и других групп аграрного населения страны. Сибирские казаки-фронтовики были готовы принять и тот, и другой вариант «расказачивания» их сословия, о чем свидетельствуют постановления I-го войскового съезда [4, ч. 1, с. 21–23].

События лета 1917 г. привели к тому, что размежевание сибирского казачества, имевшего до этого времени в основном социально-экономическое измерение, приобрело политический характер. Терять свои латифундии и право распоряжаться войсковым запасом и, как следствие, монопольным положением на зерновом рынке Сибири не входило в планы известной части офицеров и «войсковой олигархии». «Верхи» казачества края становятся носителями идей реставрации [5,с. 100], которые они обосновывали восстановлением «исконных начал казачьей демократии» [6, с. 23]. Отсюда проистекало уникальное политическое явление эпохи Гражданской войны в Сибири, известное как «атамановщина». В противовес «войсковой олигархии» в Омске демократически настроенные казаки летом 1917 г. сформировали беспартийный Совет казачьих депутатов (Совказдеп) [6, с. 24].

Политические партии региона в этот период в целом не вмешивались в «казачий вопрос», предоставив его разрешение самим казакам. Осенью 1917 г. «казачья олигархия» в условиях общенационального кризиса и ослабления централизации страны выступила за создание «Особого Войскового правительства». При этом она от реформирования сословных и земельных отношений отказывалась, стремясь сохранить за казачеством края автономный сословный статус [6, с. 23]. Для этого делалось все, чтобы не допустить распространение на территории войска нового аграрного законодательства страны, которое коренным образом меняло земельные отношения. В частности, не допускалось создание на территории Войска Земельных комитетов. Решения об этом были приняты на Втором войсковом круге [4, ч. 1, с. 103–108]. Однако при попытке реализовать эти планы демократически настроенные казаки Омского гарнизона, сторонники уравнительных начал в Сибирском войске, арестовали, хотя и ненадолго, «Войсковое правительство» [1, стлб. 428].

Установление Советской власти в Сибири и окончание Первой мировой войны позволило революционно настроенным казакам-фронтовикам вновь поставить в центр внимания сибирской казачьей общины земельный вопрос и проблему ликвидации казачества как сословия, тем более, что в ряде мест начался стихийный захват рядовыми казаками офицерских участков [5, с. 101]. Поэтому в начале декабря 1917 г. Совет казачьих депутатов санкционировал создание на местах Земельных комитетов, а также изъятие офицерских и войсковых земель для удовлетворения нужд малоземельных казаков [6, с. 24]. Этим начинаниям рядовых казаков противодействовало «Войсковое правительство». В конечном итоге в казачьем войске сложилась патовая ситуация двоевластия. В этих условиях Совет казачьих депутатов вновь произвел арест «Войскового правительства» [1, стлб. 428].

Для разрешения внутреннего кризиса был созван Третий Большой войсковой круг, куда были допущены и арестованные до этого члены «Войскового правительства» [6, с. 26]. Большинством голосов делегаты казачьего форума признали Советскую власть. Разрешение земельного вопроса было решено проводить на основе «Закона о социализации земли» III Всероссийского съезда Советов [4, ч. 2, с. 214]. По вопросу о Брестском мире 15 марта 1918 г. при голосовании победу одержали сторонники мира [4, ч. 2. с. 213]. Форум также вынес решение о самообложении казаков в виду сложного финансового положения сибирского казачества [4, ч. 2, с. 216]. Делегаты от «казачьей олигархии» практически по всем вопросам получили не «более 3–4 картошек (шаров) «за Царя» [5, с. 101]. Все постановления Третьего Большого войскового круга позволяли самостоятельно разрешить проблему «казачьего вопроса» демократическим путем без вмешательства внешних сил.

Вскоре многие казаки поняли специфику нового общественного порядка, поэтому воспринимали его уже враждебно, памятуя о своих особых кастовых привилегиях на землю. Внутри войска демократическое перераспределение земли было приостановлено, хотя в ряде мест казаки-фронтовики продолжали производить передел офицерских участков. Ситуацию обостряла попытка местных крестьян экспроприировать значительные площади войсковых земель без согласия станичных собраний самих казаков. В этих условиях большинство казаков начало в той или иной форме поддерживать свою старшину [7]. В результате попытка разрешить «казачий вопрос» в Сибири силами самих казаков, без вмешательств извне, весной 1918 г. потерпела неудачу, и в дальнейшем он разрешался уже иными политическими силами и иными политическими средствами.

Начало интервенции и Гражданской войны втянули в 1918 г. сибирских казаков в вооруженную борьбу областной «демократической контрреволюции» со сторонниками Октябрьской революции и власти Советов. При этом в Сибири оба противоборствующих политических лагеря были враждебны по отношению как к старшине, так и казачеству в целом. После победы любой из сторон решение «казачьего вопроса» в Сибири предполагало ликвидацию системы кастовых привиле-

гий и полное реформирование порядка казачьего землевладения и землепользования. Это настраивало казачьи «верхи» против победившей в Сибири «демократической контрреволюции». Однако потребность борьбы с «большевизмом» в регионе вынудила казачью старшину поддержать антисоветское Временное Сибирское правительство, чтобы в рамках автономной Сибири сохранить особый статус Сибирского казачьего войска и незыблемость дореволюционных земельных отношений [4, ч. 2, с. 264]. Рядовые казаки в этот период заняли выжидательную позицию. Таким образом, они саботировали распоряжение вновь возникшего «Войскового правительства» о мобилизации на службу трех первоочередных полков войска [6, с. 23].

Отказ большинства рядовых казаков участвовать в Гражданской войне объясняется их экономическим положением после Первой мировой войны. Именно неравновесное положение казачьего хозяйства диктовало поведение их владельцев, которые стремились уклониться от участия в политической борьбе в регионе [8, с. 139].

Нежелание рядовых казаков участвовать в начавшейся в Сибири Гражданской войне и враждебное отношение к реакционному офицерству со стороны партии эсеров вынуждало «казачью олигархию» лавировать внутри лагеря «февралистов», который был «верхами» сибирского казачества выбран как наименьшее зло в сравнении с советским лагерем [4, ч. 2, с. 242]. Стоит отметить, что Временное Сибирское правительство, как своему временному союзнику, пошло навстречу пожеланиям казачьей старшине, отменив на территории Сибири и земельные Декреты Советского правительства [8, с. 132–133], и аграрные законы Временного Правительства [9, с. 193–197]. На Четвертом чрезвычайном войсковом круге в июле 1918 г. прошла резолюция о возврате всех земель войску и офицерам «без выкупа». Была одновременно восстановлена старая система управления войском и объявлена автономия в отношениях с новыми властями Сибири [4, ч. 2, с. 267–268]. После этих решений войскового круга «казачий вопрос» вновь не получил логического разрешения.

В начавшейся Гражданской войне казачьи «верхи» для участия в боевых действиях сумели мобилизовать только часть войска. Это были особые добровольческие атаманские отряды для борьбы с Советской властью в регионе [1, стлб. 428], которые затем привлекались для подавления антиправительственных выступлений крестьян и рабочих Сибири [10]. Для борьбы с Советской властью в России казачья старшина не смогла направить регулярные части Сибирского войска. Главная причина заключалась в саботаже рядовыми казаками мобилизационных мероприятий «Войскового правительства» [11, с. 143–146]. Кроме того, «верхи» казачества были озабочены проблемой придания своему автономному правительству легитимности в масштабах всего региона [4, ч. 2, с. 269]. Подобная ситуация сложилась во всех казачьих войсках России. От Дона до Амура старшина всеми способами стремилась получить абсолютную автономию по всем вопросам и в первую очередь по вопросу сохранения внутреннего землеустройства. Активность «казачьей олигархии» в Сибири подкреплялась историческими изысками об особом происхождении казачества, его особом характере и традициях «самобытного народа-хлебороба» с особой историей [4, ч. 2, с. 268], имеющей мало общего с историей русского народа.

Встречалась политика «казачьей олигархии» Временным Сибирским правительством с нескрываемой враждебностью, тем более что казачьи «верхи» активно вмешивались в его дела, устраняя из него все эсеровские элементы, что и произошло в сентябре 1918 г. [12, с. 21–38]. Активность казачьих «верхов» стала одной из предпосылок государственного переворота 18 ноября 1918 г., проведенного отрядами офицеров-казаков В. И. Волкова и И. Н. Красильникова. Эсеровская Директории была низложена, после чего вся власть была передана военному министру адмиралу А. В. Колчаку, провозглашенному Верховным Правителем России [13, с. 27–28]. Учитывая, что адмирал А. В. Колчак представлял интересы консервативной части либерального движения страны, «казачья олигархия» рассчитывала на разрешение «казачьего вопроса» в свою пользу, поэтому офицеры-казаки превратились в преторианскую гвардию Белого режима [13, с. 29]. Адмирал А. В. Колчак, понимая роль «казачьей олигархии» в системе своей диктатуры, стремился заручиться ее поддержкой, обеспечивая офицерам-казакам особое продвижение по службе [14, с. 184, 191]. Кроме того, общинам казаков предоставлялись льготы, большая финансовая и материальная помощь [5, с. 102]. Верховный правитель не обращал внимания на автономистские происки казачьих атаманов, хотя их действия разрушали как тыл Белой Сибири, так и боевой антисоветский фронт [15, с. 470–471]. Окружение адмирала А. В. Колчака выражало острое недовольство «атамановщиной», требуя реформировать казачье сословие по общегражданскому образцу [15, с. 453], однако в этот период политические взгляды Верховного правителя совпадали с интересами «казачьей олигархии», поэтому разрешение «казачьего вопроса» в рамках программы партии кадетов было отложено до окончания Гражданской войны в России.

В то же время процесс «расказачивания» казаков остановить было невозможно [16]. Во-первых, сами рядовые казаки в ряде станиц на своих сходах отказывались от сословного статуса и «окрестьянивались» [11, с. 350]. Во-вторых, «расказакование» активно проводили антиколчаковские повстанцы. Красные партизаны Сибири осуществляли это мероприятие исключительно жестокими мерами, т. е. средствами террора в отношении всего населения казачьих станиц [17]. Например, военный инструктор при 6-й Горностепной дивизии повстанцев Байбурин зимой 1920 г. докладывал Реввоенсовету 5-й Красной Армии: «Мужское население сбежало. В станицах остались женщины, дети, дряхлые старики. Во многих станицах почти все имущество и весь скот реквизированы и конфискованы. Конфискованы даже сельскохозяйственные орудия. Конфискована, а частью разграблена… не только лишняя, но даже самая необходимая одежда. У многих женщин-казачек едва прикрыта грудь изорванным тряпьем» [18, л. 19 об.]. Стоит признать, что «крестьянско-партизанский» способ разрешения «казачьего вопроса» в Сибири в период Гражданской войны приобрел черты сословного геноцида. Тем самым своим отказом от демократического разрешения «казачьего вопроса» в пре-

дыдущий период казачьи «верхи» и политическая пассивность рядовых казаков [19] обрекали сибирское казачество вместе с семьями на физическое уничтожение, если бы Гражданская война в регионе затянулась.

Восстановление Советской власти в Сибирском регионе положило начало глубокому реформированию всей системы Сибирского казачьего войска. Оно проводилось на основе советского декрета о ликвидации всех сословий в России [20, с. 72]. 14 августа 1919 г. в обращении ВЦИК и СНК к рабочим, крестьянам, инородческому населению и трудовому казачеству Сибири казачья старшина объявлялась вне закона [21, с. 29–31]. Сибревком и Реввоенсовет 5-й Красной Армии своими распоряжениями распустили военно-административный и хозяйственный аппарат всех трех военных отделов Сибирского казачьего войска. Были упразднены военная канцелярия Войскового наказного атамана и войсковая хозяйственная управа. На местах был отменен институт станичных атаманов [22, с. 64]. Были также отменены воинские повинности сибирских казаков и их особые привилегии [23, с. 276]. Офицерские участки были конфискованы в общегосударственный фонд, из которого землей наделялись малоимущие казаки, при этом юртовые наделы рядовых казаков переделу не подвергались [24, с. 18]. Одновременно был запрещен торговый оборот земель [23, с. 277]. Эти мероприятия ликвидировали земельную собственность казачьей старшины и офицеров. Стоит отметить, что в ходе советского реформирования сохранилось социально-экономическое деление казаков на кулаков, середняков и бедноту, но удалось снять противоречия казаков с иными аграрными группами Сибирского региона. Органы Советской власти Сибири в ходе реформирования местного казачества взяли под защиту гражданское население станиц от произвола анархиствующих красных партизан.

Подводя итоги изучения проблемы «казачьего вопроса» в Сибири в период революции и Гражданской войны, стоит отметить, что его возникновение было логическим результатом процесса перехода России в начале XX века от полуфеодальных социально-экономических отношений к новым, буржуазным. В основе «казачьего вопроса» Сибири, что было и в других казачьих областях страны, находились земельные противоречия как внутри военно-служилого сословия, так и с другими аграрными группами региона. Эти противоречия, составлявшие суть казачьего вопроса, были порождены проблемой экономического участия казачьего населения в развивающемся зерновом рынке страны. Казачьи «верхи» пытались монополизировать этот рынок в Сибири, опираясь на кастовые привилегии и спекулятивную аренду земли из войскового запаса. Все это вызвало острые столкновения со всеми слоями аграрного общества региона. В ходе модернизации общества России возник ряд вариантов разрешения «сибирского казачьего вопроса», прошедших апробацию в период общественных катаклизмов революции 1917 г. и Гражданской войны. Попытка разрешить внутренние проблемы Сибирского казачьего войска самостоятельно закончилась неудачей из-за стремления консервативной «верхушки» казачества, поддержанной известной частью рядовых казаков, сохранить сословные привилегии. Победа «консерваторов» над «демократической» частью казачества края вызвала вмешательство во внутренний конфликт Сибирского войска внешних политических сил. Это обстоятельство в период Гражданской войны привело, с одной стороны, к феномену «атамановщины» казачьей старшины, а с другой, – к сословному геноциду красных партизан в отношении всего казачьего населения региона. Поражение антисоветских сил в Гражданской войне в Сибири в 1920 г. обусловило советский вариант разрешения областного «казачьего вопроса», в ходе которого сибирское казачество как замкнутое военно-кастовое сословие было ликвидировано.

Литература

1. Полюдов Е. Казаки // Сибирская советская энциклопедия: в 4 т. / под общ. ред. М. К. Азадовского, С. А. Алыпова, А. А. Ансона и др. Новосибирск: Западно-Сибирское отделение ОГИЗ, 1931. Т. 2: Забайкалье – Кяхту. 1152 с.
2. Государственный исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф. Р-1015. Оп. 3. Д. 4.
3. Права и свободы человека в программных документах основных политических партий и объединений России. XX век / под ред. А. Н. Аринина, С. И. Семенова, В. В. Шелохаева; отв. ред. А. Н. Аринин. М.: РОССПЭН, 2002. 496 с.
4. Съезды, конференции, совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Акмолинской области (март 1917 – ноябрь 1918 гг.) / сост. Т. В. Якимова; научн. ред. Э. И. Черняк. Томск: ТГУ, 1992. Ч. 1–2.
5. Полюдов Е. Сибирское казачество // Три года борьбы за диктатуру пролетариата. 1917–1920. Омск: Сибирское государственное издательство, 1920. С. 99–103.
6. Полюдов Е. Октябрьский политический переворот среди казачества // Известия Омского губкома РКП(б). 1922. № 4. С. 22–27.
7. Шулдяков В. А. Политические процессы в Сибирском казачьем войске в первой пол. 1918 г.: некоторые итоги изучения // Современные научные исследования: теория, методология, практика. 2013. Т. 1. № 3. С. 335–341.
8. Постановление Временного сибирского правительства «О возвращении владельцам их имений» // Временное Сибирское правительство: сб. документов и материалов / сост. и научный ред. В. И. Шишкин. Новосибирск: Сова, 2007. С. 132–133.
9. Постановление Временного сибирского правительства «Об утверждении временного положения об учреждениях, ведающих земельными делами в Сибири» // Временное Сибирское правительство: сб. документов и материалов / сост. и научный ред. В. И. Шишкин. Новосибирск: Сова, 2007. С. 193–197.

10. Шулдяков В. А. Сибирские казаки в партизанском отряде атамана Б. В. Анненкова // Казачество Сибири от Ермака до наших дней: история, язык, культура: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / под ред. В. Н. Евсеева, Г. С. Зайцева. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2012. С. 255–262.
11. Шулдяков В. А. Гибель Сибирского казачьего войска: в 2 кн. М.: Центрполиграф, 2004. Кн. I. 748 с.
12. Шиловский М. В. Омские события последней декады сентября 1918 г. // Вопросы истории Сибири XX в. / отв. ред. М. И. Шиловский. Новосибирск: [б. и.], 1993. С. 21–38.
13. Шулдяков В. А. Верховный правитель России адмирал А. В. Колчак и Сибирское казачье войско // А. В. Колчак – ученый, адмирал, Верховный Правитель России // Исторические чтения, посвященные 130-летию со дня рождения А. В. Колчака. Омск, 4 ноября 2004 / отв. ред. В. А. Шулдяков. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. С. 19–30.
14. Шулдяков В. А. Анненковцы М. Ф. Карбышев, Е. А. Берников, Н. И. Размазин – герои Сибирского казачьего войска // Гражданская война в Сибири: материалы Всероссийской заочной научно-практической конференции / под ред. Д. И. Петина, Т. А. Терехиной. Омск: Архивное управление Министерства государственно-правового развития Омской области, 2013. С. 181–200.
15. Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак: поворотный момент русской истории. 1918–1920 гг. М.: Айрис-Пресс, 2008. 672 с.
16. Паршуков В. А. Пьянство, беспорядки в 1-м Енисейском казачьем войске // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2. Т. 6. С. 284–287.
17. Ярославский Ем. Урок // Советская Сибирь (Омск). 1921. 23 февраля. № 40 (409).
18. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. П-2. Оп. 1. Д. 127.
19. Богуцкий А. Е. Пассивная форма сибирской атаманщины в годы Гражданской войны // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 3-1. С. 40–46.
20. Декрет ВЦИК и СНК об уничтожении сословий и гражданских чинов // Декреты Советской власти / сост. С. Н. Валк, И. В. Загоскин, Л. Н. Ростопчина, Ю. А. Ахапкин, Б. Н. Казанцев. Ред. комиссия: Г. Д. Обичкин, С. Н. Валк, Л. С. Гапоненко, А. А. Новосельский, М. Д. Стучебникова. М.: Политиздат, 1957. Т. I. С. 71–72.
21. К рабочим, крестьянам, инородческому населению и трудовому казачеству Сибири // Декреты Советской власти / сост. С. Н. Валк, Ю. А. Ахапкин, А. С. Масальская, А. С. Покровский, Л. К. Нечаева. Ред. коллегия: С. Н. Валк, И. В. Загоскина, Ю. И. Кораблев, Г. Д. Обичкин, Н. И. Павленко, П. А. Родионов, А. А. Соловьев. М.: Политиздат, 1973. Т. VI. С. 29–31.
22. Хвостов Н. А. Государственное и партийное строительство среди сибирского казачества после разгрома Колчака // Вопросы социально-классовых отношений в социалистическом обществе / сост. Н. Е. Ульянов; отв. ред.Т. И. Богомолов. Омск: ОГПИ, 1974. С. 62–79.
23. Декларация Сибревкома о порядке наделения и пользования землей // Сибирский революционный комитет (Сибревком): сб. документов и материалов / сост. А. Н. Блохина, Н. Д. Вертоградская, Н. Н. Дворядкина, Н. А. Дедюшина, В. Я. Кузменчук, Е. И. Петрова, Е. Я. Рыжик; ред. Л. А. Ушакова. Новосибирск: Новосибирское кн. изд., 1959. С. 275–279.
24. Выписка из протокола № 17 заседания Сибирского областного бюро РКП(б) // Сибирская Вандея: документы: в 2 т. / под ред. акад. А. Н. Яковлева; сост. В. И. Шишкин; ред. В. Т. Кабанов. М.: Международный фонд «Демократия», 2000. Т. 1. 664 с. С. 18–19.

COSSACK ISSUE IN SIBERIA DURING THE REVOLUTION AND CIVIL WAR IN RUSSIA

Mihail I. Vtorushin [1, @]

[1] *Omsk state technical university, 11, Peace ave., Omsk, Russia, 644050*
[@] *vtorushin-m2013@yandex.ru*

Received 12.01.2017.
Accepted 24.07.2017.

Keywords: military government, Civil war, land issue, Cossack issue, Cossack oligarchy, decossackization, council of the Cossacks' deputies.

Abstract: The paper presents the problem of the Siberian Cossacks crisis in the period of socio-political upheavals of the revolution and Civil War in 1917–1920.
The aim of the paper is to examine the reasons and the essence of the regional Cossack community crisis in the course of the 1917 revolution and the Civil war as well as to identify the options and results of its resolution. The problem is investigated on the basis of the dialectical-materialistic method of cognition: each position is examined through the light of historicism, in connection with other historical events of the era and with specific historical experience.
The "Cossack issue" took shape in the early XXth century amid the civil transformation of the Russian society. In Siberia the issue received internal and external content. The internal content of the issue is made up of the contradictions between the rank-and-file Cossacks and the officers due to the inequality of landholdings, as well as between the Cossack mainstream, on the one hand, and the Cossack troops'

lieutenant colonels, on the other, because of the problem of the land reserve exploitation and compliance with the rights and obligations equivalence in the Cossack community. The external constituent is made up of the contradictions between the privileged Cossack community in Siberia and the peasantry and minority peoples of the region concerning the land issue. Moreover, the "Cossack issue" included also a general historical tendency – the search for optimal ways to abolish the Cossack class privileges and to equalize them in rights and responsibilities with the rest of the population of Russia. Since in this period there was no class-caste unity of the Cossacks de facto, this fact was to be established de jure. And it was the 1917 revolution that was responsible for it. The "Cossack issue" resolution resulted in the acute social-political opposition both within the regional Cossack community and in the civil war of the Siberian Cossacks with the bulk of the Siberian population.
The results of the study can be used when writing generalized works on the history of Siberia, lecturing on Russian history of this period, teaching courses on the history of the 1917 revolution and the Civil war.

For citation: Vtorushin M. I. Kazachii vopros v Sibiri v period revoliutsii i Grazhdanskoi voiny v Rossii [Cossack Issue in Siberia during the Revolution and Civil War in Russia]. *Bulletin of Kemerovo State University,* no. 3 (2017): 32–38. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-3-32-38.

References

1. Poliudov E. Kazaki [Cossacks]. *Sibirskaia sovetskaia entsiklopediia* [The Siberian Soviet encyclopedia]. Ed. Azadovskii M. K., Alypov S. A., Anson A. A. Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoe otdelenie OGIZ, vol. 2 (1931): 1152.

2. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Omskoi oblasti (GIAOO)* [State historical archive Omsk region (SHAOR)]. Found R-1015, List 3, File 4.

3. *Prava i svobody cheloveka v programmnykh dokumentakh osnovnykh politicheskikh partii i ob"edinenii Rossii. XX vek* [The rights and freedoms of the individual in the program documents of the main political parties and associations of Russia. *XX* century]. Ed. Arinin A. N., Semenova S. I., Shelokhaev V. V. Moscow: ROSSPEN, 2002, 496.

4. *S"ezdy, konferentsii, soveshchaniia sotsial'no-klassovykh, politicheskikh, religioznykh, natsional'nykh organizatsii v Akmolinskoi oblasti (mart 1917 – noiabr' 1918 gg.)* [Congresses, conferences, meetings, social class, political, religious, national organizations in the Akmola region (march 1917 – november 1918)]. Comp. Iakimova T. V. Ed. Cherniak E. I. Tomsk: TGU, vol. 1–2 (1991).

5. Poliudov E. Sibirskoe kazachestvo [Siberian Cossacks]. *Tri goda bor'by za diktaturu proletariata.* 1917–1920 [Three years of struggle for the dictatorship of the proletariat. 1917–1920]. Omsk: Sibirskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1920, 99–103.

6. Poliudov E. Oktiabr'skii politicheskii perevorot sredi kazachestva [The October political coup among the Cossacks]. *Izvestiia Omskogo gubkoma RKP(b*) *= Izvestya of the Omsk regional Committee of the RCP(b),* no. 4 (1922): 22–27.

7. Shuldiakov V. A. Politicheskie protsessy v Sibirskom kazach'em voiske v pervoi pol. 1918 g.: nekotorye itogi izucheniia [Political processes in the Siberian Cossack army in the first half. 1918: some results of studying]. *Sovremennye nauchnye issledovaniia: teoriia, metodologiia, praktika = Modern scientific researches: theory, methodology, practice*, 1, no. 3 (2013): 335–341.

8. Postanovlenie Vremennogo sibirskogo pravitel'stva «O vozvrashchenii vladel'tsam ikh imenii» [The decree of the Provisional Siberian government «On the return to owners of their estates»]. *Vremennoe Sibirskoe pravitel'stvo* [The provisional Siberian government]. Comp. and ed. Shishkin V. I. Novosibirsk: Sova, 2007, 132–133.

9. Postanovlenie Vremennogo sibirskogo pravitel'stva «Ob utverzhdenii vremennogo polozheniia ob uchrezhdeniiakh, vedaiushchikh zemel'nymi delami v Sibiri» [The decree of the Provisional Siberian government «On approval of interim provisions on institutions in charge of land affairs in Siberia»]. *Vremennoe Sibirskoe pravitel'stvo* [The provisional Siberian government]. Comp. and ed. Shishkin V. I. Novosibirsk: Sova, 2007, 193–197.

10. Shuldiakov V. A. Sibirskie kazaki v partizanskom otriade atamana B. V. Annenkova [Siberian Cossacks in the partisan detachment of ataman B. V. Annenkov]. *Kazachestvo Sibiri ot Ermaka do nashih dnei: istoriia, iazyk, kul'tura: materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* [The Cossacks of Siberia by Yermak to the present day: history, language, culture: Proc. all-Russian Sc.-Prac. Conf. with Intern. participation]. Ed. Evseev V. N., Zaitsev G. S. Tiumen', 2012, 255–262.

11. Shuldiakov V. A. *Gibel' Sibirskogo kazach'ego voiska* [The death of the Siberian Cossack troops]. Moscow: Tsentrpoligraf, vol. 1 (2004): 748.

12. Shilovskii M. V. Omskie sobytiia poslednei dekady sentiabria 1918 g. [Omsk events of the last decade of September, 1918]. *Voprosy istorii Sibiri XX v.* [Questions of history of Siberia of the XX century]. Ed. Shilovskii M. I. Novosibirsk, 1993, 21–38.

13. Shuldiakov V. A. Verkhovnyi pravitel' Rossii admiral A. V. Kolchak i Sibirskoe kazach'e voisko [Kolchak A. V. was a scientist, Admiral, Supreme Ruler of Russia]. *Istoricheskie chteniia, posviashchennye 130-letiiu so dnia rozhdeniia Kolchaka A. V. Omsk, 4 noiabria 2004* [Historical readings dedicated to the 130th anniversary of the birth of Kolchak A. V.]. Ed. of V. A. Shuldiakov. Omsk, 2005, 19–30.

14. Shuldiakov V. A. Annenkovtsy Karbyshev M. F., Bernikov E. A., Razmazin N. I – geroi Sibirskogo kazach'ego voiska [Annenkovtsy Karbyshev M. F., Bernikov E. A., Razmazin N. I. – heroes of the Siberian Cossack troops]. *Grazhdanskaia voina v Sibiri: materialy Vserossiiskoi zaochnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Civil war in Siberia: Proc. all-Russian correspondence Sc.-Prac. Conf.]. Ed. Petina D. I., Terekhina T. A. Omsk: Archival Department of the Ministry of state-legal development of the Omsk region Омsk, 2013, 181–200.

15. Gins G. K. *Sibir', soiuzniki i Kolchak: povorotnyi moment russkoi istorii. 1918–1920 gg.* [Siberia, the allies and Kolchak: turning point of Russian history]. Moscow: Airis-Press, 2008, 672.

16. Parshukov V. A. P'ianstvo, besporiadki v 1-m Eniseiskom kazach'em voiske [Alcoholism, disorders in the 1st Yenisei Cossack army]. *Bulletin of the Kemerovo state university*, 6, no. 2 (2013): 222–227.

17. Iaroslavskii Em. Urok [Lesson]. *Sovetskaia Sibir' (Omsk) = Soviet Siberia (Omsk),* February 23 (1921).

18. *Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraia (GAAK)* [The State archives of Altai Krai (GAAK)]. Found P-2, List 1, File 127.

19. Bogutskii A. E. Passivnaia forma sibirskoi atamanshchiny v gody Grazhdanskoi voiny [The passive form of the Siberian atamanovsky during the Civil war]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki = Historical, philosophical, political and law Sciences, Culturology and study of art. Issues of theory and practice*, no. 3-1 (2012): 40–46.

20. Dekret VTsIK i SNK ob unichtozhenii soslovii i grazhdanskikh chinov [The decree of the Central Executive Committee and the CPC on the destruction of estates and civil ranks]. *Dekrety Sovetskoi vlasti* [Decrees of the Soviet government]. Comp. Valk S. N., Zagoskin I. V., Rostopchina L. N., Akhapkin Iu. A., Kazantsev B. N. Ed. Obichkin G. D., Valk S. N., Gaponenko L. S., Novosel'skii A. A., Stuchebnikova M. D. Moscow: Politizdat, vol. I (1957): 71–72.

21. K rabochim, krest'ianam, inorodcheskomu naseleniiu i trudovomu kazachestvu Sibiri [To the workers, peasants, indigenous people, indigenous populations and to the working Cossacks of Siberia]. *Dekrety Sovetskoi vlasti* [Decrees of the Soviet government]. Comp. Valk S. N., Akhapkin Iu. A., Masal'skaia A. S., Pokrovskii A. S., Nechaeva L. K. Ed. Valk S. N., Zagoskina I. V., Korablev Iu. I., Obichkin G. D., Pavlenko N. I., Rodionov P. A., Solov'ev A. A. Moscow: Politizdat, vol. VI (1973): 29–31.

22. Khvostov N. A. Gosudarstvennoe i partiinoe stroitel'stvo sredi sibirskogo kazachestva posle razgroma Kolchaka [State and party building among the Siberian Cossacks after the defeat of Kolchak]. *Voprosy sotsial'no-klassovykh otnoshenii v sotsialisticheskom obshchestve* [Questions of social and class relations in socialist society]. Comp. N. E. Ul'ianov. Ed. Ul'ianov N. E., Bogomolov T. I. Omsk: OGPI, 1974, 62–79.

23. Deklaratsiia Sibrevkoma o poriadke nadeleniia i pol'zovaniia zemlei [Declaration Sibrevkoma about the order of granting and use of land]. *Sibirskii revoliutsionnyi komitet (Sibrevkom)* [Siberian revolutionary committee (Sibrevkom)]. Comp. Blokhina A. N., Vertogradskaia N. D., Dvoriadkina N. N., Dediushina N. A., Kuzmenchuk V. Ia., Petrova E. I., Ryzhik E. Ia. Ed. Ushakova L. A. Novosibirsk: Novosibirskoe kn. izd., 1959, 275–279.

24. Vypiska iz protokola № 17 zasedaniia Sibirskogo oblastnogo biuro RKP(b) [Extract from the minutes No. 17 of the meeting of the Siberian regional Bureau of the RCP(b)]. *Sibirskaia Vandeia* [Siberian Vendee]. Ed. Iakovlev A. N., Kabanov V. T. Comp. Shishkin V. I. Moscow: Mezhdunarodnyi fond «Demokratiia», vol. 1 (2000): 18–19.

УДК 94(470)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БИЙСКОЙ ГОРОДСКОЙ ДУМЫ В ПЕРИОД С ИЮНЯ 1918 ПО ДЕКАБРЬ 1919 ГГ.

Александр Г. Гордеев[1, @]

[1] *Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет им. В. М. Шукшина, Россия, 659333, г. Бийск, ул. Короленко, 53*
[@] *lex.ag@mail.ru*

Поступила в редакцию 28.04.2017.
Принята к печати 24.07.2017.

Ключевые слова: гражданская война, городские самоуправления, антибольшевистские правительства, земства, Алтайская губерния.

Аннотация: В статье анализируется деятельность Бийской Городской думы во время гражданской войны. В основе исследования лежит анализ архивных документов указанного периода. Также привлекаются опубликованные документы. Описывается деятельность городского самоуправления в различных сферах: политической, охраны порядка, образования, медицины. По инициативе бийских думцев помимо милиции в городе создавалась добровольная дружина для охраны порядка. При непосредственном участии думцев была проведена реорганизация учебных заведений, и приняты меры по улучшению эпидемиологической ситуации в городе. Деятельность Бийской думы характеризовала и активная позиция относительно положения, складывавшегося в уезде. Решение насущных хозяйственных вопросов было одним из приоритетов местного самоуправления Бийска. Думцы в условиях разрухи и гражданской войны смогли провести комплекс мер по устройству мирной жизни в городе. Их деятельность охватывала различные стороны общественной жизни от охраны порядка до улучшения качества лекарств. Во главе города находились сильные личности, знающие свою работу. Опыт их деятельности во время экономического кризиса огромен и, на наш взгляд, очень ценен в сегодняшних реалиях России.

Для цитирования: Гордеев А. Г. Деятельность Бийской Городской думы в период с июня 1918 по декабрь 1919 гг. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 3. С. 39–43. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-3-39-43.

По истории г. Бийска времён гражданской войны написано уже немало работ. В 1965 г. в свет выходит работа «Бийск социалистический» [1]. В ней детально раскрывается деятельность большевистского подполья в Бийске. В 1977 г. выходят две работы, на страницах которых также затрагивается история Бийска эпохи гражданской войны. «Ветры над Бией» авторства М. Длуговского является документальной повестью, через всю книгу проходит идея борьбы народных масс с угнетателями [2]. В этом же году вышел сборник воспоминаний алтайских партизан «В борьбе и тревоге» [3]. Все эти работы страдали однобоким взглядом на происходившие события. В них либо не освещалась деятельность Городской думы, либо упоминалось о Думе в контексте её антинародности. Более детально вопрос о деятельности местной власти времён «демократической контрреволюции» и российского правительства А. В. Колчака раскрыт в книге Э. П. Шмойлова «Бийск», вышедшей в 1993 г. Однако и в этой работе деятельность Городской думы показана с позиции неумелого руководства городом. Как нам видится, возник некий пробел в знании о деятельности местного самоуправления г. Бийска, который являлся в годы гражданской войны вторым политическим центром Алтайской губернии [1, с. 10]. Частично события гражданской войны освещены в 24 книге альманаха «Тобольск и вся Сибирь», посвященной Бийску [4]. Вышедшая в 2015 г. книга исторических очерков «Бийские градоначальники» лишь упоминает городских голов периода гражданского противостояния, не раскрывая деятельности [5].

Процесс свержения советской власти, начавшийся в Сибири в начале июня 1918 г., к середине месяца докатился и до Алтайской губернии. После занятия Сибирской армией 15 июня 1918 г. Барнаула открылась дорога на Бийск. В самом городе противники власти советов готовили вооружённый мятеж. Красногвардейский отряд В. И. Плетнева направился на фронт, который теперь проходил в пятидесяти километрах от Бийска. 20 июня антибольшевистские силы заняли Бийск, который был без боя сдан местным Советом, отступившим к селу Березовка, где они и были разбиты [6, с. 202–206]. Это событие послужило началом новой страницы в истории г. Бийска.

В городе возобновили работу ранее запрещённые большевиками газеты. Так, эсеровская газета «свободный Алтай» вышла с таким сообщением: «Доводится до всеобщего сведения, что в г. Бийске образовался и приступил к работе Бийский уездный комиссариат Временного Правительства Сибири». Через три дня состоялось заседание Городской думы. Дума заседала в составе, избранном 24 сентября 1917 г. Заседание Думы открыл член партии ПСР С. Е. Пузырев. Прозвучала фраза, отражающая надежды противников большевиков: «Будем думать, что советская власть умерла навсегда». Бийские думцы выразили доверие и признание Временного Сибирского правительства. Городским головой оставался А. П. Строльман, на этом посту он пробыл до декабря 1918 г., когда его назначили губернским комиссаром.

Новые выборы в Бийскую Городскую думу на собрании было решено провести не позднее 6 августа. Причём новых списков решили не составлять, а испра-

вили старые, уведомили о том население и дополнили списками демобилизованных, взяв необходимые сведения у Воинского начальника [7, с. 2]. После состоявшихся 19 августа 1918 г выборов гласными Бийской Городской думы. были избраны 45 человек [8, с. 63]. При этом показательно, что выборы состоялись при крайне низкой явке. Так, список избирательных карточек, предъявленных избирателями на выборах 19 августа (заречная часть) – 198 карточек из списка в 3101 карточку [8, с. 72]. На выборах в уездное собрание 1 декабря 1918 г. явка была следующей: по первому городскому участку из 5 тыс. избирателей проголосовало 169 человек. Ещё более низкой явка была в заречной части, где из 2100 человек проголосовали всего 16. Для поддержания порядка было решено задержать в городе отряды Временного Сибирского правительства [7, с. 2].

Бийские думцы приступили к восстановлению мирной жизни города. Первым делом были приняты меры по охране порядка в городе: организован штат милиции в 70 человек, и организуется добровольная дружина в 250 человек. По сообщению начальника милиции, в нее приглашены по возможности надежные люди, и качественный состав милиции постепенно улучшается. Дружина же находится в периоде организации. Местные союзы домовладельцев и мещанское общество гарантировали городу сумму в 200 тыс. руб. на содержание милиции. В городе были созданы пять милицейских участков вместо прежних трёх [9, с. 33]. Данное преобразование положительно сказалось на снижении нагрузки на городскую милицию. Если раньше до проведённых преобразований на одного начальника участка приходилось 34 тыс. человек, то теперь это число в среднем уменьшилось до 20 тыс. [10, с. 44].

Думцами было предложено разобраться с окладами служащим и упорядочить их. Приводятся такие несоответствия: сторож при училище получает 156 руб., а учитель – 150 руб, член управы – 300 руб., столько же и конторщик, не несущий никакой ответственности за общий ход городского хозяйства. Пересмотр окладов было решено провести к августу [7, с. 3].

Восстановленные после ликвидации советской власти земства Алтайской губернии столкнулись с финансовыми трудностями, о чём было сказано представителями уездов на первом чрезвычайном Алтайском земском собрании [11, с. 44]. Бийск исключением не стал. Э. П. Шмойлов в своем исследовании указывает на факты создавшейся разрухи в городе. Им отмечается запущенное состояние образования. Как пример приводится размещение в здании школ военных. Также он указывает и на сложившуюся антисанитарную ситуацию в городе, которая привела к вспышкам сыпного, брюшного и возвратного тифа, дизентерии, холеры, оспы, рожи и других инфекционных заболеваний [12, с. 76]. Исследователь при этом подаёт информацию явно в негативном ключе, упускаются из вида важные детали работы Городской думы. По обозначенным проблемам в городе был не только составлен план решения, но и проводились активные мероприятия.

Так, в частности на заседании Думы от 3 июля 1918 г. было предложено решение проблемы, связанной с организацией образовательного процесса в городе. Было предположено открыть 1-й и 2-й классы, каждый в 3-х комплектах. Подписывалось соглашение с Бийским Обществом Народных Университетов о предоставлении помещения на условиях: городское самоуправление, не участвуя в расходах по найму помещений, принимает на себя расходы по отоплению в размере 60 % от действительной стоимости; на освещение – 20 %, на воду – 40 %; на наем служителей – 50 %.

Таким образом, расход на содержание смешанной гимназии составлял 920 руб. в месяц. Общество Народных Университетов со своей стороны предоставляет три аудитории с 8 утра и до 2 дня, четырех служителей для шинельной и одного для посылок во время учебных занятий. Также Общество согласилось приступить к работам по устройству перегородок – ширм, шкафов для учебных принадлежностей и руководств, ватерклозетов, бака для питьевой воды, классных досок при условии предоставления нужных материалов городским самоуправлением. Обязанность обслуживать помещение своими служителями, отапливать и освещать его также ложилась на плечи Общества [7, с. 34]. Бийские думцы в условиях крайней нехватки средств смогли выйти из затруднительного положения в организации образования в городе, привлекая общественные организации к решению этого насущного вопроса. Городской голова Я. Орнатский в мае 1919 г. направил ходатайство в Алтайскую губернскую земскую управу о выделении субсидии на содержание смешанной гимназии. Расход на содержание гимназии достиг 100 тыс. руб. Из этого же ходатайства следует, что бийские земцы несли расходы на обучение тех лиц, которые не являлись жителями города [13, с. 623–624].

На том же совещании рассматривался вопрос, связанный с состоянием медицины в городе. После выслушивания доклада о положении дел Дума постановила:

1) должность заречного врача сохранить;

2) должность разъездного врача сохранить временно до разработки врачебно-санитарной комиссией плана оказания на дому бесплатной врачебной помощи беднейшим жителям;

3) должность 3-го фельдшера при заразном бараке сохранить лишь на летний период 1918 г.;

4) взамен второй должности фельдшерицы-акушерки установить за рекой должность акушерки;

5) плату за лечение в амбулатории повысить с 10 до 30 коп. за посещение, а в больнице – с 60 коп. до 3 руб. в сутки, причем врачам предоставляется право беднейшим жителям оказывать бесплатную амбулаторную помощь и принимать 10 % всех больных в больнице бесплатно, сельских же жителей принимать в больницу лишь в крайних случаях за плату 3 руб. в сутки. Прием больных в заразный барак по-прежнему должен быть бесплатным [7, с. 33].

Данные мероприятия требовали средств, которых, как указывал в своём ходатайстве Я. Орнатский, в городе попросту не было. В 1919 г. дефицит городского бюджета достиг миллиона рублей. Одной из причин бедственного финансового положения в городе он видел неправильное земское обложение в уезде [13, с. 623]. Для более ясного понимания причин такого положения вещей логичным, на наш взгляд, будет анализ системы земского сбора в Бийском уезде.

Ценнейшим источником по изучению данного вопроса является доклад Бийской уездной управы. Бийское уездное земство в 1918 г. разложило земский сбор самостоятельно, уже без всякого отношения его к оброчной подати. Бийское земство нарушило статьи «Временного Положения о земстве в Сибири», что затем привело к непоступлению нужных средств в городскую казну [14, с. 531–537]. Однако стоит сделать замечание о сложившемся противоречии внутри самого закона. Во «Временном положении» говорится, что «оброчная подать распределяется земскими собраниями: между уездами – губернским земским собранием, между волостями – уездным земским собранием и по селениям внутри волости – волостным земским собранием». Ранее земский сбор в Европейской России раскладывался непосредственно в селениях. Это положение отменено не было, хотя и ввели новый закон, где уже волость сама раскладывает земский сбор [15, с.120].

Однако условия гражданской войны вносили свои коррективы в городскую жизнь. Во-первых, часть расходов на содержание и обмундирование армии ложилась на население. Например, 6 октября 1918 г. вышел приказ начальника гарнизона полковника Гладышева, в котором приказывалось приступить к скорейшему пошиву зимнего обмундирования для 1-го Средне-Сибирского армейского корпуса. Причем пошив предлагалось провести не только силами соответствующих мастерских, но и привлечь обычных граждан [13, с. 383]. Ещё большее недовольство вызвало начавшееся исполнение приказа от 5 октября 1918 г. по указанному выше корпусу. Объявлялось, что все уклоняющиеся новобранцы при добровольной явке в свои полки понесут лишь дисциплинарное наказание. На поимку тех, кто продолжит уклоняться, будут высланы воинские отряды. Все те, кого они захватят, должны будут быть преданы военно-полевому суду.

Данные мероприятия приводили к усилению антиправительственных настроений в городе и уезде. По сообщению начальника милиции Меера, в волостях, граничащих с Змеиногорским уездом, влияние большевизма на население весьма высоко [16, с. 5]. Большую проблему в налаживании хозяйства играли и бийские подпольщики. Их деятельность подробно рассмотрена Э. П. Шмойловым. Самой крупной подпольной организацией большевиков в Бийске и уезде являлся отряд Попова. Эта подпольная организация начала складываться с июля 1918 г. и охватывала многие сёла Бийского уезда. Такое положение дел требовало от власти принятия скорейших и адекватных степени угрозы мер. В итоге в городе и уезде 15 июля 1918 г. было объявлено военное положение. Развернувшаяся борьба с большевиками привела к тому, что бийская тюрьма оказалась переполненой. Вместо 130 заключенных в ней находились в отдельные моменты до 700 человек. Гражданская война и непримиримость враждующих сторон в полной мере захватила город. 12 октября был убит чех А. Качек; 3 ноября был похоронен милиционер Спиридонов, погибший при исполнении. Апогея террор достиг 16 декабря, когда был убит член управы С. И. Варнавский[17, с. 77].

Жертвами террора становились и простые люди. Бийским учреждениям 16 сентября 1919 г. пришлось созывать совещание по вопросу уборки хлебов в казачьих станицах. Причиной созыва явился тот факт, что в станицах Маральевской, Чарышской, Слюдянской и Сосновской «красными» были вырезаны все мужчины в возрасте от 17 до 50 лет. Стоит отметить, что данный вопрос имел большое значение. Сделать такой вывод можно исходя из того, что в состав совещания входили городской голова И. Ефремов, председатель уездной земской управы Зятьков. По окончании совещания было решено организовать 4 артели по 50 человек из военнопленных и запросить аванс в 20000 руб. у управляющего губернией [14, с. 415].

Тем временем обстановка на фронте обострялась. Вскоре в город, расположенный в тылу, начали поступать поезда с ранеными и беженцами. К июлю 1919 г. в городе беженцев начитывалось 1050 человек, а в уезде – 2467. Так гласит официальная статистика губернского отдела призрения. После 1 июля данные о количестве беженцев прекратили поступать [13, с. 469]. С разгромом армии Колчака судьба алтайских «белых» была предрешена. В ночь с 9 на 10 декабря 1919 г., не имея возможности отступить в сторону Новониколаевска, они приняли решение отступать по Чуйскому тракту в Монголию.

Деятельность бийских думцев в годы гражданской войны полна драматизма. В условиях нехватки ресурсов с одной стороны, постоянно грозившего расправой подполья с другой, эти люди стремились наладить мирную жизнь. Была проделана работа по созданию смешанной гимназии, её содержанию. Приведена в норму ситуация с эпидемиологическими заболеваниями. В руководстве города состояли крепкие хозяйственники, знающие своё дело. Опыт их деятельности в условиях экономического кризиса колоссален и, на наш взгляд, весьма ценен в современных реалиях России.

Литература

1. Бийск социалистический: (из истории рабочего класса Бийска). Барнаул: Алтайское книжное издательство, 1965. 303 с.
2. Длуговской М. Ф. Ветры над Бией. Барнаул: Алтайское книжное издательство, 1971. 159 с.
3. В борьбе и тревоге. Барнаул: Алтайское книжное издательство, 1977. 255 с.
4. Тобольск и вся Сибирь: альманах. Кн. 24: Бийск / сост.: А. М. Родионов, С. В. Филатов, Ю. П. Перминов. Тобольск, 2015. 666 с.
5. Бийские градоначальники. Книга очерков. Бийск: Бия, 2015. 172 с.
6. Борьба за власть Советов на Алтае / под ред. Т. А. Кулакова. Барнаул: Алтайское книжное издательство, 1957. 463 с.
7. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 175. Оп. 1. Д. 30.
8. ГААК. Ф. 175. Оп. 1. Д. 38.
9. ГААК. Ф. 235. Оп. 1. Д. 5.

10. ГААК. Ф. 235. Оп. 1. Д. 15.
11. ГААК. Ф. 235. Оп. 1. Д. 7.
12. Шмойлов Э. П. Бийск. Бийск: Научно-издательский центр Бийского пединститута, 1993. 350 с.
13. Местное самоуправление на Алтае 1747–1919. Барнаул: Управление архивного дела администрации Алтайского края, 2003. 693 с.
14. Революционные события и гражданская война в Алтайской губернии 1917–1922. Барнаул: Алтайский полиграфический комбинат, 2001. 528 с.
15. Сборник законоположений о земстве в Сибири: с приложением статей и узаконений, на которые делаются ссылки в положениях о сибирском земстве / сост. М. И. Ельевич, С. В. Корженевский. Томск: Издание Томской губернской земской управы, 1919. 201 с.
16. ГААК. Ф. 233. Оп. 5. Д. 29.
17. Гордон Э. В. Деятельность подпольных организаций в Алтайской губернии в период гражданского противостояния 1918–1920 годов // Преподавание истории в школе. 2013. № 4. С. 75–79.

ACTIVITIES OF THE BIYSK CITY DUMA IN JUNE 1918 – DECEMBER 1919

Alexander G. Gordeev[1, @]

1 The Shukshin Altai State Humanities Pedagogical University, 148, Korolenko Street, Biysk, Russia, 659333
[@] *lex.ag@mail.ru*

Received 28.04.2017.
Accepted 24.07.2017.

Keywords: civil war, urban self-government, anti-Bolshevik government, zemstvo, Altai province.

Abstract: The article features the Activities of the Biysk City Duma during the Civil War. The paper is based on archival materials and published documents of the period in question. It describes the actions taken by the City Council in different spheres of life: politics, security, education, medicine. The Council members initiated vigilante groups to patrol urban areas; they reorganized educational institutions and took measures to improve the epidemiologic situation. The actions taken by the City Duma characterize the proactive stance of its members in relation to the state of affairs in the region. In resource-poor conditions of the civil war those people tried to establish a peaceful life in the city, from security measures to improving the quality of pharmaceuticals. The council members were dominant figures, who knew their job. Their experience during the economic crisis is enormous and, in our opinion, extremely valuable in today's Russian reality.

For citation: Gordeev A. G. Deiatel'nost' Biiskoi Gorodskoi dumy v period s iiunia 1918 po dekabr' 1919 gg. [Activities of the Biysk City Duma in June 1918 – December 1919]. *Bulletin of Kemerovo State University,* no. 3 (2017): 39–43. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-3-39-43.

References

1. *Biisk sotsialisticheskii: (iz istorii rabochego klassa Biiska)* [Biysk socialist (working-class history Biysk)]. Barnaul: Altaiskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1965, 303.
2. Dlugovskoi M. F. *Vetry nad Biei* [Winds over the Biya]. Barnaul: Altaiskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1971, 159
3. *V bor'be i trevoge* [In the struggle and anxiety]. Barnaul: Altaiskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1977, 255.
4. *Tobol'sk i vsia Sibir':Kn 24. Biisk* [Tobolsk and the whole of Siberia. Book 24. Biysk]. Comp. Rodionov A. M., Filatov S. V., Perminov Iu. P., 2015, 666.
5. *Biiskie gradonachal'niki. Kniga ocherkov* [Biysk mayors. A book of essays]. Biysk: Biia, 2015, 172.
6. *Bor'ba za vlast' Sovetov na Altae* [The struggle for Soviet power in the Altai]. Barnaul: Altaiskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1957, 463.
7. *Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraia (GAAK)* [State Archives of the Altai Territory]. Found 175, List 1, File 30.
8. *Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraia* [State Archives of the Altai Territory]. Found 175, List 1, File 38.
9. *Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraia* [State Archives of the Altai Territory]. Found 235, List 1, File 5.
10. *Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraia* [State Archives of the Altai Territory]. Found 235, List 1, File 15.
11. *Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraia* [State Archives of the Altai Territory]. Found 235, List 1, File 7.
12. Shmoilov E. P. *Biisk* [Biysk]. Biysk: Nauchno-izdatel'skii tsentr Biiskogo pedinstituta, 1997, 350.
13. *Mestnoe samoupravlenie na Altae 1747–1919* [Local government in the Altai 1747–1919]. Barnaul: Administration of archive business of administration of Altay territory, 2003, 693.
14. *Revoliutsionnye sobytiia i grazhdanskaia voina v Altaiskoi gubernii 1917–1922* [The revolutionary events and the Civil War in the Altai province 1917–1922]. Barnaul: Altaiskii poligraficheskii kombinat, 2001, 528.

15. *Sbornik zakonopolozhenii o zemstve v Sibiri: s prilozheniem statei i uzakonenii, na kotorye delaiutsia ssylki v polozheniiakh o sibirskom zemstve* [Collection of regulations on zemstvos in Siberia: the application of the articles and statutes to which reference is made in the provisions of the Siberian Zemstvo]. Comp. El'evich M. I., Korzhenevskii S. V.]. Tomsk: Edition of the Tomsk provincial zemstvo government, 1919, 201.

16. Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraia [State Archives of the Altai Territory]. Found 233, List 5, File 29.

17. Gordon E. V. Deiatel'nost' podpol'nykh organizatsii v Altaiskoi gubernii v period grazhdanskogo protivostoianiia 1918–1920 godov [The activities of underground organizations in the Altai Gubernia in the period of civil confrontation of 1918–1920]. *Prepodavanie istorii v shkole = Teaching history at school*, no. 4 (2013): 75–79.

УДК 947.081.11

ТРАДИЦИИ ОПЕКИ У КРЕСТЬЯН ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XX В.

Мария А. Гордеева [1,@]

[1] *Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Россия, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8*
[@] *sharshova@yandex.ru*

Поступила в редакцию 28.04.2017.
Принята к печати 24.07.2017.

Ключевые слова: Томская губерния, крестьянство, опека, попечительство, сиротство, имущество, община.

Аннотация: В статье рассматривается механизм установления крестьянской опеки в Томской губернии. На основе опекунских дел проанализированы основные этапы установления опеки: назначение опекуна, составление описи имущества, составление отчета по управлению имуществом, проведение аукционных торгов. Выявлены нарушения и конфликтные ситуации на каждом из них. Автор приходит к выводу о том, что опека в данном регионе сводилась к борьбе за материальные ресурсы. Опекун мог распоряжаться имуществом сирот: вести хозяйство на их земле, либо сдавать ее, а также дворовые постройки и скот в аренду. Вырученные средства опекун мог вложить на счет в сберегательной кассе до совершеннолетия сирот, либо использовать данные средства на их нужды с разрешения сельского схода. Вопросы о попечении личности, воспитании в христианской традиции не нашли отражения в рассматриваемых документах. Тем не менее, община выполняла основную социальную функцию по назначению опеки, несмотря на отсутствие целостно законодательной базы. Назначения опекунов происходили ежегодно в соответствии с местными обычаями.

Для цитирования: Гордеева М. А. Традиции опеки у крестьян Томской губернии в начале XX в. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 3. С. 43–48. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-3-43-48.

Институт крестьянской опеки дореволюционной России строился преимущественно на базе обычного права, на основе которого воплощались представления крестьян о механизме решения вопросов установления опеки над детьми-сиротами. Этот механизм базировался на представлениях о милосердии, нравственности, социальной справедливости и саморегулировался внутри сельского общества.

Вопросы организации опеки у русских крестьян привлекали исследователей в разные времена. В 1897 г. в Санкт-Петербурге русский фабрикант и меценат князь В. Н. Тенишев создал «Этнографическое бюро», которое активно работало до 1901 г. Основной целью этого предприятия являлась организация и проведение массового сбора сведений о русском крестьянстве по специальной программе. Она называлась «Программа этнографических сведений о крестьянах Центральной России, составленная князем В. Н. Тенишевым». В нее, помимо прочих, был включен и вопрос об опеке. На основе этих материалов впоследствии издано большое количество исследований и сборников документов [1–5].

В современной историографии вопросы законотворческих инициатив по вопросу организации опеки и попечительства над несовершеннолетними лицами крестьянского сословия нашли отражение в ряде работ. Исследователи сходятся во мнении, что отсутствие целостной законодательной базы не препятствовало сельским обществам исполнять важную социальную функцию по установлению опеки, опираясь на местные обычаи [6–9].

Отдельного внимания заслуживает роль и влияние общины на организацию и функционирование опеки над сиротами, исследователи приходят к выводу о том, что крестьянская опека над сиротами преследовала две основных цели: социальную (воспитание христианина и подготовка к взрослой жизни) и экономическую (управление имуществом) [10–16].

В законодательной базе дореволюционной России не наблюдалось четкой регламентации отношений между опекунами и сиротами. Данный вопрос регулировался согласно примечаниям к статье 51 «Общего положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости». При назначении опекунов крестьяне руко-

водствовались местными обычаями. Сельские общества исполняли обязанность назначения опекунов и проверки их действий [6, с. 138].

1 февраля 1887 г. вышло Высочайше утвержденное мнение Государственного совета «О порядке отчуждения имущества малолетних крестьян», согласно которому сельскому сходу разрешалось принимать решение об отчуждении припасов и вещей малолетних сирот, которые могли подлежать скорому тлению и другим тратам [7].

«Положение о земских участковых начальниках», принятое 12 июля 1889 г., определяло функции Губернского по крестьянским делам Присутствия в отношении опеки. Оно должно было рассматривать и утверждать приговоры сельских обществ о продаже движимого и недвижимого имущества, а также рассматривать жалобы, которые поступали на данные приговоры [6, с. 139].

Следующим законодательным актом, регламентирующим механизм опеки, стало обнародованное 23 ноября 1902 г. Высочайше утвержденное мнение Государственного совета «О порядке назначения опеки над имуществом умерших крестьян, бывших приписанными к волости, и над личностью и имуществом остающихся после них малолетних детей». Здесь впервые разграничивались функции сельского схода и волостного правления в исполнении функций опеки. В первом пункте оговаривались предметы ведомства сельских сходов относительно опекунов, приписанных к соответствующему сельскому обществу. Второй пункт определял обязанности волостного схода, в обязанности которого вошла проверка назначения, действий опекунов и попечителей [6, с. 140].

Все документы, касающиеся опеки над несовершеннолетними, формировались в особые дела, которые хранились в волостном правлении и дополнялись по мере поступления материалов, начиная с приговора сельского общества, описи имущества сирот, и заканчивая отчетами по проверкам. В данной работе использованы материалы опекунских дел Коченевской волости Каинского уезда, Мало-Крюковской волости Томского уезда, Тарсминской волости Кузнецкого уезда, Ордынской и Тулинской волостей Барнаульского уезда Томской губернии. Сведения, содержащиеся в данной подборке, позволяют рассмотреть механизм установления опеки над детьми-сиротами и установить основные принципы, которых придерживались опекуны в Томской губернии.

Механизм назначения опеки в сельских обществах состоял из нескольких этапов. На первом из них назначался опекун, причем не только в случае смерти крестьянина, но и в случае его мобилизации [17, л. 1а]. Кандидатура опекуна, как правило, предлагалась старостой на сельском сходе. Форма приговора представляла собой унифицированный типографский бланк. Писарь вносил информацию о дате приговора, названии сельского общества, количестве присутствовавших на сходе крестьян. Далее указывались фамилия и имя умершего крестьянина, дата его смерти, имена и возраст сирот. Записывалось решение сельского схода с указанием фамилии и имени назначенного опекуна. Приговор скреплялся подписями крестьян, присутствовавших на сходе, а также подписью и печатью сельского старосты.

Законом предусматривалась возможность назначать опекуна как из родственников, так и из посторонних сироте лиц. В практике сельских обществ Томской губернии первоочередное право опеки оставалось за родственниками по отцовской линии. Если крестьянка жила отдельно от семьи мужа и могла вести хозяйство самостоятельно, то опекуном назначали именно ее, и она становилась полноправной домохозяйкой [18, л. 2–3]. Если крестьянка с детьми входила в состав неразделенной семьи и не имела права распоряжаться имуществом самостоятельно, то опекуном избирали деда, либо дядю сирот. В 1911 г. в дер. Елбанской Ордынской волости произошел конфликт между снохой и свекром. По приговору сельского схода от 24 августа 1908 г. опекуном сиротам была назначена их мать [19, л. 4–5]. Она вела хозяйство с отцом умершего крестьянина Платоновым. Впоследствии она повторно вышла замуж за крестьянина того же села Герасимова, который с согласия Платонова вступил во владение его имуществом с условием воспитать и прокормить сирот, а также содержать самого Платонова до его смерти. Через некоторое время Платонов подал прошение крестьянскому начальнику с жалобой на побои и притеснения со стороны своей снохи и ее нового мужа. Ордынский волостной суд постановил содержать Платонова ввиду его старости, однако Герасимов не исполнил решение суда. Ввиду всего этого Платонов просил разделить имущество на две части: одну часть выделить сиротам с назначением опекунского надзора, вторую – самому Платонову [19, л. 7–8]. Крестьянский начальник постановил направить дело на рассмотрение в волостной суд и немедленно принять меры по соблюдению интересов сирот и просителя [19, л. 8 об.]. Ходатайство Платонова было удовлетворено, опекуном сирот осталась их мать, с которой вновь взяли расписку об ознакомлении с наставлениями [19, л. 12–13].

Следующим этапом установления опеки являлось составление описи имущества сирот. Обязанности по проверке и оценке имущества сирот возлагались на сельского старосту и нескольких добросовестных крестьян. Опись имущества представляла собой унифицированный бланк, на лицевой стороне которого вносилась информация о сельском обществе, дате составления, имени и дате смерти крестьянина и сиротах. На развороте содержалась таблица, в которую писарь вносил сведения согласно схеме самой таблицы: наименование описанного имущества, его количество, сумма оценки, состав семьи, размер существующих повинностей по каждому сбору, недоимки, а также мнение волостного старшины о том, что из описанного может быть продано без ущерба хозяйству [20, л. 3–4]. Опись скреплялась подписями всех, кто присутствовал при ее составлении. В большинстве случаев в описи вносились лишь сведения о количестве имущества и сумма его оценки, остальные графы игнорировались. Во многих сельских обществах не было унифицированных бланков. В подобных случаях писарь вручную расчерчивал таблицу, в которую затем вносил нужные данные. Структура этих таблиц в разных сельских обществах отличалась, что было обусловлено, скорее всего, местными обычаями. Так, в с. Елбанском Ордынской волости вносились лишь сведения об имеющемся имуществе и сумма оценки [19, л. 2–3], а в дер. Вагайцевой той же волости таблица содержала все те же графы, что и в унифицированном бланке [17, л. 2–3].

Опекуну в распоряжение предоставлялось все имущество сироты, значащееся в описи, составляемой сельским старостой. Данное действие подкреплялось распиской о приемке имущества и обязательством его сохранять [17, л. 5].

Вместе с копией описи имущества опекун был обязан ознакомится с наставлением. Наставление опекуну представляло собой унифицированный типографский документ, состоящий из 11 пунктов. В нем отражались основные обязанности, ложившиеся на опекуна и процедура назначения опеки. В нем было отмечено, что опекун должен присутствовать при составлении описи имущества и утверждать ее своей подписью. В отношении управлением имения сирот опекун должен сохранять и приращивать его. Если в составе имущества имелись «предметы торговли или промышленности», опекун был обязан использовать их согласно назначению с пользой для малолетних. С утверждения волостного правления опекун имел право сдавать недвижимое имущество сирот на срок до 3-х лет. Также он имел право подать ходатайство о разрешении продать часть имущества, сохранность которого была под сомнением или это было необходимо для содержания сирот. Опекун был обязан платить все повинности, лежащие на сиротах и ежегодно отчитываться на сельском сходе обо всех доходах и расходах по имуществу [19, л. 12–13].

После утверждения на сходе, сельский староста отправлял в волостное правление приговор сельского схода о назначении опекуна и опись имущества, сопровождаемые рапортом, для рассмотрения и утверждения, а волостной старшина, в свою очередь, крестьянскому начальнику [21, л. 2]. Если в сельском обществе не имелось соответствующего унифицированного наставления, то от руки писалась краткая расписка о принятии имущества и обязанности добросовестно воспитать сирот [22, л. 10].

Каждый год опекун должен был предоставлять сельскому сходу отчет по опеке над имуществом и сиротами умершего крестьянина. В нем расписывались приход и расход «имущества и капитала» [21, л. 10]. Впрочем, не во всех обществах временные сроки соблюдались. Отчет мог предоставляться и раз в два года. После этого сход утверждал или не утверждал составленные отчеты. Иногда, в случае задержки предоставления сведений в волостное правление о проверке имущества и действий опекуна, сельскому старосте направлялась экстренная телеграмма с предписанием произвести таковую в скорейшем времени [21, л. 17].

По достижении сиротой или сиротами совершеннолетия, опекунское управление над ними и их имуществом снималось с крестьянина. Если девушка выходила замуж раньше своего совершеннолетия, она выходила из-под опеки. Все имущество, принадлежащее ей, переходило к мужу.

В некоторых случаях, когда имущество сирот не приносило дохода и со временем могло «прийти в ветхость», сельским сходом, с согласия опекуна, принималось решение о его продаже. Разрешение на продажу с аукционных торгов выдавалось Томским губернским управлением по представлению крестьянского начальника с перепиской по ходатайству сельского общества [23, л. 10]. Так, в феврале 1912 г. Завьяловскому сельскому обществу была разрешена продажа «одной лошади и разных хозяйственных вещей» малолетних сирот Буньковых (2-х, 5-ти и 7-ми лет) на сумму 133 руб. 40 коп. Вырученные деньги постановили «поместить в одно из кредитных учреждений для приращения процентов» [23, л. 15]. Следует отметить, что в данном случае, объявление о торгах рассылалось не только по селам Тулинской волости, но и в другие близлежащие правления: Битковское, Локтевское, Екатерининское [23, л. 26–27, 33]. В случае, если опекун продавал имущество сирот до официального назначения и не вносил деньги в сберегательную кассу, волостным старшиной составлялся акт о данном нарушении с требованием взыскать деньги с процентами и вложить их на счет сирот [24, л. 23–24]. Здесь мы видим нарушение со стороны опекуна, о котором заявил его родной брат при составлении описи имущества [24, л. 22]. Именно после этого и был составлен акт.

После проведения аукциона составлялся торговый лист, в котором по порядку перечислялось все продаваемое имущество, его первоначальная стоимость и сумма, вырученная в ходе торгов [18, л. 55–58]. В волостное правление представлялась выписка из сберегательной кассы с указанием суммы, внесенной на имя сирот. Опекун, с согласия сельского схода, мог воспользоваться частью данной суммы для приобретения одежды или пропитания сирот, если не имел на эти цели собственных средств.

Встречаются также случаи раздела имущества умершего крестьянина между наследниками. Например, в с. Нижне-Каменском Ордынской волости жена умершего крестьянина отказалась проживать со свекровью, так как имела «строптивый характер» [24, л. 7]. Сельское общество сочло целесообразным разделить имущество, оставив большую часть жене, так как та обязалась погасить долги умершего мужа [24, л. 7–8].

В Томской губернии обязанности опекуна сводились к управлению имуществом несовершеннолетних подопечных. Оно предполагало не столько его приращение, сколько сохранение доставшегося до совершеннолетия сирот. Опекун мог вести хозяйство на земле сирот, либо сдавать ее, а также дворовые постройки и скот в аренду. Вырученные средства опекун мог вложить на счет в сберегательной кассе до совершеннолетия сирот, либо использовать данные средства на их нужды.

В рассматриваемых опекунских делах не встречается документов, которые касались бы вопросов попечения личностей сирот. Ни о какой нравственности и христианском милосердии не имеется ни одного упоминания. В то же время по документам можно проследить ход борьбы за материальные ресурсы между родственниками опекаемых детей. Все сводится к описям имущества и разбирательствам по поводу конфликтов вокруг него. Из этого можно сделать вывод о материальном характере опеки в исследуемом регионе.

Несмотря на внесенные в конце XIX – начале XX в. дополнения в положения об опеке крестьянского сословия, не было создано единой законодательной базы, что, впрочем, не стало препятствием для исполнения сельскими обществами Томской губернии важнейшей социальной функции. Назначения опекунов происходили ежегодно в соответствии с местными обычаями.

Литература

1. Быт великорусских крестьян-землепашцев. Описание материалов этнографического бюро князя В. Н. Тенишева. СПб.: Изд-во Европ. Дома, 1993. 470 с.

2. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 1: Костромская и Тверская губернии. СПб.: Деловая полиграфия, 2004. 568 с.

3. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 2: Ярославская губерния. Ч. 1: Пошехонский уезд. СПб.: Деловая полиграфия, 2006. 568 с.

4. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 2: Ярославская губерния. Ч. 2: Даниловский, Любимский, Романово-Борисоглебский, Ростовский и Ярославский уезды. СПб.: Деловая полиграфия, 2006. 558 с.

5. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 3: Калужская губерния. СПб.: Деловая полиграфия, 2005. 647 с.

6. Вьюнник Е. П. Правовой механизм социальной помощи детям-сиротам сельских обывателей в Центральном Черноземье во второй половине XIX – начале XX в. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия История. Политология. 2010. Т. 19. № 16. С. 137–144.

7. Осипова М. П. Законодательная политика российского правительства в сфере крестьянской опеки (вторая половина XIX в.) // Вехи минувшего: ученые записки исторического факультета. Липецк, 2009. С. 161–173.

8. Федосова Е. В. Правовое регулирование опеки и попечительства над несовершеннолетними лицами крестьянского сословия в Российской империи (вторая половина XIX века) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2011. № 1(14). С. 416–420.

9. Бердников А. А. История становления государственного управления опекой и попечительством над несовершеннолетними детьми // Современные тенденции в экономике и управлении: новый взгляд. 2014. № 28. С. 7–11.

10. Безгин В. Б. Опека малолетних и сирот в русском селе (вторая половина XIX века) // Юридический мир. 2009. № 2(146). С. 76–80.

11. Заколодная В. Н. Организация и функционирование крестьянской опеки над сиротами в России во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2010. № 1. Т. 4. С. 129–136.

12. Коваленко В. В. Социальная помощь и опека в станичных обществах Кубани в конце XVIII – начале XX в. // Теория и практика общественного развития. 2013. № 11. С. 299–302.

13. Соловьева И. В. Традиции опеки у русских крестьян в конце XIX в. // Вестник православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2011. № 4(41). С. 53–59.

14. Чубаров А. И. Социальная опека солдатских семей в эпоху Первой мировой войны (на примере Курской губернии) // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2015. № 4(36). С. 32–39. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-opeka-soldatskih-semey-v-epohu-pervoy-mirovoy-voyny-na-primere-kurskoy-gubernii (дата обращения: 01.12.2016).

15. Батыров В. В., Команджаев Е. А. Усыновление и опека в Калмыцком обществе в XIX в. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. № 4. С. 84–88.

16. Ефремов А. В., Петренко Н. И. Опека и попечительство в крестьянской сельской общине этноса мари XIX в. // Вестник Российского университета кооперации. 2015. № 3(21). С. 101–104.

17. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Д-78. Оп. 1. Д. 178.

18. ГАНО. Ф. Д-78. Оп. 1. Д. 175.

19. ГАНО. Ф. Д-78. Оп. 1. Д. 172.

20. ГАНО. Ф. Д-78. Оп. 1. Д. 180.

21. ГАНО. Ф. Д-78. Оп. 1. Д. 203.

22. ГАНО. Ф. Д-78. Оп. 1. Д. 173.

23. ГАНО. Ф. Д-78. Оп. 1. Д. 199.

24. ГАНО. Ф. Д-78. Оп. 1. Д. 174.

TRADITIONS OF GUARDIANSHIP AMONG PEASANTS OF THE TOMSK PROVINCE IN THE EARLY XX CENTURY

Mariia A. Gordeeva [1, @]

[1] *Institute of History Siberian Branch of the Russian Academy of Science, 8, Nikolaev St., Novosibirsk, Russia, 630090*
[@] sharshova@yandex.ru

Received 28.04.2017.
Accepted 24.07.2017.

Keywords: Tomsk province, peasantry, guardianship, trusteeship, orphanhood, property, community.

Abstract: The current paper features the mechanism of establishment of guardianship among the peasants of the Tomsk province. The main stages of establishment of guardianship are analyzed on the basis of custody cases: appointment of the guardian, compilation of the belongings list and the report on property management, carrying out the biddings. The study reveals violations and conflict situations in every aspect involved. The author comes to a conclusion that guardianship in this region was reduced to a mere fight for material resources. The trustee could dispose of property of the orphans, e.g. to plough their land or to give it for rent together with domestic constructions and cattle. The trustee could put the profit on the account in a savings bank until the orphan came of age, or use these funds for the orphan's own needs with the permission of the village assembly. The matters of custody and Christian upbringing did not find reflection in the considered documents. Nevertheless, the community carried out the main social function in appointing the guardian, despite the absence of proper legislation. Guardians were appointed annually, according to local customs.

For citation: Gordeeva M. A. Traditsii opeki u krest'ian Tomskoi gubernii v nachale XX v. [Traditions of Guardianship among Peasants of the Tomsk Province in Early XX Century]. *Bulletin of Kemerovo State University,* no. 3 (2017): 43–48. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-3-43-48.

References

1. *Byt velikorusskikh krest'ian-zemlepashtsev. Opisanie materialov etnograficheskogo biuro kniazia Tenisheva V. N.* [Life of great Russian peasants grain-growers. Description of materials of ethnographic bureau of book of Tenishev V. N.]. Saint-Petersburg: Izd-vo Evrop. Doma, 1993, 470.
2. *Russkie krest'iane. Zhizn'. Byt. Nravy: Materialy «Etnograficheskogo biuro» kniazia Tenisheva V. N. T. 1. Kostromskaia i Tverskaia gubernii* [Russian peasants. Life. Family Life. Customs: Materials of ethnographic bureau of the prince Tenishev V. N. Vol. 1: Kostroma and Tver provinces]. Saint-Petersburg: Delovaia poligrafiia, 2004, 568.
3. *Russkie krest'iane. Zhizn'. Byt. Nravy: Materialy «Etnograficheskogo biuro» knyazia Tenisheva V. N. T. 2. Iaroslavskaya guberniia. Ch. 1. Poshekhonskii uezd* [Russian peasants. Life. Family Life. Customs: Materials of "Ethnographic bureau" of the prince Tenishev V. N. Vol. 2: Yaroslavl province. Part 1: Poshekhonsky county]. Saint Petersburg: Delovaia poligrafiia, 2006, 568.
4. *Russkie krest'iane. Zhizn'. Byt. Nravy: Materialy «Etnograficheskogo biuro» kniazia Tenisheva V. N. T. 2. Iaroslavskaia guberniia. Ch. 2. Danilovskii, Liubimskii, Romanovo-Borisoglebskii, Rostovskii i Iaroslavskii uezdy.* [Russian peasants. Life. Family Life. Customs: Materials of "Ethnographic bureau" of the prince Tenishev V. N. Vol. 2. Yaroslavl province. Part 2. Danilovsky, Lyubimsky, Romanovo-Borisoglebsky, Rostov and Yaroslavl counties]. Saint Petersburg: Delovaia poligrafiia, 2006, 551.
5. *Russkie krest'iane. Zhizn'. Byt. Nravy: Materialy «Etnograficheskogo biuro» knyazia Tenisheva V. N. T. 3. Kaluzhskaia guberniia* [Russian peasants. Life. Family Life. Customs: Materials of "Ethnographic bureau" of the prince Tenishev V. N. Vol. 3: Kaluga Province]. Saint Petersburg: Delovaia poligrafiia, 2005, 647.
6. V'iunnik E. P. Pravovoi mekhanizm sotsial'noi pomoshchi detiam-sirotam sel'skikh obyvatelei v Tsentral'nom Chernozem'e vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. [A legal mechanism of the public assistance to orphan children of rural inhabitants in the Central Chernozem region in the second half of XIX – the beginning of the 20th century]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia Istoriia. Politologiia = Scientific sheets of the Belgorod state university. History series. Political science,* 19, no. 1 (2010): 137–144.
7. Osipova M. P. Zakonodatel'naia politika rossiiskogo pravitel'stva v sfere krest'yanskoi opeki (vtoraia polovina XIX v.) [Legislative policy of the Russian government in the sphere of country guardianship (the second half of the 19th century)]. *Vehi minuvshego: uchenye zapiski istoricheskogo fakul'teta* [Milestones of past: scientific notes of department of history]. Lipetsk, 2009, 161–173.
8. Fedosova E. V. Pravovoe regulirovanie opeki i popechitel'stva nad nesovershennoletnimi litsami krest'ianskogo sosloviia v Rossiiskoi imperii (vtoraia polovina XIX veka) [Legal regulation of guardianship and guardianship over minors of country estate in the Russian Empire (the second half of the 19th century)]. *Iuridicheskaia nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii = Jurisprudence and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod academy Ministry of Internal Affairs of Russia*, no. 1(14) (2011): 416–420.

9. Berdnikov A. A. Istoriia stanovleniia gosudarstvennogo upravleniia opekoi i popechitel'stvom nad nesovershennoletnimi det'mi [History of formation of public administration by guardianship and guardianship over minor children]. *Sovremennye tendentsii v ekonomike i upravlenii: novyi vzgliad = Modern trends in economics and management: a new look,* no. 28 (2014): 7–11.

10. Bezgin V. B. Opeka maloletnikh i sirot v russkom sele (vtoraia polovina XIX veka) [Guardianship of juveniles and orphans in the Russian village (the second half of the 19th century)]. *Iuridicheskii mir = The Legal world*, no. 2(146) (2009): 76–80.

11. Zakolodnaia V. N. Organizatsiia i funktsionirovanie krest'yanskoi opeki nad sirotami v Rossii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. [Organization and functioning of country guardianship over orphans in Russia in the second half of XIX – the beginning of the 20th century]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. Pushkina A. S. = Messenger of the Leningrad state university of Pushkin A. S.*, 4, no. 1 (2010): 129–136.

12. Kovalenko V. V. Sotsial'naia pomoshch' i opeka v stanichnyh obshchestvah Kubani v kontse XVIII – nachale XX v. [The social help and guardianship in stanitsa societies of Kuban at the end of XVIII – the beginning of the 20th century]. *Teoriia i praktika obshchestvennogo razvitiia = Theory and the practician of social development*, no. 11 (2013): 299–302.

13. Solov'eva I. V. Traditsii opeki u russkih krest'ian v kontse XIX v. [Traditions of guardianship at the Russian peasants at the end of the 19th century]. *Vestnik pravoslavnogo Sviato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriia 2: Istoriia. Istoriia Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi = Messenger of orthodox Sacred and Tychonoff humanities university. Series 2: History. History of Russian Orthodox Church*, no. 4(41) (2011): 53–59.

14. Chubarov A. I. Sotsial'naia opeka soldatskikh semei v epokhu Pervoi mirovoi voiny (na primere Kurskoi gubernii) [Social guardianship of soldier's families during an era of World War I (on the example of the Kursk province)]. *Elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta = Electronic scholarly notes. Scientific journal of the Kursk State University,* no. 4(36) (2015): 32–39. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-opeka-soldatskih-semey-v-epohu-pervoy-mirovoy-voyny-na-primere-kurskoy-gubernii (accessed 01.12.2016).

15. Batyrov V. V., Komandzhaev E. A. Usynovlenie i opeka v Kalmytskom obshchestve v XIX v. [Adoption and guardianship in the Kalmyk society in the 19th century]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovanii RAN = Bulletin of the Kalmyk Humanitarian Research Institute,* no. 4 (2014): 84–88.

16. Efremov A. V., Petrenko N. I. Opeka i popechitel'stvo v krest'ianskoi sel'skoi obshchine etnosa mari XIX v. [Guardianship and guardianship in country rural community of ethnos of Mari of the 19th century]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta kooperatsii = Bulletin of the Russian University of Cooperation,* no. 3(21) (2015): 101–104.

17. *Gosudarstvennyi arhiv Novosibirskoi oblasti (GANO)* [The State Archive of the Novosibirsk Region]. Found D-78, List 1, File 178.

18. *Gosudarstvennyi arhiv Novosibirskoi oblasti* [The State Archive of the Novosibirsk Region]. Found D-78, List 1, File 175.

19. *Gosudarstvennyi arhiv Novosibirskoi oblasti* [The State Archive of the Novosibirsk Region]. Found D-78, List 1, File 172.

20. *Gosudarstvennyi arhiv Novosibirskoi oblasti* [The State Archive of the Novosibirsk Region]. Found D-78, List 1, File 180.

21. *Gosudarstvennyi arhiv Novosibirskoi oblasti* [The State Archive of the Novosibirsk Region]. Found D-78, List 1, File 203.

22. *Gosudarstvennyi arhiv Novosibirskoi oblasti* [The State Archive of the Novosibirsk Region]. Found D-78, List 1, File 173.

23. *Gosudarstvennyi arhiv Novosibirskoi oblasti* [The State Archive of the Novosibirsk Region]. Found D-78, List 1, File 199.

24. *Gosudarstvennyi arhiv Novosibirskoi oblasti* [The State Archive of the Novosibirsk Region]. Found D-78, List 1, File 174.

УДК 93/99:378(571.54)

ПЕРВЫЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ШКОЛЫ И ПРОПАГАНДА АГРАРНЫХ ЗНАНИЙ В БАЙКАЛЬСКОМ РЕГИОНЕ В НАЧАЛЕ XX В.

Дмитрий Н. Дамбаев [1, @, *]

[1] *Бурятская государственная сельскохозяйственная академия им. В. Р. Филиппова, 670024, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Пушкина, 8*
[@] *dima.dambaev92@mail.ru*

Поступила в редакцию 28.04.2017.
Принята к печати 21.08.2017.

Ключевые слова: сельскохозяйственная школа, училище, церковно-приходская школа, лекции, курсы по ведению сельского хозяйства, Забайкалье, Иркутск.

Аннотация: Статья посвящена проблеме становления и распространения сельскохозяйственного образования и пропаганде аграрных знаний среди крестьянского населения Байкальского региона в начале XX века, в территорию которого входили Иркутская губерния и Забайкальская область. В конце XIX – начале XX вв. в Российских окраинах постепенно начинают появляться профессиональные учебные заведения, в том числе и сельскохозяйственные. Важную роль для раскрытия темы сельскохозяйственного образования в Байкальском регионе представляют архивные источники. Архивные документы, среди которых: делопроизводственная документация, циркуляры, прошения, постановления центральных и местных властей, – позволяют выстроить источниковедческую базу по данной проблеме. Ценную информацию содержат опубликованные источники: отчет агрономической организации Иркутской губернии, труды Забайкальского областного агрономического совещания, периодические издания: журнал «Забайкальский хозяин»; газеты «Забайкальский рабочий», «Иркутские губернские ведомости». Опираясь на данную источниковедческую базу, в статье показана деятельность земств по организации первых низших сельскохозяйственных школ в Байкальском регионе. Рассмотрены трудности, с которыми столкнулись местные власти по учреждению данных заведений. Приведены сведения о том, что широкое распространение получила пропаганда аграрных знаний через курсы и чтение лекций. Первые сельскохозяйственные школы региона появились в конце XIX века и накануне революционных событий 1917 г. испытывали кадровый голод, нехватку финансов и другие материальные трудности. Необходимым являлось их преобразование в средние учебные заведения. В статье приводится краткий историографический обзор по истории сельскохозяйственного образования в конце XIX – начале XX вв. в России в целом и в Байкальском регионе в частности.

**** Статья подготовлена при поддержке гранта ректората БГСХА им. В. Р. Филиппова – Г 16–1.***

Для цитирования: Дамбаев Д. Н. Первые сельскохозяйственные школы и пропаганда аграрных знаний в Байкальском регионе в начале XX в. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 3. С. 49–54. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-3-49-54.

В современной отечественной историографии все чаще предпринимаются попытки осветить историю сельскохозяйственного образования в России второй половины XIX – начале XX вв. Среди них необходимо выделить работу А. В. Третьякова, в которой автор подробно анализирует различные факторы, способствующие возникновению и развитию специальной сельскохозяйственной школы [1]. В статьях М. М. Есиковой и М. Д. Книга рассмотрены и проанализированы проблемы становления сельскохозяйственного образования как составной части профессионального образования в России, рассмотрено отношение к ним властей и общества, раскрыта степень эффективности системы сельскохозяйственного образования [2–3]. Среди исследователей истории сельскохозяйственного образования в Байкальском регионе необходимо упомянуть работы забайкальских исследователей В. И. Андреева и В. И. Косых [4–5]. В. И. Андреев рассматривает историю начального образования в Западном Забайкалье, раскрывает отношение местного населения к учреждению сельскохозяйственных школ и курсов в регионе, делает вывод о том, что учреждение профессиональных учебных заведений в крае являлось необходимым мероприятием, но оно не нашло поддержки со стороны царского правительства. В монографии В. И. Косых приводятся конкретные данные по организации в церковно-приходских школах элементов аграрного просвещения. Автор подчеркивает, что такая практика была по всей стране, но в Забайкалье она получила небольшое распространение. Проблеме распространения и становления сельскохозяйственного образования в Забайкалье посвящена статья Л. П. Ледковой, в ней дан анализ архивных источников, который позволяет проследить развитие школьного и внешкольного сельскохозяйственного образования в регионе [6]. Недостатком является то, что автор затрагивает только Восточное Забайкалье, оставляя без внимания вопросы по развитию аграрного образования на территории Западного Забайкалья. В монографии А. К. Чернигова рассматривается история создания первой сельскохозяйственной школы в Иркутском уезде, приведены кон-

кретные примеры по распространению агрономических знаний через сельскохозяйственные выставки, лекции и беседы [7]. К сожалению, автор не дает сравнительного анализа с другими подобными школами. В целом историографический обзор позволяет сделать вывод, что история распространения и становления сельскохозяйственного образования в Байкальском регионе недостаточно исследована – не изучены вопросы по проблеме развития сельскохозяйственного просвещения в Западном Забайкалье и Прибайкалье.

Вторая половина XIX в. обусловлена социально-экономическими изменениями в России. Отмена крепостного права, реформы 60–70-х гг. XIX в. послужили толчком к осознанию того, что в условиях социально-экономической трансформации необходимо развитие народного образования в стране. Стало уделяться внимание проблемам профессионального образования, в том числе и сельскохозяйственному. Об этом говорит принятое правительством в декабре 1883 г. «Нормальное положение о низшем сельскохозяйственном образовании» [8]. Данное положение ввело единые стандарты в организацию и содержание обучения в сельскохозяйственных школах. Кроме того, было дано право содержать низшие сельскохозяйственные школы частным лицам, земствам и различным обществам. Рекомендовалось открывать школы по отдельным отраслям сельскохозяйственного производства. Сразу после принятия положения в министерство государственных имуществ поступило более 150 ходатайств от различных обществ и частных лиц об открытии сельскохозяйственных школ. Основное количество школ открывалось в центральной части страны. К 1899 г. по всей стране действовало 133 специальных учебных заведения, в которых обучалось 6 тыс. человек [2, с. 152]. В Байкальском регионе на тот момент было только одно сельскохозяйственное образовательное учреждение. Оно открылось в 1898 г. в с. Жердовка Иркутского уезда и представляло собой низшее сельскохозяйственное училище с педагогическим и одним подготовительным классами. Училище состояло в ведении Министерства Земледелия и Государственных Имуществ по Департаменту Земледелия. Ближайшее наблюдение возлагалось на Управление Земледелия и Государственных Имуществ Иркутской губернии и Забайкальской области [8, л. 17]. Вопрос об учреждении училища приобрел такую значимость, что в его решение была вовлечена высшая губернская администрация. С 18 ноября 1896 г. в канцелярии генерал-губернатора А. Д. Горемыкина начался ряд совещаний по устройству в Иркутске низшего сельскохозяйственного училища. В результате совещаний были выяснены и определены некоторые практические вопросы по его организации. Согласно расчетам ежегодный расход средств на содержание училища составил 22 тыс. руб., а единовременные затраты (строительство помещений, покупка земельного участка и т. д.) составили 100 тыс. руб. [7, с. 91]. Шли долгие поиски подходящего места под училище, которое должно было соответствовать всем требованиям. Остановились на селе Жердовка, которое располагалось в 40 верстах от Иркутска. Было отведено 431 дес. земли, из которых 80 дес. предназначались под пашни и 70 дес. – под сенокосы [9, с. 3]. В первые годы училище не пользовалось авторитетом среди населения, но постановка учебного процесса и результаты практической деятельности училища понемногу изменяли сложившееся мнение в положительную сторону. Вот как об этом писала газета «Иркутские губернские ведомости» 23 апреля 1905 г.: «Иркутская сельскохозяйственная школа… постепенно завоёвывает себе популярность среди окрестного населения, часто приходится слышать отзывы, высказываемые тоном похвалы в том, что ученики школы много работают, «учатся и от работы не отвыкают, не то что в наших деревенских училищах». …сельские обыватели уже с меньшим недоверием относятся к результатам её деятельности. Бывали случаи, что даже буряты обращались в школу за руководством в незнакомом им деле устройства парников. Огородничество среди бурят – это что-то неслыханное» [7, с. 92]. Обучение в училище длилось пять лет: первый учебный год – подготовительный, три основных и последний – педагогическая подготовка. В первый класс принимались люди со свидетельством об окончании двухклассных сельских училищ или двухклассных церковно-приходских школ. Обязательным условием для поступающих был возрастной ценз – не моложе 15 лет, кроме того, необходимым являлось иметь хорошие физические данные для практических работ на опытных полях училища [8, л. 17 об.]. По мнению агрономической организации Иркутской губернии, существенным недостатком училища являлось отсутствие в составе преподавателей лиц с высшим сельскохозяйственным образованием. Привлечь специалистов из Европейской части России с необходимой подготовкой при низких окладах было затруднительным делом. Поэтому агрономическая организация в своем отчете за 1914 г. предлагала преобразовать училище по положению от 26 мая 1904 г. с целью улучшения материального положения преподавателей. Относительно средств на содержание учеников и мастерских в отчете организации говорится, что «училище находится в очень выгодных условиях; на содержание одного ученика с 1915 года сумма увеличена до 140 руб. в год, наравне с суммой, которая выделяется ученикам в центральной России. Такой суммы было вполне достаточно для содержания ученика низшего сельскохозяйственного учебного заведения в Сибири» [10, с. 25]. В связи с началом первой мировой войны и революционными событиями 1917 г. преобразование училища приостановилось.

Потребность в лицах с сельскохозяйственным образованием была значительной на всей территории России. Доказательством необходимости открытия сельскохозяйственных учебных заведений являлся их постоянный рост. Так, по данным Департамента Земледелия на 1878 г. было открыто 14 сельскохозяйственных учебных заведений, 1893 г. – 68, 1903 г. – 200 [11, с. 2]. На 1 января 1910 г. в Сибири, включая Дальний Восток, имелось 90 средних и низших профессионально-технических учебных заведения, в которых обучалось 4,365 тыс. человек. В целом по всей России к этому времени насчитывалось 3,036 тысячи специальных учебных заведений с общим числом учащихся 213,860 тыс. человек. Удельный вес образовательных учреждений Сибири в специальном образовании России был невелик: в численности учебных заведений он составлял 2,9 %, в численности учащихся – 2 %. Число учебных заведений на всей территории Сибири и Дальнего Востока было почти в

2,5 раза меньше, чем в западных областях, и в два раза меньше, чем на Кавказе [12, с. 20]. Из 309 средних и низших сельскохозяйственных учебных заведений, открытых к 1910 г. на территории России, на долю Забайкалья и Дальнего Востока не приходилось ни одного, что говорит о территориальной неравномерности размещения в стране специальных учебных заведений [13, с. 18].

Вторым профессиональным сельскохозяйственным учебным заведением в Байкальском регионе стала Нерчинская низшая сельскохозяйственная школа, которой было присвоено имя императора Николая II. Одновременно с ней на Дальнем Востоке в г. Никольск-Уссурийске открылось подобное учебное заведение. Школы открылись в 1913 г. и являлись низшими сельскохозяйственными учебными заведениями второго разряда по типу школ, создаваемых в Европейской России. По земской смете 1912–1913 гг. на устройство и оборудование Нерчинской школы было отпущено 64,5 тыс. руб., и, кроме того, ежегодно на содержание школы выделялось 12,3 тыс. руб. Помимо указанных земских средств было пожертвовано обществом попечения о начальном образовании в г. Нерчинске 10 тыс. руб., Нерчинским городским общественным управлением – 3 тыс. руб., а также мещанским обществом – 2 тыс. руб. [14, с. 149]. На содержание школы ежегодно отпускалось Департаментом земледелия 6 тыс. руб., Нерчинским городским самоуправлением – 350 руб., обществом попечения о начальном образовании – 350 руб. [14, с. 149]. По сравнению с Иркутским сельскохозяйственным училищем на ежегодное содержание Нерчинской школы выделялось почти в два раза меньше средств, а на постройку и оборудование – около 80 тыс. руб. Денежные средства Никольск-Уссурийской сельскохозяйственной школы второго разряда состояли из единовременных затрат на постройку школы из земских средств в сумме 63 тыс. руб., ежегодных ассигнований из средств государственного казначейства – в сумме 5 тыс. руб. и из земских сборов – в размере 17 тыс. руб. [15, с. 18].

В первый учебный год Нерчинская школа размещалась в арендованных помещениях. Для постройки школы был организован особый строительный комитет, который состоял из начальника управления земледелия и государственных имуществ Иркутской губернии и Забайкальской области Ф. Ф. Мейера, правительственного агронома В. Н. Шульженко, Нерчинского уездного начальника А. И. Маркевича, управляющего школой А. И. Кольчугина и др. При школе был создан наблюдательный комитет, который следил за её благосостоянием, в составе М. Ф. Суровцева, М. А. Михалева, А. А. Большакова, Н. Д. Гнедовского и И. Д. Добровольского [16, л. 96]. Управляющим школой был назначен А. И. Кольчугин, который окончил Самарское среднее сельскохозяйственное училище, впоследствии работавший преподавателем специальных предметов в Иркутском сельскохозяйственном училище. Преподавателем общеобразовательных предметов был назначен А. К. Ильков, окончивший Троицкосавское реальное училище. Выпускник Иркутской духовной семинарии И. Д. Эпов был утвержден в должности законоучителя. По вольному найму при школе состоял преподаватель столярного ремесла И. В. Федоров [14, с. 150]. В Нерчинскую сельскохозяйственную школу принимались ученики всех сословий, но в основном это были дети крестьян, казаков, мещан. В первом учебном году было принято 15 учащихся, хотя школа была рассчитана на 60 человек. Среди них стипендиатов было 10, полустипендиатов – 1, своекоштных пансионеров – 2 и приходящих – 2 [14, с. 151]. *(Прим. автора: своекоштные пансионеры – находящиеся на собственном коште (содержании); приходящие ученики – не проживающие в общежитие, являлись только на учебные занятия)*. Курс обучения продолжался три года и состоял из трех классов. Занятия в сельскохозяйственной школе проводилось как теоретические, так и практические. В учебный план входили следующие теоретические предметы: 1-й класс – закон божий, русский язык, арифметика, физика, химия, ботаника, зоология, земледелие; 2-й класс – закон божий, русский язык, арифметика, физика, геометрия, химия, земледелие, животноводство, садоводство и огородничество; 3-й класс – закон божий, земледелие, животноводство, садоводство и огородничество, пчеловодство, законоведение, землемерие [17, с. 18]. Практическим занятиям уделялось большое внимание, они включали в себя занятия земледелием, огородничеством, скотоводством, пчеловодством. Проводились занятия в столярных мастерских, где ученики могли получить навыки в ремонте сельскохозяйственного инвентаря. За первый год работы школа добилась значительных результатов: в школе получило развитие полеводство с луговодством, животноводство, огородничество, декоративное садоводство и пчеловодство. Под полеводство было выделено 30 дес. земли, где практиковался четырехпольный и шестипольный севооборот. В школе действовал пункт по разведению крупного рогатого скота. В его хозяйстве насчитывалось 10 чистокровных коров симментальской породы, вывезенных из европейской части страны, 4 местных телки, 7 свиней, 2 пары зааненских коз и 2 борова чистокровных йоркширов [18, с. 47]. Давало хорошие результаты огородничество, культивировались овощи: морковь, капуста, свекла, репа, редька и др.

Проводником сельскохозяйственного образования в Забайкалье стали и церковно-приходские школы. В 1881 г. Училищный совет при Синоде ввел в церковно-приходских школах преподавание «начал сельскохозяйственных знаний», уделяя «особое внимание садоводству и огородничеству». Каждая церковно-приходская школа в стране должна была иметь небольшой пришкольный участок. В Забайкальских школах такое встречалось нечасто. Так, например, учительница из с. Куранжа Е. Каменская открыла пасеку и работала на ней с учениками. Законоучитель, священник с. Зюльзя Н. Титов, учитель В. Демидов из с. Полканово организовали при школе огородные участки. Хорошим огородом располагала школа с. Топки, на огороде возделывались различные овощные культуры [5, с. 82]. В 1899 г. лишь в 124 одноклассных и 18 двухклассных церковно-приходских школах, как отмечалось в обер-прокурорском отчете, «велись показательные сельскохозяйственные занятия с учащимися» [5, с. 83]. В. И. Косых указывает пять забайкальских церковно-приходских школ, где учащихся приобщали к навыкам ведения сельского хозяйства [5, с. 82].

В связи с недостатком сельскохозяйственных учебных заведений особое внимание уделялось внешкольному

сельскохозяйственному образованию. В разосланном Департаментом Земледелия циркуляре относительно субсидирования мероприятий по распространению сельскохозяйственного образования внешкольным путем говорилось, что Департамент направил основную часть своих средств на организацию сельскохозяйственных чтений и курсов [17, с. 20]. Среди последних особое вниманию уделялось краткосрочным курсам. В 1908 г. общая сумма средств, отпущенных на внешкольное сельскохозяйственное образование, составляла 49 тыс. руб., в следующем 1909 г. она повысилась до 65 тыс. руб., в 1910 г. – до 96,2 тыс. руб., в 1911 г. – до 439,937 тыс. руб. и в 1912 г. – до 653,700 тыс. руб., т. е. за пять лет сумма возросла в 13 раз (подсчитано автором по [19, л. 2]). Важную информацию по сельскохозяйственным курсам и чтениям содержат годовые отчеты агрономов Забайкальской области. В годовом отчете агронома Ингодино-Акшинского района за 1912 год говорится, что правительственному агроному Н. С. Иконникову было поручено устроить курсы по скотоводству и молочному хозяйству с отделом ветеринарии. Общее руководство курсами было возложено на совет преподавателей под председательством правительственного агронома. Лекторами состояли: по молочному хозяйству – инструктор молочного хозяйства И. Ф. Микулко, по ветеринарии – ветеринарный врач Н. Г. Мармышев, ведение занятий по скотоводству было возложено на агронома Н. С. Иконникова [20, л. 5]. В отчете было отмечено, что местное население не препятствовало организации таких курсов, более того, приняло активное участие в них в качестве слушателей. Первыми записались 26 человек: 3 инородца Цугольской волости, 1 мещанин, 22 человека лица войскового сословия, в том числе 6 казачек. Занятия на курсах разделялись на теоретические и практические. Теоретические занятия длились от 4 до 5 часов в день, начиная с 9 часов утра. На отделение скотоводства было выделено 31 лекционный час, на ветеринарию – 26 часов и на молочное хозяйство – 36 часов [20, л. 5 об., 6]. Практические занятия велись по всем отделениям курсов – скотоводству, ветеринарии и молочному хозяйству. Все работы выполнялись самими слушателями, которые для удобства были разбиты на группы. Необходимо отметить, что краткосрочные курсы, лекции, чтения и беседы по сельскохозяйственным темам имели широкое распространение. Агрономы, ветеринарные врачи, специалисты по животноводству, маслоделию, пчеловодству проводили курсы и читали лекции.

Таким образом, в начале XX века в Байкальском регионе начало аграрному образованию положили два сельскохозяйственных учебных учреждения – Иркутское низшее сельскохозяйственное училище и Нерчинская низшая сельскохозяйственная школа. Именно они заложили будущую основу формирования системы сельскохозяйственного образования в регионе. Пропаганда аграрных знаний велась при значительной финансовой поддержке государства через курсовую подготовку и чтение лекций.

Литература

1. Третьяков А. В. Низшая сельскохозяйственная школа пореформенной России: факторы развития. Курск: Курский гос. пед. ун-т, 1998. 380 с.

2. Есикова М. М. Сельскохозяйственное образование в России (вторая половина XIX в. – 1917 г.) // Власть. 2010. № 7. С. 150–154.

3. Книга М. Д. Сельскохозяйственное просвещение в период Столыпинской реформы: диалог власти и земства // Власть. 2011. № 9. С. 130–132.

4. Андреев В. И. История бурятской школы (1804–1964 гг.). Улан-Удэ: Бурят. книж. изд-во, 1964. 566 с.

5. Косых В. И. Забайкальская епархия накануне и в годы первой российской революции. Чита: Изд-во Забайкал. гос. пед. ун-та, 1999. 470 с.

6. Ледкова Л. П. Архивные документы по истории сельскохозяйственного образования Забайкалья конца XIX – первой половины XX века // Гуманитарный вектор. 2015. № 3(43). С. 66–73.

7. Чернигов А. К. Иркутские повествования. 1661–1917 годы. Иркутск: Оттиск, 2003. 396 с.

8. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 176. Оп. 1. Д. 2433. 1904 г.

9. Иркутское сельскохозяйственное училище // Иркутские губернские ведомости. 1901. № 14. С. 3.

10. Сельскохозяйственные школы // Отчет агрономической организации Иркутской губернии за 1914 год. Иркутск, 1915. С. 25–27.

11. О сельскохозяйственном образовании. СПб.: Тип. В. О. Киршбаума, 1903. 8 с.

12. Костенков П. П., Душаков В. П., Чирков А. Д., Кузьмин Н. Н., Петров М. И., Докучаев Г. А., Тырышкин В. Н., Широкова Л. А. Очерки истории профессионально-технического образования в Сибири 1917–1980 гг. М.: Высш. шк., 1985. 248 с.

13. Веселов А. Н. Профессионально-техническое образование в СССР: Очерки по истории среднего и низшего профтехобразования: монография. М.: Профтехиздат, 1961. 360 с.

14. Нерчинская сельскохозяйственная школа // Труды Забайкальского областного агрономического совещания за 1914 год. Чита, 1915. С. 148–152.

15. Никольск-Уссурийская сельскохозяйственная школа // Великий океан. 1918. № 6. С. 18.

16. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. 320. Оп. 1. Д. 2.

17. Нерчинская сельскохозяйственная школа // Забайкальский хозяин. 1913. № 15–16. С. 16–22.

18. Ледкова Л. П. Некоторые аспекты деятельности Нерчинской сельскохозяйственной школы в начале XX века // Педагогическое обозрение. 2012. № 2. С. 46–48.

19. ГАИО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 2056. 1909 г.

20. ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1 (с. х.). Д. 36. 1913 г.

FIRST AGRARIAN SCHOOLS AND PROPAGANDA OF AGRARIAN KNOWLEDGE IN THE BAIKAL REGION IN THE EARLY XX CENTURY

Dmitry N. Dambaev[1, @, *]

[1] *V. Philippov Buryat State Agriculture Academy, 8, Pushkin St., Ulan-Ude, Russia, 670024*
[@] *dima.dambaev92@mail.ru*

Received 28.04.2017.
Accepted 21.08.2017.

Keywords: agricultural school, vocational educational school, parochial school, lectures, courses on agricultural management, Transbaikalia, Irkutsk.

Abstract: The article is devoted to the foundation and development of agricultural education and agrarian knowledge among peasants who lived in the Baikal region at the beginning of the XX century. The Baikal region included the territories of Irkutsk province and Transbaikalian region. In the late XIX – early XX century some professional educational institutions as well as agricultural ones opened in Russian periphery. The archives play an important role in researching such an issue as an agricultural education in Baikal region. Archive documents including documents of management and record keeping, circular letters, requests, resolutions of central and local government allow one to form the historiography data base for this problem. Valuable sources of information include, among others, the agronomy organization report of Irkutsk province, volumes of Transbaikalian district agronomy councils, such periodicals as the Zabaikal'sky khozyain magazine and the Zabaikal'sky rabochy and the Irkutskie gubernskye vedomosty newspapers. Based on this historiography data, the article shows the district councils' activity concerning the organization of the first basic agricultural schools in the Baikal region. The article features some difficulties the local government faced while organizing those establishments. The article also provides information about the wide spread propaganda of agrarian knowledge through the courses and lectures. First agricultural schools that were opened in the late XIX century and on the verge of the revolution of 1917 faced such problems as skilled labor shortage, lack of finance and pecuniary burdens. It was necessary to reorganize them into vocational educational schools. The article features a brief historiography review on the history of agricultural education in the late XIX – early XX centuries in Russia and in Baikal region specifically.

**** This article was prepared with the support of the grant of the rector of V. Filippov BSAA – G 16–1.***

For citation: Dambaev D. N. Pervye sel'skokhoziaistvennye shkoly i propaganda agrarnykh znanii v Baikal'skom regione v nachale XX v. [First Agrarian Schools and Propaganda of Agrarian Knowledge in the Baikal Region in the Early XX Century]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2017): 49–54. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-3-49-54.

References

1. Tretiakov A. V. *Nizshaia sel'skokhoziaistvennaia shkola poreformennoi Rossii: faktory razvitiia* [Basic agricultural school in post-reformed Russia: factor of development]. Kursk: Kurskii gos. un-t, 1998, 380.
2. Esikova M. M. Sel'skokhoziaistvennoe obrazovanie v Rossii (vtoraia polovina XIX v. – 1917 g.) [Agricultural education in Russia (the second half of XIX-1917)]. *Vlast' = Power*, no. 7 (2010): 150–154.
3. Kniga M. D. Sel'skokhoziaistvennoe prosveshchenie v period Stolypinskoi reformy: dialog vlasti i zemstva [Agricultural education during Stolypin's reform: the dialogue between the government and zemstvo]. *Vlast' = Power*, no. 9 (2011): 130–132.
4. Andreev V. I. *Istoriia buriatskoi shkoly (1804–1964 gg.)* [History of the Buryat school (1804–1964)]. Ulan-Ude: Buriat. knizh. izd-vo, 1964, 566.
5. Kosyh V. I. *Zabaikal'skaia eparkhiia nakanune i v gody pervoi rossiiskoi revoliutsii* [Transbaikal bishopric before and during first Russian revolution]. Chita: Izd-vo Zabaikal. gos. ped. un-ta, 1999, 470.
6. Ledkova L. P. Arkhivnye dokumenty po istorii sel'skokhoziaistvennogo obrazovaniia Zabaikal'ia kontsa XIX – pervoi poloviny XX veka [Achieve documents on history of agricultural education of Transbaikalia during the end XIX – first half XX century]. *Gumanitarnyi vector = Humanitarian vector*, no. 3(43) (2015): 66–73.
7. Chernigov A. K. *Irkutskie povestvovaniia. 1661–1917 gody* [Irkutsk narrations. 1661–1917]. Irkutsk: Ottisk, 2003, 396.
8. *Gosudarstvennyi arkhiv Irkutskoi oblasti (GAIO)* [State achieve of Irkutsk region]. Found 176, List 1, File 2433, 1904.
9. Irkutskoe sel'skokhoziaistvennoe uchilishche [Irkutsk Agricultural College]. *Irkutskie gubernskie vedomosti = Irkutsk province journal*, no. 14 (1901): 3.
10. Sel'skokhoziaistvennye shkoly [Agricultural schools]. *Otchet agronomicheskoi organizatsii Irkutskoi gubernii za 1914 god* [Agronomy organization report of Irkutsk province for 1914]. Irkutsk, 1915, 25–27.
11. *O sel'skokhoziaistvennom obrazovanii* [About agricultural education]. Saint-Petersburg, Tip. V. O. Kirshbauma, 1903, 8.
12. Kostenkov P. P., Dushakov V. P., Chirkov A. D., Kuz'min N. N., Petrov M. I., Dokuchaev G. A., Tyryshkin V. N., Shirokova L. A. *Ocherki istorii professional'no-tekhnicheskogo obrazovaniia v Sibiri 1917–1980 gg.* [Essays on the history of vocational education in Siberia 1917–1980]. Moscow: Vyssh. shk., 1985, 248.

13. Veselov A. N. *Professional'no-tekhnicheskoe obrazovanie v SSSR: Ocherki po istorii srednego i nizshego proftekhobrazovaniia* [Vocational and technical education in the USSR. Essays on the history of secondary and lower vocational education]. Moscow: Proftekhizdat, 1961, 360.

14. Nerchinskaia sel'skokhoziaistvennaia shkola [Nerchinsk agricultural school]. *Trudy Zabaikal'skogo oblastnogo agronomicheskogo soveshchaniia za 1914 god* [Zabaikalsk region agronomy organization volumes for 1914]. Chita, 1915, 148–152.

15. Nikol'sk-Ussuriiskaia sel'skokhoziaistvennaia shkola [Nikolsk-Ussuriysk Agricultural School]. *Velikii okean = The Great Ocean*, no. 6 (1918): 18.

16. *Gosudarstvennyi arkhiv Zabaikal'skogo kraia (GAZK)* [State achieve of Transbaikalian region]. Found 320, List 1, File 2.

17. Nerchinskaia sel'skokhoziaistvennaia shkola [Nerchinsk agricultural school]. *Zabaikal'skii khoziain = Transbaikalian owner*, no. 15–16 (1913): 16–22.

18. Ledkova L. P. Nekotorye aspekty deiatel'nosti Nerchinskoi sel'skokhoziaistvennoi shkoly v nachale XX veka [Some Aspects of the Activity of the Nerchinsk Agricultural School in the Early 20th Century]. *Pedagogicheskoe obozrenie = Pedagogical Review*, no. 2 (2012): 46–48.

19. *Gosudarstvennyi arkhiv Irkutskoi oblasti* [State achieve of Irkutsk region]. Found 176, List 1, File 2056. 1909.

20. *Gosudarstvennyi arkhiv Zabaikal'skogo kraia* [State achieve of Transbaikalian region]. Found 1, List 1 (a. c.), File 36. 1913.

УДК 94(571)

ОСОБЕННОСТИ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСКОЙ ВЛАСТИ В СИБИРИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Игорь А. Коновалов [1, @]

[1] *Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Россия, 644077, г. Омск, пр-т Мира, 55-а*
[@] konov77@mail.ru

Поступила в редакцию 13.03.2017.
Принята к печати 28.06.2017.

Ключевые слова: История Сибири, власть, местное управление, реформа, администрация, губернатор, полиция, полномочия, выборы, национальная политика, генерал-губернатор.

Аннотация: В статье на основании дореволюционного законодательства, распорядительных актов и делопроизводственных документов комплексно рассматриваются особенности генерал-губернаторской власти в Сибири, проводится анализ системы местного управления, предлагаемой российской властью в период первой половины XIX в. Возросший интерес к истории местного управления связан не только со стремлением историков более глубоко взглянуть в прошлое, но и сугубо практическими потребностями. Возвращаясь к забытым традициям местного управления, важно полнее учитывать исторический опыт, который был наработан веками. Необходимо также с учетом современных реалий по-новому взглянуть на уже известные факты и события, чтобы преодолеть старые мифы и заблуждения и предотвратить рождение новых. Теоретико-методологической основой исследования стали принципы исторического познания – объективность, историзм, альтернативность и социальный подход, предполагающие непредвзятый подход к анализу изучаемых проблем, а также критическое отношение к источникам. Автор приходит к выводу, что переустройство системы территориально-административного управления краем, направленное, с одной стороны, на усиление самостоятельности местных властей в принятие решений, а с другой – на укрепление управления и повышение контроля над ним из центра, встречало определенные трудности из-за разнонаправленности проблемы. Зачастую получалось, что все меры, направленные на децентрализацию сибирского администрирования, приводили к росту полицейского произвола и снижению уровня управляемости краем. Тем не менее институт генерал-губернаторской власти, основанный на «Учреждениях для управления» 1822 г., упорядочил и закрепил на долгие годы специфику местного управления в Сибири.

Для цитирования: Коновалов И. А. Особенности генерал-губернаторской власти в Сибири в первой половине XIX в. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 3. С. 55–61. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-3-55-61.

Постсоветский период развития отечественной историографии характеризуется доступностью и открытостью архивных источников, что дало возможность современным исследователям по-новому взглянуть на проблемы дореволюционного местного управления. Институт генерал-губернаторской власти в системе администрирования Российской империи на основании управленческо-регионального, социокультурного и структурно-функционального подходов получил серьезную разработку в монографии Л. М. Лысенко [1]. Появление новых аспектов в разработке проблемы не могло не сказаться и на характере проводимых в Сибири исследований. В последние десятилетия сибирскими учеными были сделаны шаги по мобилизации конкретно-фактического материала, расширяющего представления о местном управлении региона. Исследования Н. П. Матхановой дают возможность рассмотреть административную политику через призму личных интересов главных сибирских администраторов [2]. В 2003 г. под редакцией Л. М. Дамешека вышла в свет коллективная монография «М. М. Сперанский: Сибирский вариант имперского регионализма (к 180-летию) сибирской реформы М. М. Сперанского)», в которой был рассмотрен процесс эволюции форм государственного управления и устройства структур власти в восточных регионах Российской империи [3]. Иркутский историк И. Л. Дамешек определила место Сибири в имперских социально-экономических и политических механизмах, особенности местного администрирования в Сибири [4]. Судебные полномочия сибирских генерал-губернаторов получили основательное изучение в трудах тюменского историка Е. А. Крестьянникова [5]. Особенно значимый вклад в изучение сибирского администрирования внес омский историк А. В. Ремнев. Изучив большой массив законодательных актов и архивных материалов, А. В. Ремнев пришел к выводам, что содержание правительственной политики сводилось к стремлению унифицировать местное управление с общеимперским, это должно было повысить управляемость сибирской окраиной из Петербурга. Автор показал объективные расхождения интересов региона и центра, он рассмотрел неосуществленные проекты преобразований в Сибири, что позволило выявить намерения и мотивы коронных властей при принятии управленческих решений [6].

Оценивая степень изученности темы, следует высказать соображения, поясняющие особенности пред-

ложенного в статье исследовательского подхода. В имеющихся на сегодня исследованиях по местному управлению в Сибири основной упор сделан на изучении политической составляющей государственной власти в Сибири и личностей генерал-губернаторов. Историографический анализ дает основание констатировать, что, несмотря на значительное количество работ, близких к теме предложенного исследования, специальной комплексной работы, посвященной роли генерал-губернаторской власти в государственно-правовой системе дореволюционной Сибири, ее природе и особенностям, предпринято не было. Некоторые аспекты проблемы затрагивались в работах более общего характера, хотя в целом ряде определений и выводов, сформулированных современными историками, были намечены основные проблемы выбранной темы исследования.

Как показала правоприменительная практика конца XVIII – начала XIX вв., для надзора за местным администрированием, особенно в отдаленных от центра Российской империи регионах, министерский и сенатский надзор оказался малоэффективен. Коронная власть была вынуждена восстановить наместничества (генерал-губернаторства) в Сибири, наделив генерал-губернаторов не только наблюдательными функциями, но и управленческими полномочиями, превратив их в практически бесконтрольных правителей. Со времен Екатерины II учреждение и ликвидация должности генерал-губернатора в том или ином регионе зависела, главным образом, от личных взглядов монарха. Генерал-губернаторов, назначая в учреждаемые генерал-губернаторства, сразу же стали наделять разной степенью власти, у одних она была более, у других менее обширна. Осуществление управления через генерал-губернаторов было необходимо для региона, поскольку губернские границы для огромной Сибири были слишком узкими. Реформа высших органов исполнительной власти в империи и учреждение министерств в 1802 г. оказались недостаточно согласованными с местным сибирским администрированием. Наличие генерал-губернаторской власти противоречило вертикальной иерархии отраслевых учреждений и ведомственному принципу распределения государственного бюджета. Поручение функции надзора двум совершенно независимым друг от друга органам (министерствам и генерал-губернаторам) было не только излишне, но и порой даже вредно, и чем выше, чем неопределеннее были эти функции, тем больше и неизбежнее был вред, приносимый управлению на местах.

Генерал-губернаторы были командирами расквартированных в генерал-губернаторстве войск. В Западной Сибири генерал-губернатор являлся командиром Отдельного Сибирского корпуса. С 1834 г. вооруженные силы, расквартированные в Восточной Сибири, были тоже подчинены местному генерал-губернатору в качестве откомандированных от отдельного Сибирского корпуса [7, л. 187]. В правление императора Александра I полномочия генерал-губернаторов стали определяться особыми инструкциями. Так, сибирскому генерал-губернатору в соответствии с инструкцией предоставлялись надзор и распоряжение казенными горными промыслами, которых не имели другие генерал-губернаторы. Император в своих указах подчеркивал, что генерал-губернаторы должны рассматриваться как его наместники, наблюдающие за правильностью всего губернского управления и деятельностью губернаторов [8, с. 35]. Такой взгляд на генерал-губернаторскую власть сохранялся до падения империи. «Учреждения для управления губерний» 1775 г. специально подчеркивали, что генерал-губернатор – «хозяин, но не судья» (ст. 82, 85). Однако ряд статей закона предусматривали участие генерал-губернаторов в судопроизводстве: он был обязан осуществлять борьбу с судебной волокитой (ст. 85), а мог и приостанавливать судебные решения (ст. 86) [9, с. 229].

Особым Наказом, в дополнение к Общему учреждению для управления губерний, сибирскому генерал-губернатору было предоставлено право: а) принимать на службу и увольнять бо́льшую часть чиновников; б) в нужных случаях, особенно по продовольственной безопасности, принимать меры, не ожидая разрешения верховной власти; в) на генерал-губернатора возлагалось право менять «расположение и продовольствие войск» [10, с. 3]. Обширные, многообразные и при этом весьма неопределенные полномочия ставили генерал-губернатора в совершенно особое положение в региональной вертикали власти. Генерал-губернатор пусть и был высокопоставленным, но не был одним из местных руководителей, – он находился как бы над провинциальной административно-полицейской иерархией. В отличие от губернаторов он не входил в состав и не подчинялся МВД. Генерал-губернаторская власть была, прежде всего, органом надзора над всеми органами власти в генерал-губернаторстве. Однако попытки ограничить власть генерал-губернаторов только надзорными полномочиями без вмешательства в сферу компетенции, например губернского правления, на практике не получили широкого распространения. Генерал-губернаторы стремились олицетворять в преданных им для надзора губерниях и областях коронную власть, причем нередко как свою собственную. Этому в значительной мере способствовали неопределенность их правового статуса и возложенных на них полномочий, отсутствие четкого распределения генерал-губернаторской и министерской компетенции, что часто приводило к управленческим коллизиям, полной неподотчетности генерал-губернаторов и управленческому произволу. Власть генерал-губернаторов, не будучи обременена точными узаконениями, «превращалась в зависимости от характера генерал-губернатора или в безграничный произвол, или в полное бездействие» [11, с. 165].

Неопределенность полномочий генерал-губернатора, через посредство которых он должен был осуществлять широкий круг задач местного администрирования, не располагала к созданию дефиниции должности, не только наделенной правами и властью, но обремененной обязанностями и ответственностью. В начале XIX в. генерал-губернаторы в противовес устремлениям созданных министерств установить свой ведомственный контроль в Сибири пытались подчинить генерал-губернаторской власти все региональные учреждения. С момента учреждения генерал-губернаторских и губернаторских должностей коронное правительство стремилось достигнуть двух целей: во-первых, назначать в губернаторы лиц, способных занимать столь важный пост, во-вторых, иметь действенный контроль над губернаторами, создать их законную ответствен-

ность. Для сибирского администрирования первой половины XIX в. было характерно приниженное положение губернских учреждений и губернатора по отношению к генерал-губернаторам при явном стремлении губернаторов добиться большей самостоятельности, опираясь на поддержку МВД и других министерств в Санкт-Петербурге.

Первым генерал-губернатором Сибири в 1803 г. стал И. О. Селифонтов, в 90-е гг. XVIII в. исполнявший должность тобольского вице-губернатора, а в 1796 г. назначенный иркутским генерал-губернатором, но так и не сумевший вступить в должность из-за ликвидации императором Павлом I генерал-губернаторств [12, с. 5]. Селифонтову предписывалось выяснить состояние сибирского управления и какова его «вообще сила и действие в народных нуждах, в отправлении повинностей, в суде и просвещении, и наконец, что всего нужнее в уверенности, что сибиряки живут под добрым и радеющим о них правительстве» [13, с. 4]. Новый генерал-губернатор должен был осуществлять свои полномочия на основании инструкции от 23 мая 1803 г. В соответствии с инструкцией он имел право назначать местных должностных лиц, кроме губернаторов, подчиненных МВД, мог собирать совет из высших должностных лиц региона, но при этом не был связан их мнением [14, л. 16].

В 1806 г. новым сибирским генерал-губернатором по личному указанию императора Александра I был назначен И. Б. Пестель. Назначение в регион И. Б. Пестеля в 1806 г. проходило на основе принципов, предполагавших упорядочение управления и усиление местной власти. Такой шаг в управлении Сибирью означал, что коронная администрация делала ставку на усиление генерал-губернаторской власти и централизацию местного государственного аппарата. Каждому новому генерал-губернатору давались новые, более прежнего обширные права и полномочия для исправления злоупотреблений, сделанных его предшественниками [15, с. 17]. Так, назначенный новым генерал-губернатором Сибири М. М. Сперанский получил права отстранения от службы, проведения дознаний и следствий, предания суду любых лиц, виновных в должностных злоупотреблениях, а также право определения и проведения мероприятий, необходимых для усовершенствования устройства края.

Противоречие территориального и ведомственного принципов управления и вызванная этим неразбериха настоятельно требовали создать способ объединения и унификации разрозненных местных учреждений. «Учреждения» 1775 г. были распространены на регион без учета огромных сибирских расстояний, наличия только небольшого круга лиц, способных осуществлять управленческие полномочия, недостаточности населения, когда уездными городами становились малонаселенные деревни. Кроме того, отсутствие дворянства и дворянского самоуправления освобождало сибирских чиновников от контроля со стороны их корпоративной организации.

Социально-экономические сдвиги в развитии региона и рост его колонизации требовали организации более гибкой системы управления. В начале XIX в. коронная власть пришла к пониманию необходимости создания для края особой системы администрирования. Эти идеи получили преломление в специфической организации местных сибирских органов власти. М. М. Сперанский имел огромный управленческий опыт и прекрасно понимал, что либеральные планы и благородные идеи в административной практике либо могут не осуществляться вовсе, либо будут осуществляться совсем не в том виде, как предполагал законодатель. Он указывал на то, что различие между Сибирью и европейскими губерниями настолько велико, что Учреждения для управления губерний 1775 г. не могут быть пригодны для региона без значительных изъятий и изменений.

«Учреждения управления сибирских губерний и областей», разработанные к 1822 г. М. М. Сперанским, определили основные принципы административно-территориального устройства сибирского региона империи, соответствующие потребностям времени. В соответствии с «Учреждениями» в 1822 г. в крае были учреждены два генерал-губернаторства – Восточной и Западной Сибири. Западносибирское генерал-губернаторство включало в себя Томскую, Тобольскую губернии и Омскую область. Первый западносибирский генерал-губернатор П. М. Капцевич, признавая приоритет военно-стратегических задач в управлении регионом и учитывая важное стратегическое расположение Омска, выбрал его местом своей резиденции. Его преемники И. А. Вельяминов и Н. С. Сулима перенесли центр генерал-губернаторства назад в Тобольск, но в 1836 г. генерал-губернатор П. Д. Горчаков сделал Омск вновь главным административным городом генерал-губернаторства. В 1838 г. была ликвидирована Омская область, но из Тобольска в Омск были переведены главные учреждения генерал-губернаторства: Главное управление, провиантская комиссия, штаб корпуса, управление Восьмого округа корпуса жандармов и др. [16, л. 6].

Местное управление Колывано-Воскресенского горного округа (с 1834 г. Алтайского) было в ведении Кабинета его императорского величества и находилось под управлением его канцелярии во главе с начальником горных заводов. Местное население было в двойном подчинении, кроме власти томского губернского начальства на него распространялась власть горных начальников. Схожее в управлении положение сложилось и в Нерчинском горном округе [17, с. 96].

В восточносибирское генерал-губернаторство вошли Енисейская и Иркутская губернии, Забайкальская, Якутская области, Охотское, Камчатское приморские управления и Кяхтинское градоначальство. Центр Енисейской губернии в 1822 г. переместился из Енисейска в Красноярск [18]. Всего в состав сибирских губерний и областей входило 34 округа и 3 управления [19].

«Учреждения управления» 1822 г. устанавливали принципы предлагаемых преобразований в регионе, таких как усиление надзора за действиями местных органов власти путем передачи надзорных функций одному из органов исполнительной власти. «Учреждения управления» предусматривали некоторую децентрализацию и деконцентрацию власти, учреждали должность генерал-губернатора, надзорного органа и одновременно своеобразного главного регионального министра. Создание этой должности было попыткой соединения двух принципов администрирования – отраслевого и территориального, а также имело целью поставить под

бюрократический контроль деятельность местных административно-полицейских органов.

Во главе двух, вновь созданных «Учреждениями» 1822 г., сибирских генерал-губернаторств стояли назначаемые и увольняемые по непосредственному императорскому усмотрению, подотчетные лично главе государства генерал-губернаторы. В 1837 г. в Европейской России должность генерал-губернатора была окончательно упразднена, в Сибири она стала существовать в виде должности исключительной, оправданной и обусловленной особыми региональными условиями местной жизни. Генерал-губернаторская власть осуществлялась в местностях, управляемых на основании специальных узаконений, применительно к Сибири – Учреждения Сибирского. Сохранение генерал-губернаторской власти в крае объяснялось наличием внешних границ, огромной территорией и разнообразием условий административной жизни в регионе [20, с. 8].

По степени своей власти генерал-губернаторы стояли выше губернаторов, они имели право непосредственного сношения с главой государства в важных случаях. На генерал-губернатора был возложен надзор за правильностью и законностью управления во вверенном ему крае. Он имел право ревизии всех административных и судебных учреждений региона. Ему были подчинены все государственные и общественные учреждения и должностные лица, за исключением учреждений и сотрудников контрольного ведомства. Генерал-губернатор непосредственно формировал штат сибирской полицейской бюрократии. Он проводил назначения по представлению губернаторов на ключевые полицейские должности в крае: полицмейстеров, окружных начальников, городничих и земских исправников [18, Ст. 170]. Статья 174 «Учреждений управления Сибирских губерний и областей» устанавливала, что соискатели на все остальные чиновничьи должности определяются и увольняются губернаторами, но с обязательного согласия генерал-губернаторов.

Генерал-губернатор был наделен контрольно-надзорными и четко не определенными значительными административно-полицейскими, судебными, финансовыми и хозяйственными полномочиями. С начала XIX в. коронное правительство надеялось контролировать генерал-губернаторов обозрениями генерал-губернаторств. Лица, которым поручались ревизии, были обязаны обо всех недостатках доносить в Сенат, который без решения главы государства не мог делать даже замечания генерал-губернаторам. Ревизорам особенно ставилось в обязанность наблюдать, чтобы руководители регионов не позволяли ни себе, ни подчиненным принимать подарки и приношения [8, с. 138].

Генерал-губернатор в противоположность губернатору являлся органом не оперативного управления, а главным образом надзора. Его главная функция – политическое руководство и верховный надзор – по выражению Сперанского – надзор «с правом исправления». Принцип, заложенный еще «Учреждениями» 1775 г., – отделение функции надзора от функции оперативного управления – не получил осуществления на практике. Введение екатерининских «Учреждений» в действие в Сибири в 1781 г. не замедлило обнаружить, что надзор, задуманный императрицей, обратился в высшей степени личное управление.

Генерал-губернаторы были облечены огромными и совершенно неопределенными полномочиями, правом политического руководства подконтрольными им регионами. В руках подобных лиц надзор, сопровождаемый правом исправления, не мог не обратиться в самовластие, не ограниченное законом. Как могли наместники охранять закон, когда сами они поставлены были выше закона? [21, с. 103]. В связи с этим власть генерал-губернатора зачастую отличалась не правовым, а личностным характером. Очень часто успешность деятельности генерал-губернатора зависела не от его правового статуса, а от удачности выбора кандидата на этот пост, его личных способностей, администраторского таланта и опыта, наличия прочных формальных и неформальных связей в санкт-петербургских коридорах власти.

Главной особенностью генерал-губернаторского управления в регионе стало воплощение в виде Советов Главных управлений идущей от Петра I идеи создания при местных руководителях коллегиальных совещательных учреждений, которые корректировали бы и в какой-то степени ограничивали деятельность местной единоличной власти. Создание Советов Главных управлений М. М. Сперанский объяснял тем, что личная власть легко перерождается в злоупотребление и почти всегда имеет вид самовластия. Действуя без публичных, законных участников и по причинам, ей одной известным, она не может даже при самой чистоте намерений оградить себя от подозрений. В Сибири, где не было и нет публичного мнения, где не было и нет дворянства, эти подозрения действовали еще сильнее. Огромные территории усиливали их. И если бы генерал-губернаторская власть была очерчена в Сибири строгими законами и правилами, то и тогда, будучи удаленной от надзора, она легко могла бы перейти в самовластие. Доверие к личным качествам человека не может быть защитой, ибо в самовластие впадают постепенно, нечувствительно и не всегда с дурными намерениями [10, с. 7].

Советы Главных управлений сибирских генерал-губернаторств состояли из лиц, назначаемых коронной властью из руководителей различных отраслей управления, они имели по преимуществу совещательное значение. Советы Главных управлений в известной мере ограничивали власть генерал-губернаторов: на предварительное обсуждение туда должны были поступать дела по «разрешению сомнений» в исполнении законов и дела административно-хозяйственного управления. Хотя постановления Советов Главных управлений не имели обязательной силы для генерал-губернаторов, они должны были прилагаться к делам при представлении их генерал-губернаторами верховной власти.

Бюрократически сложная модель регионального администрирования М. М. Сперанского оказалась недостаточно эффективной уже в пореформенный период во многом из-за отсутствия системы действенного контроля местной бюрократии, что объяснялось слабостью судебно-прокурорских органов, почти полным отсутствием гласности и самоуправленческих начал в Сибири. Коронная власть пыталась скорректировать «Учреждения для управления сибирских губерний и областей» 1822 г., частично отказаться от ряда их принципов [22,

с. 368]. В правление Николая I была сделана попытка выстроить отношения генерал-губернаторов с министерствами и гражданскими губернаторами. В 1853 г. была утверждена императором инструкция генерал-губернаторам, в которой, кроме указания главных предметов ведомства генерал-губернаторов, было прямо выражено начало, что пост генерал-губернатора в местном управлении совершенно особый, так как он осуществляет полный и общий надзор за всеми предметами управления и правильным исполнением законов и устраняет все, что не согласуется со взглядами правительства, так как взгляды правительства ему известны как лицу, облеченному полным доверием императора [8, с. 136].

Переустройство системы территориально-административного управления краем, направленное, с одной стороны, на усиление самостоятельности местных властей в принятие решений, а с другой – на укрепление управления и повышение контроля над ним из центра, встречало определенные трудности из-за разнонаправленности проблемы. Зачастую получалось, что все меры, направленные на децентрализацию сибирского администрирования приводили к росту полицейского произвола и снижению уровня управляемости краем.

Уже к середине XIX в. реформы М. М. Сперанского, определявшие сибирскую модель администрирования, с точки зрения организации местных органов власти, порядка их взаимодействия и ответственности стали подвергаться критике. Создание в регионе коллегиальных Советов в противовес власти генерал-губернаторов не оправдывало себя, по мнению сибиряков. Советы превратились в «типичные бюрократические организации», стали «слепым орудием генерал-губернаторов». Усиление генерал-губернаторской власти шло по нарастающей, генерал-губернаторы противопоставляли себя министерствам в Санкт-Петербурге и деятельности коллегиальных органов на местах. Увеличение круга полномочий генерал-губернаторов привело во второй половине XIX в. к фактическому свертыванию при них деятельности коллегиальных Советов. Предметы ведения Советов перешли в исключительное ведение генерал-губернаторов, а их роль в местном управлении стали выполнять генерал-губернаторские канцелярии [23, с. 162].

Характерной чертой системы сибирского управления в первой половине XIX в. было огромное значение личностного фактора. Почти любые попытки внесения элементов рационального устройства в систему управления разбивались о патриархальные устои местного администрирования [24, с. 9]. Личные качества генерал-губернаторов в огромной степени определяли и особенности деятельности системы управления, и жизнь подведомственных им регионов [25, с. 30]. Писатель К. М. Станюкович отмечал: «В Сибири, где административная власть функционирует с большей независимостью, чем в губерниях центральной России, приезд нового генерал-губернатора будит во всех новые надежды. Каждый припоминает обиды и несправедливости и каждый уверен, что в руках такого властного и могущественного лица есть тот талисман, который восстановит правду и превратит маленького сатрапчика в скромного общественного слугу. И если молва донесет известие, что «новый» доступен и добр, то такого «доброго» ждут в каждом уголке Сибири, как Мессию. Толпы народа идут ему на встречу. В каждом захолустье готовятся жалобные прошения. Жалобы эти – все те же, которые приносились сибиряками с тех пор, как существует Сибирь: это жалобы на самовластие и произвол местных чиновников» [26, с. 315].

Несмотря на недостаточно четкое закрепление в законе полномочий генерал-губернаторов, почти полное отсутствие самоуправленческих начал в регионе, свертывание деятельности коллегиальных Советов, «Учреждения для управления» 1822 г. закрепили и упорядочили специфику местного администрирования в Сибири и на Дальнем Востоке. В целом система регионального управления, заложенная М. М. Сперанским в «Учреждениях» 1822 г., в своих основных чертах просуществовала вплоть до февраля 1917 г. «Учреждения управления сибирских губерний и областей», в основе которых лежала генерал-губернаторская власть, не решили всех проблем управления сибирской окраиной империи, однако их реализация, при всех противоречиях и трудностях в административной политике коронной власти в XIX в., была шагом вперед в развитии государственно-правовых институтов в Сибири.

Литература

1. Лысенко Л. М. Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи (XVIII – начало XX века). М.: Изд-во МГУ, 2001. 358 с.

2. Матханова Н. П. Деятельность генерал-губернаторов Восточной Сибири: закон и практика // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2016. Т. 15. С. 22–30.

3. Дамешек И. Л., Перцева Т. А., Ремнев А. В., Дамешек Л. М. М. М. Сперанский: Сибирский вариант имперского регионализма (К 180-летию сибирской реформы М. М. Сперанского). Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 2003. 263 с.

4. Дамешек И. Л. Российские окраины в имперской стратегии власти (начало XIX – начало XX вв.). Иркутск: Изд-во ИГПУ, 2005. 246 с.

5. Крестьянников Е. А. Генерал-губернаторы и губернаторы Западной Сибири в стратегии развитии судебной системы края (1820-е – середина 1880-х годов) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 3-1. С. 84–88.

6. Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX в. Омск: Изд-во ОмГУ, 1995. 237 с.

7. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1264. Оп. 1. Д. 61.

8. Андриевский И. Е. О наместниках, воеводах и губернаторах. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1864. 156 с.

9. Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. / под ред. О. И. Чистякова. Т. 5. М.: Юрид. Лит., 1987, 528 с.

10. Обозрение главных оснований местного управления Сибири. СПб., 1841. 61 с.
11. Фойницкий И. А. Управление ссылки // Юридический вестник: Май. Издание Московского Юридического Общества. М.: Тип. А. И. Мамонтова и Ко, 1881. № 5. С. 164–166.
12. Андриевич В. К. Сибирь в XIX столетии. СПб.: Типография и литография В. В. Комарова, 1889. Т. 2. 353 с.
13. Альтшулер М. И. Земство в Сибири. Томск: Типо-Литография Сибирск, 1916. 449 с.
14. РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. Д. 224.
15. Вагин В. И. Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири. СПб.: Альфарет, 2011. Т. 1–2. 325 с.
16. Государственный исторический архив Омской области. Ф. 3. Оп. 1. Д. 3223.
17. Власть в Сибири: XVI – начало XX в. / сост. М. О. Акишин, А. В. Ремнев. Новосибирск: Сова, 2008. 639 с.
18. Свод законов Российской империи. СПб.: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1857. Т. 2. Ч. 2. Ст. 2.
19. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. СПб.: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. 38. № 29.125.
20. Ивановский В. В. Административное устройство наших окраин. Казань: Тип. имп. ун-та, 1891. 48 с.
21. Гессен В. М. Вопросы местного управления. СПб.: типо-литография А. Е. Ландау, 1904. 136 с.
22. Ремнев А. В. Сибирь в имперской географии власти XIX – начала XX вв. Омск: Изд-во ОмГУ, 2015. 580 с.
23. Коновалов И. А. Управление и полиция Сибири в дореволюционный период: становление и развитие. М.: Инфра-М, 2014. 302 с.
24. Дамешек Л. М., Дамешек И. Л. Генерал-губернаторский корпус Сибири: социальный портрет // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. № 5(31). С. 4–10.
25. Емельянова Н. М. Генерал-губернаторская власть в Западной Сибири в XIX в. // Омский научный вестник. 2009. № 3. С. 28–31.
26. Станюкович К. М. В далекие края: собр. соч. М.: Правда, 1977. Т. 1. 383 с.

FEATURES OF THE GENERAL-GOVERNOR'S AUTHORITY IN SIBERIA IN THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY

Igor A. Konovalov [1, @]

[1] *Dostoevsky Omsk State University, 55a, Mir Ave., Omsk, Russia, 644077*
[@] konov77@mail.ru

Received 13.03.2017.
Accepted 28.06.2017.

Keywords: History of Siberia, power, self-government, reform, administration, governor, police, authorities, elections, national policy, Governor-General.

Abstract: On the basis of pre-revolutionary legislation, the article comprehensively considers features of general-governor's power. The article also analyzes the system of Siberian administration in the first half of XIX century. The growing interest the local government demonstrates in the history of local government is connected not only with the aspiration of historians to look more deeply into the past but also with practical needs. While researching the forgotten traditions of public administration, one should take a greater account of historical experience that has been accumulated over the centuries. It is also necessary to take a look at familiar facts and events in the light of today's realities. This approach may overcome the old myths and misconceptions as well as prevent new ones. The theoretical and methodological basis of the research are such principles of historical knowledge as objectivity, historicism, determinism, alternativeness and social approach, which imply an unbiased approach to the analysis of the issues under analysis, as well as a critical attitude to historical sources. The author comes to the following conclusions. The characteristic differences between governance in Central Russia and in Siberia were independence of government machinery and huge significance of the personal factor in the past. The reorganization of the system of territorial and administrative management of the region, aimed, on the one hand, at strengthening the independence of local authorities in decision-making, and on the other, at strengthening governance and increasing control from the center, met certain difficulties. Often it turned out that all measures aimed at decentralization of the Siberian administration led to an increase in police arbitrariness and a decrease in the level of controllability of the region. Strengthening of the general-governor's power went on increasing in the XIX century, during which the general-governors opposed themselves to the ministries in St. Petersburg and the activities of collegial bodies.

For citation: Konovalov I. A. Osobennosti general-gubernatorskoi vlasti v Sibiri v pervoi polovine XIX v. [Features of the General-Governor's Authority in Siberia in the First Half of XIX Century]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2017): 55–61. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-3-55-61.

References

1. Lysenko L. M. *Gubernatory i general-gubernatory Rossiiskoi imperii (XVIII – nachalo XX veka)* [Governors and governors-General of the Russian Empire (XVIII – beginning of XX century)]. Moscow: Izd-vo MGU, 2001, 358.
2. Matkhanova N. P. Deiatel'nost' general-gubernatorov Vostochnoi Sibiri: zakon i praktika [The Activity East Siberian Governor-Generals: Law and Practice]. *Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Istoriia = The Bulletin of Irkutsk State University. Series «History»*, vol. 15 (2016): 22–30.
3. Dameshek I. L., Pertseva T. A., Remnev A. V., Dameshek L. M. *M. M. Speranskii: Sibirskii variant imperskogo regionalizma (K 180-letiiu sibirskoi reformy M. M. Speranskogo)* [M. M. Speransky: Siberian version of Imperial regionalism (to the 180th anniversary of Siberian reforms by M. M. Speransky)]. Irkutsk: Izd-vo Irkutskogo un-ta, 2003, 263.
4. Dameshek I. L. *Rossiiskie okrainy v imperskoi strategii vlasti (nachalo XIX – nachalo XX vv.)* [Russian outskirts in the Imperial strategies of power (beginning of the XIX – early XX centuries)]. Irkutsk: Izd-vo IGPU, 2005, 246.
5. Krest'iannikov E. A. General-gubernatory i gubernatory Zapadnoi Sibiri v strategii razvitii sudebnoi sistemy kraia (1820-e – seredina 1880-kh godov) [Governors-General and governors of Western Siberia in the strategy of the development of the judicial system of the region (1820's – mid 1880's)]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki = Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*, no. 3-1 (2011): 84–88.
6. Remnev A. V. *Samoderzhavie i Sibir'. Administrativnaia politika v pervoi polovine XIX v.* [Autocracy and Siberia. Administrative policy in the first half of the XIX century]. Omsk: Izd-vo OmGU, 1995, 237.
7. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (RGIA)* [The Russian state historical archive]. Found 1264, List 1, File 61.
8. Andrievskii I. E. *O namestnikakh, voevodakh i gubernatorakh* [Of namestnikch, voevoda and governors]. Saint-Petersburg: Tip. Eduarda Pratsa, 1864, 156.
9. *Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov* [Russian legislation X–XX centuries]. Ed. Chistiakov O. I. Moscow: Iurid. lit., vol. 5 (1987): 528.
10. *Obozrenie glavnykh osnovanii mestnogo upravleniia Sibiri* [Review the main reason local control of Siberia]. Saint-Petersburg, 1841, 61.
11. Foinitskii I. A. Upravlenie ssylki [Management links]. *Iuridicheskii vestnik = Legal Bulletin*, no. 5 (1881): 164–166.
12. Andrievich V. K. *Sibir' v XIX stoletii* [Siberia in the XIX century]. Saint-Petersburg: Tipografiia i litografiia V. V. Komarova, vol. 2 (1889): 353.
13. Al'tshuler M. I. *Zemstvo v Sibiri* [The Zemstvo in Siberia]. Tomsk: Tipo-Litografiia Sibirsk, 1916, 449.
14. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv* [The Russian state historical archive]. Found 1286, List 1, File 224.
15. Vagin V. I. *Istoricheskie svedeniia o deiatel'nosti grafa M. M. Speranskogo v Sibiri* [Historical information about the activities of count M. M. Speranskii in Siberia]. Saint-Petersburg: Al'faret, vol. 1–2 (2011): 325.
16. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Omskoi oblasti* [State Archive of the Omsk Oblast']. Found 3, List 1, File 3223.
17. *Vlast' v Sibiri: XVI – nachalo XX v.* [The authorities in Siberia of the XVI – beginning of XX century]. Comp. Akishin M. O., Remnev A. V. Novosibirsk: Sova, 2008, 639.
18. *Svod zakonov Rossiiskoi imperii* [The code of laws of the Russian Empire]. Saint-Petersburg: Tipografiia II otdeleniia Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantseliarii, vol. 2, part 2 (1857): art. 2.
19. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobr. 1* [Complete collection of laws of the Russian Empire. 1st coll.]. Saint-Petersburg: Tipografiia II otdeleniia Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantseliarii, vol. 38 (1830): no. 29.125.
20. Ivanovskii V. V. *Administrativnoe ustroistvo nashikh okrain* [The administrative structure of our suburbs]. Kazan': Tip. imp. un-ta, 1891, 48.
21. Gessen V. M. *Voprosy mestnogo upravleniia* [Local government issues]. Saint-Petersburg: tipo-litografiia A. E. Landau, 1904, 136.
22. Remnev A. V. *Sibir' v imperskoi geografii vlasti XIX – nachala XX vv.* [Siberia in the Imperial geography of power XIX – early XX centuries]. Omsk: Izd-vo OmGU, 2015, 580.
23. Konovalov I. A. *Upravlenie i politsiia Sibiri v dorevoliutsionnyi period: stanovlenie i razvitie* [The management and police of Siberia in the pre-revolutionary period: formation and development]. Moscow: Infra-M, 2014, 302.
24. Dameshek L. M., Dameshek I. L. General-gubernatorskii korpus Sibiri: sotsial'nyi portret [Siberian General-Governors: a social portrait]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriia = Tomsk State University Journal of History*, no. 5(31) (2014): 4–10.
25. Emel'ianova N. M. General-gubernatorskaia vlast' v Zapadnoi Sibiri v XIX v. [The governor general s power in Western Siberia in the XIX century]. *Omskii nauchnyi vestnik = Omsk Scientific Bulletin*, no. 3 (2009): 28–31.
26. Staniukovich K. M. *V dalekie kraia* [In distant lands]. Moscow: Pravda, vol. 1 (1977): 383.

УДК 94(47)

АНГЛИЧАНЕ НА КАСПИЙСКОМ МОРЕ В XVI В.

Шарафетдин А. Магарамов[1, @]

[1] *Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук, Россия, 367030, г. Махачкала, ул. М. Ярагского, 75*
[@] *sharafetdin80@mail.ru*

Поступила в редакцию 04.05.2017.
Принята к печати 30.08.2017.

Ключевые слова: Каспийское море, каспийское торговое мореплавание, английские купцы, Московская торговая компания, международная торговля, торговые привилегии.

**** Публикация подготовлена в рамках поддержанного отделением гуманитарных и общественных наук РФФИ научного проекта № 16-31-01034.***

Аннотация: В статье рассматривается деятельность английских купцов и торговых агентов по освоению Волжско-Каспийского торгового пути в восточные страны в 60–80-е гг. XVI в. Показано положительное влияние деятельности англичан на развитие каспийского судостроения и торгового мореходства, увеличение объемов международной торговли в бассейне Каспийского моря. В результате деятельности представителей английской Московской компании торговые обороты западно-прикаспийских торговых центров увеличились, они оказались вовлечены в международный товарооборот. Выгоды Каспийского торгового пути в Персию были очевидными, этим и объясняется настойчивость представителей английской Московской компании получить право беспошлинной торговли с Востоком через Астрахань и Каспий, а также торговых привилегий от московского царя и персидского шаха. Основным вывозным товаром в Англию из прикаспийских областей являлся шелк-сырец, приносивший англичанам огромную прибыль. С освоением англичанами западно-каспийского морского торгового пути возрос интерес к региону и у других иностранцев.

Для цитирования: Магарамов Ш. А. Англичане на Каспийском море в XVI в. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 3. С. 62–66. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-3-62-66.

Проблема участия английских купцов в каспийской торговле XVI в. является малоизученной в отечественной историографии. Вместе с тем еще в дореволюционной историографии затрагиваются отдельные аспекты этой проблемы в труде Ф. И. Соймонова [1]. В 1938 г. издан капитальный труд «Английские путешественники в Московском государстве в XVI в.» под редакцией Н. Л. Рубинштейна, в котором содержатся воспоминания английских купцов и торговых агентов [2]. Скорее, его следует отнести к источникам. Изучаемой проблемы частично касается советский исследователь Ю. П. Тушин [3]. В настоящее время роль англичан на Каспии оценивается в монографических изданиях, посвященных роли России в налаживании торговых контактов по Каспию [4; 5]. Данная работа дополняет историографию исследуемой проблемы.

Каспийское море, как и весь Волжско-Каспийский торговый путь, с периода раннего средневековья являлось одной из наиболее значимых торговых артерий между Западом и Востоком. Вплоть до середины XVI в. появление русских купцов на Каспии носило эпизодический характер. С выходом Московского государства на севере к Каспийскому морю началось усиленное развитие торгового мореходства на Каспии. Выход России к Каспию заинтересовал и английских торговых агентов и купцов. Появление последних на Каспии стало важным этапом в развитии каспийской морской торговли.

В середине XVI в. английские купцы начинают активный поиск новых рынков для расширения своей торговли. В 1551 г. в Лондоне была создана торговая компания «Тайна и компания купцов-путешественников для открытия неведомых земель, стран, островов и мест» (переименованная 1555 г. в «Московскую компанию»). Основателем ее стал знаменитый итальянский мореплаватель и картограф Себастьян Кабот [2, с. 11] (ок. 1476–1557), прослуживший много лет главным штурманом флота Священной Римской империи, затем поступивший на службу к английскому королю Эдуарду IV. Компания намеревалась найти северо-восточный путь в Китай и разрушить торговую монополию Испании и Португалии. На поиски путей через неизвестные северные моря были снаряжены три корабля. Два корабля со всеми экипажами погибли на мурманском побережье, и только один из них «Эдвард Бонавентура» под командованием капитана Ричарда Ченслера обогнул Кольский полуостров и 24 августа 1553 г. бросил якорь у Николо-Корельского монастыря в устье Северной Двины, близь современного города Северодвинска. Ченслор отправился в Холмогоры, где представился к воеводе, тот отправил его в Москву на аудиенцию к царю. Ченслор предложил установить регулярные торговые отношения между двумя государствами, в ответ московский царь разрешил торговать англичанам в России. Вернувшись в Англию, Ченслор рассказал королеве Елизавете I о приеме его царем Иваном IV, раскрыв перспективы торговли англо-российской торговли. Торговая компания была переименована в «Московскую компанию» [4, с. 35–36].

В 1555 г. Ченслер снова прибыл в Москву, на этот раз как королевский посол, и заключил с русским правительством торговый договор. Ежегодно из Англии начали прибывать караваны кораблей. В 1557 г. один из членов английской компании Энтони Дженкинсон предложил царю открыть торговый путь в Китай через Каспийское море. Английским торговым агентам было

известно, что в Китай регулярно ходят караваны из Бухары, до которой можно добраться через Каспийское море. Царь разрешил проезд до Астрахани. Англичанин в 1558 г. добрался вниз по Волге до Астрахани. Из Астрахани на построенной по указу царя каспийской бусе вдоль восточного побережья Каспия он добрался до Бухары [6, с. 101]. Здесь выяснилось, что сведения о действующих караванных путях в Китай устарели, однако организация торговли с Персией по Каспийскому морю показалась Дженкинсону более перспективной, сулившей огромные прибыли от торговли шелком-сырцом, самым выгодным товаром восточной коммерции. Вывозить его Волго-Каспийским путем оказалось дешевле и удобнее.

В 1561 г. английская королева Елизавета I через Дженкинсона направляет к царю Ивану IV грамоту от 25 апреля того же года, в которой выражает благодарность за «дружество вашего величества к нам и нашим подданным» и с просьбой разрешить Дженкинсону проехать через Астрахань и Каспий в Персию [2, с. 193]. Англичанину было разрешено отправиться в плавание по Волжско-Каспийскому маршруту в Персию. Его путь, начавшийся в Москве, пролегал по маршруту Москва-река – Ока, затем по Волге через Нижний Новгород, Казань, Астрахань, оттуда по Каспийскому морю вдоль западного берега в крепость Тарки, далее в Дербент и Шабран, и, наконец, по сухопутной дороге Шемаха – Ардебиль – в столицу державы Сефевидов Казвин [2, с. 200–207]. Дженкинсон доставил сефевидскому шаху Тахмаспу I (1524–1576) грамоту от английской королевы, в которой выражается надежда на «установление торговли товарами с вашими подданными и с иностранцами, торгующими в ваших владениях». В этой же грамоте королева просит шаха разрешить английскому торговому агенту «беспрепятственно путешествовать, передвигаться, разъезжать и останавливаться сколько ему будет угодно, со своими спутниками, слугами, повозками, товаром… по всяким вашим царствам владениям, господствам и областям и возвратиться оттуда, когда он или они сочтут это нужным» [2, с. 193–194]. Из содержания грамоты видно, что цель поездки англичан в Персию носил разведывательный характер, важно было выяснить перспективы организации доставки персидских товаров в Европу через Россию.

Вопреки ожиданиям англичан, планы о транзите персидских товаров в Европу посредством Волжско-Каспийского пути не состоялись, поскольку шах уже имел договоренность с турецким султаном о транзите персидских товаров в европейские страны через Турцию по Средиземному и Черному морям. Однако предприимчивые англичане решили создать русско-индийскую компанию для торговли между Англией и Индией через Россию и Персию. И в этом случае торговые пути пролегали водным путем по Волге и Каспию, далее через Персию по суше в Индию. В установлении торговых контактов с Персией и Индией было заинтересовано и Московское государство, поэтому Иван IV не только разрешил английским торговым агентам во главе с Дженкинсоном поехать через Астрахань в Персию, но и повелел оказать всяческое содействие в приобретении судна, организации и охране плавания [4, с. 39]. После успешных переговоров с царем англичане получают право торговать в России, в 1567 г. английская Московская компания получает право беспошлинной торговли в крупных российских торговых центрах, в том числе в Астрахани. Англичане, объединенные в могущественную торговую компанию, находились в наиболее выгодном положении по сравнению с голландцами, они первыми из иностранцев получили допуск к торговле с Персией. Упомянутый английский торговый агент Дженкинсон и в последующем неоднократно побывал в России и добился права для английских купцов и посланников путешествовать по Волжско-Каспийскому торговому пути и совершать торговые поездки в Персию.

Агенты английского правительства, среди которых активную роль играли члены компании, разрабатывали планы захвата русского Севера и волжского пути в Каспийское море и установления английского протектората над этими территориями [7, с. 587–588]. Это подтверждает и британский историк Уильям Скотт, сообщая, что Московская торговая компания владела не только монополией экспорта русских товаров в Англию и импорта английских продуктов в Россию, но «благодаря её концессиям в России, она имела исключительное право вывоза воска из страны. Она владела этой монополией не только в снабжении Англии этим товаром, но и всей Европы, и в определённой мере лесными материалами также» [8]. В царском дворе опасались, что «персидский торг» будет захвачен англичанами, если движение их торговых караванов по русским рекам, строительство на берегах торговых факторий станут обычными явлениями. Опасения были вполне обоснованными, поскольку агенты Московской компании далеко не всегда добросовестно выполняли договоренности, «совершая многие беззаконья над русскими купцами, продавая свои товары по столь дорогой цене, какой они не стоят». После смерти Ивана IV англичане предпринимали попытки монополизировать торговлю шелком через Россию. Поэтому в 1586 г. царь Федор Иванович значительно ограничил торговые привилегии англичан, в 1649 г. был издан царский указ «О высылке английских купцов из России, и о приезде их токмо к Архангельску, за многие несправедливые и вредные их для торговли российской поступки, особенно же за учиненное в Англии убийство Короля Карла I» [9, с. 167–169]. В указе прямым текстом были названы причины запрета англичанам торговать в Московском государстве и на Каспии в частности: предоставленные московскими властями привилегии англичане использовали не для взаимного интереса, а для личного обогащения – «пожитки себе нажили большие», они вывозили шелк, при этом вывозную пошлину не платили, при этом государству российскому «прибытку не было», также занимались контрабандой – «привозили в Московское государство тайно табак и иные заповедные товары, а из Московского государства, также покупая у иноземцев шелк-сырец, и иные заповедные товары вывозили к себе за море тайным же обычаем…» [9, с. 167–168].

Всего торговыми агентами Московской компании в течение двадцати лет, с 1561 по 1581 гг., было осуществлено через Астрахань в Персию шесть торговых экспедиций. В 1579 г. началась шестая экспедиция англичан, описанная Христофором Бэрроу. Английская королева

Елизавета I направила шаху Персии грамоту с членами шестого плавания, в которой благодарит шаха за предоставленное членам английской Московской компании «свободное право въезжать в его земли и страны во всякое время, когда они хотят и могут, и заниматься там торговлей товарами и точно также, после обмена или продажи привезенных ими товаров, вывозить оттуда с его подобного же милостивого разрешения и при его благорасположении такие предметы, которыми его владения изобилуют и которыми наши владения скудны» и надеется, что привилегии английских купцов будут сохранены и в последующем [2, с. 262–263].

Как видно, планы английских купцов в России и на Каспийском регионе были далеко идущими. Об этом можно судить по тому, как Дженкинсон безуспешно пытался получить разрешение царя Ивана IV на устройство в Астрахани английской фактории, хотя первоначально он, до поездки в Бухары и Персию, искушенный в коммерческих делах, отзывался о «ничтожных» размерах астраханской торговли [2, с. 172] (слова Дженкинсона одни считают неискренними, а другие объясняют разочарованием от сравнения с объемами межазиатской торговли в бассейне Индийского океана [10, с. 174]), сомневался в возможностях здешней торговли.

Значительные трудности для развития международной торговли через Каспий представляло отсутствие опыта строительства более совершенных и безопасных судов, а также непригодность имеющихся гаваней в силу многочисленных мелей для причаливания торговых судов. Здесь трудно не согласиться с отзывом торгового агента Дженкинсона, который указывал на «малое количество судов на Каспийском море, недостаток рынков и гаваней, бедность жителей и замерзание моря», которые в конечном итоге «сводят тамошнюю торговлю на нет» [2, с. 188].

В XVI и XVII вв. в Каспийском море ходили преимущественно на бусах и стругах русской постройки. Кроме Астрахани, бусы строились в Гиляне и Ширване. Независимо от места постройки бусы отличались низкими мореходными качествами и становились непригодными из-за частых штормов на Каспии. Поэтому купцы Московской компании стали строить собственные суда по английскому образцу для плавания по Волге и Каспийскому морю. «Здешние суда очень опасны для плавания по Каспийскому морю», – писал член третьего путешествия в Персию в 1565 г. Артур Эдуардс. В письме от 15 мая 1565 г. секретарю Московской компании Томасу Никольсу А. Эдуардс отмечал, что «здесь имеются плотники, которые могут работать достаточно хорошо, если кто-нибудь будет руководить ими». И для этого он просил его прислать «сюда корабельного мастера, достаточно искусного, чтоб построить судно вместимостью в 60 тонн или больше» [2, с. 220]. Каспийские бусы были непрочными, на них можно было совершить не более двух рейсов по морю, после чего их ремонтировали или строили новый бус [3, с. 42]. Критически отозвался о каспийском торговом судоходстве голландский путешественник Я. Стрейс, писавший, что на каспийских «судах весьма трудно переплыть море, они должны все время идти по ветру, а ставить паруса при боковом ветре они не могут, не подвергая себя опасности перевернуться» [11, с. 192]. Невысокого мнения о них был и Ф. И. Соймонов, посланный Петром I изучать перспективы мореходства по Каспию. В период Каспийского похода «… не взято ни одного из прежде употребляемых в Астрахани бусов, потому что оных неспособность и опасность была известна. И подлинно от сих бусов ничего добраго надеяться было можно. Сложение их не дозволяло ни на парусах ходить против ветру, ниже лавировать, ниже дрейфовать, ниже на якорь стоять. Когда они имели ветер с кормы, то большой парус нарочито им способствовал. Но если ветер переменился, и стал противен, то поднимали они другой маленький парус, гуляй называемой, и возвращались назад. Такова то состояние были сии бусы» [1, с. 64–65], – отмечал он. Такое положение в корабельном деле на Каспийском море оставалось вплоть до петровской эпохи.

С появлением представителей английской Московской компании на Каспийском море значительное развитие получило морское судостроение в Астрахани, Казани, Гиляне. Английские купцы приобретали бусы местной постройки для перевозки собственных товаров. Так, в 1580 г., представители компании, получив известие, что судно, доставившее их товары в Шемаху, находится в непригодном состоянии из-за шторма, приобретают бусу грузоподъемностью в 35 тонн у армянского купца Якова [2, с. 274]. Есть свидетельства о бусах значительно большей грузоподъемностью. В 1589 г. Дженкинсон и другие английские купцы переправили из Бухары в Астрахань товарный груз в бусе, для которого потребовался караван из 600 верблюдов [2, с. 186], т. е. более 180 тонн. В конструктивном отношении бусы отличались округлым дном и высокими отвесными бортами. На носу и корме судна крупного тоннажа сооружались надстройки, в которых располагались купцы и члены экипажа. Корпус бусы делился перегородками на отсеки, которые арендовались купцами. Выпуклость средней части корпуса при небольшом соотношении длины и ширины – еще одна характерная конструктивная особенность бус. Выпуклость позволяла, во-первых, повысить устойчивость судна, во-вторых, – разместить в трюме как можно больше бочек, ящиков, тюков и прочей тары, в которую упаковывался в те времена груз [5, с. 14; 16].

Отправным пунктом на Каспии служила Астрахань, куда купцы прибывали на своих стругах. Из Астрахани на приготовленных для плавания в Дагестан, Ширван и Персию судах они отправлялись вдоль западного побережья Каспия. Собственные товары англичане продавали в Дербенте, Баку, Шемахе, Гиляне, Тебризе, а закупленный шелк-сырец грузили на бусы и отправляли обратно в Астрахань. Проделав со своим товаром обратный путь, англичане прибывали в Лондон. Возникшие и бурно развивающиеся в европейских странах шелковые мануфактуры требовали все большего количества сырья. Спрос на него не могли удовлетворить пока еще редкие караваны морских судов Ост-Индской компании, идущие в Англию от берегов Персидского залива, а доставку товара по суше к берегам Черного моря затрудняли ирано-турецкие войны. К тому же караванная торговля изжила свой век, бурно развивались морские сообщения, которые способствовали вывозу шелка по Каспийскому морю [6, с. 43].

Англичане выбрали Волжско-Каспийский путь вывоза шелка из Персии, хотя этот путь не был менее опасным, потому что торговля сулила им огромные доходы. Проезд от Гиляна до Ормуза в Персидском заливе занимал 86–90 дней, каждый верблюд мог нести не более двух тюков и обходился в среднем в 2 рубля 63 копейки, а путь из Гиляна до Астрахани по Каспийскому морю занимал гораздо меньше времени, и тот же груз обходился в 1 рубль 50 копеек. Кроме того, в то время как за ввозимый в Россию шелк, начиная с Астрахани, налагались пошлина с продажи, не превышающая 15 % его стоимости, и пошлина за провоз, то турки взимали с караванов, идущих к портам Средиземного и Черного моря, суммы в размере 100 % стоимости товара. К тому же опасность быть ограбленными разбойниками на горных дорогах Турции была ничуть не меньше, чем в прикаспийских областях [4, с. 20–21].

Как известно, основным товаром, который заманивал англичан в Персию, служил шелк-сырец. Энтони Дженкинсон, будучи в Ширване в 1562–1563 гг. отмечал, что здесь «можно достать различные доброкачественные и необходимые товары – орехи крупные и мелкие, хлопок-сырец, квасцы, шелк-сырец, естественно производимый в этой стране, почти все виды пряностей и москательных товаров и кое-какие другие товары, привозимые сюда из восточной Индии… Однако главный здешний товар – это шелк-сырец всяких сортов, которого здесь большое изобилие» [2, с. 205]. О количестве экспортируемого из Шемахи шелка можно судить по письму англичанина Артура Эдуардса, написанному им 8 августа 1566 г. «Уверяю вас, − писал он представителям Московской торговой компании, − что здесь при лошадином грузе в 50–60 батманов можно нагрузить 3000 или 4000 коней не считая грузинского шелка» [2, с. 233]. По подсчетам, это равно в среднем 200 тыс. батманов или 8 тыс. тюков, считая в одном тюке 25 батманов, что составляет около 100 тыс. пудов. Тот же А. Эдуардс, будучи в Казвине, был наслышан, что в Гиляне «шелка очень много, и он дешевле и лучше по качеству, чем здешний», куда он намеревался поехать за торговыми привилегиями от гилянского правителя [2, с. 232]. Провинция Гилянь, по замыслам англичан, должна была стать складочным местом для английских товаров. Удобное расположение Гиляна, откуда «всего [лишь] четыре дня пути до Казвина», где «живут главные и лучшие купцы» и вокруг которого расположены «главные другие города, как например, Тавриз, Ардебиль, Кашан» делает возможным «легче и скорее распродать товары во всех городах». Кроме того, в Гиляне имеется в огромном количестве шелка-сырца, необходимого для товарного запаса торговой компании [2, с. 224].

Выгоды Волжско-Каспийского торгового пути в Персию был настолько велики, что, невзирая на частые разбои и многообразие прочих морских опасностей, англичане настойчиво добивались права торговли с восточными странами через Астрахань от русского царя, также добивались предоставления торговых привилегий и от персидского шаха. Торговый агент Артур Эдуардс сумел убедить шаха в том, что намного выгоднее и быстрее, если в Персию будут доставлены европейские сукна и другие товары через Волжско-Каспийский путь, чем через Турцию, как это делают венецианцы. После этого шах даровал представителям Московской компании «новые торговые привилегии для торговли товарами в Персии» [2, с. 243–245].

Из путевых записок и писем английских купцов, проводивших торговые операции на берегах Каспийского моря во второй половине XVI в., узнаем также об активной роли русских купцов на Каспии в это время. По сведениям Дженкинсона в апреле 1559 г. при возвращении из Бухары он приобрел у русских и татарских торговцев, прибывших из Астрахани на судне, якорь, поскольку на их судне, оставленном на зимовку в одном из морских заливов восточного побережья Каспия, не оказалось «ни якоря, ни канатов, ни шлюпки, ни парусов» [2, с. 186], т. е. судно было разграблено. Так, в первой половине 60-х гг. англичане встречаются в Шемахе с многочисленными русскими купцами, которые доставляли туда товары морем [2, с. 230]. В это же время русские суда благополучно достигали персидского берега, в 1566 г. англичане встречают русских купцов в Казвине, в столице Персии [2, с. 224].

Итак, деятельность английских торговых агентов и купцов на Каспийском море способствовала значительному оживлению каспийского торгового мореплавания и судостроению. Московское государство, предоставляя англичанам право вести восточную торговлю через Каспий, получало возможность пополнить казну за счет торговых пошлин. Территория Московии становилась транзитной зоной в европейско-восточной торговле. Выгоды от торговли с прикаспийскими областями были настолько велики, что англичан даже не останавливали угрозы нападения на торговые суда каспийских пиратов и частые морские штормы, во время которых разбивались их суда и гибли товары. Вывоз через Каспий ширванского и персидского шелка-сырца был более выгодным делом, от которого представители Московской компании получали огромные доходы.

Литература

1. Соймонов Ф. И. Описание Каспийского моря и чиненных на оном российских завоеваний, яко часть истории государя императора Петра Великого. СПб., 1763. 380 с.
2. Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. / отв. ред. Н. Л. Рубинштейн; перев. Ю. В. Готье. М.: Соцэкгиз, 1938. 315 с.
3. Тушин Ю. П. Русское мореплавание на Каспийском, Азовском и Черном морях (XVII в.). М.: Наука, 1978. 186 с.
4. Кучирь А. Г. «Каспийское мореходство – дело государево». История борьбы за Каспий. СПб.: Морское наследие, 2015. 190 с.
5. Кирокосьян М. А. Русский флаг на Каспии. Два столетия Каспийской флотилии (середина XVII–середина XIX века); Пираты Каспийского моря. М.: Военная книга: Кучково поле, 2013. 414 с.
6. Путешественники об Азербайджане. Т. 1. Баку: Издательство Академии наук АзССР, 1961. 499 с.
7. Очерки истории СССР. Конец XV–начало XVI в. М.: Издательство АН СССР, 1955. 754 с.

8. О чем Иван Грозный договаривался с англичанами // Русская семерка. История. 18.08.2016. http://russian7.ru/post/angliya-i-ivan-groznyy-taynyy-soyuz/ (дата обращения: 14.04.2017).
9. Полное собрание законов Российской империи. Т. I: с 1649 по 1675. СПб., 1830. 743 с.
10. Гусарова Е. В. Астраханские находки: История, архитектура, градостроительство Астрахани XVI–XVIII вв. по документам из собраний Петербурга. СПб.: Нестор-История, 2009. 486 с.
11. Стрейс Я. Я. Три путешествия. М.: Соцэкгиз, 1935. 415 с.

THE BRITISH ON THE CASPIAN SEA IN THE XVI CENTURY

Sharafetdin A. Magaramov[1, @]

[1] *Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 75, Yaragsky St., Makhachkala, Russia, 367030*
[@] *sharafetdin80@mail.ru*

Received 04.05.2017.
Accepted 30.08.2017.

Keywords: Caspian Sea, Caspian trade navigation, English merchants, Moscow trading company, international trade, trade privileges.

**** The paper is published with the support of the Office of Humanitarian and Social Sciences of the Russian Federal Property Fund, scientific project No. 16-31-01034.***

Abstract: The article features activities of the English merchants and sales agents on the Volga and Caspian trade route to east countries in the 1660–1680. The paper focuses on the positive influence of the British on the development of the Caspian shipbuilding and trade navigation as well as on the increase in the volume of international trade in the basin of the Caspian Sea. As a result of the activity of the English Moscow company, the trade turnovers of West-Caspian shopping centers increased as they got involved in the international commodity turnover. The benefits of the Caspian trade route to Persia were obvious, which explains the persistence of the English Moscow company in their attempts to acquire the right of duty-free trade with the East through Astrakhan and the Caspian Sea, as well as trade privileges from the Moscow tsar and the Persian shah. The main export article that went to England from Caspian areas was raw silk, which brought the British huge profit. As the British continued to develop the West Caspian Sea trade route, other foreigners started to show a greater interest in the region.

For citation: Magaramov Sh. A. Anglichane na Kaspiiskom more v XVI v. [The British on the Caspian Sea in the XVI Century]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2017): 62–66. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-3-62-66.

References

1. Soimonov F. I. *Opisanie Kaspiiskogo moria i chinennykh na onom rossiiskikh zavoevanii, iako chast' istorii gosudaria imperatora Petra Velikogo* [The description of the Caspian Sea and the chinennykh on it the Russian gains, as a part of history of the sovereign emperor Peter the Great]. Saint-Petersburg, 1763, 380.
2. *Angliiskie puteshestvenniki v Moskovskom gosudarstve v XVI v.* [The English travelers in the Moscow state in the 16th century]. Ed. N. L. Rubinshtein; trans. Yu. V. Got'e. Moscow: Sotsekgiz, 1938, 315.
3. Tushin Yu. P. *Russkoe moreplavanie na Kaspiiskom, Azovskom i Chernom moriakh (XVII v.)* [The Russian navigation at the Caspian, Azov and Black seas (17th century)]. Moscow: Nauka, 1978, 186.
4. Kuchir' A. G. *«Kaspiiskoe morekhodstvo – delo gosudarevo». Istoriia bor'by za Kaspii* ["The Caspian navigation – business monarchic". History of fight for the Caspian Sea]. Saint-Petersburg: Morskoe nasledie, 2015, 190.
5. Kirokos'ian M. A. *Russkii flag na Kaspii: Dva stoletiia Kaspiiskoi flotilii (seredina XVII–seredina XIX veka); Piraty Kaspiiskogo moria* [The Russian flag on the Caspian Sea: Two centuries of the Caspian flotilla (the middle of XVII – the middle of the 19th century); Pirates of the Caspian Sea]. Moscow: Voennaia kniga: Kuchkovo pole., 2013, 414.
6. *Puteshestvenniki ob Azerbaidzhane* [Travelers about Azerbaijan]. Vol. 1. Baku: Izdatel'stvo Akademii nauk AzSSR, 1961, 499.
7. *Ocherki istorii SSSR. Konets XV–nachalo XVI v.* [History USSR sketches. The end of XV–the beginning of the 16th century]. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1955, 754.
8. O chem Ivan Groznyi dogovarivalsia s anglichanami [About what Ivan the Terrible agreed with British]. *Russkaia semerka. Istoriia = The Russian Seven. History*. 18.08.2016. Available at: http://russian7.ru/post/angliya-i-ivan-groznyy-taynyy-soyuz/ (accessed 14.04.2017)
9. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Vol. I: 1649–1675. Saint-Petersburg, 1830, 743.
10. Gusarova E. V. *Astrakhanskie nakhodki: Istoriia, arkhitektura, gradostroitel'stvo Astrakhani XVI—XVIII vv. po dokumentam iz sobranii Peterburga* [Astrakhan finds: History, architecture, town planning of Astrakhan the XVI–XVIII centuries according to documents from meetings of St. Petersburg]. Saint-Petersburg: Nestor-Istoriia, 2009, 486.
11. Streis Ya. Ya. *Tri puteshestviia* [Three travel]. Moscow: Sotsekgiz, 1935, 415.

УДК 94(57)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УЕЗДНЫХ РАСПОРЯДИТЕЛЬНЫХ КОМИТЕТОВ ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ ПО РАСПРЕДЕЛЕНИЮ НАТУРАЛЬНЫХ ПОВИННОСТЕЙ В НАЧАЛЕ XX В.

Евгений В. Почеревин [1, @]

[1] *Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет им. В. М. Шукшина, Россия, 659333, г. Бийск, ул. Короленко, 53*
[@] *pev2@mail.ru*

Поступила в редакцию 28.04.2017.
Принята к печати 20.09.2017.

Ключевые слова: уездный распорядительный комитет, натуральные повинности, равномерное распределение, Томская губерния, волостное правление, земская гоньба, содержание дорог.

Аннотация: В статье анализируется деятельность уездных распорядительных комитетов по распределению натуральных повинностей между населением уезда. Автор, используя архивные материалы по Томской губернии начала XX в., делает вывод о том, что данные учреждения прикладывали определенные усилия для сбора нужной им информации. В качестве инструментов для обеспечения относительного паритета в распределении повинностей использовались: районирование уезда, учет местной специфики, расширение контингента исполнителей натуральных повинностей. В русле реформирования данной сферы комитеты стремились отменить порядок распределения повинностей, основанный на учете численности работоспособных крестьян. Предлагалось введение системы, базирующейся на учете количества и качества земли. В отходе от натурального исполнения повинностей, а именно в переходе к выплате крестьянами денежного их эквивалента, также виделся один из способов достижения большей уравнительности. Значительную помощь распорядительным комитетам оказывали периодические совещания волостных должностных лиц. Мнения, сформированные в ходе их работы, способствовали более четкому пониманию существующих проблем в рассматриваемой сфере. Несвоевременное принятие обновленных трехлетних расписаний выполнения повинностей уездными распорядительными комитетами отрицательно сказывалось на их паритетном распределении.

Для цитирования: Почеревин Е. В. Деятельность уездных распорядительных комитетов Томской губернии по распределению натуральных повинностей в начале XX в. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 3. С. 67–72. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-3-67-72.

В сибирских губерниях конца XIX – начала XX в. отсутствовал институт земства, поэтому его роль выполняли несколько государственных учреждений. На уровне уезда важнейшим административным органом был уездный распорядительный комитет. Одной из главных задач комитета было распределение натуральных повинностей среди населения уезда. Составлялись специальные «расписания на трехлетие», которые утверждались Томским губернским управлением. Главным требованием к работе комитета по данному вопросу было обеспечение равномерности распределения повинностей. Для достижения этого использовались различные методы и подходы, которые будут выявлены и рассмотрены в данной статье. Работа построена на анализе соответствующего архивного материала, отражающего деятельность уездных распорядительных комитетов в Томской губернии в начале XX в.

Механизмы функционирования уездного уровня власти уже были исследованы историками. Так, О. Н. Богатырёва [1], рассматривая эволюцию местного самоуправления в двух приуральских губерниях, затрагивала уездные властные институты. Более детально они были изучены Ю. А. Зайцевой [2] на материале Южного Урала. Изменения в структурах уездной власти в Сибири, произошедшие в годы Первой мировой войны, были рассмотрены Е. А. Съемщиковым [3]. В статьях В. В. Гермизеевой [4; 5] исследован состав крестьянских начальников и дана оценка общего состояния местного управления в Западной Сибири в начале XX в. Деятельность сибирских уездных исправников рассматривалась П. А. Сунгуровым [6]. Однако комплексного исследования уездных распорядительных комитетов Томской губернии предпринято не было.

Распорядительный комитет вел работу под руководством председателя, роль которого исполнял уездный исправник. Как правило, членами комитета были крестьянские начальники и волостные старшины [7, л. 54–55, 72, 80–82а; 8, л. 64]. В некоторых случаях в заседаниях комитета участвовали другие чиновники (переселенческого, податного, почтово-телеграфного ведомств), волостные писари и крестьянские делегаты, уполномоченные волостными сходами [9, л. 2].

В 1903 г. в журнале заседания Барнаульского уездного распорядительного комитета было зафиксировано «особое мнение» крестьянского начальника первого участка Г. Войниловича. Чиновник указывал на то, что распорядительный комитет при установлении норм повинностей не имел необходимых материалов, ввиду чего распределение было произведено крайне неравномерно. Крестьянский начальник предлагал ряд мер для достижения уравнительного распределения повинностей. В частности, указывал на необходимость выясне-

ния стоимости содержания земских лошадей по каждой станции, что позволило бы более точно определить объем данной повинности. Кроме того, чиновник настаивал на привлечении к несению подводной повинности непричисленного населения [10, л. 2]. Комитет постановил выяснить объем повинностей, чтобы при подготовке следующего варианта расписания иметь корректные сведения. Предлагалось определить количество «душ годных работников» из числа причисленного и непричисленного населения уезда. Требовалось выяснить еще ряд параметров: протяженность почтовых и земских трактов «с оценкой и разделением их по степени трудности исправления и количеству дорожных сооружений». Необходимо было выявить количество земских станций, число лошадей на них; определить стоимость содержания речных переправ, этапных помещений и земских квартир. Обобщив данные показатели, можно было найти стоимость повинностей, «упадающих на одного годного работника при переложении личного труда на деньги» [10, л. 2 об.]. Понимание проблем и путей их решения вполне осознавалось членами комитета. В ходе работы распорядительного комитета накапливался определенный опыт, вырабатывались необходимые меры для решения задачи по равномерному распределению повинностей.

Самым сложным вопросом оказался сбор необходимых сведений. В 1902 г. председатель Бийского распорядительного комитета предписывал волостным правлениям «немедленно доставить в комитет подробное описание почтового и земского трактов» [11, л. 73–74]. В 1903 г. предписывалось представить более расширенные сведения о выполнении натуральных повинностей в истекающем трехлетии, «описать подробно и ясно, что отбывалось и делалось в действительности … дабы применительно возможно было делать распределение в текущее время» [12, л. 23]. В 1904 г. были разосланы предписания о предоставлении в комитет информации о «всех земских повинностях, которые в течение прошлого трехлетия 1902–1904 гг. отправляли натурой»; о повинностях, планируемых на следующее трехлетие. Требовалось предоставить список «земских и обывательских станций, с обозначением выпущенных лошадей» за 1902–1904 гг. Комитет желал иметь данные о «всех оброчных статьях (казенных, общественных и принадлежащих частным владельцам) с показанием ценности и доходности их». Его интересовали сведения «о числе душ обоего пола, причисленных к волости, непричисленных, проживающих временно и о числе годных работников, отбывающих натуральные и денежные земские повинности». Наконец, нужна была информация о «количестве удобных и неудобных земель, состоящих в пользовании крестьян и инородцев» [13, л. 43–48]. Необходимость сбора таких сведений объяснялась стремлением уменьшить «крестьянские земские платежи» при распределении повинностей на трехлетие 1906–1908 гг. Несмотря на столь тщательную подготовку, в феврале 1906 г. председатель Бийского уездного распорядительного комитета циркуляром указал волостным правлениям, что сведения о повинностях «за прошлое трехлетие оказались составленными не всеми по однообразной форме». Главным недостатком, указывал чиновник, было то, что «цифровые данные по оценке отбываемых натурой повинностей … исчислены и подразделены на годных работников весьма неравномерно», в связи с чем «общего расписания о распределении повинностей на будущее трехлетие по Бийскому уезду, на состоявшемся заседании составлено не было» [14, л. 45–45 об.]. Однако была выработана общеуездная форма для учета повинностей, куда и предписывалось внести новые сведения о натуральных повинностях за прошлое (1903–1905 гг.) трехлетие. Указывалось на необходимость предоставить сведения без всякой задержки, «дабы распорядительный комитет имел возможность свободно рассмотреть их до дня заседания и составить общий предварительный подсчет по всем селениям» [14, л. 45 об.]. В марте 1910 г. было разослано по волостным правлениям предписание о заполнении 14 форм со сведениями о натуральных повинностях за 1908–1910 гг., документ был размножен на гектографе [15, л. 1]. Как видим, комитет аккумулировал необходимые данные, количество которых с течением времени всё возрастало, а способы их собирания совершенствовались.

Одной из мер для уравнения в распределении повинностей, как уже указывалось выше, было разделение уезда на участки. Так, в 1904 г. Барнаульский распорядительный комитет разделил уезд на шесть участков исходя из одинакового экономического положения селений и географической близости волостей, включенных в один участок [10, л. 10]. Бийский уездный распорядительный комитет на заседании в сентябре 1907 г. разделил уезд на восемь районов, определив дифференцированную раскладку тяжести повинностей от 1,72 руб. до 5,66 руб. на каждого «годного работника» [16, л. 2]. Объясняя данную неравномерность, распорядительный комитет указывал на то, что «территория Бийского уезда не округленная, а значительно протянувшаяся с севера на юг на более чем 600 верст». Если исходить из усредненного распределения обязанностей, то пришлось бы населению совершать длительные переезды к местам отбывания повинностей, что в свою очередь сказалось бы на увеличении издержек [16, л. 2]. Как видим, распорядительный комитет пытался учесть все местные нюансы и тонкости для более равномерного распределения повинностей между крестьянами уезда. Представляет интерес тот факт, что Томское губернское управление отметило ряд нарушений в составлении данного расписания, однако утвердило его, поскольку постановление распорядительного комитета было принято единогласно всеми его членами [17, л. 8].

В 1910 г., составляя расписание на новое трехлетие, Бийский уездный распорядительный комитет разделил уезд на шесть районов – четыре крестьянских и два инородческих, причем дифференциация достигала еще больших размеров: от 5,87 руб. до 43,82 руб. на каждого «годного работника». В этот раз члены распорядительного комитета ссылались не только на «протяженность» уезда и большие расстояния, но указывали на «чрезвычайное разнообразие» природы и рельефа уезда, следовательно, «характера хозяйства населения и его экономического благосостояния» [17, л. 19–19 об.]. В 1912 г. крестьянский начальник Строльман предложил иной принцип деления Бийского уезда на участки. По его мнению, эти территории должны были соответствовать участкам крестьянских начальников. В районе наиболее

населенных, первого и второго, участков пролегали крупные тракты, содержание которых было регламентировано требованиями закона. Распределив значительную нагрузку на большее число крестьян двух первых участков, можно достичь относительного уравнения повинностей с третьим и четвертым участками, где таких дорог не было. К тому же, по мысли чиновника, подобное деление позволило бы крестьянским начальникам осуществлять более эффективный надзор за исполнением натуральных повинностей, на деле осуществить приписывание селений к ближайшим ямским станциям и дорожным участкам [18, л. 28 об.]. Попытки районирования на основе различных принципов с учетом местной специфики были одним из эффективных способов, применявшихся комитетами для обеспечения относительной равномерности распределения натуральных повинностей.

На заседании Бийского уездного распорядительного комитета в 1912 г. тот же крестьянский начальник Строльман в видах более равномерного распределения натуральных повинностей высказал предложение изменить принцип их раскладки – принимать за основание не число «годных работников», а ряд параметров: количество десятин удобной земли, отведенной в надел каждому из селений; производительность этих земель; количество земли на одну душу мужского пола. Ценность и доходность земли в Томской губернии постоянно возрастала и в рассматриваемый период, по мнению чиновника, превышала сумму платимых за надельную землю податей и повинностей. В то время, когда каждому из селений было отведено точно определенное количество земли, разделенной между дворами, число годных работников уже не являлось главным показателем и фактором платежеспособности, ими становились качество и количество земли. Кроме того, указывал Строльман, каждое волостное правление в подаваемых списках старалось уменьшить количество «годных работников», а проверить это не представлялось возможным, поскольку посемейные списки не отражали актуального состояния. Еще одним аргументом в пользу перехода на новые условия была ссылка на законодательство, которое рекомендовало именно «земельное» обоснование распределения повинностей. Комитет согласился с некоторыми положениями и постановил создать комиссию для выяснения количества и качества земель [18, л. 26–27]. Комиссия при определении доходности земель, в отсутствие статистических сведений, опиралась на «личное знакомство … с условиями местного хозяйства, с качеством земельных угодий, с географическими и климатическими особенностями отдельных регионов уезда» [18, л. 36]. По всей вероятности, данное предложение не было введено в действие, поскольку о введении в действие новой базы расчета объема повинностей говорилось на заседании Бийского уездного распорядительного комитета в феврале-марте 1914 г. [19, л. 44 об.]

Несмотря на то, что повинности назывались натуральными, многие их виды были переводимы крестьянами в денежную форму и отбывались путем найма. В 1912 г. Бийский уездный распорядительный комитет отмечал, что со стороны населения присутствует «явное тяготение к обращению натуральной подводной повинности в денежную». В журнале заседания указывалось, что перевести ее на деньги официально желательно, «так как тогда она будет распределена гораздо уравнительней между отдельными волостями и селениями, а так же к несению таковой будет … в большей мере привлекаться и другие сословия» [18, л. 33]. Спустя два года в 1914 г. на заседании Бийского уездного распорядительного комитета было предложено ходатайствовать перед Губернским управлением. Предлагалась замена «натуральных дорожной (в части строительства и ремонта мостов, гатей, переправ) и подводной повинностей, денежными, с отнесением расходов на губернский земский сбор» [19, л. 44 об.], из чего следует, что инициатива уездного распорядительного комитета не была реализована. В 1914 г. Барнаульским уездным распорядительным комитетом было признано необходимым «все повинности переложить на деньги, за исключением исправления дорог и опалки боров» [20, л. 3]. Стремление распорядительных комитетов закрепить практикуемую крестьянами денежную форму выполнения повинностей можно считать одним из способов достижения большей уравнительности.

Под уравнительностью распределения повинностей подразумевалось участие в их исправлении всего населения уезда, а не только крестьянских обществ. На заседании Бийского уездного распорядительного комитета в 1912 г. крестьянский начальник первого участка Строльман выразил мнение о том, что население г. Бийск должно участвовать в отбывании натуральных повинностей наравне с сельским населением уезда. Чиновник указывал на положение закона, гласящего, что содержание этапных помещений должно осуществляться на средства губернского земского сбора, а не быть натуральной повинностью крестьян [18, л. 31]. Он же высказал предложение возложить обязанности по обслуживанию Чуйского тракта на население всего уезда. По его мнению, кочевые дючины третьего и четвертого крестьянских участков, на которых лежала данная повинность, являлись «малочисленным и экономически слабым элементом уезда» [18, л. 28 об.]. К тому же тракт имел не уездное, а общегосударственное торговое и военное значение. Бийский уездный распорядительный комитет счел возможным возбудить ходатайство о «принятии Чуйского тракта на средства казны или хотя бы губернии, так как, он обслуживает общие нужды торговли с Монголией, его исправление требует значительных сил и средств и обременительно для уезда» [18, л. 29 об.–30]. Таким образом, стремление расширить контингент исполнителей натуральных повинностей преследовало цель уравнительного распределения и облегчения этого бремени.

Инструментом для достижения уравнительности в распределении тяжести повинностей можно считать совещания волостных старшин и представителей от волостей под руководством крестьянских начальников. В январе 1914 г. совещание состоялось в первом участке Бийского уезда [18, л. 1 об.]. Благодаря протоколам этого собрания можно увидеть причины неравномерного распределения повинностей. Так, для содержания земской станции к ней приписывалось несколько селений, расположенных на разном расстоянии от станции. При выставлении лошадей в порядке очереди указанная

разница делала невозможным равномерное распределение тяжести между этими селениями. Отдельные крестьяне-исполнители также выполняли неодинаковый объем повинностей, поскольку на это влиял ряд обстоятельств: время года (осенняя распутица, полевые работы), разница в количестве ежедневно выгоняемых лошадей (в один день больше, в другой – меньше, что зависело от случайных причин) [18, л. 2].

Главное препятствие к уравнению, по мнению членов совещания, заключалось в трудности оценки каждой из повинностей «в отдельных пунктах их отбывания», а потому и возникал вопрос, «какое количество платежных единиц должно быть причислено к этому пункту». Факторы, влияющие на стоимость содержания подвод на земских станциях, были многочисленны и разнородны. Необходимо было учитывать количество подвод, расстояние до соседних станций, «трудность езды, в зависимости от природных качеств дорог». На оценку цены на сено и овес (которые могли различаться в разных концах уезда) влияло количество лиц, занимающихся ямским промыслом. Проблемой было отсутствие практики сбора статистических данных о количестве выпущенных лошадей, так как почти нигде в уезде не велись «шнуровые книги» для записи этих сведений [18, л. 2–2 об.]. Сельские общества при найме содержателей подвод «не разъединяют подвод, нужных для земского сообщения от подвод, взимаемых для нужд местного крестьянского управления, которые должны содержаться за счет мирских повинностей». То есть отдельные селения использовали средства передвижения, содержащиеся за счет всей волости, в своих узких интересах. Поэтому, констатировал протокол совещания, «сравнительная стоимость содержания подвод на каждой станции, даже взятая не за один год … не может быть действительным показателем стоимости содержания … собственно земских подвод» [18, л. 2 об.–3].

В сентябре-октябре 1912 г. в четвертом крестьянском участке Бийского уезда проходила работа комиссии по распределению натуральных повинностей с участием представителей от входящих в него волостей [18, л. 61]. В результате обработки данных, полученных при оценке дорог и сооружений, было выявлено, что ряд волостей несут нагрузку в два, а некоторые в четыре, раза больше средней по участку. Однако это не воспринималось как нарушение равномерности распределения повинностей. Комиссия объясняла данную ситуацию тем, что волости, по которым не проходят земские тракты, и выполняющие меньший объем общих повинностей, вынуждены содержать на свои средства проселочные дороги, междудворную гоньбу и земские квартиры, от чего освобождались волости расположенные на трактах [18, л. 63 об.]. Таким образом, собрания должностных лиц волости, если и не могли окончательно решить вопрос уравнительности, то способствовали более внятной артикуляции существующих проблем. Мнения, выработанные на подобных совещаниях, учитывались распорядительными комитетами при принятии решений и составлении расписаний.

Следует отметить еще один фактор в работе распорядительных комитетов, мешающий равномерному распределению повинностей между населением уезда. Это несвоевременное принятие новых трехлетних расписаний. В декабре 1913 г. Томское губернское управление констатировало, что отбывание натуральных повинностей в Барнаульском и Бийском уездах производилось по одному и тому же расписанию два трехлетия. «Подобное обстоятельство не отвечает требованиям жизни, оказывает вредное влияние на уравнительность … потому, что в течение шести, но даже в течение трех лет, видоизменяется жизнь уезда: образовываются новые селения, увеличивается число годных работников, расширяется площадь удобной земли» [18, л. 116–118].

В заключении можно сделать вывод, что члены уездных распорядительных комитетов имели четкое понимание существующих проблем. Со временем вырабатывались управленческие навыки по сбору необходимой информации. В качестве инструментов, используемых для достижения равномерного распределения натуральных повинностей среди населения, можно отметить районирование на основе различных принципов, с учетом местной специфики. Наиболее передовые чиновники полагали, что система распределения повинностей, основанная на учете численности работоспособных крестьян, устарела. Они предлагали перейти к порядку, базирующемуся на учете количества и качества земли. Комитеты видели в отходе от натурального исполнения повинностей, в закреплении денежной формы их выполнения, один из способов достижения большей уравнительности. Расширение контингента исполнителей натуральных повинностей также преследовало цель уравнительного распределения этого бремени.

Периодические совещания волостных должностных лиц способствовали более четкому пониманию существующих проблем в рассматриваемой сфере. Несвоевременное принятие новых трехлетних расписаний уездными распорядительными комитетами, наоборот, отрицательно сказывалось на паритетном распределении повинностей.

Литература

1. Богатырёва О. Н. Эволюция системы местного самоуправления в Вятской и Пермской губерниях (1861 – февраль 1917). Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2004. 458 с.

2. Зайцева Ю. А. Уездное управление и самоуправление на Южном Урале во второй половине XIX – начале XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2011. 26 с.

3. Съемщиков Е. А. Подвижки в уездном управлении Сибири в период первой мировой войны 1914–1918 гг. // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2015. № 1(23). С. 56–62.

4. Гермизеева В. В. Состояние местного управления в Западной Сибири в начале XX в. (по данным всеподданнейших губернаторских отчетов) // Омский научный вестник. 2014. № 2(126). С. 13–15.

5. Гермизеева В. В. Крестьянские начальники Западной Сибири: численность и состав (1898–1917 гг.) // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 4. Режим доступа: https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=14359 (дата обращения: 13.02.2017).
6. Сунгуров П. А. Уездные исправники Тобольской губернии (начало XX в.) // Теория и практика общественного развития. 2015. № 4. С. 93–95.
7. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 19. Д. 1510. 1909 г.
8. ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 1700. 1910–1914 гг.
9. ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 1713. 1914 г.
10. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 65. Оп. 1д. Д. 1. 1904 г.
11. ГААК. Ф. 182. Оп. 1. Д. 8. 1902 г.
12. ГААК. Ф. 182. Оп. 1. Д. 10. 1902–1903 гг.
13. ГААК. Ф. 181. Оп. 1. Д. 123. 1906–1908 гг.
14. ГААК. Ф. 182. Оп. 1. Д. 16. 1903–1906 гг.
15. ГААК. Ф. 198. Оп. 1. Д. 47. 1910 г.
16. ГААК. Ф. 198. Оп. 1. Д. 42. 1908 г.
17. ГААК. Ф. 198. Оп. 1. Д. 48. 1910–1911 гг.
18. ГААК. Ф. 198. Оп. 1. Д. 59. 1913–1916 гг.
19. ГААК. Ф. 65. Оп. 1. Д. 244. 1914–1915 гг.
20. ГААК. Ф. 65. Оп. 1. Д. 237. 1908–1914 гг.

ACTIVITIES OF THE LOCAL ADMINISTRATIVE COMMITTEES OF THE TOMSK PROVINCE IN METAYAGE DISTRIBUTION IN THE EARLY XX CENTURY

Evgeny V. Pocherevin [1, @]

[1] *The Shukshin Altai State Humanities Pedagogical University, 53, Korolenko St., Biysk, Russia, 659333*
[@] *pev2@mail.ru*

Received 28.04.2017.
Accepted 20.09.2017.

Keywords: district administrative committee, metayage, equal distribution, Tomsk Province, rural administration, local transport, maintenance of roads.

Abstract: The article is devoted to the activities of the county administrative committees for the distribution of metayage among the local population. By using early-twentieth-century archival materials concerning the Tomsk province, the author was able to draw the conclusion that institutions under consideration applied a considerable effort to collect the information they needed. As tools to provide relative parity in the distribution of duties, they used: district regionalization, local circumstances consideration and extension of those under natural duties. In line with the reform in the sphere, the Committee sought to abolish the procedure for allocation of duties, based on the registered number of able-bodied peasants. It was suggested to introduce a system based on taking into account the quantity and the quality of land. In abandoning the metayage way and moving on to paying peasants monetary equivalent, they saw a way of achieving a greater equalization. Regular meetings of municipal officials provided a significant assistance to administrative committees. Opinions that were formed during such meetings contributed to a better understanding of existing problems in the sphere. Delays in the adoption of the updated three-year implementation schedules by local administrative committees had a negative effect on the distribution of parity obligations.

For citation: Pocherevin E. V. Deiatel'nost' uezdnykh rasporiaditel'nykh komitetov Tomskoi gubernii po raspredeleniiu natural'nykh povinnostei v nachale XX v. [Activities of The Local Administrative Committees of the Tomsk Province in Metayage Distribution in the Early XX Century]. *Bulletin of Kemerovo State University,* no. 3 (2017): 67–72. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-3-67-72.

References

1. Bogatyreva O. N. *Evoliutsiia sistemy mestnogo samoupravleniia v Viatskoi i Permskoi guberniiakh (1861 – fevral' 1917)* [The evolution of the local government system in the Vyatka and Perm province (1861 – February 1917)]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo un-ta, 2004, 458.
2. Zaitseva Iu. A. *Uezdnoe upravlenie i samoupravlenie na Iuzhnom Urale vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka*. Avtoref. diss. kand. ist. nauk [County governments and local government in the southern Urals in the second half of XIX – early XX century. Cand. hist. Sci. Diss. Abstr.]. Orenburg, 2011, 26.

3. Syemshchikov E. A. Podvizhki v uezdnom upravlenii Sibiri v period pervoi mirovoi voiny 1914–1918 gg. [Moves in the county government of Siberia during the First World War of 1914–1918]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Bulletin of Novosibirsk State Pedagogical University*, no. 1 (2015): 56–62.

4. Germizeeva V. V. Sostoianie mestnogo upravleniia v Zapadnoi Sibiri v nachale XX v. (po dannym vsepoddanneishikh gubernatorskikh otchetov) [The state of local government in Western Siberia in the early twentieth century (According to the data of the most loyal gubernatorial reports)]. *Omskii nauchnyi vestnik = Omsk Scientific Bulletin*, no. 2 (2014): 13–15.

5. Germizeeva V. V. Krest'ianskie nachal'niki Zapadnoi Sibiri: chislennost' i sostav (1898–1917 gg.) [Peasants' chiefs of Western Siberia: number and composition (1898–1917)]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia = Modern problems of science and education*, no. 4 (2014). Available at: https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=14359 (accessed 13.02.2017).

6. Sungurov P. A. Uezdnye ispravniki Tobol'skoi gubernii (nachalo XX v.) [District police officers of the Tobolsk province (early XX century)]. *Teoriia i praktika obshchestvennogo razvitiia = Theory and practice of social development*, no. 4 (2015): 93–95.

7. *Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti (GATO)* [The State Archive of the Tomsk region]. Found 3, List 19, File 1510, 1909.

8. *Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti* [The State Archive of the Tomsk region]. Found 3, List 19, File 1700, 1910–1914.

9. *Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti* [The State Archive of the Tomsk region]. Found 3, List 19, File 1713, 1914.

10. *Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraia (GAAK)* [The State Archives of the Altai Territory]. Found 65, List 1d, File 1, 1904.

11. *Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraia* [The State Archives of the Altai Territory]. Found 182, List 1, File 8, 1902.

12. *Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraia* [The State Archives of the Altai Territory]. Found 182, List 1, File 10, 1903–1903.

13. *Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraia* [The State Archives of the Altai Territory]. Found 181, List 1, File 123, 1906–1908.

14. *Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraia* [The State Archives of the Altai Territory]. Found 182, List 1, File 16, 1903–1906.

15. *Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraia* [The State Archives of the Altai Territory]. Found 198, List 1, File 47, 1910.

16. *Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraia* [The State Archives of the Altai Territory]. Found 198, List 1, File 42, 1908.

17. *Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraia* [The State Archives of the Altai Territory]. Found 198, List 1, File 48, 1910–1911.

18. *Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraia* [The State Archives of the Altai Territory]. Found 198, List 1, File 59, 1913–1916.

19. *Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraia* [The State Archives of the Altai Territory]. Found 65, List 1, File 244, 1908–1914.

20. *Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraia* [The State Archives of the Altai Territory]. Found 65, List 1, File 237, 1908.

УДК 947:342(571.54)

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ 1970-Х ГГ. И ФУНКЦИИ ОРГАНОВ ВЛАСТИ БУРЯТСКОЙ АССР

Евгений Т. Протасов [1, @]

[1] *Бурятская государственная сельскохозяйственная академия им. В. Р. Филиппова, Россия, 670024, г. Улан-Удэ, ул. Пушкина, 8*
[@] *protasov-evg@mail.ru*

Поступила в редакцию 27.02.2017.
Принята к печати 11.04.2017.

Ключевые слова: Верховный Совет, конституционные нормы, автономная республика, Советы депутатов, органы власти.

Аннотация: Целью статьи является анализ влияния конституционных изменений 1970-х гг. на функции органов власти Бурятской АССР с использованием системного, компаративистского подходов, институционального метода исследования, а также неопубликованных ранее архивных материалов. Текст проекта Основного Закона автономной республики был обнародован в печатных средствах массовой информации общим объемом более 170 тыс. экземпляров. Широкую и целенаправленную разъяснительную работу проводили члены Конституционной комиссии республики, идеологический актив, редакции газет, радио, телевидение. На сессии высшего органа государственной власти 30 мая 1978 г. была официально принята новая Конституция Бурятской АССР. В ее текст были включены новые разделы и главы, а ряд статей изменен и дополнен. Бурятская АССР объявлялась социалистическим общенародным государством. Подробно определялось правовое положение, регламентировался порядок и формы деятельности Верховного Совета и его Президиума, а также Совета Министров АССР. Советы народных депутатов всех уровней составляли единую систему государственной власти. Национальная государственность Бурятии была ограничена. Заявленные и расширенные политические и социальные права граждан во многом оставались декларативными. Единственная политическая партия обрела конституционный статус руководящей и направляющей силы общества и, отрицая все принципы разделения властей, превратилась в главный элемент государственной структуры. Вместе с тем система государственного устройства не была идеальной. С большими трудностями шло приобщение людей труда к осуществлению государственной власти и управления, благодаря чему Советы, являясь по своей сути органами власти через трудящихся, оставались в значительной мере властью над трудящимися массами. Нарастала бюрократизация деятельности Советов, подмена их партийными комитетами, стабильность кадров превращалась в их несменяемость, застой и геронтократию, требовал кардинального усиления контроль Советов за работой исполнительных органов. Все острее ощущалась необходимость серьезной корректировки избирательной системы, демократизации общественно-политической жизни общества. Рассмотренные материалы могут быть использованы для сравнительного анализа деятельности государственных органов различных уровней.

Для цитирования: Протасов Е. Т. Конституционные изменения 1970-х гг. и функции органов власти Бурятской АССР // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 3. С. 73–78. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-3-73-78.

Ключевым общественно-политическим событием в истории любого цивилизованного государства является подготовка и принятие Конституции страны, определяющей фундаментальные правовые основы, направляющей последовательное развитие всего конституционного законодательства. В начале второй половины 1970-х гг., по мнению партийного руководства, в развитии советского государства и политической системы проявился институционально новый этап, определявший целесообразность завершения разработки новой Конституции СССР [1, с. 51]. Однако политическая система и организация власти в стране на данный период почти не претерпели существенных изменений. Темпы экономического развития были на достойном уровне. Основные конституционные нормы реализовывались стабильно и устойчиво.

24 июня 1977 г. была проведена пятая сессия Верховного Совета Бурятской АССР девятого созыва. На сессионном заседании с докладом выступил второй секретарь Бурятского обкома КПСС, депутат Верховного Совета РСФСР К. М. Продайвода. Высший орган государственной власти республики подчеркнул, что проект нового Основного Закона Союза ССР, опубликованного 4 июня 1977 г., положения доклада Л. И. Брежнева на майском (1977 г.) пленуме ЦК КПСС встретили повсеместное одобрение тружеников Бурятии. Парламентом создана Комиссия по разработке проекта Конституции автономной республики, состоявшая из 33 депутатов, под

руководством первого секретаря Бурятского обкома партии А. У. Модогоева [2, л. 33–47].

В работе Комиссии принимали активное участие партийные работники, представители депутатского корпуса различных уровней, юристы, научные работники, представители государственных и общественных органов, хозяйственные руководители. Прежде всего она основывалась на положениях действующей Конституции Союза ССР, Основного Закона Российской Федерации, характеризующего специфику РСФСР. Эффективно использовалась практика работы Конституционной комиссии федерального уровня. Кроме этого члены Комиссии и привлеченные специалисты регулярно консультировались и обсуждали возникающие вопросы с представителями ЦК партии, парламента Российской Федерации [3, л. 19–24].

Текст проекта готовящегося документа был обнародован в печатных средствах массовой информации республики общим объемом более 170 тыс. экземпляров. Редакции газет, радио, телевидение, всесторонне используя различные формы пропагандистской, агитационной работы, осуществляли основную разъяснительную деятельность с учетом особенностей различных категорий граждан [3, л. 12].

Обсуждение документа проявляло активный трудовой и политический подъем, отразило гражданскую ответственность и политическую зрелость трудящихся, проект вызывал принципиальное одобрение. Высказываясь на собрании в колхозе «Мир» Джидинского аймака, колхозница, мать-героиня Е. Д. Айсуева отметила: «Являюсь матерью десятерых детей. И только благодаря помощи государства мои старшие дети получили специальность, а младшие имеют возможность учиться. Понимаю всем сердцем, что в капиталистической стране их ждали бы холод, голод, безработица. А у нас же мои дети обеспечены всем. Вот почему я всем материнским сердцем поддерживаю проект Конституции нашей республики» [4].

Предложения, вносимые при обсуждении рассматриваемого проекта, относились к очень многим вопросам работы органов власти и управления, предприятий и организаций. У представителей рабочих профессий, интеллигенции проявлялась озабоченность по поводу дальнейшего повышения дисциплины и ответственности работающих за исполнение должностных обязанностей, улучшения использования общественной собственности. В ходе обсуждения уделялось внимание вопросам улучшения контроля над исполнением законов, а также конституционных норм. Это отмечалось в обращениях депутатов городских и районных Советов [5, л. 32]. Немалый интерес проявился к четвертому и шестому разделам проекта, обновленным нормам о Советах, вопросах организации и эффективного функционирования местных органов [5, л. 33].

За период рассмотрения проекта было проведено 4497 партийных собраний, собраний и встреч на предприятиях, учреждениях, колхозах и совхозах, в которых участвовали 257312 граждан, а выступили – 14519, поступили 14571 дополнений, изменений, поправок [5, л. 5]. Были организованы 29 сессий городских, районных и поселковых, сельских (сомонных) Советов. В них участвовали 1168 депутатов, прозвучали выступления 203 депутатов, высказаны и оформлены 247 замечаний, изменений [5, л. 9].

Конституционная комиссия республики, изучив документы всенародного обсуждения, сформулировала поправки и дополнения в рассмотренный текст, способствовавшие его совершенствованию. К примеру, принята поправка об усилении контрольных функций высшего органа государственной власти республики, и в связи с этим разделен первый пункт статьи 66 на два пункта. При этом оформлено в дополнительный пункт положение о контроле за соблюдением норм Основного Закона [5, л. 7].

Итоги широкомасштабной политической кампании были проанализированы 23 мая 1978 г. на заседании Президиума республиканского парламента. По обобщающей информации Конституционной комиссии отмечалось, что с ее стороны проведен огромный объем работы по подготовке и доработке рассматриваемого законопроекта, изучению включенных замечаний и изменений в его текст [6, с. 9].

Внеочередная восьмая сессия Верховного Совета Бурятской АССР, состоявшаяся 30 мая 1978 г., окончательно обобщила итоги обсуждения. В прениях по рассматриваемому вопросу выступили 15 народных избранников. Это представители промышленных предприятий, сельского хозяйства, партийных, государственных и общественных организаций, научные работники, люди различных профессий, а также национальностей и возрастов. Бригадир дробильного рудника «Инкур» Джидинского вольфрамо-молибденового комбината, депутат А. А. Лосев сказал: «Провозглашая права и обязанности, проект исходит из того, что осуществление их неотделимо от выполнения гражданами своих обязанностей. И это закономерно, ибо исполнение обязанностей, соблюдение законов, правил социалистического общежития – столь же необходимый элемент социалистической демократии, как и пользование правами и свободами. На предприятии плечом к плечу работают представители двадцати национальностей, спаянных общими интересами. Выросли национальные кадры, в совершенстве овладевшие всеми профессиями горно-обогатительного, строительного и других производств» [5, л. 47]. В высказываниях некоторых парламентариев прозвучали замечания об оформлении в отдельные статьи предложений и поправок, учитывавшиеся Редакционной комиссией республиканского парламента. После этого депутатский корпус единогласно принял Конституцию (Основной Закон) Бурятской АССР [7, л. 117]. В дальнейшем она была издана на русском и бурятском языках.

Профессор С. А. Авакьян отмечал, что копирование союзных актов, тем более Конституции, «шаблонное» регулирование были признаком того времени [8, с. 168]. Известный исследователь К. Н. Максимов подчеркивал, что Конституции автономных республик порой ничем не отличались друг от друга, за исключением названий республик, поскольку они фактически были заимствованы с одного типового текста [9, с. 202]. Так, Конституции автономных республик, исходя из теоретического вывода партии об общенародном государстве, впервые констатировали, что автономные республики являлись советскими социалистическими государствами, и им

предоставлялось право законодательной инициативы в Верховном Совете РСФСР [10, с. 29].

Согласно основополагающим принципам развития национальных отношений, содержавшихся в Основном Законе Союза ССР, принятый законопроект Бурятской АССР устанавливал полномочия автономии, более предметно раскрывал перечень вопросов, находившихся в ее введении, всю совокупность направлений деятельности властных структур различных уровней. Следует отметить, что в рамках СССР политический статус автономных республик был выше краев, областей. Это наглядно подтверждалось следующим примером. В ноябре 1980 г. Председатель Совета Министров СССР Н. А. Тихонов отказал первому секретарю Камчатского обкома партии Д. И. Качину по вопросу подготовки проекта ЦК КПСС и Совета Министров СССР о развитии производительных сил Камчатской области на 1981–1985 гг. и на период до 1990 г.. На вопрос Д. И. Качина о том, почему, имея такую же, как у него, положительную резолюцию Л. И. Брежнева, партийным руководителям Карелии и Бурятии приняты положительные решения по аналогичному вопросу, Н. А. Тихонов ответил, что в отличие от Камчатской области они являются автономными республиками, а это уже большая политика, в настоящее время нет возможности помочь [11, л. 34].

Структура республиканского Основного Закона была аналогична структуре Конституции РСФСР и содержала вводную часть, 10 разделов, 16 глав, состоящих из 161 статьи. Своей содержательной частью он обосновывал приверженность трудящихся, населения Советской Бурятии делу партии, идеям построения коммунистического общества, нерушимой дружбе народов. Вместе с тем во всем тексте Конституции ни разу не был упомянут бурятский народ, для которого была создана эта национальная государственность и чье имя продолжает носить республика. Безусловно, она стала многонациональной. Представители многих народов России и зарубежья живут в Бурятии и считают ее своей родиной. Конституция Бурятской АССР исходила из идеи централизации власти и управления в союзных и федеративных органах, оставляя в руках республики ограниченные права и полномочия. Автономность, предоставленная республике в начале ее образования, была в значительной мере сужена. Это также подтверждается тем, что в статье 71 Основного Закона республики и статье 78 Конституции СССР бурятский термин «аймак» был заменен на слово «район» [12, ст. 71], исключив единственное национальное отличие от других территорий. Эта унификация административно-территориального устройства способствовала ослаблению провозглашаемой национальной государственности Бурятии [13, с. 130].

В известной статье 6 была отражена норма о том, что КПСС является ядром политической системы страны, руководящей и направляющей силой в жизни общества [5, л. 12], тем самым конституционно закрепив однопартийную систему и недемократический путь развития государства [14, с. 59–64].

Конституционные положения содержали значимый раздел о Советах, выражающий ключевые основы советского строя – концептуальное единство Советов различных уровней, единство принципов создания органов власти с полномочиями и нормами их функционирования. В статье 2 отмечалось: «Вся власть в Бурятской АССР принадлежит народу, который осуществляет государственную власть через Советы народных депутатов, составляющие политическую основу Бурятской АССР». В статье 73 подчеркивалось, что Советы народных депутатов – Верховный Совет Бурятской АССР, районные, городские, поселковые и сельские Советы составляют единую систему органов государственной власти.

В главе 11 шире, чем в прежнем Основном Законе, устанавливались полномочия и формы работы Верховного Совета Бурятской АССР как высшего органа власти. Закреплялось то, что республиканский парламент решает все ключевые вопросы, относившиеся к полномочиям автономной республики. Это утверждение Конституции, рассмотрение ее изменений, принятие региональных программ социально-экономического развития, бюджетов и отчетов об их исполнении, создание, утверждение подотчетных органов власти и их руководителей [12, ст. 92]. Конкретнее регламентировались вопросы формирования парламента. Продолжительность созыва возросла с четырех до пяти лет. Снижен с 21 года до 18 лет минимальный возраст избираемых парламентариев [12, ст. 80]. В статье 93 была определена численность депутатского корпуса в 170 человек, как и прежде это было фиксированное количество народных избранников. При этом граждане имели опосредованное право участвовать в подготовке и проведении избирательных кампаний. Право выдвижения кандидатов в депутаты принадлежало только общественным организациям, трудовым коллективам и собраниям военнослужащих. Выдвижение других кандидатур не ограничивалось в избирательном законодательстве, вместе с тем отсутствовали нормы о самовыдвижении. Выборы были безальтернативными. В этом состояла недемократическая сторона избирательного процесса.

Нормы статей 101–106 исчерпывающим образом утверждали правовой статус Президиума Верховного Совета республики как постоянно действующего органа парламента [15, с. 279]. Увеличился перечень конституционно установленных направлений деятельности Совета Министров Бурятии как высшего исполнительного и распорядительного органа власти [12, ст. 113].

В статье 120 указывалось, что местные Советы и их исполнительные органы, учитывая общегосударственные и региональные приоритеты, принимают решения по всем вопросам местного значения [12, ст. 120], при этом в 2,5 года была установлена продолжительность депутатского созыва [12, ст. 74]. Конституционные нормы определяли дальнейшее расширение статуса депутатов, обеспечение условий для их полноценной деятельности, реализации своих прав и обязанностей. Этому посвящена специальная глава «Народный депутат». В ее статье 89 указывалось, что народный избранник имел право обращаться во все государственные и общественные организации, предприятия, где должны были принимать депутата, рассматривать его обращения, постановочные вопросы [12, ст. 89]. Наряду с этим работа народного избранника подлежала общественному контролю. В избирательном круге депутат регулярно проводил свои отчеты. В статье 91 впервые была введена

конституционная норма о том, что не оправдавший доверия избирателей депутат мог быть отозван со сложением депутатских полномочий [12, ст. 91].

Позитивным отличием советского общества было повышение роли профессиональных союзов, комсомольских организаций, иных общественных объединений в реализации общественно-политических, социально-экономических проблем, а также воспитания трудящихся, молодежи. Получил определенное развитие институт народного контроля на конституционном уровне. В статье 9 закреплялось положение о том, что усиление народного контроля является одним из основных направлений развертывания социалистической демократии [16, с. 43–46]. Возрастающую роль в обществе имели трудовые коллективы. И впервые в конституционном законодательстве статья 8 устанавливала их возможность в рассмотрении и разрешении государственных и общественно значимых проблем, повышении эффективности общественного производства, усилении ответственности работающих, установлении социальной справедливости, достойном воспитании подрастающего поколения [12, ст. 8] Считалось, что достигнуты великие социальные завоевания. Это права граждан на труд (статья 34), отдых (статья 35), охрану здоровья (статья 36), социальное обеспечение (статья 37), получение жилища (статья 38), образование (статья 39) и другие.

Последовательное совершенствование происходило в вопросах политических прав и свобод. Принципиальную роль осуществляли конституционные права граждан участвовать в решении государственных и общественных вопросов, направлять свои обращения и мнения властным структурам по совершенствованию их деятельности, характеризовать их служебные недостатки, опротестовывать, в том числе и в судебном порядке, действия должностных лиц, совершаемые с нарушением норм законодательства. Вместе с тем устанавливалась их взаимосвязь с выполнением гражданами своих обязанностей.

Оценивая подготовку утверждения Основного Закона Бурятской АССР, следовало отметить, что состоялась грандиозная мистификация всеобщего участия граждан в законотворчестве посредством рассмотрения проекта. Готовившийся документ получил одобрение и поддержку. Отмечено и направлено очень много изменений, замечаний, которые постоянно освещались в средствах массовой информации. Вместе с тем размещались только лояльные предложения, если и содержащие критику, то в допустимых пределах. Замечания, критиковавшие недостатки работы местной власти, злоупотребление ею, и в том числе обращения, отражавшие негативные явления и проблемы, замалчивались. Из чего можно заключить, что такая целенаправленная организация рассмотрения законопроекта имела в основном политические и в меньшей степени прагматические задачи. Очевидным было стремление показать мировому сообществу происходящее в республиках и других регионах активное и масштабное проявление демократии, что должно было соответствовать замыслу провозглашения победы социалистического строя в стране Советов.

Система государственного устройства не была идеальной, что подтверждалось противоречивостью соответствующих мнений и оценок. Очень сложно шло приобщение людей труда к осуществлению государственной власти и управления, благодаря чему Советы, являясь по своей сути органами власти через трудящихся, оставались в значительной мере властью над трудящимися массами [17, с. 79]. Нарастала бюрократизация деятельности Советов, подмена их партийными комитетами, стабильность кадров превращалась в их несменяемость, застой и геронтократию, требовал кардинального усиления контроль Советов за работой исполнительных органов. Все острее ощущалась необходимость серьезной корректировки системы выборов, развития критики и сопоставления взглядов и позиций депутатов на сессиях Советов. Необходимо также отметить, что в связи с усилением централизации управления страной права и полномочия автономной республики ограничивались, важнейшие вопросы социально-экономического развития Бурятии решались центром [18, с. 109].

Таким образом, согласно конституционным изменениям Бурятская АССР объявлялась социалистическим общенародным государством. В текст конституции были включены новые разделы и главы, а ряд статей изменен и дополнен. Подробно определялось правовое положение, регламентировался порядок и формы деятельности Верховного Совета и его Президиума, а также Совета Министров АССР. Советы народных депутатов всех уровней составляли единую систему государственной власти. Национальная государственность Бурятии была ослаблена. Вместе с тем принятая Конституция Бурятской АССР значительного влияния на полномочия региональных органов государственной власти не оказала. Заявленные и расширенные политические и социальные права граждан во многом оставались декларативными. Единственная политическая партия обрела конституционный статус руководящей и направляющей силы общества и, отрицая все принципы разделения властей, превратилась в главный элемент государственной структуры.

Литература

1. Хабриева Т. Я. Конституционная реформа в современном мире: монография. М.: Наука РАН, 2016. 320 с.
2. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. Р-475. Оп. 1. Д. 2302.
3. ГАРБ. Ф. Р-475. Оп. 1. Д. 2303.
4. Правда Бурятии. 1978. 3 апреля.
5. ГАРБ. Ф. Р-475. Оп. 1. Д. 2365.
6. Протоколы № 32–33 заседания Президиума Верховного Совета Бурятской АССР от 23 мая 1978 г. Улан-Удэ, 1978. 116 с.
7. ГАРБ. Ф. Р-475. Оп. 1. Д. 2366.
8. Авакьян С. А. Конституция России: природа, эволюция, современность: 2-е изд. М.: РЮИД, Сашко, 2000. 528 с.

9. Максимов К. Н. История национальной государственности Калмыкии (начало XVII в.–XX в.). М.: Профиздат, 2000. 311 с.
10. Хышиктуев О. В. Конституционно-правовой статус Республики Бурятия. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 1996. 126 с.
11. ГАРБ. Ф. Р-2238. Оп. 1. Д. 4.
12. Конституция (Основной Закон) Бурятской АССР. Улан-Удэ, 1978.
13. Елаев А. А. Путь к автономии и государственности. М.: Антал, 1994. 176 с.
14. Тарабан Н. А. Эволюция конституционных преобразований периода перестройки Союза ССР 1985–1993 гг. // История государства и права. 2015. № 19. С. 59–64.
15. Ивайловский Д. А. Государственность субъектов Российской Федерации как закономерности государственно-правовых явлений Российского государства (на примере Республики Бурятия). М.: Юрист, 2009. 464 с.
16. Киричек Е. В. Общественный контроль в России: некоторые теоретико-методологические особенности и проблемы законодательного регулирования // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 9. С. 43–46.
17. Лукьянов А. И. Парламентаризм в России (вопросы истории, теории и практики): курс лекций. М.: Норма: ИНФРА-М, 2010. 304 с.
18. Санжиев Г. Л. Республика Бурятия – государство в составе Российской Федерации (к 75-летию образования). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1998. 162 с.

CONSTITUTIONAL CHANGES IN THE 1970S AND THE BURYAT ASSR AUTHORITIES FUNCTIONS

Evgeny T. Protasov[1, @]

[1] *Filippov Buryat State Agricultural Academy, 8, Pushkin St., Ulan-Ude, Russia, 670024*
[@] *protasov-evg@mail.ru*

Received 27.02.2017.
Accepted 11.04.2017.

Keywords: Supreme Council, constitutional norms, autonomous republic, Councils of deputies, authorities.

Abstract: The aim of the article is to analyze the 1970 constitutional changes influence on the Buryat ASSR authorities functioning with the use of systematic and comparative approaches, and institutional method of research, and also unpublished archival materials. The text of the Fundamental Law of the autonomous republic was promulgated in mass media with a total amount of more than 170 thousand copies. Broad and purposeful explanatory work was carried out by members of the Constitutional commission of the republic, the ideological core group and editorial offices of newspapers, radio and television. The new Buryat ASSR Constitution was officially adopted on May 30, 1978 at the session of the supreme body of the government. Its text included new sections and chapters, and a number of articles were changed and added. The Buryat ASSR was proclaimed a socialist public state. The legal status was determined in detail, as well as the order and forms of activities of the Supreme Council, its Presidium and Council of ministers of the ASSR were regulated. People's Deputies of all levels constituted a single system of the government. The national statehood of Buryatia was limited. The declared and expanded political and social rights of citizens remained declarative in many respects. The unique political party won the constitutional status of leading and directing force of society denying all principles of separation of the authorities and turned into the main element of government institution. At the same time, the system of the state was not ideal. There followed a painful process of familiarizing working people with implementation of government and management. The local councils (sovjets) were supposed to represent workers' power but remained considerably the power over working masses. Bureaucratization of the councils' activities grew stronger, the councils were substituted by party committees, stability of personnel turned into their irremovability, stagnation and gerontocracy, Councils' control over the work of executive bodies required cardinal strengthening. A serious adjustment of the electoral system and democratization of political life of the society was needed. The considered materials can be used for a comparative analysis of activity of public organs of different levels.

For citation: Protasov E. T. Konstitutsionnye izmeneniia 1970-kh gg. i funktsii organov vlasti Buriatskoi ASSR [Constitutional Changes in the 1970s and the Buryat ASSR Authorities Functions]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2017): 73–78. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-3-73-78.

References

1. Khabrieva T. Ia. *Konstitutsionnaia reforma v sovremennom mire* [Constitutional reform in the modern world]. Moscow: Nauka RAN, 2016, 320.
2. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Buriatiia (GARB)* [State Archives of Republic of Buryatiya]. Found 475, List 1, File 2302.
3. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Buriatiia* [State Archives of Republic of Buryatia]. Found 475, List 1, File 2303.
4. *Pravda Buriatii = Truth of Buryatia*, April 3 (1978).
5. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Buriatiia* [State Archives of Republic of Buryatia]. Found 475, List 1, File 2365.
6. *Protokoly № 32–33 zasedaniia Prezidiuma Verkhovnogo Soveta Buriatskoi ASSR ot 23 maia 1978 g*. [Protocols No. 32–33 of Presidium of the Supreme Council Meeting of Buryat ASSR May 23, 1978]. Ulan-Ude, 1978, 116.
7. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Buriatiia* [State Archives of Republic of Buryatia]. Found 475, List 1, File 2366.
8. Avak'ian S. A. *Konstitutsiia Rossii: priroda, evoliutsiia, sovremennost'* [Constitution of Russia: nature, evolution, present]. 2nd ed. Moscow: RIuID, Sashko, 2000, 528.
9. Maksimov K. N. *Istoriia natsional'noi gosudarstvennosti Kalmykii (nachalo XVII v. – XX v.)* [History of Kalmykia national statehood (the beginning of the 17th century–20th century)]. Moscow: Profizdat, 2000, 311.
10. Khyshiktuev O. V. *Konstitutsionno-pravovoi status Respubliki Buriatiia* [Constitutional status of the Republic of Buryatia]. Ulan-Ude: Izd-vo Buriatskogo gos. un-ta, 1996, 126.
11. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Buriatiia* [State Archives of Republic of Buryatia]. Found 2238, List 1, File 4.
12. *Konstitutsiia (Osnovnoi Zakon) Buriatskoi ASSR* [Constitution of the Buryat ASSR]. Ulan-Ude, 1978.
13. Elaev A. A. *Put' k avtonomii i gosudarstvennosti* [Way to autonomy and statehood]. Moscow: Antal, 1994, 176.
14. Taraban N. A. Evoliutsiia konstitutsionnykh preobrazovanii perioda perestroiki Soiuza SSR 1985–1993 gg. [Evolution of the constitutional transformations of USSR reorganization period in 1985–1993]. *Istoriia gosudarstva i prava = History of state and law*, no. 19 (2015): 59–64.
15. Ivailovskii D. A. *Gosudarstvennost' sub"ektov Rossiiskoi Federatsii kak zakonomernosti gosudarstvenno-pravovykh iavlenii Rossiiskogo gosudarstva (na primere Respubliki Buriatiia)*. [Statehood of the Russian Federation subjects as regularities of state and legal phenomena of the Russian state (on the example of the Republic of Buryatia)]. Moscow: Iurist, 2009, 464.
16. Kirichek E. V. Obshchestvennyi kontrol' v Rossii: nekotorye teoretiko-metodologi-cheskie osobennosti i problemy zakonodatel'nogo regulirovaniia [Public control in Russia: some theoretical and methodological features and problems of legislative regulation]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and municipal law*, no. 9 (2016): 43–46.
17. Luk'ianov A. I. *Parlamentarizm v Rossii (voprosy istorii, teorii i praktiki)* [Parliamentarism in Russia (questions of history, theory and practice)]. Moscow: Norma, INFRA-M, 2010, 304.
18. Sanzhiev G. L. *Respublika Buriatiia – gosudarstvo v sostave Rossiiskoi Federatsii (k 75-letiiu obrazovaniia)* [Republic of Buryatia is the state as a part of the Russian Federation (to the 75 anniversary of establishment)]. Ulan-Ude: Izd-vo BNTs SO RAN, 1998, 162.

УДК 94 (47)

УГОЛОВНАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В БЕЛОМ ОМСКЕ В 1918–1919 ГГ. (НА МАТЕРИАЛАХ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ)

Сергей Г. Сизов[1, @]

[1] *Сибирский государственный автомобильно-дорожный университет, Россия, 644080, г. Омск, пр. Мира, 5*
[@] *sizov-omsk@yandex.ru*

Поступила в редакцию 28.04.2017.
Принята к печати 14.08.2017.

Ключевые слова: повседневность, гражданская война, Белое движение, Белый Омск, преступность, правоохранительные органы, контрреволюция.

**** Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ). Проект № 17-81-01006 «"Белая столица России": повседневная жизнь Омска (июнь 1918–ноябрь 1919 гг.)».***

Аннотация: Исследуется уголовная преступность в Белом Омске в период Временного Всероссийского правительства и правительства адмирала А. В. Колчака (1918–1919). Рост преступности в годы гражданской войны был обусловлен тяжёлой социально-экономической ситуацией, разрушением привычных социальных институтов, растущей маргинализацией населения, огромным потоком беженцев. На основе изучения омских газетных публикаций выделены основные виды преступлений. Самыми распространёнными видами правонарушений в городе в этот период были кражи, спекуляции. Наличие большого количества оружия у населения привело и к росту вооружённых ограблений. Имели место мошенничество, фальшивомонетчество, организация опиумных притонов. Характерная черта преступности данного времени – крупные махинации и злоупотребления служебным положением должностных лиц (так называемые «панамы»: «чайная», «вагонная»). Несмотря на то, что омская милиция активно боролась с преступностью, остановить её рост она не могла, поскольку продолжающаяся гражданская война усиливала негативные социально-экономические тенденции в развитии общества.

Для цитирования: Сизов С. Г. Уголовная преступность в Белом Омске в 1918–1919 гг. (на материалах периодической печати) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 3. С. 79–85. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-3-79-85.

Изучение повседневной жизни Белого Омска в годы гражданской войны требует внимательного изучения различных сторон жизни города. Такая исследовательская работа ведётся [1–6]. Но существуют ещё сферы общественной жизни, изученные недостаточно. Среди них – криминальная ситуация в городе в данный период.

Рост преступности – неизбежное последствие для общества, переживающего кризисные явления, разрушение традиционных государственных и социальных институтов, войну, голод, безработицу. Прежде чем говорить о преступности в Омске, стоит сказать и о властных структурах, которые здесь были в «белый период» его истории. Этот период в истории Омска начался с 7 июня 1918 г., когда большевики покинули город, уйдя на пароходах вниз по Иртышу. И закончился 14 ноября 1919 г., когда белые части покинули Омск, а Красная армия заняла город. Период с июня 1918 по ноябрь 1919-го включает деятельность различных омских правительств. Дольше всех продержалось правительство адмирала А. В. Колчака, который пришёл к власти 18 ноября 1918 г.

Все правительства Белого Омска (как и продолжавшие свою деятельность органы местного самоуправления) сталкивались с растущей преступностью. Ситуация с правопорядком была осложнена следующими факторами:

1. Тяжёлая социально-экономическая ситуация в городе, вызванная гражданской войной и разрухой.

2. Приезд огромного количества беженцев с территорий, попавших под власть большевиков, значительно осложнивший социальные проблемы в «белой» столице.

3. Возвращение на Родину бывших военнопленных солдат из Германии после окончания Первой мировой войны.

4. Маргинализация общества, наличие большого числа деклассированных людей, находящихся на грани выживания.

5. Достаточно большое количество огнестрельного оружия, находящееся на руках у населения.

6. Разрушение органов правопорядка дореволюционной России в ходе недолгого правления большевиков.

7. Деградация существовавших социальных институтов и нравственных норм, вызванных социальными катаклизмами, экономической разрухой и антиправительственной пропагандой.

8. Присутствие значительного количества иностранных военнослужащих (прежде всего чехословаков), которые нередко совершали различные правонарушения.

9. Необходимость борьбы с большевистским подпольем, которое занималось не только антиправительственной пропагандой, но и диверсионной деятельностью, что отвлекало силы правоохранительных органов от борьбы с уголовной преступностью.

Для усиления борьбы с уголовной и политической преступностью власти уже с июля 1918 г. были вынуждены идти на чрезвычайные меры, в том числе на введение военного положения и военных судов.

15 июля 1918 г. Временное Сибирское правительство приняло «Временные правила о мерах к сохранению государственного порядка и общественного спокойствия». При этом за некоторые правонарушения предусматривались смертная казнь или каторга (бессрочная либо на срок до 20 лет (ст. 16)) [7]. Разрешались и внесудебные аресты на срок до двух недель.

Карательная политика и пенитенциарная система «белой Сибири» привлекают внимание исследователей [8; 9]. При этом основное внимание уделяется прежде всего изучению карательной политики в отношении политических преступлений. Действительно, данное направление имело для белых правительств первостепенное значение, поскольку ослабление этой борьбы грозило серьёзными восстаниями. Вместе с тем представляет научный интерес и специфика уголовной преступности в Омске, которая касалась каждого обывателя.

Размеры этой преступности и её процент в общем количестве преступлений в регионе дают данные Е. Г. Михеенкова. На 1 января 1919 г. в Омской областной тюрьме содержались 632 заключённых (27 % из которых составляли политические), в июне 1919 г. – 924 (39 % из которых составляли политические), а в ноябре 1919 г. – 894 (41 % из которых составляли политические) [8, с. 11.].

У нас имеются также дополнительные данные, которые позволяют оценить количество арестованных омской городской милицией. По сообщению газеты «Наша Заря» на 6 марта 1919 г., при управлении городской милиции состоят арестованными 94 мужчины и 13 женщин. Из них 50 мужчин и 6 женщин были арестованы по уголовным делам, 40 мужчин и 7 женщин – по административным делам, 4 мужчины – «за пьянство до вытрезвления» [10, с. 4]. Скорее всего, после необходимых процедур арестованные отправлялись в тюрьму.

Крупные омские газеты («Заря», «Наша Заря», «Сибирская речь») постоянно публиковали сводки происшествий. Это позволяет в некоторой степени оценить специфику и масштабы преступлений в городе. Уголовные преступления можно разделить на несколько основных категорий, которые мы рассмотрим.

Кражи

Это был наиболее распространённый вид преступлений. Традиционными местами краж были омские рынки, вокзал, различные лавки, амбары, кафе и магазины, гостиницы. Воровали всё: продукты, ткани, обувь, одежду. Нередки были кражи со взломом.

Характерной разновидностью краж в Омске было конокрадство, т. е. в качестве объектов кражи выступали лошади. Иногда их крали вместе с колясками. Лошади тогда были ходовым товаром. Кроме того, такая кража позволяла быстро покинуть место преступления.

Немало было в городе и карманников, воровавших кошельки и документы. У одного чиновника – любителя кино – украли кошелёк с крупной суммой денег (18 тыс. руб.) и документы в кинотеатре «Гигант», когда он платил за билет [11, с. 4]. Самое любопытное, что данная кража в короткий срок была раскрыта омской милицией, а деньги и документы возвращены владельцу [12, с. 3].

Среди воров были и те, кто не гнушался воровством кладбищенских крестов. В прессе сообщалось о задержании некоего Струкова за кражу четырёх могильных крестов [13, с. 4]. Были случаи кражи и церковной утвари [14, с. 3].

Ещё одной разновидностью кражи были кражи по месту службы и растраты. Омской милицией был задержан И. Картышев, которому на хранение Урало-Сибирская компания передала 10 тыс. пудов овса и 2 тыс. пудов сена, всего на сумму 127 тыс. руб. Картышев эти продукты не сдал и был задержан [11, с. 4].

Газеты сообщали о самоубийстве Иванова-Жуковского. Будучи «доверенным» конторы Богаткина, он захватил 27 тыс. руб. и ценные документы. Далее началась его «весёлая жизнь»: рестораны и хождения к проституткам. Иванов-Жуковский был выслежен и задержан. Но до суда дело не дошло. Арестованный принял яд (сулему) и оставил записку: «Прошу в моей смерти никого не винить. Жизнь моя сложилась очень несчастлива. Продолжать ея считаю излишним» (*прим. автора: сохранена орфография газетного текста*) [11, с. 4].

Артельщик Омского переселенческого управления Щепчев в августе 1919 г. получил большую сумму денег для своего ведомства – 15 тыс. руб. Соблазн оказался для него слишком велик, и он сбежал с этими деньгами [15, с. 3].

Но были, конечно, и те, кто воровал по-крупному. В феврале 1920 г. в Омске был украден целый вагон бензина, предназначенный для французской военной миссии. Вмешательство генерала Жанена ситуацию не исправило нисколько. Начальник вокзала заявил, что вагон уже французами получен, хотя и не смог объяснить: кем и когда [16, с. 2].

Грабежи и разбои

Грабежи были частым явлением. Как правило, они проходили с использованием огнестрельного оружия, которого в городе было много. Оно продавалось, кстати говоря, совершенно свободно. В газетах нередко публиковались объявления о продаже револьверов. Чаще всего ограбление происходило так: вооружённые револьверами бандиты врывались в дом, закрывали хозяев в подпол и выносили ценные вещи [11, с. 4]. Такой сценарий встречался неоднократно. В отдельных случаях грабители называли себя милиционерами, требуя открыть двери [17, с. 4].

Характерны были также ограбления прохожих в вечернее и ночное время. Эти преступления были настолько распространены в Омске, что бездействие властей дало почву для фельетонов. Автор высмеивал институт ночных сторожей, деятельность которых по охране общественного порядка ограничивалась постукиванием колотушкой в промежутках между сном [18, с. 3].

Крупные банды искали более прибыльные дела. Так, 1 июня 1919 г. во Всероссийское продовольственное бюро ворвалась банда из 8 грабителей, которые отобрали деньги у членов бюро – Н. Милова – 40 тыс. руб. – и В. Шеина – 285 тыс. руб. Кроме того, нападавшие забрали часть товаров и скрылись на лошадях [19, с. 4].

Подобные ограбления случались и позднее. 15 ноября 1918 г. была ограблена касса Омского союза ссудо-кредитных товариществ. Вооружённая банда, состояв-

шая из пяти человек, связала прислугу и «умыкнула» несгораемый шкаф, весивший 65 пудов (1040 кг). Шкаф положили в сани и скрылись. Ущерб составил 200 тыс. руб. деньгами и 50 тыс. руб. «документацией». В марте 1919 г. преступление было раскрыто, один из преступников был задержан, но удалось вернуть лишь 15 тыс. руб. [20, с. 4].

Убийства

Этот вид преступлений также не был большой редкостью. Как правило, убийства сопровождали ограбления. Газеты регулярно сообщали о пропавших людях, о найденных трупах [12, с. 3]. В годы гражданской войны со временем смерть стала рутиной жизни людей не только на фронте, но и в тылу. Особенно много умирало людей от болезней, но были и убийства и самоубийства.

Мошенничество

Мошенники в столичном Омске были самого разного пошиба. На самом дне были мошенники мелкие. Газеты сообщали, что на центральном рынке такие пройдохи вместо сахара норовили всучить смесь сахара и соли (соль клали снизу). Вместо сливочного масла продавали смесь сала, льда и масла. Нередко пытались всучить доверчивым покупателям и испорченную рыбу, предварительно её заморозив [21, с. 3].

Распространённым мошенничеством была так называемая «подкидка». Пресса сообщала о типичном варианте такого рода преступления. Так, 7 марта 1919 г. омский житель Шулепов повстречался с неизвестным мужчиной на Любинском проспекте. С ним Шулепов отправился в Министерство снабжения. На Соборной площади они зашли в уборную. Следом вбежал какой-то мужчина с криком: «Деньги потерял!». Он потребовал показать кошелёк, и Шулепов дал осмотреть портмоне своему спутнику. Затем спутник Шулепова удалился с другим неизвестным. При повторном осмотре кошелька обнаружилась пропажа в 2400 руб. [10, с. 4]. Позднее один из «подкидчиков» был задержан [17, с. 4].

Сообщали газеты и об аресте чиновников. В марте 1919 г. были задержаны двое служащих Министерства продовольствия. Основанием ареста стали «неблаговидные операции с нарядами» [22, с. 4].

Спекуляция

Спекуляция была одним из самых распространённых правонарушений в годы гражданской войны. Чаще всего это была спекуляция продовольствием. Белые правительства (как и правительство большевиков) принимали меры и ужесточали наказание за это [23, с. 1]. Но для некоторых людей, потерявших привычные источники доходов, спекуляция была возможностью обеспечить своё существование.

Активно шла и спекуляциям алкоголем (спиртом и вином), продажу которого власти стремились ограничить. Спекуляция спиртом была распространена во многих местах. Милиция регулярно задерживала таких торговцев на рынках города [24, с. 4]. Перекупщики спирта шныряли в очередях около магазинов и предлагали всем желающим купить спирт по завышенной цене. Стоимость доходила до 70 руб. за четверть денатурата [25, с. 4].

Особо привлекали спекулянтов поставки товаров союзниками, в том числе и для армии. По свидетельству английской агентуры в Сибири, снаряжение, которое поступало в Омск утром, к вечеру уже продавалось на базарах [26, с. 70].

В 1919 г. появилась и спекуляция железнодорожными билетами. Связано это было с резко возросшим спросом из-за роста количества беженцев, а также в связи с растущими трудностями железной дороги. В дефиците были прежде всего билеты на «экспресс», которые в кассах продавали только после подписанного Управлением дороги заявления пассажира. Пассажир должен был указывать цель поездки. Поскольку подписывали заявления не всем, этим пользовались спекулянты [27, с. 2].

Власти придумывали самые разные способы воздействия на спекулянтов. Поскольку всех посадить было невозможно, а одна конфискация товара не давала должного эффекта, спекулянтам в паспорте начали ставить специальный штамп. Это сразу же привело к росту обращений о выдаче новых документов в связи с «утерей» старых [28].

Коррупция и махинации высоких должностных лиц

Самые крупные мошенничества совершались теми, у кого были большие полномочия. Такое мошенничество было раскрыто в Белом Омске в январе 1919 г. И виновными оказались те, кто должен был следить за порядком. Арестован начальник омской уголовной милиции Суходольский и его помощник – бывший казачий офицер Киенский. Фактически обманули торговца Занекро, изъяв у него бриллиант и продав за 15 тыс. руб. Суходольский отправлен под домашний арест, Киенский – в окружную тюрьму [29, с. 4].

В период правления А. В. Колчака Омск был потрясён ещё двумя крупными скандалами, которые прозвали *«панамами»*, памятуя известное воровство при строительстве Панамского канала. Первая «панама» была названа *«чайной»,* и главным её «героем» был министр продовольствия Н. С. Зефиров. 1 апреля 1919 г. он был вынужден уйти в отставку в связи с разоблачением по невыгодной для правительства сделке с чайной фирмой «Слон», а также из-за обвинений по махинациям с поставками армии. Во многом это было вызвано чрезмерным доверием Зефирова, добродушного по природе к своим сотрудникам. По данным Гинса, к концу его карьеры как министра Зефиров полюбил «хорошую обстановку, стал лениться» [30, с. 151]. Никакого серьёзного наказания Зефиров не понёс.

Вторым скандалом стало дело главного начальника военных сообщений, генерал-майора В. Н. Касаткина по обвинению в укрывательстве махинаций на железных дорогах, прозванное *«вагонной панамой»*. Газета «Русь» подробно сообщала о ходе расследования. Генерал Касаткин и его подручные организовали по военным нарядам перевозку грузов, принадлежащих частным лицам. Кроме того, они брали деньги за то, что разрешали разгрузку на станции Омск тех товаров, которые подлежали реквизиции. Лишь за разгрузку одной партии из восьми вагонов они получили 80 тыс. руб. Помимо генерала Касаткина были арестованы его жена, комендант

станции Омск Руднецкий, начальник станции Рожков, весовщик Сенько, а также другие служащие (всего 15 человек) [31, с. 3]. К суду были привлечены 10 человек [32, с. 3].

Но главный виновник фактически вышел сухим из воды. Генерал Касаткин был судим военным судом, признан виновным и приговорен к расстрелу, но наказание ему было заменено отправкой в арестантские роты, причем отбывание такового было отложено до окончания гражданской войны. До окончания войны он был прикомандирован к Томскому военному округу. Подобный приговор проворовавшемуся генералу Касаткину вызвал негодование общественности [33, с. 11]. Вместе с Касаткиным была осуждена большая группа военных чинов.

Были, конечно, и более суровые приговоры. В июне 1919 г. владивостокская газета «Эхо» сообщила о том, что в Омске по решению военно-полевого суда были расстреляны девять спекулянтов во главе с капитаном Афанасьевым. В свое время они продали товаров на сумму в 5 млн. руб., которые были конфискованы [26, с. 70].

Сбыт фальшивых денег

Изготовление и сбыт фальшивых банкнот было характерным преступлением в годы гражданской войны. Больше количество разного рода денег, да ещё и с плохой защищённостью от подделок, этому способствовали. Такие случаи в Омске тоже имели место. Так, в марте 1919 г. были задержаны трое преступников, пытавшиеся сбыть 8900 руб. [34, с. 3]. Преступники для сбыта фальшивых денег часто использовали приезжих иногородцев, которых легче было обмануть.

Сбыт фальшивок отдельными жителями не шёл ни в какое сравнение с преступниками, работавшими на «профессиональной» основе. Так, в августе 1919 г. в Омске была захвачена целая фабрика фальшивомонетчиков [35, с. 3].

Борьба с опиокурением и пьянством

Маргинализация общества, происходившая во времена российской смуты повсюду, неизбежно вызвала рост наркомании и пьянства. Рост этих видов правонарушений в Омске в годы гражданской войны также привлекал внимание правоохранительных органов. В притонах процветало опиокурение. Для борьбы с этим злом также принимались меры, в том числе по усилению уголовной ответственности за организацию таких притонов [36, с. 4].

Ещё в большей степени, чем опиокурение, процветало пьянство. Несмотря на нехватку кадров и средств, омская милиция регулярно задерживала пьяных, которых оставляли в камерах до вытрезвления.

Богохульство

Одним из самых редких задержаний в административном порядке было задержание за богохульство. В омской прессе удалось обнаружить лишь единичные факты такого рода. Так, 8 марта 1919 г. на Толкучем рынке был задержан за богохульство и отправлен в распоряжение коменданта города некий С. Г. Кузнецов [11, с. 4]. Можно предположить, что его задержали, подозревая и в связях с большевиками.

Рост преступности в Белом Омске в 1918–1919 гг. – характерная черта жизни города в период гражданской войны. Вышеназванные в статье факторы и прежде всего тяжёлая социально-экономическая ситуация, разрушение привычных социальных институтов, растущая маргинализация населения способствовали росту преступности. Изученные материалы позволяют сделать вывод, что самыми распространёнными видами правонарушений в Омске в этот период были кражи и спекуляции. Наличие большого количества неучтённого оружия не могло не привести и к росту вооружённых ограблений. Ещё одна характерная черта преступности данного времени – крупные махинации и злоупотребления служебным положением должностных лиц (так называемые «панамы»: «чайная», «вагонная»). Несмотря на то, что омская милиция активно боролась с преступностью (прежде всего с уличной), остановить её рост она не могла, поскольку продолжающаяся гражданская война усиливала негативные социально-экономические тенденции в развитии общества.

Литература

1. Сизов С. Г. Историография повседневности «Белой столицы России»: Омск (июнь 1918−ноябрь 1919 гг.) // Архитектура, строительство, транспорт: материалы Международной научно-практической конференции (к 85-летию ФГБОУ ВПО «СибАДИ»). Омск, 2015. С. 1674–1682. Режим доступа: http://elibrary.ru/download/75158212.pdf (дата обращения: 25.08.2017).

2. Сизов С. Г. Крестные ходы в Омске в 1918−1919 гг. как способ выражения гражданской позиции Церкви в условиях российской смуты // Омские социально-гуманитарные чтения – 2016: материалы IX Международной научно-практической конференции. Министерство образования Омской области; Омское отделение Российского общества социологов; Омский государственный технический университет. Омск, 2016. С. 286–292. Режим доступа: http://elibrary.ru/download/81523415.pdf (дата обращения: 25.08.2017).

3. Сизов С. Г. Кино Белого Омска (июнь 1918–ноябрь 1919) // Наука XXI века: опыт прошлого – взгляд в будущее: материалы II Международной научно-практической конференции (25 апреля 2016 г.). Омск, 2016. С. 993–998. Режим доступа: http://elibrary.ru/download/81467111.pdf (дата обращения: 25.08.2017).

4. Сизов С. Г. Театральная жизнь Белого Омска (1918–1919 годы) // Наука XXI века: опыт прошлого – взгляд в будущее: материалы II Международной научно-практической конференции (25 апреля 2016 г.). Омск, 2016. С. 999–1004. Режим доступа: http://elibrary.ru/download/10216653.pdf (дата обращения: 25.08.2017).

5. Сизов С. Г. Цирк Белого Омска (июнь 1918–ноябрь 1919) // Наука XXI века: опыт прошлого – взгляд в будущее: материалы II Международной научно-практической конференции (25 апреля 2016 г.). Омск, 2016. С. 1004–1009. Режим доступа: http://elibrary.ru/download/33517281.pdf (дата обращения: 25.08.2017).

6. Сизов С. Г. Формирование добровольческих дружин святого креста в Белом Омске в 1919 году // Наука XXI века: опыт прошлого – взгляд в будущее: материалы II Международной научно-практической конференции (25 апреля 2016 г.). Омск, 2016. С. 1010–1015. Режим доступа: http://elibrary.ru/download/453932502.pdf (дата обращения: 25.08.2017).

7. Законодательная деятельность белых правительств Сибири (июнь–ноябрь 1918 года) / сост. Е. В. Луков, С. Ф. Фоминых, Э. И. Черняк. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. Вып. 1. 192 с.

8. Михеенков Е. Г. Карательная политика «белых» режимов Сибири и её реализация пенитенциарной системой в годы гражданской войны (1918–1919) // Вестник Томского государственного университета. Право. 2013. № 2(8). С. 5–12.

9. Михеенков Е. Г. Численность и состав заключенных на территории Западной Сибири в годы гражданской войны (1918–1919 гг.) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. № 9(124). С. 43–48.

10. Происшествия // Наша Заря. 1919. № 52. 9 марта.

11. Происшествия // Наша Заря. 1919. № 53. 11 марта.

12. Происшествия // Наша Заря. 1919. № 55. 14 марта.

13. Происшествия // Наша Заря. 1919. № 51. 8 марта.

14. Происшествия // Русь. 1919. № 37. 21 августа.

15. Происшествия // Русь. 1919. № 45. 31 августа.

16. Исчезнувший вагон // Наша Заря. 1919. № 53. 11 марта.

17. Происшествия // Наша Заря. 1919. № 54. 12 марта.

18. Зуда. Маленький фельетон // Заря. 1919. № 106. 21 мая.

19. Происшествия // Наша Заря. 1919. № 116. 3 июня.

20. Происшествия // Наша Заря. 1919. № 49. 6 марта.

21. Мошенничество // Наша Заря. 1919. № 54. 12 марта.

22. В министерстве продовольствия // Наша Заря. 1919. № 54. 12 марта.

23. Происшествия // Наша Заря. 1919. № 47. 4 марта.

24. Происшествия // Заря. 1918. № 18. 4 июля.

25. Происшествия // Наша Заря. 1919. № 44. 27 февраля.

26. Звягин С. П., Курачев О. В., Макарчук С. В. Борьба антибольшевистских правительств на востоке России со спекуляцией (1918–1919 гг.) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 3. С. 67–71.

27. Спекуляция. Торговля ж. д. билетами // Русь. 1919. № 29. 10 августа.

28. Никитин А. Н. Милиция Российского правительства Колчака и ее роль в борьбе с общеуголовной и организованной преступностью. М.: НИиРИО Моск. ин-та МВД России, 1995. 77 с.

29. Происшествия // Наша Заря. 1919. № 17. 25 января.

30. Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920: Впечатления и мысли члена Омского Правительства. М.: Крафт+, 2007. 704 с.

31. Вагонная Панама // Русь. 1919. № 27. 9 августа.

32. Дело ген. Касаткина // Русь. 1919. № 29. 10 августа.

33. Кротова М. В. Генерал В. Н. Касаткин: неизвестные страницы жизни в Харбине // Новый исторический вестник. 2012. № 3(33). С. 110–118.

34. Происшествия // Наша Заря. 1919. № 55. 14 марта.

35. Происшествия // Русь. 1919. № 42. 27 августа.

36. Борьба с опиокурением // Сибирская речь. 1919. № 166. 2 августа.

CRIMINAL OFFENCE IN THE WHITE OMSK IN 1918−1919 (AS EXEMPLIFIED IN PERIODICALS)

Sergey G. Sizov[1, @]

[1] *Siberian State Automobile and Highway University, 5, Mira Ave., Omsk, Russia, 644080*
[@] *sizov-omsk@yandex.ru*

Received 28.04.2017.
Accepted 14.08.2017.

Keywords: everyday life, civil war, White movement, White Omsk, crime, law enforcement, counter-revolution.

**** The research is executed with financial support of the Russian Federal Property Fund (RFPF). Project No. 17-81-01006 "The White Capital of Russia": Everyday Life of Omsk (June 1918–November 1919)".***

Abstract: The article features crime in the White Omsk under the Provisional All-Russian government and the government of the admiral A. V. Kolchak (1918–1919). The rise in crime in the years of Civil War was caused by the complicated social and economic situation, destruction of habitual social institutes, growing social marginalization and a huge flow of refugees. On the basis of Omsk newspaper publications, main types of crime are allocated. Thefts and profiteering were the most widespread types of offences in the city during this period. Also, the fact that civil population owned a large number of weapons boosted armed robberies. Fraud, counterfeiting and opium dens took place as well. The characteristic feature of crime of that time was large frauds and abuse of authority (the so-called "panamas": "tea panama", "carriage panama"). In spite of the fact that the Omsk militia actively fought crime, they couldn't stop its growth as the continuing civil war strengthened negative social and economic tendencies in social development.

For citation: Sizov S. G. Ugolovnaia prestupnost' v Belom Omske v 1918–1919 gg. (na materialakh periodicheskoi pechati). [Criminal Offence in the White Omsk in 1918–1919 (as exemplified in periodicals)]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2017): 79–85. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-3-79-85.

References

1. Sizov S. G. Istoriografiia povsednevnosti «Beloi stolitsy Rossii»: Omsk (iiun' 1918−noiabr' 1919 gg.) [Historiography of everyday life "the White capital of Russia", Omsk (June 1918−November 1919)]. *Arkhitektura, stroitel'stvo, transport: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (k 85-letiiu FGBOU VPO «SibADI»)* [Architecture, construction, transport: Proc. Intern. Sc.-Prac. Conf.]. Omsk, 2015, 1674–1682. Available at: http://elibrary.ru/download/75158212.pdf (accessed 25.08.2017).

2. Sizov S. G. Krestnye khody v Omske v 1918−1919 gg. kak sposob vyrazheniia grazhdanskoi pozitsii Tserkvi v usloviiakh rossiiskoi smutty [Processions in Omsk in 1918-1919, as a way of expressing civil position of the Church in the Russian turmoil]. *Omskie sotsial'no-gumanitarnye chteniia – 2016: materialy IX Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Omsk social humanitarian readings – 2016: Proc. IX Intern. Sc.-Prac. Conf.]. Omsk, 2016, 286–292. Available at: http://elibrary.ru/download/81523415.pdf (accessed 25.08.2017).

3. Sizov S. G. Kino Belogo Omska (iiun' 1918–noiabr' 1919) [Movie tried Belogorskiy (June 1918–November 1919)]. *Nauka XXI veka: opyt proshlogo – vzgliad v budushche: materialy II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (25 aprelia 2016 g.)* [Science of the XXI century: past experience – look into the future: Proc. II Intern. Sc.-Prac. Conf.]. Omsk, 2016, 993–998. Available at: http://elibrary.ru/download/81467111.pdf (accessed 25.08.2017).

4. Sizov S. G. Teatral'naia zhizn' Belogo Omska (1918–1919 gody) [Theatrical life White Omsk (1918–1919)]. *Nauka XXI veka: opyt proshlogo – vzgliad v budushche: materialy II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (25 aprelia 2016 g.)* [Science of the XXI century: past experience – look into the future: Proc. II Intern. Sc.-Prac. Conf.]. Omsk, 2016, 999–1004. Available at: http://elibrary.ru/download/10216653.pdf (accessed 25.08.2017).

5. Sizov S. G. Tsirk Belogo Omska (iiun' 1918 – noiabr' 1919) [Circus of White Omsk (June 1918-November 1919)]. *Nauka XXI veka: opyt proshlogo – vzgliad v budushche: materialy II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (25 aprelia 2016 g.)* [Science of the XXI century: past experience – look into the future: Proc. II Intern. Sc.-Prac. Conf.]. Omsk, 2016, 1004–1009. Available at: http://elibrary.ru/download/33517281.pdf (accessed 25.08.2017).

6. Sizov S. G. Formirovanie dobrovol'cheskikh druzhin sviatogo kresta v Belom Omske v 1919 godu [The formation of volunteer brigades of the Holy cross in the White Omsk in 1919]. *Nauka XXI veka: opyt proshlogo – vzgliad v budushche: materialy II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (25 aprelia 2016 g.)*. [Science of the XXI century: past experience – look into the future: Proc. II Intern. Sc.-Prac. Conf.]. Omsk, 2016, 1010–1015. Available at: http://elibrary.ru/download/453932502.pdf (accessed 25.08.2017).

7. *Zakonodatel'naia deiatel'nost' belykh pravitel'stv Sibiri (iiun'–noiabr' 1918 goda)* [Legislative activities of the white governments in Siberia (June–November 1918)]. Comp. E. V. Lukov, S. F. Fominykh, E. I. Cherniak. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, .Iss. 1 (1998): 192.

8. Mikheenkov E. G. Karatel'naia politika «belykh» rezhimov Sibiri i ee realizatsiia penitentsiarnoi sistemoi v gody grazhdanskoi voiny (1918–1919) [Punitive policies are "white" modes of Siberia and its implementation in the prison sys-

tem during the civil war (1918–1919)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo = Bulletin of the Tomsk State University. Right*, no. 2(8) (2013): 5–12.

9. Mikheenkov E. G. Chislennost' i sostav zakliuchennykh na territorii Zapadnoi Sibiri v gody grazhdanskoi voiny (1918–1919 gg.) [The number and composition of prisoners on the territory of Western Siberia in the years of the civil war (1918–1919)].*Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Bulletin of the Tomsk state pedagogical University*, no. 9(124) (2012): 43–48.
10. Proisshestviia [The incident]. *Nasha Zaria = Our Dawn*, no. 52, March 9 (1919).
11. Proisshestviia [The incident]. *Nasha Zaria = Our Dawn*, no. 53, March 11 (1919).
12. Proisshestviia [The incident]. *Nasha Zaria = Our Dawn*, no. 55, March 14 (1919).
13. Proisshestviia [The incident]. *Nasha Zaria = Our Dawn*, no. 51, March 8 (1919).
14. Proisshestviia [The incident]. *Rus' = Rus*, no. 37, August 21 (1919).
15. Proisshestviia [The incident]. *Rus' = Rus*, no. 45, August 31 (1919).
16. Ischeznuvshii vagon [The missing car]. *Nasha Zaria = Our Dawn*, no. 53, March 11 (1919).
17. Proisshestviia [The incident]. *Nasha Zaria = Our Dawn*, no. 54, March 12 (1919).
18. Zuda. Malen'kii fel'eton [Itching. A small skit]. *Zaria = Dawn*, no. 106, May 21 (1919).
19. Proisshestviia [The incident]. *Nasha Zaria = Our Dawn*, no. 116, June 3 (1919).
20. Proisshestviia [The incident]. *Nasha Zaria = Our Dawn*, no. 49, March 6 (1919).
21. Moshennichestvo [Fraud]. *Nasha Zaria = Our Dawn*, no. 54, March 12 (1919).
22. V ministerstve prodovol'stviia [The Ministry of food]. *Nasha Zaria = Our Dawn*, no. 54, March 12 (1919).
23. Proisshestviia [The incident]. *Nasha Zaria = Our Dawn*, no. 47, March 4 (1919).
24. Proisshestviia [The incident]. *Nasha Zaria = Our Dawn*, no. 18, July 4 (1919).
25. Proisshestviia [The incident]. *Nasha Zaria = Our Dawn*, no. 44, February 27 (1919).
26. Zviagin S. P., Kurachev O. V., Makarchuk S. V. Bor'ba antibol'shevistskikh pravitel'stv na vostoke Rossii so spekuliatsiei (1918–1919 gg.) [Fighting the anti-Bolshevik governments in the East of Russia with speculation (1918–1919)]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2012): 67–71.
27. Spekuliatsiia. Torgovlia zh. d. biletami [Speculation. Trade train tickets]. *Rus' = Rus*, no. 29, August 10 (1919).
28. Nikitin A. N. *Militsiia Rossiiskogo pravitel'stva Kolchaka i ee rol' v bor'be s obshcheugolovnoi i organizovannoi prestupnost'iu* [The police the Russian government of Kolchak and its role in the fight against ordinary and organized crime]. Moscow: NIiRIO Mosk. in-ta MVD Rossii, 1995, 77.
29. Proisshestviia [The incident]. *Nasha Zaria = Our Dawn*, no. 17, January 25 (1919).
30. Gins G. K. *Sibir', soiuzniki i Kolchak. Povorotnyi moment russkoi istorii. 1918–1920: Vpechatleniia i mysli chlena Omskogo Pravitel'stva* [Siberia, the allies and Kolchak. Turning point of Russian history. 1918–1920: Impressions and thoughts of a member of the government of Omsk]. Moscow: Kraft+, 2007, 704.
31. Vagonnaia Panama [Wagon Panama]. *Rus' = Rus*, no. 27, August 9 (1919).
32. Delo gen. Kasatkina [The case of General Kasatkina]. *Rus' = Rus*, no. 29, August 10 (1919).
33. Krotova M. V. General V. N. Kasatkin: neizvestnye stranitsy zhizni v Kharbine [General V. N. Kasatkin: unknown pages of his life in Harbin]. *Novyi istoricheskii vestnik = New historical bulletin*, no. 3 (2012): 110–118.
34. Proisshestviia [The incident]. *Nasha Zaria = Our Dawn*, no. 55, March 14 (1919).
35. Proisshestviia [The incident]. *Rus' = Rus*, no. 42, August 27 (1919).
36. Bor'ba s opiokureniem [Combating opioid use]. *Sibirskaia rech' = Siberian speech*, no. 166, August 2 (1919).

УДК 93/99

К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ СИБИРСКОГО ЛЕТОПИСНОГО СВОДА (ОБ ИСТОЧНИКАХ И ЭТАПАХ РЕДАКТИРОВАНИЯ СТАТЕЙ О ВОЗОБНОВЛЕНИИ РУССКОГО ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА В СИБИРИ С ВОЦАРЕНИЕМ МИХАИЛА ФЕДОРОВИЧА)

Янкель Г. Солодкин[1, @]

[1] *Нижневартовский государственный университет, Россия, 628605, г. Нижневартовск, ул. Ленина, 56*
[@] *hist2@yandex.ru*

Поступила в редакцию 28.04.2017.
Принята к печати 20.09.2017.

Ключевые слова: история сибирского летописания, Сибирский летописный свод, российская колонизация Сибири, Кузнецкий острог, Енисейский острог, протограф летописных статей о «поставлении» Кузнецкого и Енисейского острогов.

Аннотация: Предметом исследования служит определение источников статей Сибирского летописного свода (начиная с его ранней редакции – Книги записной), посвященных возникновению Кузнецкого и Енисейского острогов. Цель работы – сопоставление летописных известий в контексте повествования анонимных книжников о возобновлении русского градостроительства в Сибири со времени воцарения Михаила Федоровича. Основным методом анализа выступает сравнение этих известий друг с другом и документальными данными. В результате оказывается, что создатели свода, в частности, протографа его старшей редакции, обращались к отпискам тобольских, кузнецких, енисейских администраторов о сооружении новых русских острогов на Томи и Енисее в 1618–1619 гг. Областью применения наблюдений относительно происхождения интересующих нас статей является история сибирского летописания и российской колонизации Сибири в первой четверти XVII в. Обосновываются выводы о том, что рассматриваемые статьи начальных редакций Сибирского летописного свода имеют документальную основу. Свидетельство же о первом енисейском воеводе Я. И. Хрипунове создателя Книги записной (опущенное впоследствии), видимо, передает воспоминания, относящиеся к середине XVII в. В ходе редактирования и переписки свода был допущен ряд неточностей, но большинство сведений, приведенных в летописи, можно признать вполне достоверными. Судьба рассматриваемых статей свода во многом отражает пути эволюции сибирской книжной культуры в XVII в.

Для цитирования: Солодкин Я. Г. К истории создания Сибирского летописного свода (об источниках и этапах редактирования статей о возобновлении русского градостроительства в Сибири с воцарением Михаила Федоровича) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 3. С. 86–90. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-3-86-90.

Крупнейшим памятником сибирской книжной культуры конца XVII – первой половины XVIII вв. является обширный летописный свод, который велся в Тобольске при воеводской резиденции с участием митрополичьего двора. Ранней из сохранившихся редакций этого обширного свода, доведенного до 1687/88 г. [1, с. 176], служит Книга записная (далее – КЗ), представляющая собой повествование о том, «сколько в Сибире… с начала взятия атамана Ермака Тимофеева, в котором году и кто имяны … на воеводствах бывали, … и кто которой город ставил, и в котором году, и от которого государя кто был». В последующих редакциях этой «Книги», где «Описанию о поставлении городов и острогов в Сибири по взятии ея …» предпослана Распространенная редакция Есиповской летописи, существенное место отведено процессу русского градостроительства в «Закаменьской стране» со времени основания Обского (Мансуровского) городка вскоре после гибели «ратоборного» Ермака – процессу, прервавшемуся накануне московской Смуты, когда был заложен Томск, и возобновившемуся в царствование Михаила Федоровича с закладки Кузнецкого, Маковского и Енисейского острогов.

В КЗ вслед за обширной статьей об избрании на престол и коронации «первого Романова» говорится о назначении воевод в Сибирь новым государем (как поступали и его предшественники [1, с. 138, 140, 143, 144]), причем подчеркнуто, что до князя И. С. Куракина, являвшегося главой Тобольского разряда с января 1616 до мая 1620 г., «бояр в Тобольску не бывало». Перечислив провинциальных сибирских воевод, подчиненных этому знатному князю, летописец сообщает о возникновении в ту пору Кузнецкого и Енисейского острогов (о Маковском умалчивается). Вначале, в 1616/17 г., на Томи «вновь» (т. е., как можно думать, вслед за Томском [1, с. 141]) «приказные люди» выстроили Кузнецкий острог, где им «и седоками (*администраторами – прим. автора*) быть указано на время из Томского города», очевидно, до приезда воевод Тимофея Степановича Бобарыкина и Осипа Герасимовича Оничкова, управлявших новой крепостью с того же года и позднее, при сибирском «наместнике» боярине М. М. Годунове – в течение 1619/20–1622/23 гг., о чем упоминается и в остальных редакциях свода, кроме сложившихся уже во второй четверти XVIII в. Шлецеровской и Академической (далее – ШР и АР соответственно) [1, с. 145–146, 194–195, 261–262, 318–319]. (Заметим, что Бобарыкина звали не Тимофеем Степановичем, на что указывалось и рядом исследователей [2,

с. 98; 3, с. 743], а Тимофеем Ивановичем [4, с. 874, 929; 5, с. 445; 6, с. 323]).

В следующей по счету редакции СЛС – Головинской (далее – ГР), которая относится к 1689 г., приведенное известие превращается в весьма обстоятельную статью, где сказано о возведении Кузнецкого острога вверх по Томи, при устье реки Брасы (точнее, Мрассы или Мразы) «по томским воеводским отпискам (*предложениям воевод Томска – прим. автора*) по посылке из Тоболска тюменских и верхотурских служилых людей и татар» под началом татарского головы О. Кокорева, казачьего головы М. Лаврова и сына боярского О. Михалевского [1, с. 194]. (В Миллеровском варианте ГР, где, как определено Н. А. Дворецкой, подвергся переработке текст, являющийся промежуточным от КЗ к данной редакции свода, о местоположении острога «в Кузнецах» не упоминается [1, с. 194, примеч. 22–22; 7, с. 71] (ср. с [1, с. 42, 48])). В Нарышкинской редакции (далее – НР), приурочивающейся к 1694 г., и ее Томском виде (далее – ТВ), созданном 13 лет спустя, кроме того, читаем о строительстве острога, который называется Новокузнецким, по указу и грамоте царя при участии помимо тюменцев и верхотурцев служилых из Тобольска и Томска. (Именно таким текстом, кстати, располагал Г. Ф. Миллер [5, с. 314, примеч. 51]). Следом сообщается о «посылке» в «срубленную» накануне крепость (до прибытия воевод, назначенных в Москве) детей боярских из Тобольска, а не томских приказных людей, как в ГР [1, с. 261; 318]. Упоминание про Тобольск в данном случае, возможно, – такая же ошибка, которая по разу встречается в КЗ и ГР, а чаще – в некоторых списках ТВ [1, с. 145, 194, примеч. 31; 316, примеч. 36, 43, 317, 328, 332, примеч. 85, 340, примеч. 21; 8, с. 91]. Дополнение же об указе и грамоте, которые предшествовали появлению острога в Абинской волости, скорее всего, было внесено редактором «сибирской книги» по аналогии с другими статьями. Ведь, как читаем в НР, выполняя государев наказ, в Сибири оказались воеводы В. Сукин, И. Мясной и Д. Чулков, а последний основал Тобольск, о чем в более ранних редакциях СЛС не говорится [1, с. 138–139, 189–190, 252, 258–259] (ср. с [1, с. 64–66, 239, 247]). Если верить НР, «по указу и по грамоте» царя Бориса был предпринят поход на Кучума, завершившийся окончательным разгромом «агарянского» хана, и направлены в Мангазею князь М. Шаховской и Д. Хрипунов. (В КЗ и ГР при этом сказано о повелении и указах). В НР, о чем мы не прочтем в КЗ и ГР, есть ссылка и на указ о «посылке» в Тару победителям Кучума жалования «золотыми» [1, с. 259] (ср. с [1, с. 140, 142, 147, 190–191, 195, 262]).

Документы, опубликованные еще Г. Ф. Миллером, позволили ему заключить, что острог, только не при устье Мрасы (ее название в поздних редакциях СЛС искажено, вероятно, переписчиком одной из рукописей ГР), а напротив впадения в Томь реки Кондомы, был построен, вопреки представлению летописцев, в 1617/18, скорее всего в 1618 г. Накануне же, как думалось «отцу сибирской истории», появился царский указ о сооружении острога в «Кузнецкой земле» [5, с. 314] (ср. с [5, с. 442]). «Срубивший» эту крепость, вероятно, в течение марта–апреля 1618 г. отряд, включавший томских, тюменских, верхотурских служилых людей, возглавляли, о чем известно документально, сын боярский О. Харламов, татарский голова О. Кокорев и казачий голова М. Лавров [5, с. 315, 443–444]. В ГР и НР же вместо Харламова называется О. Михалевский, почему некоторые историки их отождествили [5, с. 315, 601, 607; 9, с. 239–240]. Подобно Д. Я. Резуну, однако, этих литвинов, в течение примерно десятилетия являвшихся в Томске сослуживцами, следует различать: Харламов – первый приказный Кузнецкого острога – выполнял ответственные поручения и в начале 1620-х гг., а в 1638 г. был переведен в Красноярск, тогда как Михалевский (в 1629–1630 гг. – приказчик Красной или Нижней Ницынской слободы Тюменского уезда) числился в рядах томского гарнизона до 1641/42 г. [3, с. 108, 313, 337, 412, 415–417, 424; 5, с. 444; 10, с. 249; 11, с. 89, 137, 139–140 и др.]. (Утверждение И. Р. Соколовского, будто О. Я. Михалевский сделался томичем в 1631/32 г., неточно). Летописное известие о Михалевском как участнике «поставления» острога в «Кузнецах», скорее всего, отразившее устную версию (как и упоминание про возведение этой крепости у Брасы), наводит на мысль, что протограф соответствующей статьи и ГР в целом мог возникнуть еще в начале второй трети XVII в., если не накануне. Сообщение же о закладке острога, являвшемся в том же столетии самым южным форпостом русской колонизации Сибири [9, с. 240], наряду с томичами тюменских и верхотурских служилых людей под предводительством, между прочим, О. Кокорева и М. Лаврова, вероятно, имеет документальную основу, тем более что находит очевидную параллель в отписке томских воевод Ф. В. Бобарыкина и Г. Ю. Хрипунова в Тобольск (за май 1618 г.), где в число основателей острога в «кузнецких улусах» включен Харламов [5, с. 443–444].

Представляется, что данные о строительстве острога на Томи, приведенные в ГР и НР, восходят к протографу СЛС. «Слогатель» же КЗ мог опустить содержащиеся там подробности. Зато создатели редакций свода, возникших через несколько лет, сочли излишними указания на томских приказных, «сидевших» поначалу в Кузнецком остроге, который и «ставили». Это свидетельство тоже подтверждается упомянутой отпиской из Томска сибирскому «наместнику» князю И. С. Куракину, за исключением сообщения о М. Лаврове. (Насколько известно, воеводы управляли острогом «в Кузнецах», который «поставили на старом месте, где был прежде сево», с 1619/20 г. [3, с. 299; 6, с. 323] (ср. с [5, с. 444–445])).

Согласно КЗ, в том же 1616/17 г., когда служилые люди «срубили» Кузнецкий острог, на Енисей из Тобольска послали местного стрелецкого сотника Ч. Рукина и пелымского сына боярского П. Албычева, чтобы выстроить «вновь Енисейской острог новой, и до указу быть им тамо приказными людьми, и на государя с тамошних людей ясак сбирать». Через два года в этот острог на смену его основателям из сибирской столицы направили тобольского сына боярского М. Г. Трубчанинова, а в 1619/20 г., «с приезду» в Тобольск очередного воеводы боярина М. М. Годунова, «на приказ на Максимово место Трубчанина (*вернее, Трубчанинова – прим. автора*)» послали М. П. Ушакова, в 1620/21 г. – М. О. Байкашина, в следующем году –

П. П. Хмелевского (все они являлись тобольскими детьми боярскими). В 1621/22 г. (в «столнейший град» Сибири он приехал в феврале) Енисейском стал управлять воевода Я. И. Хрипунов; при нем «нача проведываться Якутская земля и великая река Лена, и серебра искать ходил, и Байкал, озеро великое, проведано» [1, с. 145–147]. Летописные известия о первых администраторах Енисейского острога подтверждаются документально, однако анахронистичны. П. Албычев и Ч. Рукин были посланы «на Енисею нового острогу ставить» весной 1618 г., причем вначале «срубили» Маковский острог на Кети, где находились еще в июне следующего года, а вскоре основали и Енисейский (Тунгусский); там не позднее декабря 1619 г. их сменил М. Г. Трубчанинов. М. П. Ушаков стал его преемником не в 1619/20 г., как читаем в КЗ, а в 1620/21 г., М. О. Байкашин сделался енисейским приказным не в 1620/21, а в следующем году, Я. И. Хрипунов же начал воеводствовать в новом остроге с 1 апреля 1623 г. [3, с. 50, 52, 284, 288, 290–292, 298, 302–304, 319–320, 406] (ср. с [3, с. 668; 12, с. 36; 13, с. 372]), а не в предыдущем. Хотя о Байкашине сказано, что он приходился зятем дьяку И. А. Шевыреву, с которым появился в Тобольске (где и умер 27 июня 1645 г.) в «перемене» боярина М. М. Годунова [1, с. 146], о строительстве Енисейского острога и несших там «годовую службу» приказных людях летописец едва ли знал понаслышке, скорее всего он сообщил об этом, однако, с неверными датировками, на основании какого-то документального источника, подготовленного в тобольской «съезжей избе» по запросу Казанского дворца или для нужд первого воеводы новой «государевой» крепости Я. И. Хрипунова. Заметим, что «серебряную» экспедицию Хрипунов возглавил вскоре после того, как перестал управлять Енисейском [13, с. 371–372, 376–378], «разведочные» походы русских служилых людей на Лену и Байкал тоже относятся к более позднему времени [12, с. 87–89; 14, с. 27–29, 36–37 и др.]. Говоря о енисейском воеводстве Хрипунова, автор КЗ заметил, что «многие тамошние земли проведал Ерофей Хабаров, промышленой человек». Далее же утверждается, что якутский воевода Д. А. Франзбеков (он являлся подчиненным стольника В. Б. Шереметева – тобольского «властодержца» в 1649–1652 гг.) сообщил в Москву «про Даурскую землю, против писма Ярафеева Хабарова» [1, с. 147, 157]. Поэтому можно думать, что в КЗ запечатлелась устная версия событий времени енисейского воеводства Хрипунова [9, с. 129], видимо, сложившаяся не ранее середины XVII в.

В ГР (основу которой составила недошедшая до нас тобольская летопись [7, с. 58]), про основание Енисейского острога упомянуто под 1618/19 г. (в двух списках – 1617/18 г.), а начало там «седения» Хрипунова приурочено к февралю 1622 г. В НР об этом остроге, «срубленном» (как, напомним, и многие другие) по указу и грамоте московского самодержца, впервые сказано в статье за 1617/18 г., а «присылка» в недавно «поставленную» крепость Хрипунова отнесена к 1621/22 г. В АР, близкой к КЗ, опущены известия о приказных людях, управлявших Енисейском вслед за М. Г. Трубчаниновым. Наконец, в продолжении Абрамовского вида (далее – АВ) Есиповской летописи Основной редакции читаем об отправке в 1618 г. на Енисей «ставить» острог П. Албычева с Ч. Рукиным и замене их в следующем году М. Трубчаниновым [1, с. 98, 194–195, 261–262, 318–319, 370]. Вероятно, в протографе ГР и НР появление нового острога в Сибири датировалось более поздним временем, нежели в тобольской летописи, которой располагал создатель КЗ.

Примечательно, что в отличие от нее в ГР идет речь о «посылках» в 1599/1600 и 1600/01 гг. из Тобольска князя М. Шаховского и Д. Хрипунова «в Мангазею, в Енисейск», дабы «в Мангазее острог поставити, а в Енисейску самоядь привесть (*очевидно, «под высокую государеву руку» – прим. автора*)», других «начальных людей» – князя В. Рубца Мосальского и С. Пушкина – «в Мангазею и в Енисейск» [1, с. 191] (ср. с [1, с. 140–141, 369]). (Мангазея и «Енисея» часто считались единым краем [5, с. 205–207, 303–304, 387–391, 393–395 и др.]). В НР и ШР уже сказано, что М. Шаховскому и Д. Хрипунову было велено построить «в Манга[зее] (Мангазейску) и Енисейску остроги». В АВ даже говорится о существовании Туруханска и Енисейска с 1600 г. [1, с. 98, 259, 316, 346] (ср. с [1, с. 260]). Благодаря царской грамоте 1601 г. известно об отправке полусотни сургутских служилых на Енисей «ставить» острог, и факт его существования не вызывал у В. А. Александрова сомнений [12, с. 34]. Подобно Е. В. Вершинину и А. Т. Шашкову, однако, можно считать, что этот вскоре заброшенный острог, называвшийся Кунгопским, располагался на Кети, верховья которой принимались за Енисей [15, с. 20–23]. Но тобольские книжники конца XVII в. вряд ли знали о Кунгопском остроге, да и М. М. Шаховского с Д. П. Хрипуновым, затем В. М. Рубца Мосальского и С. Т. Пушкина направляли в бассейн Таза, к Обской губе. Скорее, создатель ГР, возможно имевший доступ к документам о возникновении Мангазейского острога, посчитал, что его основателям предписывалось заложить и крепость на Енисее (о чем уже прямо говорится в НР и вторичных относительно нее разновидностях свода). В этих редакциях СЛС, однако, нет и намека на то, что П. Албычевым и Ч. Рукиным был «поставлен» не первый русский острог в бассейне «великой реки» Енисея, тогда как в КЗ, повторим, сказано об основании «вновь» этого «нового» острога. (Кстати, говоря о закладке следующего острога в Сибири, тоже на Енисее, – Качинского или Красноярского, о том, что он был сооружен «вновь», летописец умалчивает [1, с. 148] (ср. с [1, с. 152–153, 169, 371])).

Итак, авторы статей СЛС о возобновлении русского градостроительства в «восточной стране» в первые годы царствования Михаила Федоровича пользовались и документальными материалами (данные которых иногда передали неточно), и устными свидетельствами. Редактирование этих статей, особенно в конце 1680-х–середине 1690-х гг., между прочим, отражает пути эволюции тобольской летописной традиции на пороге петровской эпохи и вскоре после ее завершения.

Литература

1. Полное собрание русских летописей. М.: Наука, 1987. 382 с.
2. Александров В. А., Покровский Н. Н. Власть и общество: Сибирь в XVII в. Новосибирск: Наука, 1991. 400 с.
3. Миллер Г. Ф. История Сибири. 2-е изд., доп. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. Т. 2, 796 с.
4. Книги разрядные, по официальным оных спискам, изданные с Высочайшего соизволения II-м Отделением Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1853. Т. 1, XV + 1380 стлб. + I + II с.
5. Миллер Г. Ф. История Сибири. 2-е изд., доп. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. Т. 1. 630 с.
6. Разрядная книга 1550–1636 гг. М.: б. и., 1976. Т. 2. Вып. 2. 492 с.
7. Дворецкая Н. А. Сибирский летописный свод (вторая половина XVII в.). Новосибирск: Наука, 1984. 136 с.
8. Солодкин Я. Г. Вослед Савве Есипову: Очерки по истории сибирского летописания середины – второй половины XVII века. Нижневартовск: Издательство Нижневартовского гуманитарного университета, 2011. 211 с.
9. Каменецкий И. П. «Служили истинною правдою и беспорочно…» (Поляки и «литва» Кузнецкого острога в XVII веке) // Проблемы российско-польской истории и культурный диалог: материалы Международной научно-практической конференции (23–24 апреля 2013). Новосибирск, 2013. С. 239–246.
10. Оглоблин Н. Томский бунт 1637–1638 годов (Очерк из жизни XVII века) // Исторический вестник. 1901. № 7. С. 229–250.
11. Соколовский И. Р. Служилые «иноземцы» в Сибири XVII века (Томск, Енисейск, Красноярск) / Под ред. Д. Я. Резуна. Новосибирск: Издательство СО РАН, 2004. 212 с.
12. Александров В. А. Русское население Сибири XVII–начала XVIII в. (Енисейский край). М.: Наука, 1964. 303 с.
13. Бродников А. А. Серебряная экспедиция Я. И. Хрипунова (1627–1630 гг.) // II Ремезовские чтения 2005: Провинция в русской культуре. Новосибирск: РИО ГПНТБ СО РАН. 2008. С. 367–380.
14. Никитин Н. И. Сибирская эпопея XVII века: Начало освоения Сибири русскими людьми. М.: Наука, 1987. 175 с.
15. Вершинин Е. В., Шашков А. Т. Участие служилых остяков Кодского княжества в военных походах конца XVI–первой трети XVII в. // Западная Сибирь: прошлое, настоящее, будущее. Сургут: Диорит, 2004. С. 10–32.

ON THE HISTORY OF THE CREATION OF THE SIBERIAN CHRONICLE CODE (ON THE SOURCES AND STAGES OF EDITING ARTICLES ON THE RENEWAL OF RUSSIAN URBAN PLANNING IN SIBERIA UNDER MIKHAIL FEDOROVICH)

Yankel G. Solodkin[1, @]

[1] *Nizhnevartovsk State University, 56, Lenina St., Nizhnevartovsk, Russia, 628605*
[@] *hist2@yandex.ru*

Received 28.04.2017.
Accepted 20.09.2017.

Keywords: history of Siberian chronicle writing, The Siberian chronicle code, the Russian colonization of Siberia, the Kuznetsk stockade settlement, the Yenissei stockade settlement, protograph of the annalistic articles about the "erection" of the Kuznetsk and Yenissei stockade settlements.

Abstract: The subject of the study is the definition of the sources of the articles of the Siberian chronicle code (beginning with its early edition – the Kniga Zapisnaya, or the Registry Book) dedicated to the emergence of the Kuznetsk and Yenisei stockade settlements. The purpose of the paper is to compare chronicle news in the context of the narrative of anonymous scribes about the resumption of the Russian urban planning in Siberia beginning with the enthronement of Tsar Mikhail Fedorovich. The main method of analysis is the comparison of the reports with each other as well as with documentary evidence. As a result, it appears that the creators of the code, in particular, the protograph of its early editions, turned to the replies of the Tobolsk, theh Kuznetsk, and the Yenissei administrators on the construction of new Russian stockades on the banks of the Tom and the Yenissei rivers in 1618–1619. The field of application of observations concerning the origin of the articles of interest is the history of Siberian chronicle writing and the Russian colonization of Siberia in the first quarter of the 17th century. The conclusions are substantiated by the articles of the initial editions of the Siberian chronicle that are based on documentary sources. The testimony of the first Yenissei voivode Ya. I. Khripunov, the creator of the Kniga Zapisnaya, was omitted in later versions but apparently conveys memories that date back to the mid-17th century. During the editing and copying of the code, a number of inaccuracies occurred, but most of the information given in the annals can be considered rather reliable. The further history of the articles under consideration in many respects reflects the evolution of the Siberian literary tradition in the 17th century.

For citation: Solodkin Ya. G. K istorii sozdaniia Sibirskogo letopisnogo svoda (ob istochnikakh i etapakh redaktirovaniia statei o vozobnovlenii russkogo gradostoroitel'stva v Sibiri s votsareniem Mikhaila Fedorovicha [On the History of the Creation of the Siberian Chronicle (on the Sources and Stages of Editing Articles on the Resumption of Russian Urban Development in Siberia with the Accession of Mikhail Fedorovich)]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2017): 86–90. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-3-86-90.

References

1. *Polnoe sobranie russkikh letopisei* [Complete Russian chronicles]. Moscow: Nauka, 1987, 382.
2. Aleksandrov V. A., Pokrovskii N. N. *Vlast' i obshchestvo: Sibir' v XVII v.* [The authorities and society in Siberia in the 17th century]. Novosibirsk: Nauka, 1991, 400.
3. Miller G. F. *Istoriia Sibiri* [History of Siberia]. 2nd ed. Moscow: Vostochnaia literatura RAN, vol. 2 (2000): 796.
4. *Knigi razriadnye, po ofitsial'nym onykh spiskam, izdannye s Vysochaishego soizvoleniia II-m Otdeleniem Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantseliarii* [Registry books, based on the official rankings, edited with the Highest agreement of His Majesty by the 2nd Department of His Majesty the Emperor's Chancellery]. Saint-Petersburg: Tipografiia II Otdeleniia Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantseliarii, vol. 1 (1853): XV + 1380 + I + II.
5. Miller G. F. *Istoriia Sibiri* [History of Siberia]. 2nd ed. Moscow: Vostochnaia literatura RAN, vol. 1 (1999): 630.
6. *Razriadnaia kniga 1550–1636 gg.* [1550–1636 Registry book]. Moscow, vol. 2, Iss. 2 (1976): 492.
7. Dvoretskaia N. A. *Sibirskii letopisnyi svod (vtoraia polovina XVII v.)* [The Siberian Chronicle Code: second half of the 17th century]. Novosibirsk: Nauka, 1984, 136.
8. Solodkin Ya. G. *Vosled Savve Esipovu: Ocherki po istorii sibirskogo letopisaniia serediny – vtoroi poloviny XVII veka* [In the footsteps of Savva Yessipov: Essays on the history of Siberian chronicle writing in the middle – second half of the 17th century]. Nizhnevartovsk: Izdatel'stvo Nizhnevartovskogo gumanitarnogo universiteta, 2011, 211.
9. Kamenetskii I. P. «Sluzhili istinnoiu pravdoiu i besporochno…» (Poliaki i «litva» Kuznetskogo ostroga v XVII veke) ["Served honestly and honorably…" (The Poles and Lithuanians in the Kuznetsk stockade settlement in the 17th century)]. *Problemy rossiisko-pol'skoi istorii i kul'turnyi dialog: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (23–24 aprelia 2013)* [Issues of the Russian-Polish history and the dialogue of cultures: Proc. Intern. Sc.-Prac. Conf. (April 23–24 2013)]. Novosibirsk, 2013, 239–246.
10. Ogloblin N. Tomskii bunt 1637–1638 godov (Ocherk iz zhizni XVII veka) [The Tomsk riot of 1637–38 (A Sketch of life in the 17th century]. *Istoricheskii vestnik = Historical Bulletin*, no. 7 (1901): 229–250.
11. Sokolovskii I. R. *Sluzhilye «inozemtsy» v Sibiri XVII veka (Tomsk, Eniseisk, Krasnoiarsk)* [Service foreigners in Siberia in the 17th century (Tomsk, Enisseysk, Krasnoyarsk)]. Ed. Rezun D. Ya. Novosibirsk: Izdatel'stvo SO RAN, 2004, 212.
12. Aleksandrov V. A. *Russkoe naselenie Sibiri XVII–nachala XVIII v. (Eniseiskii krai)* [Russian population of Siberia in the 17th–early 18th century (The Yenissei Territory)]. Moscow: Nauka, 1964, 303.
13. Brodnikov A. A. Serebrianaia ekspeditsiia Ia. I. Khripunova (1627–1630 gg.) [The silver expedition by Ya. I. Khripunov (1627–1630)]. *II Remezovskie chteniia 2005: Provintsiia v russkoi kul'ture* [II Remezov readings 2005: Province in the Russian culture]. Novosibirsk: RIO GPNTB SO RAN, 2008, 367–380.
14. Nikitin N. I. *Sibirskaia epopeia XVII veka: Nachalo osvoeniia Sibiri russkimi liud'mi* [The Siberian saga of the 17th century: The start of the Russian colonization of Siberia]. Moscow: Nauka, 1987, 175.
15. Vershinin E. V., Shashkov A. T. Uchastie sluzhilykh ostiakov Kodskogo kniazhestva v voennykh pokhodakh kontsa XVI–pervoi treti XVII v. [The participation of service Ostyaks of the Principality of Koda in the military campaigns of the late 16th–first third of the 17th century]. *Zapadnaia Sibir': proshloe, nastoiashchee, budushchee* [Western Siberia: past, present, future]. Surgut: Diorit, 2004, 10–32.

УДК 94(571.17)"17/18"

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЛЕВОБЕРЕЖНОГО ПРИЧУЛЫМЬЯ В XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВВ.

Игорь Ю. Усков [1, @, *]

[1] *Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН, Россия, 650000, г. Кемерово, пр. Советский, 18*
[@] *Yskov74@gmail.com*

Поступила в редакцию 28.04.2017.
Принята к печати 20.09.2017.

Ключевые слова: государственные крестьяне, демография, волостное деление, Московско-Сибирский тракт, левобережное Причулымье.

Аннотация: Статья посвящена проблеме изучения демографических процессов по узким территориальным подрайонам (левобережное Причулымье в пределах современной Кемеровской области). Методическим решением проблемы стало определение сопоставимых границ административно-территориального деления (на уездном и волостном уровнях с учетом состава населенных пунктов). Обозначены факторы, способствовавшие земледельческой колонизации в районе (прохождение Московско-Сибирского тракта, открытость территории для поселенцев, правительственные мероприятия, обслуживание золотых приисков, ссылка). Особенностью процесса воспроизводства населения (государственных крестьян) в сравнении с приписными волостями Среднего Притомья явилось доминирование механического прироста над естественным приростом. Следствием этого стало значительное увеличение среднегодового темпа прироста государственных крестьян (4,2 % и 0,96 % соответственно), показатель средней численности государственных крестьян в населенном пункте выше в 3,7 раза (295 и 78,7 д.м.п.). В абсолютном показателе численность государственных крестьян по результатам X ревизской переписи (1858 г.) превысила приписных крестьян (28011 и 25829 д.м.п. соответственно).

[*] ***Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 17-11-42005а(р).***

Для цитирования: Усков И. Ю. Динамика численности русского населения левобережного Причулымья в XVIII – первой половине XIX вв. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 3. С. 91–95. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-3-91-95.

Изучение демографических процессов и формирования населения в Западной Сибири остается актуальной проблемой в современной историографии [1, с. 91]. Обращение к теме региональной демографии позволяет более объективно показать закономерности процесса воспроизводства населения в конкретно-исторических условиях. Исследование динамики народонаселения по узким территориальным подрайонам (волостям, группам волостей) необходимо для полноценного анализа состава, структуры, размещения и движения населения.

Северная и северо-восточная часть современной Кемеровской области входит в бассейн реки Чулым (по его левым притокам Яе и Кие) в пределах юго-восточной части Западно-Сибирской равнины. К сожалению, данный район (с 1856 г. – Кийский (Мариинский) уезд) представляет собой своеобразную лакуну в изучении динамики русского (в подавляющем большинстве – крестьянского) населения. Невозможность отразить динамику населения в сопоставимых границах исследователи связывали с частыми административными изменениями в регионе [2, с. 203; 3, с. 290]. Задачей настоящей статьи является выявление динамики движения населения в обозначенном районе в период его первичного освоения (XVIII – первая половина XIX в.).

Подтаежная зона Причулымья мало привлекала земледельцев, население росло замедленными темпами. В первой трети XVIII в. здесь проживали исключительно этнические группы тюркского населения, в 1734 г. в пределах области значились только две деревни, основанные русским населением, – на р. Яе: Ишимская и Великосельская (2-я, в 20 верстах выше предыдущей; одноименная деревня находилась в 12 верстах от с. Спасского), административно входившие в Яйский станец (дистрикт с. Спасского на Яе) Томского уезда [4, с. 88]. В материалах II ревизии (1747 г.) д. Великосельская 2-я не значится, в д. Ишимской отмечено 19 ревизских душ [5, л. 252–270].

С устройством Московско-Сибирского сухопутного тракта от Томска на Красноярск началось более активное освоение данных пространств. Желающим поселиться у дороги предоставлялись дополнительные льготы (освобождение на три года от подушных платежей). Часть переселенцев в этот район составили томские разночинцы. Среди новых учтенных III ревизией поселений: село Кийское (42 д.м.п., первыми в нем записаны Макарьевы, ранее жившие в с. Зырянском), деревни Баимская (первым записан П. Кузьмин, прибывший из Запорожского стану), Суслова (основана переселенцами из Верхотомского острога) [3, с. 285–287]. Притрактовые деревни Тяжинская и Итатская основаны енисейскими крестьянами (в 1771 г. в них проживали соответственно 10 и 15 семей) [6, с. 439]. Данные деревни, а также Больше-Косульская и Мало-Косульская вошли в состав Кийской волости, которая в 1782 г. была присоединена к вновь образованному Ачинскому уезду. В 1782 г. в Кийской волости проживало 1159 д. об. п. [7, с. 37; 8, с. 18]. В 1796 г. Ачинский уезд был упразднен, его волости вошли в состав Красноярского уезда.

Основным источником заселения тракта стало размещение на нем ссыльных («колонистов»). Административным центром деревень ссыльных поселенцев (ме-

стом проживания приказчика, назначаемого Томской комендантской канцелярией) была деревня Колыонская (в 1771 г. «почти 20 дворов поселенцев») [6, с. 433; 9, с. 543]. Как и приказчики пашенных крестьян, посельщичьи управители были наделены всей полнотой административно-полицейской и хозяйственно-фискальной власти (выплата кормовых денег, раздача казенного провианта, семян, лошадей, побуждение к земледелию и «домообзаводству», выдача разрешения на отлучки, разбирательство ссор и споров и т. д.). В 1782 г. в десяти населенных пунктах Колыонской волости (дд. Ишимская, Колыонская, Сапожкова, Песчанская, Медведчикова, Тюменева, Четкаринская, Берикульская, Тутальская и Красноярская) проживало 337 ревизских душ [10, л. 106 об.–107 об.].

В дальнейшем административно-территориальные преобразования в регионе связаны с разграничением в 1823 г. Томской и вновь образованной Енисейской губерний, когда Кийская и Боготольская волости из Красноярского округа были перечислены в Томский округ. Кийская волость была раздроблена. В ее составе остались девять населенных пунктов, из семи деревень образована Дмитриевская волость, а три деревни (Итатская, Большекосульская и Малокосульская) перечислены в Боготольскую волость [11, с. 23–24]. Между 1838 и 1856 годами из состава Колыонской волости выделилась Ишимская волость. В 1856 г. волостное село Кийское было возведено в степень окружного города (с 1857 г. – Мариинск) [11, с. 36–37]. Разграничение Мариинского (Колыонская волость) и Томского (Ишимская волость) округов прошло по правым притокам реки Яи – речкам Алчедат и Колыон.

По именному указу от 22 июля 1759 г. крестьяне Томского и Кузнецкого уездов были приписаны к Колывано-Воскресенским заводам [12]. Таким образом, в Причулымье сформировалась категория приписных крестьян. После изменения в 1797 г. границ Колывано-Воскресенского горного округа земледельцы Колыонской, Кийской и Боготольской волостей были освобождены от приписки к заводам и перешли в разряд государственных крестьян. Район, в отличие от приписных волостей, стал открытым для вновь прибывавших поселенцев.

В первой половине XIX в. правительство предприняло ряд мер, призванных ускорить земледельческую колонизацию Сибири.

В 1806 г. в сенатском положении о переселении в Сибирь впервые было разрешено вольным переселенцам из государственных крестьян малоземельных внутренних губерний селиться в Западной Сибири. В положении эта категория переселенцев называлась «поселенцами, по собственному их желанию за малоземельем из внутренних губерний туда приходящими» [13, с. 359]. Переселенцы освобождались от уплаты податей (временная податная льгота) и выполнения повинностей, за исключением воинской, получали от казны ссуду, сельскохозяйственный инвентарь, рабочий скот. До первой жатвы на месте переселенцы получали семена на посев и хлеб или кормовые деньги. После завершения льготного срока они обязаны были выполнять все казенные подати и выплачивать в течение 15 лет ссуду. К 1813 г. в Томскую губернию прибыли около 16 тыс. переселенцев.

Указ от 10 апреля 1822 г. «О дозволении крестьянам переселяться на земли сибирских губерний» впервые санкционировал переселение государственных крестьян из Европейской России за Урал на свой страх и риск, без помощи со стороны государства [14]. Кроме этого, сибирским крестьянам разрешалось свободное переселение в пределах Сибири. Переселяющиеся крестьяне должны были предоставить увольнения от своих обществ и погасить все недоимки по прежнему месту жительства. Если крестьяне селились в старожильческих селениях, то должны были получить письменное разрешение от сельского общества, а если выбирали себе «землю ни к какому селению не принадлежащую, то позволение занять» ее зависело от казенных палат с утверждения гражданских губернаторов. С 1838 г. по 1855 г. с разрешения Министерства государственных имуществ в Западную Сибирь прибыли более 93 тыс. переселенцев [13, с. 361]. Значительное количество прибывавшего населения размещалось узкой полосой вдоль Московско-Сибирского тракта, в том числе в той его части, которая проходила в обозначенном районе (от ст. Колыонской до ст. Краснореченской).

В начале 1820-х гг. сословие государственных крестьян в Томской губернии пополнилось вследствие массового зачисления сельских мещан [15, л. 2].

Ссыльно-поселенцы (отбывшие каторгу и тюремное заключение) составляли еще один источник освоения края. Зачастую ссыльные выходили на поселение престарелыми, больными, нетрудоспособными, поэтому в документах их называли «пропита́нными» (они существовали за счет казенного пособия). Трудоспособные ссыльно-поселенцы обзаводились крестьянским хозяйством или уходили на заработки на золотые прииски. Среди административно-ссыльных было много крестьян, попадая в Сибирь, они и здесь принимались за хлебопашество. В целом в 1854 г. ссыльные составляли 8 % населения Западной Сибири, однако на территории будущего Мариинского округа их процент был значительно выше – 24 % [13, с. 360].

Следствием всех этих мероприятий стал резкий рост в Причулымье численности населения (см. табл.). Среднегодовой темп прироста населения в 1804–1858 гг. составлял 4,2 %, причем в первой трети XIX в. – 2,6 %, а в 1834–1858 гг. – 6,2 %. Увеличение численности населения оказало влияние на процесс селообразования. Количество населенных пунктов в первой половине XIX в. увеличилось почти в три раза, а показатель средней численности крестьян в населенном пункте возрос с 79,6 до 295 д.м.п.

Выявленный среднегодовой темп прироста (4,2 %) государственных крестьян отличается от аналогичного показателя по приписным крестьянам, проживавшим в девяти волостях Среднего Притомья – 0,96 % (в 1858 г. в среднем в населенных пунктах проживало 78,7 д.м.п.). В абсолютном показателе численность государственных крестьян (в пределах современной Кемеровской области) превысила приписных крестьян (28011 и 25829 д.м.п. соответственно) [20, с. 65–66]. Это стало возможным в результате открытости левобережного Причулымья для заселения и, как следствие, значительного доминирования в показателях темпа роста населения механического прироста над естественным приростом.

Таблица. **Динамика численности населения левобережного Причулымья (д.м.п.)** [10, л. 106 об.–107; 16, л. 279–285 об.; 17, с. 221–222; 18; 19]
Table. **Population dynamics in the left-bank Prichulym'e (male population)** [10, double-sided sheet 106 – sheet 107; 16, sheet 279 – double-sided sheet 285; 17, p. 221–222; 18; 19]

Волость	1782 г.		1804 г.		1834 г.		1858 г.	
	н.п.	д.м.п.	н.п.	д.м.п.	н.п.	д.м.п.	н.п	д.м.п.
Ишимская							29	6294
Колыонская	10	337	34	1321	39	2531	32	7607
Кийская (в 1858 г. – Баимская)	6	≈550	7	1132	10	1521	16	3156
Дмитриевская					19	1891	27	8776
Боготольская	?	?	6	1290	10	2178	13	6505
г. Мариинск								2178
Итого			47	3743	78	8121	117	34516
без Боготольской вол.	16	≈900	41	2453	68	5943	104	28011

Таким образом, определение сопоставимых границ административно-территориального деления в сочетании с факторами, способствовавшими земледельческой колонизации, позволило определить демографическое развитие левобережного Причулымья, выявить особенности процесса воспроизводства населения в сравнении с приписными волостями региона.

Литература

1. Косыгина С. В. Динамика народонаселения Западной Сибири 1914–1923 гг. в современной историографии // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 410. С. 91–96.
2. Емельянов Н. Ф. Население Среднего Приобья в феодальную эпоху. Ч. 2. Томск: издательство Томского государственного университета, 1982. 242 с.
3. Колесников А. Д. Русское население Западной Сибири в XVIII–начале XIX вв. Омск: Западно-Сибирское книжное издательство, 1973. 440 с.
4. Элерт А. Х. Историко-географическое описание Томского уезда Г. Ф. Миллера (1734 г.) // Источники по истории Сибири досоветского периода. Новосибирск: Наука, 1988. С. 59–101.
5. Российский государственный архив древних актов. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3579.
6. Паллас П. С. Путешествие по разным местам Российского государства. СПб.: Императорская Академия наук, 1786. Ч. 2. Кн. 2. 571 с.
7. Быконя Г. Ф. Русское неподатное население Восточной Сибири в XVIII–начале XIX вв. Красноярск: издательство Красноярского университета, 1985. 297 с.
8. Высоцкий Н. О., Айгустов Н. Н. Об основании, устройстве и развитии города Ачинска // Вторая памятная книжка Енисейской губернии на 1865 и 1866 годы. СПб.: Типография К. Вульфа, 1865. С. 13–25.
9. Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорской Академией наук, по предложению ее президента: в 7 т. Т. 6: Записки путешествия академика Фалька. СПб.: Императорская Академия наук, 1824. 546 с.
10. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 259. Оп. 1. Д. 2.
11. Ермолаев А. Н. Уездный Мариинск. 1856–1917 гг. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. 743 с.
12. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. СПб.: Типография 2 отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1830. Т. 15. № 10976.
13. История Сибири. В 5 т. Л.: Наука, 1968. Т. 2. 538 с.
14. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. СПб.: Типография 2 отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1830. Т. 38. № 28997.
15. ГАТО. Ф. 3. Оп. 18. Д. 1.
16. ГАТО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 29.
17. Костров Н. Открытие Томской губернии в 1804 году // Памятная книжка Томской губернии на 1871 год. Томск: Губернская типография, 1871. С. 220–224.
18. Список населенных мест по сведениям 1859 г. Томская губерния // Центральный статистический комитет МВД. СПб., 1868. CXXIV, 148 с.
19. Список населенных мест Томской губернии // Памятная книжка Томской губернии 1885 года. Томск: Типолитография Михайлова и Макушина, 1885. С. 1–94 (отдельная пагинация).
20. Усков И. Ю. Формирование крестьянского населения Среднего Притомья в XVII–первой половине XIX в. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. 130 с.

DYNAMICS OF THE NUMBER OF THE RUSSIAN POPULATION OF THE LEFT-BANK PRICHULYM'E IN THE XVIII – FIRST HALF OF THE XIX CENTURY

Igor Yu. Uskov[1, @, *]

[1] *The Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 18, Sovetsky Ave., Kemerovo, Russia, 650000*
[@] Yskov74@gmail.com

Received 28.04.2017.
Accepted 20.09.2017.

Keywords: state peasants, demography, volost division, the Moscow-Siberian tract, left-bank Prichulym'e.

Abstract: The article is devoted to the study of demographic processes on a narrow territorial subarea (left bank Prichulyme within the modern Kemerovo region). A methodical solution is to define comparable boundaries of administrative-territorial division (on the county and the township levels, taking into account the composition of the settlements). The article identifies the factors that contributed to the agricultural colonization in the area (the passage of the Moscow-Siberian highway, openness of territory for new settlers, government events, the opening of gold mines, exile). One of the features of the process of population reproduction (state peasants) in comparison with ascribed volosts of the Middle Pritom'e was the dominance of mechanical growth over natural growth. The result was a much larger average annual growth rate of the state peasants (4.2 % and 0.96 % respectively), when the average number of state peasants per village was 3.7 times higher (295 and 78.7 of male population). In absolute terms, the number of state peasants as a result of the census register-X (1858) exceeded the bonded peasants (28011 and 25829 of men population respectively).

[*] ***The work was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project No. 17-11-42005a (p).***

For citations: Uskov I. Yu. Dinamika chislennosti russkogo naseleniia levoberezhnogo Prichulym'ia v XVIII – pervoi polovine XIX vv. [Dynamics of the Number of Russian Population of the Left-bank Prichulym'e in the XVIII – first half of the XIX centuries]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2017): 91–95. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-3-91-95.

References

1. Kosygina S. V. Dinamika narodonaseleniia Zapadnoi Sibiri 1914–1923 gg. v sovremennoi istoriografii [Dynamics of the population of Western Siberia in 1914–1923 in modern historiography]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tomsk State University*, no. 410 (2016): 91–96.
2. Emel'ianov N. F. *Naselenie Srednego Priob'ia v feodal'nuiu epokhu* [The population of the Middle Ob in the feudal era]. Tomsk: izdatel'stvo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, Part 2 (1982): 242.
3. Kolesnikov A. D. *Russkoe naselenie Zapadnoi Sibiri v XVIII–nachale XIX vv.* [Russian population of Western Siberia in the XVIII and early XIX century]. Omsk: Zapadno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1973, 440.
4. Elert A. Kh. Istoriko-geograficheskoe opisanie Tomskogo uezda G. F. Millera (1734 g.) [Historical and geographical description of the Tomsk district G. F. Miller (1734)]. *Istochniki po istorii Sibiri dosovetskogo perioda* [Sources on the history of Siberia the pre-Soviet period]. Novosibirsk: Nauka, 1988, 59–101.
5. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov (RGADA)* [Russian State Archive of Ancient Documents]. Found 350, List 2, File 3579.
6. Pallas P. S. *Puteshestvie po raznym mestam Rossiiskogo gosudarstva* [Travel to different places of the Russian state]. Saint-Petersburg: Imperatorskaia Akademiia nauk, part 2, book 2 (1786): 571.
7. Bykonia G. F. *Russkoe nepodatnoe naselenie Vostochnoi Sibiri v XVIII–nachale XIX vv.* [Russian-exempt population of Eastern Siberia in the XVIII–early XIX centuries]. Krasnoyarsk: izdatel'stvo Krasnoiarskogo universiteta, 1985, 297.
8. Vysotskii N. O., Aigustov N. N. Ob osnovanii, ustroistve i razvitii goroda Achinska [On creation, the device and the development of the town of Achinsk]. *Vtoraia pamiatnaia knizhka Eniseiskoi gubernii na 1865 i 1866 gody* [The second commemorative book of the Yenisei province for 1865 and 1866]. Saint-Petersburg: Tipografiia K. Vul'fa, 1865, 13–25.
9. *Polnoe sobranie uchenykh puteshestvii po Rossii, izdavaemoe Imperatorskoi Akademiei nauk, po predlozheniiu ee prezidenta. T. 6: Zapiski puteshestviia akademika Fal'ka* [Full collection of science journeys in Russia published by Empire academy of science at the commandment of its president. Vol. 6: Writings about academic Falk journey]. Saint-Petersburg: Imperatorskaia Akademiia nauk, 1824, 546.
10. *Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti (GATO)* [State archive of the Tomsk region]. Found 259, List 1, File 2.
11. Ermolaev A. N. *Uezdnyi Mariinsk. 1856–1917 gg.* [The county Mariinsk. 1856–1917]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2008, 743.
12. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii: sobranie 1-e* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire: 1st collection]. Saint-Petersburg: Tipografiia 2 otdeleniia Sobstvennoi E. I. V. kantseliarii, vol. 15 (1830): no. 10976.
13. *Istoriia Sibiri* [History of Siberia]. Leningrad: Nauka, vol. 2 (1968): 538.

14. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii: sobranie 1-e* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire: 1st collection]. Saint-Petersburg: Tipografiia 2 otdeleniia Sobstvennoi E. I. V. kantseliarii, vol. 38 (1830): no. 28997.

15. *Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti* [State archive of the Tomsk region]. Found 3, List 18, File 1.

16. *Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti* [State archive of the Tomsk region]. Found 3, List 4, File 29.

17. Kostrov N. Otkrytie Tomskoi gubernii v 1804 godu [The opening of the Tomsk province in 1804]. *Pamiatnaia knizhka Tomskoi gubernii na 1871 god* [Memorial Book of Tomsk Province for 1871]. Tomsk: Gubernskaia tipografiia, 1871, 220–224.

18. *Spisok naselennykh mest po svedeniiam 1859 g. Tomskaia guberniia* [List of inhabited places according to the information of 1859. Tomsk Province]. *Tsentral'nyi statisticheskii komitet MVD* [Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs]. Saint-Petersburg, 1868, CXXIV, 148.

19. *Spisok naselennykh mest Tomskoi gubernii* [List of inhabited places of Tomsk province]. *Pamiatnaia knizhka Tomskoi gubernii 1885 goda* [Memorial Book of the Tomsk Province of 1885]. Tomsk: Tipolitografiia Mikhailova i Makushina, 1885, 1–94.

20. Uskov I. Yu. *Formirovanie krest'ianskogo naseleniia Srednego Pritom'ia v XVII–pervoi polovine XIX v* [Formation of the peasant population in the Middle Pritom'ja XVII–the first half of XIX century]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2005, 130.

УДК 94(571.1/.5): 378

ДЕТЕРМИНАНТЫ ГЕНЕЗИСА ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ В РАМКАХ СИБИРСКОГО НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО КОМПЛЕКСА: СИНТЕЗ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ

Дмитрий В. Хаминов [1, @, *]

[1] *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36*
[@] *khaminov@mail.ru*

Поступила в редакцию 06.03.2017.
Принята к печати 17.05.2017.

Ключевые слова: Сибирь, историческая наука, высшее образование, советский период, модернизация, внутренняя колонизация, центр-периферия.

**** Исследование выполнено при поддержке гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук «Историческое знание во второй пол. XIX – нач. XXI вв. как конструкт общественно-культурного сознания, политико-идеологической и гражданской идентичности: связь времен и поколений (на примере сибирского научно-образовательного комплекса)» (МК-6824.2016.6).***

Аннотация: Статья посвящена анализу опыта методологического синтеза, осуществленного при реконструкции эволюции исторической науки и высшего исторического образования в Сибири. Применительно к объекту исследования использовались три подхода: теория модернизации, теория внутренней колонизации и концепция центр-периферийных отношений. Критический анализ различных исследовательских стратегий позволил выявить и сформулировать их совокупный эвристический потенциал, который может быть актуализирован и применен на современном этапе исторических исследований на уровне любого российского макрорегиона. Недостатки и издержки их исследовательского применения компенсируются при условии комплексного использования и взаимного дополнения. Полученные с помощью их синтеза результаты позволяют судить о сложившейся в XX в. сибирской макрорегиональной системе исторического образования и науки как о сложном многофакторном социально-политическом феномене, выполнявшем прежде всего интегративную функцию в пространстве общественного сознания. Советские практики организации и проведения исторических исследований в рамках системы высшей школы на территории сибирского региона соответствуют траекториям и логике развития центр-периферийных отношений. Формирование советской научно-исторической картины мира проходило в контексте социально-политической и социально-культурной эволюции советского государства и в целом укладывалось в русло модернизационных процессов, инициированных ещё во втор. пол. XIX в.

Для цитирования: Хаминов Д. В. Детерминанты генезиса исторического образования и науки в рамках сибирского научно-образовательного комплекса: синтез методологических подходов // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 3. С. 96–103. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-3-96-103.

Последнее десятилетие дает возможность наблюдать возрастающее внимание к исторической проблематике как со стороны государства, так и различных общественных групп. Актуализация исторического в пространстве общественно-политического дискурса, с одной стороны, свидетельствует о до сих пор непреодоленном социокультурном расколе, с другой же, – несет в себе определенные возможности для формирования целостного национального культурно-исторического поля, в рамках которого в дальнейшем происходило бы выстраивание базовых конструктов общероссийской идентичности. В то же самое время стоит иметь в виду, что исторический материал сам по себе мало чем интересен общественному сознанию: свое значение предметно-событийная канва национальной истории обретает лишь в контексте диалектического единства с социально обусловленной традицией интерпретации и прочтения исторического метанарратива, порождающего в свою очередь систему символов и смыслов, являющуюся в конечном счёте основой мировосприятия и миропонимания. В этом ключе принципиальную важность имеют те институты и механизмы, которые принимают непосредственное участие в процессах складывания национальной традиции историописания. В первую очередь речь идет о ведущем сегменте самовоспроизводства индустриальной цивилизации – системе науки и высшего образования. Специфика ее в этом отношении заключается в том, что она, являясь прямым продуктом своего социума, одновременно определяет его основные параметры. Отдельный исключительной важности аспект данной проблемы состоит в том, что уход от абстрактного универсализма в описании вышеозначенных процессов требует особого внимания к феноменам локального в общем историческом пространстве, так как именно они, являясь объектами национально-государственных социально-культурных практик, определяют конкретные формы исторического сознания.

Возникший в последние два десятилетия интерес к региональной истории науки и высшего образования (в том числе их социогуманитарного сегмента) обеспечил относительно широкий круг литературы, посвященной разным аспектам данной проблематики. Как правило, основной массив исследований носит конкретно-исторический характер: от реконструкции истории отдельных учреждений, институтов и их структурных подразделений до научно-биографических работ, посвященных отдельным персоналиям. Большинство

исследователей, как правило, фокусируются на советском периоде. При этом в рамках отечественной историографии имеется определенная размытость в понимании данного направления: одни авторы занимаются анализом и интерпретацией взаимоотношений научной интеллигенции и власти, другие же основной акцент делают на характеристике материально-бытового положения научных кадров в разное время, реконструируя систему горизонтальных и вертикальных коммуникаций внутри советского социума. Иными словами, современная историография социальной истории отечественной науки являет собою достаточно емкое проблемное поле.

Долгое время приоритет в локально-региональном ракурсе исследования проблем истории науки, высшего образования, научно-педагогической интеллигенции Сибири советского периода принадлежал коллективам новосибирских историков (профессора В. Л. Соскин, М. В. Шиловский, С. А. Красильников, Е. Г. Водичев). С конца же 1990-х гг. проблемы истории науки и высшего образования в Сибири начинают активно разрабатываться в Томске научной школой профессора С. Ф. Фоминых (С. А. Некрылов, М. В. Грибовский, А. Г. Костерев, Д. В. Хаминов) [1–3]. Отдельно стоит упомянуть весьма плодотворную деятельность в данном направлении томского профессора В. В. Петрика [4]. Кроме того, за последнее время вышел ряд работ кемеровского историка Н. В. Камеровой, посвященных партийно-государственной политике по отношению к историческому образованию и науке, в т. ч. и в Сибири [5].

Тем не менее бросается в глаза недостаток обобщающих научных трудов, рассматривающих феномен сибирской исторической науки в контексте социальной истории и общей социокультурной ситуации.

Изучение истории науки и высшего образования в макрорегиональном масштабе видится перспективным лишь в контексте комплексного анализа общих для странны социально-экономических и культурных процессов. При этом необходимо учитывать все многообразие специфики местного их протекания, обусловленной, в свою очередь, целым рядом факторов локального генезиса, радиус действия которых и служит основанием для собственно макрорегионального деления.

Исходя из всего этого, решение поставленных задач представляется возможным в рамках привлечения нескольких взаимодополняющих исследовательских стратегий, фокусируясь на предмете с разных ракурсов. Это позволит аккумулировать позитивный потенциал каждой из них, одновременно избегая абсолютизации их отдельных положений.

Одно из главных положений работы, служащее несущим конструктом всего разработанного концепта, состоит в том, что вышеозначенная специфика обусловливает целесообразность увязки истории таких сложных социокультурных объектов, как система науки и высшего образования с магистральными модернизационными трендами, пронизывающими отечественный хронотоп на протяжении более полутора веков. Иными словами, основа используемого инструментария представлена теорией модернизации, как нельзя лучше подходящей для реконструкции и описания тех процессов, что, развернувшись в перв. пол. XX в., в конечном счете сформировали отечественную науку и высшее образование в их современном виде.

В категориальный аппарат российской науки термин «модернизация» был привлечен для объяснения проблем развития российского общества в постсоветскую эпоху. Это произошло сравнительно поздно и осуществилось путем заимствования из работ европейских и американских ученых. Модернизация в России до сих пор зачастую трактуется в рамках марксистской традиции линейной модели, как переход от традиционного общества к современному [6]. Лишь в последнее время в научном сообществе наблюдается отход от упрощенных схем, признание многовариантности модернизационных процессов, отказ от изображения модернизации в виде простой замены традиционной социальной организации либеральными институтами.

В самом общем виде принято выделять две основных составляющих модернизации: социально-экономическую (научно-техническую) и общественно-политическую (социокультурную). При этом дискуссионным остается вопрос о том, какая из них является направляющей, а какая – производной. Ответ на этот вопрос будет зависеть от того, какой тип модернизации рассматривается в конкретном случае – органический или догоняющий. Органический тип инициируется опережающими социокультурными изменениями, догоняющий же, наоборот, предусматривает примат заимствованных организационно-технических форм, взаимодействие которых с местной средой определяет траекторию дальнейшей социокультурной эволюции. Первый характерен для стран раннего генезиса капитализма и развитых демократических традиций, второй – для пассажиров т. н. «второго эшелона развития».

Сразу же стоит оговориться, что отечественный модернизационный опыт (и в том числе актуальная в нашем случае его советская составляющая) вне всяких сомнений относится к догоняющему типу. При этом некоторые исследователи склонны утверждать, что советский модернизационный рывок своим результатом имел индустриальное общество модерного типа, принципиально отличавшееся от западного, но сопоставимое с ним [7, с. 22]. В дальнейшем это дало определенные основания для развития различных направлений теорий индустриализма и конвергенции (Р. Арон, Д. Белл, Д. Гэлбрейт). Для объяснения же феномена социалистической модернизации в современную науку был даже введен термин «квазимодернизация» [8]. Смысл его состоит в том, что все отечественные модернизационные попытки были двух видов: либеральные, которые обычно не завершались и были малоэффективными, и авторитарные, которые были квазиэффективными, поскольку они давали быстрый результат, но затем приводили к откату назад [9].

Высшее образование и наука как отдельная подсистема и социальный институт вполне правомерно могут быть отнесены к социально-культурной сфере. Тем более, если речь идет о научно-историческом знании, имеющим под собой явные национально обусловленные основания. В то же время специфика российской интеллектуальной истории такова, что отечественный научно-образовательный кластер не был органически порожден собственной культурной средой – первоначально он был

механически привнесен извне в ходе первой серьезной модернизационной попытки (т. е. являлся одной из частей тех самых заимствованных организационных форм, обеспечивавших прежде всего технико-экономическое развитие). Несмотря на это, российская система науки и высшего образования достаточно органично вписалась в общий социокультурный ландшафт, со временем взяв на себя функцию ретранслятора культурных смыслов, социальных идеалов и образцов поведения. Такое промежуточное положение предмета исследования в системе социально-исторических координат является важнейшим исходным положением данной работы и основой для всех дальнейших теоретических построений.

Другим не менее важным аспектом отечественной модернизации является географический фактор, оказавший парадоксальное влияние на ее протекание. Относительная сырьевая избыточность огромной страны, с одной стороны, обеспечивала необходимый для модернизации ресурс, с другой, – способствовала сохранению тех самых социокультурных факторов, что регулярно сбрасывали набранную системой по ходу очередного модернизационного цикла сложность, сводя в конечном счете его достижения на нет. И в этом отношении исключительно показательна Сибирь, ставшая одновременно и ресурсно-сырьевой базой и своеобразным «полигоном» советской модернизации, на котором апробировались и внедрялись новые формы организации экономической, социальной и научной жизни (от «урало-сибирского метода» и концепта «города-сада» до академгородков). В силу этого социальные и культурные аспекты модернизации в Сибири зачастую проявляли себя несколько иначе, нежели в Центральной России. Тем не менее, Сибирь прошла те же ступени модернизации, что и Россия, имея при этом свои особенности, в частности отставание по времени от аналогичных российских процессов, связанное с зависимостью модернизации Сибири от капитала центра страны, сырьевой направленности сибирской индустрии, а также долгое время имевшей место быть кадровой зависимостью [10].

Таким образом, когнитивный потенциал теории модернизации вполне позволяет вскрыть системообразующие факторы и закономерности эволюции научно-образовательного кластера советской общественно-политической системы. Рассмотрение предмета исследования сквозь призму модернизации подразумевает, что советская историческая наука и система высшего исторического образования являлись своеобразным модернизационным инструментом двойного назначения. С одной стороны, они, играя роль научной подпорки официальной идеологии, были призваны с марксистских позиций легитимировать изменения социально-политических реалий, с другой же, – обеспечивали адаптацию новых модерновых форм организации жизни к традиционной социально-культурной матрице посредством выстраивания нового советского исторического метанарратива.

Первоначальный отказ большевистского руководства от традиционных форм преподавания и изучения истории был обусловлен наличием еще неисчерпанного футуристического заряда советского утопического проекта. Гуманитарное знание и общественные науки не имели в его глазах актуальности, представляясь отживающими реликтами навсегда ушедшей в прошлое эпохи. В отношении же естественных и точных наук в первые годы своего существования молодое советское государство довольствовалось остатками потенциала старой научно-образовательной системы. После официального взятия принципиального курса на индустриализацию страны началось собственно советское научное строительство, общие контуры которого примерно соответствовали общемировым тенденциями первой пол. XX в., и шедшее по траекториям, намеченным еще в царской России уже накануне Первой мировой войны (создание т. н. «большой науки» с мощным государственным финансированием, централизованным планированием научных исследований по приоритетным направлениям, сетью государственных научно-исследовательских институтов).

Чуть позже советское государство обратило свое внимание и на общественные науки, важнейшей из которых постепенно становится история. Возрождение и достаточно широкое развитие высшего исторического образования внешне происходило на принципиально новых методологических и методических основаниях – воспитание нового советского человека путем изучения истории сквозь призму исторического материализма. Эти аспекты, безусловно, имели место быть и определялись политическими и идеологическими целями и задачами партии. Непосредственным образом это нашло свое отражение в появлении новой отрасли советской исторической науки – истории партии («История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс», вышедший в 1938 г. под редакцией Комиссии ЦК ВКП(б)).

Внутренне же содержание этого процесса было гораздо сложнее и заключалось прежде всего в выстраивании системы ценностно-смысловых конструктов, обеспечивавшей функционирование механизма формирования новой этнополитической идентичности, основанной на осознании закономерности и неизбежности советского исторического этапа через ощущение личной сопричастности к социалистическому строительству. Идеологизированность советского видения исторического процесса и примитивизация принципов марксистской историософии не отменяют главного – советская историческая наука и высшее историческое образование предполагали рациональное постижение истории, осмысление ее в категориях объективных закономерностей, основных движущих сил, стадиальной градации. Очевидно, что все это – атрибуты модерного сознания и восприятия социального времени, характерные для индустриальных обществ втор. пол. XIX – перв. пол. XX вв. Иначе говоря, базис советского исторического сознания, формируемый высшей школой, принципиально ничем не отличался от основ буржуазного национального самосознания – общая логика модернизации диктовала формирование схожих форм ретроспективной социальной аутоперцепции.

Второй составной частью привлеченного к настоящему исследованию инструментария явилась концепция «центр-периферийных» отношений, существенно дополняющая и расширяющая положения теории модернизации в плане анализа советской государственной политики в сфере высшего образования и науки, в частности, для освещения проблем регионализации вузовской исторической науки и подготовки историков.

В контексте теории модернизации центр выступает в роли «прогрессора», аккумулирующего потенциал развития региональной периферии, являющейся одновременно и ресурсом модернизации, и ее объектом. Для периферии характерна традиционная структура экономических отношений, доминирование традиционных культурных ценностей и социальных институтов. В целом периферийная архаика выступает как главное препятствие на путях протекания модернизационных процессов.

Непосредственно в научной сфере исходной предпосылкой для развития системы понятий центр-периферийных отношений служит идея об уровне творческой активности национального научного сообщества и его неравномерном распределении по регионам. Таким образом, в функционировании государственного научно-образовательного пространства существенную роль играет центр-периферийное структурирование [11]. В соответствии с ним выделяется столичная (центральная) и провинциальная (периферийная) наука.

Необходимо подчеркнуть, что наложение классической схемы «центр-периферия» на отечественные реалии (и речь здесь идет не только о науке) видится предельно проблематичным: необходимо учитывать всю специфику властных и социальных отношений в советском государстве, а также все многообразие факторов, на них влиявших. В нашем случае наиболее предпочтительным решением видится следование своего рода «принципу дополнительности», предусматривающему органическое сочетание обеих стратегий: вне всяких сомнений, становление региональных научно-образовательных комплексов шло в русле процесса формирования российской модерности, прервавшегося в 1917 г. и возобновившегося в годы индустриализации и культурной революции; при этом, магистральная логика научного строительства на периферии неизбежно преломлялась сквозь призму региональной специфики.

Третьей частью методологической основы стал концепт «внутренней колонизации», предлагающий новое наполнение центр-периферийных отношений в контексте осмысления отечественного модернизационного опыта (и, что важно, в том числе его регионального аспекта). Название этой методологии отталкивается от такого явления, как «внутренний колониализм», который в изначальном и самом широком своем понимании трактовался как система внутренней колонизации, в рамках которой происходит освоение ресурсов государства силами этого же государства. Позднее акценты в рассмотрении проблем внутреннего колониализма смещались то в одну, то в другую сторону: одни исследователи использовали его для описания социально-экономических процессов в странах третьего мира в марксистском и неомарксистском ключе, другие прибегали к нему в анализе межнациональных и межкультурных взаимоотношений в постколониальный период.

Идея «внутренней колонизации» как ведущего фактора российской истории сложилась в нач. 2000-х гг. [12] и вскоре приобрела достаточно большое количество сторонников [13]. Сам по себе термин «внутренняя колонизация» далеко не нов, но в историософской интерпретации А. М. Эткинда его значение расширяется до рамок объяснительной модели. Весьма показательно то, что данная концепция зачастую подвергается достаточно жесткой критике, в то время как отдельные ее элементы сформировались и были озвучены независимо друг от друга целым рядом совершенно разных по профилю и направлениям исследователей задолго до этого. Помимо всего прочего, дискуссионная емкость темы говорит о ее актуальности и возможности получения нового знания.

Весьма характерно, что идея «внутренней колонизации» адресована в первую очередь не политической или экономической истории, а истории культуры и социальной истории. Именно в этом отношении просматривается актуальность ее привлечения к исследованиям по истории науки и высшего образования. Собственно образование, гуманитарная культура и централизация социальных исследований играют ключевую роль в инерции внутренней колонизации. Особенно же перспективным это видится в свете обращения к региональной проблематике в совмещенном ракурсе макроаналитического подхода к истории науки и т. н. «новой локальной истории». Рассмотрение региональной истории сквозь призму «внутренней колонизации» позволяет по-новому взглянуть на проблемы формирования социальных практик, новых поведенческих паттернов, хозяйственной деятельности местного социума, политико-идеологической и культурно-просветительской жизни жителей региона. Основной фокус же в данном случае следует сделать на проблеме формирования региональной идентичности, характеристиках процесса осознания социально-психологической и исторической общности на внутрирегиональном и общероссийском уровне.

Вполне очевидно, что историческая ретроспектива «внутренней колонизации» тесно переплетается с российским модернизационным опытом вообще: циклические кризисы ресурсно-зависимой имперской государственности раз за разом инициировали попытку системного обновления, целью и средством чего был выход на новые геостратегические рубежи. Таким образом, с одной стороны, поле внутренней колонизации пересекается с полем имперского, с другой, – внутренняя колонизация является одной из форм модернизации. Поэтому в нашем случае представляется вполне допустимым и целесообразным расширить границы применимости «внутренней колонизации», включив в них и советский период, неразрывно связанный с предыдущим общей модернизационной составляющей. Кроме того, советский модернизационный проект в силу ряда признаков можно считать имперским по своей форме [14].

Привлечение данного подхода наиболее продуктивно применительно к реалиям сибирского макрорегиона, ставшего в XX в. основной ресурсно-сырьевой базой страны, за счет которого по большому счету и был осуществлен очередной модернизационный рывок. Здесь же стоит упомянуть и своеобразную «родовую» черту сибирской науки и высшего образования, а именно – неразрывную их связь с процессами колонизации края, уходящую корнями гораздо глубже, нежели дата открытия первого сибирского университета. До сих пор использующийся для обозначения этой ситуации эвфемизм «хозяйственное освоение» явно не адекватен пониманию глубинного содержания и сути тех процессов, что происходили здесь с кон. XIX до сер. XX вв. Гораздо более предпочтительной в этом плане видится концепция т. н. «внутренней колонизации».

С поправкой на местные реалии в известном смысле можно говорить о некой научной «колонизации» Сибири, инициатором которой было не государство, а местная интеллигенция, отодвигавшая тем самым «культурный фронтир» все дальше на восток. Государство же в данном случае лишь шло вслед за первопроходцами (зачастую с большим опозданием), организационно и институционально фиксируя достижение тех или иных рубежей. В этом отношении интеллектуальные и культурные процессы, протекавшие в Сибири, имели ту же логику и направленность, что и социально-экономические. Создание научно-образовательного комплекса в Сибири стало одним из важнейших компонентов государственной научной политики и осуществлялось в рамках логики «внутренней колонизации», объектом которой являлся геоэкономический потенциал региона, субъектами же ее выступали в равной степени, как государство, так и местное научно-педагогическое сообщество.

К 1917 г. научно-образовательное пространство Сибири представляло собою достаточно сложное и противоречивое явление: с одной стороны, имевшиеся на тот момент высшие учебные заведения (одновременно являвшиеся и форпостами науки на востоке страны) явно не удовлетворяли растущие потребности огромного развивающегося края, с другой, – к тому времени в общих чертах уже успел сложиться фундамент местного научно-образовательного комплекса, способный решать и решавший определенные задачи. В этом отношении главной особенностью Сибири было отставание по времени от аналогичных российских социокультурных процессов, определявшееся ее зависимостью от экономической, социальной и культурной политики государства.

Одним словом, сибирской действительности была присуща традиционно характерная для всей остальной России проблема – противоречие между масштабностью экономических и политических амбиций и слабостью внутренней инфраструктуры. Тем самым возможности частной инициативы в научной сфере у сибирской периферии были весьма ограниченными. Даже крупнейшие провинциальные города (Омск, Томск, Красноярск и Иркутск) – центры активной общественной жизни, в отсутствие историко-филологических факультетов не имели материально-технической базы и достаточного числа квалифицированных специалистов для организации сколько-нибудь масштабных научных исследований. Научное освоение края носило очаговый и фрагментарный характер, что в свою очередь неизбежно тормозило темпы его социально-экономического и культурного развития (образно говоря, «научная колонизация» не поспевала за колонизацией политической и экономической).

Разрешение революционного кризиса 1917 г. обусловило логику дальнейшего развития и непосредственно вытекающую из нее следующую попытку модернизации. Испытания гражданской войны стали своеобразной «точкой бифуркации» для социокультурного пространства Сибири (весьма символично, что своего рода катализатором ее разгорания стала Транссибирская магистраль, одновременно и связывавшая и раскалывавшая разные части страны между собою). Определенной предпосылкой долгожданного открытия первых историко-филологических факультетов стала эвакуация части профессуры за Урал (в Томск и Иркутск), значительно оживившая местную научную и общественную жизнь.

Начало высшему историческому образованию в Сибири было положено в 1917–1918 гг. с открытием в составе Томского и новообразованного Иркутского университетов (культурных, политических и научных центров Западной и Восточной Сибири соответственно) историко-филологических факультетов. Они вели, хотя и крайне непродолжительное время, подготовку историков, основываясь на традиционной классической системе российских университетов образца второй пол. XVIII – нач. XX вв.

Основные же события пришлись на 1920–1930-е гг. В этот период сибирский научно-образовательный комплекс, как и вся страна в целом, стал объектом глобального эксперимента. Он затронул систему управления вузами, содержание и методы преподавания, формы организации и направленность научно-исследовательской работы, подготовку и научно-педагогическую аттестацию профессоров и преподавателей вузов. Для непосредственно самого же только что появившегося высшего исторического образования в Сибири это имело самые печальные последствия – ликвидацию на более чем полтора десятилетия: в единственных сибирских университетах (Томском и Иркутском) вплоть до 1940 г. отсутствовали специализированные исторические структурные подразделения, где велась бы подготовка профессиональных историков. При этом открывавшиеся на протяжении 1930-х гг. педагогические и учительские институты в административных центрах и крупных городах сибирских регионов лишь отчасти решали эту проблему. Единственные в стране очаги исторического образования и науки сохранились лишь в стенах цитадели «науки центра» – Московском и Ленинградском университетах.

Стоит подчеркнуть важнейшую деталь – процессы советской модернизации ни в коей мере не ломали логику развития науки и высшего образования в Сибири. Именно к нач. 1940-х гг. местное научно-образовательное пространство достигло тех контуров своего расширения, что были намечены теоретиками из числа региональной интеллигенции еще во времена открытия первого сибирского университета в Томске. Более того – сама историческая наука, едва утвердившись к кон. XIX в. в качестве полноправного социального института в общероссийских масштабах, к сер. XX в., окончательно укрепив свои общественные позиции, приобрела такой же статус и в Сибири.

К нач. 1940-х гг. в СССР сформировалась историческая «наука центра», представленная ведущими научными школами Москвы и Ленинграда, базировавшимися как в академических структурах, так и в столичных вузах, и «периферийная» историческая наука вузов восточной части страны; последняя же на тот момент, исчерпала внутренние возможности для перехода к новым организационным моделям. В научно-образовательном пространстве Сибири воплотились общемировые научно-организационные тенденции, более ранние научно-организационные концепции, а также собственный («автохтонный») уникальный опыт научного строительства.

Великая Отечественная война явилась поворотным моментом и для системы организации размещения научного потенциала. После ее окончания увеличение количества исторических факультетов в сибирских вузах стало вопросом времени. Однако данная реструктуризация и появление в составе советской науки новых мощных исследовательских сегментов практически не сказались на деятельности региональной исторической науки, несмотря на то, что большинство инновационных научных структур было создано на периферии. Кроме всего прочего, военные испытания вызвали очередное перемещение кадрового потенциала (эвакуация большого количества крупных историков союзного уровня в Сибирь), усилив тем самым традиционную для сибирской науки черту, состоявшую в синтетическом характере местных научных школ. Ближе к концу войны начался уже обратный процесс – реэвакуация многих ученых в места их основного проживания и работы, что не могло не сказаться на интенсивности и уровне научно-педагогической деятельности сибирских вузов.

Для исторических факультетов большинства сибирских университетов и педагогических институтов период втор. пол. 1940-х – нач. 1950-х гг. стал достаточно сложным временем восстановления материально-технической базы, утраченного профессорско-преподавательского и студенческого состава. Деформированная еще со времен 1920-х гг. система подготовки историков отнюдь не способствовала быстрому восполнению числа высококвалифицированных преподавателей, процент которых в послевоенных вузах был предельно низким. Проблемы нехватки профессорско-преподавательских кадров на рубеже 1940–1950-х гг. многие вузы решали ставшим уже традиционным экстенсивным путем, приглашая совместителей и «выписывая» на штатные должности квалифицированных преподавателей из Москвы и других крупных научно-образовательных центров. Часть исторических факультетов и отделений вузов Сибири пополнялась в результате очередных политических и идеологических кампаний, проходивших в центре во втор. пол. 1940-х – нач. 1950-х гг.

В целом же сектор вузовской исторической науки в послевоенный период рассматривался, скорее, в качестве некой специальной отрасли официальной государственной идеологии и необходимого инструмента поддержания стабильности существующего политического режима (сама же социально-политическая стабильность понималась как проблема управляемости), нежели как особая сфера духовного творчества и подсистема культуры [15, л. 3 об; 16, л. 27–32; 17, л. 41]. Научно-образовательная политика в восточных регионах носила подчиненный характер, а формирование новых исследовательских направлений и научно-исторических школ в рамках вузов происходило ситуационно. Все вместе это накладывало определенные ограничения на возможности использовать советскую модель регионализации науки.

К сер. 1950-х гг. историческая «наука центра» концентрировалась вокруг Москвы и Ленинграда, региональная же историческая наука в Сибири представляла собой «периферию», стабильно отстающую и не имеющую внутренних импульсов для поиска и перехода к новым организационным моделям.

Таким образом, общее направление эволюции научно-исторического знания и высшего исторического образования в рамках системы советской высшей школы в первое послевоенное двадцатилетие вполне органично укладывается в общую канву советской модернизации (развитие советской системы высшего образования и науки в целом в период 1950-х – перв. пол. 1960-х гг. по большей части шло по инерции, основа которой была заложена в 1930-е гг.).

Определяющая тенденция, оформившаяся в период втор. пол. 1960-х – перв. пол. 1980-х гг., характеризовалась экстенсивным ростом периферийной сети вузов (так называемый процесс «университезации»), одновременным изменением системы их внутренней организации, в результате чего исторические факультеты педагогических вузов и некоторых университетов, отделившись от филологических, стали самостоятельными учебно-научными подразделениями, значительно увеличив тем самым число своих студентов и штаты профессорско-преподавательского состава. Такие города, как Омск, Иркутск или Новосибирск, являвшиеся в разные времена центрами Сибири, имели в своих архивах документы, являвшиеся ценным источниковым материалом для местных исследователей. К примеру, на рубеже 1950–1960-х гг. кафедрой истории Омского педагогического института была утверждена комплексная тема «Очерки истории Западной Сибири (до 1917 г.)», в разработке которой принимало участие 6 человек из 10 [18, л. 136–137].

К концу советского периода «центр-периферийные» отношения в вузовской исторической науке Сибири, воспроизводя в своём развитии дихотомию «центра» и «внутренней периферии» (Южный Урал, Северный Казахстан, Дальний Восток), достигли пределов своего расширения, заложенных ещё на начальном этапе советского научного строительства. Протекавшие параллельно с этим процессы социально-экономического развития главным своим результатом имели совершенствование научно-образовательной инфраструктуры, что, в свою очередь, привело к трансформации социально-культурного облика самой сибирской провинции: в ряде региональных центров (Новосибирск, Томск, Иркутск) шло постепенное формирование целого ряда мощных оригинальных научных школ и перспективных исследовательских направлений, впоследствии достаточно успешно вписавшихся в постсоветский научный и культурный ландшафт [2].

Всё это позволяет сделать вывод о том, что практики реализации государственной научно-исторической и образовательной политики в Сибири в целом определялись объективными модернизационными трендами, осуществляясь в рамках центр-периферийных отношений, заложенных ещё в досоветский период. Конкретные организационные формы и конструкты общественного сознания, складывавшиеся в ходе этих практик, имели двойственную природу, неся в себе как черты территориально-культурной колонизации физического и символического пространства, так и признаки рациональных попыток формирования общенационального исторического самосознания, характерного для развитого индустриального общества.

Литература

1. Хаминов Д. В. Историческое образование и наука в Томском университете в конце XIX–начале XXI в. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. 270 с.
2. Костерев А. Г., Хаминов Д. В. Региональные научно-образовательные комплексы России: проблемы и перспективы изучения (на примере Западно-Сибирского научно-образовательного комплекса посл. четв. XIX в.–сер. XX в.) // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 375. С. 79–84.
3. Khaminov D. V. History and Historians in the Soviet Political and Ideological Structure in 1930s–early 1940s (case study: the Siberian Region) // Bylye Gody. 2014. № 34(4). P. 671–674.
4. Петрик В. В. Высшая школа Сибири в конце 50-х–начале 90-х годов XX века / Под ред. М. С. Кузнецова. Томск: Изд-во Том. ун-та , 2006. 648 с.
5. Камерова Н. В. Политика партии большевиков по отношению к исторической науке и кадрам историков в РСФСР–СССР в 1917–1938 гг. Краснодар: Новация, 2013. 176 с.
6. Суздалева Т. Р. Модернизация в понимании ученых // Модернизация как условие развития современной России. XI международная научно-практическая конференция. М., 2011. С. 42–46.
7. Дерлугьян Г. Модерн и модернизаторы // Эксперт. 2010. № 1. С. 18–24.
8. Суздалева Т. Р., Федоров К. В. «Догоняющая» модель модернизации: теоретические и историографические аспекты // Гуманитарный вестник. 2013. № 5. Режим доступа: http://hmbul.bmstu.ru/catalog/histarch/russhist/67.html (дата обращения: 3.03.2017).
9. Аузан А. А. «Колея» российской модернизации // Общественные науки и современность. 2007. № 6. С. 54–60.
10. Зиновьев В. П. Особенности становления индустриального общества в Сибири в XIX–нач. XX в. // Проблемы истории, историографии и источниковедения России XVIII–XX вв. Томск, 2003. С. 35–38.
11. Узбекова Ю. И. «Центр» и «периферия» в развитии академической науки в восточных регионах страны в XX в.: дис. ... канд. ист. наук; Томский гос. ун-т. Томск, 2010. 195 с.
12. Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России / Авториз. пер. с англ. В. Макарова. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 448 с.
13. Родоман Б. Страна перманентного колониализма // Трансформация российского пространства: социально-экономические и природно-ресурсные факторы (полимасштабный анализ). М.: ИГ РАН, 2008. Вып. 25. С. 130–138.
14. Шишков В. В. Политика Советского Союза как имперский проект // ПОЛИТИЯ. Журнал политической философии и социологии политики. 2013. № 2(69). С. 129–141.
15. Государственный архив Тюменской области (ГАТюмО). Ф. Р–765. Оп. 1. Д. 54.
16. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р–1596. Оп. 1. Д. 16.
17. Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО). Ф. 607. Оп. 43. Д. 22.
18. Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. Р–1027. Оп. 1. Д. 171.

DETERMINANTS OF THE GENESIS OF HISTORICAL EDUCATION AND SCIENCE IN THE FRAMEWORK OF THE SIBERIAN SCIENTIFIC-EDUCATIONAL COMPLEX: SYNTHESIS OF METHODOLOGICAL APPROACHES

Dmitry V. Khaminov [1, @, *]

[1] *National Research Tomsk State University, 36, Lenina Ave., Tomsk, 634050, Russia*
[@] *khaminov@mail.ru*

Received 06.03.2017.
Accepted 17.05.2017.

Keywords: Siberia, historical science, higher education, the Soviet period, modernization, internal colonization, centre-periphery.

**** This research was supported by the Grant of the Russian Federation President for State Support of Young PhDs "Historical knowledge in the late 19th – early 21st centuries as a construct of socio-cultural awareness and political, ideological and civic identity: The link of times and generations (a case study of Siberian Scientific and Educational Complex)" (MK-6824.2016.6).***

Abstract: The article is devoted to analysis of the experience of methodological synthesis, carried out during the reconstruction of the historical evolution of science and higher historical education in Siberia. In relation to the object of study three approaches were used: modernization theory, the theory of internal colonization and the concept of centre-periphery relations. The critical analysis of various research strategies allowed us to reveal and formulate their cumulative heuristic potential which can be staticized and applied at the present stage of historical researches at the level of any Russian macro-region. Shortcomings and expenses of their research application are compensated on condition of their complex use and mutual addition. The results received by means of their synthesis make it possible to consider the Siberian macroregional system of historical science and education which developed in the 20th century as a complex multiple-factor socio-political phenomenon performing, first of all, integrative function in the space of social consciousness. The Soviet practices of the organization and carrying out historical researches within system of the higher school on the territory of the Siberian region correspond to trajectories and logic of development the center – the peripheral relations. Formation of the Soviet scientific and historical worldview took place in the context of socio-political and socio-cultural evolution of the Soviet state and, in general, fit within the frame of the modernization processes initiated as early as in the second half of the 19th century.

For citation: Khaminov D. V. Determinanty genezisa istoricheskogo obrazovaniia i nauki v ramkakh sibirskogo nauchno-obrazovatel'nogo kompleksa: sintez metodologicheskikh podkhodov [Determinants of the Genesis of Historical Education and Science in the Framework of the Siberian Scientific-Educational Complex: Synthesis of Methodological Approaches]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2017): 96–103. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-3-96-103.

References

1. Khaminov D. V. *Istoricheskoe obrazovanie i nauka v Tomskom universitete v kontse XIX–nachale XXI v.* [Historical science and education at the Tomsk university at the end of XIX–the beginning of the 21st century]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2011, 270.
2. Kosterev A. G., Khaminov D. V. Regionalnye nauchno-obrazovatelnye kompleksy Rossii: problemy i perspektivy izucheniia (na primere Zapadno-Sibirskogo nauchno-obrazovatel'nogo kompleksa posl. chetv. XIX v.–ser. XX v.) [Regional scientific and educational complexes of Russia: problems and the prospects of studying (on the example of the West Siberian scientific and educational complex of the last quarter of the 19th century–the middle of the 20th century)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tomsk State University,* no. 375 (2013): 79–84.
3. Khaminov D. V. History and Historians in the Soviet Political and Ideological Structure in 1930s–early 1940s (case study: the Siberian Region*). Bylye Gody*, no. 34(4) (2014): 671–674.
4. Petrik V V. *Vysshaia shkola Sibiri v kontse 50-kh–nachale 90-kh godov XX veka* [The higher school of Siberia in the late fifties–the beginning of the 90th years of the 20th century]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2006, 648.
5. Kamerova N. V. *Politika partii bol'shevikov po otnosheniiu k istoricheskoi nauke i kadram istorikov v RSFSR–SSSR v 1917–1938 gg.* [Policy of the party of Bolsheviks in relation to historical science and shots of historians in RSFSR–USSR in 1917–1938]. Krasnodar: Novatsiia, 2013, 176.
6. Suzdaleva T. R. Modernizatsiia v ponimanii uchenykh [Modernization in understanding of scientists]. *Modernizatsiia kak uslovie razvitiia sovremennoi Rossii. XI mezhdunarodnaia nauchno-prakticheskaia konferentsiia* [Modernization as a condition of development of modern Russia: Proc. XI Intern. Sc.-Prac. Conf.]. Moscow, 2011, 42–46.
7. Derlug'ian G. Modern i modernizatory [Modern and modernizers]. *Ekspert = Expert*, no. 1 (2010): 18–24.
8. Suzdaleva T. R., Fedorov K. V. «Dogoniaiushchaia» model' modernizatsii: teoreticheskie i istoriograficheskie aspekty [The "catching-up" modernization model: theoretical and historiographic aspects]. *Gumanitarnyi vestnik = Humanitarian bulletin*, no. 5 (2013). Available at: http://hmbul.bmstu.ru/catalog/histarch/russhist/67.html (accessed 03.03.2017).
9. Auzan A. A. «Koleia» rossiiskoi modernizatsii [The “track” of the Russian modernization]. *Obshhestvennye nauki i sovremennost' = Social Sciences and modernity,* no. 6 (2007): 54–60.
10. Zinov'ev V. P. Osobennosti stanovleniia industrial'nogo obshchestva v Sibiri v XIX–nach. XX v. [Features of formation of industrial society in Siberia in XIX–the head of the 20th century]. *Problemy istorii, istoriografii i istochnikovedeniia Rossii XVIII–XX vv.* [Problems of history, historiography and source studies of Russia XVIII–XX centuries]. Tomsk, 2003, 35–38.
11. Uzbekova Iu. I. *«Tsentr» i «periferiia» v razvitii akademicheskoi nauki v vostochnykh regionakh strany v XX v.* Diss. kand. ist. nauk ["Center" and "periphery" in development of the academic science in east regions of the country in the 20th century. Cand. hist. Sci. Diss.]. Tomsk State. Univ. Tomsk, 2010, 195.
12. Etkind A. *Vnutrenniaia kolonizatsiia. Imperskii opyt Rossii* [Internal colonization. Imperial experience of Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2013, 448.
13. Rodoman B. Strana permanentnogo kolonializma [Country of permanent colonialism]. *Transformatsiia rossiiskogo prostranstva: sotsial'no-ekonomicheskie i prirodno-resursnye faktory (polimasshtabnyi analiz)* [Transformation of the Russian space: socio-economic and natural-resource factors (polymasty analysis)]. Moscow: IG RAN, Iss. 25 (2008): 130–138.
14. Shishkov V. V. Politika Sovetskogo Soiuza kak imperskii proekt [Policy of the Soviet Union as imperial project]. *POLITIIA. Zhurnal politicheskoi filosofii i sotsiologii politiki = Politeia. Journal of Political Philosophy and Sociology of Politics*, no. 2(69) (2013): 129–141.
15. *Gosudarstvennyi arkhiv Tiumenskoi oblasti (GATiumO)* [The state archive of the Tumen region]. Found R–765, List 1, File, 54.
16. *Gosudarstvennyi arkhiv Novosibirskoi oblasti (GANO)* [The state archive of the Novosibirsk region]. Found R–1596, List 1, File 16.
17. *Tsentr dokumentatsii noveishei istorii Tomskoi oblasti (TsDNI TO)* [The Centre for Documentation of Recent History of Tomsk Region]. Found 607, List 43, File 22.
18. *Istoricheskii arkhiv Omskoi oblasti (IAOO)* [The historical archive of the Omsk region]. Found R–1027, List 1, File 171.

УДК 904

ЕГИПЕТ. ДАШУР. СПУТНИЦА ЛОМАНОЙ ПИРАМИДЫ СНЕФРУ. ОТКРЫТА ЕЁ ФУНКЦИЯ – ПРОВЕРКА КАНАТОВ НА ПРОЧНОСТЬ

Александр М. Ярощук [1, @]

[1] *Кемеровское отделение Союза писателей России, Россия, 650000, г. Кемерово, Советский пр-т, 40*
[@] *kemprosaik@mail.ru*

Поступила в редакцию 23.03.2017.
Принята к печати 17.05.2017.

Ключевые слова: Спутница Ломаной пирамиды, колодец, Малая галерея, камера, шахта.

Аннотация: Статья посвящена исследованию устройства и назначения спутницы Ломаной пирамиды Снефру в Дашуре. Учёные подтвердили, что это не усыпальница царицы Хетепхерес и не помещение другого ритуального применения. На сегодня нет убедительного объяснения её использования. На основании результатов последних исследований ИСИДА (исследовательское сообщество по изучению древних артефактов) в 2012–2013 гг. автор выдвигает версию, что спутница Ломаной пирамиды Снефру служила мастерской для проверки канатов на прочность. Конструктивные элементы пирамиды: блоки со следами разрушения от механического воздействия лопнувших канатов, шахта с метками результата испытаний на стенах, колодец перед входом в пирамиду под бухту испытуемого каната – подтверждают эту версию. Наличие вырезанных в стенах коридора круглых парных углублений для брёвен (как крепление под кнехт) перед блоком со стороны камеры согласуется с назначением этого сооружения.

Для цитирования: Ярощук А. М. Египет. Дашур. Спутница Ломаной пирамиды Снефру. Открыта ее функция – проверка канатов на прочность // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 3. С. 104–109. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-3-104-109.

Одним из первых спутницу Ломаной пирамиды исследовал египетский археолог Абд эс-Салям. Археолог А. Хусейн (1846–1937) по надписи на глиняном черепке предположил, что это захоронение Хетепхерес, жены фараона Снефру. Позднее египетский археолог А. Фахри (1905–1973) опроверг доводы А. Хусейна, доказав в 1955 г., что тот допустил ошибку при переводе. В итоге А. Фахри сделал вывод, что эта пирамида – часть южного заупокойного комплекса Снефру [1]. Описал её и А. Пучков [2], В. Замаровский [3] исследовал комплекс и выполнил его схему (рис. 1).

Долгое время одни учёные считали, что спутницы – усыпальницы цариц, другие – что это гробницы для канопоп с царскими внутренностями, третьи – что это специальная гробница для царского «Ка» [3]. В январе 1925 г. фотограф из исследовательской команды Д. Рейснера, желая снять пирамиду Хеопса в нужном ракурсе, стал устанавливать штатив фотоаппарата. Во время этой манипуляции одна опора провалилась в щель. Проведённые позже раскопки в этом месте привели к усыпальнице Хетепхерес, жены фараона Снефру [4]. Тем самым учёные подтвердили, что спутницы пирамиды Хеопса – не усыпальницы, как и другие на плато Гиза. Тогда для каких целей они построены?

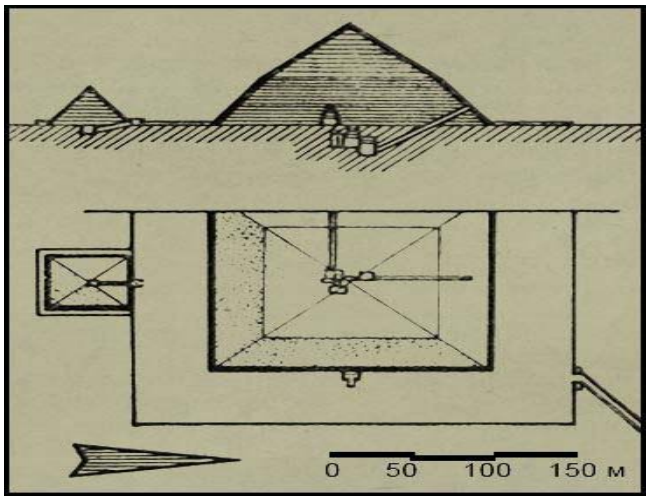

Рис. 1. ***Заупокойный комплекс пирамиды Снефру*** [3]
Fig. 1. ***The mortuary complex of the Snefru pyramid*** [3]

Рис. 2. ***Спутница Ломаной пирамиды*** [5]
Fig. 2. ***Companion of the Bent pyramid*** [5]

Спутница Ломаной пирамиды (рис. 2) находится к югу от неё на расстоянии 55 м. Размеры её немалые: расчётная высота 25,75 м, длина стороны основания – 52,8 м, угол наклона боковых граней – 44°30'. Вход в пирамиду расположен на высоте 1,1 м от фундамента над вторым рядом облицовки. Нисходящий коридор длиной 11,6 м имеет наклон 34°. С небольшой горизонтальной площадки начинается Восходящий коридор длиной 15 м с углом 33°18'. Высота Малой галереи составляет 2,33 м [5] (рис. 3).

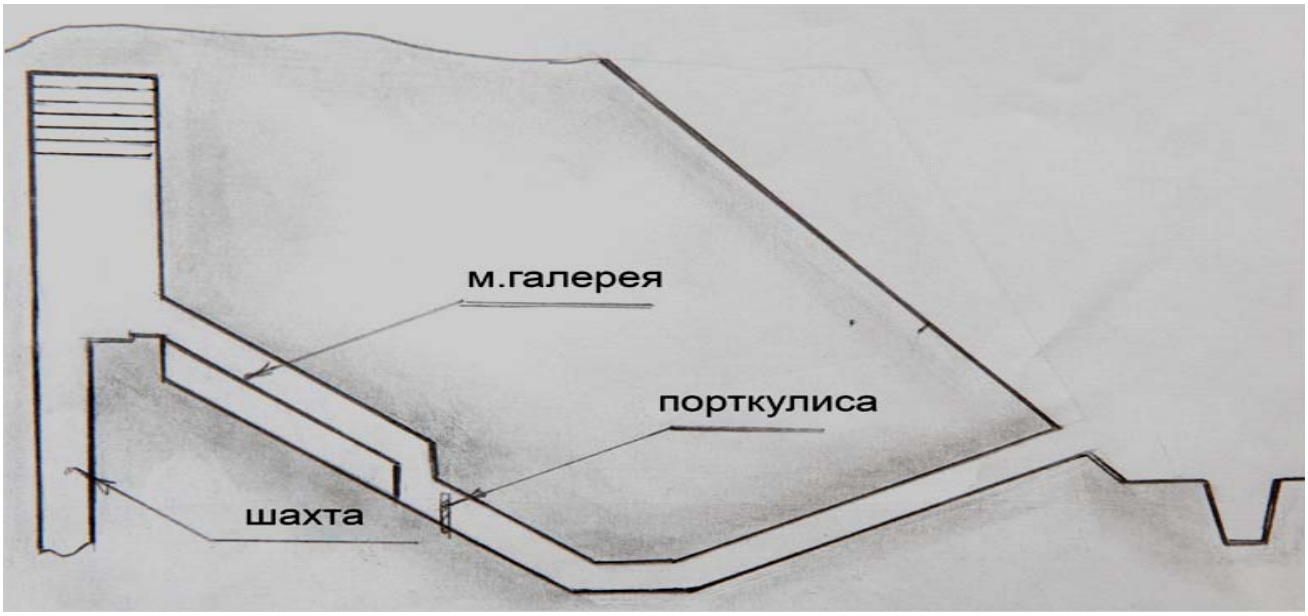

Рис. 3. ***Схема спутницы Ломаной пирамиды по А. Хусейну (рис. автора)*** [5]
Fig. 3. ***Scheme of the Companion of the Bent Pyramid according to A. Hussein (author's sketch)*** [5]

Во-первых, она самая крупная из всех известных спутниц на плато Гиза. Во-вторых, если и можно рассматривать спутницы как захоронения, то внутренние помещения спутницы Ломаной пирамиды устроены совершенно иначе. В-третьих, особое внимание строители уделили только нижней части пирамиды, а верхнюю закрыли щебнем. То есть уже в процессе постройки строители и не задавались целью оформить её как традиционную пирамиду. Однако более поздние исследователи, в частности, А. Пучков, О. Козлова, В. Абросимов, своими снимками показали, что её устройство сложнее, чем описал А. Хусейн. По А. Хусейну в Восходящем коридоре Порткулиса находится перед Малой галереей. На самом деле блок (Порткулиса), частично перекрывающий движение вверх, находится в нескольких метрах от начала галереи (рис. 4).

Через блок переброшена страховочная верёвка, чтобы легче было преодолеть препятствие. Следом за ним вмонтирован в стены и второй блок, нависающий над полом. На рис. 5 представлен снимок второго блока со стороны камеры.

Рис. 4. ***Первый блок спутницы Ломаной пирамиды*** [5]
Fig. 4. ***The first block of the Companion of the Bent Pyramid*** [5]

Рис. 5. ***Второй блок спутницы Ломаной пирамиды*** [5]
Fig. 5. ***The second block of the Companion of the Bent Pyramid*** [5]

Обратите внимание на вырезанные углубления в стенах коридора перед блоком. Кроме того, нижняя кромка блока изрядно разбита. Эти конструктивные элементы окажутся важнейшими фактами в дальнейшем исследовании. Оканчивается галерея блоком (ступенькой), за которой находится вертикальная шахта с камерой. Высота камеры до последнего блока сводчатого перекрытия составляет 6,9 м. Глубина шахты достигает 4,2 м. Для удобства прохода по Восходящему коридору и по галерее на угловом блоке камеры закреплена страховочная верёвка, которая протянута до горизонтального участка коридора. Можно предположить, что эта каменная проушина существовала и при постройке пирамиды (рис. 6).

Рис. 6. ***Крепление верёвки на угловом блоке камеры спутницы Ломаной пирамиды*** [5]
Fig. 6. ***Cable fixture on the corner block in the camera of the Companion of the Bent Pyramid*** [5]

Пока никем не объяснено назначение колодца у входа в пирамиду. Такой колодец нигде в Египте больше не встречается (рис. 7).

Рис. 7. ***Колодец у входа в спутницу Ломаной пирамиды*** [5]
Fig. 7. ***Well at the entrance to the Companion of the Bent Pyramid*** [5]

Исследователи не нашли объяснения, с какой целью установили в Малой галерее два блока, которые не предназначены для её полного перекрытия. Многие упорно называют их Порткулисами. Также исследователей ставило в тупик большое количество меток в шахте под камерой (рис. 8).

Рис. 8. ***Метки на стенах шахты спутницы Ломаной пирамиды*** [5]
Fig. 8. ***Marks on the walls of the mine of the Companion of the Bent Pyramid*** [5]

Чтобы обосновать версию о назначении спутницы, необходимо пояснение. В 2600 г. до н. э. наступила эпоха Древнего царства с постройкой великих пирамид. Пирамида Снефру – одна из первых крупных пирамид в Египте, где начали использовать при строительстве крупнотоннажные блоки. При любых работах по подъёму грузов или их перемещению используются прочные верёвки (для малых грузов) или канаты. Для справки: разрывная нагрузка пенькового каната диаметром 48 мм составляет 10 тонн, Манильского – 16 тонн. Пенька – волокна конопли, очищенные от костры. Манильские канаты изготавливаются из волокна листьев банановых пальм. Для снижения рисков возникла и необходимость их проверки на прочность при приёмке у изготовителя или текущей проверке во время эксплуатации. О важности проверки говорит тот факт, что каждый случай разрыва каната ведёт к крупной аварии или ещё хуже – к гибели людей. Для этой цели и была построена спутница – мастерская. Это объясняет столь непонятные для специалистов-археологов все артефакты – от колодца у входа до странных меток в шахте. На версию, что в пирамиде проводили проверку канатов на прочность, навели круглые углубления в стенах коридора за вторым блоком. В них параллельно друг другу вставляли два бревна, а поперёк по центру крепили вертикально такое же бревно. Так получалось крепление для каната – кнехт (рис. 9).

Рис. 9. ***Кнехт с канатом***
Fig. 9. ***Bollard with a rope***

Кнехт применяют при швартовке судна к пирсу. Этот вид крепления выгодно отличается от других. Не требует никаких узлов, зажимов – достаточно накинуть на кнехт канат «восьмёркой». Используя кнехт, можно без особых ухищрений проводить проверку любой части каната. Только этот египетский кнехт крепили не к полу, а, развернув на 90°, к стенам коридора. В источниках, описывающих сооружения Древнего царства, нет следов присутствия канатов, ни единого слова о них. Однако совсем недавно, в апреле 2013 г., при раскопках вблизи курорта Эль-Кусэйр, находящегося в 150 км от курорта Хургада, объединённой командой французских и египетских археологов было найдено 40 папирусов, датируемых 27 г. правления Хеопса. Позже недалеко от этого места в Красном море группа дайверов этой же экспедиции обнаружила древнюю гавань Вад-аль-Джараф [6]. Там в пещере были обнаружены папирусы, фрагменты кораблей и куски канатов (рис. 10).

Расшифровка текстов показала, что они идентичны папирусам из местечка Эль-Кусэйр. Часть этих папирусов принадлежала чиновнику по имени Маретт, который принимал участие в транспортировке блоков из каменоломен к пирамиде Хеопса. Все эти находки были выставлены в Египетском музее Каира только летом 2016 года.

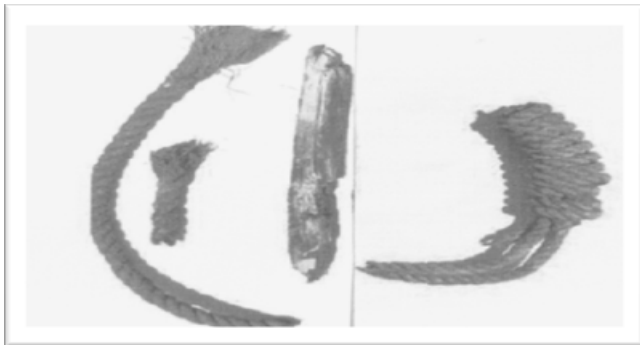

Рис. 10. ***Фрагменты канатов из Вад-аль-Джараф***
Fig. 10. ***Fragments of ropes from Wadi al-Jarf***

Проверка канатов в настоящее время проводится следующим образом: отобранный образец каната расплетают на отдельные пряди, каждую разбирают по слоям на группы равного диаметра. Затем канат крепят к неподвижной опоре через блок, а на противоположный конец подвешивают груз. Канат считается прошедшим испытание, если он остался целым и его относительное удлинение не превысило 5 %. Судя по рис. 11, проверка канатов тех древних времён мало чем отличалась от сегодняшнего дня.

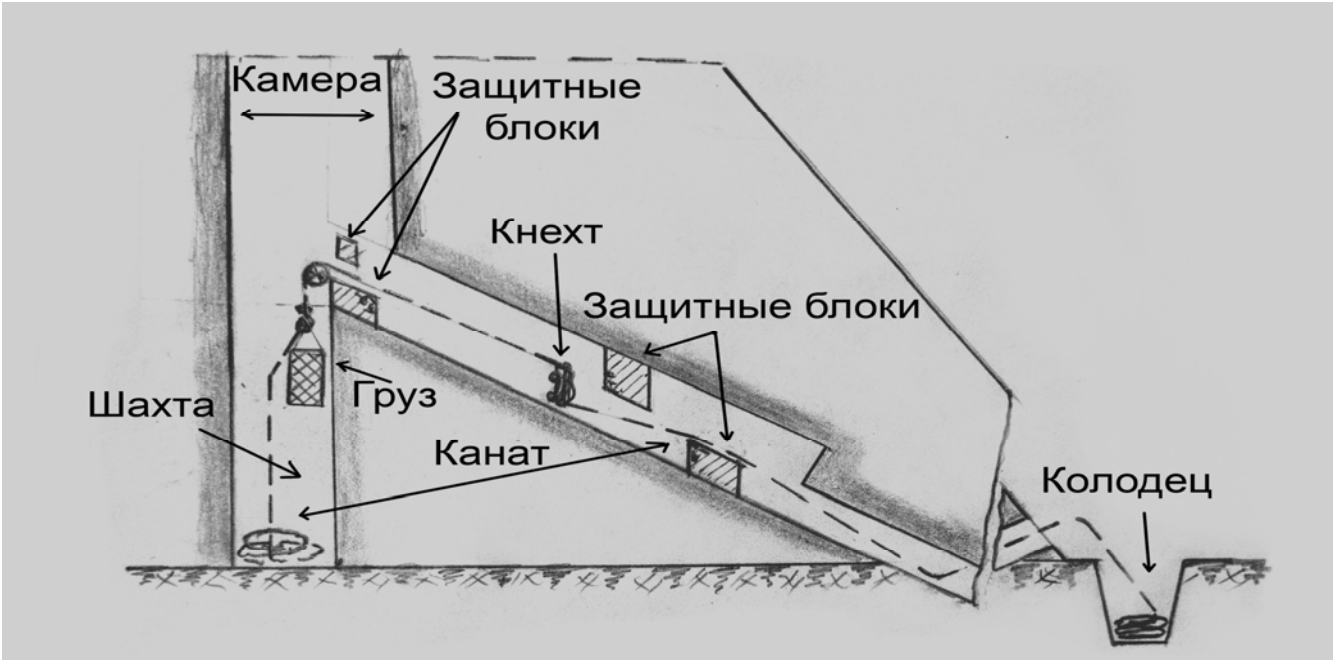

Рис. 11. ***Испытание канатов в спутнице (рис. автора)***
Fig. 11. ***Test ropes in the companion pyramid (author's sketch)***

Канат пропускали вверх по Малой галерее. Он огибал пороговый блок и спускался в шахту. Там его крепили к грузовой площадке, а затем вытягивали к выходу, чтобы площадка поднялась над полом шахты, и канат крепили за кнехт. Далее пропускали между блоками. Блоки установлены так, что между ними остаётся свободное пространство для прохода. Они служили страховочным щитом для рабочих во время проверки канатов на разрыв. Наносили метку на канат на уровне контрольной полосы на стене шахты. Затем на площадку укладывали груз, и замеряли удлинение каната. Далее догружали площадку до полного разрушения каната. Метки на стенах шахты могли указывать вид проверяемых канатов (одинарная свивка, двойная, а также размер допускаемого растяжения каната). Все метки находятся на высоте 2 м от пола шахты и нанесены узкой полосой по всему периметру на уровне глаз человека, работающего в ней.

Бич всей Африки – песок. Он проникает в малейшие щели, и от этого быстро изнашиваются все механизмы и их важнейшие детали. Особенно страдают резинотехнические изделия. Не случайно современные

трассы авторалли, где проверяется автотранспорт на выживаемость, проходят в пустынях среди песков. Такому же износу подвергались и загрязнённые песком канаты. С песком боролись всеми средствами, поэтому и поднимали входы в пирамиды над поверхностью. Хоть на метр, но поднимали. В крупных пирамидах монтировали даже приямки для сбора песка.

Доказательством того, что там проводились испытания на разрыв, служат следы разрушения блоков. Уточняя информацию о состоянии блоков (в письме автору), А. Пучков пишет: «…тот, что имеет меньшую высоту, может быть вообще спрессованным известняковыми осколками, извлечёнными из шахты». Почему они в таком состоянии? Объяснение одно: какими бы ни были удары лопнувших канатов о защитные блоки, но и камень не вечен. Заменить камни внутри пирамиды невозможно, вот и приходилось их ремонтировать, скрепляя осколки раствором. Но стена камеры напротив входа – без следов разрушения. Это возможно только в том случае, если сверху порогового блока на входе в камеру находился ещё один страховочный блок. Можно допустить, что именно его осколки вместе с мусором выбросил А. Хусейн, очищая шахту [6]. Здесь уместен вопрос – почему такая пирамида только у Ломаной пирамиды? Будем исходить из того, что мастерская планировалась для обслуживания только строящейся южной Ломаной пирамиды у Дашура. Однако потом она стала работать и на Красную пирамиду. Сын Снефру как практичный человек, если судить по завершающей стадии строительства пирамиды отца, решил использовать её и для постройки своей пирамиды. А зачем строить новую? Проверенные канаты грузили на лодки и доставляли к строящейся пирамиде Хеопса**,** Хефрена, Микерина [7–8].

Если примем версию, что спутница Ломаной пирамиды – мастерская, то эти спутницы пирамид – склады для хранения. Туда завозили из спутницы Ломаной пирамиды прошедшие испытания верёвки и канаты и, возможно, там хранили особо ценные инструменты. То есть это не что иное, как подсобные помещения на время строительства пирамид. Кроме этих спутниц-пирамид на плато рядом с пирамидами Микерина и Хефрена находятся ещё четыре [6]. Первые три пирамиды обозначаются как G1-a, G1-b и G1-c. Сторона основания первой равна 49,5 м, второй – 49 м, третьей – 46,9 м [3; 9].

На основании изложенного можно утверждать, что спутница пирамиды Снефру – мастерская. Другие спутницы – подсобные помещения при строительстве пирамид и никакого ритуального назначения не имеют.

Литература

1. Фахри А. Древние загадки Фараонов. М.: Центрполитиздат, 2008. 256 с.
2. Пучков А. Дашур. Спутница ломаной пирамиды. 2013 // Исида. Режим доступа: http://isida-project.org/egypt_december_2013/bnt_pyramid_sat.htm (дата обращения: 12.03.2016).
3. Замаровский В. Их Величества пирамиды. М.: Наука, 1986. 108 с.
4. Филанович Т. М. Тайны древних пирамид. М.: РИПОЛ классик, 2005. 416 с.
5. Пучков А. Комплекс Ломаной Пирамиды. Факты, идеи, гипотезы. 2013 // Исида. Режим доступа: http://isidaproject.org/publ/stati/drevnie_sooruzhenija/kompleks_lomanoj_piramidy_fakty_idei_gipotezy/6-1-0-(дата обращения: 18.01.2017).
6. Bohstrom P. Divers Uncover World's Oldest Harbor, in Red Sea // Haaretz. 23.11.2016. Режим доступа: http://www.haaretz.com/jewish/archaeology/1.754616?utm_source=dlvr.it&utm_medium=twitter&v=D3FB3361B9261484C5EFAD205C75C50A (дата обращения: 12.03.2017).
7. Перринг Д. Пирамиды в Гизе. Ч. III. Пирамиды южнее Гизе. Лондон, 1837.
8. Скляров А. Ю. Пирамиды. Загадки строительства и назначения. М.: Вече, 2013. 288 с.
9. Египтопедия: Энциклопедия Древнего Египта. Режим доступа: egyptopedia.info (дата обращения: 18.01.2017).

EGYPT. DASHUR. THE COMPANION OF THE PYRAMID OF SNEFRU: ITS FUNCTION HAS BEEN REVEALED AS TESTING CABLE ENDURANCE

Alexandr M. Yaroschuk [1,@]

[1] *Kemerovo Union of Russian Writers, 40, Sovetskii Ave., Kemerovo, Russia, 650000*
[@] kemprosaik@mail.ru

Received 23.03.2017.
Accepted 17.05.2017.

Keywords: Companion of the Bent Pyramid of Sneferu, well, Small gallery, camera, shaft.

Abstract: The article investigates the design and the mission of the companion of the Bent Pyramid of Snefru in Dashur. Scientists have confirmed that the companion Pyramid is not the tomb of Queen Hetepheres and not a place of other ritual uses. Today, there is no convincing explanation of its purpose. Based on the results of recent studies of ISIDA (The Research Community on the Study of Ancient Artifacts) 2012–2013, the author puts forward a version that the companion of the Pyramid of Snefru served as a test platform for cable endurance. The structural elements of the pyramid – the blocks with the signs of the damage from mechanical impact of snapped cables, the vertical shaft with signs of test results on the walls, as well as the cable tier at the pyramid entrance to keep the tested cables – confirm this version. The presence of the circular paired holes for logs cut out in the walls of the corridor (for mounting a bollard) in front of the block at the camera side is consistent with the purpose of this structure.

For citation: Yaroschuk A. M. Egipet. Dashur. Sputnitsa Lomanoi piramidy Snefru. Otkryta ee funktsiia – proverka kanatov na prochnost' [Egypt. Dashur. The Companion of the Pyramid of Snefru: its Function has been Revealed as Testing Cable Endurance]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2017): 104–109. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-3-104-109.

References

1. Fakhry A. *Drevnie zagadki Faraonov* [The ancient mysteries of the Pharaohs]. Moscow: Tsentrpolitizdat, 2008, 256.
2. Puchkov A. *Dashur. Sputnitsa lomanoi piramidy* [Dashur. Companion of the broken pyramid]. 2013. Available at: http://isida-project.org/egypt_december_2013/bnt_pyramid_sat.htm (accessed 12.02.2017).
3. Zamarovskii V. *Ikh Velichestva piramidy* [Their Majesty the Pyramids]. Moscow: Nauka, 1986, 108.
4. Filanovich T. M. *Tainy drevnikh pyramid* [Secrets of the ancient pyramids]. Moscow: RIPOL klassik, 2005, 416.
5. Puchkov A. *Kompleks Lomanoi Piramidy. Fakty, idei, gipotezy* [Complex Sloping Pyramid. Facts, ideas, hypotheses]. 2013. Available at: http://isida-project.org/publ/stati/drevnie_sooruzhenija/kompleks_lomanoj_piramidy_fakty_idei_-gipotezy/6-1-0-8 (accessed 12.02.2017).
6. Bohstrom P. Divers Uncover World's Oldest Harbor, in Red Sea. *Haaretz.* 23.11.2016. Available at: http://www.haaretz.com/jewish/archaeology/1.754616?utm_source=dlvr.it&utm_medium=twitter&v=D3FB3361B9261484C5EFAD205C75C50A (accessed 12.03.2017).
7. Perring D. *Piramidy v Gize. Chast' III. Piramidy Gize* [The pyramids of Giza. Part III. The pyramids South of Giza]. London, 1837.
8. Skliarov A. Iu. *Piramidy. Zagadki stroitel'stva i naznacheniia* [Pyramid. Riddle construction and purpose]. Moscow: Veche, 2013, 288.
9. *Egiptopediia: Entsiklopediia Drevnego Egipta* [Egyptopedia: Encyclopedia of Ancient Egypt]. Available at: egyptopedia.info (accessed 12.02.2017).

УДК 159.91:376.42

МОРФОФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ И ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕТЕЙ С НАРУШЕНИЯМИ УМСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

***Нина Г. Блинова*[1, @1, *]*, Наталья Н. Кошко*[2, @2, *]*, Рамиль М. Акбиров*[1, @1, *]**

[1] *Кемеровский государственный университет, Россия, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6*
[2] *Кузбасский региональный центр психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи «Здоровье и развитие личности», Россия, 650023, г. Кемерово, пр. Ленина, 126а*
[@1] ngb_valeo@mail.ru
[@2] koshko80@mail.ru

Поступила в редакцию 05.10.2016.
Принята к печати 22.12.2016.

Ключевые слова: физическое и психофизиологическое развитие детей, нарушения умственного развития.

**** Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ проект № 15–16–42005 «Разработка, апробация и внедрение системы медико-социального и психолого-физиологического сопровождения семейного устройства воспитанников образовательных организаций интернатного типа для детей-сирот и оставшихся без попечения родителей».***

Аннотация: Статья посвящена изучению морфофункциональных и психофизиологических особенностей детей с нарушениями умственного развития. Обследованы учащиеся 1-х классов общеобразовательной школы психолого-педагогической поддержки – дети 7–9 лет, обоего пола, имеющие различные заболевания центральной нервной системы (олигофрения разной степени, синдром Дауна, аутизм, эпилепсия). Все дети характеризовались разной степенью умственной отсталости. Установлено, что степень умственной отсталости и характер поражения центральной нервной системы по разному влияют на выраженность отклонений в гармоничности физического развития, нарушении осанки, уровне развития мелкой моторики рук, особенностях формирования функциональной асимметрии мозга и пространственного восприятия у обследуемых детей. В группе детей с легкой степенью умственной отсталости меньше представителей с низким уровнем развития мелкой моторики рук, неопределенными признаками функциональной асимметрии мозга и низким уровнем пространственного восприятия по сравнению с детьми с тяжелой степенью умственной отсталости и синдромами Дауна и аутизма.

Для цитирования: Блинова Н. Г., Кошко Н. Н., Акбиров Р. М. Морфофункциональные и психофизиологические особенности детей с нарушениями умственного развития // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 3. С. 110–116. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-3-110-116.

Одной из актуальных задач современного общества является интеграция детей с различными заболеваниями центральной нервной системы в социум. Характерной особенностью таких детей является наличие у них разнообразных дефектов психического и физического развития, обусловленных нарушениями центральной нервной системы различной этиологии. Характерной особенностью детей с различными психическими заболеваниями является наличие у них задержки функциональной латерализации коры больших полушарий, поражение ассоциативных зон коры головного мозга, приводящее, как правило, к умственной отсталости разной степени, а также значительные нарушения физического развития и отставание в психомоторном развитии [1–4]. Такие дети нуждаются в особом внимании со стороны педагогов, психологов и медицинских работников, поэтому обучаются в специальных образовательных учреждениях в условиях комплексного здоровьесберегающего сопровождения, включающего своевременную диагностику и соответствующую коррекционно-развивающую работу.

Для осуществления индивидуального подхода в здоровьесберегающем сопровождении процесса обучения детей с нарушениями умственного развития в специальных учебных заведениях были исследованы особенности физического и психофизиологического развития детей с учетом основного заболевания. В соответствии с целью исследования были обследованы учащиеся 1-х классов общеобразовательной школы психолого-педагогической поддержки № 101 г. Кемерово в количестве 61 человека (47 мальчиков и 14 девочек) в возрасте от 7 до 9 лет. В начале учебного года у всех учащихся проводились антропометрические измерения (длина и масса тела, окружность груди в покое и при максимальном вдохе), измерялась толщина кожно-жировых складок в 6 точках и глубина шейного и поясничного изгибов. Проводилась оценка гармоничности физического развития с помощью возрастно-половых оценочных таблиц, степени жироотложения, уровня развития мелкой моторики руки по методике подсчёта синкинезий, определялся вид осанки. Исследовались индивидуальные особенности функциональной асимметрии мозга (ФАМ) и пространственного

восприятия [5–6]. Статистическая обработка результатов проводилась с помощью программы «Statistica 7.0».

Все обследуемые первоклассники характеризовались наличием определённых нарушений центральной нервной системы (олигофрения разной степени, синдром Дауна, аутизм, эпилепсия), что проявлялось в разной степени умственной отсталости и нарушениях речи. В зависимости от основного заболевания были сформированы 4 группы учащихся:

1 группа включала детей с ЗПР легкой степени (они могли свободно, без затруднений разговаривать и успешно проходили учебную программу);

2 группа – детей с ЗПР со средней и тяжелой степенью (они имели проблемы с речью и не справлялись с основной школьной программой);

3 группа – детей с синдромом Дауна;

4 группа – детей с синдромом аутизма.

Результаты антропометрического обследования первоклассников показали, что низкий рост наблюдается у 40 % мальчиков и 42 % девочек, высокий рост – у 28 % мальчиков и 17 % девочек. Как известно, длина тела является ведущим показателем физического развития ребёнка, поэтому отставание в росте на 10–20 % требует незамедлительной консультации врача и особой коррекционной программы [7]. Индивидуальная оценка длины тела с учетом заболевания выявила следующие различия: в 1-й и особенно во 2-й группах (ЗПР) количество детей с ростом, соответствующим возрасту, было меньше по сравнению с 3-й и 4-й группами (рис. 1). Дети с ЗПР, как правило, имеют и задержку физического развития, поэтому позже начинают ходить и имеют более низкий рост, чем здоровые сверстники [2; 8].

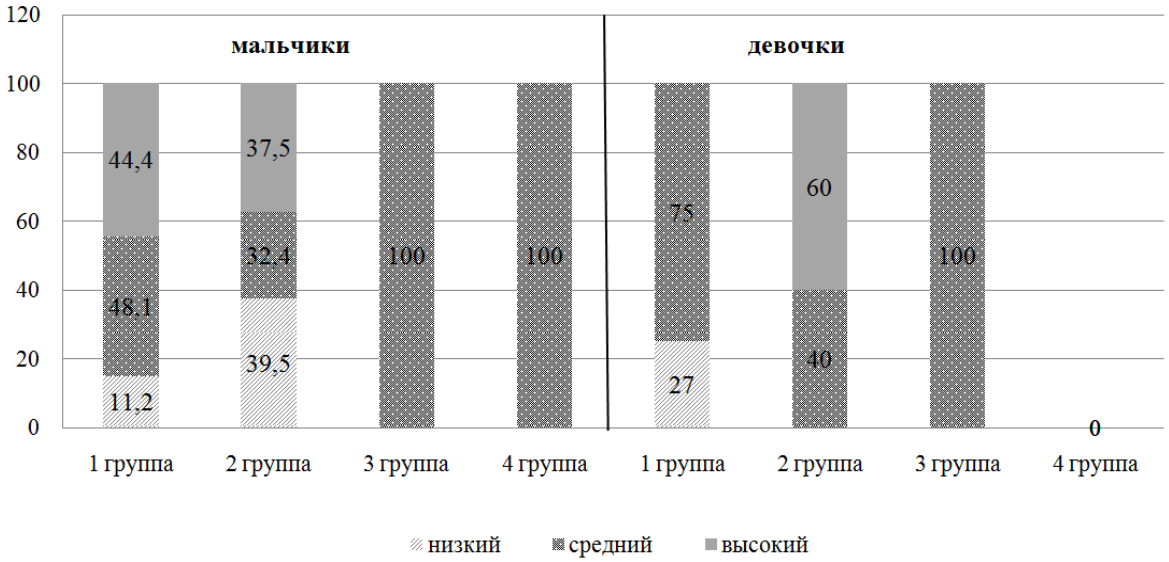

Рис. 1. ***Распределение детей по уровню роста в разных группах***
Fig. 1. ***Children's body length distribution in different groups***

При индивидуальной оценке у детей гармоничности физического развития у 40 % первоклассников выявлен вес тела, соответствующий возрастной и половой норме, но у 22 % мальчиков и 34 % девочек установлен недостаток массы тела, а у 35 % мальчиков и 25 % девочек – избыточный вес (рис. 2). Установлено, что большая половина детей 1-й группы имеет нормальную массу тела, а во 2-й группе нормальную массу тела имеют только 25 % мальчиков и 33,4 % девочек. У остальных детей наблюдается как дефицит, так и избыток массы тела. Дефицит массы тела может быть вызван отставанием биологического развития, недостатком двигательной активности и несбалансированностью питания [7]. В 3-й группе у детей с синдромом Дауна все мальчики и половина девочек отличаются избытком массы тела, что является характерным для детей с умственной отсталостью, в том числе с болезнью Дауна, уже с первого года жизни по причине склонности к перееданию. Причиной этого, по их мнению, является в первую очередь низкий уровень двигательной активности, а также связанный с психическим заболеванием патогенез ожирения в связи с энергетическим дисбалансом и дисбалансом нутриентов [2].

Повышенную степень жироотложения имели 21 % мальчиков и 13 % девочек. В то же время две трети мальчиков отличались средней степенью жироотложения, а более половины девочек – низкой степенью жироотложения. Нозологическая форма психического заболевания оказала определенное влияние на степень жироотложения обследованных учащихся: половина мальчиков 4-й и девочек 3-й групп и все мальчики 3-й группы имели высокий уровень жироотложения в отличие от 1-й и 2-й групп, где процент таких детей был значительно меньше (рис. 2).

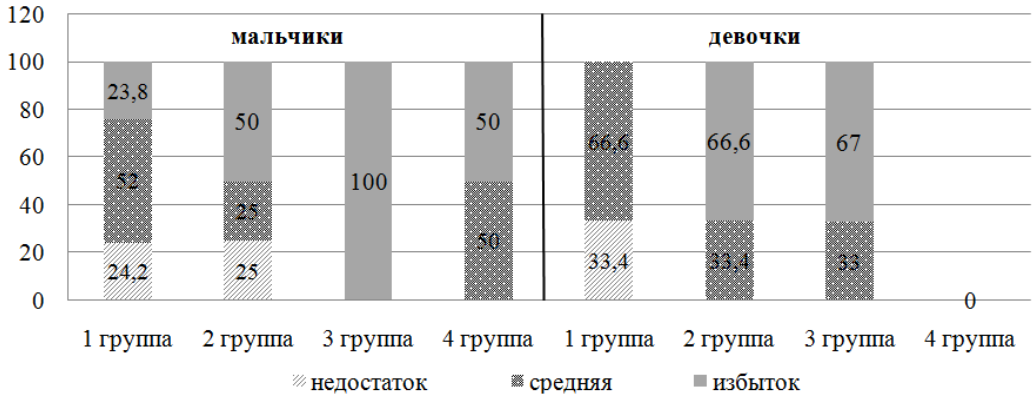

Рис. 2. ***Распределение детей по массе тела в разных группах***
Fig. 2. ***Children's body weight distribution in different groups***

Большинство наблюдаемых детей (более 80 %) имели различные виды нарушения осанки, причиной чего является дисгармоничность и отставание физического развития, а также недостаток организованной двигательной активности. Это привело к формированию слабого мышечного каркаса у детей, обуславливающего в свою очередь нарушения у них осанки. У мальчиков чаще наблюдается кифотическая, а у девочек лордотическая осанка. Выявление вида осанки у детей разных групп установило, что правильную осанку имели только четверть детей 1-й и 2-й групп и все девочки 3-й группы, а у большинства были установлены различные виды нарушения осанки. У детей 1 группы преобладали кифотический и сутуловатый вид осанки, во 2-й группе – лордотический, а также кифотическая осанка у мальчиков и выпрямленная у девочек, и в 4-й группе – кифотическая и лордотическая осанка у мальчиков.

Обследование позволило выявить большое количество детей с низким уровнем развития мелкой моторики руки (83–100 %), что характерно для детей с умственной отсталостью и нарушениями речи. Известно, что неокортекс управляет движениями с пересечением средней линии тела, сложно координированными движениями, глазодвигательными координациями, в том числе связанными с чтением и письмом. Патология на этом уровне проявляется в нарушениях тонкой координации движений, моторной неловкостью, трудностями при обучении чтению и письму [2; 8–9]. Только в 1-й группе у 42,8 % девочек установлен средний уровень развития мелкой моторики руки. Это можно объяснить наличием легкой степени умственной отсталости у детей этой группы, что определяет достаточную степень развития мелкой моторики. По сравнению с ними некоторые дети с синдромом Дауна (3 группа) и аутизмом этот тест вообще не смогли выполнить.

При исследовании индивидуального профиля функциональной асимметрии мозга у детей с умственной отсталостью установлено, что у половины девочек и мальчиков происходит задержка латерализации мозга, и они имеют неопределенный профиль асимметрии (рис. 3). Наличие у трети мальчиков и около 40 % девочек левостороннего профиля индивидуальной асимметрии мозга обусловлено, как правило, патологическими нарушениями разной этиологии левого полушария [10–11]. Это проявляется в глобальном, недифференцированном реагировании левого полушария на значимые и незначимые стимулы зрительного восприятия [11].

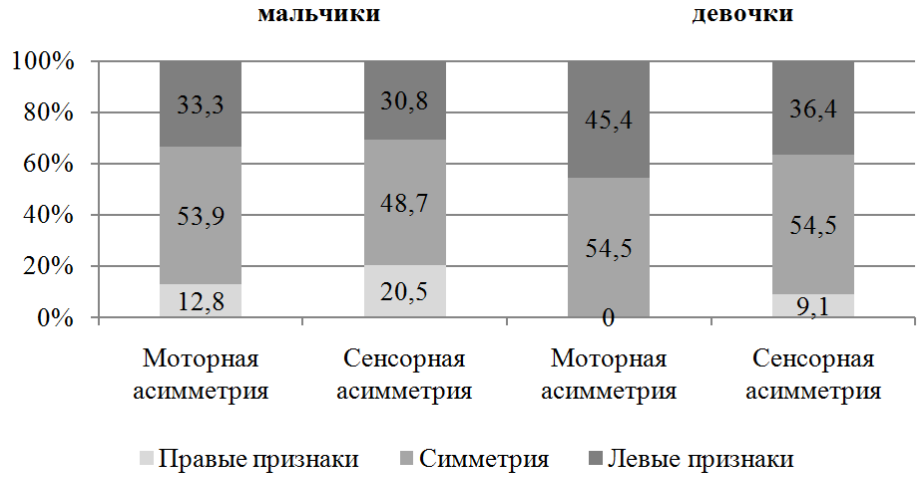

Рис. 3. ***Процентное распределение детей с нарушениями умственного развития на группы по преобладанию латеральных признаков функциональной асимметрии мозга***
Fig. 3. ***Percentage distribution of children with mental disabilities in the group by the prevalence of lateral signs of functional brain asymmetry.***

При оценке результатов обследования детей с учетом заболевания и уровня умственной отсталости были получены следующие различия: в моторной асимметрии у детей во всех исследуемых группах преобладают неопределенные признаки, свидетельствующие о симметрии ФАМ, также видна значительная доля правых признаков. Количество детей с правыми и левыми признаками в моторной функциональной асимметрии в разных группах практически не различалось. Это говорит о раннем формировании моторной ФАМ, а большой процент детей с неопределенными признаками – об отставании в развитии моторной ФАМ, которое может влиять на нарушение координации движений и пространственной ориентации [10; 12–13].

У детей 1-й группы выявлена наибольшая дифференциация по показателю сенсорной асимметрии с наименьшим процентом представителей с неопределенными признаками и наибольшим процентом с левыми признаками (рис. 4). В то же время наименьшую латеризацию этого признака можно увидеть у детей 4-й группы – с аутизмом. Важно отметить то, что у детей из 1-й группы наблюдается наибольшая доля правых признаков в сенсорной асимметрии (40 %) по сравнению с остальными. Это может объяснить тот факт, что у детей из 2-й и 4-й групп больше выражена степень нарушения речи и трудности в понимании речи, которые могут быть вызваны нарушениями в левой височной доле больших полушарий [12–14]. Дети с синдромом Дауна (3 группа) тесты для оценки ФАМ не смогли выполнить.

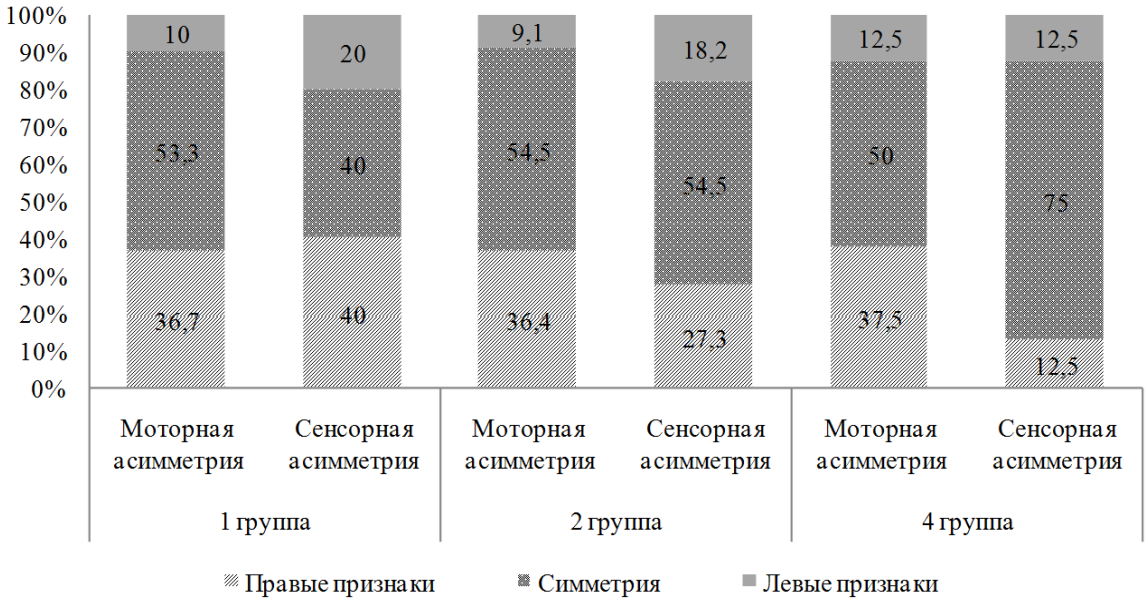

Рис. 4. ***Процентное распределение детей разных групп по преобладанию латеральных признаков функциональной асимметрии мозга***
Fig. 4. ***Percentage distribution of children in different groups by the predominance of lateral signs of functional brain asymmetry***

Показано, что дети с умственной отсталостью обладают более слабой способностью пространственной ориентации, чем здоровые дети, что обусловлено низким уровнем ориентации умственно отсталого ребенка «на себе» [10–12]. Результаты исследования показали, что обследуемые дети лучше различают понятия верх-низ – 60 % мальчиков и 70 % девочек показали средний и высокий уровень пространственной ориентировки, а наименее сформирована оказывается ориентировка в таких дифференцированных отношениях, как справа-слева (у 50 % – низкий уровень), что совпадает с неуверенным различением правого и левого направлений. Сравнительный анализ индивидуальных особенностей сформированности пространственного восприятия у первоклассников разных групп показал, что в 1-й группе преобладают дети со средним и высоким уровнем умений различать левую и правую стороны, верх и низ по сравнению с девочками и мальчиками 2-й группы (рис. 5).

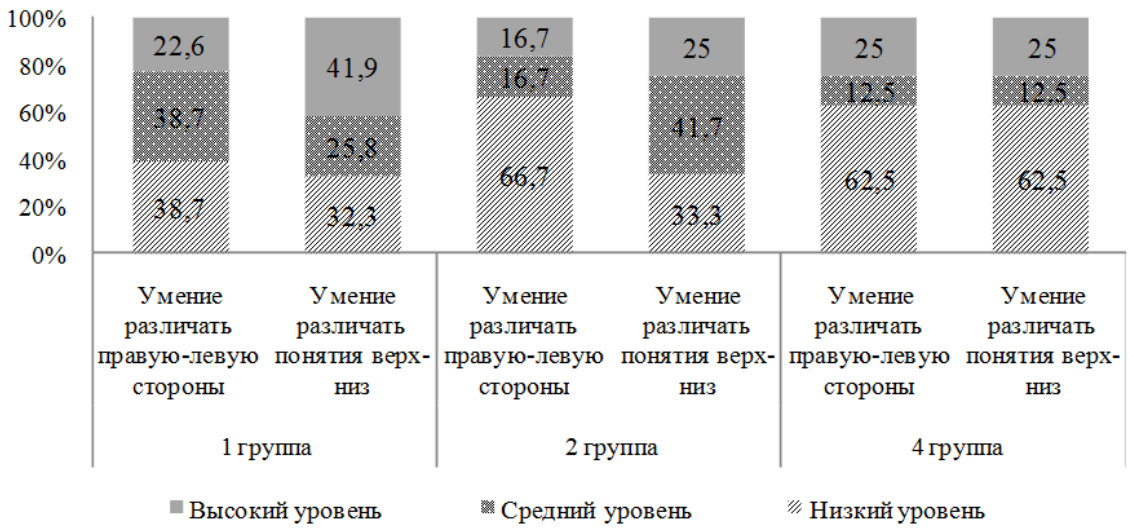

Рис. 5. ***Процентное распределение детей разных групп по уровню развития пространственного восприятия***
Fig. 5. ***Percentage distribution of children in different groups by level of development of spatial perception***

Это связано с тем, что во 2-й группе были дети с тяжелой степенью умственной отсталости, следовательно, со значительным нарушением формирования схемы тела и несформированностью перекрестной латеральности. В силу значительной недостаточности межполушарной латеритизации мозга у большинства детей из 4-й группы установлен низкий уровень пространственного восприятия. В 1 группе учащихся меньше представителей с низким уровнем развития мелкой моторики руки, неопределенными признаками функциональной асимметрии мозга и низким уровнем пространственного восприятия, чем у детей с тяжелой степенью умственной отсталости, синдромами Дауна и аутизма.

Таким образом, степень умственной отсталости и характер поражения центральной нервной системы у обследуемых детей по-разному влияет на значительность отклонений в гармоничности физического развития, нарушении осанки, уровне развития мелкой моторики руки, особенностях формирования функциональной асимметрии мозга и пространственного восприятия.

Литература

1. Актуальные проблемы нейропсихологии детского возраста: учебное пособие / под ред. Л. С. Цветковой. М.: МПСИ, 2006. 296 с.

2. Коновалова Н. Г., Колтунова А. А., Коновалова А. В. Нейрофизиологическое обоснование физических тренировок детей младшего возраста с перинатальным поражением центральной нервной системы // Сибирский педагогический журнал. 2010. № 6. С. 208–217.

3. Фишман М. Н. Функциональное состояние коры и регуляторных структур ствола у детей с нарушениями речевого развития // Физиология человека. 2001. Т. 27. № 5. С. 30–34.

4. Robinson K. E., Pearson M. M., Cannistraci C. J., Anderson A. W., Kuttesch J. F., Wymer K., Smith S. E., Park S., Compas B. E. Functional neuroimaging of working memory in survivors of childhood brain tumors and healthy children: Associations with coping and psychosocial outcomes // Child Neuropsychology: A Journal on Normal and Abnormal Development in Childhood and Adolescence. 2014. № 21(6). P. 779–802. DOI: 10.1080/09297049.2014.924492.

5. Забрамная С. Д., Боровик О. В. Практический материал для проведения психолого-педагогического обследования детей: пособие для психолого-педагогических комиссий. М.: Владос, 2008. 115 с.

6. Практикум по психофизиологической диагностике: учебное пособие для студ. высш. уч. завед. М: Владос, 2000. 128 с.

7. Безруких М. М., Сонькин В. Д., Фарбер Д. А. Возрастная физиология (физиология развития ребёнка): учебное пособие; 2-е изд., стер. М.: Академия, 2009. 416 с.

8. Свиридова И. А., Кошко Н. Н., Блинова Н. Г., Фёдоров И. А., Варич Л. А., Шагвалиева Е. А. Морфофункциональные и психофизиологические особенности детей, оставшихся без попечения родителей // Современные проблемы науки и образования. 2015. №6-0. С. 664.

9. Шипицына Л. М. Нейропсихологические аспекты диагностики детей в процессе коррекционно-развивающего обучения // Дефектология. 1999. № 5. С. 3–10.

10. Реброва Н. П., Чернышова М. П. Функциональная межполушарная асимметрия мозга человека и психические процессы. СПб.: Речь, 2004. 60 с.

11. Annett M. Handedness and brain asymmetry: The right shift theory. Hove, UK: Psychology Press, 2002. 396 p.

12. Блинова Н. Г., Кошко Н. Н., Акбиров Р. М. Психофизиологическое сопровождение обучающихся с ранним детским аутизмом // Сибирский вестник специального образования. 2016. № 1–2. С. 32–35.

13. Morillon B., Lehongre K., Frackowiak R. S., Ducorps A., Kleinschmidt A., Poeppel D., Giraud A. L. Neurophysiological origin of human brain asymmetry for speech and language // Proc Natl Acad Sci U S A. 2010. V. 107. № 43. P. 18688–18693.

14. Брин И. Л., Дунайкина М. Л., Шейнкман О. Г. Нейропсихологические аспекты аутистических расстройств у детей и вопросы терапии // Организация психолого-педагогической и медико-социальной помощи лицам с расстройствами аутистического спектра. 2009. С. 61–73.

MORPHOFUNCTIONAL AND PSYCHOPHYSIOLOGICAL FEATURES IN CHILDREN WITH INTELLECTUAL DISORDERS

***Nina G. Blinova*[1, @1, *], *Nataliya N. Koshko*[2, @2, *], *Ramil M. Akbirov*[1, @1, *]**

[1] *Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000*
[2] *Kuzbass Regional Center for Psychological and Educational, Health and Social Care "Health and Personal Development", 126a, Lenin Ave., Kemerovo, Russia, 650023*
[@1] ngb_valeo@mail.ru
[@2] koshko80@mail.ru

Received 05.10.2016.
Accepted 22.12.2016.

Keywords: physical and psychophysiological development of children, disorders of mental development.

**** The work was supported by the Russian Foundation for Humanities Project № 15-16-42005 «Development, testing and introduction of the system of social health and psycho-physiological accompaniment to the family unit of educational organizations boarding pupils for orphans and children left without parental care".***

Abstract: The article studies morphofunctional and psychophysiological features in children with mental disabilities. The research features 7–9-year-old children, both male and female, with different central nervous system diseases (various degrees of mental retardation, Down's syndrome, autism, epilepsy). All the children were characterized by various degrees of mental retardation. The degree of mental retardation and the type of central nervous system affect, in various ways, the severity of abnormalities in physical development, impaired posture, manual dexterity development, especially the formation of functional brain asymmetry and spatial perception. In the group of children with mild mental retardation there were fewer examples of low manual dexterity development, uncertain signs of functional asymmetry of the brain and low levels of spatial perception compared to the group of children with severe mental retardation, Down syndrome and autism.

For citation: Blinova N. G., Koshko N. N., Akbirov R. M. Morfofunktsional'nye i psikhofiziologicheskie osobennosti detei s narusheniiami umstvennogo razvitiia [Morphofunctional and Psychophysiological Features in Children with Intellectual Disorders]. *Bulletin of Kemerovo State University,* no. 3 (2017): 110–116. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-3-110-116.

References

1. *Aktual'nye problemy neiropsikhologii detskogo vozrasta* [Actual problems of pediatric neuropsychology]. Ed. Tsvetkova L. S. Moscow: MPSI, 2006, 296.

2. Konovalova N. G., Koltunova A. A., Konovalova A. V. Neirofiziologicheskoe obosnovanie fizicheskih trenirovok detei mladshego vozrasta s perinatal'nym porazheniem central'noi nervnoj sistemy [Neurophysiological study of physical training of young children with perinatal lesions of the central nervous system]. *Sibirskii pedagogicheskii zhurnal = Siberian Pedagogical Journal*, no. 6 (2010): 208–217.

3. Fishman M. N. Funktsional'noe sostoianie kory i reguliatornykh struktur stvola u detei s narusheniiami rechevogo razvitiia [The functional state of the cortex trunk and regulatory structures in children with impaired speech development]. *Fiziologiia cheloveka = Human physiology*, 27, no. 5 (2001): 30–34.

4. Robinson K. E., Pearson M. M., Cannistraci C. J., Anderson A. W., Kuttesch J. F., Wymer K., Smith S. E., Park S., Compas B. E. Functional neuroimaging of working memory in survivors of childhood brain tumors and healthy children: Associations with coping and psychosocial outcomes. *Child Neuropsychology: A Journal on Normal and Abnormal Development in Childhood and Adolescence*, 21(6) (2014): 779–802. DOI: 10.1080/09297049.2014.924492.

5. Zabramnaia S. D., Borovik O. V. *Prakticheskii material dlia provedeniia psikhologo-pedagogicheskogo obsledovaniia detei* [Practical material for psychological and pedagogical examination children]. Moscow: Vlados, 2008, 115.

6. *Praktikum po psikhofiziologicheskoi diagnostike* [Workshop on psychophysiological diagnostics]. Moscow: Vlados, 2000, 128.

7. Bezrukikh M. M., Son'kin V. D., Farber D. A. *Vozrastnaia fiziologiia (fiziologiia razvitiia rebenka)* [Developmental physiology (physiology of a child)]. 2nd ed. Moscow: Akademiia, 2009, 416.

8. Sviridova I. A., Koshko N. N, Blinova N. G., Fiodorov I. A., Varich L. A., Shagvalieva E. A. Morfofunkcional'nye i psihofiziologicheskie osobennosti detei, ostavshihsia bez popecheniia roditelei [Morpho-functional and psychophysiological features of children left without parental care]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia = Modern problems of science and education*, no. 6-0 (2015): 664.

9. Shipitsyna L. M. Neiropsikhologicheskie aspekty diagnostiki detei v protsesse korrektsionno-razvivaiushchego obucheniia [Neuropsychological aspects of children in the process of diagnosing Correction and Development Training]. *Defektologiia = Defectology*, no. 5 (1999): 3–10.

10. Rebrova N. P., Chernyshova M. P. *Funktsional'naia mezhpolusharnaia asimmetriia mozga cheloveka i psikhicheskie protsessy* [Functional hemispheric asymmetry of the human brain and mental processes]. Saint-Petersburg: Rech ', 2004, 60.

11. Annett M. *Handedness and brain asymmetry: The right shift theory*. Hove, UK: Psychology Press, 2002, 396.

12. Blinova N. G., Koshko N. N., Akbirov R. M. Psihofiziologicheskoe soprovozhdenie obuchaiushhihsia s rannim detskim autizmom [Psychophysiological support students with early infantile autism]. *Sibirskii vestnik spetsial'nogo obrazovaniia = Siberian bulletin special education*, no. 1-2 (2016): 32–35.

13. Morillon B., Lehongre K., Frackowiak R. S., Ducorps A., Kleinschmidt A., Poeppel D., Giraud A. L. Neurophysiological origin of human brain asymmetry for speech and language. *Proc Natl Acad Sci U S A*, 107, no. 43 (2010): 18688–18693.

14. Brin I. L., Dunaikin M. L., Sheinkman O. G. Neiropsikhologicheskie aspekty autisticheskikh rasstroistv u detei i voprosy terapii [Neuropsychological aspects of autism spectrum disorders in children and problems of therapy]. *Organizatsiia psikhologo-pedagogicheskoi i mediko-sotsial'noi pomoshchi litsam s rasstroistvami autisticheskogo spectra* [The organization of psychological-pedagogical and medico-social care for people with autism spectrum disorders]. 2009, 61–73.

УДК 159.9.072

ФОРМИРОВАНИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ О ЧЕЛОВЕКЕ КАК РЕЗУЛЬТАТ ЦЕЛОСТНОЙ И ПОЭЛЕМЕНТНОЙ ОБРАБОТКИ ЛИЦЕВЫХ СИГНАЛОВ

***Светлана В. Зорина*[1, @1], *Оксана А. Камзина*[1, @2]**

[1] *Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, Россия, 443086, г. Самара, Московское шоссе, 34*
[@1] aramitch@mail.ru
[@2] komoa@mail.ru

Поступила в редакцию 18.04.2017.
Принята к печати 06.09.2017.

Ключевые слова: формирование впечатления, физическая привлекательность, социальное познание, аномалии лица, целостный и поэлементный пути формирования впечатления, социальные суждения, социальная перцепция, надежность.

Аннотация: Впечатление о человеке формируется как результат взаимодействия нескольких сигналов. Согласно целостному (конфигуральному) пути формирования впечатления значение лицевых сигналов зависит от контекста (может изменяться при наличии других знаков). В соответствии с поэлементным путем социальные суждения зависят от вклада каждого из лицевых факторов, обладающих инвариантным значением. В настоящей работе изучалось формирование впечатления при восприятии двух лицевых характеристик: физической привлекательности и аномальности (представленной орбитальным гипертелоризмом) для вынесения социальных суждений о чертах личности, межличностной привлекательности и надежности. Мы ожидали, что впечатление от лиц в зависимости от физической привлекательности и аномальности будет сформировано с использованием целостного и поэлементного путей. В эксперименте 4 группы испытуемых (144 человека) оценивали физически привлекательные и непривлекательные лица с увеличенным и нормальным межглазным расстоянием. Взаимодействие физической привлекательности и аномальности, соответствующее целостному пути, определило оценку надежности, выраженную через приписываемые черты (опасность) и криминальные потенции (вероятность совершения разных типов преступлений). Независимое влияние физической привлекательности и лицевых признаков орбитального гипертелоризма оказало влияние на оценку степени потенциальной межличностной близости. Формирование впечатления при наличии двух лицевых сигналов было осуществлено в соответствии с целостным и поэлементным путями. Актуализация путей формирования впечатления зависит от релевантности лицевого фактора и социальных суждений.

Для цитирования: Зорина С. В., Камзина О. А. Формирование впечатления о человеке как результат целостной и поэлементной обработки лицевых сигналов // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 3. С. 117–124. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-3-117-124.

Введение

Лица окружающих нас людей обладают множеством особенностей. Лицевые признаки возраста, пола, расы, различных диспозиций и состояний образуют сложную смесь сигналов, обрабатывая которую, люди формируют впечатление. В социальной психологии понятие «формирование впечатления» используется для описания процесса и результата организации различных частей информации о человеке в единое, интегрированное целое [1]. Исследования формирования впечатления, осуществляемые традиционно на материале черт, показали использование двух способов организации информации. Эти способы объединения элементов информации в общее впечатление можно обозначить как «пути», имея в виду их качественное своеобразие, обеспечивающие продвижение к различающимся результатам. Традиционно в контексте проблематики исследуемой области эти подходы развивались автономно, иногда даже противопоставляясь друг другу, при том что они описывают разные способы решения одной задачи – складыванию общего впечатления.

Целостный путь рассматривает формирование впечатления как развитие концепции, которая предполагает изменение значения фрагментов информации в зависимости от контекста. С. Аш настаивал на том, что впечатления организованы таким образом, что значения их элементов (черт личности) зависят от контекста, а именно от присутствия других элементов [2]. Опираясь на принципы гештальт-психологии, он доказывал несводимость впечатления к совокупности его составляющих: то есть признание одного из факторов доминирующим приводит к снижению роли второстепенного, что имеет различные последствия для практики социальных контактов. С одной стороны, максимально быстро и цельно подготавливается ответ на социальный стимул, с другой – происходит «обеднение» сформированного образа, в котором менее значимая информация практически игнорируется.

Поэлементный путь рассматривает формирование впечатления как комбинацию элементов информации с инвариантными значениями. Происходит учет вклада каждого из факторов в соответствии с его весом, который

фактически рассматривается как неизменный, выключенный из контекста. Результатом такого процессинга оказывается впечатление, построенное по типу аддитивной, мультипликативой или усредненной модели. Н. Андерсон, создатель когнитивной алгебры, предполагал, что большая часть суждений и решений описывается уравнениями, которые представляют собой комбинаторные правила, выраженные математическим языком, применимые для построения точных прогнозов [3].

Обсуждаемые пути могут приводить к различающимся оценкам одного и того же человека на основании единой исходной информации. Так, если доминирует целостный способ, то фрагмент, обладающий большим весом, преимущественно определяет впечатление о человеке; если актуализирован поэлементный путь, то во впечатлении учитываются все доступные фрагменты информации. Рассмотрение целостного и поэлементного путей в качестве механизмов одного процесса позволяет сосредоточиться на поиске условий их актуализации. В настоящем исследовании мы заинтересованы в изучении формирования впечатления при обработке различных лицевых сигналов, которые рассматриваются как отдельные фрагменты информации.

Наиболее отчетливо способ обработки информации при формировании впечатления можно зафиксировать при оценке совместного влияния противоположных лицевых сигналов. Выбор сигналов физической привлекательности и аномальности, используемых в настоящем исследовании, определяется их изученностью, достаточной для цели данной работы, и доступностью для экспериментального контроля.

Известным по ряду эмпирических работ является влияние лиц, содержащих отклонение от диапазона нормального лица. Л. Зебровиц привлекает конструкт «аномальность лица» для объяснения эффекта физической привлекательности, который гипотетически является побочным следствием стремления избегать контакта с аномальным лицом, которое свидетельствует о генетических сбоях. Чрезмерная генерализация ожиданий от аномального лица приводит к ошибочному приписыванию привлекательному лицу значения сигнала здоровья [4]. Таким образом, физическая привлекательность рассматривается как биполярная шкала, один из полюсов которой характеризуется красотой, а второй – аномальностью.

Выбор типа преобразования лица обусловлен результатами ранее проведенного исследования влияния изменения внешности по типу синдрома Грейга, являющегося стигмой дизэмбриогенеза, на приписывание индивидуально-психологических качеств незнакомому человеку [5]. Синдром Грейга обнаруживается в увеличении переносицы, наличии эпикантуса (монголоидного разреза глаз, когда верхняя вертикальная складка века закрывает часть внутреннего угла глаза, а наружный край глаза приподнят), увеличении расстояния между внутренними краями глазниц, уплощении спинки носа [6]. В исследовании было обнаружено существенное повышение уровня враждебности, снижение экстраверсии и добросовестности, приписываемых людям с такой особенностью внешности.

Лицевые характеристики могут иметь топический, местный характер (например, шрамы, родинки, густота бровей, особенности кончика носа) или глобальный (например, асимметрия половинок лица, соотношение ширины и высоты лица). В современных публикациях такие физические характеристики лица называют парциальными и интегральными/конфигуративными. Эти характеристики могут выступать в качестве сигналов, организующих социальную перцепцию. Соответственно сигналы также могут быть топического свойства или извлекаться из общих пропорциональных отношений. Влияние ряда измерений (расположение рта и глаз, размера носа и расстояния между глазами) на идентификацию эмоциональных состояний у человека с нейтральным выражением лица выявлено в работе В. А. Барабанщикова и Е. Г. Хозе [7]. В исследовании Л. А. Хрисанфовой [8] была зафиксирована связь увеличенной носовой области с ожидаемой от человека активностью и социализированностью. Таким образом, локальный знак способен оказать влияние на восприятие всего лица.

Для того чтобы изучить возможность целостного влияния на общее впечатление о личности лицевых сигналов локального уровня, в данном исследовании было принято решение сохранить один признак синдрома Грейга: увеличенное расстояние между глазами, что позволяет задать сигнал аномальности минимальными средствами, затрагивающими только одно из лицевых измерений. Такая конфигурация соответствует орбитальному гипертелоризму, патологии черепа, входящей в состав более 130 генетических расстройств, нередко сопровождающихся нарушениями умственного развития. Относительно небольшое увеличение межорбитального расстояния можно обнаружить в лицах людей, не страдающих пороками развития (Жаклин Кеннеди, Лайза Миннелли).

Мы ожидаем, что при формировании впечатления об одном человеке доступная о нем информация будет обработана при помощи целостного и поэлементного пути. Значит на некоторые суждения окажут влияние оба лицевых сигнала (фактора), а на некоторые – только один, а второй – проигнорирован. Конкретизировать предположение можно, если оценить относительную силу каждого из двух лицевых сигналов и их связь с конкретными социальными суждениями. Однако на данном этапе исследования у нас нет достаточных оснований для обоснованного предсказания, какой из сигналов определит впечатление в соответствии с целостным путем и какие черты будут оценены в соответствии с поэлементным путем, поскольку знаний об условиях актуализации путей пока недостаточно.

Метод

Испытуемые. В исследовании приняли участие 144 человека, среди которых было 26.4 % мужчин. Средний возраст испытуемых составил 21.6 лет, стандартное отклонение – 5.59, минимум – 17 лет, максимум – 45. Участники являлись студентами дневного и заочного отделений вузов города Самары и работниками предприятий города.

Процедура и стимульный материал. Для стимульного материала были использованы 6 черно-белых фотографий женщин (3 – высоко физически привлекательные и 3 – низко физически привлекательные), находящихся в свободном доступе в Интернете. На фото-

графиях с нейтральным фоном изображены молодые женщины, прямо смотрящие в объектив, с нейтральным выражением лица, без украшений и выраженных особых примет типа шрамов или татуировок. Предварительная оценка физической привлекательности была выполнена группой студентов, которых просили оценить женщин, изображенных на фотографии, по шкале «физическая привлекательность». Оценки красоты, полученные в текущем исследовании, подтверждают различие изображенных женщин по уровню физической привлекательности.

В программе Фотошоп изображения были изменены по типу лиц с признаками гипертелоризма: увеличено расстояние между внутренними углами глаз и расширена переносица (рис. 1).

Рис. 1. ***Пример стимульного материала (слева – исходная фотография физически привлекательной модели, справа – та же модель после изменения лица по типу орбитального гипертелоризма)***
Fig. 1. ***An example of a stimulus material (on the left – the original photograph of a physically attractive model, in the center – the same model after a face change by the type of orbital hypertelorism)***

Поскольку условия, актуализирующие целостный и поэлементный пути формирования впечатления, не достаточно ясны, в исследовании используется широкий круг социальных суждений, связанных с физической привлекательностью лица. Известно, что красота оказывает влияние на повышение оценок различных личностных черт [9], круг которых однозначно не определён в связи с тем, что при сохранении общей тенденции конкретный перечень черт, по которым фиксируется появление достоверных различий, может изменяться. Тем не менее надежно задокументировано влияние физической привлекательности на характер вынесенных судебных решений [10], на сексуальную и брачную привлекательность [11]. Поэтому для использования в эксперименте были отобраны: черты личности; характеристики, связанные с криминальным поведением (строгость наказания в зависимости от типа преступления); шкалы, отражающие степень аттрактивности.

Многолетние исследования показали хорошую структурированность черт личности в формате факторов Большой пятерки, полно и экономно описывающих личность. Работы А. Г. Шмелева показали воспроизводимость Большой пятерки на русской лексике и их связь с имплицитной теорией личности [12]. В работе использовались следующие шкалы, соотнесенные с факторами Большой пятёрки: общительность, доброжелательность, тревожность, ум, сознательность.

Характеристики, связанные с криминальным поведением, были репрезентированы в исследовании посредством личностных черт (подозрительность, бесчестность, опасность), субъективых прогнозов делинквентого поведения (вероятность, что этот человек мог совершить убийство; вероятность, что этот человек мог совершить кражу; вероятность, что этот человек мог совершить мошенничество), валентность судебного решения (строгость наказания в случае совершения проступка). Эта группа измерений в исследовании обозначается как надежность.

Связь внешности и межличностных отношений относится к числу достоверно задокументированных явлений [13–17]. Отношения между людьми имеют разные уровни психологической близости и соответственно готовности взаимодействовать, дифференцированной Э. Богардусом по семи категориям [18]. Для экономичной оценки параметра были отобраны две ближайших к индивиду единицы психологического расстояния: друзья и коллеги, работающие вместе. Эмоционально значимые отношения, чья дифференцированность по временному параметру показана в работе А. Литтл с соавторами [19], измерялись при помощи шкал: привлекательность для долговременных отношений, привлекательность для кратковременных отношений.

При обработке результатов путем усреднения создавались новые переменные: недоверие (усреднение оценок опасности, подозрительности и бесчестности) и криминальные атрибуции (вероятность мошенничества, кражи, совершения убийства).

Испытуемых пригласили добровольно принять участие в исследовании особенностей восприятия людьми друг друга и попросили высказать свое мнение об изображенных на бланках людях. Бланк включал в себя: фотографию размером 10×7.4 см, письменную инструкцию, шкалы и просьбу сообщить о себе: пол, возраст и должность. Испытуемым предлагались семибалльные шкалы, на которых необходимо было обвести значение, соответствующее собственному мнению, если единица отражает минимальную выраженность качества, а семь – максимальную.

Для проверки гипотезы использовался межсубъектный факторный план, предполагающий формирование четырех независимых экспериментальных групп.

Результаты

Для определения влияния изменённого по типу гипертелоризма лица в зависимости от уровня привлекательности использовался двухфакторный дисперсионный анализ (ANOVA), где первый и второй факторы задавались на двух уровнях. Фактор 1 «физическая привлекательность», уровни: высокая и низкая; фактор 2 «лицевой признак орбитального гипертелоризма», уровни: есть и нет. Обработка данных осуществлялась при помощи пакета статистических программ SPSS 13.0. Оценить изменение социальных оценок в зависимости от уровня физической привлекательности и наличия орбитального гипертелоризма позволяют данные, собранные в таблице.

Таблица. **Влияние физической привлекательности и лицевых признаков гипертелоризма на социальные суждения**
Table. **Influence of physical attractiveness and facial features of hypertelorism on social judgments**

Группы	Высокий уровень физической привлекательности + Признак гипертелоризма		Низкий уровень физической привлекательности + Признак гипертелоризма		Высокий уровень физической привлекательности		Низкий уровень физической привлекательности	
	M	SD	M	SD	M	SD	M	SD
Общительный	4.5	1.3	3.0	1.4	4.3	1.3	3.4	1.5
Доброжелательный	4.8	1.2	3.5	1.5	4.5	1.4	4.0	1.6
Тревожный	3.3	1.8	3.6	2.1	2.9	1.6	3.9	1.8
Умный	4.6	1.2	4.2	1.5	4.8	1.2	4.3	1.6
Сознательный	4.3	1.1	4.2	1.7	4.7	1.2	4.2	1.5
Красивый	4.6	1.6	3.0	1.6	5.4	1.3	3.7	1.3
Привлекательность для долговременных отношений	4.3	1.6	2.7	1.7	5.0	1.4	3.6	1.8
Привлекательность для кратковременных отношений	4.2	1.9	3.0	1.9	3.8	2.0	2.8	1.5
Готовность пригласить в гости	3.8	2.0	2.6	1.9	4.3	1.7	3.4	2.0
Готовность работать вместе	4.2	1.9	3.0	1.8	4.3	1.5	4.2	2.0
Бесчестный	2.7	1.4	3.2	1.8	2.8	1.3	2.5	1.4
Опасный	2.5	1.7	4.0	1.8	2.3	1.2	2.6	1.4
Подозрительный	3.0	1.9	3.4	1.8	2.8	1.6	2.8	1.5
Недоверие	2.7	1.3	3.5	1.4	2.6	1.1	2.6	1.1
Вероятность совершения убийства	2.7	1.8	3.9	2.0	2.6	1.5	3.3	1.5
Вероятность совершения кражи	3.1	1.8	3.7	1.8	2.8	1.7	3.4	1.8
Вероятность совершения мошенничества	3.1	1.8	4.2	2	3.2	1.6	3.1	1.4
Криминальные атрибуции	2.9	1.7	3.9	1.7	2.8	1.5	3.3	1.3
Строгость наказания за преступления	4	1.7	4.6	1.7	4.2	1.7	4	1.7

Взаимодействие факторов оказалось значимым для оценок: опасности ($F_{1, 143}$=4.93, p=0.03); бесчестности ($F_{1, 142}$=2.86, p=0.09; уровень тенденции); недоверия ($F_{1, 142}$=3.61, p=0.06; уровень тенденции); вероятности совершения мошеннических действий ($F_{1, 142}$=4.47, p=0.04); готовности совместно работать ($F_{1, 142}$=3.64, p=0.06; уровень тенденции).

Физическая привлекательность обусловила изменение следующих социальных оценок: общительности ($F_{1, 143}$=25.80, p≤0.0001); доброжелательности ($F_{1, 143}$=15.50, p≤0.0001); тревожности ($F_{1, 143}$=5.03, p=0.03); красоты ($F_{1, 143}$=46.79, p≤0.0001); привлекательности для долговременнх отношений ($F_{1, 143}$=28.51, p≤0.0001); привлекательности для кратковременных отношений ($F_{1, 143}$=14.12, p≤0.0001); ума ($F_{1, 143}$=4.68, p=0.03); готовности пригласить в гости ($F_{1, 143}$=10.79, p=0.001); вероятности совершения убийства ($F_{1, 143}$=11.78, p=0.001); криминальных атрибуций ($F_{1, 143}$=7.47, p=0.007).

Признаки гипертелоризма определили изменение следующих социальных оценок: красоты ($F_{1, 143}$=10.0,

p=0.002); привлекательности для долговременнх отношений ($F_{1, 143}$=9.13, p=0.003); готовности пригласить в гости ($F_{1, 143}$=4.60, p=0.03).

Обсуждение

Для оценки результатов, адекватных гипотезе, следует обратить внимание на свойства, зависимые от обоих факторов, как взаимодействующие, так и не взаимодействующие между собой. Проверка гипотезы показала значимость взаимодействия факторов, что указывает на вклад лицевой аномалии в социальные суждения, связанные с приписываемой надежностью человека в зависимости от уровня физической привлекательности. Сигнал аномальности, взаимодействуя с уровнем красоты, способствует снижению ожидаемой надежности, которая отражается в оценках опасности, бесчестности (уровень тенденции), недоверия (уровень тенденции), вероятности совершения мошеннических действий, а также готовности работать вместе с воспринимаемым человеком. Рис. 2 содержит пример общей тенденции, в соответствии с которой рост вероятности совершения правонарушения ожидается от носителя лицевой аномалии при низком уровне физической привлекательности, в то время как высокий уровень внешней привлекательности оказывает противоположное воздействие. Если же признак орбитального гипертелоризма отсутствует, то физическая привлекательность не изменяет оценку вероятности совершения мошеннических действий. Высокая физическая привлекательность оказывается перцептивным фильтром, элиминирующим сигнал, извлекаемый из стигмы дизэмбриогенеза, которая начинает вносить вклад в общее впечатление, только если высокая физическая привлекательность устраняется из процессов социальной перцепции. Можно сказать, что в данном случае «победителю достаётся все», то есть доминирующий сигнал становится по сути единственным.

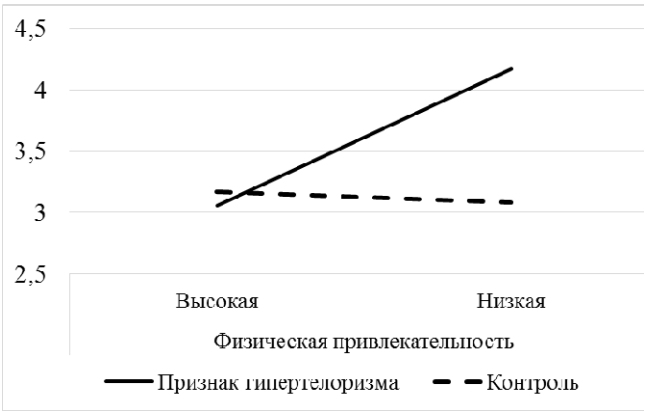

Рис. 2. ***Оценка вероятности совершения мошеннических действий в зависимости от уровня физической привлекательности и наличия стигмы дизэмбриогенеза***
Fig. 2. ***Assessment of the likelihood of committing of fraudulent activities depending on the level of physical attractiveness and the presence of stigma of disembryogenesis***

Независимое друг от друга влияние лицевых сигналов указывает на использование поэлементного пути формирования впечатления. Физическая привлекательность способствовала динамике оценок личностных черт, ассоциированных с Большой пятеркой (общительности, доброжелательности, тревожности, ума, сознательности), аттрактивности для межличностных отношений (красоты, привлекательности для долговременных отношений, привлекательности для кратковременных отношений, готовности пригласить в гости), криминальных потенций (вероятности совершения убийства, криминальных атрибуций). Признаки гипертелоризма определили изменение оценок, связанных с межличностной привлекательностью (красоты, привлекательности для долговременных отношений, готовности пригласить в гости).

Для понимания закономерностей актуализации путей следует обратить внимание на свойства, зависимые от обоих факторов, но не взаимодействующие между собой (это красота, привлекательность для долговременных отношений и готовность пригласить в гости). Поэлементный путь предполагает учет влияния каждого из факторов. Например, оценка красоты: (1) максимальна при восприятии физически привлекательного лица, (2) несколько снижается, если у красивой женщины появляются признаки орбитального гипертелоризма, (3) еще больше снижается для физически непривлекательного человека, (4) минимальна у непривлекательной модели с увеличенным расстоянием между уголками глаз. Это происходит в том случае, если оба фактора обладают соразмеряемыми весами. Действительно, красота лица зависит и от общих пропорций и от отдельных деталей, поэтому изменение межглазного расстояния оказывается достаточным для влияния на оценку красоты независимо от общих лицевых пропорций. Результаты исследования позволяют предположить повышенную внимательность к лицевым сигналам незнакомого человека при определении степени близости, потенциально допускаемую наблюдателем. В целом полученные данные показывают, что относительно незначительная манипуляция с лицом оказывается важна для выбора социальной дистанции независимо от физической привлекательности, но не обладает достаточной силой, чтобы противостоять эффекту физической привлекательности при оценке надежности.

Отметим, что влияние физической привлекательности в полной мере соответствует надежно задокументированному эффекту. Воздействие трансформации лица по типу гипертелоризма, выступающего признаком заболевания и связанного с заметным изменением важного лицевого параметра (расстояния между внутренними краями глазницы), обусловило снижение физической и социальной привлекательности человека в соответствии с феноменом лукизма.

Среди ограничений исследования следует указать использование в эксперименте в качестве стимульного материала только женских фотографий.

Выводы

При наличии нескольких сигналов на лице впечатление формируется как результат взаимодействия этих сигналов. Существуют два пути учета этих сигналов: целостный, в результате которого происходит изменение их роли в оценке воспринимаемого человека; поэлементный, когда оба элемента вносят вклад в конечный результат социальной перцепции. Согласуясь с целостным

путем, красота и аномальность лица определяют степень надежности, выраженную через приписываемые черты и криминальные потенции. Высокий уровень красоты при наличии признака аномальности определяет рост надежности, что свидетельствует о ведущей роли красоты в формировании впечатления. В случае низкого уровня красоты возрастает роль признака аномалии (стигмы гипертелоризма) и происходит снижение уровня надежности, что указывает на ведущую роль сигнала аномалии в формировании впечатления.

Сигналы, используемые при формировании впечатления согласно целостному пути, оказывают влияние на восприятие лица в целом, являясь перцептивным фильтром. Физическая привлекательность в определённых границах позволяет контролировать сигналы опасности в случае их относительной «слабости» по сравнению с уровнем красоты.

В соответствии с поэлементным путем признаки орбитального гипертелоризма и физическая привлекательность определяют оценки красоты лица и уровня межличностной близости. Это указывает на соотносимый вес двух факторов в выборе партнёров для близких отношений.

Лицевые сигналы, актуализирующие оба пути формирования впечатления, могут иметь топический или глобальный характер, то есть быть связанными с общими пропорциями или локальными особенностями. Их влияние на социальные суждения зависит от релевантности сигнала и оценок, которая выступает условием, актуализирующим целостный или поэлементный пути.

Мы выражаем глубокую благодарность старшему преподавателю кафедры социальной психологии Самарского университета Е. С. Гусевой и доценту кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации Самарского университета Н. В. Ильичёвой за помощь в проведении исследования.

Литература

1. Brewer M. B. A Dual Process Model of Impression Formation // Srull T. K., Wyer R. S. (Eds.) Advances in social cognition. New York: Psychology Press, 2014. Vol. I. P. 2–36. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=-Kg3sAgAAQBAJ&dq=Brewer+M.+B.+A+Dual+Process+Model+of+Impression+Formation+&lr=&hl=ru&source=gbs_navlinks_s (дата обращения: 28.09.2017).
2. Asch S. E. Forming impressions of personality // The Journal of Abnormal and Social Psychology. 1946. № 41(3). P. 258–290. DOI: 10.1037/h0055756.
3. Anderson N. Cognitive algebra // Berkowitz L. (Ed.) Advances in experimental social psychology. New York: Academic Press, 1974. Vol. 7. P. 1–101.
4. Zebrowitz L. A., Rhodes G. Sensitivity to ‘‘bad genes’’ and the anomalous face overgeneralization effect: Cue validity, cue utilization, and accuracy in judging intelligence and health // Journal of Nonverbal Behavior. 2004. № 28(3). P. 167–185.
5. Зорина С. В., Шалаева Н. Ю. Физические характеристики лица человека как фактор социальной перцепции // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2013. № 5(106). С. 184–187.
6. Синдромы и симптомы в клинической практике: эпонимический словарь-справочник / сост. В. И. Бородулин, А. В. Тополянский. М.: Эксмо, 2010. 464 с.
7. Барабанщиков В. А., Хозе Е. Г. Конфигуративные признаки экспрессий спокойного лица // Экспериментальная психология. 2012. Т. 5. № 1. С. 45–68.
8. Хрисанфова Л. А. Оценка индивидуально-психологических особенностей при восприятии морфированных мужских лиц // Экспериментальная психология. 2012. Т. 5. № 3. С. 44–57.
9. Dion K., Berscheid E., Walster E. What is beautiful is good // Journal of Personality and Social Psychology. 1972. № 24. P. 285–290.
10. Kerr N. L. Beauti fuland blameless: Effect sofvictim attractiveness and responsibility on mock jurors' verdicts // Personality and Social Psychology Bulletin. 1978. Vol. 4. № 3. P. 479–482.
11. Eagly A. H., Ashmore R. D., Makhijani M. G., Longo L. C. What is beautiful is good, but..: A metaanalytic review of research on the physical attractiveness stereotype // Psychological bulletin. 1991. № 110(1). P. 109–128. DOI:10.1037/0033-2909.110.1.109.
12. Шмелев А. Г. Психодиагностика личностных черт. СПб.: Речь, 2002. 480 с.
13. Варлашкина Е. А., Латышева Е. В. Привлекательная внешность как фактор успеха профессиональной деятельности в сфере «Индустрии красоты» // Вестник Омского университета. Серия: Психология. 2011. № 1. С. 27–33.
14. Коровина М. В. Феномен сверхзначимости внешних оценок и нарушения межличностного взаимодействия // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2008. Т. 8. № 2. С. 85–88.
15. Малёнова А. Ю., Искра А. И. Гендерные особенности факторов аттракции в ситуации первого свидания // Вестник Омского университета. Серия: Психология. 2011. № 2. С. 19–30.
16. Набойченко Е. С. Психологическое сопровождение развития детей и подростков с атипичными особенностями внешности: автореф. дис. … д-ра психол. наук. Екатеринбург, 2009. 47 с.
17. Шалаева Н. Ю., Гудзовская А. А. Типы социальных установок в отношении привлекательности/непривлекательности другого человека // Вестник Самарского муниципального института управления. 2013. № 3. С. 133–141.
18. Bogardus E. S. A social distance scale // Sociology and Social Research. 1933. № 17. P. 265–271.
19. Little A. C., Burriss R. P., Jones B. C., DeBruine L. M., Caldwell C. A. Social influence in human face preference: men and women are in fluenced more for long-term than short-term attractiveness decisions // Evolutionand Human Behavior. 2008. № 29(2). P. 140–146.

IMPRESSION FORMATION ABOUT A PERSON AS A RESULT OF HOLISTIC AND ELEMENT-WISE PROCESSING OF FACIAL SIGNALS

***Svetlana V. Zorina*[1, @1], *Oksana A. Kamzina*[1, @2]**

[1] *Samara National Research University, 34, Moskovskoye Shosse, Samara, Russia, 443086*
[@1] aramitch@mail.ru
[@2] komoa@mail.ru

Received 18.04.2017.
Accepted 06.09.2017.

Keywords: formation of impressions, physical attractiveness, social cognition, facial anomalies, holistic and element-wise ways of forming impressions, social judgment, social perception, trustworthiness.

Abstract: The impression about a person is formed as a result of interaction of several signals. According to holistic (configurational) way of impression formation, facial signal significance depends on the context (and can be changed if there are other signals). In accordance with the elementwise way, social judgments depend on the contribution of each facial factor that possesses an invariant meaning. The current paper features impression formation based on two facial characteristics – physical attractiveness and abnormality (represented by orbital hypertelorism). Perception was accompanied by social judgments about personality traits, interpersonal attractiveness and reliability. It was expected that the impression of the individuals depending on physical attractiveness and anomaly would be formed in both holistic and element-wise ways. In the experiment, 4 groups of subjects (144 people) evaluated physically attractive and unattractive individuals with an increased and normal interocular distance. The interaction (holistic way) of physical attractiveness and abnormalities determined the reliability evaluation, expressed through attributed traits (danger) and criminal potentialities (the probability of committing different crimes). The independent influence of physical attractiveness and facial features of orbital hypertelorism influenced the evaluation of the potential interpersonal proximity degree. Formation of the impression in the presence of two facial signals was carried out in accordance with the holistic and element-wise ways. The actualization of the impression forming ways depends on the relevance of the facial factor and social judgments.

For citation: Zorina S. V., Kamzina O. A. Formirovanie vpechatleniia o cheloveke kak rezul'tat tselostnoi i poelementnoi obrabotki litsevykh signalov [Impression Formation about Person as a Result of Holistic and Elementwise Processing of Facial Signals]. *Bulletin of Kemerovo State University,* no. 3 (2017): 117–124. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-3-117-124.

References

1. Brewer M. B. A Dual Process Model of Impression Formation. Srull T. K., Wyer R. S. (Eds.) *Advances in social cognition*. New York: Psychology Press, vol. I (2014): 2–36. Available at: https://books.google.ru/books?id=Kg3sAgAAQBAJ&dq=-Brewer+M.+B.+A+Dual+Process+Model+of+Impression+Formation+&lr=&hl=ru&source=gbs_navlinks_s (accessed 28.09.2017).
2. Asch S. E. Forming impressions of personality. *The Journal of Abnormal and Social Psychology*, no. 41(3) (1946): 258–290. DOI: 10.1037/h0055756.
3. Anderson N. Cognitive algebra. Berkowitz L. (Ed.) *Advances in experimental social psychology*. New York: Academic Press, vol. 7 (1974): 1–101.
4. Zebrowitz L. A., Rhodes G. Sensitivity to ‘‘bad genes’’ and the anomalous face overgeneralization effect: Cue validity, cue utilization, and accuracy in judging intelligence and health. *Journal of Nonverbal Behavior*, no. 28(3) (2004): 167–185.
5. Zorina S. V., Shalaeva N. Ju. Fizicheskie kharakteristiki litsa cheloveka kak faktor sotsial'noi pertseptsii [Physical characteristics of human face as a factor of social perception]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiia = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, no. 5(106) (2013): 184–187.
6. *Sindromy i simptomy v klinicheskoi praktike* [Syndromes and symptoms in clinical practice]. Comp. Borodulin V. I., Topolianskii A. V. Moscow: Eksmo, 2010, 464.
7. Barabanshchikov V. A., Khoze E. G. Konfigurativnye priznaki ekspressii spokoinogo litsa [Configurative signs of neutral facial expression]. *Eksperimental'naia psikhologiia = Experimental Psychology*, 5, no. 1 (2012): 45–68.
8. Khrisanfova L. A. Otsenka individual'no-psikhologicheskikh osobennostei pri vospriiatii morfirovannykh muzhskikh lits [Evaluation of individual psychological features in the perception of morphed male faces]. *Eksperimental'naia psikhologiia = Experimental Psychology*, 5, no. 3 (2012): 44–57.
9. Dion K., Berscheid E., Walster E. What is beautiful is good. *Journal of Personality and Social Psychology*, no. 24 (1972): 285–290.
10. Kerr N. L. Beauti fuland blameless: Effect sofvictim attractiveness and responsibility on mock jurors' verdicts. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 4, no. 3 (1978): 479–482.

11. Eagly A. H., Ashmore R. D., Makhijani M. G., Longo L. C. What is beautiful is good, but..: A metaanalytic review of research on the physical attractiveness stereotype. *Psychological bulletin*, no. 110(1) (1991): 109–128. DOI:10.1037/0033-2909.110.1.109.

12. Shmelev A. G. *Psikhodiagnostika lichnostnykh chert* [Psychodiagnostics of personality traits]. Saint-Petersburg: Rech', 2002, 480.

13. Varlashkina E. A., Latysheva E. V. Privlekatel'naia vneshnost' kak faktor uspekha professional'noi deiatel'nosti v sfere «Industrii krasoty» [Attractive appearance as a factor in the success of professional activity in the sphere of the «Beauty Industry»]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriia: Psikhologiia = Herald of Omsk university. Series: Psychology*, no. 1 (2011): 27–33.

14. Korovina M. V. Fenomen sverkhznachimosti vneshnikh otsenok i narusheniia mezhlichnostnogo vzaimodeistviia [Phenomenon of extra significance of external evaluations and violations of interpersonal interaction]. *Izvestiia Saratovskogo universiteta. Novaia seriia. Seriia: Filosofiia. Psikhologiia. Pedagogika = Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 8, no. 2 (2008): 85–88.

15. Malenova A. Iu., Iskra A. I. Gendernye osobennosti faktorov attraktsii v situatsii pervogo svidaniia [Gender features of the factors of attraction in the situation of the first date]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriia: Psikhologiia = Herald of Omsk university. Series: Psychology*, no. 2 (2011): 19–30.

16. Naboichenko E. S. *Psikhologicheskoe soprovozhdenie razvitiia detei i podrostkov s atipichnymi osobennostiami vneshnosti*. Avtoref. diss. doktora psikhol. nauk [Psychological support of the development of children and adolescents with atypical features of appearance. Dr. psychol. Sci. Diss. Abstr.]. Ekaterinburg, 2009, 47.

17. Shalaeva N. Iu., Gudzovskaia A. A. Tipy sotsial'nykh ustanovok v otnoshenii privlekatel'nosti/neprivlekatel'nosti drugogo cheloveka [Types of social attitudes regarding the attractiveness/unattractiveness of another person]. *Vestnik Samarskogo munitsipal'nogo instituta upravleniia = Bulletin of the Samara Municipal Management Institute*, no. 3 (2013): 133–141.

18. Bogardus E. S. A social distance scale. *Sociology and Social Research*, no. 17 (1933): 265–271.

19. Little A. C., Burriss R. P., Jones B. C., DeBruine L. M., Caldwell C. A. Social influence in human face preference: men and women are in fluenced more for long-term than short-term attractiveness decisions. *Evolutionand Human Behavior*, no. 29(2) (2008): 140–146.

УДК 159.99

К ВОПРОСУ РАННИХ ДЕЗАДАПТИВНЫХ СХЕМ В СУИЦИДАЛЬНОМ ПОВЕДЕНИИ ЛИЧНОСТИ

Руслан В. Кадыров [1, @1], ***Татьяна А. Мироненко*** [1, @2]

[1] *Тихоокеанский государственный медицинский университет, Россия, 690002, г. Владивосток, пр-т Острякова, 2*
[@1] *rusl-kad@yandex.ru*
[@2] *virtus.cogitativa@gmail.com*

Поступила в редакцию 05.06.2017.
Принята к печати 14.09.2017.

Ключевые слова: суицидальное поведение, суицидальная попытка, суицидальные идеи, ранние дезадаптивные схемы, схема-терапия, безнадежность.

Аннотация: В данной статье представлен анализ эмпирических исследований взаимосвязи ранних дезадаптивных схем и различных форм суицидального поведения, анализ психотравмирующих событий в детстве, являющихся основой формирования ранних дезадаптивных схем как одного из суицидогенных факторов. Описаны и проанализированы теоретические представления о формировании суицидального поведения с точки зрения ранних дезадаптивных схем. Рассмотрена схема формирования суицидального поведения Д. Лестера и Дж. Р. Роджерса (D. Lester и J. R. Rogers). Установлено, что вопрос взаимосвязи ранних дезадаптивных схем и суицидального поведения является перспективным направлением понимания генеза суицидального поведения через дальнейшее исследование присущих лицам, совершающим суицидальные попытки, дезадаптивных схем. Анализ рассмотренных исследований позволил сделать научно обоснованное предположение о необходимости дальнейшего изучения ранних дезадаптивных схем с целью получения ценного диагностического материала, необходимого для эффективного использования психотерапевтических и коррекционных технологий в процессе схематерапии.

Для цитирования: Кадыров Р. В., Мироненко Т. А. К вопросу ранних дезадаптивных схем в суицидальном поведении личности // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 3. С. 125–132. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-3-125-132.

Суицидальное поведение является остросоциальной и важнейшей проблемой современного здравоохранения, ежегодно в результате самоубийства погибает свыше 800 тысяч человек по всему миру, при этом на каждого умершего вследствие суицида приходится свыше 20 человек, совершивших суицидальную попытку [1].

В России за 2014 г. в результате самоубийства погибло 26606 человек, суицид – ведущий показатель среди внешних причин смерти, а наибольшее количество завершенных суицидов приходится на лиц трудоспособного возраста [2], также в нашей стране один из самых высоких в мире показателей смертности от самоубийства среди детей и подростков [3]. Несмотря на то, что в России с 2000 г. отмечается снижение показателя частоты суицидов, имеется ряд регионов (Сибирский федеральный округ (особенно – Республика Алтай, Бурятия и Тыва) и Дальневосточный федеральный округ (Чукотский автономный округ, Еврейская автономная область, Амурская область и Республика Саха), где стабильно отмечается сверхвысокая частота самоубийств [4–5]. Такая ситуация, безусловно, требует поиска путей снижения смертности не только с учетом социально-экономических, медицинских, но и психологических факторов [6], в связи с чем значительное место в системе профилактики суицидального поведения занимает психотерапия и психологическая помощь [7], так как суицидальное поведение опосредовано системой личностных характеристик субъекта и особенностями его взаимоотношений с окружающей социальной средой [8]. При этом актуальным в современных исследованиях личностных характеристик суицидентов является когнитивно-эмоциональный дисбаланс, дезадаптивные поведенческие паттерны как результат психотравмирующего воздействия детско-родительских взаимоотношений [9–11].

Новым инновационным подходом в психотерапии личностных характеристик, в том числе и суицидального поведения, психических расстройств, с ним связанных, можно рассматривать схематерапию, разработанную Дж. Янгом. Схематерапия сочетает в себе элементы когнитивно-поведенческой терапии, гештальт-подхода, теории объектных отношений, конструктивистской и психоаналитической школ, образуя единую синергетическую концептуальную модель [12–13].

Одним из основных теоретических элементов концепции схематерапии являются ранние дезадаптивные схемы (РДС или схемы). Ранние дезадаптивные схемы (РДС) – «паттерны, состоящие из когнитивных процессов, эмоций, телесных ощущений и воспоминаний относительно себя и взаимоотношений с другими людьми. Сформировавшись в детстве, они продолжают свое существование на протяжении всей жизни и являются дисфункциональными в значительной степени» [13, с. 7], понятие создано Дж. Янгом в контексте схема ориентированного подхода в психотерапии.

Формирование ранних дезадаптивных схем (РДС) осуществляется в процессе взаимодействия внешних и внутренних факторов, создающих условия, которые препятствуют удовлетворению базовых эмоциональных потребностей в раннем периоде жизни индивида. Внешние факторы – условия среды и опыт взаимоотношений с окружающими, внутренние факторы – особенности темперамента. Формируясь на ранних этапах развития

(в детстве) они воспроизводятся в течение всей жизни. При этом поведение не является частью самой схемы, а возникает у человека как реакция на схему.

Выделяя 18 ранних дезадаптивных схем, Дж. Янг считает, что они:

– являются обобщенными темами или моделями восприятия;

– состоят из воспоминаний, представлений, эмоций, когнитивных и сенсорных образов;

– относятся к представлениям о себе и об отношениях с другими;

– возникают в детстве и подростковом возрасте;

– развиваются в течение всей жизни;

– являются в значительной степени дисфункциональными.

Таким образом, анализ эмпирических исследований взаимосвязи ранних дезадаптивных схем и различных форм суицидального поведения позволит лучше понять механизмы формирования этого поведения и получить более полную картину формирования психической реальности человека в связи с ранними эмоциональными переживаниями (опытом).

Для описания механизмов взаимосвязи между РДС и суицидальным поведением необходимо сначала рассмотреть период формирования РДС, то есть роль событий детства и ранней юности в генезе суицидального поведения.

Детско-родительские взаимоотношения обычно интересуют исследователей в контексте проблемы подросткового суицидального поведения и активно изучаются в данный момент. Повышенный суицидальный риск, согласно исследованию Е. А. Панченко [14], имеют молодые люди из негармоничных семей, в которых вырастает до 40 % детей и подростков с суицидальным поведением. Патологический (дисфункциональный) стиль воспитания, как отмечают Б. С. Положий и Е. А. Панченко [14–15], обладает высокой суицидогенной опасностью: по их данным более 90 % детей и подростков с различными формами суицидального поведения воспитывались в таких семьях.

Анализируя проблему детско-родительских взаимоотношений и суицидального поведения, американский исследователь S. Goschin и др. [16], пришел к выводу о том, что не зависимо от стиля дисфункционального воспитания основным фактором, связанным суицидальностью, является неспособность родителей к эмпатии в процессе воспитания. Соответственно неспособность родителей к эмоциональному сопереживанию своему ребенку сопряжена с невозможностью удовлетворения его базовых эмоциональных потребностей, что способствует, согласно концепции Дж. Янга, формированию у ребенка РДС [12–13], и при прочих неблагоприятных условиях является вероятной основой развития характерных для суицидального поведения: негативного восприятия себя, своего опыта и негативного прогнозирования субъектом предполагаемого бедующего.

Изучение взаимосвязи между ранними дезадаптивными схемами и суицидальным поведением подростков в отечественной практике описано Т. С. Семеновой [17], которая, исследуя подростков женского пола с нетрадиционной сексуальной ориентацией, установила у них выраженность дезадаптивных схем: Покинутость/ Нестабильность, Негативизм/Пессимизм, Недоверие/ Жестокость и Пунитивность, связанных с большим числом шкал методик «Опросник суицидального риска» Т. Н. Разуваевой и шкалой депрессии А. Бека. То есть РДС, свойственные определенной группе подростков, могут быть связаны с неблагополучием в аффективной сфере и суицидальным поведением данной группы.

Р. В. Бисалиев и С. А. Вешнева [18] описали с точки зрения психодинамического подхода формирование структуры личности будущего суицидента следующим образом: воспитание в неполной семье с преимущественно авторитарным стилем воспитания, отсутствие эмоциональной вовлеченности родителей, либо их сверхконтроль с формированием жестких установок. В структуре личности преобладает негативное отношение к себе, своему телу. Также отмечается негативное отношение к родителям, неспособность дифференцировать эмоции, сниженная способность к символизации агрессивных мыслей. В качестве меры профилактики они предлагают создание довоспитывающей среды в процессе групповой и индивидуальной терапии. Данное описание согласуется с результатами вышеприведенных исследований взаимосвязи детско-родительских отношений и суицидального поведения. А предложенный подход о довоспитующей среде соответствует принятой в концепции схема-терапии модели «условного родительства» [12–13].

Связь насилия над детьми и суицидального поведения в отдаленном периоде в особенности установлена и изучена, как отмечает Н. В. Платонова, в отношении жертв сексуального насилия [19]. B. Barraclough с соавторами говорят о повышении риска суицида у взрослых, переживших в детстве смерть одного или обоих родителей [20]. Зарубежные исследователи A. P. Amaral, A. Vaz Serra [21], G. Borges и др. [22] отмечают значимость кумулятивного эффекта от совокупности нескольких пережитых психотравмирующих событий, который повышает уязвимость по отношению к стрессовым событиям во взрослом возрасте. О. П. Ворсина [23] определила, что в 77,1 % случаев суицидов подростков присутствовали психотравмирующие мотивы. В. А. Розанов с соавторами [24] провел исследование на большой выборке, подтверждающее значение детской психотравмы как фактора риска суицидального поведения у взрослых людей. Значимость психотравмирующих событий зависит от пола и характера проявления суицидальности. Во всех случаях подтвердилась особая роль насилия и утраты. Спектр значимых стрессовых событий оказался значительно больше у женщин. Общим для мужчин и женщин предиктором суицидальной попытки оказалось самоубийство (попытка) близкого человека, что отмечают и другие исследователи – K. A. Van Orden и др. [25]. Таким образом, психотравмирующие события в детстве являются фактором формирования РДС [12–13], их можно определять как один из суицидогенных факторов.

Исследуя роль психотравмирующего события у взрослых в механизме суицидогенеза, И. А. Кудрявцев и Е. Э. Декало [26] установили, что важным критерием психологического риска является степень рефлексии, глубина осознания психотравмирующего события и последующих мыслительных, поведенческих актов. При этом защитные механизмы у лиц в пресуициде и постсуициде направлены на вытеснение истинного экзистен-

циального смысла суицидогенной психотравмы, в пресуициде также была выявлена неразвитость системы самомотивации, ригидность и неспособность к разрешению проблем с фиксацией на единственном варианте реагирования, что наблюдается и при активации РДС в виде дисфункциональных копинг-стратегий [12–13].

Так, О. А. Сагалакова с соавторами [27] в контексте РДС обнаружили, что антивитальные переживания возникают у личностей с несформированными компенсаторными механизмами и навыками конструктивного совладания со стрессом. В ходе эмпирического исследования ими были выявлены типичные дисфункциональные схемы при выраженной безнадежности и антивитальных переживаниях. Это схема «Дефективность/Стыд», связанная с восприятием себя как ущербного, вынужденного испытывать стыд и избегать общения, терпеть насмешки окружающих, и группа схем «Нарушение автономии», связанная с восприятием себя как некомпетентного и не способного проявлять инициативу, компенсаторные механизмы в данном случае дисфункциональны и связаны с избеганием. Личность с невыраженными дисфункциональными схемами, как отмечает О. А. Сагалакова с соавторами [27], сформированными компенсаторными механизмами, гибкой целевой структурой деятельности и зрелой тактикой целеполагания имеет значимо меньшую вероятность возникновения антивитальных переживаний даже при столкновении с объективно значительными жизненными трудностями.

Формирование суицидального поведения с точки зрения схемоориентированного подхода описывают D. Lester и J. R. Rogers [28] на примере гипотетического жизненного сценария ребенка, потерявшего родителей. После череды потерь близких, друзей, неудачных попыток произвести хорошее впечатление на опекунов достижениями, лишенный эмоциональной теплоты и поддержки, он начал характеризовать себя как бесполезного и непривлекательного, перестал стремиться к общению. По окончании средней школы чувствовал подавленность, так как не имел ни малейшего представления о том, кто он и где его место, будущее казалось ему безнадежным. В отличие от сверстников, размышляющих о своих возможностях и перспективах, он мог размышлять только о том, с какими еще ударами судьбы суждено столкнуться и как самоубийство могло бы стать средством, чтобы закончить страдания. Анализируя это жизнеописание D. Lester и J. R. Rogers [28] указывают на процесс формирования и укрепления группы схем «Нарушение связи и отвержение» из-за того, что потребности в стабильности, заботе и принятии были фрустрированы многочисленными негативными событиями. Каждое столкновение со стрессовыми ситуациями активизировало и укрепляло схемы, препятствующие развитию психологических ресурсов, необходимых для преодоления трудностей, типичных для подросткового возраста. В результате выработалась стратегия избегания проблем, отсутствуют навыки их преодоления. Стремление к уединению сильно ограничило возможность развития социальных навыков, необходимых для успешной социализации. Отсутствие стабильных интересов и нежелание стремиться к новому привело к выраженному кризису идентичности, а отсутствие позитивной оценки деятельности и эмоциональной теплоты сформировало представление о себе как о человеке бесполезном, непривлекательном и поврежденном.

В данном примере D. Lester и J. R. Rogers [28] отмечают, что негативные события детства и выработанные РДС ликвидировали копинговые ресурсы, необходимые для предотвращения развития суицидального поведения. Негативный детский опыт способен инициировать процесс, посредством которого формируется суицидальное поведение, однако необходимо понимание механизмов этого процесса. Основываясь на концепции Дж. Янга и теории L. M. Abramson [29], они предложили модель взаимосвязи негативного детского опыта и РДС, формирующих суицидальное поведение (модель представлена на рисунке). D. Lester и J. R. Rogers [28] подчеркивают, что в виду многообразия комбинаций РДС необходимо эмпирическое определение РДС, специфичных именно для суицидального поведения.

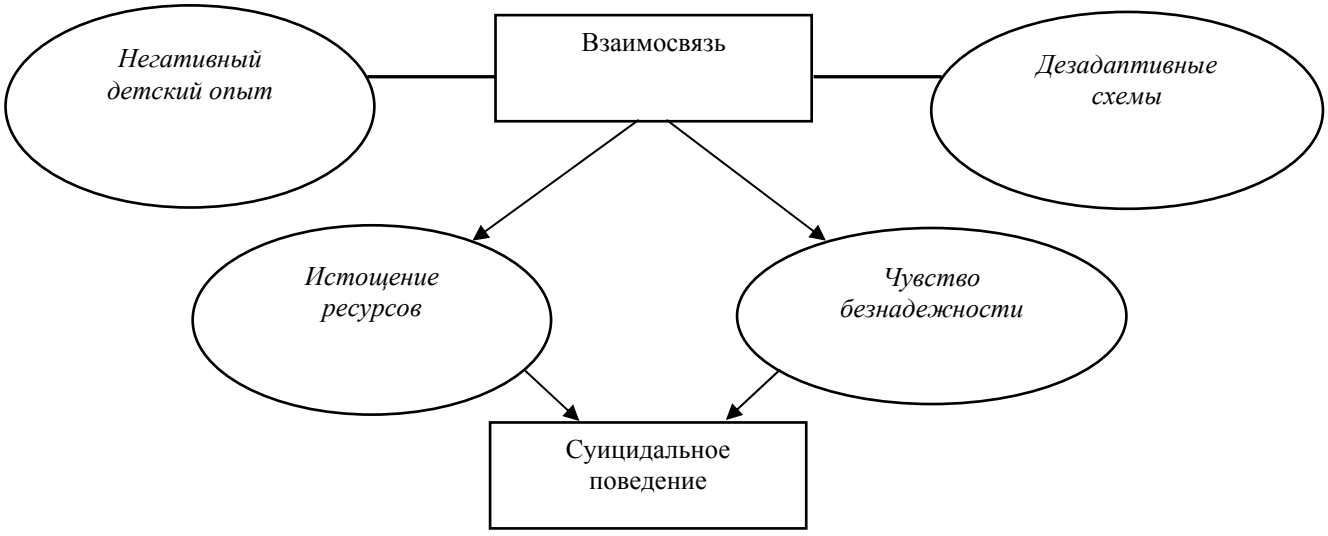

Рис. ***Схема формирования суицидального поведения D. Lester и J. R. Rogers*** [28, p. 116]
Fig. ***Scheme of formation of suicidal behavior by D. Lester u J. R. Rogers*** [28, p. 116]

На данный момент в научной литературе имеются результаты нескольких иностранных эмпирических исследований по изучению РДС и суицидального поведения. R. Dale с соавторами [30] изучили взаимосвязь между воспитанием, РДС и суицидальным поведением. По мнению Jennifer Wilson [31], результаты данного исследования не позволяют сделать однозначных выводов о роли взаимоотношений с родителями и суицидальным поведением.

Взаимосвязь же между РДС и суицидальным поведением была определена следующим образом: в группе совершивших суицидальную попытку обнаружилась большая выраженность схем «Социальная изоляция», «Дефективность/стыд», «Зависимость», «Самопожертвование», «Грандиозность» и «Недостаточность самоконтроля». L. Dutra и др. [32] обнаружили, что хроническая психологическая травматизация связана с РДС, симптомами ПТСР, диссоциацией и суицидальным поведением (идеями, намерениями и попытками).

Проводились также исследования РДС и суицидального поведения при различных расстройствах. В Дании K. K. Nilsson и др. [33] исследовали суицидальное поведение лиц, страдающих биполярным расстройством, изучив данную категорию пациентов во время ремиссии. Обнаружилось, что при биполярном расстройстве личности у лиц, совершивших суицидальную попытку, более выражены схемы «Социальная изоляция», «Зависимость/Некомпетентность» и «Грандиозность», в сравнении с другими пациентами, страдающими биполярным расстройством и не покушавшимися на свою жизнь. Иранский исследователь Farah Darvishi с соавторами [34] установил, что у лиц, страдающих депрессией, совершавших попытку суицида, больше выражены схемы «Дефективность/Стыд», «Обреченность на неудачу/Неуспешность» и «Грандиозность», чем у пациентов с депрессией без суицидальных попыток. В обеих группах была установлена взаимосвязь между симптомами депрессии и РДС. В другом исследовании Fahime Mobed и Farah Naderi [35] обнаружили, что при расстройствах настроения наблюдается взаимосвязь между РДС, ригидностью и суицидальными мыслями.

Исследование РДС у лиц, совершивших суицидальную попытку, проведенное в Бразилии Cristina Pilla Della Méa с соавторами [36], показало значительное повышение показателей в большинстве РДС. В особенности авторами были отмечены схемы домена «Нарушение связи и отвержение»: «Дефективность/стыд» и «Социальная изоляция» как потенциальные терапевтические мишени. Иранский исследователь Marjan HelmKhamirani и др. [37] на большой выборке изучили РДС у лиц, совершивших суицидальную попытку путем самоотравления. В сравнении с контрольной группой, у суицидентов значимо выраженными оказались схемы «Запутанность/Неразвитое-Я» и «Жесткие стандарты/Придирчивость». Симптомы депрессии в экспериментальной группе, выявленные по шкале А. Бека, коррелировали со схемами «Эмоциональная депривация», «Брошенность/Нестабильность», «Социальная изоляция» и «Самопожертвование». По мнению авторов, исследованные ими ранние дезадаптивные схемы могут быть связаны с формированием суицидального поведения.

Резюмируя вышеизложенные исследования, можно сказать, что для суицидентов чаще всего характерны следующие ранние дезадаптивные схемы, такие как:

– «Дефективность/Стыд», такой человек в глубине души считает, что он на самом деле плохой, ущербный, несовершенный, неполноценный, неспособный, недостойный и т. д.;

– «Социальная изоляция», такой человек чувствует себя отделенным, изолированным от внешнего мира, считает себя непохожим на других и не ощущает себя частью ни одной группы или сообщества и т. д.;

– «Зависимость», такой человек чувствует себя совершенно неприспособленным и неспособным жить и функционировать самостоятельно и т. д.;

– «Самопожертвование», такой человек сосредоточен на добровольном удовлетворении потребностей окружающих людей, которых он считает слабее себя. Уделяя внимание своим потребностям, он чувствует себя эгоистичным. В результате он испытывает чувство вины за свой «эгоизм», поэтому отдает приоритет потребностям других людей и т. д.;

– «Грандиозность», такой человек верит в то, что он превосходит других людей и, следовательно, достоин особых прав и привилегий и т. д.;

– «Обреченность на неудачу/Неуспешность», такой человек верит, что непременно потерпит неудачу во всех своих начинаниях, так как считает себя скучным, надоедливым, безобразным, скверным и бесталанным, и верит, что он неуместен в любом обществе и физически непривлекателен и т. д.

Таким образом, вопрос взаимосвязи ранних дезадаптивных схем и суицидального поведения является перспективным направлением понимания генеза суицидального поведения. Анализ имеющихся исследований показывает, что на данном этапе обнаруживались ранние дезадаптивные схемы, специфичные для суицидальности, в каждом случае наблюдались схемы, присущие именно лицам, совершающим суицидальные попытки, независимо от их диагностической принадлежности. Дальнейшее изучение ранних дезадаптивных схем позволит получить ценный диагностический материал, необходимый для эффективного использования психотерапевтических и коррекционных технологий в процессе схематерапии.

Литература

1. Предотвращение самоубийств: глобальный императив. ВОЗ; Европейское региональное бюро. Женева, 2014. 102 с.

2. Демографический ежегодник России. 2015: стат. сб./ Росстат. М., 2015. 263 с.

3. Иванова А. Е., Сабгайда Т. П., Семенова В. Г., Антонова О. И., Никитина С. Ю., Евдокушкина Г. Н., Чернобавский М. В. Смертность российских подростков от самоубийств. М.: ЮНИСЕФ, 2011. 133 с.

4. Архипова А. В. Статистический анализ динамики количества самоубийств в Российской Федерации // Организация работы с молодежью. 2016. № 8. Режим доступа: http://ovv.esrae.ru/270-1170 (дата обращения: 10.09.2017).

5. Суициды в России и Европе / под. ред. Б. С. Положего. М.: МИА, 2016. 212 с.

6. Положий Б. С., Панченко Е. А. Дифференцированная профилактика суицидального поведения // Суицидология. 2012. № 1. С. 8–12.

7. Приленский Б. Ю., Родяшин Е. В., Приленская А. В. Интегративный подход в психотерапии суицидального поведения // Суицидология. 2011. № 2. С. 49–51.

8. Амбрумова А. Г. Суицидальное поведение как объект комплексного изучения // Комплексные исследования в суицидологии: сборник научных трудов. М.: Изд-во НИИ психиатрии МЗ РСФСР, 1986. С. 7–25.

9. Коломыцев Д. Ю., Дроздовский Ю. В. Особенности когнитивных искажений при пограничных психических расстройствах у подростков, совершивших суицидальную попытку // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2012. № 5(74). С. 39–43.

10. Труевцев Д. В. Ранние неадаптивные схемы при депрессии разной степени тяжести // 25 лет Московскому психологическому обществу: Юбилейный сборник РПО. В 4-х т. / отв. ред. Д. Б. Богоявленская, Ю. П. Зинченко. М.: МАКС Пресс, 2011. Т. 2. С. 22–25.

11. Пилягина Г. Я. Когнитивно-эмоциональный дефицит и когнитивно-эмоциональный дисбаланс в личностном развитии, формировании психической патологии и патогенезе саморазрушающего поведения // Суицидология. 2013. № 4. С. 10–16.

12. Young J. E., Klosko J., Weishaar M. Schema Therapy: A Practitioner's Guide. New York: Guilford Press, 2003. 470 p.

13. Арнтц А., Якоб Г. Практическое руководство по схема-терапии. Методы работы с дисфункциональными режимами при личностных расстройствах / пер. с англ. Е. Плотниковой; под научн. ред. А. В. Черникова. М.: Научный мир, 2016. 320 с.

14. Панченко Е. А. Суицидальное поведение детей как следствие недостатков воспитания в родительской семье // Вестник неврологии, психиатрии и нейрохирургии. 2011. № 7. С. 11–16.

15. Положий Б. С., Панченко Е. А. Факторы динамики суицидального процесса // Психическое здоровье. 2011. № 9. С. 65–68.

16. Goschin S., Briggs J., Blanco-Lutzen S., Cohen L. J., Galynker I. Parental affectionless control and suicidality // Journal of Affective Disorders. 2013. Vol. 151(1). P. 1–6. DOI: 10.1016/j.jad.2013.05.096.

17. Семенова Т. С. Взаимосвязь ранних дезадаптивных схем, суицидального поведения и уровня депрессии у подростков с нетрадиционной сексуальной ориентацией // Актуальные проблемы детской клинической психологии: материалы всероссийской научно-практической конференции студентов и молодых ученых. 7 апреля 2016 г. Оренбург: ОрГМУ, 2016. С. 87–91.

18. Бисалиев Р. В., Вешнева С. А. Суицидальное поведение у аддиктов и их родственников. Астрахань: ФГБОУ ВПО АГТУ, 2013. 273 с.

19. Платонова Н. В. Клиническая картина психических расстройств и особенностей психического развития у детей, подвергшихся сексуальному насилию: дис. … канд. мед. наук. РАМН. М., 2013. 131 с.

20. Barraclough B., Bunch J., Nelson B., Sainsbury P. A hundred cases of suicide: clinical aspects // Br. J. Psychiatry. 1974. Vol. 125. P. 355–373.

21. Amaral A. P., Vaz Serra A. Traumatic childhood events and potential consequences in adult health // Eur. Psychiatry. 2009. Vol. 24(S. 1). P. 1233. DOI: 10.1016/s0924-9338(09)71466-x.

22. Borges G., Benjet C., Medina-Mora M. E., Orozco R., Molnar B. E., Nock M. K. Traumatic events and suicide-related outcomes among Mexico City adolescents // J. Child Psychol. Psychiatry. 2008. Vol. 49(6). P. 654–666. DOI: 10.1111/j.1469-7610.2007.01868.x.

23. Ворсина О. П. Роль семьи в формировании суицидального поведения // Психическое здоровье семьи в современном мире: сборник тезисов II Российской конференции с международным участием (Томск, 7–8 октября 2014 г.) / под ред. Н. А. Бохана. Томск: Иван Федоров, 2014. С. 24–32.

24. Розанов В. А., Емяшева Ж. В., Бирон Б. В. Влияние травмы детского возраста на накопление стрессовых событий и формирование суицидальных тенденций в течение жизни // Укр. мед. часоп. 2011. № 6. С. 94–98.

25. Van Orden K. A., Witte T. K., Cukrovitz K. C., Braithwaite S., Selby E. A., Joiner Jr. T. E. The interpersonal theory of suicide // Psychological Review. 2010. Vol. 117(2). P. 575–600.

26. Кудрявцев И. А., Декало Е. Э. Психологические факторы и механизмы суицидогенеза как критерии суицидального риска и направленной профилактики // Суицидология. 2012. № 2(7). С. 3–11.

27. Сагалакова О. А., Труевцев Д. В., Сагалаков А. М. Целевая регуляция деятельности при антивитальной настроенности в контексте дисфункциональных схем и сформированности компенсаторных механизмов личности // Тюменский медицинский журнал. 2014. № 3. С. 21–28.

28. Lester D., Rogers J. R. (eds.) Suicide: A Global Issue. Vol. 2: Prevention. Santa Barbara: ABC-CLIO, LLC, 2013.

29. Ahmadian A., Mirzaee J., Omidbeygi M., Holsboer-Trachsler E., Brand S. Differences in maladaptive schemas between patients suffering from chronic and acute posttraumatic stress disorder and healthy controls // Neuropsychiatr Disease and Treatment. 2015. Vol. 11. P. 1677–1684. DOI: 10.2147/NDT.S85959.

30. Dale R., Power K., Kane S., Stewart A. M., Murray L. The role of parental bonding and early maladaptive schemas in the risk of suicidal behaviour repetition // Archives of Suicide Research. 2011. Vol. 14. № 7. P. 311–328.

31. Wilson J. Attachment Style and Symptoms of Psychopathology in Children in Care: An Investigation of the Mediating Role of Early Maladaptive Schemas. DClinPsy thesis, University of Sheffield. 23.07.2013. P. 165.

32. Dutra L., Callahan K., Forman E., Mendelsohn M., Herman J. Core schemas and suicidality in a chronically traumatized population // Journal of Nervous and Mental Disease. 2008. Vol. 196. P. 71–74. DOI: 10.1097/NMD.0b013e31815fa4c1.

33. Nilsson K. K. Early maladaptive schemas and functional impairment in remitted bipolar disorder patients Original Research Article // Journal of Behavior Therapy and Experimental Psychiatry. 2012. Vol. 43(4). P. 1104–1108.

34. Darvishi F., Rahmani M. A., Akbari B., Rahbar M. A Comparison of Relationship between Early Maladaptive Schemas with Depression Severity in Suicidal Group and Non-clinical Sample // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2013. Vol. 84(9). P. 1072–1077.

35. Mobed F., Naderi F. Relationship between early maladaptive schemas, flexibility of action with suicide ideation among patients with mood disorders of Ahvaz City // International Journal of Humanities and Cultural Studies. 2016. Special Issue. P. 1223–1237.

36. Cristina Pilla Della Méa, Sabrina Zancanella, Vinícius Renato Thomé Ferreira, Márcia Fortes Wagner. Early maladaptive schemas in hospitalized patients for suicide attempt // Revista Brasileira de Terapias Cognitivas. 2015. Vol. 11(1). P. 3–9. DOI: 10.5935/1808-5687.20150002.

37. HelmiKhamirani M., Alizade N. S., Rezaei F. Evaluation of early maladaptive schemas of individuals attempting suicide by self-poisoning // Scientific Journal of Kurdistan University of Medical Sciences. 2014. Vol. 19(71). P. 1–11.

EARLY INADEQUATE SCHEMES IN SUICIDAL BEHAVIOR

Ruslan V. Kadyrov[1, @1], Tatyana A. Mironenko[1, @2]

[1] Pacific State Medical University, 2, Ostryakov Ave., Vladivostok, Russia, 690002
[@1] rusl-kad@yandex.ru
[@2] virtus.cogitativa@gmail.com

Received 05.06.2017.
Accepted 14.09.2017.

Keywords: suicidal behavior, suicidal attempts, suicidal thoughts, early maladaptive schemas, schema therapy, hopelessness.

Abstract: The current paper features an empirical analysis of the interconnection between early maladaptive schemes and various forms of suicide behavior as well as an analysis of psycho-traumatic childhood events that form the basis for early maladaptive schemes. The article describes theoretical views on suicidal behavior formation from the point of view of early maladaptive schemes. The description includes the scheme of suicidal behavior formation by D. Lester and J. R. Rogers. It was established that the issue of the interrelation between the early maladaptive schemes and suicidal behavior makes up a perspective approach in comprehending the genesis of suicidal behavior through a further research of maladaptive schemes in people with suicidal behaviour. The analysis of the considered researches allowed the authors to make evidence-based assumptions about the role of early maladaptive schemes in the development of suicidal behavior, and will provide further diagnostic material for effective implementation of correctional strategies in scheme therapy.

For citation: Kadyrov R. V., Mironenko T. A. K voprosu rannikh dezadaptivnykh skhem v suitsidal'nom povedenii lichnosti [Early Inadequate Schemes in Suicidal Behavior]. *Bulletin of Kemerovo State University,* no. 3 (2017): 125–132. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-3-125-132.

References

1. *Predotvrashchenie samoubiistv: global'nyi imperativ* [Preventing suicide: a global imperative]. Zheneva, 2014, 102.

2. *Demograficheskii ezhegodnik Rossii. 2015* [Demographic Yearbook of Russia. 2015]. Moscow, 2015, 263.

3. Ivanova A. E., Sabgaida T. P., Semenova V. G., Antonova O. I., Nikitina S. Iu., Evdokushkina G. N., Chernobavskii M. V. *Smertnost' rossiiskikh podrostkov ot samoubiistv* [The mortality of Russian teenagers from suicide]. Moscow: IuNISEF, 2011, 133.

4. Arkhipova A. V. Statisticheskii analiz dinamiki kolichestva samoubiistv v Rossiiskoi Federatsii [Statistical analysis of the dynamics of the number of suicides in the Russian Federation]. *Organizatsiia raboty s molodezh'iu = Organization of work with youth*, no. 8 (2016). Available at: http://ovv.esrae.ru/270-1170 (accessed 10.09.2017).

5. Suitsidy *v Rossii i Evrope* [Suicidy v Rossii i Evrope]. Ed. Polozhii B. S. Moscow: MIA, 2016, 212.

6. Polozhii B. S., Panchenko E. A. Differentsirovannaia profilaktika suitsidal'nogo povedeniia [Differentiated prevention of suicidal behavior]. *Suitsidologiia = Suicidology*, no. 1 (2012): 8–12.

7. Prilenskii B. Iu., Rodiashin E. V., Prilenskaia A. V. Integrativnyi podkhod v psikhoterapii suitsidal'nogo povedeniia [Integrative approach in the psychotherapy of suicidal behavior]. *Suitsidologiia = Suicidology*, no. 2 (2011): 49–51.

8. Ambrumova A. G. Suitsidal'noe povedenie kak ob"ekt kompleksnogo izucheniia [Suicidal behaviour as an object of complex study]. *Kompleksnye issledovaniia v suitsidologii* [A comprehensive study of suicide-studying]. Moscow: Izd-vo NII psikhiatrii MZ RSFSR, 1986, 7–25.

9. Kolomytsev D. Iu., Drozdovskii Iu. V. Osobennosti kognitivnykh iskazhenii pri pogranichnykh psikhicheskikh rasstroistvakh u podrostkov, sovershivshikh suitsidal'nuiu popytku [The features of the cognitive distortions in borderline mental disorders in adolescents, and suicidal attempt]. *Sibirskii vestnik psikhiatrii i narkologii = Siberian Gerald of Psychiatry and Addiction Psychiatry*, no. 5(74) (2012): 39–43.

10. Truevtsev D. V. Rannie neadaptivnye skhemy pri depressii raznoi stepeni tiazhesti [Early maladaptive schemas with depression of varying severity]. *25 let Moskovskomu psikhologicheskomu obshchestvu: Iubileinyi sbornik RPO* [25 years of the Moscow psychological society: Anniversary compilation RPO]. Ed. Bogoiavlenskaia D. B., Zinchenko Iu. P. Moscow: MAKS Press, vol. 2 (2011): 22–25.

11. Piliagina G. Ia. Kognitivno-emotsional'nyi defitsit i kognitivno-emotsional'nyi disbalans v lichnostnom razvitii, formirovanii psikhicheskoi patologii i patogeneze samorazrushaiushchego povedeniia [Cognitive-emotional deficits and cognitive-emotional imbalance in personal development, the formation of a mental pathology and pathogenesis of self-destructive behaviour]. *Suitsidologiia = Suicidology*, no. 4 (2013): 10–16.

12. Young J. E., Klosko J., Weishaar M. *Schema Therapy: A Practitioner's Guide*. New York: Guilford Press, 2003, 470.

13. Arntz A., Jacob G. *Prakticheskoe rukovodstvo po skhema-terapii. Metody raboty s disfunktsional'nymi rezhimami pri lichnostnykh rasstroistvakh* [A practical guide to schema therapy. Methods of working with dysfunctional modes in personality disorders]. Transl. Plotnikova E. Ed. Chernikov A. V. Moscow: Nauchnyi mir, 2016, 320.

14. Panchenko E. A. Suitsidal'noe povedenie detei kak sledstvie nedostatkov vospitaniia v roditel'skoi sem'e [Education role in a parent family in formation of suicidal behavior]. *Vestnik nevrologii, psikhiatrii i neirokhirurgii = Messenger of a neurology, psychiatry and neurosurgery*, no. 7 (2011): 11–16.

15. Polozhii B. S., Panchenko E. A. Faktory dinamiki suitsidal'nogo protsessa [Factors of dynamics of suicidal process]. *Psikhicheskoe zdorov'e = Mental health*, no. 9 (2011): 65–68.

16. Goschin S., Briggs J., Blanco-Lutzen S., Cohen L. J., Galynker I. Parental affectionless control and suicidality. *Journal of Affective Disorders*, vol. 151(1) (2013): 1–6. DOI: 10.1016/j.jad.2013.05.096.

17. Semenova T. S. Vzaimosviaz' rannikh dezadaptivnykh skhem, suitsidal'nogo povedeniia i urovnia depressii u podrostkov s netraditsionnoi seksual'noi orientatsiei [Interrelation early the dezadaptivnykh of schemes, suicidal behavior and level of a depression at teenagers with nonconventional sex orientation]. *Aktual'nye problemy detskoi klinicheskoi psikhologii: materialy vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii studentov i molodykh uchenykh. 7 aprelia 2016 g.* [Actual problems of children's clinical psychology: Proc. all-Russian Sc.-Prac. Conf. of students and young scientists. April 7, 2016]. Orenburg: OrGMU, 2016, 87–91.

18. Bisaliev R. V., Veshneva S. A. *Suitsidal'noe povedenie u addiktov i ikh rodstvennikov* [Suicidal behavior in addicts and their relatives]. Astrakhan': FGBOU VPO AGTU, 2013, 273.

19. Platonova N. V. *Klinicheskaia kartina psikhicheskikh rasstroistv i osobennostei psikhicheskogo razvitiia u detei, podvergshikhsia seksual'nomu nasiliiu*. Diss. kand. med. nauk [Clinical picture of alienations and features of mental development in the children who underwent sex violence. Cand. medical Sci. Diss.]. Moscow, 2013, 131.

20. Barraclough B., Bunch J., Nelson B., Sainsbury P. A hundred cases of suicide: clinical aspects. *Br. J. Psychiatry*, vol. 125 (1974): 355–373.

21. Amaral A. P., Vaz Serra A. Traumatic childhood events and potential consequences in adult health. *Eur. Psychiatry*, vol. 24(S. 1) (2009): 1233. DOI: 10.1016/s0924-9338(09)71466-x.

22. Borges G., Benjet C., Medina-Mora M. E., Orozco R., Molnar B. E., Nock M. K. Traumatic events and suicide-related outcomes among Mexico City adolescents. *J. Child Psychol. Psychiatry*, vol. 49(6) (2008): 654–666. DOI: 10.1111/j.1469-7610.2007.01868.x.

23. Vorsina O. P. Rol' sem'i v formirovanii suitsidal'nogo povedeniia [Family role in formation of suicidal behavior]. *Psikhicheskoe zdorov'e sem'i v sovremennom mire: sbornik tezisov II Rossiiskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem (Tomsk, 7–8 oktiabria 2014 g.)* [Mental health of the family in the modern world: Proc. II Russian Conf. with Intern. participation (Tomsk, October 7–8, 2014)]. Ed. Bokhan N. A. Tomsk: Ivan Fedorov, 2014, 24–32.

24. Rozanov V. A., Emiasheva Zh. V., Biron B. V. Vliianie travmy detskogo vozrasta na nakoplenie stressovykh sobytii i formirovanie suitsidal'nykh tendentsii v techenie zhizni [Influence of a trauma of children's age on accumulation of stressful events and formation of suicidal tendencies during life] *Ukr. med. chasop. = Ukrainian Medical Journal*, no. 6 (2011): 94–98.

25. Van Orden K. A., Witte T. K., Cukrovitz K. C., Braithwaite S., Selby E. A., Joiner Jr. T. E. The interpersonal theory of suicide. *Psychological Review*, vol. 117(2) (2010): 575–600.

26. Kudriavtsev I. A., Dekalo E. E. Psikhologicheskie faktory i mekhanizmy suitsidogeneza kak kriterii suitsidal'nogo riska i napravlennoi profilaktiki [Psychological factors and mechanisms of a suitsidogenez as criteria of suicidal risk and the referred prophylaxis]. *Suitsidologiia = Suicidology*, no. 2(7) (2012): 3–11.

27. Sagalakova O. A., Truevtsev D. V., Sagalakov A. M. Tselevaia reguliatsiia deiatel'nosti pri antivital'noi nastroennosti v kontekste disfunktsional'nykh skhem i sformirovannosti kompensatornykh mekhanizmov lichnosti [Target regulation of activity at an anti-vital mood in the context of dysfunctional schemes and formation of compensatory mechanisms of the person]. *Tiumenskii meditsinskii zhurnal = Tyumen medical magazine*, no. 3 (2014): 21–28.

28. Lester D., Rogers J. R. (eds.) *Suicide: A Global Issue. Vol. 2: Prevention*. Santa Barbara: ABC-CLIO, LLC, 2013.

29. Ahmadian A., Mirzaee J., Omidbeygi M., Holsboer-Trachsler E., Brand S. Differences in maladaptive schemas between patients suffering from chronic and acute posttraumatic stress disorder and healthy controls. *Neuropsychiatr Disease and Treatment*, vol. 11 (2015): 1677–1684. DOI: 10.2147/NDT.S85959.

30. Dale R., Power K., Kane S., Stewart A. M., Murray L. The role of parental bonding and early maladaptive schemas in the risk of suicidal behaviour repetition. *Archives of Suicide Research*, 14, no. 7 (2011): 311–328.

31. Wilson J. *Attachment Style and Symptoms of Psychopathology in Children in Care: An Investigation of the Mediating Role of Early Maladaptive Schemas*. DClinPsy thesis, University of Sheffield. 23.07.2013, 165.

32. Dutra L., Callahan K., Forman E., Mendelsohn M., Herman J. Core schemas and suicidality in a chronically traumatized population. *Journal of Nervous and Mental Disease*, vol. 196 (2008): 71–74. DOI: 10.1097/NMD.0b013e31815fa4c1.

33. Nilsson K. K. Early maladaptive schemas and functional impairment in remitted bipolar disorder patients Original Research Article. *Journal of Behavior Therapy and Experimental Psychiatry*, vol. 43(4) (2012): 1104–1108.

34. Darvishi F., Rahmani M. A., Akbari B., Rahbar M. A Comparison of Relationship between Early Maladaptive Schemas with Depression Severity in Suicidal Group and Non-clinical Sample. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, vol. 84(9) (2013): 1072–1077.

35. Mobed F., Naderi F. Relationship between early maladaptive schemas, flexibility of action with suicide ideation among patients with mood disorders of Ahvaz City. *International Journal of Humanities and Cultural Studies*, Special Iss. (2016): 1223–1237.

36. Cristina Pilla Della Méa, Sabrina Zancanella, Vinícius Renato Thomé Ferreira, Márcia Fortes Wagner. Early maladaptive schemas in hospitalized patients for suicide attempt. *Revista Brasileira de Terapias Cognitivas*, vol. 11(1) (2015): 3–9. DOI: 10.5935/1808-5687.20150002.

37. HelmiKhamirani M., Alizade N. S., Rezaei F. Evaluation of early maladaptive schemas of individuals attempting suicide by self-poisoning. *Scientific Journal of Kurdistan University of Medical Sciences*, vol. 19(71) (2014): 1–11.

УДК 159.923.5

КОПИНГ-СТРАТЕГИИ СТУДЕНТОВ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ

Анастасия А. Киселева[1, @, *]

[1] *Иркутский государственный университет, Россия, 664003, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1*
[@] *nk160493@gmail.com*

Поступила в редакцию 13.06.2017.
Принята к печати 15.09.2017.

Ключевые слова: копинг-стратегии; ограниченные возможности здоровья; студенты с ограниченными возможностями здоровья; жизнестойкость; совладающее поведение.

Аннотация: В статье представлено исследование, цель которого состояла в изучении особенностей копинг-стратегий студентов с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) и «условно-здоровых» студентов. По результатам исследования выявлено, что студенты с ОВЗ в целом реже берут ответственность за происходящие с ними события, реже прибегают к целенаправленному анализу ситуации и своих возможностей и чаще стараются дистанцироваться от проблемы. Согласно полученным данным, в целом у студентов с ОВЗ наблюдаются проблемы с копинг-стратегиями, относящимися к когнитивной сфере.

В статье также представлен анализ гендерных особенностей совладающего поведения у студентов с ОВЗ. Установлено, что студентки с ОВЗ по сравнению со своими «условно-здоровыми» сверстницами чаще готовы идти на конфликт или предпринимать попытку справиться с проблемой за счет субъективного снижения ее значимости и степени эмоциональной вовлеченности в нее. В то же время юноши с ОВЗ меньше готовы к конфронтации, реже признают себя ответственными за возникновение проблемы и ее решение, а также менее склонны к целенаправленному анализу ситуации и возможных вариантов поведения, к выработке стратегии разрешения проблемы, планированию собственных действий с учетом объективных условий, прошлого опыта и имеющихся ресурсов.

Наконец, был проанализирован характер связей между различными копинг-стратегиями у студентов с ОВЗ и «условно-здоровыми» студентами. Установлено, что у «условно-здоровых» студентов основные связи между различными копингами приходятся на шкалы – «Планирование решения проблем» и «Положительная переоценка». Можно предположить, что у «условно-здоровых» студентов именно эти копинг-стратегии составляют своеобразное ядро механизмов совладающего поведения. Наоборот, у студентов с ОВЗ отсутствуют определенные корреляционные связи. Таким образом, у юношей и девушек с ОВЗ нельзя говорить о каком-то определенном «ядре» в системе совладающего поведения.

**** Исследование выполнено при поддержке гранта для поддержки научно-исследовательской работы аспирантов и молодых сотрудников ФГБОУ ВО «ИГУ», проект № 091-16-219.***

Для цитирования: Киселева А. А. Копинг-стратегии студентов с ограниченными возможностями здоровья // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 3. С. 133–142. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-3-133-142.

Введение

Проблема профессионального образования людей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) имеет большое значение, поскольку получение людьми с ОВЗ образования является одним из основных и неотъемлемых условий их успешной социализации, обеспечения их полноценного участия в жизни общества, эффективной самореализации в различных видах профессиональной и социальной деятельности. Однако трудности, с которыми сталкивается студент в процессе обучения, например, ускорение темпа обучения, внедрение образовательных программ с новыми формами усвоения и контроля знаний увеличивают интеллектуальные и эмоциональные нагрузки студентов, что обусловливает появление трудноуправляемых неблагоприятных эмоций и ухудшение функционального состояния, снижающих результаты деятельности студентов. Все вышеперечисленное в общем описывает проблему адаптации студентов.

В связи с этим возникает вопрос о проблеме адаптации людей с ОВЗ, которые по определению менее адаптированы к условиям высших и средне-специальных учебных заведений. Наличие особенностей развития личности студентов с ОВЗ влечет за собой возникновение широкого спектра трудностей, с которыми «условно здоровый» студент не сталкивается в своей жизни. Так, хронические соматические заболевания, физические дефекты, выступая в роли функционального ограничителя возможностей взаимодействия человека с окружающей средой, могут сформировать вторичные изменения, проявляющиеся в содержании «Я-концепции», самоактуализации личности [1].

Говоря о проблеме адаптационных ресурсов студента с ОВЗ, уместно обратиться к понятию «копинг-поведение». Понятие «копинг» в отечественной психологии рассматривается как адаптивное, совладающее поведение или психологическое преодоление. Психологическое предназначение копинг-поведения состоит в том, чтобы как можно лучше адаптировать человека к требованиям ситуации, позволяя овладеть ею, ослабить или смягчить эти требования, постараться избежать их или привыкнуть к ним и таким образом погасить стрессовое действии ситуации. Для совладания со стрессом каждый

человек использует собственные стратегии (копинг-стратегии) на основе имеющегося у него личностного опыта (личностных ресурсов – копинг-ресурсов) [2].

Обращаясь к научной литературе по проблеме изучения особенностей копинг-стратегий у студентов с ОВЗ, можно утверждать, что проблема копинг-стратегий студентов с ОВЗ крайне актуальна для современной науки. Однако достаточно небольшое количество работ посвящены именно этой теме.

Например, В. Н. Поникарова и Ю. Ю. Алексина изучали основные направления формирования продуктивного копинг-поведения у студентов с ОВЗ. В исследовании В. Н. Поникарова и Ю. Ю. Алексина использовали методику Э. Хейма. Согласно результатам данных авторов, преобладающими стратегиями для девушек с ОВЗ являются когнитивные копинг-стратегии, далее следуют эмоциональные и поведенческие. Также авторами было показано, что наиболее популярны такие копинги, как оптимизм, диссимиляция и смирение [3].

Л. А. Воскресенская в исследовании «Особенности преодолевающего поведения взрослых и молодых людей с ограниченными возможностями здоровья» выявила основные характеристики преодолевающего поведения испытуемых. Автор утверждает, что взрослым людям с ОВЗ для достижения желаемых целей свойственно прибегать к манипулятивным стратегиям преодолевающего поведения, то есть действиям, которые выражаются в проявлениях лести, «игре на чувствах» других людей, тем самым оказывая непрямое воздействие на других для получения желаемого результата. Молодые люди с ОВЗ реже прибегают к подобному типу стратегий, что говорит о большей открытости в выражении своих истинных чувств и намерений, в отличие от взрослых с ОВЗ [4].

Е. Б. Щетинина занималась изучением жизнестойкости студентов с ОВЗ. Согласно полученным ею данным, анализ результатов теста жизнестойкости у студентов с ОВЗ показал общую нормативность сформированности данного компонента [5].

Анализируя копинг-стратегии у подростков с ДЦП, Е. С. Зайцева и И. Г. Маракушина обнаружили, что подростки с двигательными нарушениями чаще прибегают к ситуативно-специфическим стратегиям, среди которых конструктивными являются планирование решения проблемы и самоконтроль; неконструктивными – дистанцирование, положительная переоценка и конфронтативный копинг. Е. С. Зайцева и И. Г. Маракушина отмечают, что, по-видимому, подростки с двигательными нарушениями вынуждены лучше планировать свою локомоцию – отсюда и преобладание данных копингов [6].

Следует отметить, что проблематика зарубежных исследований, посвященная проблеме копинг-стратегий, не вполне соотносится с отечественным опытом. Например, Н. Ферт, Д. Гривс, Е. Фриденберг рассматривали как одну из разновидностей ОВЗ нарушения в обучении у подростков и юношей. Согласно полученным данным, старшие подростки с нарушениями в обучении используют более конструктивные стратегии совладающего поведения и не центрируются на проблеме. Наоборот, более младшим подросткам свойственны менее конструктивные копинг-стратегии [7].

Л. Джемта, М. Даль, Г. Нордаль, К. Фугл-Мейер предложили четырехкомпонентную модель копинг–стратегий, которая, по их мнению, будет наиболее подходящей для лиц с ОВЗ. Данная модель включает в себя такие копинги, как «активность», «растерянность», «уход» и «поиск социальной поддержки». По мнению Л. Джемта и др., данная модель оказывается адекватной для испытуемых с ОВЗ. Однако автор не указывает, чем традиционные модели (например, структура копинг-стратегий Р. Лазаруса) не подходит для испытуемых с ОВЗ [8].

Б. Кара, К. Акикель, рассматривая, какие копинг-стратегии присущи пациентам с ОВЗ в зависимости от демографических особенностей и восприятия социальной поддержки со стороны близких, обнаружили, что испытуемые наиболее часто использовали такие стратегии, как «Решение проблем» и «Поиск социальной поддержки». При этом пациенты более старшего возраста использовали стратегию «Решение проблем», а младшего – «Поиск социальной поддержки» [9].

Проанализировав научную литературу, можно сказать, что проблема копинг-стратегий лиц с ОВЗ, как правило, отражает достаточно узкую проблематику и не дает общего представления об особенностях копинг-стратегий студентов с ОВЗ. Исходя из вышесказанного, целью нашего исследования стало изучение особенностей копинг-стратегий у студентов с ОВЗ, поскольку без учета последних при подготовке будущих специалистов она может оказаться недостаточно эффективной.

Выборка и методы исследования

В исследовании приняли участие студенты высших и средне-специальных учебных заведений в возрасте от 16 лет до 21 года, из которых 100 испытуемых были лицами с ОВЗ и 100 лиц – «условно-здоровыми» студентами, которые послужили в качестве контрольной группы. В каждой из групп было равное число испытуемых мужского и женского пола.

В группу лиц с ОВЗ вошли лица с нарушениями опорно-двигательного аппарата (38 % испытуемых), различными видами сенсорных дисфункций (24 % испытуемых), нарушениями, связанными с системами кровообращения, обмена веществ, внутренней секреции, пищеварения, дыхания (22 % испытуемых); 16 % не сообщили характер своей инвалидности. При этом в исследовании приняли участие как инвалиды детства (82 %), так и получившие инвалидность в более позднем возрасте (18 %). В контрольную группу вошли практически здоровые старшие подростки и юноши в количестве 100 человек, эквивалентные испытуемым экспериментальной группы по полу и возрасту (табл. 1).

Таблица 1. **Распределение испытуемых основной и контрольной групп по полу возрасту**
Table 1. **Characteristics of subjects from primary and control groups**

	Основная группа		**Контрольная группа**	
	Юноши	**Девушки**	**Юноши**	**Девушки**
Пол	50 (50 %)	50 (50 %)	50 (50 %)	50 (50 %)
M	18,2	17,7	17,9	17,5
σ	1,24	1,2	1,35	1,17

Для проведения исследования мы использовали методику «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса и С. Фолкман, «Методику определения индивидуальных копинг-стратегий» Э. Хейма и «Тест жизнестойкости» Д. А. Леонтьева и Е. И. Рассказовой. Стоит отметить, что одной из проблем при изучении копинг-стратегий является подбор методик. Популярные в отечественной психологии методика Р. Лазаруса и С. Фолкман и методика Э. Хейма построены на различных подходах к проблеме совладающего поведения (например, у Э. Хейма выделяются адаптивные и неадаптивные стратегии, а в подходе Р. Лазаруса и С. Фолкман такого деления нет). При этом нет данных об эффективности применения той или иной методики применительно к проблеме совладающего поведения инвалидов. Например, В. Н. Поникарова и Ю. Ю. Алексина используют методику Э. Хейма [3], а Е. С. Зайцева и И. Г. Маракушина – методику Р. Лазаруса и С. Фолкман [6].

В нашем исследовании, стремясь выявить особенности копинг-стратегий у студентов с ОВЗ, мы использовали как методику «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса и С. Фолкман, так и «Методику определения индивидуальных копинг-стратегий» Э. Хейма. На наш взгляд, это позволяет изучить различные стороны совладающего поведения испытуемых с ОВЗ. Кроме того, мы использовали «Тест жизнестойкости» Д. А. Леонтьева и Е. И. Рассказовой. Качество жизнестойкости, по мнению С. А. Богомаз, является способностью превращать проблемные ситуации в новые возможности и, таким образом, видом копинг-стратегии [10]. Обработка полученных данных осуществлялась с помощью t-критерия Стьюдента и критерия корреляции Пирсона.

Ход исследования

Изучение особенностей копинг-стратегий у студентов с ОВЗ и «условно-здоровых» студентов

На первом этапе исследования были проанализированы различия, существующие между студентами с ОВЗ и «условно-здоровыми» студентами по различным шкалам опросника Р. Лазаруса и С. Фолкман, методики Э. Хейма и «Теста Жизнестойкости» (табл. 2).

Таблица 2. **Результаты испытуемых по опроснику Р. Лазаруса и С. Фолкман «Способы совладающего поведения»**
Table 2. **The results of subjects according to the «Ways of coping» questionnaire by R. Lazarus & S. Folkman**

		Конфронтация	Дистанцирование	Самоконтроль	Социальная поддержка	Принятие ответственности	Бегство–избегание	Планирование решения проблем	Положительная переоценка
«Условно-здоровые» студенты	**M**	47,99	46,16	41,85	44,68	48,37	49,90	47,26	47,99
	σ	11,89	10,60	13,06	11,03	10,90	11,19	11,56	11,12
Студенты с ОВЗ	**M**	49,41	50,72	40,49	43,01	44,32	48,25	44,17	48,06
	σ	11,58	12,11	10,89	11,04	10,68	11,60	11,50	12,03

Оказалось, что между студентами с ОВЗ и «условно-здоровыми» студентами по шкалам опросника Р. Лазаруса и С. Фолкмана существует ряд значимых различий по шкалам «Дистанцирование» ($t=2,344$; $p<0,02$), «Принятие ответственности» ($t=–2,92$; $p<0,01$), «Планирование решения проблем» ($t=–1,99$; $p<0,05$). Получается, что «условно-здоровые» студенты реже предпринимают попытки преодоления негативных переживаний в связи с проблемой за счет субъективного снижения ее значимости и степени эмоциональной вовлеченности в нее. Наоборот, студенты с ОВЗ реже признают себя ответственными в возникновении проблемы и свою ответственность за ее решение, а также менее склонны к целенаправленному анализу ситуации и возможных вариантов поведения, к выработке стратегии разрешения проблемы, планированию собственных действий с учетом объективных условий, прошлого опыта и имеющихся ресурсов.

По шкалам методики Д. А. Леонтьева и Е. И. Рассказовой «Тест жизнестойкости» было обнаружено только одно различие между студентами с ОВЗ и «условно-здоровыми» студентами. Оказалось, что шкала «Принятие риска» у испытуемых с ОВЗ гораздо ниже, чем у «условно-здоровых» студентов ($t=–3,7$; $p<0,01$). Соответственно, можно предположить, что студенты с ОВЗ менее убеждены в том, что все жизненные события, которые с ними происходят, способствуют их развитию за счет знаний, извлекаемых из опыта, — неважно, позитивного или негативного. Вероятно, испытуемые с ОВЗ не готовы действовать при отсутствии надежных гарантий успеха, на свой страх и риск, и ориентируются на собственный комфорт и безопасность (табл. 3).

Таблица 3. **Результаты испытуемых по методике Д. А. Леонтьева, Е. И. Рассказовой «Тест жизнестойкости»**
Table 3. **The results of subjects according to the «Hardiness test» questionnaire by D. A. Leontiev & E. I. Rasskazova**

		Жизнестойкость	Вовлеченность	Контроль	Принятие риска
«Условно-здоровые» студенты	**M**	78,67	33,21	27,76	17,70
	σ	19,86	9,18	8,21	4,67
Студенты с ОВЗ	**M**	76,27	32,50	28,79	14,98
	σ	21,52	10,24	8,19	5,28

При анализе результатов методики Э. Хейма оказалось, что в целом у «условно-здоровых» студентов адаптивные варианты копинг-стратегий выражены несколько больше, чем у студентов с ОВЗ. Наоборот, у студентов с ОВЗ по сравнению с обычными студентами преобладают неадаптивные варианты копинг-стратегий. Однако значимых различий на уровне данных шкал обнаружено не было. Дальнейший анализ показал, что у студентов с ОВЗ более выражены неадаптивные и менее – относительно адаптивные копинг-стратегии, относящиеся к когнитивной сфере (z=2,021, z=2,15, соответственно, p<0,05). На уровне конкретных шкал у испытуемых с ОВЗ и без ОВЗ существуют различия по шкалам «Смирение» (z=2,67, p<0,01), «Проблемный анализ» (z=2,26, p<0,033), и «Относительность» (z=2,81, p<0,01). При этом у испытуемых с ОВЗ закономерно выше показатели по шкале «Смирение» и ниже – по шкалам «Проблемный анализ» и «Относительность». Данные показатели свидетельствуют о том, что студенты с ОВЗ склонны принимать происходящие с ними стрессовые ситуации, осознавать их и уменьшать их значимость по сравнению с жизненными трудностями других людей (табл. 4).

Таблица 4. **Результаты испытуемых по методике Э. Хейма «Методика определения индивидуальных копинг-стратегий»**
Table 4. **The results of subjects according to E. Heim's questionnaire «Methods of determining the individual coping strategies»**

	Адаптивные варианты	**Неадаптивные варианты**	**Относительно адаптивные варианты**
«Условно-здоровые» студенты	44,71 %	25,40 %	29,89 %
Студенты с ОВЗ	41,99 %	31,49 %	26,52 %

Таким образом, было установлено, что существуют особенности копинг-стратегий студентов с ОВЗ и «условно-здоровых» студентов. Оказалось, что испытуемые с ОВЗ в целом реже берут ответственность за происходящие с ними события, реже прибегают к целенаправленному анализу ситуации и своих возможностей и чаще стараются дистанцироваться от проблемы. Согласно полученным данным, в целом у студентов с ОВЗ наблюдаются проблемы с копинг-стратегиями, относящимися к когнитивной сфере.

Особенности копинг-стратегий у студентов с ОВЗ различного пола

На следующем этапе исследования был проведен анализ гендерных особенностей копинг-стратегий у студентов с ОВЗ и «условно-здоровых» студентов. По результатам оказалось, что существуют значимые различия в выраженности копинг-стратегий как у юношей и девушек с ОВЗ, так и у «условно-здоровых» юношей и девушек.

Так, у студенток с ОВЗ более выражены такие стратегии, как «Конфронтация» (t=1,98; p<0,05), «Дистанцирование» (t=3,82; p<0,01). Таким образом, по сравнению с «условно-здоровыми» девушками, студентки с ОВЗ чаще готовы идти на конфликт или предпринимать попытку справиться с проблемой за счет субъективного снижения ее значимости и степени эмоциональной вовлеченности в нее.

Еще больше расхождений существуют у юношей с ОВЗ и «условно-здоровых» юношей. Так, различия есть по таким шкалам, как «Конфронтация» (t=–2,15; p<0,05), «Самоконтроль» (t=–2,65; p<0,01), «Принятие ответственности» (t=–2,49; p<0,02), «Планирование решения проблем» (t=–2,31; p<0,03). Во всех случаях данные стратегии у юношей с ОВЗ оказываются менее выражены, чем у «условно-здоровых» юношей. Получается, что юноши с ОВЗ меньше готовы к конфронтации, реже признают себя ответственными за возникновение проблемы и за ее решение, а также менее склонны к целенаправленному анализу ситуации и возможных вариантов поведения, к выработке стратегии разрешения проблемы, планированию собственных действий с учетом объективных условий, прошлого опыта и имеющихся ресурсов.

Наконец, было установлено, что существуют различия у юношей и девушек как с ОВЗ, так и «условно-здоровых» студентов в выборе копинг-стратегий. У студенток с ОВЗ по сравнению с юношами более выражена такая стратегия, как «Конфронтация» (t=2,00; p<0,05), «Дистанцирование» (t=2,74; p<0,01), «Принятие ответственности» (t=2,38; p<0,02), «Бегство-избегание» (t=2,1; p<0,039). У «условно-здоровых» студентов, наоборот, юноши проявляют более выраженный конфронтационный копинг, чем девушки (t=-2,31; p<0,01); чаще используют стратегию дистанцирования, чаще планируют решение своих проблем и прибегают к положительной переоценке.

В целом можно заключить, что предпочитаемые копинг-стратегии у девушек и юношей с ОВЗ радикально отличаются от предпочитаемых стратегий совладающего поведения у «условно-здоровых» девушек и юношей: девушки с ОВЗ чаще обращаются к стратегиям, которые предпочитают юноши без ОВЗ и, наоборот, юноши с ОВЗ предпочитают стратегии, используемые «условно-здоровыми» девушками (табл. 5).

Таблица 5. **Гендерные особенности испытуемых по результатам опроснику Р. Лазаруса и С. Фолкман «Способы совладающего поведения»**
Table 5. **The gender peculiarities of subjects according to the «Ways of coping» questionnaire by R. Lazarus & S. Folkman**

		Конфронтация	Дистанцирование	Самоконтроль	Социальная поддержка	Принятие ответственности	Бегство-избегание	Планирование решения проблем	Положительная переоценка
«Условно-здоровые» студенты	**юноши**	53,25	48,60	46,20	45,35	48,70	51,35	49,30	49,45
	девушки	47,09	45,74	41,09	44,56	48,31	49,65	46,91	47,74
Студенты с ОВЗ	**юноши**	46,08	46,16	37,52	40,96	40,56	45,76	42,72	46,36
	девушки	51,30	53,32	42,18	44,18	46,45	49,66	45,00	49,02

Анализ результатов «Теста жизнестойкости» у испытуемых различного пола показал, что у девушек с ОВЗ по сравнению с их «условно-здоровыми» сверстницами менее выражена такая шкала, как «Принятие риска» ($t=-4,3$; $p<0,01$). У юношей с ОВЗ по сравнению с «условно-здоровыми» юношами никаких различий по шкалам этой методики не наблюдается.

Между юношами и девушками с ОВЗ существуют следующие различия: у девушек с ОВЗ менее выражены шкалы «Жизнестойкость» ($t=-2,09$; $p<0,05$), «Контроль» ($t=-2,64$; $p<0,01$). У «условно-здоровых» студентов никаких различий по методике «Тест жизнестойкости» обнаружено не было (табл. 6).

Таблица 6. **Гендерные особенности испытуемых по результатам по методике Д. А. Леонтьева, Е. И. Рассказовой «Тест жизнестойкости»**
Table 6. **The gender peculiarities of subjects by questionnaire «Hardiness test» of D. A. Leontiev & E. I. Rasskazova**

		Жизнестойкость	Вовлеченность	Контроль	Принятие риска
«Условно-здоровые» студенты ОВЗ	**юноши**	79,26	32,84	29,68	16,74
	девушки	78,57	33,28	27,44	17,85
Студенты с ОВЗ	**юноши**	83,29	34,71	32,17	16,42
	девушки	72,26	31,24	26,86	14,17

Наконец, проанализируем различия, существующие у испытуемых с ОВЗ и «условно-здоровых» по методике Э. Хейма. В ходе исследования не было обнаружено различий ни в адаптивных, ни в неадаптивных, ни в относительно неадаптивных стратегиях между юношами с ОВЗ и «условно-здоровыми» юношами, равно как и между девушками. Однако существуют различия между девушками с ОВЗ и «условно-здоровыми» девушками по отдельным шкалам (Когнитивные копинги – Неадаптивные стратегии, $z=-3,021$, $p<0,01$). В то же время результаты методики юношей с ОВЗ и «условно-здоровых» юношей не дали различий. Наконец, мы не нашли различий между юношами и девушками с ОВЗ.

Следует отметить, что у девушек с ОВЗ и «условно-здоровыми» девушками различия приходятся только на шкалы «Смирение» ($U=2024$, $p<0,01$) и «Отвлечение» ($U=2108$, $p<0,01$) (у девочек с ОВЗ шкала «Отвлечение» выражена сильнее). У юношей по отдельным шкалам различий обнаружено не было.

Таким образом, можно сделать вывод, что существуют гендерные особенности совладающего поведения у студентов с ОВЗ. Было установлено, что студентки с ОВЗ чаще готовы к конфликту или субъективному снижению значимости проблемы, а юноши с ОВЗ реже идут на конфронтацию и принимают на себя ответственность за различные события своей жизни. При этом студентки с ОВЗ оказываются менее жизнестойкими, чем их сверстники мужского пола с ОВЗ.

Вместе с тем не было обнаружено различий между юношами и девушками с ОВЗ по методике Э. Хейма. Возможно, это связано с тем, что опросник Р. Лазаруса и С. Фолкман и методики Э. Хейма построены на различных подходах к проблеме совладающего поведения. Если у Э. Хейма выделяются адаптивные и неадаптивные стратегии, то подход Р. Лазаруса и С. Фолкман предполагал, что все копинг-стратегии могут быть адаптивны и дезадаптивны в зависимости от ситуации. Если у Э. Хейма выделялись отдельно когнитивные, аффективные и поведенческие копинги, то в опроснике Р. Лазаруса и С. Фолкман такого деления нет.

Особенности связей между различными копинг-стратегиями у студентов

Для уточнения особенностей совладающего поведения у студентов с ОВЗ мы проанализировали характер связей между различными копинг-сратегиями, исполь-

зуемыми студентами. Прежде всего, мы рассмотрели, какие связи существуют между шкалами опросника Р. Лазаруса и С. Фолкман и методики Э. Хейма.

Оказалось, что у девушек с ОВЗ основные связи между копингами, измеренными при помощи опросника Р. Лазаруса и С. Фолкман и при помощи методики Э. Хейма, приходятся на когнитивные стратегии – неадаптивные и относительно адаптивные. Так, обнаружена связь между стратегиями «Самоконтроль», «Поиск социальной поддержки», «Планирование решения проблем» и неадаптивными когнитивными копингами (r=–0,3, r=–0,39, r=–0,387 соответственно, p<0,01), а также между стратегиями «Принятие ответственности», «Положительная переоценка» и «Планирование решения проблем» (r=0,38, r=0,43, r=0,33 соответственно, p<0,01). В случае же с «условно-здоровыми» девушками основные корреляции связаны с адаптивными и неадаптивными аффективными копинг-стратегиями (r=0,38, r=–0,34 для «Планирования решения проблем» и r=0,35, r=–0,39 для «Положительной переоценки» соответственно, p<0,01).

Говоря же о юношах, следует отметить, что у юношей с ОВЗ корреляции между шкалами опросника Р. Лазаруса и С. Фолкман и методики Э. Хейма отсутствуют. У юношей-студентов без ОВЗ можно говорить только об относительно невысоких корреляциях между копинг-стратегиями «Планирование решения проблем» и «Положительная переоценка» и отдельных группах копинг-стратегий методики Э. Хейма (неадаптивных когнитивных копингов – r=–0,27, p<0,05; адаптивных аффективных копингах – r=0,31, p<0,05; относительно адаптивных поведенческих копингах – r=0,28, p<0,05).

В целом можно заключить, что у «условно-здоровых» студентов основные корреляции между шкалами методики Э. Хейма и опросника Р. Лазаруса и С. Фолкман приходятся на копинг-стратегии «Планирование решения проблем» и «Положительная переоценка»; у студентов с ОВЗ связи иные: если у юношей их нет вовсе, то у девушек корреляции приходятся на другие копинги – «Самоконтроль», «Поиск социальной поддержки», «Принятие ответственности».

Иные корреляции можно наблюдать при анализе связи шкал «Теста жизнестойкости» и теста Э. Хейма и опросника Р. Лазаруса и С. Фолкман (табл. 7).

Таблица 7. **Корреляционные связи между шкалами опросника Р. Лазаруса и С. Фолкман «Способы совладающего поведения» и методики Д. А. Леонтьева, Е. И. Рассказовой «Тест жизнестойкости»**
Table 7. **The correlation between the scales of questionnaires «Ways of coping» by R. Lazarus & S. Folkman and «Hardiness test» by D. A. Leontiev & E. I. Rasskazova**

	Девушки с ОВЗ				Юноши с ОВЗ			
	Жизнестойкость	**Вовлеченность**	**Контроль**	**Принятие риска**	**Жизнестойкость**	**Вовлеченность**	**Контроль**	**Принятие риска**
Конфронтация	–0,219	–0,21	–0,168	–0,226	–,338*	–,318*	–,296*	–0,210
Дистанцирование	–0,247	–0,158	–,307*	–0,232	–,491**	–,395**	–,424**	–,311*
Самоконтроль	–0,263	–0,216	–,319*	–0,250	–,406*	–,320*	–0,216	–0,258
Социальная поддержка	0,266	0,263	0,259	0,192	–0,252	–0,253	–0,190	–0,176
Принятие ответственности	–0,225	–0,159	–0,212	–0,252	–0,155	–0,233	–0,057	–0,072
Бегство-избегание	–0,256	–0,236	–0,263	–0,267	–,382**	–,508**	–,438**	–,415**
Планирование решения проблем	0,075	0,137	0,023	0,002	–0,198	–0,099	–0,201	–0,154
Положительная переоценка	0,158	0,2492	0,139	–0,063	–0,251	–0,234	–0,225	–0,173

Так, оказалось, что у девушек с ОВЗ корреляции между шкалами опросника Р. Лазаруса и С. Фолкман и «Теста жизнестойкости» практически отсутствуют. Существуют корреляции только со шкалой «Контроль» методики «Тест жизнестойкости» и такими шкалами опросника Р. Лазаруса и С. Фолкман, как «Дистанцирование» и «Самоконтроль» (r=–0,307, r=–0,319 соответственно, p<0,05). Между шкалами «Теста жизнестойкости» и методики Э. Хейма никаких связей обнаружено не было.

Наоборот, у «условно-здоровых» студенток можно говорить о целом ряде связей между шкалами «Теста жизнестойкости» и такими шкалами опросника Р. Лазаруса и С. Фолкман, как «Принятие ответственности» (r=–0,31, p<0,05), «Бегство-избегание» (r=–0,51, p<0,01), «Планирование решения проблем» (r=0,27, p<0,05) и «Положительная переоценка» (r=0,28, p<0,05). Кроме того, шкалы «Теста жизнестойкости» отрицательно коррелируют с неадаптивными шкалами методики Э. Хейма (r=–0,28, p<0,05 для когнитивных неадаптивных копингов) и положительно – с адаптивными шкалами (r=–0,36, p<0,01 для аффективных адаптивных копингов).

У юношей с ОВЗ, наоборот, имеются тесные связи между шкалами «Теста жизнестойкости» и опросника Р. Лазаруса и С. Фолкман для всех копинг-стратегий, исключая «Планирование решения проблем» и «Положительная переоценка». Кроме того, шкалы «Теста жизнестойкости» положительно связаны с адаптивными поведенческими копинг-стратегиями, измеренными при

помощи методики Э. Хейма (r=0,424, p<0,01) и отрицательно – с неадаптивными (r=–0,41, p<0,01).

У «условно-здоровых» юношей, наоборот, шкалы «Теста жизнестойкости» связаны только со шкалой «Положительная переоценка» (r=0,43, p<0,01). Что касается методики Э. Хейма, то присутствует отрицательная связь с неадаптивными поведенческими копинг-стратегиями (r=–0,31, p<0,01) и положительная – с относительно адаптивными (r=0,28, p<0,01).

Таким образом, корреляционный анализ показал, что у «условно-здоровых» студентов основные связи между различными копингами приходятся на две шкалы – «Планирование решения проблем» и «Положительная переоценка». Эти связи носят положительный характер со шкалами «Теста Жизнестойкости» и адаптивными копингами, измеренными при помощи методики Э. Хейма. Можно предположить, что у «условно-здоровых» студентов именно эти копинг-стратегии – «Планирование решения проблем» и «Положительная переоценка» – составляют своеобразное ядро механизмов совладающего поведения.

Наоборот, у студентов с ОВЗ основные корреляции не связаны со шкалами «Планирование решения проблем» и «Положительная переоценка». Более того, у девушек качество жизнестойкости оказывается практически не связанным с копинг-стратегиями, а у юношей эти связи носят отрицательный характер. Таким образом, можно сделать вывод, что у юношей и девушек с ОВЗ нельзя говорить о каком-то определенном «ядре» в системе совладающего поведения, которое было бы одновременно связанным со всеми другими стратегиями совладающего поведения.

Результаты и обсуждение

Итак, в ходе проведенного исследования мы установили, что существуют как особенности копинг-стратегий у студентов с ОВЗ, так и особенности копинг-стратегий поведения студентов с ОВЗ в зависимости от их принадлежности к тому или иному полу. Оказалось, что студенты с ОВЗ в целом реже берут ответственность за происходящие с ними события, реже прибегают к целенаправленному анализу ситуации и своих возможностей и чаще стараются дистанцироваться от проблемы. Согласно полученным данным, в целом у студентов с ОВЗ наблюдаются проблемы с копинг-стратегиями, относящимися к когнитивной сфере. При этом существуют специфические особенности в выборе копинг-стратегий в зависимости от пола испытуемых: девушки с ОВЗ чаще обращаются к копинг-стратегиям, которые предпочитают юноши без ОВЗ и наоборот. Наконец, корреляционный анализ позволил предположить, что у юношей и девушек с ОВЗ нельзя говорить о каком-то определенном «ядре» в системе совладающего поведения, которое было бы одновременно связанным со всеми другими стратегиями совладающего поведения, в то время как у «условно-здоровых» студентов такие центральные копинг-стратегии выделить можно.

Вместе с тем сравнить полученные нами результаты с работами других авторов, посвященных этой же проблеме, достаточно сложно. Хотя в отечественной науке велико число работ, изучающих особенности совладающего поведения у лиц с ОВЗ, большая их часть посвящена рассмотрению данного вопроса на выборке с широким возрастным диапазоном (например, от 20 до 40 лет у Е. А. Кущ, С. С. Чеботарева [11] или в возрасте 34 лет у Е. В. Романовой и О. Н. Толкачевой [12])

Совладающее поведение юношей и девушек с ОВЗ изучали В. Н. Поникарова и Ю. Ю. Алексина, однако они использовали для этого только методику Э. Хейма.. В нашем исследовании у испытуемых с ОВЗ преобладали эмоциональные стратегии (39 %) и когнитивные (30 %); какого-то существенного расхождения с выбором копинг-стратегий у испытуемых без ОВЗ обнаружено не было.

Согласно В. Н. Поникаровой и Ю. Ю. Алексиной, продуктивные копинг-стратегии составляют 25,2 % от числа выбранных вариантов ответа, относительно-продуктивные – 30,5 %, непродуктивные – 44 %. [3]. В нашем исследовании мы, действительно, обнаружили, что непродуктивные стратегии несколько более преобладают у испытуемых с ОВЗ по сравнению с обычными студентами. Однако расхождения не столь существенны, и на продуктивные копинг-стратегии приходится более 40 % как у испытуемых без ОВЗ, так и с ОВЗ.

Наконец, авторами показано, что наиболее популярны такие копинги, как «Оптимизм» (18 %), «Диссимиляция» (15 %) и «Смирение» (10 %) [3]. В нашем исследовании мы, действительно, обнаружили, что на уровне конкретных шкал у испытуемых с ОВЗ закономерно выше показатели по шкале «Смирение» и ниже – по шкалам «Проблемный анализ» и «Относительность». Различий по шкалам «Оптимизм» и «Диссимиляция» обнаружено не было.

По результатам Л. А. Воскресенской следует, что непрямые действия в большей степени присущи взрослым людям с ограниченными возможностями здоровья [4]. Однако полученные ею результаты достаточно сложно сравнить с полученными нами данными – как из-за различий в используемых методиках, так и потому, что в своем исследовании мы сравниваем испытуемых-студентов с ОВЗ и без него. В целом, действительно, у студентов с ОВЗ, согласно полученным нами данным, несколько более выражен такой копинг, как «Конфронтация» и несколько меньше – «Самоконтроль» (что можно интерпретировать как большую открытость и непосредственность в выражении своих чувств и намерений). Однако эти различия не являются статистически значимыми.

Анализируя копинг-стратегии у подростков с ДЦП, Е. С. Зайцева и И. Г. Маракушина обнаружили, что подростки с двигательными нарушениями чаще прибегают к ситуативно-специфическим стратегиям, среди которых конструктивными являются «Планирование решения проблемы» и «Самоконтроль»; неконструктивными – «Дистанцирование», «Положительная переоценка» и «Конфронтативный копинг» [6]. В нашей же выборке испытуемых с двигательными нарушениями было, по-видимому, недостаточно, чтобы данная тенденция проявилась.

Таким образом, можно сделать вывод, что полученные нами результаты, с одной стороны, совпадают с некоторыми особенностями совладающего поведения студентов с ОВЗ, выделенных другими авторами, а с другой стороны, расходятся с ними. По нашему мнению, это

объясняется как особенностями выборки, так и используемыми методиками. По-видимому, при изучении стратегий совладающего поведения используемый нами подход – без четкой дифференциации студентов по особенностям ОВЗ – позволяет установить только общие закономерности и затрудняет сравнение с результатами других авторов. Как в случае с результатами Е. Б. Щетининой [5], так и в случае с результатами Л. А. Воскресенской [4], В. Н. Поникаровой и Ю. Ю. Алексиной [3] на выборках, где нет четкого определения рассматриваемого ограничения здоровья, а также указания на процентное соотношение различных ограничений, полученные результаты могут существенно расходиться как в большую, так и в меньшую сторону.

Сравнивая полученные результаты с зарубежными исследованиями, можно отметить следующее: Н. Ферт, Д. Гривс, Е. Фриденберг рассматривали как одну из разновидностей ОВЗ нарушения в обучении у подростков и юношей. Согласно полученным данным, старшие подростки с нарушениями в обучении используют более конструктивные стратегии совладающего поведения и не центрируются на проблеме, в то же время младшим подросткам свойственны менее конструктивные копинг-стратегии [19]. Действительно, можно предположить рост числа использования продуктивных стратегий совладающего поведения с возрастом. Однако мы не выделяли отдельно группу испытуемых с соответствующими нарушениями.

Согласно результатам Б. Кара и К. Акикеля, авторами обнаружено, что испытуемые наиболее часто использовали такие стратегии, как «Решение проблем» и «Поиск социальной поддержки». При этом пациенты более старшего возраста использовали стратегию «Решение проблем», а младшего – «Поиск социальной поддержки». Согласно нашим данным, у испытуемых с ОВЗ по сравнению с практически здоровыми испытуемыми обе указанные выше стратегии оказываются менее выраженными. Вместе с тем, если речь идет о сравнении испытуемых с ОВЗ в зависимости от их возраста, то, возможно, происходит рост выраженности данных стратегий.

Наконец, мы не обнаружили ни в отечественной, ни в зарубежной психологии исследований, в которых бы основное внимание уделялось сравнению особенностей копинг-стратегий у инвалидов детства и лиц, ставших инвалидами в более позднем возрасте. При том, согласно полученным нами результатам, отличие в совладающем поведении на данной выборке испытуемых является наиболее драматичным. Малый ее объем не позволил нам установить дополнительные особенности в выраженности копинг-стратегий, что станет целью нашего следующего исследования.

Заключение

По результатам исследования можно сделать следующие выводы:

1. Студенты с ОВЗ в целом реже берут ответственность за происходящие с ними события, реже прибегают к целенаправленному анализу ситуации и своих возможностей и чаще стараются дистанцироваться от проблемы. Согласно полученным данным, в целом у студентов с ОВЗ наблюдаются проблемы с копинг-стратегиями, относящимися к когнитивной сфере.

2. Существуют гендерные особенности копинг-стратегий у студентов с ОВЗ. Если студентки с ОВЗ демонстрируют большую готовность к конфликту или чаще, чем сверстницы, уменьшают субъективную значимость проблемы, то юноши с ОВЗ, наоборот, реже идут на конфронтацию или принимают ответственность за происходящие с ними события, равно как и меньше уделяют внимание анализу своего поведения. При этом студентки с ОВЗ оказываются менее жизнестойкими, чем их сверстники мужского пола с ОВЗ.

3. У «условно-здоровых» студентов основные связи между различными копинг-стратегиями приходятся на две шкалы – «Планирование решения проблем» и «Положительная переоценка». Эти связи носят положительный характер со шкалами «Теста жизнестойкости» и адаптивными копингами, измеренными при помощи методики Э. Хейма. Можно предположить, что у «условно-здоровых» студентов именно эти копинг-стратегии–составляют своеобразное ядро механизмов совладающего поведения. Наоборот, у студентов с ОВЗ основные корреляции не связаны со шкалами «Планирование решения проблем» и «Положительная переоценка». Таким образом, нельзя говорить о каком-то определенном «ядре» у юношей и девушек с ОВЗ в системе совладающего поведения, которое было бы одновременно связанным со всеми другими его стратегиями.

Литература

1. Купреева О. И. Особенности психологического сопровождения студентов с ОВЗ // Инклюзивное образование: методология, практика, технология: материалы международной научно-практической конференции. 2011. С. 210–211.

2. Вассерман Л. И., Абаков В. А., Трофимова Е. А. Совладание со стрессом. Теория и психодиагностика. СПб.: Речь, 2010. 192 с.

3. Поникарова В. Н., Алексина Ю. Ю. Содержание и основные направления формирования продуктивного копинг-поведения у лиц с ограниченными возможностями здоровья // Международный студенческий научный вестник. 2015. № 5-3. С. 412–414.

4. Воскресенская Л. А. Особенности преодолевающего поведения взрослых и молодых людей с ограниченными возможностями здоровья // Психология стресса и совладающего поведения: материалы III Междунар. науч.-практ. конф. Кострома, 2013. Т. 1. С. 89–91.

5. Щетинина Е. Б. Жизнестойкость студентов с ограниченными возможностями здоровья как фактор успешной социально-психологической адаптации к среде высшего образовательного учреждения // Известия Саратовского университета. Новая серия. Акмеология образования. Психология развития. 2015. Т. 4. № 4(16). С. 306-310. DOI: 10.18500/2304-9790-2015-4-4-306-309.

6. Маракушина И. Г. Зайцева Е. С. Психологический анализ копинг-стратегий у подростков с детским церебральным параличом // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 3. С. 647–655.
7. Firth N., Greaves D., Frydenberg E. Coping styles and strategies: A comparison of adolescent students with and without learning disabilities // Journal of Learning Disabilities. 2010. № 43(1). P. 77–85.
8. Jemta L., Dahl M., Nordahl G., Fugl-Meyer K. S. Coping strategies among Swedish children and adolescents with mobility impairment in relation to demographic data, disability characteristics and well-being // Acta Paediatrica, International journal of paediatrics. 2007. Т. 96. № 8. С. 1184–1189.
9. Kara B., Acikel Ch. Predictors of coping in a group of Turkish patients with physical disability // Journal of Clinical Nursing. 2012. № 21(7-8). P. 983–993.
10. Богомаз С. А. Жизнестойкость человека как личностный ресурс совладания со стрессами и достижения высокого уровня здоровья // Здоровье нации – основа процветания России: материалы научно-практических конгрессов III Всероссийского форума (10–12 апреля 2007). Москва, 2007. Т. 3. Ч. 1. С. 23–25.
11. Кущ Е. А, Чеботарев С. С.. Личностные ресурсы совладающего поведения людей с ограниченными возможностями // Вестник магистратуры. 2012. № 4. С. 63–66
12. Романова Е. В., Толкачева О. Н. Сравнительное исследование копинг-стратегий, особенностей межличностных отношений и смысложизненных ориентаций у лиц с врожденными и приобретенными заболеваниями опорно-двигательного аппарата // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2015. № 4. С. 87–98.
13. Вассерман Л. И., Иовлев Б. В., Исаева Е. Р., Трифонова Е. А., Щелкова О. Ю., Новожилова М. Ю., Вукс А. Я. Методика для психологической диагностики совладающего поведения в стрессовых и проблемных для личности ситуациях. СПб.: Психоневрологический институт им. В. М. Бехтерева, 2008. 35 с.
14. Леонтьев Д. А., Рассказова Е. И. Тест жизнестойкости. М.: Смысл, 2006. 63 с.

COPING STRATEGIES IN STUDENTS WITH PHYSICAL CONDITIONS

Anastasia A. Kiseleva[1, @, *]

[1] *Irkutsk State University, 1, Karl Marks St., Irkutsk, Russia, 664003*
[@] *nk160493@gmail.com*

Received 13.06.2017.
Accepted 15.09.2017.

Keywords: students with disabilities, coping strategies, hardiness; coping behavior.

Abstract: The current research revealed that students with physical conditions (health limitations) in general seldom take responsibility for the events happening to them, and rarely analyze the situation and their possibilities and more often try to distance from the problem. According to the data obtained, the handicapped students demonstrate problems with coping strategies in the cognitive sphere.
The article also gives an analysis of the gender peculiarities of coping behavior among students with physical conditions. It has been revealed that female students with health limitations are more often ready to have a conflict or to try to cope with the problem by subjectively diminishing its importance and degree of their emotional involving into it, as compared to their so-called conditionally healthy peers. However, male students with health limitations are less ready for confrontation, rarely accept responsibility for the problem and its solution; they also have less tendency for direct analysis of the situation and possible variants of behavior, as well as working out the strategy for the problem solving and planning their actions considering objective conditions, previous experience and resources.
Also, the article analyzes the character of relations between different coping strategies of the students with physical conditions those conditionally healthy. It has been revealed that the main relations between different copings of conditionally healthy students are represented by the scales «Problem-solving Planning» and «Positive reestimation». It is possible to suggest that for these (healthy) students these coping strategies compose the core of the mechanisms of coping behavior. On the contrary, the students with health limitations do not demonstrate any definite correlation connections. Thus, it is impossible to speak about a definite core in the system of coping behavior in students with physical conditions.

**** The research was supported by the grant of Irkutsk State University for young researchers and employees, project No. 091-16-219.***

For citations: Kiseleva A. A. Koping-strategii studentov s ogranichennymi vozmozhnostiami zdorov'ia [Coping Strategies in Students with Physical Conditions]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2017): 133–142. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-3-133-142.

References

1. Kupreeva O. I. Osobennosti psikhologicheskogo soprovozhdeniia studentov s OVZ [Features of psychological support of students with disabilities]. *Inkliuzivnoe obrazovanie: metodologiia, praktika, tekhnologiia: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Inclusive education: methodology, practice, technology: Proc. Intern. Sc.-Prac. Conf.]. 2011, 210–211.

2. Vasserman L. I., Abakov V. A., Trofimova E. A. *Sovladanie so stressom. Teoriia i psikhodiagnostika* [Stress cope. Theory and psycho-diagnosis]. Saint-Petersburg: Rech', 2010, 192.

3. Ponikarova V. N., Aleksina Yu. Yu. Soderzhanie i osnovnye napravleniia formirovaniia produktivnogo koping-povedeniia u lits s ogranichennymi vozmozhnostiami zdorov'ia [The content and the main directions of forming the productive coping-behavior of the handicapped]. *Mezhdunarodnyi studencheskii nauchnyi vestnik = International Student Scientific Bulletin*, no. 5-3 (2015): 412–414.

4. Voskresenskaia L. A. Osobennosti preodolevaiushchego povedeniia vzroslykh i molodykh liudei s ogranichennymi vozmozhnostiami zdorov'ia [The peculiarities of overcoming behavior of the adults and young handicapped]. *Psihologiia stressa i sovladajushhego povedeniia: materialy III Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Psychology of stress and coping behavior: Proc. 3th Intern. Sc.-Prac. Conf.]. Kostroma, vol. 1 (2013): 89–91.

5. Shhetinina E. B. Zhiznestoikost' studentov s ogranichennymi vozmozhnostiami zdorov'ia kak faktor uspeshnoi sotsial'no-psikhologicheskoi adaptatsii k srede vysshego obrazovatel'nogo uchrezhdeniia [The hardiness of handicapped students as a factor of successful social psychological adaptation for higher school environment]. *Izvestiia Saratovskogo universiteta. Novaia seriia. Akmeologiia obrazovaniia. Psikhologiia razvitiia = Proceedings of the Saratov University. New episode. Acmeology of education. Developmental psychology*, 4, no. 4(16) (2015): 306–310. DOI: 10.18500/2304-9790-2015-4-4-306-309.

6. Marakushina I. G. Zajceva E. S. Psikhologicheskii analiz koping-strategii u podrostkov s detskim tserebral'nym paralichom [The psychological analysis of coping strategies of the adolescents with cerebral paralysis]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia = Modern problems of science and education*, no. 3 (2014): 647–655.

7. Firth N., Greaves D., Frydenberg E. Coping styles and strategies: A comparison of adolescent students with and without learning disabilities. *Journal of Learning Disabilities*, no. 43(1) (2010): 77–85.

8. Jemta L., Dahl M., Nordahl G., Fugl-Meyer K. S. Coping strategies among Swedish children and adolescents with mobility impairment in relation to demographic data, disability characteristics and well-being. *Acta Paediatrica, International journal of paediatrics*, 96, no. 8 (2007): 1184–1189.

9. Kara B., Acikel Ch. Predictors of coping in a group of Turkish patients with physical disability. *Journal of Clinical Nursing*, no. 21(7-8) (2012): 983–993.

10. Bogomaz S. A. Zhiznestoikost' cheloveka kak lichnostnyi resurs sovladaniia so stressami i dostizheniia vysokogo urovnia zdorov'ia [The viability of man as a personal resource of coping with stress and achieving a high level of health]. *Zdorov'e natsii – Osnova protsvetanija Rossii: materialy nauchno-prakticheskih kongressov III Vserossiiskogo foruma (10–12 aprelia 2007)* [Health of the nation is the basis of Russia's prosperity: Proc. Sc.-Prac. congresses of the III All-Russian Forum (April 10–12, 2007)]. Moscow, vol. 3, part 1 (2007): 23–25.

11. Kusch E. A., Chebotarev S. S. Lichnostnye resursy sovladaiushchego povedeniia liudei s ogranichennymi vozmozhnostiami [Personal resourses of cope behavior of handicapped]. *Vestnik magistratury = Magistrate's Bulletin*, no. 4 (2012): 63–66.

12. Romanova E. V, Tolkacheva O. N. Cravnitel'noe issledovanie koping-strategii, osobennostei mezhlichnostnykh otnoshenii i smyslozhiznennykh orientatsii u lits s vrozhdennymi i priobretennymi zabolevaniiami oporno-dvigatel'nogo apparata [The comparative research of coping strategies, peculiarities of interpersonal relations and existence's orientations of the people with the diseases of muscular skeletal system]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriia 12. Psikhologiia. Sotsiologiia. Pedagogika = Bulletin of Saint-Petersburg University. Series 12. Psychology. Sociology. Pedagogy*, no. 4 (2015): 87–98.

13. Vasserman L. I., Iovlev B. V., Isaeva E. R., Trifonova E. A., Shchelkova O. Iu., Novozhilova M. Iu., Vuks A. Ia. *Metodika dlia psikhologicheskoi diagnostiki sovladaiushchego povedeniia v stressovykh i problemnykh dlia lichnosti situatsiiakh* [The methods for psychological diagnosis of cope behavior in stressful and problematic situations]. Saint-Petersburg: Psikhonevrologicheskii institut im. V. M. Bekhtereva, 2008, 35.

14. Leont'ev D. A., Rasskazova E. I. *Test zhiznestoikosti* [Test of hardiness]. Moscow: Smysl, 2006, 63.

УДК 159.99

ОСОБЕННОСТИ КОНСТРУИРОВАНИЯ БУДУЩЕГО ПРИ РАЗНЫХ УРОВНЯХ ТОЛЕРАНТНОСТИ К НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ЮНОШЕСКОГО ВОЗРАСТА)

***Юлия Ю. Неяскина*[1, @1], *Вероника О. Пронькина*[1, @2]**

[1] *Камчатский государственный университет им. Витуса Беринга, Россия, 683032, г. Петропавловск-Камчатский, ул. Пограничная, 4*
[@1] neyaskinaju@yandex.ru
[@2] proveron1910@mail.ru

Поступила в редакцию 13.06.2017.
Принята к печати 17.08.2017.

Ключевые слова: временная перспектива личности, будущее, события будущего, жизненный путь, толерантность к неопределенности.

Аннотация: В статье анализируются результаты эмпирического исследования, направленного на определение специфики построения будущего старшеклассниками с разными уровнями толерантности к неопределенности. Проверяется гипотеза о том, что конструирование будущего в юношеском возрасте у толерантных и интолерантных к неопределенности школьников характеризуется различиями в степени детализации и простроенности будущего, в осознании и принятии личной ответственности за него, в выраженности установок разной модальности в отношении своего будущего. Исследование проведено при помощи адекватного поставленной цели комплекса методик, включающего, помимо количественных, качественные методы (методику рисуночных метафор «Жизненный путь», элементы каузометрического анализа, графический метод «круги Коттла»).
Результаты исследования могут быть использованы при организации психологической работы со школьниками, направленной на формирование установки на позитивное принятие будущего, преодоление страха перед ним, а также на отработку навыков рефлексии и осознание индивидуальной ответственности за свое будущее.

Для цитирования: Неяскина Ю. Ю., Пронькина В. О. Особенности конструирования будущего при разных уровнях толерантности к неопределенности (на примере юношеского возраста) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 3. С. 143–152. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-3-143-152.

Проблема взаимоотношений личности со своим жизненным временем представляется одной из центральных тем философской и психологической мысли как в древности, так и в современном мире. Особенную роль приобретает исследование временной перспективы в юношеском возрасте, когда понимание собственной перспективы, осознание прошлого, конструирование своего жизненного пути, представляя собой базу личностного самоопределения, влияет на дальнейшие значимые выборы человека. Современный мир, пребывая в постоянном процессе изменения (общественных ценностей, систем образования, мира профессий и др.), требует от подрастающего поколения нового отношения к будущему, основанного на креативном, конструктивном подходе к организации своей жизни, когда взамен простому «заглядыванию» вперед, мечтанию о будущем приходит его интенсивное созидание в настоящем. Далеко не все взрослые и, тем более, молодые люди готовы и умеют приспосабливаться к этим изменениям, что порождает тревогу и неуверенность в завтрашнем дне. Поэтому при построении перспективы будущего огромное значение имеет такой фактор, как толерантность к неопределённости – стремление к изменениям, неповторимости и оригинальности, готовность идти своим путем, решать сложные задачи, выходя при этом за рамки принятых ограничений.

Юношество – время планирования будущего. Однако небольшой запас жизненного опыта, не всегда адекватное оценивание своих внутренних ресурсов, повышенная тревожность и излишняя эмоциональность во все времена приводили в этом возрасте к конфликту желаний и возможностей, страху, порой неосознанному, перед будущим. Поэтому именно в юношеском возрасте особенности конструирования будущего с учетом уровня толерантности к неопределенности представляет особый интерес для исследования.

Целью исследования явилось изучение особенностей конструирования будущего в юношеском возрасте при разных уровнях толерантности к неопределённости.

В работе проверялась *гипотеза* о том, что конструирование будущего в юношеском возрасте у лиц с разным уровнем толерантности к неопределенности имеет специфику, выражающуюся в таких аспектах, как различная степень детализации и простроенности будущего, разный уровень осознания и принятия личной ответственности за свое будущее, разная выраженность позитивных установок и тревожности в отношении своего будущего.

В исследовании приняли участие 52 респондента в возрасте от 16 до 18 лет, обучающиеся в МБОУ «Средняя школа № 11» г. Петропавловска-Камчатского. Выборка уравнена по гендерному признаку.

Будущее в контексте временной перспективы личности

Исследования проблемы времени в психологии осуществлялись в целом ряде направлений. Это, прежде всего, классические исследования восприятия времени (Ю. М. Забродин, Ф. Е. Иванов, Е. Н. Соколов, П. Фресс),

переживания времени (Д. Гарбетте, Р. Кнапп), временной перспективы (Р. Кастенбаум, Ж. Нюттен). Значимо и исследовательское направление, в котором изучались нейрофизиологические, психофизиологические особенности временной организации человека (Н. Н. Брагина Т. А Доброхотова – 1981 г.; Ю. М. Забродин, А. В. Бороздина, Н. А., Мусина – 1987 г.; Я. Освальд – 1975 г.; С. Шервуд – 1975 г. и др.), а также процессуально-динамические, такие как скорость запоминания, скорость реакций, темпы, ритмы нейрофизиологических, психофизиологических процессов (П. Фресс, Л. П. Гримак – 1978 г.; Д. Т. Элькин – 1959 , 1962 гг.; Т. М. Козина – 1978 г., Д. Н. Узнадзе – 1966 г.).

Перечисленные выше направления и области исследований существовали изолированно от времени развития личности, мотивации, динамики осознаваемого и бессознательного (П. Жане, Ж. Пиаже, К. Левин, Х. Томе и др.). Первую попытку объединения жизненной и возрастной периодизации предпринял Б. Г Ананьев [1].

К. Левин, автор понятия «временная перспектива», определил ее как существующую в настоящий момент целостность видения индивидом своего психологического будущего и своего психологического прошлого [2]. Ф. Зимбардо понимает временную перспективу как отражение установок, ценностей и убеждений, связанных со временем [3–4]. Это отражение состоит из когнитивной, эмоциональной, социальной составляющих. Автор полагает, что временную перспективу как установки и ориентации (прошлое, настоящее, будущее) можно рассматривать как устойчивые личностные черты.

В узком смысле под временной перспективой исследователи подразумевают перспективу будущего – показатель того, в какой степени и каким образом ожидаемое хронологическое будущее становится частью настоящего жизненного пространства [5].

Ж. Нюттен определил перспективу будущего как приобретенную личностную характеристику, которая формируется в результате мотивационного целеполагания. Люди, по его мнению, когнитивно преобразовывают свои более общие и размытые потребности, мотивы и желания в более конкретные мотивационные цели, структуры «средство – цель» (субцели и конечные цели), поведенческие планы и проекты [5].

По мнению А. В. Михальского, одной из важных составляющих конструирования будущего является его проблематизация: «…выделение и постановка проблемных областей, которые требуют напряжения или дополнительного развития личности, актуализация и работа с данными проблемными областями, богатые смысловые структуры – признак высокого уровня развития психики» [6–7].

Автор полагает, что для успешного планирования следует овладеть такими характеристиками времени, как таймфреймы – единицы смыслового субъективного времени – характеристика, сочетающая в своей основе физиологические, биологические и социальные факторы, тесно связанная с таким феноменом, как «поступок» [6–7]. Е. Л. Доценко отмечает, что поступок – всегда выбор между альтернативными мотивами, за каждым из которых стоят альтернативные ценности, это основное предназначение личности, ее «работа». При совершении поступка значим признак «выбор», понимаемый как экзистенциальное самоопределение, который не может быть приравнен к принятию решения. Цель совершаемых поступков – выбрать из множества альтернатив такую линию поведения, чтобы обеспечить экономность, экологичность в самообеспечении [8].

Функция конструирования будущего является функцией психики, регулирующей поведение животных и человека, она тесно связана с потребностно-мотивационной сферой, развивается в онтогенезе, формируется во взаимодействии с окружающей средой и, в частности, в социальном взаимодействии [9].

Старший подростковый и ранний юношеский возрасты являются сензитивными периодами для профессионального и личностного самоопределения. В это время происходит становление образа будущего, формируются системы жизненно-важных целей. Л. И. Божович отмечает, что при переходе от подросткового к раннему юношескому возрасту происходит смена внутренней позиции, основной направленностью личности становится обращенность в будущее [10]. Развивая идею, Н. Н. Толстых пишет: «Проблемы выбора профессии, дальнейшего жизненного пути, самоопределения превращаются в «аффективный центр» жизненной ситуации, вокруг которого вращается вся деятельность, все интересы старшего школьника» [11].

В юношеском возрасте до определенного момента в среднем сохраняется локус времени, направленный на будущее. По содержательной части образ будущего в юношеском возрасте чаще всего наполняется профессиональными подробностями, связан с профессиональным самоопределением. Определенное смысловое будущее предполагает определенность и устойчивость профессионального выбора, неопределенное – его неопределенность и неустойчивость.

Обращенность в будущее как возрастное новообразование формируется в юношеском возрасте, появляется постепенно, часто болезненно. Э. Эриксон отмечал, что для ранней юности расстройство временной перспективы является психопатологией. Человек может не замечать течения времени или переживать, что время носит необратимый характер. В этом возрасте может возникнуть желание остановить время и «прожигать» его, не задумываясь о каких-либо последствиях [12].

Толерантность к неопределенности как фактор построения перспективы будущего

Современные исследователи перспективы будущего не могут однозначно выделить группы факторов ее формирования ввиду того, что в каждом индивидуальном случае одни факторы могут преобладать над другими. По источнику воздействия, однако, эти факторы традиционно разделяются на внутренние и внешние. К числу внутренних, наряду с личностными ценностями, стремлениями и убеждениями, следует отнести и толерантность к неопределённости.

Само понятие толерантности к неопределённости как личностная характеристика рассмотрено впервые в работах Э. Френкель-Брансвик [13–14]. Автор описывает поведенческие диспозиции, связанные с низкой толерантностью к неопределённости. По мнению Э. Френкель-Брансвик, толерантность к неопределенности проявляется в таких индивидуальных особенностях, как когнитивный стиль, система убеждений, межличностное общение и социальное взаимодействие, а также поведение при решении проблем [14].

Существенный вклад в анализ проблемы толерантности к неопределенности внесли А. Г. Матушанская и Б. С. Алишев. Они рассмотрели толерантность к неопределенности в трех аспектах: толерантность к двусмысленности, толерантность к неопределенности и толерантность к неизвестности [15].

С начала 1960-х гг. для измерения толерантности к неопределенности как личностной черты методом субъективного самоотчета был разработан ряд психометрических шкал. К наиболее известным из них относятся шкала Дж. Баднера, адаптированная в России Г. У. Солдатовой, шкалы С. Райделла и Е. Розена, Э. МакДональда, Р. Нортона, а также испаноязычная шкала Д. Вигано ла Роза, русскоязычная версия которой была адаптирована Н. Шалаевым. Обзор шкал для измерения толерантности к неопределённости можно найти в работах Э. Фарнхэма и Т. Рибчестер, а также А. И. Гусева.

К шкалам нового поколения относится шкала толерантности к неопределенности Д. МакЛейна. Автор определяет толерантность к неопределенности как спектр реакций (от отвержения до влечения) на стимулы, которые воспринимаются индивидом как незнакомые, сложные, изменчивые или дающие возможность нескольких принципиально различных интерпретаций [16].

В анализе проблемы неопределенности на передний план выступают разные аспекты отношения людей к будущему.

Ощущение, что «будущее не определено», в любом возрасте порождает тревогу. Тревога – очень важное приобретение человека, это инструмент взаимодействия с будущим. Если не обращать внимания на сигналы тревоги, бороться с обычной, «нормальной» тревогой, пытаться вытеснять ее из жизни, она все равно вернется, только еще в более разросшемся виде, и превратится в клиническую, патологическую тревогу [17].

Ален Бадью оперирует понятием «готовность к событию» – особенность стратегии человека, который готов к ситуации неопределенности. Быть готовым к событию – значит быть в субъективном расположении, позволяющем признать новую возможность. Готовить событие – значит быть расположенным его принять, быть в таком состоянии духа, в котором порядок мира, господствующие силы не обладают абсолютным контролем над возможностями [18]. Очевидно, неопределенность, помимо неприятных эмоций, содержит в себе важный для субъекта позитивный потенциал, который помогает выработать адекватную позицию по отношению к неопределенности, ощутить присущие ей позитивные возможности.

Таким образом, правомерно говорить о том, что тот тип переживания неопределенности и отношения к ней, который избирается личностью, существенным образом определяет стратегию отношению субъекта к своему будущему. Е. Т. Соколова отмечает, что известная толерантность к неопределенности и переносимость амбивалентности могут свидетельствовать о достижении индивидуальной зрелости, константности и целостности «Я», способного справляться с тревогами [19].

Методы исследования

1. «Шкала толерантности к неопределенности» Д. МакЛейна (валидизация Е. Н. Осина) [14]. Измеряется отношение к новизне, отношение к сложным задачам, отношение к неопределенным ситуациям, предпочтение неопределенности и толерантность/избегание неопределенности.

2. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО) Д. А. Леонтьева [20].

3. Опросник временной перспективы Ф. Зимбардо в адаптации А. Сырцовой, Е. Т. Соколовой, О. В. Митиной [21].

4. Ассоциативный эксперимент на стимул «Моё будущее».

5. «Циклический тест времени» Т. Коттла. Оценивались два параметра: 1) степень связанности временных зон; 2) предпочтение или значимость той или иной временной зоны [22].

6. Методика рисуночных метафор «Жизненный путь». Позволяет выявить эмоциональное состояние человека, специфику представлений о своей жизни и отношений к ней, формулировать цели и пути их достижения. Респондентам предлагается в соответствии с инструкцией изобразить свой жизненный путь. Проводится индивидуальная беседа с каждым респондентом, включающая следующие аспекты: что изображено, к чему стремится респондент в будущем, настроение в будущем, дорога и ее специфика, преграды на пути и средства для их преодоления, люди рядом и др.

7. Элементы каузометрического анализа. Цель – определить количество событий, место и временную протяженность этих событий в будущем [23].

Анализ и интерпретация результатов исследования

На первом этапе для разделения совокупной выборки на подгруппы осуществлялась кластеризация данных, полученных по методике «Толерантность к неопределенности». Были получены две группы, критериальное сравнение которых показало различия по большинству шкал (табл. 1).

Таблица 1. **Сравнительный анализ средних значений по шкалам методики «Толерантность к неопределенности»**
Table 1. **Comparative analysis of average scores on the «Uncertainty tolerance» scale**

Шкала	Среднее значение кластеров		tэмп
	ЭГ 1 (n=22)	ЭГ 2 (n=28)	
Общий показатель	112,14	85,54	9,98**
Отношение к новизне	15	11,07	5,27**
Отношение к сложным задачам	36,59	28,32	5,83**
Отношение к неопределенным ситуациям	45,82	33,86	7,90**
Предпочтение неопределенности	57,32	43,43	8,02**
Толерантность/ избегание неопределенности	54,82	42,10	6,59**

Прим. **– $p \leq 0,01$

Можно говорить о том, что респонденты первой группы осознают и принимают сложность, неоднозначность и непредсказуемость окружающего мира, мирятся с ней и учитывают ее в своих действиях; они склонны подходить к проблемам нешаблонно, они в меньшей мере подвержены общественным стереотипам. Респонденты второй группы, чей уровень толерантности к неопределенности ниже, чувствуют дискомфорт в сложных, неоднозначных ситуациях, стараются внести в свою жизнь однозначность – часто путем искусственного упрощения сложной реальности и закрывания глаз на реально существующие проблемы. Таким образом, сформированные посредством кластеризации группы представляют собой совокупность респондентов с высоким и низким уровнем толерантности к неопределенности (в дальнейшем *условно* будем называть группу с высоким уровнем – «толерантные», с низким уровнем – «интолерантные»).

Анализ ассоциаций стимул «Моё будущее» (табл. 2) показывает, что старшеклассники с высоким уровнем толерантности относятся к своему будущему позитивно, определяют его как комфортное, благополучное, в то время как интолерантные респонденты видят своё будущее тревожным, неизвестным, страшным.

Об этом же свидетельствуют результаты методики рисуночных метафор «Жизненный путь» (табл. 3).

Таблица 2. **Данные ассоциативного эксперимента на стимул «Моё будущее»**
Table 2. **The data of an associative experiment with «MY FUTURE» stimulus**

Категории	**Толерантные**	**Интолерантные**	**ф* эмп**
Позитивная установка	17,2 %	2,4 %	1,904*
Неопределенность	2,15 %	16 %	1,862*
Страх (негативные ожидания)	–	7,2 %	
Тревожность	–	14,8 %	
Комфорт (благополучие)	40,2 %	19,13 %	1,642*
Неизвестность	6,5 %	23,5 %	1,736*
Беспокойство	2,5 %	16,3 %	1,796*

Прим.: **– $p \le 0,01$; *– $p \le 0,05$.

Таблица 3. **Особенности изображения будущего по методике рисуночных метафор «Жизненный путь»**
Table 3. **Peculiarities of picturing the future by the «Life's journey» drawing metaphor methodology**

Категории	**Толерантные**	**Интолерантные**	**ф* эмп**
Схематичность рисунка	31,82 %	96,43 %	5,47**
Мелкий размер	22,73 %	64,29 %	3,04**
Занят не весь лист	13,64 %	78,57 %	4,99**
Слабый нажим	9,09 %	57,14 %	3,85**
Штриховка	63,64 %	39,29 %	1,72*
Препятствия (ямы, канавы)	59,09 %	53,57 %	0,39
"Кто-то" для преодоления препятствий (помощь извне)	27,27 %	71,43 %	3,19**
"Я" для преодоления препятствий	95,45 %	25,00 %	5,83**
Наличие путника	81,82 %	53,57 %	2,16*
Люди рядом	68,18 %	28,57 %	2,85**
Символы (знаки вопросов)	18,18 %	78,57 %	4,55**

Прим.: **– $p \le 0,01$; *– $p \le 0,05$.

Толерантные к неопределенности респонденты изображают будущее более подробно, занимают всё пространство листа, нажимают на карандаш с умеренной силой (рис. 1).

Интолерантные же рисуют схематично (как правило, рисунки занимают примерно половину листа), используют штриховку, слабо нажимают на карандаш. Также в их рисунках присутствуют вопросительные знаки (рис. 2). Можно говорить о том, что респонденты явно различаются по эмоциональному и содержательному отношению к своему будущему.

У каждой из групп в рисунках жизненного пути присутствует почти равное количество препятствий на пути к своему будущему. Однако представители разных выборок планируют использовать разные средства для преодоления этих препятствий. Толерантные респонденты полагаются на себя и свои силы, в то время как интолерантные нуждаются в поддержке со стороны, что подтверждают выявленные в первой группе взаимосвязи (будущее – цели: r=0,44*; будущее – локус – я: r=0,50*), а также сравнение групп по шкалам методики СЖО (табл. 4). Лица, демонстрирующие позитивное отношение к неопределенным ситуациями, более склонны воспринимать себя субъектом собственных действий и контролировать собственную жизнь, более оптимистично оценивают собственные успехи и неудачи и более склонны ожидать успеха в будущем.

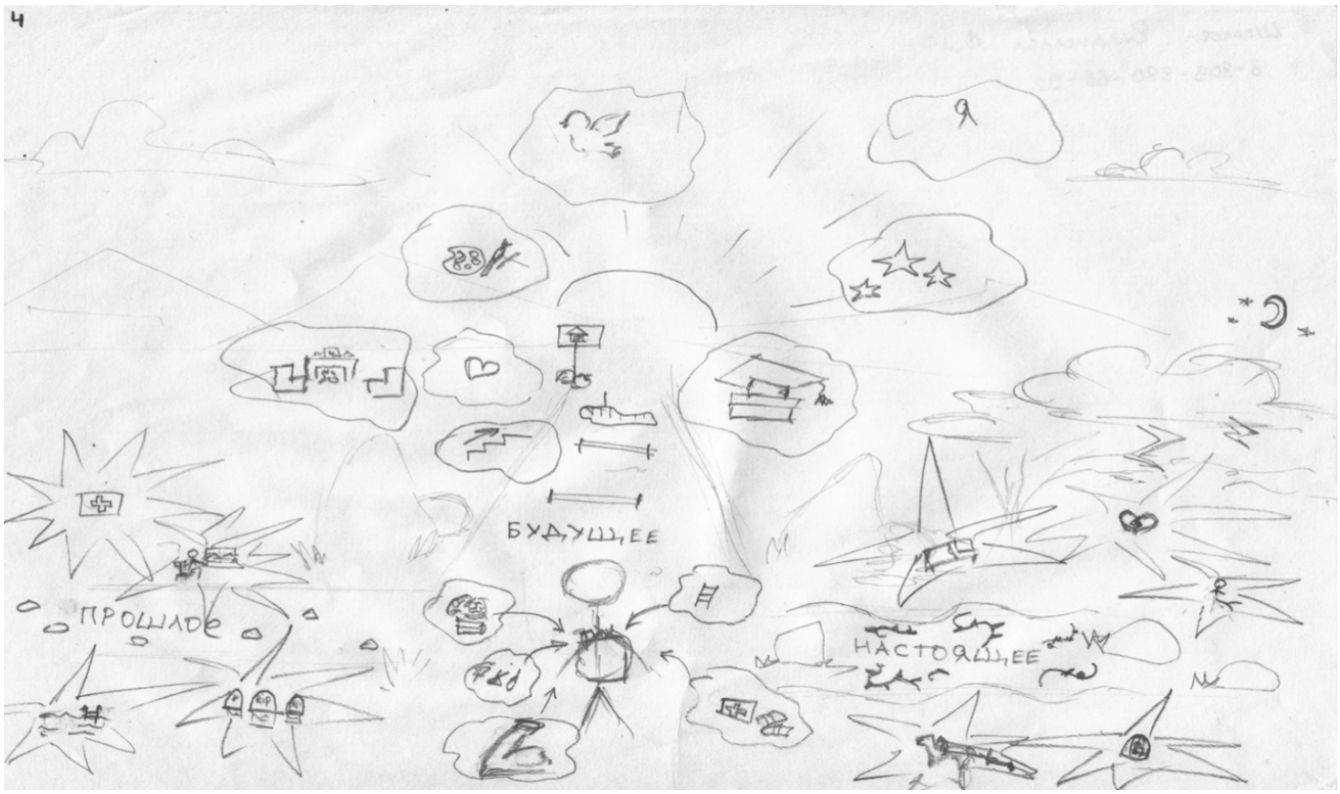

Рис. 1. ***Пример выполнения методики рисуночных метафор «Жизненный путь» респондента, толерантного к неопределенности***
Fig. 1. ***An example of implementing the «Life's journey» drawing metaphor methodology by a tolerant to uncertainty respondent***

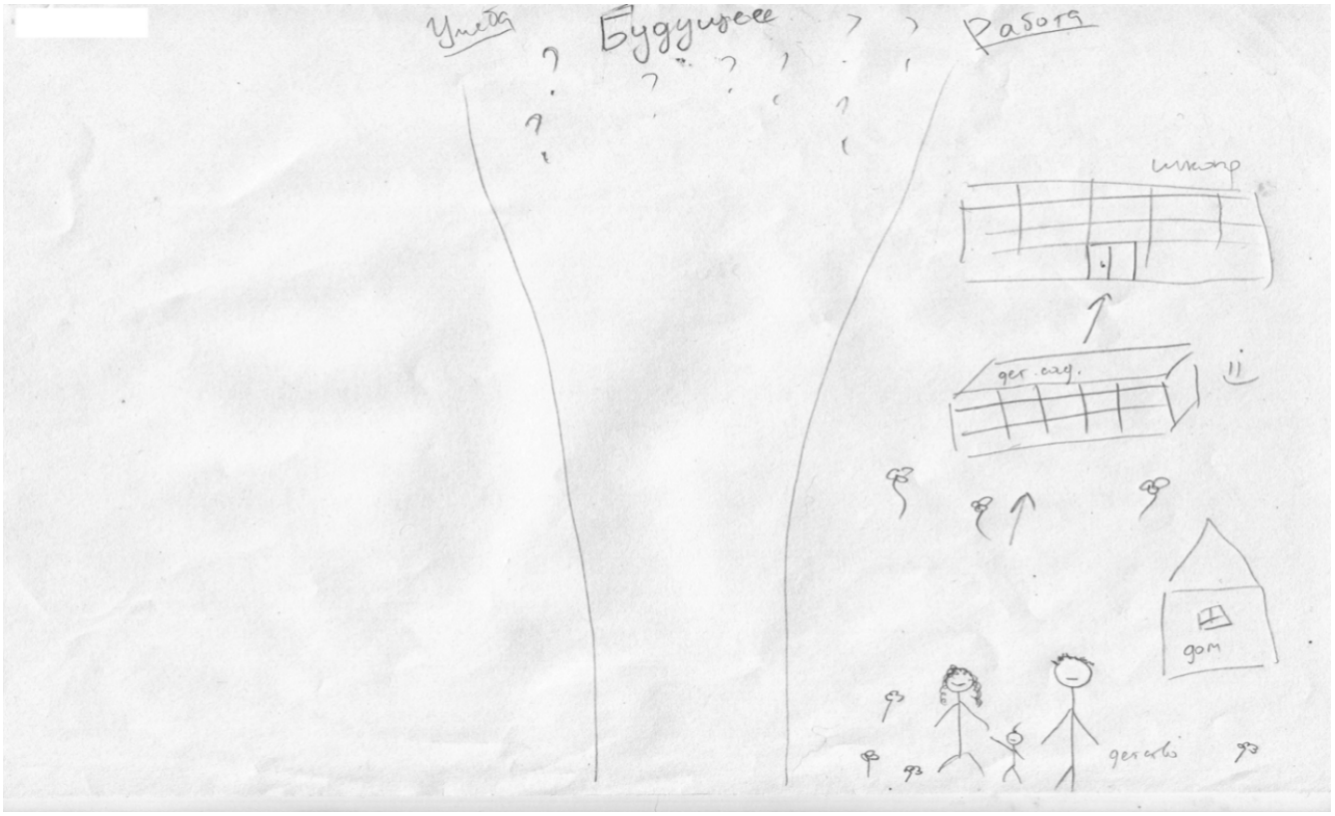

Рис. 2. ***Пример выполнения методики рисуночных метафор «Жизненный путь» респондента, интолерантного к неопределенности***
Fig. 2. ***An example of implementing the «Life's journey» drawing metaphor methodology by an intolerant to uncertainty respondent***

Таблица 4. **Сравнительный анализ средних значений по шкалам методики «СЖО»**
Table 4. **Comparative analysis of average scores on the «Purpose-in-Life Orientations» scales**

Шкала	Толерантные	Интолерантные	tэмп
Процесс жизни	32,68	29,04	2,58*
Локус «Я»	22,45	19,86	2,76**
Общая осмысленность	105,23	95,54	2,51*

Прим.: **– $p \leq 0,01$; *– $p \leq 0,05$.

Методика «Циклический тест времени» Коттла показывает (табл. 5), что толерантные респонденты чаще изображают будущее большим по размеру кругом (и на равном расстоянии от настоящего (рис. 3). Интолерантные, напротив, чаще изображают будущее равным по размеру с настоящим и прошлым, при этом на рисунке оно отстоит от других временных зон (рис. 4). Интолерантные к неопределенности старшеклассники как бы «отдаляют будущее», стараются не думать о нём.

Таблица 5. **Особенности изображения прошлого, настоящего, будущего по методике Коттла (разделение по параметрам «размер», «расстояние»)**
Table 5. **Peculiarities of picturing the past, the present and the future by Cottle's methodology (differentiation according to the «distance», «size» parameters)**

Размер	Толерантные	Интолерантные	Фэмп
Будущее больше	81,82 %	42,86 %	2,91**
Настоящее больше	4,55 %	17,86 %	1,55
Одинаково	9,09 %	39,29 %	2,6**
Расстояние			
Будущее дальше	–	36,43 %	–
Прошлое дальше	9,09 %	10,71 %	0,19
Одинаково	70,18 %	23,57 %	3,40**

Прим.: **– $p \leq 0,01$; *– $p \leq 0,05$.

По результатам отдельных элементов каузометрического анализа видно, что респонденты с высоким уровнем толерантности включают в будущее значительно больше событий, чем интолерантные (208 и 105 соответственно), детализируют его, указывают конкретные места, связанные с будущими событиями своей жизни. Интолерантные затрудняются при этом определить вероятное место происхождения данных событий. Респонденты с высоким уровнем толерантности к неопределенности способны строить будущее дальше, нежели интолерантные респонденты (табл. 6).

Таблица 6.**Элементы каузометрического анализа**
Table 6. **Elements of causometric analysis**

Категория	Среднее значение кластеров		P
	Толерантные	Интолерантные	
Временная перспектива	30 лет	16,5 лет	тэмп=2,58*
Место («не знаю»)	1,92 %	24,00 %	фэмп=2,61**

Прим.: **– $p \leq 0,01$; *– $p \leq 0,05$.

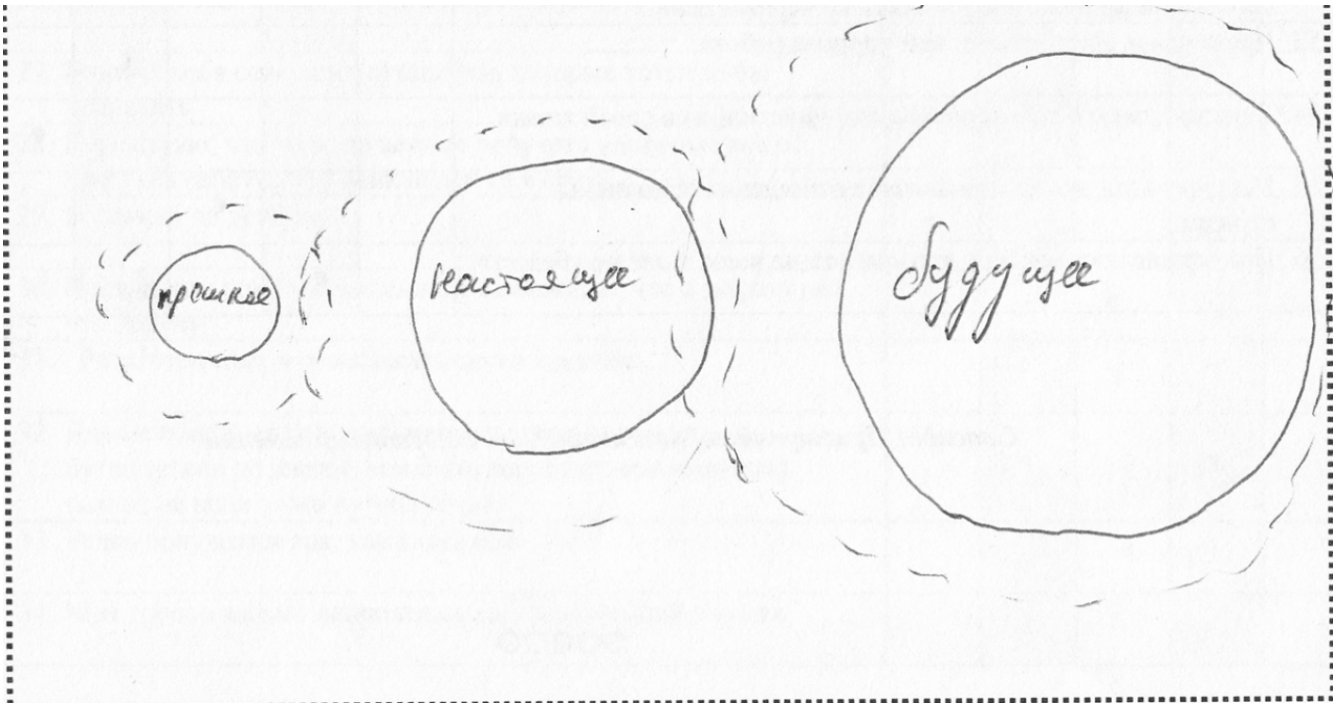

Рис. 3. ***Пример выполнения методики «Круги Коттла» респондента, толерантного к неопределенности***
Fig. 3. ***An example of implementing the «Cottle's circles» methodology by a tolerant to uncertainty respondent***

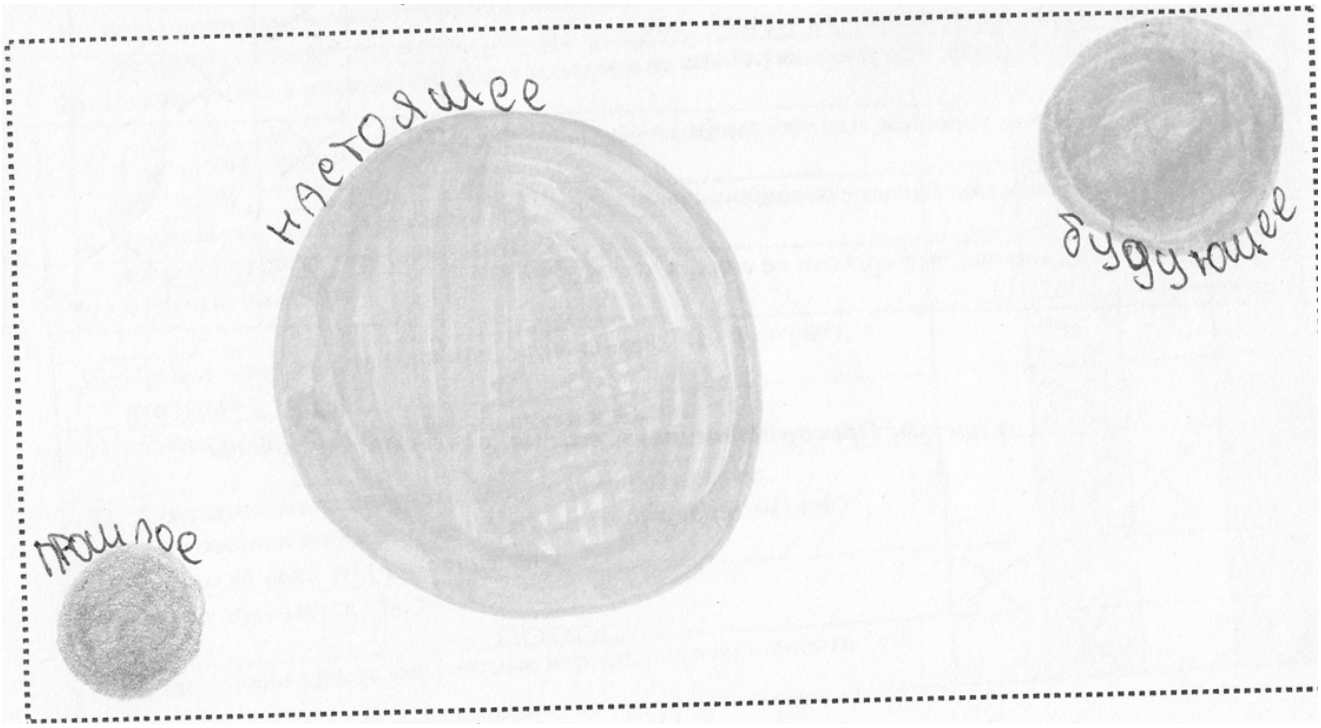

Рис. 4. ***Пример выполнения методики «Круги Коттла» респондента, толерантного к неопределенности***
Fig. 4. ***An example of implementing the «Cottle's circles» methodology by a tolerant to uncertainty respondent***

Корреляционный анализ шкал методик толерантности к неопределенности и временной перспективы свидетельствует о том, что у толерантных респондентов отношение к новизне связано с выраженностью негативной реконструкции событий прошлого (r=–0,47*) и предопределенностью настоящего (r=–0,51*). Чем более негативным видится прошлое из точки «здесь и сейчас», тем больше люди стремятся уйти от него посредством новых впечатлений; чем настоящее фаталистичнее, тем меньше респонденты стремятся к новому.

Помимо этого, в первой группе обнаружена обратная связь между отношением к неопределенным ситуациям и будущим (r=–0,4*). Этот эмпирический факт представляется нам довольно неожиданным (с учетом характеристики группы по шкалам методики толерантности к неопределенности и данным других методик). Чем легче

относятся респонденты к неопределенным ситуациям, тем менее выражены их потребности простраивания планов на будущее (возможно, просто не придается значение важности планирования ввиду готовности «решать любые проблемы по мере их поступления»).

Во второй группе также отмечается обратная связь отношения к новизне и фаталистического настоящего (r=–0,47*). Кроме того, у интолерантных респондентов толерантность/избегание неопределенности обратно коррелирует с негативным прошлым (r=–0,43*): чем больше негатива было в прошлом, тем хуже респонденты переносят неопределенные ситуации, либо наоборот.

Выводы

Таким образом, обобщение результатов эмпирического исследования позволяет сделать следующие выводы:

1. Респонденты с высоким уровнем толерантности к неопределенности относятся к своему будущему позитивно, определяют его как комфортное. Образ будущего у них имеет достаточно подробный план; оно значимо, насыщено эмоционально, включает много событий, кроме того, школьники способны прогностично определить место, где события будущего с высокой степенью вероятности произойдут. Временная перспектива носит среднесрочный характер, составляет около 30 лет. Толерантные респонденты полагаются на себя, на свои силы, воспринимают себя субъектом собственных действий, склонны ожидать успеха в будущем, полагаясь при этом на свои внутренние ресурсы.

2. Респонденты с низким уровнем толерантности к неопределенности видят своё будущее неопределенным, тревожным, неизвестным, страшным, конструируют будущее схематично, поверхностно. Они склонны отдалять будущее от настоящего, меньше наполняют его событиями. Временная перспектива носит краткосрочный характер. Респонденты затрудняются определить место будущих событий. Уже на уровне планирования будущего респонденты понимают, что нуждаются в помощи со стороны.

Литература

1. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. СПб.: Питер, 2001. 288 с.

2. Левин К. Теория поля в социальных науках. СПб.: Речь. 2000. 368 с.

3. Зимбардо Ф., Бойд Дж. Парадокс времени. Новая психология времени, которая улучшит вашу жизнь. СПб.: Речь. 2010. 352 с.

4. Zimbardo P. G., Boyd J. N. Putting Time in Perspective: A Valid, Reliable, Individual-Differences Metric // Journal of Personality and Social Psychology. 1999. Vol. 77. № 6. P. 1271–1288.

5. Нюттен Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего / под ред. Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2004. 608 с.

6. Михальский А. В. Психология конструирования будущего. М.: МГППУ , 2014. 192 с.

7. Михальский А. В. Таймфреймы: соединяя биологическое, личностное и социальное время // Конструирование будущего в психологии и педагогике: сборник материалов конференции (2 декабря 2016). Москва, 2016. С. 79–83.

8. Доценко Е. Л. Поступок как предвосхищение предстоящего // Конструирование будущего в психологии и педагогике: сборник материалов конференции (2 декабря 2016). Москва, 2016. С. 48–63.

9. Михальский А. В. Психология времени (хронопсихология): учебное пособие. М.: МПГУ, 2016. 72 с.

10. Божович Л. И. Проблемы формирования личности: Избр. психол. тр. / под ред. Д. И. Фельдштейна; Рос. акад. образования, Моск. психол.-соц. ин-т. 3-е изд. М.: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2001. 349 с.

11. Толстых Н. Н. Хронотоп: культура и онтогенез: монография. Смоленск; Москва: Универсум, 2010. 312 с

12. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис // Психология личности в трудах зарубежных психологов: хрестоматия. СПб: Питер, 2000. 125 с.

13. Frenkel-Brunswik E. Intolerance of ambiguity as an emotional and perceptual personality variable // Journal of Personality. 1949. Vol. 18. № 1. P. 108–143.

14. Осин Е. Н. Факторная структура русскоязычной версии шкалы общей толерантности к неопределенности Д. МакЛейна // Психол. диагностика. 2010. № 2. С. 65–86.

15. Матушанская А. Г., Алишев Б. С. Толерантность к неопределенности и смежные психологические конструкты когнитивной психологии // Ученые записки Казанского университета. Серия: гуманитарные науки. 2001. Т. 153. № 5. С. 25–33.

16. Леонтьев Д. А., Осин Е. Н., Луковицкая Е. Г. Диагностика толерантности к неопределенности. Шкалы Д. Маклейна. М.: Смысл, 2016. 60 с.

17. Леонтьев Д. А. Экзистенциальная тревога и как с ней не бороться // Московский психотерапевтический журнал. 2003. № 2. С. 107–119.

18. Бадью А. Философия и событие. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2013. 192 с.

19. Соколова Е. Т. Клиническая психология утраты Я. М.: Смысл, 2015. 896 с.

20. Леонтьев Д. А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). 2-е изд. М.: Смысл, 2000. 18 с.

21. Сырцова А., Соколова Е. Т., Митина О. В. Адаптация опросника временной перспективы личности Ф. Зимбардо // Психологический журнал. 2008. Т. 29. № 3. С. 101–109.

22. Белинская Е. П., Давыдова И. С. Графический тест Коттла: специфика показателей временной перспективы // Психологическая наука и образование. 2007. № 5. С. 28–37.

23. Головаха Е. И., Кроник А. А. К исследованию мотивации жизненного пути: техника «Каузометрии» // Мотивация личности: феноменология, закономерности и механизмы формирования. М.: НИИ общ. педагогики АПН СССР, 1982. С. 99–108.

FUTURE PLANNING PECULIARITIES UNDER DIFFERENT CONDITIONS OF UNCERTAINTY TOLERANCE IN ADOLESCENTS

***Yuliya Yu. Neyaskina*[1, @1], *Veronika O. Pronkina*[1, @2]**

[1] *Vitus Bering Kamchatka State University, 4, Pogranichnaya St., Petropavlovsk-Kamchatsky, Russia, 683032*
[@1] neyaskinaju@yandex.ru
[@2] proveron1910@mail.ru

Received 13.06.2017.
Accepted 17.08.2017.

Keywords: time perspective of personality, the future, events of the future, life way, uncertainty tolerance.

Abstract: The authors of the article analyze the results of empirical research aimed at defining the specificity of future construction in senior pupils with different levels of uncertainty tolerance. The paper features the following hypothesis: future construction in the youth age in schoolchildren, both tolerant and intolerant to uncertainty, is characterized by differences in the degree of explicitation and detailed elaboration of the future, in the awareness and acceptance of personal responsibility for one's own future, in the distinct manifestation of different modality attitudes concerning one's future. The investigation was carried out with the help of a complex of methods corresponding to the stated goal which included, alongside with quantitative methods, such qualitative methods as drawing metaphor methodology «Life's journey», elements of causometric analysis, graphic method of Cottle's circles.
The results of the research may be used in the organization of psychological work with pupils to form an attitude of positive acceptance of one's future, overcoming the fear connected with the future, as well as the development of reflection skills and awareness of individual responsibility for one's own future.

For citation: Neyaskina Yu. Yu., Pronkina V. O. Osobennosti konstruirovaniia budushchego pri raznykh urovniakh tolerantnosti k neopredelennosti (na primere iunosheskogo vozrasta) [Future Planning Peculiarities under Different Conditions of Uncertainty Tolerance in Adolescents]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2017): 143–152. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-3-143-152.

References

1. Anan'ev B. G. *Chelovek kak predmet poznaniia* [Man as the object of knowledge]. Saint-Petersburg: Piter, 2001, 288.
2. Levin K. *Teoriia polia v sotsial'nykh naukakh* [Field theory in social sciences]. Saint-Petersburg: Rech', 2000, 368.
3. Zimbardo F., Boid Dzh. *Paradoks vremeni. Novaia psikhologiia vremeni, kotoraia uluchshit vashu zhizn'.* The Paradox of Time. A new time psychology that will improve your life]. Saint-Petersburg: Rech', 2010, 352.
4. Zimbardo P. G., Boyd J. N. Putting Time in Perspective: A Valid, Reliable, Individual-Differences Metric. *Journal of Personality and Social Psychology*, 77, no. 3 (1999): 1271–1288.
5. Niutten Zh. *Motivatsiia, deistvie i perspektiva budushchego* [Motivation, action and perspective of future]. Ed. Leontiev D. A. Moscow: Smysl, 2004, 608.
6. Mikhal'skii A. V. *Psikhologiia konstruirovaniia budushchego* [Psychology of designing future]. Moscow: MGPPU, 2014, 192.
7. Mikhal'skii A. V. Taimfreimy: soediniaia biologicheskoe, lichnostnoe i sotsial'noe vremia [Timeframes: combining biological, personal and social time]. *Konstruirovanie budushchego v psikhologii i pedagogike: sbornik materialov konferentsii (2 dekabria 2016 g.)* [Designing future in psychology and pedagogy: collection of conference materials: Proc. Conf. (December 2 2016)]. Moscow, 2016, 79–83.
8. Dotsenko E. L. Postupok kak predvoskhishchenie predstoiashchego [The act as an anticipation of the forthcoming]. *Konstruirovanie budushchego v psikhologii i pedagogike: sbornik materialov konferentsii (2 dekabria 2016 g.)* [The construction of future in psychology and pedagogy: collection of conference materials: Proc. Conf. (December 2 2016)]. Moscow, 2016, 48–63.
9. Mikhal'skii A. V. *Psikhologiia vremeni (khronopsikhologiia)* [The psychology of time (chronopsychology)]. Moscow: MPGU, 2016, 72.
10. Bozhovich L. I. *Problemy formirovaniia lichnosti* [Problems of the formation of personality]. 3d ed. Ed. Fel'dshteina D. I. Moscow: MPSI; Voronezh: MODEK, 2001, 349.
11. Tolstykh N. N. *Khronotop: kul'tura i ontogenez: monografiia* [Chronotop: culture and ontogeny]. Smolensk; Moscow: Universum, 2010, 312.
12. Erikson E. Identichnost': iunost' i krizis [Identity: youth and crisis] *Psikhologiia lichnosti v trudakh zarubezhnykh psikhologov* [Psychology of the individual in the writings of foreign psychologists]. Saint-Petersburg: Piter, 2000, 125.
13. Frenkel-Brunswik E. Intolerance of ambiguity as an emotional and perceptual personality variable. *Journal of Personality*, 18, no. 1 (1949): 108–143.

14. Osin E. N. Faktornaia struktura russkoiazychnoi versii shkaly obshchei tolerantnosti k neopredelennosti D. MakLeina [Factor structure of the Russian-language version of the scale of general tolerance to the uncertainty of D. McLain]. *Psikhol. Diagnostika = Psychol. Diagnostic*, no. 2 (2010): 65–86.

15. Matushanskaia A. G., Alishev B. S. Tolerantnost' k neopredelennosti i smezhnye psikhologicheskie konstrukty [Tolerance to uncertainty and related psychological constructs]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriia: gumanitarnye nauki = Scientific notes of Kazan University. Series: Humanities*, 5, no. 153 (2001): 25–33.

16. Leont'ev D. A., Osin E. N., Lukovitskaia E. G. *Diagnostika tolerantnosti k neopredelennosti. Shkaly D. Makleina* [Diagnostics of tolerance to uncertainty. The scale of D. McLane]. Moscow: Smysl, 2016, 60.

17. Leont'ev D. A. Ekzistentsial'naia trevoga i kak s nei ne borot'sia [Existential anxiety and how not to fight it]. *Moskovskii psikhoterapevticheskii zhurnal = Moscow Psychotherapeutic Journal*, no. 2 (2003): 107–119.

18. Bad'iu A. *Filosofiia i sobytie* [Philosophy and event.]. Moscow: Institut obshchegumanitarnykh issledovanii, 2013, 192.

19. Sokolova E. T. *Klinicheskaia psikhologiia utraty Ia* [Clinical psychology of self-lost]. Moscow: Smysl, 2015, 896.

20. Leont'ev D. A. *Test cmyslozhiznennykh orientatsii (SZhO)* [Test of meaningful orientations (SZHO)]. 2nd ed. Moscow: Smysl, 2000, 18.

21. Syrtsova A., Sokolova E. T., Mitina O. V. Adaptatsiia oprosnika vremennoi perspektivy lichnosti F. Zimbardo [Adaptation of the questionnaire of the temporal perspective of the person F. Zimbardo]. *Psikhologicheskaia nauka = Psychological Science*, 3, no. 29 (2008): 101–109.

22. Belinskaia E. P., Davydova I. S. Graficheskii test Kottla: spetsifika pokazatelei vremennoi perspektivy [Cottle graphical test: specificity of the time perspective indicators]. *Psikhologicheskaia nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, no. 5 (2007): 28–37.

23. Golovakha E. I., Kronik A. A. K issledovaniiu motivatsii zhiznennogo puti: tekhnika «Kauzometrii» [To the study of the life path motivation: the technique of "Causometry"]. *Motivatsiia lichnosti: fenomenologiia, zakonomernosti i mekhanizmy formirovaniia* [Motivation of the personality: phenomenology, regularities and mechanisms of formation]. Moscow: NII obshh. pedagogiki APN SSSR, 1982, 99–108.

УДК 159.923

РЕФЛЕКСИВНОСТЬ В СТРУКТУРЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ГОТОВНОСТИ К САМОРАЗВИТИЮ ЛИЧНОСТИ В ПЕРИОД ПОЗДНЕЙ ЮНОСТИ

Марина А. Фризен[1, @]

[1] *Камчатский государственный университет им. Витуса Беринга, Россия, 683032, г. Петропавловск-Камчатский, ул. Пограничная, 4*
[@] *frizenm@yandex.ru*

Поступила в редакцию 13.06.2017.
Принята к печати 15.08.2017.

Ключевые слова: саморазвитие, психологическая готовность к саморазвитию, поздняя юность, рефлексивность, бытийная ответственность**.**

Аннотация: В статье представлен анализ результатов эмпирического исследования взаимосвязи рефлексивности личности в период поздней юности и ее направленности на саморазвитие, позволяющий делать вывод о месте рефлексивности в структуре психологической готовности к саморазвитию на данном возрастном этапе. Рефлексивность исследована во взаимосвязи с субъектной активностью, бытийной ответственностью формирующейся личности. Сделан вывод о том, что в период поздней юности рефлексивный ресурс личности находится на стадии становления, переструктурирования. Определена связь типа рефлексивной активности и психологической готовности к саморазвитию в период поздней юности. В рамках исследования обнаружено, что тенденция к сосредоточению на внутреннем мире может препятствовать продуктивному задействованию ресурсов интернальности, осмысленности в планировании и осуществлении саморазвития. В статье по результатам эмпирического исследования описана специфика психологической готовности к саморазвитию у лиц юношеского возраста с разным уровнем выраженности индивидуальной рефлексивности.

Для цитирования: Фризен М. А. Рефлексивность в структуре психологической готовности к саморазвитию личности в период поздней юности // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 3. С. 153–160. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-3-153-160.

Активность личности в плане выстраивания собственного жизненного пути требует задействования рефлексивного ресурса, позволяющего осуществлять этот процесс целенаправленно, осмысленно, брать на себя ответственность за ход собственного бытия; разница потенциалов между смыслом существования и актуальным режимом жизнедеятельности может становиться действенной движущей силой развития (В. Г. Асеев, В. Н. Волков, М. С. Иванов, М. С. Яницкий, В. Е. Клочко, В. Е. Купченко, Д. А. Леонтьев и др.) [1–6]. В период юности человек совершает первые осознанные жизненные пробы, которые существенно отличаются от социально-ролевого экспериментирования подростков. Социальная ситуация развития в период юности предполагает выбор контекстов поиска идентичности формирующейся личности, а также ответа на вопрос о том, насколько она готова к осознанному и целенаправленному построению себя самой. Решение этих жизненных задач требует рефлексивного ресурса, способности оценивать и принимать многомерный жизненный опыт, в том числе в ситуациях неопределенности или жизненного кризиса [7–8]. В связи с этим актуально исследовать специфику рефлексивного ресурса личности в период юности (в частности, различные виды рефлексивной активности [9]), его роль для психологической готовности к саморазвитию формирующейся личности. Для эмпирического изучения обозначенных аспектов нами было осуществлено научно-психологическое исследование (сбор эмпирических данных, их обработка были выполнены студенткой 4-го курса психолого-педагогического факультета Е. С. Свининой).

Цель исследования – изучить рефлексивность в структуре психологической готовности к саморазвитию личности в период поздней юности.

Нами были применены следующие *методы эмпирического исследования*: анкетирование («Что бы вы хотели улучшить в себе?»), тестирование (методика определения индивидуальной меры рефлексивности В. В. Пономаревой), опросник «Уровень субъективного контроля» (УСК) Дж. Роттера в модификации Е. Ф. Бажина, Е. А. Голынкиной, Л. М. Эткинда, шкала толерантности к неопределенности Д. Маклейна в адаптации Е. Г. Луковицкой, методика дифференциальной диагностики рефлексивности (ДТР) Д. А. Леонтьева, Е. М. Лаптева, Е. Н. Осина, А. Ж. Салиховой), методические процедуры – направленный ассоциативный эксперимент на стимул «Мое развитие», неоконченные предложения, составленные в соответствии с целями исследования. Опросники определения индивидуальной меры рефлексивности и ДТР позволили многомерно исследовать рефлексивную активность респондентов и их рефлексивность; показатели шкалы толерантности к неопределенности применялись для исследования респондентов применительно к ситуации новизны и неочевидности, в том числе возникающей в рамках самотрансценденции, сопровождающей саморазвитие; данные по УСК применялись как показатели бытийной ответственности респондентов в плане выстраивания жизненного пути и осуществления саморазвития, виде-

ния ими своей роли в данном аспекте; направленный ассоциативный эксперимент и неоконченные предложения позволили исследовать когнитивную, аффективную и поведенческую составляющую направленности респондентов на саморазвитие. На наш взгляд, перечисленные параметры в совокупности позволяют исследовать психологическую готовность к саморазвитию.

Эмпирической базой исследования послужили 57 человек в возрасте от 18 до 23 лет – жители г. Петропавловск-Камчатский, студенты вузов (бакалавриат).

На первом этапе исследования нами был осуществлен кластерный анализ показателей методики определения индивидуальной меры рефлексивности В. В. Пономаревой, в результате были получены два выраженных кластера, значимость различий доказана посредством критерия t-критерия Стьюдента (табл. 1).

Таблица 1. **Результаты критериального анализа данных полученных кластеров**
Table 1. **Results of the criterion analysis of the received clusters**

Шкалы	Кластер 1	Кластер 2	$t_{эмп}$, значимость
уровень развития рефлексии	153,32	125,46	10,8 при $p \leq 0,001$
ретроспективная рефлексия деятельности	36,59	29,05	6,8 при $p \leq 0,001$
рефлексия настоящей деятельности	35,55	28,03	5,8 при $p \leq 0,001$
рассмотрение будущей деятельности	40,91	35,91	3,1 при $p \leq 0,01$
рефлексия общения и взаимодействия	40,27	33,03	5,8 при $p \leq 0,001$

Из таблицы 1 видно, что у респондентов кластера 1 значимо более высокие показатели по всем шкалам методики; наибольшие различия выявлены по шкале ретроспективной рефлексии деятельности. Нормативные значения, предложенные методикой, позволяют первый кластер обозначить как респонденты с высоким показателем индивидуальной рефлексивности (первая экспериментальная группа ($ЭГ_1$), 22 человека), а второй – респонденты со средним показателем индивидуальной рефлексивности (вторая экспериментальная группа ($ЭГ_2$), 35 человек). Из таблицы видно, что респонденты $ЭГ_1$ в целом более способны к осмыслению отношений с окружающими и жизненного опыта во всех временных локусах, чем респонденты $ЭГ_2$.

Для описания места рефлексии в структуре психологической готовности к саморазвитию, ее взаимосвязей с другими параметрами готовности нами был осуществлен интеркорреляционный анализ данных в каждой из групп (табл. 2, 3).

Таблица 2. **Результаты интеркорреляционного анализа данных $ЭГ_1$ (высокий уровень рефлексивности)**
Table 2. **Results of the intercorrelation analysis of data in experimental group 1 (high level of reflexivity)**

Шкала 1	Шкала 2	Показатель коррел., значимость
Интроспекция (ДТР)	Ретроспективная рефлексия деятельности (опр. Пономаревой)	0,5 при $p \leq 0,05$
Интроспекция (ДТР)	Рассмотрение будущей деятельности (опр. Пономаревой)	0,44 при $p \leq 0,05$
Интроспекция (ДТР)	Рефлексия настоящей деятельности (опр. Пономаревой)	-0,45 при $p \leq 0,05$
Общий индивидуальный балл толерантности к неопределенности	**Из - интернальности в отношении здоровья и болезни (УСК)**	**-0,48 при $p \leq 0,05$**

Полученные результаты отражают значимость для респондентов такого типа рефлексии, как интроспекция (самокопание), юноши и девушки с высоким уровнем индивидуальной рефлексивности сосредоточены на исследовании своего внутреннего мира при осмыслении прошлого и будущего, однако при оценке настоящего им не свойственно опираться на самокопание, в случае же выраженности такой тенденции рефлексия текущей деятельности существенно снижается. Можно сделать вывод о том, что рефлексивный ресурс респондентов еще находится на стадии становления. Опора в осмыслении деятельности в прошлом и будущем делается на самоанализ, самопонимание, а излишнее исследование внутреннего мира может сделать целеполагание неэффективным. На наш взгляд, такая специфика рефлексивной активности является продолжением особенностей подросткового возраста, именно размыкание границ рефлексивной активности, направленной на себя, может обеспечить формирование способности осмысливать мир, себя в этом мире более системно, а следовательно, осознанно управлять саморазвитием. Обратная связь рефлексии настоящего и интроспекции указывает на то, что в данный момент у респондентов с высоким уровнем рефлексивности происходит переструктурирование данного ресурса. Этот момент приобретает особую значимость с учетом того, что респонденты являются студентами вуза, успешное обучение и простраивание профессионального пути требует идентификации себя с образом профессионала и целями профессии, поиска своего места в профессиональном контексте.

Обдуманность своих действий значимо взаимосвязана с ответственностью за свое здоровье. Параметр здоровья более легко рефлексируется, вероятно, с него начинается более продуктивное осмысление и планиро-

вание личностью в период поздней юности своей активности, развития/саморазвития. Другие показатели локуса контроля (в целом позволяют делать вывод о сформированности бытийной ответственности) практически не участвуют в системе взаимосвязей.

Таблица 3. **Результаты интеркорреляционного анализа данных $ЭГ_2$ (средний уровень рефлексивности)**
Table 3. **Results of the intercorrelation analysis of data in experimental group 2 (average level of reflexivity)**

Шкала 1	Шкала 2	Показатель коррел., значимость
Квазирефлексия (ДТР)	Уровень развития рефлексии (опр. Пономаревой)	-0,33 при $p \le 0,05$
Общий индивидуальный балл толерантности к неопределенности	Уровень развития рефлексии (опр. Пономаревой)	-0,43 при $p \le 0,01$
Общий индивидуальный балл толерантности к неопределенности	Ретроспективная рефлексия деятельности (опр. Пономаревой)	-0,35 при $p \le 0,05$
Ио – общая интернальность (УСК)	Интроспекция (ДТР)	-0,37 при $p \le 0,05$
Ио – общая интернальность (УСК)	Квазирефлексия (ДТР)	-0,39 при $p \le 0,05$
Ин – интернальность в области неудач (УСК)	Квазирефлексия (ДТР)	-0,38 при $p \le 0,05$
Ис – интернальность в семейных отношениях (УСК)	Квазирефлексия (ДТР)	-0,42 при $p \le 0,05$
Ид – интернальность в области достижений (УСК)	Общий индивидуальный балл толерантности к неопределенности	-0,47 при $p \le 0,01$

Взаимосвязи, отраженные в таблице 3, указывают на то, что рост общего уровня развития рефлексии связан со снижением отвлеченной рефлексивной активности и толерантности как спонтанного, необдуманного действия. Обнаружено, что рост бытийной ответственности (интернальный локус контроля) связан с убыванием интроспекции и квазирефлексии, а также толерантности. При этом показатели системной рефлексии (ДТР) не образовали значимых взаимосвязей.

При среднем уровне рефлексивности, по всей вероятности, личность в период поздней юности меньше сосредоточена на внутренних исканиях и больше включена в процесс жизни.

На следующем этапе исследования для изучения специфики рефлексивного ресурса респондентов, а также в целом особенностей их психологической готовности к саморазвитию осуществлялся критериальный анализ данных. Сравнение показателей по методике УСК отражено в табл. 4.

Таблица 4. **Результаты критериального анализа данных обеих групп по опроснику УСК**
Table 4. **Results of the criterion analysis in both groups on SCL questionnaire**

Шкалы	$ЭГ_1$ (выс. уровень рефлексивности), ср. зн.	$ЭГ_2$ (сред.уровень рефлексивности), ср. зн.	$t_{эмп}$, значимость
Ио – общая интернальность	34,82	9,8	4,5 при $p \le 0,001$
Ид – интернальность в области достижений	10,82	3,28	3,5 при $p \le 0,01$
Ин – интернальность в области неудач	8,27	2,17	2,8 при $p \le 0,01$
Ис – интернальность в семейных отношениях	4,59	0,03	2,2 при $p \le 0,05$
Ип – интернальность в области производственных отношений	6,77	1,66	3,3 при $p \le 0,001$
Им – интернальность в области межличностных отношений	3,36	0,94	2,3 при $p \le 0,05$
Из – интернальность в отношении здоровья и болезни	2,73	0,37	2,4 при $p \le 0,05$

У респондентов $ЭГ_1$ значимо более выражены показатели всех шкал УСК. Уровень субъективного контроля показывает степень активности респондентов в достижении своих целей, умение взять на себя ответственность за события собственной жизни. Это говорит о том, что респонденты $ЭГ_1$ в большей степени готовы к саморазвитию и самоанализу, чем юноши и девушки со средними показателями уровня рефлексивности. С учетом того, что выборку составили студенты вузов, важно понимать, что более выраженная ответственность за жизненный путь и развитие играет важную роль для становления профессиональной идентичности и формирования профессионально важных качеств (табл. 5).

Таблица 5. **Результаты критериального анализа данных опросника толерантности к неопределённости Д. Маклейна в адаптации Е. Г. Луковицкой**
Table 5. **Results of the criterion analysis of data of McLean's tolerance-to-uncertainty questionnaire in E. G. Lukovitskaya's adaptation**

Шкалы	$ЭГ_1$ (выс. уровень рефлексивности), ср. зн.	$ЭГ_2$ (сред.уровень рефлексивности), ср. зн.	$t_{эмп}$, значимость
Общий индивидуальный балл толерантности к неопределенности	6,31	15,28	2,2 при $p \le 0,05$

Обнаружены значимо более высокие показатели толерантности к неопределенности в $ЭГ_2$, такое значение может говорить о том, что респонденты больше осознают и принимают сложность окружающего их мира, мирятся с ней и не стараются учитывать её в своих действиях, а респонденты $ЭГ_1$ воспринимают и реализуют жизнедеятельность более ясно, стараясь внести в жизненную ситуацию определенность, более четко обдумывая свои действия, что дает способность к продуктивному мышлению и готовности к саморазвитию и самопознанию на когнитивном уровне, выражающемся наличием способности к глубокому осознанию своего опыта. На наш взгляд, взаимосвязь толерантности к неопределенности и рефлексивности специфична для периода поздней юности (вывод, безусловно, требует сопоставления с периодом взрослости). Сниженная толерантность может быть связана с повышенной интроспекцией, тогда как высокая – со спонтанностью и низкой продуманностью, спланированностью действий. Оба варианта могут быть неоптимальны. Что касается психологической готовности к саморазвитию, при первом варианте оно может затрудняться сложностями перехода от осмысления к реальному действию, а при втором – сниженной осмысленностью и целенаправленностью саморазвития (табл. 6).

Таблица 6. **Результат критериального анализа данных обеих групп по методике дифференциальной диагностики рефлексивности (ДТР) Д. А. Леонтьева, Е. М. Лаптева, Е. Н. Осина, А. Ж. Салихова**
Table 6. **Result of the criterion analysis of both groups on a technique of differential diagnostics of reflexivity (DDR) D. A. Leontyev, E. M. Laptev, E. N. Osin, A. Zh. Salikhova**

Шкалы	$ЭГ_1$ (выс. уровень рефлексивности), ср. зн.	$ЭГ_2$ (сред.уровень рефлексивности), ср. зн.	$t_{эмп}$, значимость
Системная рефлексия	41,27	37,11	4,1 при $p \le 0,001$
Интроспекция	26,91	26,66	0,2
Квазирефлексия	25,36	27,37	1,5

Показатели группы $ЭГ_1$ значимо выше по шкале системной рефлексии, в то время как значимых различий по другим шкалам не обнаружено; следовательно, у респондентов первой группы более сформировано умение взглянуть на себя со стороны, позволяющее достичь баланса своих сильных и слабых сторон; респонденты определяют важные качества и способности для реализации своего саморазвития, подыскивают для него деятельностные контексты, что менее присуще группе $ЭГ_2$.

Далее нами осуществлялся категориальный анализ данных анкетирования, ассоциативного эксперимента и неоконченных предложений, сравнение осуществлялось посредством углового преобразования Фишера.

Анализ ответов на вопрос анкеты позволил уточнить представления о когнитивном компоненте психологической готовности к саморазвитию респондентов обеих групп (табл. 7).

Таблица 7. **Сравнительный анализ результатов анкетирования «Что бы вы хотели улучшить в себе?»**
Table 7. **The comparative analysis of results of questioning "What would you like to improve in yourself?"**

Категории	$ЭГ_1$ (выс. уровень рефлексивности), %	$ЭГ_2$, (сред.уровень рефлексивности) %	$\varphi^*_{эмп}$, значимость
ничего	15,7	6,8	1,185
личностные качества	54,7	52,2	0,32
коммуникативные навыки	6,1	6,8	0,126
внешность	12,1	6,8	0,795
умственные способности	6,1	6,8	0,126
мышление	12,1	2,3	1,767 при $p \le 0,05$
все	0	11,3	*

Прим.: * – при отсутствии ответов какой-либо категории в одной группе и наличии в другой расчеты не выполняются.

Респонденты $ЭГ_1$ значимо чаще указывали ответы в категории «мышление»: наличие навыков продуктивного мышления важно для успешной учебно-профессиональной деятельности, ведущей на данном возрастном этапе, и саморазвития.

Тенденция изменить в себе все обнаружилась только в $ЭГ_2$, она может говорить о недифференцированности направлений саморазвития.

На данном этапе мы можем подтвердить ранее сделанный вывод о значимости рефлексивной активности для респондентов $ЭГ_1$, однако если она приобретает в основном характер интроспекции, это может вести к дефитарности деятельностного компонента психологической готовности к саморазвитию.

В целом представления о возможных и необходимых направлениях саморазвития сходны у респондентов двух групп, важными выступают внутренние изменения, данный факт свидетельствует в пользу определенной готовности респондентов к саморазвитию (табл. 8).

Таблица 8. **Сравнительный анализ неоконченных предложений «Саморазвитие – это…»**
Table 8. **The comparative analysis of sentence completion "Self-development is..."**

Категории ответов	**$ЭГ_1$ (выс. уровень рефлексивности), %**	**$ЭГ_2$, (сред.уровень рефлексивности), %**	**$\varphi^*_{эмп}$, значимость**
достижения	8,6	13,6	0,588
развитие способностей	54,3	27,3	2,047 при $p \leq 0,05$
движение вперед	14,3	36,4	1,908 при $p \leq 0,05$
познание	8,6	9,1	0,066
осмысление жизни	14,3	9,1	0,599

Собственное развитие респонденты $ЭГ_1$ значимо чаще связывают с развитием способностей, данное направление рефлексивной активности очень важно культивировать у личности в юности, поскольку это позволит выстраивать жизненный путь и успешно осуществлять саморазвитие. В категории «движение вперед» значимо больше ответов дали респонденты $ЭГ_2$, они связывают свое развитие с улучшением, но стимулом для реального и эффективного саморазвития должно быть не только желание продвигаться вперед, но и умение реализовать себя в какой либо деятельности.

Можно сказать, что в представлении $ЭГ_1$ их саморазвитие в большей степени связано с самоанализом и внутренними изменениями, в то время как у $ЭГ_2$ – с результативностью. На наш взгляд, оптимальная психологическая готовность к саморазвитию связана с балансом направленности на процесс и результат (в терминах Э. Фромма [10], соотношение стратегий бытия и обладания), вероятно, такой баланс может быть достигнут только в период взрослости (табл. 9).

В группе $ЭГ_1$ значимо больше ответов категории «перспективы», «прогресс», вероятно, когнитивная составляющая их готовности к саморазвитию связана с осознанием его ценности. Для второй группы представления о саморазвитии в большей степени связаны с гедонистической направленностью и продуктивным социальным взаимодействием. В данном случае можно говорить о том, что респонденты второй группы в меньшей степени могут опираться на волевые усилия, их больше привлекает позитивная эмоциональная оставляющая саморазвития.

Это видно и из ответов-прилагательных, раскрывающих аффективный компонент психологической готовности к саморазвитию: респонденты $ЭГ_2$ дали значимо большее количество ответов, связанных с положительными эмоциями по поводу собственного развития, а в $ЭГ_1$ было больше ответов, связанных с его перспективностью. Данный эмпирический факт можно спроецировать на осмысление респондентами учебно-профессиональной деятельности: вероятно, респонденты первой группы больше вкладываются в нее, более ответственны в плане ее осуществления и нацелены на отсроченные профессионально-личностные достижения.

Ответы-глаголы позволяют сделать выводы о поведенческой составляющей психологической готовности к саморазвитию. Респонденты $ЭГ_1$ чаще указывали, что развитие позволяет улучшать жизнь, совершенствоваться, а у респондентов группы $ЭГ_2$ значимо больше ответов, связанных с помощью, поддержкой, познанием, они также осознают важность саморазвития и видят роль развития в успешном общении и профессиональном учении. Вместе с тем, у них существенно больше ответов, связанных с негативным осмыслением развития, что противоречит содержанию ответов-прилагательных. Неоднородная, возможно, противоречивая оценка собственного развития может быть связана как с дефицитарностью рефлексивной активности, так и с осмыслением своего развития в разных жизненных сферах (в сфере увлечений оно приносит удовольствие, при необходимости приложения волевых усилий может вызывать негативные эмоции).

Таблица 9. **Сравнительный анализ результатов ассоциативного эксперимента на стимул «Мое развитие»**
Table 9. **The comparative analysis of results of an associative experiment on an incentive "My development"**

Категории ответов	**$ЭГ_1$ (выс. уровень рефлексивности), %**	**$ЭГ_2$, (сред. уровень рефлексивности), %**	**$\varphi^*_{эмп}$, значимость**
Существительные			
Перспективы (стремления, желание, амбиции).	21,3	12,2	1,86 при $p \le 0,05$
прогресс (уверенное поведение, рост, продвижение)	21,3	8,5	2,78 при $p \le 0,01$
взаимодействие (общение, друзья, люди).	7,9	18,9	2,5 при $p \le 0,01$
увлечение (фильмы, книги, творчество).	4,5	18,3	3,46 при $p \le 0,05$
положительные эмоции (любовь, страсть, веселье, счастье)	6,7	6,1	0,19
движение	4,5	1,2	1,58
познание (знания, мысли, обучение, опыт).	24,7	21,3	0,615
Внешнее	5,6	7,3	0,524
Я (эго)	2,2	3,7	0,676
Прилагательные			
положительное (хорошее, интересное, чудесное)	44,7	61,6	2,62 при $p \le 0,01$
длительное (длинное, долговременное)	5,3	4,3	0,363
негативное (медленное, трудное, нелегкое)	12,8	7,3	1,43
динамичное	19,1	14	1,067
познавательное (духовное, развивающееся).	6,4	7,3	0,271
всестороннее (разное, разнообразное)	2,1	2,4	0,155
независимое	3,2	1,8	0,703
перспективное (успешное, целеустремлённое, многообещающее)	6,4	1,2	2,25 при $p \le 0,05$
Глаголы			
улучшается (совершенствуется, поднимает)	32,3	14,1	3,37 при $p \le 0,01$
движется (идет, течет)	33,3	34,4	0,177
познает (изучать, узнавать, учит)	6,5	12,9	1,68 при $p \le 0,05$
вдохновляет (дарит, активирует)	10,8	12,9	0,5
помогает (направляет, успокаивает, поддерживает).	12,9	24,5	2,31при $p \le 0,01$
останавливается (тормозит, стоит, лежит)	4,3	11,5	2,15 при $p \le 0,05$

На основе обобщения полученных данных нами были сделаны следующие *выводы*:

1. В период поздней юности рефлексивность личности находится на стадии становления. Некоторая сосредоточенность на внутреннем мире, свойственная подростковому возрасту, может еще определять рефлексивную активность юноши, вместе с тем, для продуктивного функционирования личности рефлексивность по типу интроспекции должна убывать, поскольку она может снижать эффективность целеполагания деятельности. Размыкание границ глубинной саморефлексии позволяет системно осмысливать внутреннюю и внешнюю действительность, следовательно, осознанно управлять саморазвитием. Таким образом, в период поздней юности происходит доформирование и переструктурирование рефлексивного ресурса.

2. Для становления психологической готовности к саморазвитию рефлексивный ресурс должен соединиться с субъектной активностью личности, бытийной ответственностью. Тенденция к сосредоточению на внутреннем мире может препятствовать продуктивному задействованию ресурсов интернальности, осмысленности в планировании и осуществлении саморазвития.

3. Взаимосвязь толерантности к неопределенности и рефлексивности специфична для периода поздней юности. Сниженная толерантность может быть связана с повышенной интроспекцией, тогда как высокая толерантность – со спонтанностью и низкой продуманностью поведения. Оба варианта могут затруднять саморазвитие.

4. Существует специфика психологической готовности к саморазвитию у лиц юношеского возраста с разным уровнем выраженности индивидуальной рефлексивности.

5. Лица периода поздней юности с высоким уровнем индивидуальной рефлексивности в большей степени готовы к осознанному и целенаправленному саморазвитию, им более присуща системная рефлексия, субъектная активность и бытийная ответственность; в их представлении саморазвитие связано с мышлением, самоанализом, внутренними изменениями, продуктивной жизнью, необходимостью приложения усилий. Все перечисленное выступает важной основой становления идентичности личности, в том числе профессиональной.

6. Юноши и девушки со средним уровнем индивидуальной рефлексивности менее сосредоточены на внутренних исканиях, больше включены в процесс жизни. В их представлении саморазвитие больше связано с ге-

донистичностью жизни, достижениями, успешным социальным взаимодействием, направления саморазвития могут быть недостаточно дифференцированы.

7. Оптимальная психологическая готовность к саморазвитию связана с балансом направленности на его процесс и результат, вероятно, такой баланс может быть достигнут только в период взрослости.

В заключение хотелось бы отметить, что исследований типов рефлексивной активности, специфичных для разных возрастных этапов, на данный момент существует достаточно мало, в связи с чем мы планируем продолжить в дальнейшем научные изыскания в данном направлении.

Литература

1. Асеев В. Г. Механизмы детерминации психического развития // Мир психологии. 2012. № 2. С. 40–46.
2. Буякас Т. М. Личностное развитие в условиях работы самопонимания, опосредованной символами // Вопросы психологии. 2000. № 1. С. 96–108.
3. Волков В. Н. Онтология личности. Иваново: Изд-во Ивановского государственного университета, 2001. 379 с.
4. Иванов М. С., Яницкий М. С. Модель напряжений самореализации и ее эмпирическая валидизация // Сибирский психологический журнал. 2007. № 25. С. 20–28.
5. Клочко В. Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в трансспективный анализ). Томск: Томский государственный университет, 2005. 174 с.
6. Купченко В. Е. Особенности характеристик жизненного пути у лиц с различным типом ответственности: дис. ... канд. психол. наук. Омск, 2004. 180 с.
7. Леонтьев Д. А. Личностное измерение человеческого развития // Вопросы психологии. 2013. .№ 3. С. 67–80.
8. Леонтьев Д. А., Осин Е. Н. Рефлексия «хорошая» и «дурная»: от объяснительной модели к дифференциальной диагностике // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. Т. 11. № 4. С. 110–135.
9. Серый А. В., Яницкий М. С., Харченко Е. В. Ценностно-смысловые аспекты психологической работы со студенческой молодежью, находящейся в кризисной ситуации // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2014. № 2. С. 40–48.
10. Фромм Э. «Иметь» или «быть». М.: АСТ, 2011. 320 с.

REFLEXIVITY IN STRUCTURE OF PSYCHOLOGICAL READINESS FOR SELF-DEVELOPMENT OF THE PERSONALITY IN THE PERIOD OF LATE ADOLESCENCE

Marina A. Frizen[1, @]

[1] *Vitus Bering Kamchatka State University, 4, Pogranichnaya St., Petropaulowsk-Kamchatskiy, 683032, Russia*
[@] *frizenm@yandex.ru*

Received 13.06.2017.
Accepted 15.08.2017.

Keywords: self-development, psychological readiness for self-development, late adolescence, reflexivity, existential responsibility.

Abstract: The article presents an empirical research analysis of interrelation of the personality reflexivity in the period of late adolescence and its orientation on self-development, which allows one to draw a conclusion about the place of reflexivity in the structure of psychological readiness for self-development at this age. Reflexivity is analyzed in interrelation with subject activity, existential responsibility of the developing personality. The conclusion is that in the period of late adolescence the reflexive resource of the personality is at a stage of formation and restructuring. The paper defines a connection between the type of reflexive activity and psychological readiness for self-development in the period of late adolescence. The research reveals that the tendency to concentration on one's inner world can interfere with productive involvement of resources of internality, a sense of purpose in planning and implementation of self-development. The article describes the results of an empirical research and the specifics of psychological readiness for self-development in teen-agers with different levels of expressiveness of individual reflexivity.

For citation: Frizen M. A. Refleksivnost' v strukture psihologicheskoj gotovnosti k samorazvitiju lichnosti v period pozdnej junosti [Reflexivity in Structure of Psychological Readiness for Self-Development of the Personality in the Period of Late Adolescence]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2017): 153–160. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-3-153-160.

References

1. Aseev V. G. Mekhanizmy determinatsii psikhicheskogo razvitiia [Determination mechanisms of psychological development]. *Mir psikhologii = The World of Pscyhology*, no. 2 (2012): 40–46.
2. Buyakas T. M. Lichnostnoe razvitie v usloviiakh raboty samoponimaniia, oposredovannoi simvolami [Personal development in the condition of self-understanding given in symbols]. *Voprosy Psikhologii = Psychological problems*, no. 1 (2000): 96–108.
3. Volkov V. N. *Ontologiia lichnosti* [Personality ontology]. Ivanovo: Izd-vo Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta, 2001, 379.
4. Ivanov M. S., Yanitskiy M. S. Model' napriazhenii samorealizatsii i ee empiricheskaia validizatsiia [Tension self-realization model and its empirical validity process]. *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal = Siberia Psychological Journal*, no. 25 (2007): 20–28.
5. Klochko V. E *Samoorganizatsiia v psikhologicheskikh sistemakh: problemy stanovleniia mental'nogo prostranstva lichnosti (vvedenie v transspektivnyi analiz*) [Self-organisation in psychological systems: problems of mental personality space]. Tomsk: Tomskii gosudarstvennyi universitet, 2005, 174.
6. Kupchenko V. E. *Osobennosti kharakteristik zhiznennogo puti u lits s razlichnym tipom otvetstvennosti*. Diss. kand. psikhol. nauk [Life path characteristics of people with different level of responsibility. Cand. psychol. Sci. Diss.]. Omsk, 2004, 180.
7. Leont'ev D. A. Lichnostnoe izmerenie chelovecheskogo razvitiia [Personal dimension of human development]. *Voprosy psihologii = Questions of psychology*, no. 3 (2013): 67–80.
8. Leont'ev D. A., Osin E. N. Refleksiia «khoroshaia» i «durnaia»: ot ob"iasnitel'noi modeli k differentsial'noi diagnostike [Reflection "good" and "bad": from an explanatory model to differential]. *Psikhologiia. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki = Psychology. Journal of Higher school of Economics*, 11, no. 4 (2014):110–135.
9. Seryy A. V., Yanitskiy M. S., Kharchenko E. V. Tsennostno-smyslovye aspekty psikhologicheskoi raboty so studencheskoi molodezh'iu, nakhodiashcheisia v krizisnoi situatsii [Axiological aspects of psychological work with the students who are in a crisis]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*, no. 2 (2014): 40–48.
11. Fromm E. *«Imet'» ili «byt'»* ["Have" or "to be"]. Moscow: AST, 2011, 320.

УДК 159.923

МОТИВАЦИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СЕТИ ИНТЕРНЕТ СТУДЕНТАМИ ВУЗА ВО ВЗАИМОСВЯЗИ С ВРЕМЕННОЙ ПЕРСПЕКТИВОЙ ЛИЧНОСТИ И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИЕЙ

Татьяна Е. Шеина [1, @]

[1] *Кемеровский государственный университет, Россия, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6*
[@] *tatyana_sheina@list.ru*

Поступила в редакцию 26.10.2016.
Принята к печати 13.01.2017.

Ключевые слова: мотивация использования сети Интернет, интернет-зависимость, временная перспектива личности студентов вуза, социально-психологическая адаптация, информационные технологии.

Аннотация: В статье актуализируется проблема мотивации использования сети Интернет студентами вуза. Данный феномен рассматривается во взаимосвязи с такими показателями личностного развития, как временная перспектива личности и социально-психологическая адаптация. Излагаются результаты исследования, посвященного выявлению взаимосвязи параметров временной перспективы личности, мотивации пользования сети Интернет и потенциала социально-психологической адаптации студентов вуза, где основным временным модусом выделяется психологическое настоящее человека в период обучения в высшем учебном заведении. Выявляется корреляционная значимость показателей между выбранными параметрами, производится соотнесение выбранного временного модуса с ведущей мотивацией пользования сетью Интернет и показателей интернет-зависимости. Выявлено, что для студентов ведущими мотивами пользования сетью Интернет являются – деловой мотив, самореализация, самоутверждение и коммуникация. Показано, что Интернет наиболее значим для студентов с выраженным гедонистическим настоящим, негативным прошлым и фаталистическим настоящим. Данная группа студентов демонстрирует сниженные показатели социально-психологической адаптации. Делается вывод о компенсаторном характере пользования сети Интернет у респондентов с негативным отношением к смысловым локусам временной перспективы личности. Результаты исследования обозначают тенденции возникновения кризисных ситуаций у студенческой молодежи и могут использоваться в деятельности психологических служб вузов, направленной на развитие социально-психологической адаптации студентов, и для профилактики интернет-зависимости.

Для цитирования: Шеина Т. Е. Мотивация использования сети Интернет студентами вуза во взаимосвязи с временной перспективой личности и социально-психологической адаптацией // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 3. С. 161–166. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-3-161-166.

Для любого общества основной ценностью является человек во всем многообразии его проявлений и характеристик. В век информационных технологий человек проходит сложный путь обучения, саморазвития, актуализации собственного Я. С момента начала изучения интернет-пространства исследователи задаются вопросом положительного или отрицательного вектора влияния сети на развитие личности человека. Как следствие, это приводит к постановке вопроса о различных феноменах самоосуществления человека в интернет-среде. Соответственно, актуальной становится проблема взаимосвязи различных характеристик, развитие которых обуславливается в частности Интернетом. Современные исследования показывают, что интегральными характеристиками развития личности в период обучения в вузе являются временная перспектива, мотивация, адаптивность к условиям социальной среды [1–2].

Феномен временной перспективы занимает значительное место в психологической науке. Данной проблемой занимались авторы самых различных областей знания клинической, возрастной, социальной, педагогической психологии. Теоретическая основа исследований временной перспективы личности в данном исследовании базируется на работах К. Левина [3], Ф. Зимбардо [4], Ж. Нюттена [5], Е. И. Головахи, А. А. Кроника [6], Л. К. Франка [7].

К. Левин разработал пространственно-временную модель индивидуального жизненного пространства личности. Временная перспектива состоит из психологического прошлого и будущего уровня реальности и разных уровней ирреального. При этом психологическое прошлое и будущее являются синхронными частями общего психологического поля, которое присутствует в конкретный момент времени [3].

Рассматривая временную перспективу, Ж. Нюттен фокусировал внимание на содержании событий различных временных модусов и структуре временных представлений [5]. Будущее время является мотивационно-потребностной сферой личности, для изучения которого необходимо учитывать его связь с когнитивно переработанной мотивацией. Сама временная перспектива является последовательностью событий с определенными интервалами между ними, которые представляются в сознании человека в некоторый конкретный момент времени.

Л. К. Франком подчеркивалась взаимосвязь прошлого, настоящего и будущего времени в поведении и сознании человека [7]. Временная перспектива является культурно детерминированным феноменом. Человек постоянно находится в процессе саморазвития, обучения, во время которых учитывает влияние временной перспективы на свою жизнь. Подчеркивается важность ценностной сферы, актуальной для конкретного человека в определенной общности.

Е. И. Головаха и А. А. Кроник рассматривали границы субъективного настоящего, прошлого и будущего в рамках событийного подхода. Авторы разработали причинно-целевую концепцию, которая состоит из причинных и целевых отношений, являющихся противоположными по направлению. Единицей психологического времени является межсобытийная связь [6].

С точки зрения ситуационно-детерминированного подхода временную перспективу рассматривал Ф. Зимбардо. Временная перспектива рассматривалась как относительно стабильный процесс, являющийся своеобразной чертой личности [4]. Временная перспектива личности – это основной аспект в построении психологического времени, которое возникает из когнитивных процессов, разделяющих жизненный опыт человека на временные рамки прошлого, настоящего и будущего.

М. С. Яницкий и соавторы, анализируя основные представления о временной перспективе личности, делают вывод, что настоящее есть осознание индивидом своей деятельности, а также момент побуждения к данной деятельности. Человек может переживать актуальные состояния в конкретный момент настоящего времени, куда входят и воспоминания из прошлого, и планирование будущего. Все это является своеобразным ценностным ориентиром деятельности в настоящем моменте [8–9].

Исходя из вышесказанного, в нашем исследовании, целью которого являлось изучение взаимосвязи параметров временной перспективы личности, мотивации и потенциала социально-психологической адаптации пользователей сети Интернет, основным временным модусом было выделено психологическое настоящее человека на юношеском этапе самоосуществления.

В поисковом исследовании, проведенном в 2016 г., приняли участие 39 студентов Кемеровского государственного университета, активно использующие сеть Интернет в повседневной деятельности.

Основные методики исследования:

– опросник временной перспективы Ф. Зимбардо Zimbardo Time Perspective Inventory (ZTPI), модифицированный А. Сырцовой, Е. Т. Соколовой, О. В. Митиной [10];

– тест К. Янг на интернет-зависимость [11];

– методика социально-психологической адаптации (СПА) К. Роджерса и Р. Даймонда [12];

– анкета на выявление ведущей мотивации пользования Интернетом на основании выделенных мотивов пользования Интернетом О. Н. Арестовой, Л. Н. Бабаниным, А. Е. Войскунским [13].

Полученные по указанным методикам результаты были подвержены корреляционному анализу.

Взаимосвязь показателей временной перспективы и интернет-зависимости показала, что студенты с преобладающей тенденцией к гедонистическому настоящему, негативному прошлому и фаталистическому настоящему более склонны к интернет-зависимости (таблица 1).

Таблица 1. **Взаимосвязь показателей методик ZTPI и интернет-зависимости**
Table 1. **The relationship between the indicators of Zimbardo Time Perspective Inventory (ZTPI) technique and Internet addiction**

Факторы ZTPI	***Показатель зависимости***
Гедонистическое настоящее	0,37
Негативное прошлое	0,38
Фаталистическое настоящее	0,39

Прим.: в таблице указаны только статистически значимые корреляции при уровне значимости $p < 0,05$.

Данные результаты позволяют сделать вывод о том, что Интернет играет существенную роль для студентов с выраженным фаталистическим настоящим и негативным прошлым, что может быть связано с воплощением компенсаторной функции Интернета для удовлетворения актуальных проблем настоящего, идущих из прошлого. Интернет выполняет своеобразную защитную функцию от реального мира, ход которого не подвластен человеку. Пользователи с выраженным гедонистическим настоящим пользуются Интернетом для удовлетворения своих актуальных желаний, получения удовольствия, что может выражаться в поисках новинок в области музыки, искусства, общении с другими пользователями, времяпрепровождении на интернет-сайтах, форумах, ресурсах. Как видно, Интернет может выполнять сразу несколько функций, выбор которых зависит от потребностей конкретного человека.

По результатам корреляционного анализа показателей методик ZTPI и СПА были выявлены статистически значимые взаимосвязи, указывающие на особенности социально-психологической адаптации пользователей сети Интернет в зависимости от модусов временной перспективы (таблица 2).

Далее в нашем исследовании измерялась взаимосвязь показателей методики ZTPI и основных мотивов использования Интернета (таблица 3). Опираясь на ранее проведенное исследование О. Н. Арестовой, Л. Н. Бабанина, А. Е. Войскунского, нами было выделено 9 основных мотивов пользования Интернетом: деловая, учебная, познавательная мотивация, мотив сотрудничества, самореализации, игровой, аффилиативный, мотив самоутверждения и коммуникации.

Таблица 2. **Взаимосвязь показателей методик ZTPI и СПА**
Table 2. **The relationship between the indicators of Zimbardo Time Perspective Inventory (ZTPI) and Social-psychological adaptation (SPA) techniques**

Показатели СПА	***Факторы ZTPI***				
	НП	***ПП***	***ФН***	***ГН***	***Б***
Первичные показатели					
Адаптивность	-	0,34*	-	-	0,49**
Дезадаптивность	0,59**	-	-	0,42**	-
Лживость –	-	-	-	0,33*	-
Лживость +	-0,33*	-	-	-	0,61**
Принятие себя	-0,32*	0,32*	-	-	-
Непринятие себя	0,50**	-	-	0,44**	-
Непринятие других	0,47**	-	-	-	-
Эмоциональный комфорт	-0,45**	-	-	-	-
Эмоциональный дискомфорт	0,67**	-	-	0,37*	-
Внутренний контроль	-	-	-	-	0,42**
Внешний контроль	0,58**	-	0,32*	0,45**	-
Доминирование	-0,32*	-	-	0,33*	-
Ведомость	0,48**	-	-	0,42**	-
Эскапизм	-	-	-	0,51**	-
Интегральные показатели					
Адаптация	-0,59**	-	-	-0,42**	-
Самопринятие	-0,58**	-	-	-0,41*	-
Принятие других	-0,43**	-	-	-	-
Эмоциональная комфортность	-0,69**	-	-	-0,37*	-
Интернальность	-0,52**	-	-	-0,43**	-
Стремление к доминированию	-0,32**	-	-	-	-

Прим.: в таблице указаны только статистически значимые корреляции при уровнях значимости: * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$. НП – негативное прошлое; ПП – позитивное прошлое; ФН – фаталистическое настоящее; ГН – гедонистическое настоящее; Б – будущее.

Таблица 3. **Взаимосвязь показателей методики ZTPI и мотивации использования Интернета**
Table 3. **The relationship between the indicators of the methods Zimbardo Time Perspective Inventory (ZTPI) and motivation of Internet usage**

Мотивация	***ПП***	***ФН***	***ГН***	***Б***
Степень значимости				
Деловая	-	0,59**	0,45**	-0,33*
Самореализация	-	-0,38*	-	-
Самоутверждение	-	-0,38*	-	-
Реализованность				
Деловая	-	-0,46**	-0,36*	0,39*
Самореализация	-	0,43**	0,36*	-
Коммуникативная	0,44**	-	-	-

Прим.: в таблице указаны только статистически значимые корреляции при уровнях значимости: * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$. НП – негативное прошлое; ПП – позитивное прошлое; ФН – фаталистическое настоящее; ГН – гедонистическое настоящее; Б – будущее.

Пользователи сети Интернет с ориентацией на негативное прошлое демонстрируют высокую степень дезадаптивности, непринятия себя, непринятия других, эмоционального дискомфорта, внешнего контроля, ведомости. При повышении значимости данного временного локуса снижается дача ответов на вопросы в положительном ключе и доминирование. По интегральным показателям студентов с выраженным негативным прошлым можно сказать, что преобладает явная тенденция сниженной общей адаптации человека, степени его самопринятия и принятия других, эмоционального комфорта, показателей интернальности и стремления к доминированию. Преобладание склонности жить в негативном прошлом показывает общую тенденцию пессимистического отношения к прожитому времени, за которым могут скрываться боль, сожаления за какие-либо поступки в прошлом. У данной группы студентов снижена возможность эффективного управления своим временем, т. к. они чувствуют постоянное напряжение, дискомфорт, не могут вследствие этого приспособиться к имеющимся условиям среды. Характерно, что группа пользователей является зависимой от сети, но не выби-

рает ни одного ведущего мотива своей деятельности в интернет-пространстве. Интернет в этом случае может выступать посредником, который направляет неактуализированные состояния личности во всемирную сеть для их актуализации на субъективном для человека уровне. Здесь Интернет выполняет компенсаторную функцию, позволяет раскрывать Я личности на том уровне, на котором человек может себе это позволить.

Преобладающая ориентация на позитивное прошлое имеет небольшое количество корреляций и не связана с показателями интернет-зависимости. Пользователи сети Интернет с данной ориентацией демонстрируют высокую степень адаптивности и принятия себя. Единственным мотивом для них является мотив коммуникации. Для пользователей с выраженной ориентацией на позитивное прошлое характерно снижение степени реализованности мотива коммуникации посредством Интернета. Это может свидетельствовать об общей удовлетворенности респондентов актуальным состоянием коммуникативных актов реального мира.

Пользователи сети Интернет с преобладающим фаталистическим настоящим имеют небольшое число корреляций, которые демонстрируют зависимость выделенной группы студентов от внешнего контроля, что обуславливает общую тенденцию жизни таких людей, акцентирующих внимание на внешних воздействиях, способных влиять на ход их жизни. Данная группа студентов является интернет-зависимой. Характерным является снижение значимости деловой мотивации пользования Интернетом при ее высокой реализованности. В данном случае сеть уже стала средством, которое может помочь достичь определенных целей в деятельности, или же данная практика уже была опробована и не привела к желаемым результатам. Более важными мотивами группа студентов с преобладающим фаталистическим настоящим считает мотив самореализации и самоутверждения. Мотив самореализации является предпочтительным, а степень его реализации остается низкой. Так, данная группа использует Интернет для удовлетворения своего нераскрытого потенциала, обусловленного внешними воздействиями. Интернет в этом случае играет роль такого мира, где можно воплотить свои потенциальные желания, возможности, нереализованные личностью в реальном мире в силу определенных обстоятельств. Вероятно, в сети люди пытаются найти те способы, благодаря которым они смогут проявить себя в реальной жизни.

Также выделяется группа студентов с выраженной направленностью на гедонистическое настоящее, на получение удовольствия «здесь и сейчас», без особо четких планов на будущее. Пользователи сети Интернет с данной ориентацией демонстрируют высокую степень дезадаптивности, дают ложные ответы на вопросы со знаком минус, имеют выраженную склонность к неприятию себя, ощущают эмоциональный дискомфорт, подвержены внешнему контролю, доминированию, ведомости и эскапизму. Для пользователей с выраженной ориентацией на гедонистическое настоящее является характерным выделение ряда интегральных показателей, которые ярко демонстрируют снижение степени адаптации, самопринятия, эмоционального комфорта и интернальности. Студенты с выраженным гедонистическим настоящим являются зависимыми от внешнего влияния, которое может доставить им удовольствие и проявляющееся в любых приемлемых формах. Являясь интернет-зависимыми, такие студенты не ставят в число предпочтительных деловой мотив, который является достаточно реализованным. При увеличении значимости гедонистического будущего снижается степень предпочтения мотива самореализации. Данная группа не считает Интернет средством достижения каких-либо профессиональных целей, но и не отрицает возможность его использования по мере необходимости.

При анализе первичных показателей можно определить, что положительная корреляция факторов адаптивности, склонности ко лжи в ключе со знаком плюс и внутреннего контроля наблюдается у студентов с преобладающей ориентацией на будущее. Они в большей степени могут конструктивно строить свою жизнь в конкретном временном пространстве с четко выстроенной иерархией целей, направленной на достижение определенных результатов в будущем. Для данной группы пользователей характерен выбор делового мотива использования Интернета, при том что его реализованность на данный момент не имеет реального подтверждения. Такие студенты при планировании своего будущего в достаточной степени полагаются на Интернет, и он является средством на пути достижения цели. Так, студенты с выраженной временной перспективой на будущее рассматривают Интернет в качестве средства достижения запланированных целей, но не являются зависимыми от его наличия в жизни.

Из приведенных выше данных можно сделать вывод, что временная перспектива личности студентов вуза является важным фактором, обусловливающим характер использования ими сети Интернет. Интернет является наиболее значимым для студентов с выраженным гедонистическим настоящим, негативным прошлым и фаталистическим настоящим. Для данной группы студентов присутствует риск зависимости от сети Интернет вследствие недостаточной адаптированности в реальном мире, неудовлетворенности собственным актуальным положением, социальным окружением, что приводит к зависимости от мнения других людей и, как следствие, уходу в иную реальность и замкнутости. Как видно из проведенного исследования, ни одна группа не выбирает ведущим мотивом пользования Интернетом учебную мотивацию.

Полученные результаты обозначают ряд тенденций, указывающих на истоки проблемных ситуаций современной студенческой молодежи [14]. Несмотря на развитость сети и внедрение интернет-технологий в образовательный процесс, для большой части студенческой молодежи Интернет выполняет компенсаторную функцию в процессе социально-психологической адаптации к условиям обучения в вузе.

Литература

1. Серый А. В., Вечканова Е. М. Темпоральные аспекты актуализации смысловых граней субъективных образов переживания кризиса идентичности в период юности // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 3. Т. 3. С. 238–247.
2. Проконич О. А. Динамические характеристики временной перспективы личности студентов вуза в процессе обучения // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2015. № 1. С. 207–219. DOI: 10.12731/2218-7405-2015-1-46.
3. Левин К. Динамическая психология: избранные труды. М.: Смысл. 2001. 572 с.
4. Зимбардо Ф., Бойд Д. Парадокс времени: новая психология времени, которая улучшит вашу жизнь. М.: Речь, 2010. 352 с.
5. Нюттен Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего / под ред. Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2004. 608 с.
6. Головаха Е. И., Кроник А. А. Психологическое время личности, М.: Смысл, 2008. 267 с.
7. Frank L. K. Time perspectives // J. Soc. Phil. 1939. Vol. 4. P. 293–312.
8. Куликов Л. В. Психология личности в трудах отечественных психологов. М.: Питер. 2009. 460 с.
9. Яницкий М. С., Серый А. В., Проконич О. А. Особенности временной перспективы личности представителей различных ценностных типов массового сознания // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2012. № 2(20). С. 175–180.
10. Сырцова А., Соколова Е. Т., Митина О. В. Методика Ф. Зимбардо по временной перспективе // Психологическая диагностика. 2007. № 1. С. 85–105.
11. Kimberly S. Y. Caught in the Net: How to Recognize Internet addiction and A Winning Strategy for Recovery. New York, NY: John Wiley & Sons, 1995. 256 p.
12. Осницкий А. К. Определение характеристик социальной адаптации // Психология и школа. 2004. № 1. С. 43–56.
13. Арестова О. Н., Бабанин Л. Н., Войскунский А. Е. Мотивация пользователей Интернета // Гуманитарные исследования в Интернете / под ред. А. Е. Войскунского. М.: Можайск-Терра, 2000. С. 55–76.
14. Серый А. В., Яницкий М. С., Харченко Е. В. Ценностно-смысловые аспекты психологической работы со студенческой молодёжью, находящейся в кризисной ситуации // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2014. № 2. С. 40–48. DOI: 10.15293/2226-3365.1402.04.

INTERNET USE MOTIVATION IN STUDENTS OF HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS IN INTERRELATION WITH TEMPORARY PERSPECTIVE OF THE INDIVIDUAL AND SOCIO-PSYCHOLOGICAL ADAPTATION

Tatiana E. Sheina [1, @]

[1] *Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000*
[@] *tatyana_sheina@list.ru*

Received 26.10.2016.
Accepted 13.01.2017.

Keywords: motivation of use of the Internet, Internet dependence, temporary prospect of the identity of students of higher education institution, social and psychological adaptation, information technologies.

Abstract: The article features the problem of Internet use motivation among students. This phenomenon is discussed in conjunction with such criteria of personal development as time perspective of the individual and socio-psychological adaptation. The paper describes some results of a study that identifies the relationship of the parameters of individual temporal perspective, motivation for Internet use and potential socio-psychological adaptation in university students, where the main temporary modus is individual psychological present during the period of study in a higher education institution. It reveals a correlative significance of indicators between selected options, and compares the selected time of the mode with the driving motivation for Internet usage and indicators of Internet addiction. It is revealed that for students the leading motives of Internet usage are business, self-realization, self-assertion and communication. It is shown that the Internet is of highest significance for students with strong hedonistic present, negative past and fatalistic present. This group of students demonstrates reduced indicators of socio-psychological adaptation, which makes it possible to point out the compensatory nature of Internet use among the respondents with negative attitude to the semantic loci of individual temporal perspective. The results of the study define the trends of crisis situations occurrence in students and can be used by psychological services of higher education institutions to develop socio-psychological adaptation of students, as well as to prevent Internet addiction.

For citation: Sheina T. E. Motivatsiia ispol'zovaniia seti Internet studentami vuza vo vzaimosviazi s vremennoi perspektivoi lichnosti i sotsial'no-psikhologicheskoi adaptatsiei [Internet Use Motivation in Students of Higher Education Institutions in Interrelation with Temporary Perspective of the Individual and socio-Psychological Adaptation]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2017): 161–166. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-3-161-166.

References

1. Seryy A. V., Vechkanova E. M. Temporal'nye aspekty aktualizatsii smyslovykh granei sub"ektivnykh obrazov perezhivaniia krizisa identichnosti v period iunosti [Temporal aspects of the actualization of the semantic facets of subjective images in the experience of identity crisis during adolescence]. *Bulletin of Kemerovo State University*, 3, no. 3 (2015): 238–247.

2. Prokonich O. A. Dinamicheskie kharakteristiki vremennoi perspektivy lichnosti studentov vuza v protsesse obucheniia [Dynamic characteristics of persanality's time perspective during the period of study of university students]. *Sovremennye issledovaniia sotsial'nykh problem = Society of Russia: educational space, psychological structures and social values*, no. 1 (2015): 207–219. DOI: 10.12731/2218-7405-2015-1-46.

3. Levin K. *Dinamicheskaia psikhologiia* [Dynamic psychology]. Moscow: Smysl, 2001, 572.

4. Zimbardo F., Boyd D. *Paradoks vremeni: Novaia psikhologiia vremeni, kotoraia uluchshit vashu zhizn'* [The time paradox: the New psychology of time that will improve your life]. Moscow: Rech', 2010, 352.

5. Nuttin J. *Motivatsiia, deistvie i perspektiva budushchego* [Motivation, action and future prospects]. Ed. Leontiev D. A. Moscow: Smysl, 2004, 608.

6. Golovakha E. I., Kronik A. A. *Psikhologicheskoe vremia lichnosti* [Psychological time of the person]. Moscow: Smysl, 2008, 267.

7. Frank L. K. Time perspectives. *J. Soc. Phil.*, vol. 4 (1939): 293–312.

8. Kulikov L. V. *Psikhologiia lichnosti v trudakh otechestvennykh psikhologov* [Personality psychology in works by Russian psychologists]. Moscow: Piter, 2009, 460.

9. Yanicky M. S., Seryy A. V., Prokonich O. A. Osobennosti vremennoi perspektivy lichnosti predstavitelei razlichnykh tsennostnykh tipov massovogo soznaniia [The peculiarities of temporal perspective of the individual representatives of different value types of mass consciousness]. *Vestnik KRAUNTs. Gumanitarnye nauki = Vestnik KRAUNTs. Humanities*, no. 2(20) (2012): 175–180.

10. Syrtsova A., Sokolova E. T., Mitina O. V. Metodika F. Zimbardo po vremennoi perspective [The methodology F. Zimbardo at a time perspective]. *Psykhologicheskaia diagnostika = Psychological diagnostics*, no. 1 (2007): 85–105.

11. Kimberly S. Y. *Caught in the Net: How to Recognize Internet addiction and A Winning Strategy for Recovery*. New York, NY: John Wiley & Sons, 1995, 256.

12. Osnitskii A. K. Opredelenie kharakteristik sotsial'noi adaptatsii [Determination of the characteristics of social adaptation]. *Psikhologiia i shkola = Psychology and the school*, no. 1 (2004): 43–56.

13. Arestova O. N., Babanin L. N., Voiskunskii A. E. Motivatsiia pol'zovatelei Interneta [The motivation of Internet users]. *Gumanitarnye issledovaniia v Internete* [Humanitarian research on the Internet]. Ed. Voiskunskii A. E. Moscow: Mozhaisk-Terra, 2000, 55–76.

14. Seryy A. V., Yanicky M. S., Harchenko E. V. Tsennostno-smyslovye aspekty psikhologicheskoi raboty so studencheskoi molodezh'iu, nakhodiashcheisia v krizisnoi situatsii [Value-semantic aspects of psychological work with students in crisis situations]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Bulletin of the Novosibirsk state pedagogical University*, no. 2 (2014): 40–48. DOI: 10.15293/2226-3365.1402.04.

УДК 811.111’ 37

АНТИКОНЦЕПТ И КОНЦЕПТ КАК СТРУКТРУРЫ РАЗЛИЧНЫХ КАТЕГОРИЙ В ТЕРМИНОЛОГИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ГОМЕОПАТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ)

Александр Э. Буженинов [1,@]

[1] *Уральский государственный педагогический университет, Россия; 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26*
[@] *alexandrebougeninov@mail.ru*

Поступила в редакцию 20.03.2017.
Принята к печати 02.08.2017.

Ключевые слова: антиконцепт, концепт, категория, концептуализация, категоризация, терминология, гомеопатическая терминология, формат знания, научные знания.

Аннотация: В статье рассматривается актуальная для терминоведческих исследований проблема соотношения концепта и антиконцепта как форматов научного знания. Исследования в области антиконцепта показали, что этот формат знания отличен от концепта более сложной организацией, объективацией и более детальной вербализацией в терминологии. На материале гомеопатической терминологии в ходе концептуального и компонентного видов анализа показывается, что антиконцепт и концепт могут дифференцироваться на уровне разных категорий. Исследование одних из ключевых и противоположных друг другу гомеопатических понятий «конституция» и «миазм» продемонстрировало их принадлежность к различным категориям: *конституция пациента* концептуализируется как свойство, тогда как *миазм* (патологическая конституция) концептуализируется либо как свойство, либо как состояние. Дальнейшие терминоведческие исследования в сфере категориальной принадлежности концептов и антиконцептов могут способствовать более детальной их интерпретации, выявлению новых концептуальных признаков и, как следствие, росту научных знаний.

Для цитирования: Буженинов А. Э. Атиконцепт и концепт как структуры различных категорий в терминологии (на материале гомеопатической терминологии) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 3. С. 167–171. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-3-167-171.

«Да» у нас одно, «Нет» у нас много
О. Розеншток-Хюсси

Одним из самых актуальных направлений современного терминоведения является когнитивно-дискурсивное терминоведение, занимающееся исследованием различных форматов знания, формирующих научное мышление, изучением соотношения обыденного и научного видов знания, поиском когнитивных механизмов концептуализации и категоризации научного опыта и его вербализации в термине как знаке.

В современных когнитивно-дискурсивных терминоведческих исследованиях особый интерес в последнее время вызывает антиконцепт не только как средство формирования специальных знаний, но и как инструмент интерпретации самого исходного концепта.

Из работ последних лет, посвященных проблеме антиконцепта [1–8], можно выделить три основных вывода, касающихся природы этого явления:

1. антиконцепт, основанный на категории противопоставления, не может быть сведен к простому отношению антонимии;
2. антиконцепт значительно более широко объективирован, чем концепт, который в некоторых случаях может быть и не номинирован;
3. антиконцепт производен от концепта и имеет более сложную организацию – это результат концептуальной деривации, важнейшие механизмы которой – соположение, достраивание, развитие, сравнение и перспективация.

В данной статье мы попытаемся выделить еще одну конститутивную черту антиконцепта, основываясь на изучении антиконцепта *миазм*, противопоставленного концепту *конституция* в подъязыке гомеопатии.

В терминологии медицины уже исследовались антиконцепт *болезнь*, противопоставляемый концепту *здоровье*, и антиконцепт *отклонения от нормы*, противопоставляемый концепту *норма* (В. Ф. Новодранова, Е. А. Слоева) [8; 9]. В гомеопатии как одной из медицинских подобластей (и концептуальной сфере гомеопатии как специализированном ответвлении медицинского знания) также реализуются отношения между вышеуказанными концептами и антиконцептами. Поскольку гомеопатический подъязык во многом является производным от общемедицинской терминологии, а сама гомеопатия занимается лечением большинства патологических состояний, то исследование данных антиконцептов (и их производных концептов) не дало бы конкретных новых результатов в познании природы антиконцепта.

Поэтому мы обратимся для этого к узкоспециальным понятиям, выработанным в рамках самой гомеопатии, к тому фрагменту гомеопатического знания, который является во многом оригинальным для медицинского знания – антиконцепту *миазм* и исходному его концепту *гомеопатическая конституция*. Для выявления концеп-

туальных признаков мы обратимся к анализу гомеопатических дискурсивных источников с привлечением метода компонентно-дефиниционного анализа.

Концепт *гомеопатическая конституция* (синоним – *гомеопатический конституциональный тип*) – это структура знания, основанная на понятии конституции пациента, его морфологических, психофизиологических свойств. Понятие о конституциональных типах сложилось еще при Гиппократе (460–377 гг. до н. э.), а в дальнейшем разрабатывалась И. П. Павловым, Э. Кречмером, А. А. Богомольцем, У. Г. Шелдоном, Д. Р. Сиго. В гомеопатии под конституцией понимается совокупность устойчивых психических, морфологических и функциональных свойств организма индивида, которые обусловлены как наследственностью, так и влиянием внешней среды, что определяет реактивность организма.

Однако наиболее важным, на наш взгляд, является то обстоятельство, что концепт *конституция* относится именно к пациенту в состоянии здоровья: «…Конституция была определена нами как **состояние здорового индивида** (выделено нами – А. Б.). В конституции заложены особенности, предрасполагающие к развитию кризиса или болезни, но сами по себе эти черты не являются симптомами патологических расстройств» [10, с. 123].

Антиконцепт *миазм*, соответственно, предполагает патологически измененную, извращенную конституцию: «Миазмы – это патологически измененные типы конституции, определяющие индивидуальное протекание любой болезни» [11, с. 27].

Следует отметить, что с точки зрения уровней категоризации антиконцепт *миазм* действительно более детально разработан терминологически. Так, позитивный концепт вербализуется двумя синонимичными терминами *(«конституция», «конституциональный тип»*), тогда как антиконцепт находит терминологическое выражение в целой череде используемых терминов (*«миазм»* (С. Ганеман), *«диатез»*, *«дискразия»* (Гиппократ), *«патологическая конституция»).*

Антиконцепт *миазм* является сложно организованной мысленной структурой, представленной двумя концептуальными признаками. Так, в соответствии с принятой классификацией миазмов в гомеопатии, а также основываясь на данных компонентно-дефиниционного анализа, можно их разделять по следующим признакам: 1) конкретное проявление миазма и 2) характер миазма.

На уровне вербализации в обоих случаях идет речь о конкретизированных понятиях, что выражается в их языковом оформлении: средством вербализации здесь служат терминологические сочетания (двухкомпонентные, иногда трехкомпонентные) термины, где категориальный элемент (миазм) конкретизируется атрибутивным элементом, вербализующим понятие и конкретном проявлении миазма или его онтологическом характере. Т. е. в терминах Е. И. Головановой [12] речь идет о тематическом уровне категоризации. На этом уровне мы видим различие между двумя концептуальными признаками с точки зрения большей или меньшей разработанности антиконцепта по сравнению с исходным концептом.

Перейдем теперь к рассмотрению выделенных признаков в гомеопатическом дискурсе.

Признак 1: конкретное проявление миазма.

Так, в гомеопатии выделяются такие типы конституции, как сульфурическая, фосфорическая, карбоническая и флюорическая, выделяемые по следующим признакам: морфология тела, развитие мускулатуры, количества жира в организме и другие:

«Тип фосфорический – люди высокие, с узкой грудной клеткой, слабой, вялой мускулатурой. Карбоническмй – преобладание горизонтальных размеров над вертикальными; форма тела с избыточным развитием жирового слоя <…>. Флюорический тип – неправильное развитие костей, костные деформации, асимметрия лица…» [13, с. 82].

Равным образом существует четыре миазма как патологически измененных типа конституции, терминируемых как *псора, сикоз, сифилитизм и туберкулинизм*. Прежде чем привести пример из гомеопатического дискурса, отметим, что исследуемый антиконцепт действительно является производным от концепта *конституция*. Как пишет В. В. Налимов, «все новое, даже противостоящее старому, вытекает из старого» [14, с. 199]. Антиконцепт и репрезентированные им концептуальные признаки становятся новой структурой знания, основанной на уже выработанной (понятие *«конституции»*). Доказательством служит частотное в гомеопатическом дискурсе терминологическое сочетание *конституциональные признаки псоры*, *конституциональные признаки сикоза* и т. д., где в вербальной форме наглядно представлена интеграция двух концептуальных структур: «конституциональные признаки сикоза – все, что носит характер или оттенок чрезмерного: боль, подъем температуры, образование камней в желчных и/или мочевыводящих путях, гиперпластические процессы и т. д.» [15, с. 39].

При этом, поскольку традиционно тот или иной тип миазма определяется как противоположность того или иного конституционального типа (пусть и приблизительно), примерно одинаковой по численности является и совокупность концептуальных признаков, формирующих концепт (и антиконцепт). То, что в здоровой конституции представлено знаком «+», в патологической репрезентировано знаком «–».

Таким образом, данный концептуальный признак в равной мере представлен как в концепте, так и в антиконцепте, формируя тем самым бинарную оппозицию.

Признак 2: характер миазма.

В данном случае мы с уверенностью можем говорить о подтверждении тенденции к более детальной разработанности антиконцепта по сравнению с концептом. Концепт *конституция* не репрезентирует данный концептуальный признак (он не выражен и, как следствие, не терминирован, не закреплен знаком), тогда как антикоцепт *миазм* довольно широко эксплицирует данный признак и представляет его целым набором терминологических единиц: «*ложный миазм», «хронический миазм», «острый миазм», «латентный миазм»*:

«Среди возбуждающих острые заболевания причин выделяются отрицательные влияния окружающей среды, психические воздействия, «*острые миазмы*» [16, с. 52]. «Все же остальные (группы высокого риска, предболезни, высевание без симптомов воспаления хламидий, микроплазмы и т.д.» может рассматриваться как *латентный миазм*, и служить поводом только для

профилактических мероприятий, которые могут и не должны быть идентичны лечебным» [15, с. 46].

Таким образом, мы можем отметить, что, пусть и не во всех концептуальных компонентах, но исследуемый антиконцепт содержательно объективирован более детально, чем исходный концепт, а потому является более информативной мыслительной единицей, имеющей концептуально более сложную объективацию

Но отметим еще одну тенденцию, которую показывает наш анализ: **антиконцепт может противопоставляться концепту на уровне разных категорий**. Иными словами, антиконцепт может принадлежать другой категории, нежели исходный концепт.

При этом в контексте настоящего исследования важно отметить два методологических положения. Во-первых, под категорией подразумевается формат знаний, «выполняющий специфическую роль в организации и оперативном использовании знаний о мире, о способах их обработки и интерпретации человеком» [17, с. 6]. С точки зрения терминологической системы категориальный подход позволяет исследовать в термине как знаке понятийные категории, категории действительного мира. Во-вторых, мы разделяем фундаментальное положение когнитивистики о том, что «категория – это концептуальное объединение объектов на основе общего концепта» [17, с. 6]. Таким образом, концепт и антиконцепт, являясь форматами знания одного порядка, принадлежат вышестоящему уровню – категории, формируя ее.

Так, компонентно-дефиниционный анализ позволяет путем выделения категориальных и дифференциальных признаков установить принадлежность концепта *конституция* категории свойств (о категориальном составе подъязыка гомеопатии см. в [18]). Так, *конституция* (*конституциональный тип*) пациента концептуализируется именно как свойство этого пациента: «конституция – это генетически детерминированные психофизиологические особенности реагирования человека на изменяющиеся условия внешней среды» [19, с. 14]; «Конституция – это врожденная и приобретенная душевная, психическая и соматическая организация человека. Она определяется по строению тела, психическому и душевному складу и способу реагирования на внутренние и внешние нагрузки» [20, с. 158].

Антиконцепт *миазм* (и вербализующие его термины: *миазм, псора, сикоз, сифилис* и т. д.) концептуализируется в основном либо статически, как состояние (категория состояния), либо динамически, как процесс (категория процессов), что связанно с использованием в дискурсе как более архаичных, так и современных трактовок соответствующего понятия: «сикоз проявляется избыточной, чрезмерной реакцией, гиперфункцией, гипертрофией, доброкачественными разрастаниями» [21, с. 50]; «в обобщенном виде болезни типа псоры характеризуются функциональной слабостью органов и систем организма, каким-либо дефицитом, гипотонией» [16, с. 54]; «миазмы – это наиболее общие типичные алгоритмы или способы патологической адаптации человека как единой социально-биологической системы к изменениям внешней и внутренней среды…» [15, с. 28].

С точки зрения связи состояний и процессов небезынтересно отметить, что вышеописанные термины имеют довольно частотные дублеты с суффиксом состояния *–изм*: *сикотизм, сифилинизм (люэтизм), туберкулинизм*. За счет такого варианта, очевидно, достигается большее понимание миазмов как непосредственно состояний организма. В. А. Линде в одной из своих монографий подводит такой итог трактовке миазмов: «Другими словами и, безусловно несколько примитивизируя, *псоре* соответствуют состояния гипофункции, *сикозу* – состояния гиперфункции, *сифилису* – состояния извращенной функции» [15, с. 7].

Принадлежность концепта и антиконцепта различным категориям во многом обусловлена молодостью гомеопатической терминологии (датой рождения гомеопатии принято считать 1799 г.; в России гомеопатия официально признана лишь в 1995 г.): многие терминологические единицы (и вербализуемые ими понятия) продолжают активно обсуждаться и искать свое место в системе гомеопатического знания. Уточнению этого места способствуют и эмпирические исследования в самой науке. Впрочем, как мы уже говорили, наименования *миазмов* является архаичными терминами, хотя и используемыми в современных источниках по гомеопатии. В настоящее время в связи с архаичностью этих терминов все чаще говорят о «способах реагирования организма» исходя из принципиального постулата о реактивности человеческого организма*: псорический, сикотический, сифилитический (люэтический), туберкулиновый способы реагирования*. Такие термины уже с большей силой отражают динамический характер (реактивность) и могут быть отнесены к терминам категории процессов. Такое развитие терминологии указывает на попытку преодоления категориального расхождения концепта и антиконцепта, подведения двух мыслительных структур под одну категорию.

Таким образом, мы видим, что антиконцепт *миазм* концептуализируется иначе, нежели его производящий концепт *конституция*. Подводя итог, скажем, что, на наш взгляд, подобный вывод, во-первых, позволит активизировать такое направление исследований антиконцепта, как категориальная принадлежность концепта и антиконцепта; а во-вторых, углубляет понимание природы антиконцепта и концепта как структур знаний. Поскольку антиконцепт не только противопоставляется концепту, но и служит эффективным средством его интерпретации, возможность принадлежности к разным категориям позволяет осмысливать концепт и антиконцепт с позиций разных категорий, открывать все новые концептуальные признаки понятий и тем самым способствовать росту научных знаний. В прикладном аспекте исследование корреляций концепта и антиконцепта, на наш взгляд, позволит разрабатывать более детальные и целостные дефиниции понятий, фиксируемых в терминологических словарях и энциклопедических источниках.

Литература

1. Trask R. L. Key concepts in language and linguistics. London, New-York: Taylor & Francis E-Library, 2005. 276 p.
2. Casasanto D. Embodiment of abstract concepts: good and bad in right- and left-henders // Journal of experimental psychology. 2009. Vol. 138. № 3. P. 351–367.
3. Бабина Л. В. Концептуальная деривация и ее проявление на языковом уровне // Концептуальное пространство языка: сб. науч. тр. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2005. С. 141–149.
4. Боева-Омелечко Н. Б. Концепт и антиконцепт как диалектическое единство // Когнитивные исследования языка. 2014. № 18. С. 39–42.
5. Гуреева Е. И. Понятия «концепт» и «антиконцепт» (на материале спортивной терминологии) // Вестник ЧелГУ. 2007. № 8. С. 16–20.
6. Голованова Е. И. Введение в когнитивное терминоведение: учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2011. 224 с.
7. Непшекуева Т. С., Губиева С. Ю. Антиконцепт «green economy» как результат процесса перекатегоризации // Политематический сетевой электронный журнал КубГАУ. 2015. № 110. С. 1006–1013.
8. Новодранова В. Ф. Концепты и антиконцепты и их репрезентация языковыми средствами // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования. М.; Калуга: Эйдос, 2007. С. 148–155.
9. Слоева Е. А. Когнитивно-коммуникативный подход к описанию анатомического объекта: автореф. дис. … канд. филол. наук. Ульяновск, 2007. 182 с.
10. Свейн Д. Гомеопатический метод. М.: Гомеопатическая медицина, 2002. 358 с.
11. Симеонова Н. К. Гомеопатия: учебник. М.: Слава!, Рекон, Форт-Профи, 2008. 432 с.
12. Голованова Е. И. Категория профессионального деятеля: Формирование. Развитие. Статус в языке. М.:Изд-во Элпис, 2008. 304 с.
13. Михайлов И. В. Гомеопатия. Справочник. М.: Астрель, АСТ, 2010. 239 с.
14. Налимов В. В. Спонтанность сознания: вероятностная теория смыслов и смысловая архитектоника личности. М.: Академический проект, 2011. 399 с.
15. Линде В. А. Теория миазмов Самуила Ганемана. СПб.: Центр гомеопатии, 2001. 72 с.
16. Крылов А. А., Песонина С. П., Крылова Г. С. Гомеопатия для врачей общей практики. СПб.: Питер Паблишинг, 1997. 416 с.
17. Болдырев Н. Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2. С. 5–22.
18. Буженинов А. Э. Подъязык гомеопатии в категориальном освещении (на материале русского и французского языков): автореф. дис…канд. филол. наук. Екатеринбург, 2013. 24 с.
19. Песонина С. П., Линде А. В., Васильев Ю. В. Словарь терминов, используемых в гомеопатии. СПб.: Центр гомеопатии, 2004. 36 с.
20. Кёллер Г. Гомеопатия. Смоленск: Гомеопатическая медицина, 1997. 600 с.

ANTICONCEPT AND CONCEPT AS STRUCTURES OF DIFFERENT CATEGORIES IN HOMEOPATHIC TERMINOLOGY

Alexander E. Buzheninov [1, @]

[1] *Ural State Pedagogical University, 26, Kosmonavtov Ave., Ekaterinburg, 620017, Russia*
[@] *alexandrebougeninov@mail.ru*

Received 20.03.2017.
Accepted 02.08.2017.

Keywords: anticoncept, concept, category, conceptualization, categorization, terminology, homeopathic terminology, format of knowledge, scientific knowledge.

Abstract: This article features the issue of correlation of concept and anticoncept as scientific formats of knowledge, which is topical for terminological research. Recent studies in the domain of anticoncept have shown that this format of knowledge is different from that of concept by its more complex organization, exteriorization and a more detailed verbalization in terminology. As exemplified by homeopathic terms and conceptual and component analyses, the anticoncept and the concept differ at the level of different categories. The investigation of the key homeopathic notions of «constitution» and «miasm» demonstrate their belonging to different categories: the constitution of a patient is conceptualized as a property whereas the miasm (pathological constitution) is conceptualized as a process or as a state. Further terminological researches in the domain of concepts and anticoncepts as members of different categories might provide a more detailed interpretation, reveal new conceptual signs and, consequently, enlarge the scope of scientific knowledge.

For citation: Buzheninov A. E. Atikontsept i kontsept kak struktury razlichnykh kategorii v terminologii (na materiale gomeopaticheskoi terminologii) [Anticoncept and Concept as Structures of Different Categories in Homeopathic Terminology]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2017): 167–171. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-3-167-171.

References

1. Trask R. L. *Key concepts in language and linguistics*. London, New-York: Taylor & Francis E-Library, 2005, 276.

2. Casasanto D. Embodiment of abstract concepts: good and bad in right- and left-henders. *Journal of experimental psychology*, 138, no. 3 (2009): 351–367.

3. Babina L. V. Kontseptual'naia derivatsiia i ee proiavlenie na iazykovom urovne [Conceptual derivation and it's manifestation on the language level]. *Kontseptual'noe prostranstvo iazyka* [Conceptual space of language]. Tambov: Izd-vo TGU im. G. R. Derzhavina, 2005, 141–149.

4. Boeva-Omelechko N. B. Kontsept i antikontsept kak dialekticheskoe edinstvo [Concept and anticoncept as a dialectical unity]. *Kognitivnye issledovaniia iazyka = Cognitive studies of language*, no. 18 (2014): 39–42.

5. Gureeva E. I. Poniatiia kontsept i antikontsept (na materiale sportivnoi terminologii) [Notions concept and anticoncept (on the material of terminology of sport)]. *Vestnik ChelGU = Bulletin of the Tchelyabinsk State University*, no. 8 (2007): 16–20.

6. Golovanova E. I *Vvedenie v kognitivnoe terminovedenie* [Introduction to cognitive terminology science]. Moscow: Flinta: Nauka, 2011, 224.

7. Nepshekueva T. S., Gubieva S. Iu. Antikontsept «green economy» kak rezul'tat protsessa perekategorizatsii [Anticoncept "green economy" as a result of the process of transcategorisation]. *Politematicheskii setevoi elektronnyi zhurnal KubGAU = Polythematic online scientific journal of Kuban State Agrarian University*, no. 110 (2015): 1006–1013.

8. Novodranova V. F. Kontsepty i antikontsepty i ikh reprezentatsiia iazykovymi sredstvami [Concept and anticoncept and their representation by linguistics means]. *Kontseptual'nyi analiz iazyka: sovremennye napravleniia issledovaniia* [Conceptual analysis of language: modern approaches of investigations]. Moscow, Kaluga: Eidos, 2007, 148–155.

9. Sloeva E. A. *Kognitivno-kommunikativnyi podkhod k opisaniiu k opisaniiu anatomicheskogo ob"ekta*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Conceptual and communicative approach to description to anatomical object. Cand. philol. Sci. Diss. Abstr.]. Ul'ianovsk, 2007, 182.

10. Svein D. *Gomeopaticheskii metod* [Homeopathic method]. Moscow: Gomeopaticheskaia meditsina, 2002, 358.

11. Simeonova N. K. *Gomeopatiia* [Homeopathy]. Moscow: Slava!, Rekon, Fort-Profi, 2008, 432.

12. Golovanova E. I. *Kategoriia professional'nogo deiatelia: Formirovanie. Razvitie. Status v iazyke* [Categoriy of professional figure: Forming. Developpement. Status]. Moscow: Izd-vo Elpis, 2008, 304.

13. Mikhailov I. V. *Gomeopatiia* [Homeopathy]. Moscow: AST, 2010, 239.

14. Nalimov V. V. *Spontannost' soznaniia: veroiatnostnaia teoriia smyslov i smyslovaia arkhitektonika lichnosti* [Consciousness spontaneity: probabilistic theory of sense and sense architectonics of personnality]. Moscow: Akademicheskii proekt, 2011, 399.

15. Linde V. A. *Teoriia miazmov Samuila Ganemana* [The miasm's theory of Samuel Hahnemann]. Saint-Petersburg: Tsentr gomeopatii, 2001, 72.

16. Krylov A. A., Pesonina S. P., Krylova G. S. *Gomeopatiia dlia vrachei obshchei praktiki* [Homeopathy for doctors of general practics]. Saint-Petersburg: Piter Pablishing, 1997, 416.

17. Boldyrev N. N. Iazykovye kategorii kak format znaniia [A linguistic category as a form of knowledge] *Voprosy kognitivnoi lingvistiki = Issues of cognitive linguistics*, no. 2 (2006): 5–22.

18. Buzheninov A. E. *Pod"iazyk gomeopatii v kategorial'nom osveshchenii (na materiale russkogo i frantsuzskogo iazykov)*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Sublanguage of honeopathie in categorical interpretation (on the material of French and Russian languages). Cand. philol. Sci. Diss. Abstr.]. Ekaterinburg, 2013, 24.

19. Pesonina S. P., Linde A. V., Vasil'ev Iu. V. *Slovar' terminov, ispol'zuemykh v gomeopatii* [Dictionnary of terms used in homeopathy]. Saint-Petersburg: Tsentr gomeopatii, 2004, 36.

20. Keller G. *Gomeopatiia* [Homoepathy]. Smolensk: Gomeopaticheskaia meditsina, 1997, 600.

УДК 81.13

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ЛЕКСИКИ В РАМКАХ ОДНОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ: ОПЫТ ОБОБЩЕНИЯ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ ПОСТФАКТУМ. СТАТЬЯ 2

Николай Д. Голев[1, @, *]

[1] *Кемеровский государственный университет, Россия, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6*
[@] *ngolevd@mail.ru*

Поступила в редакцию 04.03.2016.
Принята к печати 14.09.2017.

Ключевые слова: эксперимент, лингвистика, семасиология, лексикография, методология лингвистических исследований, принципы лингвистического эксперимента, Л. В. Щерба.

**** Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-04-00311.***

Аннотация: Содержание статьи 2 настоящего цикла статей составляет методологические размышления по поводу общих принципов экспериментирования в лингвистике вообще и современной российской лингвистике в частности. В статье 1 были рассмотрены исследования, квалифицированные нами как находящиеся в рамках традиции, начало которой положено в трудах И. А. Бодуэна де Куртенэ, Л. В. Щербы и других лингвистов, полагавших, что обращение к языковому сознанию (языковому чувству) дает лингвистам релевантную информацию о самом языке. Статья 2 имеет иную презумпцию, она является рефлексией на аксиоматизацию и абсолютизацию данного принципа в современной антропоцентрической лингвистике. Названные линии в цикле статей, хотя и составляют разные сюжеты, исходящие из разного материала и разных исследовательских презумпций, ставятся в отношения тесной связи и взаимообусловленности. В заключительной части статьи 2 автор утверждает, что по-настоящему полная и глубокая картина языка не может быть создана без учета исследований обоих направлений, в том числе исследований противоположной презумпции.

Для цитирования: Голев Н. Д. Экспериментальные исследования русской лексики в рамках одного лингвистического направления: опыт обобщения и методологической рефлексии постфактум. Статья 2 // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 3. С. 172–179. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-3-172-179.

Статья 1 [1] обобщает исследования, находящиеся в рамках традиции, начало которой положены в трудах И. А. Бодуэна де Куртенэ, Л. В. Щербы и других лингвистов, полагавших, что обращение к языковому сознанию (языковому чувству) дает лингвистам достаточно релевантную информацию о самом языке. Так, Л. В. Щерба, говоря о том, что эксперимент в языкознании вытекает из потребности лингвиста проверить на соответствие действительности какую-либо гипотезу о наличии закономерности в языке [2, с. 32], замечает далее: «в сущности то, что я называл раньше «психологическим методом» (или – еще неудачнее – «субъективным»), и было у меня всегда методом эксперимента, только недостаточно осознанного. Впервые я его стал осознавать таковой в эпоху написания моего «Восточнолужицкого наречия» [2, с. 33]. Статья 2 является рефлексией на аксиоматизацию и абсолютизацию данного принципа во многих исследованиях, принадлежащих к современной антропоцентрической лингвистике, которая нередко противопоставляет себя лингвистике системоцентрической. Данное обстоятельство стимулирует постановку вопроса о том, насколько высока, во-первых, степень сближенности показаний сознания и языка как такового и, во-вторых, степень противопоставленности антропологической и системно-структурной сторон языка. Автор такой постановкой вопроса менее всего стремится деактуализировать линию сближения, хотя одно из направлений ее развития связывает со взаимодействием с другой линией. Не будучи параллельными, эти две линии (на сближение и некоторое дистанцирование показаний языкового сознания и представлений лингвистов об онтологии языка) в предлагаемых статьях связаны отношениями последовательности и дополнительности. Идея, которая может их соединить, следующая. (*Прим. автора: в 70-х гг. прошлого века на этапе зарождения и высокой активности антропоцентризма в лингвистике на конференциях можно часто было услышать пафосные утверждения типа «Лингвистики нет, есть только психолингвистика!». Модус таких высказываний понятен, но с их диктумом согласиться трудно*).

Гипотеза о том, что ментально-психологическая сторона языка (как компонент речевой деятельности) достаточно гармонично накладывается на собственно языковую сторону языка, не является единственной презумпцией лингвистического экспериментирования и интерпретации его результатов. Создание полной и глубокой картины языка предполагает учет исследований на основе другой, противоположной, презумпции, исходящей из тезиса – системно-структурная сторона и ментально-психологическая стороны языка не накладываются друг на друга «один в один» и не повторяют друг друга. Можно заранее предположить, что модели, созданные на основе названных презумпций, могут взаимодействовать на основе принципа дополнительности, как раз и предполагающего ситуации такого рода (вплоть до ситуаций взаимоисключающих) несовпадений. Пафос статьи 2 заключен в призыве развивать экспериментальные исследования лексики и текста в обоих направлениях. Но если первое направление в настоящее

время может быть ограничено совершенствованием технологии эксперимента, второе на данном этапе нуждается в теоретическом осмыслении, которое должно предшествовать конкретным исследованиям лексики и текста. В статье 2 осуществляется такое первоначальное осмысление, в ней представлено общетеоретическое обоснование гипотезы несовпадения и относительной самостоятельности имманентного и ментального бытия языка, системоцентрической и антропоцентрической лингвистики. В таком осмыслении, на наш взгляд, заключена если не основная, то весьма важная задача современной экспериментальной лингвистики.

Философскую сторону экспериментирования с лексическим и текстовым материалом в рамках представляемых экспериментов можно ограничить следующим тезисом. Эксперимент располагается в сфере антиномий «явление – сущность» и «внешнее – внутреннее». С помощью эксперимента внутренняя сущность изучаемого объекта выводится «на поверхность» в виде наблюдаемых явлений, изучение которых позволяет исследователю заглянуть внутрь объекта, то есть понять принципы (закономерности) его устройства, функционирования, возникновения. Таким образом, методологическую сторону проблемы представляет известная в гносеологии и науковедении метафора «черный ящик». Мы не знаем, что внутри ящика, какова сущность заключенного в нем феномена («механизма», управляющего его действиями), но можем судить об этом, сравнивая его вход и выход – того, что входит в него, и того, что из него выходит. Любой эксперимент имеет дело с моделью черного ящика. Например, мы предлагаем испытуемым заполнить пропуски в предложении «*Да какой это выключатель, если…*». Мы не знаем, реагирует ли языковое сознание на внутреннюю форма слова, но, запуская на входе слова-стимулы *выключатель, рубильник* и, скажем, окказиональное *включатель* и изучая на выходе реакции на эти слова, можем сделать вывод о том, есть ли в языковом сознании механизмы учета внутренней формы.

Здесь важно подчеркнуть следующее – и языковая система, и речемыслительная деятельность являются ненаблюдаемыми феноменами. С точки зрения гносеологии, оба они – «черные ящики»: языковую систему составляют виртуальные и абстрактные сущности, их невозможно наблюдать, их можно только мысленно сконструировать, иными словами – это конструкты. То же самое относится к механизмам речемыслительной деятельности. Главный для нас вопрос в связи с устройством «черного ящика», уже актуализированный нами в преамбуле статьи: как взаимодействуют данные сущности, насколько они самостоятельны? Устроен ли такой «черный ящик» как языковое сознание, по тому же принципу, что и языковая система (язык как системно-структурное образование [3])?

По Л. В. Щербе [2], по отношению к цельности языка (и каждого языкового явления) языковая система, языковой материал (текст) и речевая деятельность – ее отдельные стороны. Рассмотрение всей цельности с каждой из этих трех сторон, направленное на ее изучения, представляет собой исследовательские аспекты (троякий аспект рассмотрения). В рамках цельности все стороны неразрывно связаны отношениями взаимообусловленности, а в структурном плане изоморфны. Это дает возможность изучать одно через другое. Л. В. Щерба продемонстрировал возможности экспериментального познания языковых механизмов через речевое поведение носителей языка и продукты речевой деятельности. Апеллируя к чувству языка, он выявлял алгоритмы речевого поведения, которые увязывались с устройством языковой системы. Таким образом, Л. В. Щерба по сути предвосхитил некоторые актуальные постулаты современной, антропоцентрической, лингвистики. В последнее время в когнитивной лингвистике в качестве главного полигона изучения языка используется такой компонент речевой деятельности, как языковое сознание. Апелляция к языковому сознанию лежала в основании серии экспериментов, представленных в статье 1, однако в них есть в этом плане существенная специфика.

Языковое сознание (= речевое мышление) предстает в подходе, реализуемом в этих экспериментах, не столько как объект изучения, сколько как средство, способ изучения, исследовательский «полигон». Почему этот общепринятый момент важно подчеркнуть? Можно согласиться, что это всего лишь методологический нюанс, но трудно согласиться с тем, что это малосущественный спор о словах и терминах. Иллюстрацией «нюансов» могут послужить названия статей. С одной стороны, такие названия, как «Механизмы восприятия грамматических категорий носителями языка» [4], «Экспериментальные исследования вербальных ассоциаций в квантитативной лингвистике» [5], «Роль экспериментальной лингвистики в исследовании содержания и системной организации знания» [6], на наш взгляд, точно расставляют акценты в данном вопросе – объектом экспериментальных исследования в данных статьях названы именно механизмы восприятия, вербальные ассоциации, содержание и системная организация знания (как факт сознания); с другой стороны, название коллективной монографии «Ассоциативное измерение системных отношений в лексике» [7], а также статей [8; 9], в которых системные отношения в языке (языковая синонимия, полисемия, вариантность, деривационные связи) являются объектом интереса лингвистов, а ассоциативный эксперимент – средством его реализации.

Поясним данные тезисы. Как непосредственный объект изучения языковое сознание неотделимо от интенции, которая является движущей силой любого речевого акта и речевой деятельности в целом. Выдвижение на первый план интенции и ее реализации предполагает построение субъектно-деятельностной модели языка. Наши эксперименты предполагают иную динамическую модель языка, в ней допускается некоторое дистанцирование от телеологического, субъектоцентрического понимания речевой деятельности, то есть сдвиг к ее пониманию речевой деятельности как самодетерминирующемуся процессу (*Прим. автора: Н. Н. Шпильная, член школы «СКФРЯ», разрабатывает такую модель на материале диалогических текстов социальных сетей русского Интернета [10; 11], см также [12]*), наделение самой языковой системы и речевого материала способностью быть движущей силой этого процесса, носителем энергетики речевых процессов и процессов развития языка становятся сами единицы языка и речи. Это не исключает субъектно-

интенциональной природы языка, но интенция предстает при таком подходе как генетический фактор возникновения языковой энергии – она в этом случае есть интенция, пребывающая в некоторым образом опредмеченном состоянии. Степень опредмеченности, точнее расстояние опредмеченного состояния интенции от процессуального-речевого, по-видимому, очень различна в разных случаях. Например, категория падежа (система предложно-падежных форм), казалось бы, очень далека от интенций субъекта и подчиняется исключительно внутренним детерминантам. Однако выясняется, что на большом материале можно выявить, что определенные предложно-падежные формы обнаруживают некоторую привязку к субъективным предпочтениям языковой личности и что они по этой причине могут служить материалом для ее идентификации в прикладных целях (см., например, об этом работы [13; 14]). Единицы языка и текста предстают при таком подходе как носители потенциала саморазвития единиц словаря и текста, реализующегося в определенных условиях. Такой потенциал обнаруживает свое присутствие в прогностических возможностях и реализациях, в которых предстоящее разворачивание (или свертывание) как бы изначально заложено в самой разворачиваемой (свертываемой) единице. Первый опыт такой методологической трактовки с лингводетерминистских позиций данных наших экспериментальных исследований был сделан нами в коллективной монографии «Очерки по лингвистической детерминологии и дериватологии русского языка» [15; 16]. Из недавних попыток реализации данного подхода в исследовательской практике назовем монографию Н. Н. Шпильной [10].

Реплика в сторону. В настоящее время в исследованиях субъектоцентрической лингвокогнитологической парадигмы экспериментом часто называют практически любое обращение к языковому (в том числе – метаязыковому) сознанию в виде разного рода опросов респондентов, а показания языкового сознания напрямую проецируют на язык как таковой, то есть на его онтологию. Известна разница мнений Л. Витгенштейна и Н. Хомского о молчаливом знании. Первый их них полагал, что такое молчаливое знание не есть сущностная модель языка, которую может извлечь (стремится извлечь) из языка лишь профессиональный лингвист. Н. Хомский, напротив, полагал, что молчаливое умение порождать и понимать тексты – это и есть идеальная модель языка. Спор этот не решен до сих пор. Однако, судя по практике современных исследований в области лингвокогнитивистики, она склоняется к варианту Хомского, принимаемуму за аксиому. При этом на место молчаливого знания уверенно ставят знание словесно выраженное. Так, к примеру, сущностные вопросы категории вида считается возможным решать, опираясь на оценки видовых отличий рядовых носителей языка. На наш взгляд, данные, полученные в опросе относительно, скажем, видовых пар, могут говорить о структуре самого сознания (метаязыкового в первую очередь), но не о структуре языковой категории как феномене языковой онтологии. В этом же ряду стоит трактовка поля вербальных ассоциаций вокруг слова, они квалифицируются (прямо или «по умолчанию») концептологами как языковое содержание слова (если не как собственно значение, то как специфическая его форма – концепт с культурологическим содержанием), на основе данных ассоциативных экспериментов часто решаются вопросы собственно языковой парадигматики и синтагматики. Нет сомнений в том, что в ассоциативных полях отражаются тождество и различие содержания языковых единиц, степень их близости, но насколько уровень отождествления ассоциативного поля вокруг слова и его лексического значения корректен? Вопрос, на наш взгляд, открытый. По аналогии со сказанным рассмотрим такой лингвистический вопрос: словообразовательной системе нередко, на наш взгляд, бездоказательно приписывается категоризующая функция, то есть утверждается ее прямое участие в организации языковой картины мира, а через ее опосредование – в видении и внеязыкового мира. Под доказательством подразумеваем результаты экспериментальных исследований. Таким же образом отсутствуют экспериментальные доказательства реального участия мотивационных структур и значений в речемыслительной деятельности и в структуре языкового сознания. Наши многочисленные попытки поставить эксперимент для подтверждения гипотезы о таковом их участии оказались безуспешными. К примеру, реакция испытуемых на синонимичные разномотивированные и немотивированные слова-стимулы типа *школьник, ученик, студент* в свободных и направленных экспериментах мало отлична. Ассоциативные словари почти не проявляют тенденции к увеличению частотности выходов реакций в статусе мотивирующих слов в зависимости от степени мотивированности слова-стимула.

Изучение языка и языковых явлений через показания языкового сознания правомерно и эффективно. Однако, продолжая линию, начатую в преамбуле цикла статей, еще раз отметим, что прямая интерпретация таких показаний как закономерностей языка во всех его планах, особенно системном, не представляется нам на данном этапе их осмысления и обобщения аксиоматической, абсолютизация данного принципа, по-видимому, в перспективе исследования языка сужает представление о языке как целостном феномене. В частности, уходит в тень момент относительной самостоятельности языка как системного-структурного образования по отношению к внешним для него планам.

В связи с этим вернемся к проблеме правомерности выведения из опросов представления об устройстве языка и механизмов речевой деятельности. Такой высокий уровень сближения языковой системы и языкового сознания кажется чрезмерным и вызывает определенные сомнения и вопросы, в том числе самого общего свойства – таких, например, как вопрос об объекте языкознания и способах его познания, уже поднимаемый нами выше. Продолжая его обсуждение, остановлюсь на названии статьи В. М. Алпатова в одном из недавних номеров журнала «Вопросы языкознания» (2015, № 3) – «Что и как изучает языкознание?» [17]. Как видим, ученый считает вопрос открытым, а ответ на него не самоочевидным. Сделаем попытку присоединиться к его обсуждению в рамках предмета настоящей статьи. Для этого переформулирую вопрос: показания сознания – это показания о языке или о сознании, пусть о сознании *языковом***.** (*Прим. автора: что представля-*

ет собой языковое сознание, по каким признакам выделяется из сознания вообще – отдельный вопрос, стоящий в одном ряду с другими, весьма актуальными для современной лингвистики вопросами: о выделенности языковой картины мира из картины мира вообще, об отличии языковой личности – от, скажем, психологической личности и т. п.). Выскажем свое мнение, сформировавшееся постфактум – в процессе осмысления проведенных экспериментов. Как нам сейчас представляется, прямой перенос показаний метаязыкового сознания носителей языка в область собственно языкового сознания и тем более языковой системы обостряет этот вопрос, выявляет в нем внутреннюю противоречивость. Полагаю, что при таком подходе происходит отождествление языка и *среды* его существования. Человек в его разных статусах (человеческое общество, психология, ментальная сфера и т. д.) – это основная среда бытия языка. А что же такое сам язык, *язык как таковой*? Предлагаем исходить из простого ответа: «Язык – система знаков, система, стихийно возникающая, стихийно функционирующая и стихийно развивающаяся». А. Ф. Лосев квалифицировал данные тезисы как аксиоматику стихийного функционирования языка. Основная функция этой системы – коммуникативная, определяющая все остальные, в том числе – *через цикл опосредований* – когнитивную функцию, то есть функцию обеспечения мышления и, возможно, структурирования сознания. Одним из звеньев такого цикла является коммуникативная интенция. Эти, казалось бы, аксиоматические постулаты в связи с бурным развитием антрополингвистики сильно деактуализировались в российской науке о языке. Более половины диссертаций последнего времени посвящены не языку как системе знаков, а каким-то смежным с ним явлениям или его внешним проявлениям.

Бесспорна крепчайшая связь языка и сознания, речи и мышления и т. п. – крепчайшая, но не неразрывная. Позволю себе простую аналогию. Вода – основная среда обитания рыбы, но тем не менее это среда. Рыба вне воды (известны рыбы сухопутные, есть рыбы летающие) остается рыбой, а кит, живущий исключительно в воде и погибающий вне ее, является животным. Значит, сущность рыбы все-таки не в воде, а рыба как таковая определяется набором признаков, среди которых обитание в воде является важным, но не главным. Гносеологическое следствие сказанного – ихтиолог все-таки изучает рыб, но не воду. Если объект исследования трактуется расширенно, например, им становится такой сложный объект, как некий комплекс воды и рыбы, то этот комплекс уже объект другой науки – по-видимому, экологии, которая, согласно справочникам, «изучает отношения организмов со средой их обитания. Организмы же благодаря этим связям существуют в природе не как хаотичные скопления, а образуют определенные сообщества – надорганизменные системы». На фоне тезиса о расширенном представлении объекта актуализируется вопрос об объекте симбиотических (антрополингвистических) дисциплин: психолингвистики, нейролингвистики, социолингвистики, концептологии, лингвоперсонологии и мн. др.

Из того факта, что лингвистика изучает язык, а не сознание, совсем не вытекает, что в поисках закономерностей устройства языка лингвист не обращается к фактору влияния среды, вопрос лишь в оценке его роли и формы, скорости и степени оязыковления. Для обсуждения поставленной проблемы считаю значимой такую ее постановку. В философии противопоставляют системы и системоподобные комплексы типа «человек / машина», «человек / природа». Системы – это органические единства, обладающие потенциалом саморазвития, комплексы – это функциональные единства. Язык и сознание – функциональное единство двух относительно самостоятельных систем. Одна из них сформирована коммуникативной функцией языка, вторая – мыслительной функцией мозга. А. Б. Серебренников, в свое время исследующий комплекс «язык / общество», написал книгу «Об относительной самостоятельности развития системы языка» [18], в ней он утверждал, что общество дает импульсы развитию языковой системы, но это импульсы извне. Также можно сказать и о взаимоотношениях сознания / мышления и языковой системы, тут словом «импульсы» не обойтись – тут надо говорить о непрерывном потоке импульсов со стороны сознания, но тем не менее это поток извне. Его влияние несомненно, вопрос лишь в его силе, точнее – непосредственности-опосредованности на детерминационной оси и скорости – на диахронической. Мы полагаем, что оязыковление внеязыкового содержания – процесс длительный и многозвеньевой.

К примеру, один из наиболее популярных объектов сегодняшней антропоцентрической лингвистики – концепт – является неязыковой величиной, спрятанной в сознании и извлекаемой «на поверхность» с помощью языковых средств. Чаще всего это интерпретируется как репрезентация концепта. Ср.: «Все языковые величины, которыми мы оперируем в словаре и грамматике, будучи концептами, в непосредственном опыте (ни в психологическом, ни в физиологическом) нам вовсе не даны, а могут выводиться нами лишь из процессов говорения и понимания, которые я называю в такой их функции "языковым материалом"» [2, с. 26].

В современной концептологии концепт трактуется как фрагмент концептосферы, элемент лингвокультуры. Он лишь репрезентируется («выходит на поверхность») в языке. Однако все чаще можно наблюдать, как в концептологических исследованиях содержание концепта напрямую приписывается самому языку, его семантическому плану, ассоциативное поле вокруг слова трактуется как его (слова) языковое значение. Эту логическую процедуру нередко обслуживает термин «имя концепта», что позволяет ассоциативное содержание осознанно или неосознанно квалифицировать как собственно значение слова-имени или как его часть, то есть как элемент самого языка. Что само по себе не вызывает сомнения, так как содержание слова многослойно. (*Прим. автора: на наш взгляд, было бы естественным обсуждать вопрос о признаках «Некрасов» и «Крылов» в составе семантики слов коробейник и моська, в статусе особых культурных сем говорить о концептуализации значений и ставить эксперимент, призванный доказать их реальное участие в речемыслительной деятельности*). Однако содержание слова, сконструированное исследователем, скажем, из паремий, индивидуальных поэтических метафор, рекламных слоганов и ассоциативных полей (а такие конструкты сейчас ис-

следователями концептов создаются регулярно) вряд ли столь однозначно принадлежит языку, языковой системе. Может быть, в будущем они интериоризуются языком, но на момент конструирования объявлять их статус языковым кажется нам преждевременной квалификацией. Эксперимент, который доказывал бы такую языковую реальность, трудно представить. С иных позиций критическое отношение к концептам такого рода и принципу репрезентации высказывает в ряде своих последних работ А. В. Кравченко (см., например [19–21]).

Вопрос об объекте лингвистики очень важен и при переходе к обсуждению темы «Эксперимент в лингвистике», особенно в плоскость взаимоотношений эксперимента с гипотезами и теориями. Для простоты обсуждения дадим упрощенную формулу таких взаимоотношений. Эксперимент неотделим от гипотезы, она – главный фактор обращения к нему, способ его организации. Гипотеза же неотделима от теории, вытекает из нее. Поэтому не только корректен, но необходим вопрос к тому, кто заявил о предлагаемом эксперименте: какую гипотезу обслуживает ваш эксперимент? Более того, тот, кто ставит эксперимент, должен априори представлять, при каком результате гипотеза получит подтверждение, а при каком – не подтвердится или даже будет опровергнута, последнее – не менее важно, по К. Попперу, отсутствие возможности у теории и тем более у гипотезы возможности быть опровергнутой (фальсифицированной) ослабляет их [22; 23]. О том, что гипотеза не может возникнуть «из ничего», мы уже говорили выше. Теперь вернемся к другому вопросу, поставленному ранее. Является ли опрос информантов – экспериментом? На данном этапе осмысления наших экспериментов у автора возникли сомнения в методологической корректности такой номинации, хотя ранее он прибегал к ней, следуя традиции, регулярно. Нет оснований сомневаться в значимости опроса и в наличии у него эвристического потенциала. Никто же не сомневается в необходимости для диагностики болезни опроса пациентов об их собственном самочувствии врачами, но назвать такой опрос экспериментом нет оснований. А вот если врач просит пациента сделать то или иное телодвижение, то эта процедура имеет начальные признаки эксперимента, так как тем самым осуществляется лабораторное моделирование предполагаемой болезни. Пациент играет роль модели.

Языковой эксперимент неотделим от моделирования языка, в идеале он должен лабораторно воспроизводить какие-то реальные речевые действия. Они существуют сначала в сознании исследователя в виде гипотезы об определенных закономерностях, возникновении устройства, функционировании или развитии изучаемого объекта. В гипотезе объект мысленно моделируется как «носитель» предполагаемых закономерностей. Гипотеза далее опредмечивается сначала в искусственно полученном речевом материале, интерпретируемом как следствие закономерностей или их отсутствия. Из своей интерпретации исследователь создает «конструкт». Опрос сам по себе ничего не моделирует, лишь дает материал для моделирования. Например, если утверждается, что словообразование связано с категоризующей функцией языка, то нужно сначала найти те реальные коммуникативные ситуации в обычной речевой практике носителей языка, в которых эта функция может себя проявить, в частности, обнаруживает специфическую (словообразовательную) интенцию [24], и затем моделировать эти ситуации в лаборатории. Автор статьи, занимающийся словообразованием 40 лет, не может себе представить такой ситуации и такого эксперимента. Иными словами, он полагает, что гипотеза о когнитивной функции словообразования довольно слабая – она не может быть ни доказана, ни опровергнута. На наш взгляд, даже мысленный эксперимент был бы большим вкладом в теорию так называемого когнитивного словообразования, которое в настоящее время активно позиционирует свою принадлежность к антропоцентрической лингвистике. Но стоят ли за тезисом о категоризующей функции системы производных слов речемыслительные факты? Есть ли речевые факты, доказывающие наличие словообразовательной интенции? Если нет, то реальность словообразовательной интенции и ее реализацию как особый тип речемыслительной деятельности можно поставить под сомнение.

Для Л. В. Щербы эксперимент как форма обращения к языковому сознанию является средством изучения языка как в широком, так и в узком смысле этого термина. Представление о языке как объекте изучения для ученого первично, гипотеза о наличии в языке какой-либо закономерности (правиле) далее экспериментально проверяется. «Сделав какое-нибудь предположение о смысле того или иного слова, той или иной формы, о том или ином правиле словообразования или формообразования и т. п., следует пробовать, можно ли сказать ряд разнообразных фраз (который можно бесконечно множить), применяя это правило» [2, с. 32].

Антропоцентрическая лингвистика иначе расставляет акценты, языковое сознание само становится объектом изучения, а языковой материал – средством. Можно сказать, что презумпция такого подхода такова. Внутренняя сущность феномена «язык» априори видится в сознании, она проявляется во «внешнем» языковом материале, эксперимент – способ его удобного получения и рассмотрения. В заключение всего цикла статей отметим следующее. В любом исследовании помимо информации об объекте изучения – закономерностях его устройства, функционирования, развития и т. п. – содержится информация о способах ее получения, которая нередко не менее важна, чем первая. Выявить ее, актуализировать, систематизировать, включить в соответствующие парадигмы знания часто непросто. Мы далеки от мысли, что в наших статьях нам удалось существенно близко подойти к решению заявленной задачи – получению цельной (системной) картины тех методов, которые применялись в отдельных, во многом изолированных, исследованиях. В лучшем случае в представленном очерке экспериментов в статье 1 содержится абрис такой картины, написанный пунктиром и штрихами. Пунктирные линии означают направления, а штрихи – тропинки, ведущие к цели – построению системной методики, базирующейся на определенных принципах. Автор полагает, что ему удалось обозначить последние более отчетливо, чем пути, ведущие к ним. В статье 2 в лучшем случае он смог обозначить лишь общее направление, вытекающее из необходимости сначала общетеоретического рассмотрения места экспе-

римента в познании сложного функционального единства языка и сознания, и только затем – конкретно-исследовательского, предполагающего модернизацию в постановке экспериментов.

Чтобы выйти из модуса абстрактных «благопожеланий» во втором направлении, позволим себе высказать мнение о том, что одним из конкретно-исследовательских путей перехода от гипотезы, допускающей высокую степень «наложимости» показаний языкового сознания на картину устройства и функционирования языкового объекта, к гипотезе, предполагающей более низкую возможность их полной «наложимости», могут стать эксперименты (и опросы), в системе заданий которых заложена оппозиция «наложимости» и «неналожимости». Прообразом такого совмещения могут стать задания при сборе материала для охарактеризованных в статье 1 словарях: «Словаре обыденных толкований русских слов» и «Словаре обыденных толкований политических терминов». В последнем из них, например, разведены задания «*Дайте определение термина…*» и «*Какие ассоциации приходят Вам на ум, когда Вы слышите данное слово…*?». В оппозиции заложена идея проверки влияния разных когнитивных установок на характер содержания, ассоциированного со словом – установки на логическую сторону сознания и установки на образную сторону (возможно, их можно квалифицировать как левополушарные и правополушарные стороны). Разумеется, уже первый срез из сравнения результатов определенным образом говорит об устройстве механизмов речемыслительной деятельности (об опоре в ней при восприятии слов на понятие или представление). Если слова-стимулы входят в литературный язык, то выявленное содержание может быть сопоставлено с двумя планами «собственно языка» – нормативным и системным. Первый олицетворяют толковые словари, второй – словари типа «Русского семантического словаря» под ред. Ю. Д. Апресяна. Ответ на вопрос, в какой степени близки или различны типы содержания, эксплицированные в экспериментах и словарях, даст основания для конкретизации и корректировки дальнейших экспериментальных исследований в данном направлении.

Литературра

1. Голев Н. Д. Экспериментальные исследования русской лексики в рамках одного лингвистического направления: опыт обобщения и методологической рефлексии постфактум. Статья 1 // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 3. С. 70–78. DOI: 10.21603/2078-8975-2016-3-70-78.
2. Щерба Л. В. О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Языковая система и речевая деятельность. М.: Наука, 1974. С. 24–39.
3. Солнцев В. М. Язык как системно-структурное образование. М.: Наука, 1971. 294 с.
4. Горбацкая О. Ю. Механизмы восприятия грамматических категорий носителями языка // Филологическая наука в условиях диверсификации образования. 2015. № 1. С. 37–43.
5. Долинский В. А. Экспериментальные исследования вербальных ассоциаций в квантитативной лингвистике // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 620. С. 26–36.
6. Шабес В. Я. Роль экспериментальной лингвистики в исследовании содержания и системной организации знания // Когнитивные исследования языка. 2013. № 14. С. 134–137.
7. Голев Н. Д., Дударева Я. А., Пивоварова С. В., Жукова Т. В., Болдина О. П., Цепелева Н. В. Ассоциативное измерение системных отношений в лексике: монография / отв. ред. М Г. Шкуропацкая. Бийск: АГАО, 2012. 351 с.
8. Голев Н. Д. Варьирование деривативных контекстов как способ выявления и изучения потенциала деривационного функционирования слова // Явление вариативности в языке: тезисы докладов конференции / отв. ред. Л. А. Араева. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1994. С. 82–84.
9. Шкуропацкая М. Г. Синонимические отношения слов в русском языке в зеркале их ассоциативных полей // Филология и человек. 2011. № 4. С. 91–101.
10. Шпильная Н. Н. Деривационные основания русского диалогического текста. Барнаул: АГПУ, 2015. 219 с.
11. Шпильная Н. Н. Принципы постгенеративного моделирования генезиса русского диалогического текста // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 400. С. 20–25. DOI: 10.17223/15617793/400/3.
12. Беляева М. Ю. Текст и процесс его саморазвития: полипарадигмальность трактовок // Ономастикон с позиций саморегуляции текста / отв. ред. М. Ю. Беляева, Л. М. Цонева. Славянск-на-Кубани: Кубанский гос. ун-т, 2013. С. 4–10.
13. Тамбовцев Ю. А., Тамбовцева А. Ю., Тамбовцева Л. А. Типология распределения некоторых лингвистических единиц в тексте как показатель авторства текста // Вестник Омского университета. 2008. № 2. С. 88–96.
14. Тамбовцев Ю. А., Тамбовцева Л. А., Тамбовцева А. Ю. Тексты Бахтина, Волошина и Медведева: авторство или плагиат? // Проблемы и перспективы языкового образования в XXI веке: материалы Международной научно-практической конференции, 8 апреля 2011 г. / отв. ред. А. В. Колмогорова. Новокузнецк: OBERON, 2011. С. 402–421.
15. Голев Н. Д. Деривация и мотивация как формы оязыковленой детерминации // Очерки по лингвистической детерминологии и дериватологии русского языка: коллективная монография / под ред. Н. Д. Голева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та,1998. С. 65–84.
16. Голев Н. Д. От редактора // Очерки по лингвистической детерминологии и дериватологии русского языка: коллективная монография / под ред. Н. Д. Голева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та,1998. С. 3–12.
17. Алпатов В. М. Что и как изучает языкознание? // Вопросы языкознания. 2015. № 3. С. 7–21.
18. Серебренников Б. А. Об относительной самостоятельности развития системы языка. М.: Наука, 1968. 128 с.
19. Кравченко А. В. Зачем и почему нужно трансформировать науку о языке // HOMO COMMUNICANS II: Человек в пространстве межкультурных коммуникаций. Щецин: GRAFFORM, 2012. С. 128–133.

20. Кравченко А. В. Концепт, концепта, концепту: модный дискурс на незаданную тему // Записки з романо-германської філології. 2013. Вип. 1(30). С. 115–124.
21. Кравченко А. В. О предметной области языкознания // Язык и мысль: современная когнитивная лингвистика. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 155–172.
22. Поппер К. Логика и рост научного знания. М.: Прогресс, 1983. 604 с.
23. Поппер К. Р. Предположения и опровержения: Рост научного знания / пер. с англ. М.: АСТ: Ермак, 2004. 638 с.
24. Голев Н. Д. Словарь обыденных толкований русских слов: концепция, проект, опыты реализации // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты: коллективная монография / отв. ред. Н. Д. Голев. Кемерово: КемГУ, 2010. Ч. 3. С. 205–264.

EXPERIMENTAL RESEARCH ON THE RUSSIAN VOCABULARY AND TEXTS WITHIN ONE LINGUISTIC SCHOOL: EXPERIENCE OF SUMMARY AND METHODOLOGICAL REFLECTION IN HINDSIGHT. PAPER 2

Nikolay D. Golev [1, @, *]

[1] *Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000*
[@] *ngolevd@mail.ru*

Received 04.03.2016.
Accepted 14.09.2017.

Keywords: experiment, linguistics, semasiology, lexicography, linguistic research methodology, the principles of linguistic experimentation, L. V. Sherba.

**** The study was carried out with the financial support of the Russian Research Foundation, project No. 15-04-00311.***

Abstract: The content of the article up consists in methodological reflections about general principles of experimenting in linguistics on the whole and in Russian linguistics in particular. In this regard the article deals with the studies which are within the tradition starting in the works of I. A. Baudeuine de Courtenay, L. V. Sherba and other linguists who thought the address to the language consciousness (language feeling) to give the relevant information about the language itself. The other line is the reflection over axiomatization and absolutization of this principle in modern anthropocentric linguistics. Though these two lines present different subjects coming from different sources and different research presumptions, they are put in close connection and interrelation. In conclusion, the author states that a full and deep view of language cannot be created without studies based on the other contrary presumption.

For citation: Golev N. D. Eksperimental'nye issledovaniia russkoi leksiki v ramkakh odnogo lingvisticheskogo napravleniia: opyt obobshcheniia i metodologicheskoi refleksii postfaktum. Stat'ia 2 [Experimental Research on the Russian Vocabulary and Texts within One Linguistic School: Experience of Summary and Methodological Reflection in Hindsight. Paper 2]. *Bulletin of Kemerovo State University,* no. 3 (2017): 172–179. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-3-172-179.

References

1. Golev N. D. Eksperimental'nye issledovaniia russkoi leksiki v ramkakh odnogo lingvisticheskogo napravleniia: opyt obobshcheniia i metodologicheskoi refleksii postfaktum. Stat'ia 1 [Experimental Research of the Russian Vocabulary and Texts within One Linguistic School: Experience of Summary and Methodological Reflection in Hindsight. Paper 1]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2016): 70–78. DOI: 10.21603/2078-8975-2016-3-70-78.
2. Shcherba L. V. O troiakom aspekte iazykovykh iavlenii i ob eksperimente v iazykoznanii [About triple aspect of the language phenomena and about an experiment in linguistics]. *Iazykovaia sistema i rechevaia deiatel'nost'* [Language system and speech activity]. Moscow: Nauka, 1974, 24–39.
3. Solntsev V. M. *Iazyk kak sistemno-strukturnoe obrazovanie* [Language system and structural education]. Moscow: Nauka, 1971, 294.
4. Gorbatskaia O. Iu. Mekhanizmy vospriiatiia grammaticheskikh kategorii nositeliami iazyka [Mechanisms of perception of grammatical categories by native speakers]. *Filologicheskaia nauka v usloviiah diversifikastii obrazovaniia = Philological science in the conditions of education diversification*, no. 1 (2015): 37–43.
5. Dolinsky V. A. Eksperimental'nye issledovaniia verbal'nykh assotsiatsii v kvantitativnoi lingvistike [Pilot studies of verbal associations in quantitative linguistics]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Seriia: Gumanitarnye nauki = Bulletin of the Moscow state linguistic university. Series: The humanities*, no. 620 (2011): 26–36.
6. Shabes V. Ia. Rol' eksperimental'noi lingvistiki v issledovanii soderzhaniia i sistemnoi organizatsii znaniia [Role of experimental linguistics in a research of contents and the system organization of knowledge]. *Kognitivnye issledovaniia iazyka = Cognitive researches of language*, no. 14 (2013): 134–137.
7. Golev N. D., Dudareva Ia. A., Pivovarova S. V., Zhukova T. V., Boldina O. P., Tsepeleva N. V. *Assotsiativnoe izmerenie sistemnykh otnoshenii v leksike* [Associative measurement of the system relations in lexicon]. Ed. Shkuropastkaia M. G. Biisk: AGAO, 2012, 351.

8. Golev N. D. Var'irovanie derivativnykh kontekstov kak sposob vyiavleniia i izucheniia potentsiala derivatsionnogo funktsionirovaniia slova [Variation of derivative contexts as way of identification and studying of potential of derivational functioning of a word]. *Iavlenie variativnosti v iazyke* [The variability phenomenon in language]. Ed. Araeva L. A. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat 1994, 82–84.

9. Shkuropatskaia M. G. Sinonimicheskie otnosheniia slov v russkom iazyke v zerkale ikh assotsiativnykh polei [The synonymic relations of words in Russian in a mirror of their associative fields]. *Filologiia i chelovek = Philology and person*, no. 4 (2011): 91–101.

10. Shpilnaya N. N. *Derivatsionnye osnovaniia russkogo dialogicheskogo teksta* [Derivational bases of the Russian dialogical text]. Barnaul: AGPU, 2015, 219.

11. Shpilnaya N. N. Printsipy postgenerativnogo modelirovaniia genezisa russkogo dialogicheskogo teksta [Principles of post-generative modeling of genesis of the Russian dialogical text]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Tomsk state university*, no. 400 (2015): 20–25. DOI: 10.17223/15617793/400/3.

12. Beliaeva M. Iu. Tekst i protsess ego samorazvitiia: poliparadigmal'nost' traktovok [Text and process of his self-development: poliparadigmalnost of treatments]. *Onomastikon s pozitsii samoreguliatsii teksta* [Onomastikon from positions of self-control of the text]. Ed. Beliaeva M. Iu., Tsoneva L. M. Slaviansk-na-Kubani: Kubanskii gos. un-t, 2013, 4–10.

13. Tambovtsev Iu. A., Tambovtseva A. Iu., Tambovtseva L. A. Tipologiia raspredeleniia nekotorykh lingvisticheskikh edinits v tekste kak pokazatel' avtorstva teksta [Typology of distribution of some linguistic units in the text as an indicator of authorship of the text]. *Vestnik Omskogo universiteta = Bulletin of the Omsk university*, no. 2 (2008): 88–96.

14. Tambovtsev Iu. A., Tambovtseva L. A., Tambovtseva A. Iu. Teksty Bakhtina, Voloshina i Medvedeva: avtorstvo ili plagiat? [Bakhtin, Voloshin and Medvedev's texts: authorship or plagiarism?]. *Problemy i perspektivy iazykovogo obrazovaniia v XXI veke: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 8 aprelia 2011 g.* [Problems and the prospects of language education in the 21st century: Proc Intern. Sc.-Prac. Conf., April 8, 2011]. Ed. Kolmogorova A. V. Novokuznetsk: OBERON, 2011, 402–421.

15. Golev N. D. Derivatsiia i motivatsiia kak formy oiazykovlenoi determinatsii [Derivation and motivation as forms of oyazykovleny determination]. *Ocherki po lingvisticheskoi determinologii i derivatologii russkogo iazyka* [Sketches on a linguistic determinologiya and a derivatologiya of Russian]. Ed. Golev N. D. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 1998, 65–84.

16. Golev N. D. Ot redaktora [From the editor]. *Ocherki po lingvisticheskoi determinologii i derivatologii russkogo iazyka* [Sketches on a linguistic determinologiya and a derivatologiya of Russian]. Ed. Golev N. D. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 1998, 3–12.

17. Alpatov V. M. Chto i kak izuchaet iazykoznanie [Linguistics: what and how?]. *Voprosy iazykoznaniia = Linguistics questions*, no. 3 (2015). 7–21.

18. Serebrennikov B. A. *Ob otnositel'noi samostoiatel'nosti razvitiia sistemy iazyka* [About relative independence of development of system of language]. Moscow: Nauka, 1968, 128.

19. Kravchenko A. V. Zachem i pochemu nuzhno transformirovat' nauku o iazyke [Why and why it is necessary to transform science about language]. *HOMO COMMUNICANS II: Chelovek v prostranstve mezhkul'turnykh kommunikatsii* [HOMO COMMUNICANS II: The person in space of cross-cultural communications]. Szczecin: GRAFFORM, 2012, 128–133.

20. Kravchenko A. V. Kontsept, kontsepta, kontseptu: modnyi diskurs na nezadannuiu temu [Concept, concept, to a concept: a fashionable discourse on not set subject]. *Zapiski z romano-germans'koï filologiï = Notes from Romano-Germanic Philology*, no. 1(30) (2013): 115–124.

21. Kravchenko A. V. O predmetnoi oblasti iazykoznaniia [About subject domain of linguistics]. *Iazyk i mysl': sovremennaia kognitivnaia lingvistika* [Language and thought: modern cognitive linguistics]. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2015, 155–172.

22. Popper K. *Logika i rost nauchnogo znaniia* [Logic and growth of scientific knowledge]. Moscow: Progress, 1983, 604.

23. Popper K. R. *Predpolozheniia i oproverzheniia: Rost nauchnogo znaniia* [Assumptions and denials: Growth of scientific knowledge]. Moscow: AST: Ermak, 2004, 638.

24. Golev N. D. Slovar' obydennykh tolkovanii russkikh slov: kontseptsiia, proekt, opyty realizatsii [Dictionary of ordinary interpretation of the Russian words: concept, project, experiences of realization]. *Obydennoe metaiazykovoe soznanie: ontologicheskie i gnoseologicheskie aspekty* [Ordinary metalanguage consciousness: ontologic and gnoseological aspects]. Ed. Golev N. D. Kemerovo: KemGU, part 3 (2010): 205–264.

УДК 811.111

ОСНОВАНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТКОРРЕКТНОГО СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА)

***Тамара П. Карпухина*[1, @1], *Наталья В. Кузнецова*[1, @2]**

[1]*Педагогический институт Тихоокеанского государственного университета, Россия, 680000 г. Хабаровск, ул. Карла Маркса, 68*
[@1] *tkarpukhina1@mail.ru*
[@2] *kunavla@mail.ru*

Поступила в редакцию 26.01.2017.
Принята к печати 23.05.2017.

Ключевые слова: дискурс, политкорректность, социология, гносеология, культурология, лингвистика, языковой знак.

Аннотация: Объектом исследования является современный политический дискурс. Предмет изучения составили социологические, культурологические, гносеологические и лингвистические основания формирования политкорректности в современном политическом дискурсе. В статье доказывается, что социологические основания формирования политкорректности в политическом дискурсе обусловлены процессом развития самого общества. Культурологическим основанием формирования политкорректности является оппозиция «свой / чужой» в политическом дискурсе. Важнейшую роль в политическом дискурсе играет гносеологическая, относящаяся к процессу познания, оппозиция «истина / ложь», где истина представляет собой адекватное отражение объективной реальности познающим субъектом, а ложь – это преднамеренное возведение заведомо неправильных представлений в истину. Лингвистические основания формирования политкорректности базируются на трактовке билатеральной природы языкового знака, осуществляющего важнейшую функцию означивания действительности. Асимметрический дуализм языкового знака, произвольный характер связи означаемого и означающего позволяет идеологам политкорректности создавать разные наименования для одного и того же внеязыкового содержания – денотата, – который является по тем или иным причинам социально неприемлемым.

Для цитирования: Карпухина Т. П., Кузнецова Н. В. Основания формирования политкорректного современного политического дискурса (на материале французского языка) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 3. С. 180–186. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-3-180-186.

Настоящая статья является продолжением диссертационного исследования, посвященного феномену политкорректности в современном французском политическом дискурсе. В рамках данной статьи представляется интересным провести детальный анализ оснований формирования политкорректного современного политического дискурса.

Актуальность темы обусловлена все возрастающим интересом лингвистов к политическому дискурсу, оказывающему все большее влияние на жизнь общества.

Новизна анализируемой работы заключается в том, что в ней проведено комплексное исследование социологических, культурологических, гносеологических и лингвистических оснований формирования политкорректности в современном политическом дискурсе.

В настоящей работе наряду с использованием лингвистических методов анализ языкового материала осуществляется с учетом положений, разработанных в рамках таких научных дисциплин, как социология, культурология, гносеология, история. Основополагающим методом является метод дискурс-анализа, цель которого – выявление и объяснение связи власти, политики и языка [1, с. 4].

Е. И. Шейгал отмечает диалогический характер политического дискурса: «Основу политического дискурса, который представляет собой поле битвы, составляет непрекращающийся диалог – поединок между «партией власти» и оппозицией, в котором противники время от времени нападают друг на друга, держат оборону, отражают удары и переходят в наступление» [2, с. 233].

В. З. Демьянков, соглашаясь с военной метафорой политического дискурса, предложенной Е. И. Шейгал, утверждает, однако, что он «не нацелен на диалог. <…> Политический дискурс, чтобы быть эффективным, должен строиться в соответствии с определенными требованиями военных действий» [3, с. 41]. Фундаментальным, определяющим признаком политического дискурса является интенция борьбы за власть [2, с. 128].

Властный характер политического дискурса подчеркивал французский теоретик М. Фуко, согласно мнению философа властная сила дискурсов состоит в заключенных в них правилах и запретах, направленных на подавление всего, что не соответствует принятым в определенном сообществе нормам [4, с. 69].

Хорошо построенный политический дискурс внушает адресатам – гражданам сообщества – необходимость «политически правильных» действий и / или оценок. Иначе говоря, целью политического дискурса является не описание (то есть не референция), а побуждение адресата к действию [5, с. 104], для чего необходимо сформировать определенное поведение человека. Огромную роль в этом играет манипулирование мнением, сознанием лю-

дей, что приобрело в настоящее время «неизмеримо бóльшее влияние на развитие общества» [6] в сравнении с прежними социально-историческими условиями.

Политический дискурс, который выстраивается властью, «характеризуется манипулятивностью, что является необходимым условием для достижения его целей и задач» [7, с. 64]. Особым образом выстроенное высказывание на понятном человеку языке способно проникнуть в его внутренний мир и воздействовать на его поступки [8, с. 145], а значит, в определенной мере осуществить манипуляцию.

Ведущую роль в осуществлении манипуляции в политическом дискурсе играет политкорректность, прокламируемая Западом как важнейшая общественная ценность, которая активно внедряется в дискурсивную практику.

Тер-Минасова определяет политкорректность как «очищенный», «правильный» вариант языка, который исключает или сводит к минимуму дискриминацию некоторых групп, находящихся в невыгодном социальном положении [9, с. 216]. В каждой стране имеются лингво- и социокультурные предпосылки, которые либо способствуют, либо наоборот препятствуют формированию языка политкорректности [10, с. 203].

Р. В. Холдер характеризует политкорректность, присущую современной западной политической культуре, как «поведенческое или языковое подчинение взглядам, которые считаются непреложной истиной» [11, с. 306]. Автор указывает, что политическая корректность может превратиться в фашизм, если выйдет за рамки разумного. Он обращает внимание на сложность определения того, что является корректным, и замечает, что все зависит от «составителей правил». Корректность, по его мнению, является относительным явлением.

Узкое толкование политкорректности представлено, например, в словаре *Random House Webster's Dictionary*, авторы которого специфицируют социально значимые сферы, которые требуют политкорректности, подчеркивая, что политическая корректность означает приверженность прогрессивным общепринятым взглядам по вопросам, касающимся расы, пола и сексуальной ориентации [12].

Узкого толкования политкорректности придерживается также авторитетный французский толковый словарь Ларусс, который акцентирует императивный характер политкорректности, безусловно требующий запрета оскорбительного отношения к социальным группам, представляющим меньшинство: «Политкорректность – это дискурс, поведение, целью которого является запрет на все то, что могло бы оскорбить членов разных категорий и групп, представленных в меньшинстве, заставляя их чувствовать себя неполноценными» [13].

Узкое понимание политкорректности содержится также в следующем высказывании: «В политкорректном обществе речь декорируется знаками антирасизма, экологизма, терпимого отношения к национальным меньшинствам» [14, с. 279–280].

Полагаем, однако, что феномен политкорректности не может быть сужен только до понятия запрета ущемлять достоинство представителей некоторых меньшинств. Представляется, что политкорректность в политическом дискурсе касается всех тех сфер, где сталкиваются интересы разных групп общества по вопросу о том, что считать истиной, ложью, кого считать «своим», а кого «чужим». Иными словами, мы считаем, что критерием, определяющим политкорректность, являются привативные бинарные оппозиции «свой / чужой», «истина / ложь». В соответствии с тем, какой член оппозиции выбирается в качестве «эталонной» точки отсчета, корректируется и языковой код, изменяется соответствующая языковая норма.

Политкорректность представляет собой лингвоповеденческий, социокультурный, идеологический феномен, зародившийся и укоренившийся в либеральном западном обществе, определяющийся языковыми нормами, принятыми в обществе, регулируемыми на уровне государства и проводимыми провластными СМИ. Основная цель, которую преследуют идеологи политкорректности, заключается, по их словам, в том, чтобы минимизировать дискриминацию определенных групп населения, представляющих в обществе меньшинства.

Обратимся к *социологическим основаниям*, повлекшим за собой появление, становление и укоренение политкорректности в современном западном обществе.

Политкорректность во французском обществе имеет исторические корни, которые можно усмотреть в аристократическом прециозном течении, зародившемся в XVII в., в эпоху Франсуа де Малерба. Французское высшее общество отказывалось произносить некоторые слова, пытаясь таким образом очистить язык от просторечной лексики. Период интенсивного создания лексики в салонах переходит в учрежденную в 1636 г. Французскую Академию.

В 1647 г. один из учредителей Академии и руководителей составления Академического словаря Клод Фавр де Вожла (*Claude Vaugelas*) опубликовал свои заметки о французском языке, отметив разницу между языком народа (*la langue du peuple*) и языком элиты (*la langue de l'élite*).

В 1650 г. был введен термин *précieuses* (*пуристки*) для обозначения течения, созданного женщинами-аристократками, использовавшими салонную лексику.

Дальнейшее регулирующее вмешательство в жизнь языка способствовало появлению так называемого «деревянного языка». Термин *langue de bois* - «деревянный язык» восходит к XIX в. Французский лингвист Франсуаза Том (*Françoise Thom*) отмечает, что «деревянный язык» назывался также «дубовым языком» (*langue de chêne*).

Начиная с 1970 г. «деревянный язык» обрастает пропагандистскими коннотациями, которые он впоследствии сохраняет. С лингвистической точки зрения «деревянный язык» характеризуется следующими качествами: деперсонификацией, эпитетностью, развитой лозунговостью, повторением [15].

Начиная с 90-х гг. XX в. в связи с нарастанием присутствия в Республике выходцев из стран Африки политической элитой Франции продвигается заимствованная из США идеология мультикультурализма, которая потребовала политкорректного языка, учитывавшего интересы представителей всех национальностей и социальных сословий.

С изменением общества политический дискурс также меняется, пропагандируя те ценности, которые ранее были чуждыми французскому обществу в целом. В на-

стоящее время во Франции, большинство граждан которой были верующими католиками, насаждается светскость в противовес традиционной христианской вере.

Для обозначения системы правления Французской республики политики используют прилагательное *laïque*, которое обозначает форму правления, не определяемую духовенством и не получающую от него приказы: *qui ne fait pas partie du clergé, qui n'a pas reçu les ordres de cléricature* <…> [13]. Так, Франсуа Олланд в своем высказывании подчеркивает, что светскость представляет собой совокупность правовых норм, исполняемых как государством, так и гражданами:

(1) ***La laïcité*** *est un ensemble de règles de droit. C'est avant tout un principe de neutralité qui s'impose à l'État mais aussi aux citoyens qui doivent la respecter* [16].

Светскость является совокупностью правовых норм, налагаемых на государство и на граждан, которые должны их уважать (прим. авторов: перевод наш).

Таким образом, во Франции, бывшей на протяжении многих столетий католической страной, насаждается светскость, являющаяся отражением политики, проводимой французскими идеологами политкорректности.

Культурологическим основанием формирования политкорректности в западном политическом дискурсе является, на наш взгляд, оппозиция «свой / чужой».

Разделение на «своих» и «чужих» означает то, что люди ориентируются не только на личные, но и на коллективные (государственные, классовые) ценности; «другие» рассматриваются через призму «своих» законов, правил, поэтому «другие» могут быть средством или помехой к удовлетворению своих интересов [3, с. 17].

Противопоставление «своих» «чужим» предполагает различия между ними, которые преподносятся как непреодолимые и обязательно влекущие за собой конфликт и нетерпимость друг к другу [17, с. 253]. Указанное противопоставление находит свое проявление и в политической жизни общества. Так, Тен ван Дейк отмечает, что «любые преобразования, в том числе и осуществляемые в области политики, всегда опираются на базовую семиотическую оппозицию политического дискурса «свой / чужой» [18, с. 271].

На наш взгляд, именно эта оппозиция заложена в фундамент политкорректности. В политическом дискурсе положительная саморепрезентация обычно сочетается с отрицательной репрезентацией или умалением заслуг другого [19, с. 243].

Приведем в пример высказывания политиков, представляющие пример отрицательной репрезентации мусульман Франции и иммиграции:

(2) Le jour où il y aura autant de minarets que de cathédrales en France, ça ne sera plus la France [20].

В день, когда во Франции будет одинаковое число минаретов и соборов, это уже будет не Франция (прим. авторов: перевод наш).

(3) Les Français, à force d'immigration incontrôlée, ont parfois le sentiment de ne plus être chez eux, ou bien ils ont le sentiment de voir des pratiques qui s'imposent à eux et qui ne correspondent pas aux règles de notre vie sociale. Nos compatriotes veulent choisir leur mode de vie, ils ne veulent pas qu'on leur impose un mode de vie [21].

В этих неконтролируемых потоках иммиграции Французы иногда чувствуют, что они уже не у себя дома, или им кажется, что в их стране приводятся в действия нормы, не соответствующие правилам социальной жизни. Наши соотечественники желают выбирать свой образ жизни, они не хотят, чтобы им его навязывали (прим. авторов: перевод наш).

Данные высказывания видных политических деятелей Франции имеют конкретную цель, а именно сформировать границы между «своими – хорошими» и «чужими – плохими» таким образом, чтобы у французского общества было четкое представление о том, что, например, иммиграция и мусульмане, проживающие на территории Франции – это всегда плохо.

Гносеологическим основанием формирования политкорректности во французском политическом дискурсе является оппозиция «истина / ложь».

Истина представляет собой «адекватное отражение объективной реальности познающим субъектом, воспринимающее познаваемый предмет так, как он существует вне и независимо от сознания» [22, с. 125]. «Истина» имеет свое основание вне субъекта, в реальном предмете; «Предметная реальность есть первый необходимый признак, *condition sine que non* истины» [23, с. 597–599].

Ложь в отличие от истины - это «преднамеренное возведение заведомо неправильных представлений в истину. Ложь – заявление, рассчитанное на обман, когда говорящий умалчивает или искажает то, что он знает о рассматриваемом положении вещей, либо когда он знает нечто другое, чем то, что он говорит» [24, с. 247].

В одном из своих интервью депутат национальной ассамблеи Пьер Лелуш заявил, что «Франция не имеет призвания принимать 2,5 миллионов румынских цыган или 9 миллионов европейских цыган»:

(4) La France n'a pas vocation à accueillir les 2,5 millions de Roms roumains, ou les 9 millions de Roms européens [25].

Истина, то есть в данном случае нежелание Франции принимать у себя всех цыган, желающих проживать на ее территории, камуфлируется эвфемистичной перифразой *avoir vocation* – «иметь призвание», взывающей к благородным эмоциям и ложному представлению о том, что Франция просто не имеет призвания привечать у себя всех, кто нуждается в убежище.

Говоря о *лингвистических основаниях* формирования политкорректных наименований, используемых в политическом дискурсе, нельзя обойти вниманием вопрос о языковом знаке как основе всякого означивания действительности.

Большую роль в разработке понятия знака сыграло развитие христианского богословия в Средние века. Именно в этот период в христианском контексте споров между реалистами и номиналистами возникает классическое определение знака как чувственно воспринимаемого явления, служащего для обозначения чего-либо другого, которое замещается этим знаком.

Отзвук идеи о заместительной функции знака слышится в определении Чарльза Пирса, который характеризовал знак как «что-то, способное для кого-то в некоторых ситуациях быть заместителем чего-то иного» [26, с. 74].

Реализация функции замещения становится возможной благодаря двойственной, бинарной природе знака, которую четко сформулировал Ф. де Соссюр. Швейцар-

ский лингвист утверждал, что «единица языка есть нечто двойственное, образованное из соединения двух компонентов. Языковой знак связывает не вещь и ее название, а понятие и акустический образ (означаемое и означающее)» [27, с. 99]. О неразложимом единстве этих двух сторон знака, означаемого и означающего, писали еще стоики [28, с. 87]. Различие сторон знака подчеркивает Ж. Деррида, который говорит о том, что слово и обозначаемое им понятие никогда не могут быть одним и тем же, поскольку то, что обозначается, никогда не присутствует, не «наличествует» в знаке [29, с. 42].

Рассуждая о политкорректности, следует вернуться также к ставшей классической работе С. И. Карцевского об асимметрическом дуализме языкового знака. Карцевский писал: «Большинство слов предназначено не к тому, чтобы определять и называть, но к тому, чтобы описывать, взывать к нашему воображению, быть экспрессивными. Поэтому слова имеют по нескольку значений <...>. Потенциально слово имеет n + 1 значений... И обратно: любое значение может быть выражено несколькими способами». Отметим также существенную в этой работе и нетрадиционную для первой половины XX в. мысль: «Мы понимаем и высказываемся «приблизительно»; лица говорящие этого не замечают» [30].

Все сказанное удивительным образом преломляется в феномене политкорректности. Начнем с первого утверждения о значимости в процессе номинации учета прагматического аспекта, а именно отношения человека к обозначаемому, что проявляется в экспрессивности наименования, оставляющего эмоциональный след в душе человека. Это объясняет, почему имеющиеся в языке обозначения, отражающие суть явления, но приобретшие негативные коннотации, заменяются на другие, которые своей внутренней формой передают положительный образ.

В качестве примера переобозначения слова возьмем существительное *délinquant* (*преступник, правонарушитель*) и политкорректный эвфемизм – существительное *des jeunes*, образованное посредством субстантивации прилагательного, обозначающее молодых иммигрантов:

(5) A Amiens, les policiers ont saisi des fusils à pompe, des munitions, des calibres 44. Et, il ont arrêté deux jeunes, Kamel K et Narredine B, bien connus des services de police [31].

В Амьене полиция конфисковала пневматическое оружие, боеприпасы, калибры 44, арестовав двух молодых людей, Камеля К и Нарредина Б, хорошо уже известных полиции (прим. авторов: перевод наш).

Переосмысление прямого значения основано на смежности связанных понятий: иммигрантов Камеля К и Нарредина Б метонимически называют молодыми по одному из присущих им признаков – их молодости. Этот эвфемизм являет собой яркий пример сужения денотативного значения, когда более широкое понятие молодости соотносится с отдельной группой людей. Прямая номинация заменяется косвенной, употребление политкорректного эвфемизма *des jeunes* позволяет избежать указания на этническую принадлежность, воспринимаемую как дискриминацию по национальному признаку, и обозначить лишь юный возраст иммигрантов.

Однако при более внимательном прочтении мы видим явный пример расхождения между политкорректным эвфемизмом и общим смыслом высказывания, касающегося проблемы преступности среди молодежи. Юные преступники, обозначаемые политкорректным эвфемизмом *des jeunes*, называются своими именами, хранят оружие, боеприпасы, они известны полиции, то есть не в первый раз они нарушают закон, являясь, таким образом, постоянными правонарушителями. Формально политкорректное слово на деле не меняет смысл высказывания, а лишь затемняет истинное значение слова *délinquant* (*преступник, правонарушитель*).

Итак, социологические основания формирования политкорректности в современном французском политическом дискурсе коренятся в развитии самого общества. Исторической предпосылкой политкорректности является прециозное течение женщин-аристократок, очищавших речь от простонародных слов и выражений, что способствовало углублению непонимания между простым народом и элитой, демонстрировавшей свое превосходство над бедным населением.

В основании политкорректности заложены культурологическая оппозиция «свой / чужой», гносеологическая оппозиция «истина / ложь». Противопоставленные члены этих бинарных оппозиций трактуются как относительные понятия, позволяющие маркировать инокультурные, чужеродные группы как «своих», замаскировать негативные явления действительности в целях сохранения и удержания власти правящими кругами.

Лингвистическими основаниями формирования политкорректности являются особенности языка как результата деятельности человека по означиванию внеязыковой действительности. Политкорректность базируется на произвольном характере языкового знака, стороны которого – означаемое и означающее – не связаны друг с другом прямолинейной, односторонней, принудительной зависимостью. Политкорректность опирается на асимметричность означающего и означаемого, что позволяет идеологам политкорректности создавать разные наименования для одного и того же денотата, однако иногда встречаются примеры расхождения между политкорректным эвфемизмом и общим смыслом высказывания.

Литература

1. Кузнецова Н. В. Феномен политкорректности в современном политическом дискурсе: автореф. дис. … канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2017. 23 с.

2. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: дис….д-ра филол. наук. Волгоград, 2000. 326 с.

3. Демьянков В. З. Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка // Язык. Личность. Текст. М: Языки славянских культур, 2005. С. 34–55.

4. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Касталь, 1996. 448 с.

5. Bayley P. Live Oratory in the Television Age: The Language of Formal Speeches // Campaign Language: Language, Image, Myth in the U.S. Presidential Elections 1984. Bologna: Cooperativa Libraria Universitaria Editrice Bologna, 1985. P. 77–174.
6. Кащей Н. А. Современная риторика в социально–политическом взаимодействии: автореф. дис. … д-ра филос. наук. Великий Новгород, 2005. 275 с.
7. Бажалкина Н. С. Роль афористики в политическом дискурсе // Вестник Московского государственного областного университета. 2009. № 3. С. 63–66.
8. Юрковская Е. А. Манипуляции в дискурсе редакторской статьи: косвенная директивность // Аргументация vs. Манипуляция. Иркутск: ИГЛУ. 2009. С. 144–156.
9. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000. 264 с.
10. Майба В. В. Рецепция политкорректности в русской лингвокультуре // Евразийская лингвокультурная парадигма и процессы глобализации: история и современность: тр. 2-й междунар. науч. конф. Пятигорск: ПГЛУ, 2011. С. 202–207.
11. Holder R. W. How not to Say What you Mean. A Dictionary of Euphemisms. Oxford: Oxford Univ. Press, 2003. 501 p.
12. RHWD – Random House Webster's Dictionary – Random House, Inc, 1993. 792 p.
13. Larousse. Dictionnaire français en ligne, 2013 Режим доступа: http://www.larousse.fr/dictionnaires/francais-monolingue (дата обращения: 04.09.2013).
14. Комлев Н. Г. Словарь иностранных слов. М.: Эксмо, 2006. 672 с.
15. Философский энциклопедический словарь. М.: Инфра–М, 2001. 576 с.
16. Absalon J. L'islam peut-il s'accommoder de la laïcité? Ma réponse est oui // RTL. 08.09.2016. Режим доступа: http://www.rtl.fr/actu/politique/francois-hollande-l-islam-peut-il-s-accommoder-de-la-laicite-ma-reponse-est-oui-7784780766 (дата обращения: 21.09.2016).
17. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: КомКнига, 2006. 288 с.
18. Дейк ван Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. 412 с.
19. Дейк ван Т. А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: ЛИБРОКОМ, 2013. 344 с.
20. Berra N. Le jour où il y aura autant de minarets que de cathédrales en France, ça ne sera plus la France // LePoste. 22.12.2009. Режим доступа: http://archives-lepost.huffingtonpost.fr/article/2009/12/22/1853694_qui-a-dit-le-jour-ou-il-y-aura-autant-de-minarets-que-de-cathedrales-en-france-ca-ne-sera-plus-la-france.html (дата обращения: 11.01.2017).
21. Robert-Diard P. Immigration incontrôlée: tollé après une phrase de Guéant // Le Monde. 18.03.2011 Режим доступа: http://www.lemonde.fr/politique/article/2011/03/17/immigration-incontrolee-tolle-apres-une-phrase-de-gueant_1494904_823448.html (дата обращения: 11.01.2017).
22. Лотман Ю. М. Карамзин. «Сотворение Карамзина». Заметки и рецензии. СПб.: Искусство-СПб, 1997. 832 с.
23. Краткий философский словарь / под ред. А. П. Алексеева. М.: Проспект, 2000. 400 с.
24. Пирс Ч. С. Избранные философские произведения. М.: Логос, 2000. 448 с.
25. Lellouche P**.** La France n'a pas vocation à accueillir 9 millions de Roms // Le Parisien. 05 août 2010. Режим доступа: http://www.leparisien.fr/faits-divers/la-france-n-a-pas-vocation-a-accueillir-9-millions-de-roms-05-08-2010-1022431.php (дата обращения: 21.09.2016).
26. Колосов С. А. Манипулятивные стратегии дискурса ненависти // Критика и семиотика. 2004. Вып. 7. С. 248–256.
27. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. 695 с.
28. Соловьев В. С. Сочинения. В 2-х. т. М.: Мысль, 1988. Т. 1. 892 с.
29. Деррида Ж. О грамматологии . М.: Ad Marginem, 2000. 540 с.
30. Карцевский С. О. Об асимметричном дуализме лингвистического знака // Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. М.: Просвещение, 1965. 3-е изд. Ч. 2. С. 85–93.
31. Moréas G. Le fusil à pompe dans la police: une longue histoire // Le Monde. 09.12.2011. Режим доступа: http://moreas.blog.lemonde.fr/2011/12/09/le-fusil-a-pompe-dans-la-police-une-longue-histoire/ (дата обращения: 23.09.2016).

THE BASIS OF THE POLITICALLY CORRECT MODERN POLITICAL DISCOURSE IN THE FRENCH LANGUAGE

***Tamara P. Karpukhina*[1, @1] , *Natalia V. Kuznetsova*[1, @2]**

[1] *Pacific National State University, Pedagogical Institute, 68, Karl Marx St., Khabarovsk, Russia, 680000*
[@1] tkarpukhina1@mail.ru
[@2] kunavla@mail.ru

Received 26.01.2017.
Accepted 23.05.2017.

Keywords: discourse, political correctness, sociology, epistemology, cultural studies, linguistics, linguistic sign.

Abstract: The object of the investigation is modern political discourse. The research is focused on the sociological, cultural, epistemological and linguistic bases of formation of political correctness in the modern political discourse. It is proved that the sociological base of the formation of political correctness in the political discourse is determined by the process of social development. The basis of political correctness formation is represented by the opposition "us / them" in political discourse. The most important role in the political discourse is played by an epistemological, cognitive opposition "true / false", where the truth is an adequate reflection of the objective reality of the knower, and the lie is a deliberate substitution of the truth by a misconception. The linguistic bases of formation of political correctness are based on the interpretation of the bilateral nature of the linguistic sign that performs a crucial function of designation. The asymmetric duality of the linguistic sign, as well as the arbitrary nature of the relationship of the signified and the signifier allows the ideologists of political correctness to create different names for one and the same extra-linguistic content, or denotation, that is socially unacceptable, for some reason.

For citation: Karpukhina T. P., Kuznetsova N. V. Osnovaniia formirovaniia politkorrektnogo sovremennogo politicheskogo diskursa (na materiale frantsuzskogo iazyka) [The Basis of the Politically Correct Modern Political Discourse in the French Language]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2017): 180–186. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-3-180-186.

References

1. Kuznetsova N. V. *Fenomen politkorrektnosti v sovremennom politicheskom diskurse*. Avtoref. diss. cand. filol. nauk [The phenomenon of political correctness in contemporary political discourse. Cand. philol. Sci. Diss. Abstr.]. Ulan-Ude, 2017, 23.
2. Sheigal E. I. *Semiotika politicheskogo diskursa*. Avtoref. diss. doctora filol. nauk [The semiotics of political discourse. Dr. philol. Sci. Diss. Abstr.]. Volgograd, 2000, 326.
3. Dem'iankov V. Z. *Tekst i diskurs kak terminy i kak slova obydennogo iazyka* [Text and discourse as terms and as words of everyday language]. *Iazyk. Lichnost'. Tekst* [Language. Personality. Text]. Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur, 2005, 34–55.
4. Fuko M. *Volia k istine: po tu storonu znaniia, vlasti i seksual'nosti* [The will to truth: beyond knowledge, power and sexuality]. Moscow: Kastal', 1996, 48.
5. Bayley P. Live Oratory in the Television Age: The Language of Formal Speeches. *Campaign Language: Language, Image, Myth in the U.S. Presidential Elections 1984*. Bologna: Cooperativa Libraria Universitaria Editrice Bologna, 1985, 77–174.
6. Kashchei N. A. *Sovremennaia ritorika v sotsial'no-politicheskom vzaimodeistvii*. Avtoref. diss. doctora filos. nauk [Modern rhetoric in socio-political interaction. Dr. philos. Sci. Diss. Abstr.]. Velikii Novgorod, 2005, 275.
7. Bazhalkina N. S. Rol' aforistiki v politicheskom diskurse [The role of aphorism in political discourse]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta = Bulletin of the Moscow State Regional University*, no. 3 (2009): 63–66.
8. Iurkovskaia E. A. Manipuliatsii v diskurse redaktorskoi stat'i: kosvennaia direktivnost' [Manipulations in the discourse of the editorial article: indirect directives]. *Argumentatsiia vs. Manipuliatsiia* [Argument vs. Manipulation]. Irkutsk: IGLU. 2009, 144–156.
9. Ter-Minasova S. G. *Iazyk i mezhkul'turnaia kommunikatsiia* [Language and intercultural communication]. Moscow: Slovo, 2000, 264.
10. Maiba V. V. Retseptsiia politkorrektnosti v russkoi lingvokul'ture [Reception of political correctness in Russian lingvoculture]. *Evraziiskaia lingvokul'turnaia paradigma i protsessy globalizatsii: istoriia i sovremennost': tr. 2-I mezhdunar. nauch. konf.* [Eurasian linguocultural paradigm and the processes of globalization: history and modernity: Proc. 2th Int. Sc.-Prac. Conf.]. Piatigorsk: PGLU, 2011, 202–207.
11. Holder R. W. *How not to Say What you Mean. A Dictionary of Euphemisms*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2003, 501.
12. *RHWD – Random House Webster's Dictionary – Random House*, Inc, 1993, 792.
13. *Larousse. Dictionnaire français en ligne, 2013*. Available at: http://www.larousse.fr/dictionnaires/francais-monolingue (accessed 04.09.2013).

14. Komlev N. G. *Slovar' inostrannykh slov* [Dictionary of foreign words]. Moscow: Eksmo, 2006, 672.
15. *Filosofskii entsiklopedicheskii slovar'* [Philosophical encyclopedic dictionary]. Moscow: Infra–M, 2001, 576.
16. Absalon J. L'islam peut-il s'accommoder de la laïcité? Ma réponse est oui. *RTL*. 08.09.2016. Available at: http://www.rtl.fr/actu/politique/francois-hollande-l-islam-peut-il-s-accommoder-de-la-laicite-ma-reponse-est-oui-7784780766 (accessed 21.09.2016).
17. Issers O. S. *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoi rechi* [Communicative strategies and tactics of Russian speech]. Moscow: KomKniga, 2006, 288.
18. Deik van T. A. *Iazyk. Poznanie. Kommunikatsiia* [Language. Cognition. Communication]. Moscow: Progress, 1989, 412.
19. Deik van T. A. *Diskurs i vlast': Reprezentatsiia dominirovaniia v iazyke i kommunikatsii* [Discourse and Power: Representation of Domination in Language and Communication]. Moscow: LIBROKOM, 2013, 344.
20. Berra N. Le jour où il y aura autant de minarets que de cathédrales en France, ça ne sera plus la France. *LePoste.* 22.12.2009. Available at: http://archives-lepost.huffingtonpost.fr/article/2009/12/22/1853694_qui-a-dit-le-jour-ou-il-y-aura-autant-de-minarets-que-de-cathedrales-en-france-ca-ne-sera-plus-la-france.html (accessed 11.01.2017).
21. Robert-Diard P. Immigration incontrôlée: tollé après une phrase de Guéant. *Le Monde.* 18.03.2011. Available at: http://www.lemonde.fr/politique/article/2011/03/17/immigration-incontrolee-tolle-apres-une-phrase-de-gueant_1494904_823448.html (accessed 11.01.2017).
22. Lotman Iu. M. *Karamzin. «Sotvorenie Karamzina». Zametki i retsenzii* [The creation of Karamzin. Notes and reviews]. Saint-Petersburg: Iskusstvo-SPb, 1997, 832.
23. *Kratkii filosofskii slovar'* [Brief philosophical dictionary]. Ed. A. P. Alekseeva. Moscow: Prospekt, 2000, 400.
24. Pirs Ch. S. *Izbrannye filosofskie proizvedeniia* [Selected philosophical works]. Moscow: Logos, 2000, 448.
25. Lellouche P. La France n'a pas vocation à accueillir 9 millions de Roms. *Le Parisien*. 05 août 2010. Available at: http://www.leparisien.fr/faits-divers/la-france-n-a-pas-vocation-a-accueillir-9-millions-de-roms-05-08-2010-1022431.php (accessed 21.09.2016).
26. Kolosov S. A. Manipuliativnye strategii diskursa nenavisti [Manipulative strategies of the discourse of hatred]. *Kritika i semiotika = Criticism and semiotics*, no. 7 (2004): 248–256.
27. Sossiur F. de. *Trudy po iazykoznaniiu* [Works on linguistics by Saussure F. de]. Moscow: Progress, 1977, 695.
28. Solov'ev V. S. *Sochineniia* [Compositions]. Moscow: Mysl', 1988, 892.
29. Derrida Zh. *O grammatologii* [About Grammatology]. Moscow: Ad Marginem, 2000, 540.
30. Kartsevskii S. O. Ob asimmetrichnom dualizme lingvisticheskogo znaka [On the asymmetric dualism of a linguistic sign]. Zvegintsev V. A. *Istoriia iazykoznaniia XIX–XX vekov v ocherkakh i izvlecheniiakh* [The history of linguistics of the XIX-XX centuries in essays and extracts]. 3rd ed. Moscow: Prosveshchenie, Part 2 (1965): 85–93.
31. Moréas G. Le fusil à pompe dans la police: une longue histoire. *Le Monde*. 09.12.2011. Available at: http://moreas.blog.lemonde.fr/2011/12/09/le-fusil-a-pompe-dans-la-police-une-longue-histoire/ (accessed 23.09.2016).

УДК 811.111

ПРИЗНАКОВОЕ ПРОСТРАНСТВО АНГЛИЙСКИХ ИНТЕНЦИОНАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ «РЕАЛИЗАЦИЯ»

Юлия А. Куцевич[1, @]

[1] *Смоленский государственный университет, Россия, 214000, г. Смоленск, ул. Пржевальского, 4*
[@] julia_1807@list.ru

Поступила в редакцию 14.04.2017.
Принята к печати 05.07.2017.

Ключевые слова: интенция, волитивная лексика, факторные глаголы, глаголы реализации, волевое действие.

Аннотация: В статье рассмотрены основные семантические признаки факторных интенциональных глаголов со значением «реализация волевого действия». К этим признакам автор относит ряд разноуровневых компонентов семантической структуры исследуемых глаголов. Так, на уровне гиперсем выделяются «интенциональность» и «факторность», объединяющие всех репрезентантов значения «интенция» в составе семантического класса волитивной лексики. Кроме того, в качестве гиперсемы рассматривается признак «результат», группирующий в одну лексическую подгруппу лексемы со значением «реализация». На уровне гипосем в статье исследуются признаки «тип результата», «ментальность», «метод», «причина», «воля». Гипосема «тип результата» позволяет распределить все глаголы реализации по трем семантическим микрогруппам (успешная реализация, неудача, уклонение / воздержание от действия). Гипосемы «ментальность», «метод», «причина», «воля» дифференцируют исследуемые глаголы внутри рассматриваемой семантической подгруппы. В исследовании использованы методы дефиниционного анализа и анализа текстовых примеров. Полученные характеристики глаголов реализации подтверждают их семантическую специфичность и обосновывают их рассмотрение как самостоятельного лексико-семантического единства.

Для цитирования: Куцевич Ю. А. Признаковое пространство английских интенциональных глаголов со значением «реализация» // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 3. С. 187–192. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-3-187-192.

В настоящей работе *объектом исследования* выступает выборка из 27 английских глаголов со значением «реализация волевого действия»: compass, contrive, defer, delay, excel, fail, forget, frame, manage, manoeuvre, miss, neglect, omit, postpone, procrastinate, succeed, suspend, engineer, abstain, avoid, evade, forbear, restrain, refrain, shirk, shun, escape [1, с. 164]. Исследуемые глаголы представляют собой одну из семи семантических подгрупп глагольных репрезентантов интенциональной лексики (всего 118 единиц), классифицируемых в зависимости от обозначаемой ими одной из семи фаз волевого действия: фазы желания, намерения, решения, планирования, подготовки, попытки, реализации. При этом «обсуждаемая секвенциально-факторная модель выявляет *актогенетическую* структуру отдельных действий субъекта, позволяющую осуществить сопоставление и классификацию человеческих поступков, выступающих, подобно синтагматической последовательности морфем на языковом уровне, в роли процессуальных составных «ячеек» «жизненной линии» («lifeline») субъекта» [2, с. 95].

Данная статья продолжает исследование, проведенное в [1], уточняя термины, предложенные автором по данной теме ранее и еще более тонко структурируя и обобщая предложенную ранее глагольную классификацию. Таким образом, актуальность настоящего исследования определяется тем, что оно вносит новый вклад в решение одной из проблем современной семантики английского языка − системного анализа выделяемых в нем семантических подклассов.

Лексические единицы со значением всех вышеназванных фаз волевого действия объединяются в один семантический класс двумя *гиперсемами первого порядка*, или общими признаками, присутствующими в структуре семантического значения всех компонентов класса волитивных глаголов − значением интенциональности, или волитивности, и значением условия, или фактора, которым является каждый из этапов по отношению к «следующему этапу в частности и всему волевому действию в целом» [3, с. 46]. «Таким образом, интенциональность и факторность понимаются как основные признаки всех единиц данного типа» [4, с. 119]. К *гиперсемам второго порядка* мы относим семантические признаки, объединяющие волитивные глаголы в пределах одной семантической подгруппы − например подгруппы глаголов реализации. Такой гиперсемой для глаголов реализации является признак «результат».

Предметом данного исследования выступают *гипосемы первого и второго порядка*. Гипосемы первого порядка позволяют дифференцировать глаголы внутри всей подгруппы реализации и выделять более мелкие семантические кванты в ней (подгруппы с более узким значением) по признаку «степень реализации». Гипосемы второго порядка выявляют семантическую специфику каждого отдельного глагола и представляют собой

дифференциальные признаки отдельных единиц внутри каждого семантического кванта.

Данные типы признаков были выявлены *методом двухуровневого семантического квантования* лексикографических описаний (путем выделения гипосем первого и второго порядка) и *методом анализа текстовых примеров*. Словарные дефиниции соответствующих глаголов анализируются по словарям Oxford Advanced Learner's Dictionary [6], Oxford English Dictionary [7], The Concise Oxford English Dictionary [8], Random House Webster's College Dictionary [9].

Как показало исследование, признак-гиперсема глаголов реализации «результат» представлен в семантической структуре глаголов тремя следующими типами: «достижение результата» («have the result that was intended», «bring about as a result of skillful management», «achieve an end»); «временное отсутствие результата» («arrange for action to take place later», «delay an action till later»); «недостижение желаемого результата» («unsuccessful in an attempt or enterprise», «not to remember to do what you intended to do»). Выявленные типы результата выступают в качестве вышеназванной гипосемы первого порядка и позволяют выделить следующие три семантические подгруппы глаголов реализации.

А. *Глаголы со значением успеха* волевого действия («positive outcome» в [10, p. 132]), к которым относятся глаголы engineer, contrive, frame, manoeuvre, manage, succeed compass. Вариантом данного значения является значение «достижение результата более высокого уровня, чем было запланировано» (глагол excel) [1, с. 164]:

Somehow they *contrived* to live on her tiny income [6] (1).

В примере (1) реализация действия происходит на фоне преодоления препятствий, вызванных недостаточностью доходов субъектов действия. При этом следует особо отметить семантическую специфичность глагола contrive. Данный глагол имеет как «значение "успешная реализация действия, связанная с преодолением трудностей" [6], так и ироническое употребление в значении "умудриться совершить действие с нежелательным результатом" [7; 8]» [1, с. 164]. Интерес также представляют случаи употребления глаголов успешной реализации, приобретающих в контексте значение «успешная реализация нежелательного действия»:

I did it with the best (of) intentions (=*meaning* to help), but I only *succeeded in* annoying them [6] (2).

Б. *Глаголы со значением отложенной реализации*, обозначающие изменение времени выполнения действия относительно плана: defer, delay, postpone, procrastinate, suspend:

Which is why you *postponed* announcing until you had full confirmation <…> [11] (3).

Корректировка времени выполнения действия выражена в примере (3) посредством союза until.

В. *Глаголы со значением отсутствия результата* усилий по достижению цели подразделяются на глаголы неудачи («negative outcome» в [10, p. 132]) и глаголы воздержания от действия / уклонения от него. К первой подгруппе отнесены глаголы fail, forget, miss, neglect, omit. Репрезентантами второй подгруппы являются глаголы abstain, avoid, evade, forbear, restrain, refrain, shirk, shun, escape:

There was further antagonism when she *failed* to get into Leeds Polytechnic but *wanted* to be with Gedge so much that she still moved to Leeds <…> [12] (4).

Как видно из примера (4), неудача субъекта в реализации желания ("she <…> wanted to be with Gedge so much") заключается в безрезультатности усилий поступить в политехнический университет. Отметим, что «по данным словарей, в более сильном значении глаголы неуспешной реализации могут выражать несоответствие планируемого и полученного результатов вследствие намеренного стремления субъекта к неудаче («neglect willfully», «can suggest not doing was deliberate», «(un)intentional failure»)» [1, с. 167].

В свою очередь, интенциональные глаголы со значением «воздержание от действия / уклонение от него» могут рассматриваться как глаголы реализации, поскольку в их семантической структуре имплицирован компонент значения «усилия к тому, чтобы не делать Р» [13, с. 7]. Кроме того, глаголы воздержания от действия дополнительно выражают своим значением невыполнение действия, «хотя было намерение или желание» [14, с. 501], тем самым обозначая «внутреннее волевое действие» [15]. При этом мотивацией воздержания или уклонения от действия может стать желание избежать объекта отрицательной оценки [16, с. 87]:

Remembering the struggles she had had in the early days of her married life to *avoid* putting weight on her waist and hips, she laughed [12] (5).

Пример (5) иллюстрирует усилия субъекта, прилагаемые для того, чтобы не поправиться.

Дальнейший семантический анализ лексикографических описаний глаголов реализации, проведенный на уровне гипосем второго порядка, позволил выделить следующие дифференциальные признаки, индивидуальный набор которых отличает глаголы внутри каждой из трех вышеназванных подгрупп (см. таблицу [1, с. 167]).

Таблица. **Дифференциальные признаки глаголов реализации**
Table. **Distinctive properties of verbs of realization**

Семантический подтип		*Глагол*	*Признак*			
			Оценка	*Метод*	*Причина*	*Волевая составляющая*
Успешная реализация		compass	-	-	-	+
		contrive	+	+	-	+
		engineer	+	+	-	+
		excel	+	-	-	+
		frame	-	+	-	+
		manage	+	+	-	+
		manoeuvre	+	+	-	+
		succeed	+	-	-	+
Отложенная реализация		defer	-	-	-	+
		delay	-	-	-	+
		postpone	+	-	+	+
		procrastinate	+	-	+	+
		suspend	-	+	-	+
Недостижение результата	*Неудача*	fail	+	-	-	-
		forget	+	-	+	-
		miss	+	-	-	-
		neglect	+	-	+	-
		omit	+	-	+	-
	Воздержание / уклонение	abstain	+	-	+	+
		avoid	+	+	+	+
		escape	+	-	+	+
		evade	+	+	+	+
		forbear	-	-	+	+
		refrain	+	-	-	+
		restrain	-	+	-	+
		shirk	+	+	+	+
		shun	+	-	+	+

1. *Ментальность, представленная оценкой*: «sth. difficult», «sth. foolish», «often disapproving», «bad for your health or considered morally wrong», «painful or unwelcome», «dangerous», «unpleasant»:

His plane was riddled with bullets, and one cut an artery in his arm, but he *managed* to land safely in the French lines [12] (6).

В примере (6) эксплицитно выражена сложность цели (безопасного приземления), ее достижение затруднено повреждениями самолета и ранением летчика. В дополнение к анализу примера (6) представляется уместным привести комментарий к слову «удалось» в [17, с. 316]: «X-у удалось сделать P – X прилагал значительные усилия для достижения P, наступление P частично определяется внешними обстоятельствами, X сделал P».

2. *Метод реализации*: «by contrivance», «by stratagem», «by artifice», «in a clever way», «manner of achieving»:

Carrie had *managed* to cope with the twofold demands of the business and motherhood by employing a young woman to look after Rachel during the busy days» [12] (7).

Так, в примере (7) для совмещения материнских и деловых обязанностей Керри обращается за услугами няни для ребенка.

3. *Причина*: «because you don't want to do it», «in order to avoid what you really should do», «because it is unpleasant or boring», «not to remember to do», «in order to give yourself an advantage»:

In response, certain players are *procrastinating over* signing their contracts – the deadline was on Monday – with the tour organizers [12] (8).

Реакция игроков выступает в примере (8) следствием имплицируемой причины, по которой они затягивают подписание контрактов.

4. *Воля*: «achieve what you've been trying to do», «have the result or effect that was intended», «achieve an object aimed at», «put off intentionally», «persistently», «intent»:

Two attempts to rescue him *failed*, but in July his former confessor Thomas Dunheved led a band which *succeeded in* freeing him» [12] (9).

В примере (9) интенция субъекта выражена его попытками реализовать свои намерения. При этом две из них неудачны, и только третья попытка становится успешной.

В контексте вопроса о волевой составляющей в семантике глаголов реализации следует подробнее остановиться на глаголах неудачи (I forget / fail to do sth.).

Данные глаголы выражают значение неудачи или невыполнения действия. Как правило, указанный результат волевого процесса не входит в намерения субъекта и обусловлен обстоятельствами, которые могут помешать «совершению желаемого действия» [18, с. 255]. «Кроме того, семантическое ограничение сочетаемости глаголов неудачи с отрицательным действием («He failed not to come» [19, p. 208]) также свидетельст-

вует в пользу неинтенциональности выражаемой ими неудачи» [1, с. 170]. Таким образом, с одной стороны, следуя данным рассуждениям, глаголы этого типа не могут рассматриваться как интенциональные и не могут быть отнесены к глаголам реализации. Т. Фанего отмечает, что они не связаны с целью, что подтверждает тезис о ненамеренности неудачи: «Verbs such as *refuse, decline, fail, fear, forget, neglect* and many others do not evoke motion, purpose or intent directed toward the attainment of a goal» [20, p. 36]:

He *failed* to get an expected promotion and started drinking heavily» [12] (10).

В примере (10) непреднамеренность проявляется в реакции субъекта, переживающего неудачу по причине несоответствия ожидаемого и реального результатов.

«Однако, с другой стороны, глаголы неудачи имплицируют значения всех предшествующих этапов действия, что, в частности, подтверждается словарной дефиницией глагола fail: “to fall short of success or achievement in something expected, *attempted, desired* or approved” [9]» [1, с. 171]. Как видно из дефиниции, в ней эксплицитно выражены этапы желания и попытки, предваряющие реализацию действия.

Следовательно, наличие семы «интенциональность» в семантике глаголов неудачи объясняется наличием усилий по осуществлению предшествующих этапов желания, намерения, решения, подготовки, попытки, при этом завершение действия может оказаться неподвластным воле субъекта и привести к неудаче. И. Б. Шатуновский отмечает, что действие определяется «двумя условиями – желанием / решением субъекта и его способностью / возможностью выполнить действие, но в случае неудачи (когда субъект желает, намерен и принимает решение осуществить действие) речь идет о невыполнении второго из условий [21, с. 40]» [1, с. 172]. Однако усилия субъекта, прилагаемые им на предшествующих этапах, позволяют отнести глаголы неудачи к интенциональным. По мнению Г. Г. Сильницкого, некоторые семантические состояния в составе сложных глагольных значений, выражаемые «полиситуативными глаголами» [5, с. 108]), могут быть автономными. Например, в случае глагола *промахнуться* интенциональной является только попытка попасть в цель, неудача при этом неинтенциональна [22, с. 177]. Е. Н. Мельникова именует глаголы неудачи глаголами безуспешной попытки, что подтверждает точку зрения относительно их интенциональности [23, с. 46].

Таким образом, семантическая специфичность глаголов неудачи в составе этапа реализации состоит в том, что хотя неудача чаще всего неинтенциональна, само действие отличается намеренностью на предыдущих этапах, что определяет включение данных глаголов в группу интенциональных. Так, в [19, p. 202] глаголы неудачи включены в группу «achievement» вместе с глаголами успешной реализации и попытки:

Having *tried* and *failed* to control spending the government then *decided* to control local revenue [12] (11).

Как видно из примера (11), неудаче правительства предшествуют этап попытки.

В качестве заключительного аргумента в пользу интенциональности глаголов неудачи отметим, что в некоторых случаях последние выражают намеренное несовершение действия:

A young ‘chic’ girl placed herself in his empty place, fixing her eye liner in the fake sun light of the train, sighed as she looked around the carriage and then smiled to herself, there was obviously no competition so she *failed* to add an extra layer of lip-stick [12] (12).

В примере (12) показано, что реализация решения не наносить помаду является следствием выбора субъекта.

Итак, исследование показало, что с точки зрения семного состава глаголы реализации отличаются специфической поликомпонентностью и многоаспектностью значений, что делает закономерным их объединение в самостоятельную семантическую подгруппу, включенную на более высоком уровне, через гиперсемы первого порядка (интенциональность и факторность), в семантический класс волитивной лексики. Метод семного анализа позволил представить исследуемую выборку в виде четко организованной системы семантических подгрупп, объединяемых гиперсемой второго порядка (результат) и разграничиваемых тремя типами гипосемы первого порядка (тип результата) на глаголы со значением успешной реализации, глаголы со значением отложенной реализации, глаголы со значением отсутствия результата. Анализ гипосем второго порядка позволил еще более детально описать семантическую структуру каждого из исследуемых глаголов реализации волевого действия. Результаты данного исследования, как нам представляется, могут быть использованы для подробного семантического анализа других репрезентантов волитивной лексики (существительных, прилагательных, наречий), а также применяться при анализе художественных текстов, содержащих описания различных аспектов волевого действия человека.

Литература

1. Куцевич Ю. А. Семантическая классификация факторных интенциональных глаголов в современном английском языке: дис. … канд. филол. наук. Смоленск, 2013. 244 с.

2. Сильницкий Г. Г. Языковая категория секвенциальности и ее роль в типологическом интегрировании литературоведческих исследований // Известия Смоленского государственного университета. 2016. № 3(35). С. 92–106.

3. Куцевич Ю. А. Семантический этап намерения в романе Т. Драйзера «Американская трагедия» // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. 2013. № 28. С. 45–52.

4. Куцевич Ю. А. Лексико-грамматические средства выражения семантических признаков факторных интенциональных единиц // Известия Смоленского государственного университета. 2015. № 4(32). С. 118–126.

5. Сильницкий А. Г. Модальный компонент в семантической структуре полиситуативных экономических глаголов с инструментальным адъектом (на материале романа А. Хейли «Менялы») // Известия Смоленского государственного университета. 2016. № 3(35). С. 107–119.

6. Oxford Advanced Learner’s Dictionary. 8th ed. Oxford: Oxford University Press, 2010.1952 p.

7. Oxford English Dictionary on CD-ROM (v. 4.0). 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 2009.
8. The Concise Oxford English Dictionary. 11th ed. / Ed. by C. Soanes, A. Stevenson. Oxford: Oxford University Press, 2004. 1728 p.
9. Random House Webster's College Dictionary. New York; Toronto; London; Sydney; Auckland: Random House Reference, 2001. 1597 p.
10. Jackendoff R. S. Semantic Structures. Cambridge, Massachusetts: MIT Press, 1990. 322 p.
11. Brown D. Deception Point. New York: Atria Books, 2001. 384 p. Режим доступа: http://e-libra.ru/read/235863-deception-point.html (дата обращения: 12.04.2017).
12. The British National Corpus. Режим доступа: http://www.natcorp.ox.ac.uk/ (дата обращения: 03.04.2017).
13. Падучева Е. В. Имплицитное отрицание и местоимения с отрицательной поляризацией // Вопросы языкознания. 2011. № 1. С. 3–18.
14. Апресян Ю. Д. Исследования по семантике и лексикографии. Т. 1: Парадигматика. М.: Языки славянских культур, 2009. 568 с.
15. Маклаков А. Г. Общая психология: учебник для вузов. СПб.: Питер, 2008. 583 с. Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/makl/15.php (дата обращения: 10.04.2017).
16. Воркачев С. Г. К семантическому представлению дезидеративной оценки в естественном языке // Вопросы языкознания. 1990. № 4. С. 86–92.
17. Зализняк А. А., Левонтина И. Б. Отражение «национального характера» в лексике русского языка // Ключевые идеи русской языковой картины мира: сб. статей. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 307–335.
18. Гусев В. Ю. Типология специализированных глагольных форм императива: дис. … канд. филол. наук. М., 2005. 296 с.
19. Palmer F. R. The English Verb. 2nd ed. London; New York: Longman, 1988. 268 p.
20. Fanego T. Is Cognitive Grammar a Usage-Based Model? Towards a Realistic Account of English Sentential Complements // Miscelánea: A Journal of English and American Studies. 2004. № 29. P. 23–58.
21. Шатуновский И. Б. Семантика предложения и нереферентные слова (значение, коммуникативная перспектива, прагматика): автореф. дис. … д-ра филол. наук. М., 1993. 42 с.
22. Сильницкий Г. Г. Семантика. Грамматика. Квантитативная и типологическая лингвистика. Т. 1. Смоленск: ФГУ Смоленский ЦНТИ, 2006. 255 с.
23. Мельникова Е. Н. Глаголы и глагольные конструкции попытки к совершению действия в современном английском языке: дис. … канд. филол. наук. М., 2003. 163 с.

THE FEATURE SET OF ENGLISH VERBS MEANING REALIZATION OF A VOLITIONAL ACTION

Julia A. Kutsevich[1,@]

[1] *Smolensk State University, 4, Przhevalskogo St., Smolensk, Russia, 214000*
[@] *julia_1807@list.ru*

Received 14.04.2017.
Accepted 05.07.2017.

Keywords: intention, volitional vocabulary, factor verbs, verbs of realization, volitional action.

Abstract: The article analyzes the basic semantic properties of factor intentional verbs meaning realization of a volitional action. The author singles out a number of such semantic components on the levels of hypersemes (general properties within a semantic group) and hyposemes (specific properties of certain verbs). Thus, among the former there are such properties as "intentionality" and "factor" that unite all lexical units meaning intention. The hyperseme "result", in its turn, unites all units meaning realization. On the level of the hyposeme "result type", the article describes three sub-groups of the semantic group "realization": success, failure, avoidance / abstention. The hyposemes "mentality", "method", "reason", "will" differentiate all the verbs within the semantic group in question, forming their semantic individuality. The author makes use of the methods of definition and text analysis. The resultant data prove that the verbs in question are semantically unique and can be viewed as an independent vocabulary sector.

For citation: Kutsevich Iu. A. Priznakovoe prostranstvo angliiskikh intentsional'nykh glagolov so znacheniem «realizatsiia» [The Feature Set of English Verbs Meaning Realization of a Volitional Action]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2017): 187–192. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-3-187-192.

References

1. Kutsevich Iu. A. *Semanticheskaia klassifikatsiia faktornykh intentsional'nykh glagolov v sovremennom angliiskom iazyke.* Diss. kand. filol. nauk [The semantic classification of factor intentional verbs in modern English. Cand. philol. Sci. Diss.]. Smolensk, 2013, 244.

2. Sil'nitskiy G. G. Iazykovaia kategoriia sekventsial'nosti i ee rol' v tipologicheskom integrirovanii literaturovedcheskih issledovanii [Linguistic category "sequentiality" and its role in typological integration of literary research]. *Izvestiia Smolenskogo Gosudarstvennogo universiteta = Smolensk State bulletin,* no. 3 (2016): 92–106.

3. Kutsevich Y. A. Semanticheskii etap namereniia v romane T. Draisera "Amerikanskaia tragediia" [The semantic stage of intention in the novel by Th. Dreiser "An American Tragedy"]. *V mire nauki, iskusstva: voprosi filologii, iskusstvovedeniia i kulturologii = In the world of science and art: questions of philology, art studies and culture,* no. 28 (2013): 45–52.

4. Kutsevich Iu. A. Leksiko-grammaticheskie sredstva vyrazheniia semanticheskikh priznakov faktornykh intentsional'nykh edinits [Lexico-grammatic means expressing the semantic features of factor intentional units]. *Izvestiia Smolenskogo Gosudarstvennogo universiteta = Smolensk State bulletin,* no. 4 (2015): 118–126.

5. Sil'nitskii A. G. Modal'nyi komponent v semanticheskoi strukture polisituativnykh ekonomicheskikh glagolov s instrumental'nym ad"ektom (na materiale romana A. Kheili «Menialy») [The modal component in the semantic structure of polisituational economic verbs with the instrument-type adject]. *Izvestiia Smolenskogo Gosudarstvennogo universiteta = Smolensk State bulletin,* no. 3 (2016): 107–119.

6. *Oxford Advanced Learner's Dictionary.* 8th ed. Oxford: Oxford University Press, 2010, 1952.

7. *Oxford English Dictionary on CD-ROM (v. 4.0).* 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 2009.

8. *The Concise Oxford English Dictionary.* 11th ed. Ed. Soanes C., Stevenson A. Oxford: Oxford University Press, 2004, 1728.

9. *Random House Webster's College Dictionary.* New York; Toronto; London; Sydney; Auckland: Random House Reference, 2001, 1597.

10. Jackendoff R. S. *Semantic Structures.* Cambridge, Massachusetts: MIT Press, 1990, 322.

11. Brown D. *Deception Point.* New York: Atria Books, 2001, 384. Available at: http://e-libra.ru/read/235863-deception-point.html (accessed 12.04.2017).

12. *The British National Corpus.* Available at: http://www.natcorp.ox.ac.uk/ (accessed 03.04.2017).

13. Paducheva E. V. Implitsitnoe otritsanie i mestoimeniia s otritsatelnoi poliarizatsiei [Implicational negation and pronouns with negative polarization]. *Voprosy iazykoznaniia = Linguistic questions,* no. 1 (2011): 3–18.

14. Apresian Iu. D. *Issledovaniia po semantike i leksikografii. T. 1: Paradigmatika* [Research on semantics and lexicography. Vol. 1: Paradigmatics]. Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur, 2009, 568.

15. Maklakov A. G. *Obshchaia psihologiia* [General psychology]. Saint-Petersburg: Piter, 2008, 583. Available at: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/makl/15.php (accessed 10.04.2017).

16. Vorkachev S. G. K semanticheskomu predstavleniiu dezideirativnoi otsenki v estestvennom iazyke [Semantic representation of desiderative evaluation in a natural language]. *Voprosy iazykoznaniia = Linguistic questions,* no. 4 (1990): 86–92.

17. Zalizniak A. A., Levontina I. B. Otrazhenie «natsional'nogo kharaktera» v leksike russkogo iazyka [Representation of the national character in the vocabulary of the Russian language]. *Kliuchevye idei russkoi iazykovoi kartiny mira* [The key ideas of the Russian view of the world]. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2005, 307–335.

18. Gusev V. Iu. *Tipologiia spetsializirovannykh glagol'nykh form imperativa*. Diss. kand. filol. nauk. [Typology of the imperative specific verbal forms. Cand. filol. Sci. Diss.]. Moscow, 2005, 296.

19. Palmer F. R. *The English Verb.* 2nd ed. London; New York: Longman, 1988, 268.

20. Fanego T. Is Cognitive Grammar a Usage-Based Model? Towards a Realistic Account of English Sentential Complements. *Miscelánea: A Journal of English and American Studies,* no. 29 (2004): 23–58.

21. Shatunovskii I. B. *Semantika predlozheniia i nereferentnye slova (znachenie, kommunikativnaia perspektiva, pragmatika)*. Avtoref. diss. doktora filol. nauk [The semantics of a sentence and non-referential units (meaning, prospects, pragmatics). Dr. philol. Sci. Diss. Abstr.]. Moscow, 1993, 42.

22. Sil'nitskiy G. G. *Semantika. Grammatika. Kvantitativnaia i tipologicheskaya lingvistika* [Semantics. Grammar. Quantitative and typological linguistics]. Smolensk: FGU Smolenskii TsNTI, vol. 1 (2006): 255.

23. Mel'nikova E. N. *Glagoly i glagol'nye konstruktsii popytki k sovershenniu deistviia v sovremennom angliiskom iazyke.* Diss. kand. filol. nauk [Verbs and verbal constructions meaning "attempt to perform an action" in modern English. Cand. philol. Sci. Diss.]. Moscow, 2003, 163.

УДК 811.11(082)+372.8

ВЛАДЕНИЕ ЭЛЕМЕНТАМИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ КАК УСЛОВИЕ УСПЕШНОЙ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

***Тимур А. Логунов*[1, @1], *Марина С. Лымарева*[1, @2]**

[1] *Кемеровский государственный университет, Россия, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6*
[@1] tlogunov@mail.ru
[@2] abrikol13@mail.ru

Поступила в редакцию 11.07.2016.
Принята к печати 27.09.2016.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, профессиональный язык, лингвокультурная компетентность, изучение иностранного языка, интегрированное предметно-языковое обучение (CLIL).

Аннотация: В статье рассматривается проблема готовности к межкультурному профессиональному общению выпускника неязыкового вуза, являющаяся следствием объективного разрыва между языком как инструментом профессионального общения и общелитературным языком как объектом и материалом учебных курсов. Ситуация усугубляется недостаточностью подготовки преподавателей иностранных языков в области профессиональных дисциплин: для овладения особенностями определенного профессионального подъязыка (т. е. одного из многочисленных социальных диалектов) необходим опыт постоянной работы на данном конкретном направлении. Следовательно, преподавание иностранного языка в неязыковом вузе требует более широкого применения интегративного подхода к работе над материалом и развитию коммуникативной компетенции. Отмечается компетентностно-ориентированный характер такого подхода и его мотивационный потенциал. Авторы рассматривают некоторые особенности подготовки к занятиям в таком формате и предлагают несколько приемов обучения, направленных на более широкое включение элементов профессионального языка в процесс подготовки будущих специалистов с целью развития их профессиональных навыков общения: методику кейсов, приемы эффективного использования аудио-видеоматериалов и мультимедийных презентаций по профессиональной тематике. Подчеркивается необходимость дальнейшей интеграции преподавания иностранного языка и профессиональных дисциплин, что требует системного подхода и совместной деятельности всех участников образовательного процесса в вузе.

Для цитирования: Логунов Т. А., Лымарева М. С. Владение элементами профессиональных языков как условие успешной межкультурной коммуникации // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 3. С. 193–197. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-3-193-197.

Расширение сферы международных контактов наряду с дальнейшей ее специализацией требуют от участника межкультурной коммуникации не только повышать уровень общекультурных компетенций, но и совершенствовать навыки общения в профессиональной сфере. Владение профессиональным языком как социальным диалектом, то есть дополнительным средством общения, выходящим за рамки общелитературного языка [1, с. 134], требует расширения профессиональной языковой подготовки и дополнительных усилий при формировании культуры общения.

Высокий уровень владения иностранным языком для поддержания контактов в разных сферах общения – одно из условий конкурентоспособности современного специалиста. Одновременно знание иностранного языка становится условием получения качественного образования, поскольку является основным требованием многих программ академической мобильности и залогом международной интеграции вуза.

Очевидно, что перспективы включения в глобальный образовательный процесс способствуют повышению уровня образования студентов. Возможность проведения зарубежных стажировок, посещения лекций ведущих ученых и практиков, наконец, применение специальной зарубежной литературы при обучении – это залог формирования комплексной профессиональной и общекультурной компетентности в соответствии с высокими требованиями современных профессиональных стандартов [2].

Прямое использование зарубежных источников профессиональной направленности, общение с иностранными коллегами благодаря знанию иностранных языков дают возможность осуществлять непрерывное самообразование и повышать профессиональный уровень, так как именно успешная коммуникация с внешним миром является условием получения актуальной информации. При этом специальный (профессиональный) текст – это не просто источник информации, но дидактическое средство.

Развертывание профессионально-направленного содержательного компонента при изучении иностранного языка на вузовском и послевузовском этапах повышает личную ответственность обучающегося за результаты деятельности, способствует повышению мотивации, формирует потребность самосовершенствования в учебной деятельности [3].

В то же время привлечение иноязычной литературы и иных источников информации профессиональной направленности создает ряд проблем не только для обучающихся, но и для преподавателей при организации учебного процесса: (1) содержание таких источников не адаптировано к российской действительности и может не соответствовать опыту и уровню знаний студента, (2) терминология с трудом поддается идентификации учащимися, что во многих случаях объясняется несоответствием материалов учебной литературы и реальной практики, разрывом между актуальным содержанием и проблематикой профессиональной коммуникации и содержательным наполнением учебного процесса по «языковым» дисциплинам.

Помимо перечисленного выше, одним из ключевых противоречий, связанных с преподаванием профессионального иностранного языка, является несоответствие профиля подготовки вузовского преподавателя иностранного языка профилю обучения его студентов: общих и специальных знаний, полученных в свое время преподавателем в рамках вузовского курса, например, по дисциплинам «Правоведение» или «Экономика», явно недостаточно для преподавания соответствующих дисциплин по профилю, и очевидно, что уровень компетентности преподавателя иностранного языка в этих вопросах будет уступать уровню компетентности преподавателя специальных профильных дисциплин. Однако преподаватели иностранных языков и не должны брать на себя ответственность за формирование всех профильных профессиональных компетенций будущего профессионала, за контроль овладения знаниями по профильным дисциплинам.

Цель и задача преподавания специальных курсов профессиональной направленности в рамках курса профессионального иностранного языка – способствовать формированию и совершенствованию профессиональных компетенций учащегося через формирование специальных компетенций лингвокультурного плана. Современный компетентностный подход к изучению, преподаванию и оценке владения иностранным языком по определению является системным и междисциплинарным. Ценность этого подхода состоит в том, что он задает систему переходов от учебной деятельности к профессиональной деятельности специалиста. Такой подход рассчитан на долговременное развитие и непрерывный профессиональный рост [4].

Лингвокультурная компетентность профессионала складывается из ряда компетенций, каждая из которых является залогом успешной профессиональной коммуникации и необходимым интегрированным компонентом профессионального становления. Так, *социокультурная компетенция* является комплексным качеством личности, представляющим собой «совокупность социолингвистических, общекультурных, страноведческих знаний, а также способностей, умений и навыков и опыта их применения на практике» [5, с. 11]. *Иноязычная информационная компетенция* – это «необходимое условие успешной карьеры, один из важнейших аспектов формирования информационной культуры личности как совокупности знаний, умений и навыков по обеспечению самостоятельной деятельности для удовлетворения профессиональной информационной потребности» [6, с. 7].

Достижению указанных целей подготовки к успешной межкультурной коммуникации и решению поставленных задач (включая разрешение противоречий, связанных с преподаванием профессионального иностранного языка) будет способствовать расширение использования формата CLIL при организации изучения иностранных языков: интеграция процесса изучения дисциплин языкового цикла и профильных дисциплин и вместе с тем практика применения иностранного языка в качестве средства профессиональной межкультурной коммуникации (хотя бы в ограниченном объеме и в искусственных условиях). Это в максимальной степени соответствует прикладному характеру и содержательному наполнению дисциплины «иностранный язык». Кроме того, данный подход компенсирует дефицит практики межкультурной коммуникации в условиях недостаточной академической мобильности или ограниченных возможностей периферийного вуза по созданию иноязычной среды для изучающих иностранный язык [7].

Сущность и одновременно с этим способ реализации подхода CLIL (предметно-языковое интегрированное обучение) – максимальное углубление межпредметной интеграции, в том числе и через совместную работу над планированием учебного процесса преподавателя дисциплин профессионального цикла и преподавателя иностранного языка [8]. Идея такого подхода заключается в изучении профильного предмета посредством иностранного языка и иностранного языка через преподаваемый предмет. CLIL поощряет использование программ, которые способствуют формированию правильных навыков межличностного общения, межкультурного взаимопонимания и межкультурной коммуникации, что пользуется спросом на сегодняшнем рынке труда, повышая конкурентоспособность выпускника вуза в профессии. Подчеркивается, что CLIL рассматривает «изучение иностранного языка как инструмента для изучения других предметов, таким образом формируя у обучающегося потребность в самосовершенствовании, что позволяет ему переосмыслить и развить свои способности в коммуникации, в том числе на родном языке» [9, с. 12].

Объем внедрения иностранного языка в формате CLIL в профессиональную подготовку зависит от поставленных образовательных задач и целей на каждом этапе. Цель CLIL – вовсе не преподавание всей учебной программы на иностранном языке, а в разумном выборе тем и предметных модулей, совместимых с CLIL.

Одной из ключевых трудностей при изучении профессионального иностранного языка и для обучающегося, и для преподавателя является освоение профессиональной лексики на иностранном языке (включая ее первичную семантизацию и дальнейшую активизацию в речи). Зачастую терминология, используемая в профессиональных текстах на иностранном языке, заставляет участников учебного процесса потратить немалое время для ее изучения. Прежде всего, это касается подготовки преподавателя к занятию. Ему необходимо предугадать те моменты, где обучающийся столкнется с трудностями, и провести работу по их устранению. Дотекстовая работа может включать в себя следующие элементы: введение в проблематику профессионального теста, активизация у обучающихся лексических единиц (род-

ного и иностранного языков), необходимых для успешного освоения проблематики. Данная работа проводится преподавателем с целью снятия языковых трудностей при встрече с новым материалом. И так как (что было отмечено нами выше) уровень компетентности преподавателя иностранного языка в определенных вопросах профильных дисциплин без сомнения ниже, чем у преподавателя специальных дисциплин, его работа с текстом до занятия представляется нам крайне важной и трудоемкой. Для того чтобы донести до обучающегося ту информацию, которую он сможет успешно воспринять, преподаватель должен владеть принципами и приемами трансформации и адаптирования текста.

Учебный процесс в вузе представляется как синтез обучающей творческой деятельности преподавателя и учебно-творческой деятельности обучающихся. Последняя является специфическим видом учебной деятельности, направленным на овладение обучающимися продуктивными обобщенными способами учебных действий (проблемно-творческие, исследовательско-познавательные), на саморазвитие в процессе решения учебно-творческих задач, предполагающее формирование творческой рефлексии студентов [10]. Таким образом, формирование у обучающихся желания самостоятельной работы над новым материалом, поиска источников информации является одной из главных задач преподавателя. Решать эту задачу возможно различными способами, рассмотрим некоторые из них.

1. **Кейс-метод.** Обучающимся предлагается следующая проблемная ситуация из курса правоведения (например, при изучении темы «Семейное право»): *основным правовым актом, регулирующим усыновление, является Семейный кодекс (в Российской Федерации) и Familienrecht (в Германии). Проанализируйте базовые требования, которые государство предъявляет желающим усыновить ребенка (в России и Германии)*.

Данные ситуационные задачи позволяют не только осваивать конкретную профессиональную лексику и на родном, и на иностранном языке, но и помогают обучающимся расширить свои знания в той или иной сфере, развивают коммуникативную компетенцию.

2. **Мультимедийные презентации**. При работе над презентацией обучающийся самостоятельно проводит исследование: осуществляет материала, анализирует полученную информацию, интерпретирует ее смысл. Помимо этого, немаловажным является умение обучающегося эффективно свертывать и структурировать полученную информацию. Так как речь идет о презентации на иностранном языке в рамках специальных курсов профессиональной направленности (правоведение и экономика), на выполнение всех этих задач обучающемуся потребуется вдвойне больше времени, чем на разработку презентации по какой-либо другой дисциплине. Цель преподавателя в данной ситуации – помочь обучающемуся с выбором материала, переводом особенно сложных фрагментов и т. п.

3. **Работа с аудиовизуальными материалами.** Успешность в профессиональном общении выпускника неязыкового факультета в немалой степени зависит от того, насколько точно он способен воспринимать на слух речь на иностранном языке. Не секрет, что информация, представленная в наглядной форме, является наиболее доступной для восприятия, эффективно и быстро усваивается. На занятиях в рамках специальных курсов можно и нужно использовать видеоматериал, не забывая о соблюдении ряда условий, сопряженных с этим процессом. Важнейшим из них, по нашему мнению, является то, что используемый материал должен соответствовать уровню знаний обучающегося. Практика показывает, что преподавателю иностранного языка крайне сложно соблюсти это условие, тем более при преподавании специальных курсов профессиональной направленности. Выходом может стать использование видеоматериала на завершающем этапе изучения той или иной темы, когда обучающиеся уже владеют определенным набором знаний по предлагаемой тематике.

Например, в модуле «Правоведение» курса профессионального немецкого языка в качестве заключительного задания по теме Verbrechensaufklärung (раскрытие преступлений) представляется полезным просмотр видеофрагмента на тему Spurensicherung (обеспечение сохранности следов). Молодые стажеры полиции доставляются на «место преступления» (помещение, где якобы была совершена кража со взломом). Задача стажеров – максимально тщательно осмотреть место происшествия, обнаружить, зафиксировать все следы преступления (изъять следы биологического происхождения, сделать зарисовки отдельного следа обуви, выявить следы рук и т. д.).

Перед началом просмотра видеофрагмента преподаватель может кратко передать основной сюжет. Это делается с целью заинтересовать обучающегося, настроить его на верное восприятие фильма. Преподавателю необходимо предвидеть возможные трудности, связанные с восприятием языкового и речевого материала, поэтому целесообразно повторить лексические единицы, которыми уже владеют обучающиеся, и ввести те, которые встретятся в тексте видеофрагмента и будут, по мнению преподавателя, новыми для обучающихся.

Применение указанных выше методов и приемов уже является шагом на пути интеграции предметного содержания и способов его языкового оформления в процессе профессиональной подготовки, моделирующей реальные ситуации профессионального межкультурного общения. Тем не менее дальнейшее продвижение по этому пути требует более существенных инноваций. Очевидна необходимость системного подхода к решению проблем профессионально-ориентированного изучения иностранных языков: от совершенствования процесса планирования до изменения ролей участников учебного процесса, в первую очередь – преподавателей. Важность языковой подготовки будущего профессионала диктует потребность в совместной работе преподавателя иностранного языка и преподавателей профессиональных дисциплин, а также будущих работодателей, вовлечение их в разработку содержания модулей, совместное планирование (с целью согласования учебных планов в отношении соблюдения принципа последовательности изучения тем/модулей в соответствии с логикой учебной дисциплины и координации работы над определенной тематикой в рамках дисциплин профессионального цикла и языковых дисциплин). Раз-

витие более глубокой интеграции возможно путем привлечения преподавателей-предметников к чтению отдельных курсов на иностранном языке, однако, для этого потребуется повышение уровня их собственной профессиональной подготовки (развитие/«обновление» лингвистических компетенций). Столь серьезные изменения требуют не только административных решений, изменений нормативной документации, процедур согласования и т. п., но и готовности самих участников учебного процесса к таким инновациям.

Литература

1. Малюга Е. Н. Основные характеристики профессионального языка // Вестник Самарского государственного университета. 2011. № 1-2(82). С. 133–137.

2. Pavón V., Gaustad M. Designing Bilingual Programmes for Higher Education in Spain: Organisational, Curricular and Methodological Decisions // International CLIL Research Journal. 2013. No. 2(1). P. 81–94.

3. Mair M., Halkier H. Problem-Based Learning and Life-Long Learning: Principles, applications, challenges. Department of Culture and Global Studies, Aalborg University, 2013. Режим доступа: http://www.tempus-tourism.aau.dk/-digitalAssets/81/81211_toull-pbl-guide_nov_13.pdf

4. Годжаева Н. С., Логунов Т. А., Лымарева М. С. Формирование иноязычной профессиональной компетенции у будущих специалистов в сфере туризма // В мире научных открытий. Серия: Социально гуманитарные науки. 2014. № 3(51). С. 154–164.

5. Золотарева С. А., Логунов Т. А. Применение элементов CLIL и проблемно-ориентированного обучения в преподавании иностранного языка на направлении подготовки "Туризм" с целью формирования общекультурных компетенций обучающихся // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2. Т. 7. С. 81–86.

6. Акопова М. А. Иноязычная информационная компетенция – ключевая компетенция выпускника вуза // Реализация компетентностного подхода в системе высшего профессионального образования: сб. докл. Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. проф. М. А. Акоповой, Н. И. Алмазовой. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2012. С. 7–11.

7. Godzhaeva N. S., Logunov T. A. Developing Language Competency of University Teachers to Implement Content and Language Integrated Learning (CLIL) in a Regional University: Challenges and Prospects // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2015. Vol. 8. No. 11. P. 2299–2306. DOI: 10.17516/1997-1370-2015-8-11-2299-2306.

8. Pavón Vázquez V., Ávila López J., Gallego Segador A., Espejo Mohedano R. Strategic and organizational considerations in planning content and language integrated learning: a study on the coordination between content and language teachers // International Journal of Bilingual Education and Bilingualism. 2014. № 18(4). P. 1–17. DOI: 10.1080/13670050.2014.909774.

9. Горбова Н. В. Формирование социокультурной компетентности в системе профессионального обучения немецкому языку средствами интегрированного спецкурса // Межкультурная компетенция: сб. статей. Петрозаводск: Изд-во КПГУ, 2006. С. 11–16.

10. Маханькова Н. В., Мокрушина Л. В. Мультимедийная презентация в иноязычном образовании: учебное пособие. Ижевск: Удмуртский университет, 2012. 125 с.

MASTERING PROFESSIONAL LANGUAGE UNITS AS A CONDITION OF EFFECTIVE CROSS-CULTURAL COMMUNICATION

***Timur A. Logunov*[1, @1], *Marina S. Lymareva*[1, @2]**

[1] *Kemerovo State University,* 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000
[@1] tlogunov@mail.ru
[@2] abrikol13@mail.ru

Received 11.07.2016.
Accepted 27.09.2016.

Keywords: cross-cultural communication, professional communication, linguistic and cultural competence, second language learning, CLIL.

Abstract: The paper deals with the issue of bridging the gap between the language as a tool of professional communication and the language learnt as an academic subject focused on general vocabulary and structures, which hinders effective professional communication of a non-linguist graduate. This problem is aggravated by the lack of language teacher training in content subjects: mastering peculiarities of a specific professional language as a variety of numerous social dialects requires substantial experience in this particular field. Therefore, teaching a foreign language in a non-language higher educational institution calls for wider implementation of CLIL approach (integration of content and language training) to dealing with language material in developing communicative competence. The paper points out competence focused nature of CLIL and its motivational potential. The authors discuss some specific features of teacher's preparing for classes in this context and suggest several teaching techniques aimed at expanding involvement of profession-

al variety of language in the process of training future experts for increasing their professional communication skills, including case studies, effective use of audiovisual teaching aids and multimedia presentations in a special field. The article stresses the need for further integration of a second language and content training in the professional field, which requires a systematic approach and collaboration of all participants in higher educational process.

For citation: Logunov T. A., Lymareva M. S. Vladenie elementami professional'nykh iazykov kak uslovie uspeshnoi mezhkul'turnoi kommunikatsii [Mastering Professional Language Units as a Condition of Effective Cross-Cultural Communication]. *Bulletin of Kemerovo State University,* no. 3 (2017): 193–197. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-3-193-197.

References

1. Maliuga E. N. Osnovnye kharakteristiki professional'nogo iazyka [Basic features of professional language]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta = Vestnik of Samara state University*, no. 1-2(82) (2011): 133–137.
2. Pavón V., Gaustad M. Designing Bilingual Programmes for Higher Education in Spain: Organisational, Curricular and Methodological Decisions. *International CLIL Research Journal*, no. 2(1) (2013): 81–94.
3. Mair M., Halkier H. *Problem-Based Learning and Life-Long Learning: Principles, applications, challenges*. Department of Culture and Global Studies, Aalborg University, 2013. Available at: http://www.tempus-tourism.aau.dk/digitalAssets/81/81211_toull-pbl-guide_nov_13.pdf
4. Godzhaeva N. S., Logunov T. A., Lymareva M. S. Formirovanie inoiazycnoi professional'noi kompetentsii u budushchih spetsialistov v sfere turizma [Forming foreign language professional competence in future tourism professionals]. *V mire nauchnykh otkrytii. Ser. Sotsial'no-gumanitarnye nauki = In the world of scientific discoveries. Ser. Humanities and social science,* 51, no. 3 (2014): 154–164.
5. Zolotareva S. A., Logunov T. A. Primenenie elementov CLIL i problemno orientirovannogo obucheniia v prepodavanii inostrannoga iazyka na napravlenii podgotovki 'Turizm' s tsel'iu formirovaniia oshchekul'turnykh kompetentsii obuchaiushchikhsia [Application of CLIL and PBL elements in teaching a foreign language for Tourism students to form general cultural competences]. *Bulletin of Kemerovo State University*, 7, no. 2 (2015): 81–86.
6. Akopova M. A. Inoiazychnaia informatsionnaia kompetentsiia – kliuchevaia kompetentsiia vypusknika vuza [Foreign language communication competence as the key competence of a graduate]. *Realizatsiia kompetentnostnogo podhoda v sisteme vysshego professional'nogo obrazovaniia: sbornik dokladov Vseross. nauchno-prakticheskoi konf.* [Implementation of competence approach in higher professional education system: Proc. of All-Russian Sc.-Proc. Conf.]. Ed. Akopova M. A. and Almazova N. I. Saint-Petersburg: Politehn. int., 2012, 7–11.
7. Godzhaeva N. S., Logunov T. A. Developing Language Competency of University Teachers to Implement Content and Language Integrated Learning (CLIL) in a Regional University: Challenges and Prospects. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences,* 8, no. 11 (2015): 2299–2306. DOI: 10.17516/1997-1370-2015-8-11-2299-2306.
8. Pavón Vázquez V., Ávila López J., Gallego Segador A., Espejo Mohedano R. Strategic and organizational considerations in planning content and language integrated learning: a study on the coordination between content and language teachers. *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism,* no. 18(4) (2014): 1–17. DOI: 10.1080/13670050.2014.909774.
9. Gorbova N. V. Formirovanie sotsiokul'tunoi kompetentsii v sisteme professional'nogo obucheniia nemetskomu iazyku sredstvami integrirovannogo spetskursa [Forming socio-cultural competence in the system of professional German language learning by means of integrated special course]. *Mezhkul'turnaia kompetentsiia* [Cross-cultural Competence]. Petrozavodsk: KPGU, 2006, 11–16.
10. Makhan'kova N. V., Mokrushina L. V. *Mul'timediinaia prezentatsiia v inoiazychnom obrazovanii* [Multimedia presentation in teaching a foreign language]. Izhevsk: Udmurtskii universitet, 2012, 125.

УДК 811.111’42:070.489

АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ КОММУНИКАТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА МЕДИАДИСКУРСА (НА ПРИМЕРЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ИНТЕРНЕТ-СМИ)

Екатерина В. Пономарева[1, @]

[1] *Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Россия, г. Симферополь, пр. Вернадского, 4*
[@] *ponomar_kitty@mail.ru*

Поступила в редакцию 02.05.2017.
Принята к печати 05.09.2017.

Ключевые слова: медиадискурс, аксиологическая составляющая, ментальный концепт, ценность, британская лингвокультура, лингвокультурологические особенности.

Аннотация: Статья посвящена изучению аксиологического компонента англоязычного медиадискурса, не получившего должного рассмотрения в актуальных на сегодняшний день лингвистических теориях. С целью выявления коммуникативного посыла содержания современных медиа на материале англоязычных интернет-изданий («The Guardian», «The Independent», «The Telegraph») предпринимается попытка анализа многообразия транслируемых в массовое сознание читателя коллективных британских ценностей и культурологических особенностей. Передаваемые англоязычным медиадискурсом коды оказывают влияние на мировоззрение реципиента, способствуют ассимилированию социально-поведенческих норм и устоев. Поскольку аксиологическая составляющая может приобретать особую роль в организации смысла текста, для его полноценного восприятия необходимо учитывать возможные варианты кодирования последней. С позиций когнитивной лингвистики выявлено, что тексты англоязычных интернет-СМИ характеризуются преобладающей апелляцией к таким ментальным концептам как *privacy*, *individuality*, *stability*, *tolerance*, *traditionalism*, *past*. В общих чертах определяется система языковых средств, используемых для формирования коммуникативного пространства медиадискурса; делается вывод о его социально-культурной природе.

Для цитирования: Пономарева Е. В. Аксиологическая составляющая коммуникативного пространства медиадискурса (на примере англоязычных интернет-СМИ) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 3. С. 198–204. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-3-198-204.

В современной лингвистической науке одной из наиболее актуальных проблем является теория дискурса. Различие дефиниций и подходов к изучению понятия «дискурс» обусловлено исторической сменой представлений о нем, сложившихся в области точных наук, с одной стороны, и в области эстетики и литературы – с другой.

Как отмечает Е. А. Кожемякин, во втор. пол. XX в. «дискурс, перейдя из области эпистемологических в сферу онтологических категорий» [1], понимается как базис любой культуры, и, как следствие, начинает порождать к себе интерес различных отраслей научного познания.

Внимание к проблематике теории дискурса со стороны разнонаправленных наук определяет многозначность и вариативность понятия дискурса, отсутствие точной терминологической формулировки. Ученые сходятся только в одном: дискурс существует исключительно в пределах текста. Совершенно очевидно также, что изучение феномена дискурса не мыслится без включения в поле зрения исследователя парадигматических, социокультурных и психологических факторов, а также вне рассмотрения паралингвистических элементов речи.

Многообразие экстралингвистических факторов, влияющих на процесс коммуникации и текстопорождение, обусловливает разнообразие дискурсов. Особое внимание лингвистов привлекает медиадискурс как комплексный феномен массовой культуры.

Исследователи массовой культуры также отмечают неоднозначность и многомерность изучаемого феномена. С одной стороны, последняя может пониматься как культура массового потребления, которая влечет за собой подавление и унификацию личности продуктами «культурной индустрии», активную эксплуатацию телесности и падение моральных норм. С другой же стороны, массовая культура часто рассматривается как «…некий этап в эволюции человечества, достигшего высокого уровня развития производства и уровня жизни» [2, с. 15], порождающий относительную демократизацию культуры и повышение общего уровня образованности населения.

Развитие массовой культуры невозможно без наличия сформированного информационного общества и осуществляется в так называемой медиасфере, представляющей собой средоточие производимых, эстетизируемых и транслируемых в информационном пространстве культурных кодов. Общность текстов средств массовой информации относят к вторичному по отношению к дискурсу понятию «медиадискурса».

Как уточняет М. В. Коновалова, в современной лингвистической науке сложились следующие подходы к изучению медиадискурса: дискурсивный, коммуникативный и эвокативный [3]. Интересным представляется и предложенный учеными кафедры стилистики русского языка факультета журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова интенциональный метод изучения медиадискурса, который позволяет рассматривать феномен «медиа» не только с филологической точки зрения, но и в совокупности с философским, психологическим, со-

циологическим и др. подходами [4]. Последнее согласуется с определением дискурса, предложенного в «Англо-русском словаре по лингвистике и семиотике» под редакцией А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского: «вид речевой коммуникации, предполагающий рациональное критическое рассмотрение ценностей, норм и правил социальной жизни и единственным своим мотивом имеющий достижение взаимопонимания» [5, с. 179].

Дискурс массмедиа выходит за рамки знаковой системы вербального уровня, включая в себя элементы других семиотических систем – графических, акустических, визуальных. Как отмечает Е. О. Менджерицкая, медиадискурс «…представляет собой сложное явление, учитывающее и экстралингвистическую ситуацию, и характеристики участников коммуникации, и различные стратегии, лежащие в основе производства новостей, а также их соответствующее языковое оформление» [6, с. 59]. Все это порождает наличие интегрированных жанров и форматов медиадискурса, их маргинальное пересечение.

Обычно изучение дискурса массмедиа осуществляется в следующих направлениях: когнитивный аспект рассмотрения текстов разноориентированных СМИ, лингвокогнитивные средства выражения медиадискурса, экстралингвистические процессы, влияющие на его становление. Наряду с вышеизложенными векторами исследования особенно актуальным становится рассмотрение аксиологической составляющей коммуникативного пространства медиадискурса.

Повышенный интерес в рамках изучения аксиологической парадигмы медиадискурса наблюдается в отношении анализа англоязычных интернет-СМИ, преимущественно online изданий социально-политической направленности. Заинтересованность этим каналом массовой информации обусловлена тем, что, во-первых, англоязычные медиатексты оказывают доминирующее воздействие на мировое информационное пространство «… как на уровне формата и содержания, так и на уровне языка» [7, с. 135], а, во-вторых, такие разновидности медиа, имея «…возможность использовать как собственный, так и заимствованный из внешних источников контент» [8, с. 125] и характеризующиеся трансграничностью, заметно отличаются от традиционных СМИ интерактивностью форм коммуникации с читателем.

Особенностью современного англоязычного медиадискурса является переход от собственно подачи информации к усилению значимости коммуникативного посыла содержания медиа, как этического, так и эстетического. Семиотическая система знаков, транслируемых англоязычным медиадискурсом, представляет собой специфическое кодирование культурологических особенностей, социальных, поведенческих, морально-ценностных норм и устоев.

Растущая глобализация порождает потребность общества в сохранении национального мировоззрения, традиций, обычаев и ценностей носителей определенной нации. Являясь особым разделом философии, аксиология занимается постижением проблематики ценностей, иными словами «… изучает положительную, нейтральную или отрицательную значимость любых объектов» [9, с. 66].

Массмедиа обладает мощной убеждающей силой, формируя у людей, не имеющих собственного мнения, определенные точки зрения и суждения относительно происходящего вокруг. При этом не создаются новые ценности, а используются выработанные в обществе стандарты и стереотипы, которые часто являются подсознательным воплощением аудиторной интенции.

Массмедиа пользуются способностью языка воздействовать на реципиента, порождать определенные образы и побуждать к действию. Язык из способа коммуникации превращается в орудие воздействия на потребителя медиапродукции. Во многом этому способствует тот факт, что индивид, так или иначе, вовлечен в определенную социальную группу и, таким образом, ассимилирует коллективные ценности данной общности. Переживая свою принадлежность к социальному целому, человек перенимает те ценности и идеалы, которые присущи группе, вырабатывает новые для себя предпочтения и оценки.

В культуре англоязычного мира сложилась своя система ценностей, определяющих ее целостность и неповторимость.

Так, общеизвестной особенностью британского коммуникативного поведения является неприятие вторжения в зону личного пространства человека. Речь идет как о физическом, телесном контакте (скажем, о соприкосновении в общественном транспорте), так и о ментальном общении. В английской культуре не принято касаться личных тем, задавать вопросы о состоянии здоровья, проявлять интерес к чужой жизни, ходить в гости без приглашения. Подобные ценностные ориентации составляют многослойную организацию семантического поля национально-культурного концепта *privacy*. Важность личной автономии для английской культуры подтверждается отражением во многих паремиологических единицах, наиболее точно передающих общепризнанные этносоциокультурные факты: *An Englishman's home is his castle, A constant guest is never welcome, He travels fastest who travels alone, Self-preservation is the first law of nature*. Наиболее ярко концепт *privacy*, на наш взгляд, выражен в пословицах *My country, right or wrong* и *After me, you come first*. Интересно, что стремление британцев к чему-то частному нередко объясняется географическим расположением страны, много лет существовавшей обособленно от всего мира.

При сравнении британской и русской культур обращает на себя внимание также и индивидуалистский характер первой в сопоставлении с соборностью и коллективизмом, свойственными для второй. У британцев на первом месте всегда стоит личный интерес, самовыражение, заинтересованность в индивидуальных достижениях. Самобытность и уникальность каждой отдельной личности при этом никогда не подавляются.

Анализ речеповеденческих тактик британцев свидетельствует и об их крайней приверженности к тем реалиям жизни, которые доказали свою стабильность во времени, к сложившемуся жизненному укладу, к материальному благополучию. Достаточно вспомнить такие пословицы, как *Business before pleasure, In doing we learn, A man of words and not of deeds is like a garden full of weeds, Nothing comes from nothing, Consistency is a jewel*.

Важным аксиологическим компонентом жизни английской нации считается толерантность как способность признавать за другими людьми право на иное поведение. Британцы, сами когда-то вынужденные привыкать к но-

вым культурным и языковым реалиям, проявляют уважение и интерес к чужим традициям и культурам.

Одной из составляющих британского образа жизни является следование традициям. Британцы отдают дань традиции во всем. Общепринятость, повторяемость, связь с прошлым и народной культурой – основные ценностные компоненты концепта *traditionalism*, являющего собой способ представления действительности и отражения опыта. Высокая значимость концепта подтверждается огромным деривационным полем (*tradition*, *traditional*, *traditionally*, *traditionality*, *tradition-based*, *tradition-bound*, *tradition-conscious*, *tradition-laden*, *traditionary*, *traditionalize*, *traditionarily*) и прочной закрепленностью в сознании людей: *Customs are stronger than laws, Custom is a second nature*.

Британскую культуру отличает также особое почитание прошлого. Прошлое ценится британцами выше настоящего и будущего. Доказательство этому находим в многочисленных паремиологических единицах: *Study the past if you would divine the future, The past at least is secure, No man can call again yesterday, The next day is never good as the day before*. Следующие пословицы вообще могли появиться только у англичан со свойственным им особым культом прошлого: *Tomorrow never comes, Boast not of tomorrow, for you know not what a day may bring forth, Today is yesterday's tomorrow*.

Таким образом, сущность современной британской лингвокультуры определяется такими концептами как *privacy*, *individuality*, *stability*, *tolerance*, *traditionalism*, *past* и другими. Методом сплошной выборки были проанализированы 40 статей британских изданий «The Guardian», «The Independent», «The Telegraph». Приведем таблицу, иллюстрирующую частоту использования в англоязычных текстах вышеупомянутых концептов (табл.).

Таблица. **Упоминания концептов**
Table. **References to concepts**

Анализируемый концепт (с учетом синонимического и ассоциативного рядов)	**Количество примеров**	**Соотношение, %**
privacy	119	22,0
past	104	19,2
tolerance	96	17,7
traditionalism	88	16,3
individuality	83	15,4
stability	51	9,4

Обращение к текстам британских интернет-СМИ показывает, что авторы статей постоянно апеллируют к этим ментальным образованиям.

Так, показательна в этом отношении статья *«One never builds something finished»: the brutal brilliance of architect Paulo Mendes da Rocha* британского издания «The Guardian», начинающаяся словами самого архитектора, творчеству которого она посвящена: *«All space is public. The only **private** place that you can imagine is in the human mind»* [10]. Обращение автора статьи к одновременно фактуализирующей и оценочно-экспрессивной цитации обусловлено не только желанием наиболее точно передать информацию, но и косвенно выразить свое отношение к ней, воздействуя таким образом на позицию адресата. В первом же абзаце встречаем еще одно упоминание концепта: *«…a city where the triumph of the **private** realm over the public could not be more stark»* [10].

Не менее редко авторы статей акцентируют внимание читателей на еще одной незыблемой британской ценности – стремлении к исключительности и проявлению индивидуализма. К примеру, автор статьи «*The Observer view on artificial intelligence»* подчеркивает общечеловеческую значимость уникальности: *«…the solipsism of human nature means that even the most distant of implausible threat to our **uniqueness** as a species bothers us»* [11].

Устремление к обособленности и желание не иметь себе равных в животном мире, по мнению Энди Мартина, преподавателя Кембриджского университета и одного из авторов «The Independent», восходит к бинарному противопоставлению «мы и другие», предлагаемому ведущими мировыми религиями. Автор пишет о том, что именно такие оппозиции, как «us and them», «believer and heathen», «saved and damned», не только становятся причиной терроризма, но и определяют ход мировой истории в целом и наше отношение к себе как к уникальному созданию (что обозначено им как пренебрежительное «"we are the good guys" mentality» или «scapegoat mentality»): *«This "dominion" idea, of humans over every other entity, just like God over humans, and man over woman, is a stupid yet corrosive binary opposition that flies in the face of our whole evolutionary history»* [12].

Тем не менее в большинстве англоязычных массмедиа встречается положительная точка зрения в отношении исключительности как основополагающей ценности. Так, один из авторов популярного среди британцев интернет-издания «The Telegraph» обращается к проблеме смены девичьей фамилии после замужества, предлагая читателю контрастное сопоставление таких ценностных ориентаций, как индивидуализм и традиционализм.

С одной стороны, автором-женщиной, самой носящей двойную фамилию (Fox-Leonard), подчеркивается присущий британцам традиционный уклад в исследуемом вопросе, о чем свидетельствуют неоднократные упоминания в тексте: *«…in her wedding speech in 2014 (another break of **tradition**), she took the time to explain that she wouldn't take her husband's surname»*, *«Although she met some resistance from older members of their families – and even her peers…»*, *«Sharing a surname in marriage remains significant in the UK, as a symbol of the family»*, *«In the UK we remain highly **traditional** about women's naming decisions and find it difficult to understand other **cultural traditions** or personal decisions»* [13].

Рассказывая об общепринятых в Великобритании взглядах, автор статьи нередко отсылает читателя в прошлое, вере в которое британцы также придают огромную значимость. Так, например, встречаются прямые исторические отсылки: *«Her view harks back to a time when married women were perceived to have no name at all. The British system of hereditary surnames was imported by the Normans, along with the doctrine of coverture, the legal principle that, on marriage, a woman became her husband's possession»* [13]. Этот же прием используется автором и для акцентирования индивидуальности, присущей женщинам, решившимся пойти против устоявшейся системы: *«Wright, a compliance manager, is one of many modern-day Lucy Stones (the 19 th-century suffragist known for using her maiden name after marriage»* [13].

Индивидуальность, проявляемая британками, решившимися оставить свою девичью фамилию, становится главной идеей статьи:

«To Wright it was an issue of ***identity****»*;

«"I haven't been gobbled up by a Pac-Man husband and spat out as something dependent or weaker or owned"»;

«Surnames are important to our identities because they can link us to our past, present and future»;

«…as generations of women have discovered, ***you never quite lose the sense of the person you were*** *before»* [13].

Подтверждение постоянного обращения к прошлому как к одному из аксиологических аспектов британского образа жизни находим в «The Guardian». Автор одной из статей издания пишет об исконных причинах трепетного отношения к минувшим дням: *«We recognise that with time every human being will cease being, will only have been. And so we seek to resist time. We rebel against it. We are drawn like lovers to the unreachable* ***past****, to imagined memories, to nostalgia»*. В обоснование этой мысли автор приводит размышления о том, что ностальгия проявляется во многих сферах современной жизни – от политики *(«… nostalgia is a terribly potent force at this moment of history. Nostalgia manifests itself in so much of our political rhetoric»*) до индустрии развлечений *(«Nostalgia manifests itself in our entertainment and artistic culture as well»*) и области высоких технологий *(«Nor is the realm of technology resistant to nostalgia «…» On our dominant social networks we are pulled out of the present moment to constantly shape and examine and interact with carefully curated* ***pasts****»*) [14].

Как отмечает В. А. Буряковская, основными аксиологическими векторами современного медиадискурса являются гламурный, агрессивный и магический модусы, а к наиболее ярким концептам медийной культуры относят *гламур* и *автомобиль* [2].

Так, к примеру, в статье «The Telegraph» от 3 марта 2017 г. «*Affairs, breakdowns and takedowns: the secret world of the school run*», повествующей о негласном соперничестве мам, разворачивающемся за стенами школ, в которых учатся их дети, речь идет и об агрессии, и о гламуре, и даже об автомобилях *(«…steals her parking place»*, *«…hides in her car»*, *«Many of them jumped into a Range Rover…»*) [15].

В статье рассказывается об агрессивном отношении, проявляемом и касательно тех мам, которые не входят в круг общения «избранных», и о соперничестве «элиты» между собой. Автор использует так называемые линтвоцинизмы – высказывания, передающие демонстративно-пренебрежительное отношение к чему-либо: *a reality*, *quite frankly*, *that most mothers would like to forget*; *alpha mothers at the school gates*; *the school gates are like a chimpanzee laboratory*; *the female primates in full swing*; *the mothering fight club*; *the school gate performance* [15].

Интересно, что соперничество, о котором идет речь, разворачивается в основном косвенно и обнаруживает себя через внешние, гламурные проявления: *«… mothers woke up extra early to blow dry their hair, put on their best designer pumps and strut up the front stairs first so they could be seen (wind in their hair) in full view of everyone else»* [15]. Используемые автором метафоры и те связаны с гламуром и «модными» местами: *«…where every morning was the Oscars meet the Paris catwalks»*, *«But if drop-off is a Gala, pick up is an off Broadway show that closed early»* [15].

Анализ интернет-СМИ показывает, что эффективное воздействие на реципиента исключительно по единичному продукту медиадискурса невозможно – всегда требуется обращение к первичным текстам, содержащим метаинформацию. Особенно ярко это проявляется в изданиях социально-политической направленности. Так, например, в статье британского журнала «The Independent» от 28 января 2017 г. *«Theresa May repeatedly refuses to condemn Donald Trump's immigration ban»*, говоря о заключенной договоренности премьер-министра Великобритании с президентом Турции Реджепом Эрдоганом, автор использует отрицательно-окрашенный эпитет *controversial* (*controversy – public discussion or argument, often rather angry, about sth which many people disagree about or shocked by* [16, с. 253]): *"After agreeing a controversial £ 100 million fighter jet deal amid wide-ranging purges and security crackdowns following an attempted coup against President Recep Tayyip Erdogan, Ms May held a joint press conference with Prime Minister Binali Yildrim"* [17].

Выбор эпитета становится очевидным, если обратиться к предшествующей публикации «*May agrees fighter jet deal with Erdogan despite human rights abus*» [18], размещенной в том же издании и гиперссылка на которую предлагается в самой статье. Уже сам заголовок и содержание заметки свидетельствуют о намерениях автора указать на противоречивые действия правительства Великобритании в отношении к столь превозносимым в британском обществе ценностям – толерантности и правам личности.

Медиадискурс отражает свою аксиологическую составляющую как правило через имплицитное представление ценностей образа жизни людей, что определяет и его стилистическое своеобразие.

Первое, что привлекает внимание читателей – заголовки, носящие сенсационный характер, либо содержащие в себе обыгрывание сюжетов или фраз из известных художественных произведений. Так, наиболее показательны в этом отношении заголовки «The Times»: *Pincer "prank" killed Kim's brother*, *Impulsive General Misha shoots himself in the foot*, *Revealed: new "Trojan Horse plot"* и многие другие.

В изучении современного медиадискурса особое внимание привлекает анализ использования неологизмов. Функционирующие в пределах СМИ и обладающие существенной экспрессией неологизмы передают

субъективное отношение автора к изображаемым фактам. Так, в статье «The Telegraph», рассказывающей об увеличении числа университетов Великобритании, притесняющих свободу слова и самовыражение, используется неологизм *«snowflake generation»*, совсем недавно вошедший в обиход и получивший широкое распространение, о чем свидетельствует факт его включения в 2016 г. в словарь Collin's Dictionary.

Обозначая молодых людей, взращенных в условиях 2010-х гг., эмоционально уязвимых и в большей степени предрасположенных к обидам, нежели подростков, формировавшихся в предшествующие десятилетия, выражение *«snowflake generation»* образовано слиянием слов *«снежинка»* и *«поколение»*. Данный неологизм характеризует юношей и девушек, воспитанных по принципу превозношения их исключительности и уникальности (в природе не существует одинаковых «снежинок», а каждый подросток – уникальная личность).

Использование термина в статье «*More than 90 percent of universities are restricting free speech, study finds*» как нельзя лучше раскрывает отношение автора к изображаемым фактам. Материал посвящен описанию того, как ведущие университеты страны на территориях своих кампусов инициируют запреты свободного выражения взглядов, нивелируя таким образом ту самую уникальность и индивидуализм, так старательно вскармливаемые британским обществом: *«…21 universities have banned high profile speakers from attending lectures «…» because* ***of their views****», «… universities formally ban* ***an individual*** *from speaking on campus», «…banned the sale of one or more newspapers», «… banned sombreros, on the grounds that they constituted "cultural appropriation"»* [19].

Еще одним часто используемым приемом является включение в текст эмоционально-оценочных слов и устойчивых выражений, носящих, как правило, отрицательные коннотации. Так, например, в анализируемых статьях используются следующие:

1) *Sky-gods and scapegoats: From Genesis to 9/11 to Khalid Masood, how righteous blame of 'the other' shapes human history* – mind-numbing security, the Scapegoater-in-chief occupies the White House, Islamophobic fascist fellow-traveller, holier-than-thou attitude;

2) *Mohsin Hamid on the dangers of nostalgia: we need to imagine a brighter future* – a rallying cry of taking back control, scant reassurance, dangerous calls of charlatans and bigots and xenophobes, the jarringly total nature of this shift;

3) *Affairs, breakdowns and takedowns: the secret world of the school run* – the battleground of motherhood, the sinister twist of a murder, Australian nannies by close of play, faintly enemies;

4) *More than 90 percent of universities are restricting free speech, study finds* – bizarre findings, the erosion of free speech, take all the flak.

Таким образом, медиадискурс, реализуя функцию воздействия, представляет собой динамическое социально-культурное, нравственно-этическое и лингвистическое явление. Дискурс массмедиа становится важнейшим дискурсом, претворяющим в действительность направление изменений социальной мысли и воссоздающим концептуальную картину мировидения личности. Изучение аксиологической составляющей как одного из содержательных компонентов англоязычного медиадискурса позволяет определить особенности социальных норм, моральных и ценностных устоев британского общества, а также выявить способы их трансляции в массовое сознание.

Литература

1. Кожемякин Е. А. Дискурсный подход к изучению культуры // Современный дискурс-анализ. Вып. 1. Т. 1. Режим доступа: http://www.discourseanalysis.org/ada1/st6.shtml (дата обращения: 04.01.2017).

2. Буряковская В. А. Коммуникативные характеристики массовой культуры в медийном дискурсе (на материале русского и английского языков): дис. ... д-ра филол. наук; Волгоградский гос. социально-педагогический ун-т, Волгоград, 2015. 326 с.

3. Коновалова М. В. Медиадискурс и подходы к его изучению // Филологические науки. 2015. Вып. 98. С. 101–108.

4. Клушина Н. И. Медиастилистика в антропоцентрической парадигме: новые методы и подходы // Развитие русскоязычного медиапространства: коммуникационные и этические проблемы: материалы научно-практической конференции (26–27 апреля 2013 г.). М., 2013. С. 48–55.

5. Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике / под ред. А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского. М.: Помовский и партнеры, 1996. 642 с.

6. Менджерицкая Е. О. Дискурс, медиадискурс и когнитивно-дискурсивная парадигма в лингвистике // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2011. № 3. С. 54–60.

7. Григорьева И. В., Тихонова Е. В. Влияние конвергенции на формат и содержание медиатекстов // Развитие русскоязычного медиапространства: коммуникационные и этические проблемы: материалы научно-практической конференции (26–27 апреля 2013 г.). М., 2013. С. 131–136.

8. Горошко Е. И., Каверина А. С. Типологизация контента современных СМИ (попытка рефлексии) // Развитие русскоязычного медиапространства: коммуникационные и этические проблемы: материалы научно-практической конференции (26–27 апреля 2013 г.). М., 2013. С. 122–130.

9. Волынец Ю. П. Способы реализации аксиологического потенциала сегментированных цитат в англоязычном медиадискурсе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. Вып. 20 (706). С. 60–72.

10. Wainwright O. "One never builds something finished": the brutal brilliance of architect Paulo Mendes da Rocha // The Guardian. 2017. 4 February. Режим доступа: https://www.theguardian.com/artanddesign/2017/feb/04/why-paulo-mendes-da-rocha-raises-architecture-to-a-new-level (дата обращения: 04.02.2017).

11. The Observer view on artificial intelligence. Observer editorial // The Guardian. 2017. 5 February. Режим доступа: https://www.theguardian.com/commentisfree/2017/feb/05/poker-artificial-intelligence-robot-beware-algorithms (дата обращения: 04.02.2017).
12. Martin A. Sky-gods and scapegoats: From Genesis to 9/11 to Khalid Masood, how righteous blame of 'the other' shapes human history // The Independent. 2017. 31 March. Режим доступа: http://www.independent.co.uk/news/long_reads/sky-gods-and-scapegoats-from-genesis-to-911-to-khalid-masood-how-righteous-blame-of-the-other-shapes-a7657676.html (дата обращения: 01.04.2017).
13. Fox-Leonard B. "I didn't want to lose my identity when I got married": The new rules of surname changing // The Telegraph. 2017. 1 March. Режим доступа: http://www.telegraph.co.uk/women/family/didnt-want-lose-identity-got-married-new-rules-surname-changing/ (дата обращения: 18.02.2017).
14. Mohsin H. Mohsin Hamid on the dangers of nostalgia: we need to imagine a brighter future // The Guardian. 2017. 25 February. Режим доступа: https://www.theguardian.com/books/2017/feb/25/mohsin-hamid-danger-nostalgia-brighter-future (дата обращения: 26.02.2017).
15. Kirwan-Taylor H. Affairs, breakdowns and takedowns: the secret world of the school run // The Telegraph. 2017. 13 March. Режим доступа: http://www.telegraph.co.uk/women/life/affairs-breakdowns-takedowns-secret-world-school-run/ (дата обращения: 04.03.2017).
16. Hornby A. S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English / ed. By J. Crowther . Oxford: Oxford University Press, 1998. 1428 p.
17. Watts J., Dearden L. Theresa May repeatedly refuses to condemn Donald Trump's immigration ban // The Independent. 2017. 28 January. Режим доступа: http://www.independent.co.uk/news/uk/politics/theresa-may-donald-trump-immigration-ban-muslim-turkey-refugee-refuses-to-condemn-latest-a7551121.html (дата обращения: 04.02.2017).
18. Watts J. Theresa May agrees fighter jet deal with Erdogan despite human rights abuse // The Independent. 2017. 28 January. Режим доступа: http://www.independent.co.uk/news/world/asia/theresa-may-agrees-100m-fighter-jet-deal-with-turkeys-erdogan-despite-human-rights-concerns-a7551006.html (дата обращения: 04.02.2017).
19. Rosen E. More than 90 percent of universities are restricting free speech, study finds // The Telegraph. 2017. 14 February. Режим доступа: http://www.telegraph.co.uk/education/2017/02/14/90-percent-universities-restricting-free-speech-study-finds/ (дата обращения: 04.03.2017).

AXIOLOGICAL COMPONENT OF COMMUNICATIVE SPACE IN MEDIA DISCOURSE (IN THE ENGLISH-LANGUAGE INTERNET MEDIA)

Ekaterina V. Ponomareva[1, @]

[1] *V. Vernadsky Crimean Federal University, 4, Vernadsky Ave., Simferopol, Russia, 295007*
[@] *ponomar_kitty@mail.ru*

Received 02.05.2017.
Accepted 05.09.2017.

Keywords: media discourse, axiological component, value, the British linguoculture, linguocultural peculiarities.

Abstract: The article is devoted to the study of the axiological component of the English-language media discourse, which has not received due consideration in current linguistic theories. With the purpose of revealing the communicative message of the content of modern media, the paper features an attempt to analyse a variety of the collective British values and culturological characteristics, translated into the mass consciousness of the reader, as exemplified in the English-language Internet periodicals («The Guardian», «The Independent», «The Telegraph»). The codes transmitted by the English-language media discourse influence the world outlook of the recipient, as well as contribute to the assimilation of social and behavioural norms and principles. Since the axiological component can acquire a special role in organizing the meaning of the text, it is necessary to take into account the possible variants of coding of the latter for full-fledged perception of the text. From the standpoint of cognitive linguistics, the research reveals the fact that the texts of online media are characterized by a predominant appeal to such mental concepts as *privacy*, *individuality*, *stability*, *tolerance*, *traditionalism*, *past*. It represents, in general terms, the system of language devices and means used for communicative field formation of media discourse; the conclusion about its socio-cultural nature is drawn.

For citations: Ponomareva E. V. Aksiologicheskaia sostavliaiushchaia kommunikativnogo prostranstva mediadiskursa (na primere angloiazychnykh internet-SMI) [Axiological Component of Communicative Space in Media Discourse (in the English-language Media)]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2017): 198–204. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-3-198-204.

References

1. Kozhemiakin E. A. Diskursnyi podkhod k izucheniiu kul'tury [Discursive approach to the study of culture]. *Sovremennyi diskurs-analiz = Modern discourse analysis*, 1, no. 1. Available at: http://www.discourseanalysis.org/ada1/st6.shtml (accessed 04.01.2017).
2. Buriakovskaia V. A. *Kommunikativnye kharakteristiki massovoi kul'tury v mediinom diskurse(na materiale russkogo i angliiskogo iazykov)*. Diss. doktora filol. nauk [Communicative characteristics of mass culture in media discourse (on the material of Russian and English languages). Dr. philol. Sci. Diss.]. Volgograd State Social and Pedagogical University. Volgograd, 2015, 326.
3. Konovalova M. V. Mediadiskurs i podkhody k ego izucheniiu [Media discourse and approaches to its study]. *Filologicheskie nauki = Philological Sciences*, no. 98 (2015): 101–108.
4. Klushina N. I. Mediastilistika v antropotsentricheskoi paradigme: novye metody i podkhody [Mediastilistics in the anthropocentric paradigm: new methods and approaches]. *Razvitie russkoiazychnogo mediaprostranstva: kommunikatsionnye i eticheskie problemy: materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii (26–27 aprelia 2013)* [Development of Russian-language media space: communicative and ethical issues: Proc. Sc.-Prac. Conf. (April 26–27 2013)]. Moscow, 2013, 48–55.
5. *Anglo-russkii slovar' po lingvistike i semiotike* [English-Russian Dictionary of Linguistics and Semiotics]. Ed. A. N. Baranov i D. O. Dobrovol'skii. Moscow: Pomovskii i partnery, 1996, 642.
6. Mendzheritskaia E. O. Diskurs, mediadiskurs i kognitivno-diskursivnaia paradigma v lingvistike [Discourse, media discourse and the cognitive-discursive paradigm in linguistics]. *Izvestiia Iuzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki = Proceedings of the Southern Federal University. Philological Sciences*, no. 3 (2011): 54–60.
7. Grigor'eva I. V., Tikhonova E. V. Vliianie konvergentsii na format i soderzhanie mediatekstov [Effect of convergence on the format and content of media texts]. *Razvitie russkoiazychnogo mediaprostranstva: kommunikatsionnye i eticheskie problemy: materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii (26–27 aprelia 2013)* [Development of Russian-language media space: communicative and ethical issues: Proc. Sc.-Prac. Conf. (April 26–27 2013)]. Moscow, 2013, 131–136.
8. Goroshko E. I., Kaverina A. S. Tipologizatsiia kontenta sovremennykh SMI (popytka refleksii) [Typologization of the content of modern media (an attempt of reflection)]. *Razvitie russkoiazychnogo mediaprostranstva: kommunikatsionnye i eticheskie problemy: materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii (26–27 aprelia 2013)* [Development of Russian-language media space: communicative and ethical issues: Proc. Sc.-Prac. Conf. (April 26–27 2013)]. Moscow, 2013, 122–130.
9. Volynets Iu. P. Sposoby realizatsii aksiologicheskogo potentsiala segmentirovannykh tsitat v angloiazychnom mediadiskurse [Ways to realize the axiological potential of segmented quotations in the English-language media course]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Seriia: Gumanitarnye nauki = Bulletin of Moscow State Linguistic University. Series: Humanitarian Sciences*, no. 20 (2014): 60–72.
10. Wainwright O. “One never builds something finished”: the brutal brilliance of architect Paulo Mendes da Rocha. *The Guardian.* 4 February (2017). Available at: https://www.theguardian.com/artanddesign/2017/feb/04/why-paulo-mendes-da-rocha-raises-architecture-to-a-new-level (accessed 04.02.2017).
11. The Observer view on artificial intelligence. *The Guardian*. 5 February (2017). Available at: https://www.theguardian.com/commentisfree/2017/feb/05/poker-artificial-intelligence-robot-beware-algorithms (accessed 04.02.2017).
12. Martin A. Sky-gods and scapegoats: From Genesis to 9/11 to Khalid Masood, how righteous blame of 'the other' shapes human history. *The Independent.* 31 March (2017). Available at: http://www.independent.co.uk/news/long_reads/sky-gods-and-scapegoats-from-genesis-to-911-to-khalid-masood-how-righteous-blame-of-the-other-shapes-a7657676.html (accessed 01.04.2017).
13. Fox-Leonard B. “I didn’t want to lose my identity when I got married”: The new rules of surname changing. *The Telegraph.* 1 March (2017). Available at: http://www.telegraph.co.uk/women/family/didnt-want-lose-identity-got-married-new-rules-surname-changing/ (accessed 18.02.2017).
14. Mohsin H. Mohsin Hamid on the dangers of nostalgia: we need to imagine a brighter future. *The Guardian*. 25 February (2017). Available at: https://www.theguardian.com/books/2017/feb/25/mohsin-hamid-danger-nostalgia-brighter-future (accessed 26.02.2017).
15. Kirwan-Taylor H. Affairs, breakdowns and takedowns: the secret world of the school run. *The Telegraph*. 13 March (2017). Available at: http://www.telegraph.co.uk/women/life/affairs-breakdowns-takedowns-secret-world-school-run/ (accessed 04.03.2017).
16. Hornby A. S. *Oxford Advanced Learner’s Dictionary of Current English*. Ed. By J. Crowther. Oxford: Oxford University Press, 1998, 1428.
17. Watts J., Dearden L. Theresa May repeatedly refuses to condemn Donald Trump’s immigration ban. *The Independent*. 28 January (2017). Available at: http://www.independent.co.uk/news/uk/politics/theresa-may-donald-trump-immigration-ban-muslim-turkey-refugee-refuses-to-condemn-latest-a7551121.html (accessed 04.02.2017).
18. Watts J. May agrees fighter jet deal with Erdogan despite human rights abuse. *The Independent*. 28 January (2017). Available at: http://www.independent.co.uk/news/world/asia/theresa-may-agrees-100m-fighter-jet-deal-with-turkeys-erdogan-despite-human-rights-concerns-a7551006.html (accessed 04.02.2017).
19. Rosen E. More than 90 percent of universities are restricting free speech, study finds. *The Telegraph*. 14 February (2017). Available at: http://www.telegraph.co.uk/education/2017/02/14/90-percent-universities-restricting-free-speech-study-finds/ (accessed 04.03.2017).

УДК 811.111-26

ТРАКТОВКА КРИЗИСА ИДЕНТИЧНОСТИ У АФРОАМЕРИКАНЦЕВ ВО ВРЕМЕНА РАБСТВА И СПОСОБОВ ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Э. РЭНДАЛЛ «ВЕТЕР УНЕС»)

Дарья В. Тихонова [1, 2, @]

[1] *Языковой центр «Лексика», Россия, 214013, г. Смоленск, ул. Матросова, 9*
[2] *Смоленский государственный университет, Россия, 214000, г. Смоленск, ул. Пржевальского, д. 4*
[@] dariachumina@gmail.com

Поступила в редакцию 01.06.2017.
Принята к печати 14.09.2017.

Ключевые слова: афроамериканская литература, «Ветер унес» Э. Рэндалл, рабство, идентичность, стигма, кризис идентичности, реконструкция, отмена рабства.

Аннотация: Статья посвящена анализу причин и способов преодоления кризиса идентичности у порабощенных афроамериканцев на материале произведения Э. Рэндалл «Ветер унес». Дается толкование терминов «идентичность», «стигма», «кризис идентичности», приводятся основные типы стигмы. Обосновывается мысль о том, что привезенные в Америку африканцы подверглись стигматизации, что впоследствии привело к возникновению у них кризиса идентичности. В процессе анализа произведения определяются способы лишения идентичности, используемые рабовладельцами, такие как утаивание информации о дате и месте рождения, лишение имени, отрыв от семьи, сексуальное рабство, а также факторы, способствующие формированию идентичности у темнокожего населения. В результате автор описывает ресурсы, которые используют бывшие рабы после отмены рабства для того, чтобы преодолеть кризис идентичности и сконструировать собственную идентичность как свободных людей. Среди них важнейшую роль играют позитивные межличностные отношения с представителями общины, осознание себя частью коллективного духа, любовь членов семьи.

Для цитирования: Тихонова Д. В. Трактовка кризиса идентичности у афроамериканцев во времена рабства и способов его преодоления (на материале романа Э. Рэндалл «Ветер унес») // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 3. С. 205–209. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-3-205-209.

Известно, что личность формируется в культурном социуме, в рамках которого она обретает идентичность. Э. Эриксон под идентичностью понимает «процесс организации жизненного опыта в индивидуальное Я» [1, с. 34]. Пол С. Адлер называет идентичностью «образ самого себя, слитый с культурой, в целостном восприятии действительности индивидом» [2, p. 27]. Академик В. А. Тишков определяет идентичность как «ощущение принадлежности или связи с той или иной общностью (народ, страна, коллектив, национальность, раса, языковая группа, партия и т. п.) или культурой, традицией, идеологией (религиозная вера, местоположение, общественное движение и т. п.)» [3]. К. Калхун, Д. Лайт, С. Келлер описывают идентичность, как «понимание того, кто ты и куда ты стремишься. В этом случае она строится на чувстве неразрывности прошлого, настоящего и будущего. Конструировать свою идентичность означает координировать собственное мнение о себе с восприятием мнения других» [4, p. 140]. Проанализировав определения идентичности, Ю. Л. Сапожникова приходит к выводу о том, что идентичность формируется на протяжении всей жизни человека в процессе взаимодействия с другими людьми и признания или непризнания их ценностей [5].

Если индивид подвергается резким социальным изменениям, может произойти уменьшение важности одних видов идентификационных характеристик и увеличение значимости других. Так, люди, находящиеся в трудных адаптационных условиях (например мигранты), более остро ощущают свою принадлежность к первичной социальной группе (семье, друзьям). С одной стороны, межкультурное взаимодействие представляет собой сложное социокультурное явление, обеспечивающее взаимопонимание и взаимообогащение народов, с другой стороны, – оно вызывает стремление сохранить национальную индивидуальность и культурное своеобразие, свою картину мира, дифференцируя национальные социокультурные пространства. В этих условиях может случиться «взлом» культурной системы [6]. «Кризис идентичности можно определить как особую ситуацию массового сознания, когда большинство социальных категорий, посредством которых человек определяет себя и свое место в обществе, кажутся утратившими свои границы и свою ценность» [7]. В этом случае в общественном сознании могут фиксироваться деструктивные образы, являющиеся следствием данного явления [8].

Африканцы, привозимые в Новый Свет в качестве рабов, были оторваны от корней, лишены культурного, материального и духовного наследия. Так как темнокожие рабы отличались от рабовладельцев цветом кожи, они подверглись стигматизации (воздействию стигмы), превратившись в людей с «дефектом». Под стигмой И. Гофман понимает качество, которое выдает какую-либо непристойную характеристику индивида, при этом «характер этого качества определяется не самим качеством, а отношениями по поводу него», т. е. стереотипами, существующими в обществе [9]. Посредством стигмы становится возможным обоснование неполноценности «ненормальных» и их исключение из группы «нормаль-

ных» индивидов, что может послужить причиной кризиса идентичности. И. Гофман выделяет три основных типа стигмы: стигма в результате физического отклонения; стигма, вызванная индивидуальными особенностями характера (неконтролируемые или неестественные страсти, слабоволие и др.); родовая стигма расы, национальности или религии, которая зачастую передается по наследству и распространяется на всех родственников [9].

Для переселенцев из Африки цвет кожи стал родовой стигмой расы, которая служила обоснованием для отношения к ним как к животным на протяжении нескольких веков и оправдывала попытки белого населения лишить темнокожее население идентичности. Борьба афроамериканцев за сохранение собственной идентичности прослеживается в книге Э. Рэндалл (Alice Randall) «Ветер унес» («The wind done gone», 2001), представляющей собой переработку романа М. Митчелл «Унесенные ветром» («Gone with the wind», 1936).

Повествование в романе Э. Рэндалл ведется от лица темнокожей рабыни Синары – дочери отца Скарлетт (*Другой*) и Мамушки. Главная героиня проводит раннее детство на плантации в Атланте; когда она достигает подросткового возраста, Джеральд О'Хара (*Плантатор*) продает ее в рабство своему знакомому. Получив свободу, Синара становится сожительницей Ретта Батлера (*Р.*), который ее содержит. Р. покупает ей дом, нанимает слуг, учит читать и писать, знакомит с представителями аристократии. Позже Синара уходит от него к перспективному темнокожему Конгрессмену, отношения с которым она прерывает, боясь испортить политику репутацию из-за своей прошлой связи с Р. Когда главная героиня рожает от Конгрессмена сына, она отдает его на воспитание отцу ребенка и его жене, заботясь о его светлом будущем.

Синара показывает читателям «изнанку» рабовладельческого строя, давая им возможность прочувствовать несправедливость системы.

По мнению Г. Олпорта, «самым важным связующим элементом с нашей идентичностью на протяжении всей жизни остается имя» *(перевод автора)* («The most important anchorage to our self-identity throughout life remains our own name» [10, p. 117]). На Юге хозяева записывали своих рабов под собственной фамилией, подчеркивая еще раз свое отношение к ним как к собственности, либо давали им клички, чтобы лишить их идентичности и просто обозначить их через ту функцию, которую они выполняли в доме или поле. Через постоянное употребление такие имена прочно закреплялись в сознании самих негров. Когда Синара во время разговора с бывшим слугой Плантатора узнает настоящее имя своей матери, это приводит ее в шок: «Pallas. My mother's name is Pallas. Not Mammy. Pallas» [11].

Осознавая, что имя – часть их идентичности, многие темнокожие после отмены рабства сменили имена и фамилии, чтобы уничтожить всякую связь с бывшими хозяевами. Так, повар Синары после отмены рабства выбирает себе новое имя: «But we have a cook, Portia Dred. She chose the name from the stories I told her, from the books in my library» [11].

Еще одним способом лишения идентичности афроамериканцев было утаивание от них информации о дате и месте их рождения: «Бюро по делам освобожденных рабов переполнено людьми, которые не умеют ни писать, ни читать, не знают, сколько им лет и где они родились, но ищут хоть кого-то: жену, мате, чьи имена они не могут продиктовать, возраст которых они не знают, место проживания которых им не известно» *(перевод автора)* («The Freed Men's Bureau is overrun with people who can't read or write, who don't know how old they are or where they were born, but are looking for somebody a wife, a mother whose name they cannot spell, whose age they do not know, whose state of residence they do not know») [11]. Синара же, в отличие от других, знала свой точный возраст, потому что Мамушка заставила хозяйку записать дату и время рождения дочери: «I know the time and day I was born. Mammy made Lady write it down» [11]. В ходе повествования, рассказывая о событиях в разные временные периоды, Синара неоднократно называет свой возраст в тот или иной момент, так как его знание играет важную роль для ее самоидентичности, ведь оно помогает ей прослеживать собственную трансформацию, последовательное превращение из рабыни в свободного человека.

Связь с кровными родственниками также имела принципиальное значение для сохранения идентичности. Чтобы предотвратить образование привязанности между детьми и матерями, детей часто продавали в раннем возрасте. Свою дочь от Мамушки Синару Плантатор продал своему другу Томасу, когда той исполнилось тринадцать лет: «Девочка уже не ребенок, и она мешает Мамушке работать… Моя старшая дочь обожает свою Мамушку; дочь Мамушки начинает надоедать ей» *(перевод автора)* («*The girl is no longer a child and she's getting in the way of our Mammy's work… My eldest daughter adores her Mammy; she's beginning to find her Mammy's daughter tiresome»)* [11]. На протяжении всей жизни Синары мысли о матери, о том, что она, ее дочь, значила для нее, не дают девушке покоя. Долгое время она винит Мамушку в том, что та больше любила Другую, что позволила продать ее, пережить страшные тяготы. Если в начале произведения, узнав, что мать умирает, главная героиня до последнего сомневается, ехать ли ей на ферму, чтобы попрощаться с ней, или нет, то в конце произведения, когда Синара осознает, что Мамушка по-настоящему любила ее, она дает волю родственным чувствам: «I would give anything to hear her say «mah little gal» ... I would give everything to hear her say anything at all. I want Mama, I want my mother. I want Mammy. It's easy to want her, now that I know she wanted me» [11].

Синара, как и другие рабы, прошла через многие испытания. С болью и обидой она описывает, что к рабам относились как к вещам, продаваемым на рынке: «It's a pissed bed on a cold night to read words on paper saying your name and a price, to read the letters that say you are owned, or to read words that say this one or that one will pay so much money for you to be recaptured» [11]. Во время аукционов, когда рабы выставлялись на всеобщее обозрение (часто голыми), чтобы белые могли хорошенько рассмотреть товар, который собирались приобрести, главная героиня, насколько это было в ее силах, пыталась сохранить достоинство: «I had an answer when any blue-blooded gentle boy at Beauty's would ask, "How a fine piece of embroidery like you get beyond white columns and painted walls?" They didn't expect an

answer, but I had one. A fancy sentence I had practiced to show I was somebody: “A strange series of deaths in rapid succession following an influenza epidemic left a trail of inheritances that led me to the flesh market with a stop of work with a family who couldn't afford to keep a second ladies' maid.” My twenty-dollar sentence was usually good for a laugh and a nickel tip» [11].

Кроме того, Синара стала жертвой сексуального рабства, а затем внебрачной сожительницей белого мужчины, что долгое время мешало испытывать самоуважение: «Если я сорву плоть с костей так же, как они срывали одежду с моей плоти на рынке рабов ... вот каким был бы мой скелет: ... период внебрачных отношений при свете пламени свечи на чердаке того дома; ... сожительство в моем собственном доме ... сожительство, продолжающееся до сих пор» *(перевод автора)* («If I strip the flesh off my bones, like they stripped the clothes off my flesh in the slave market… this would be my skeleton: … a season of candle flame concubinage in the attic of that house; … concubinage in my own white clapboard home… concubinage that persists till now») [11].

Все условия жизни рабов на Юге были направлены на то, чтобы у них не возникало никакого сомнения в собственной неполноценности, в том, что они ничем не лучше животных, а значит, их жизнь ничего не стоит и никому не нужна. Будучи ребенком, Синара, подобно домашнему животному, спала на горячем коврике на кухне, в то время как Другая спала на мягком прохладном тюфяке. Когда на ферме случился пожар, никто из белых не хотел спасать рабов: «Никто не хотел приближаться к горящим зданиям, чтобы спасти раба» («Nobody wanted to get close enough to any of the buildings to rescue a slave…») [11]. Когда раб умирал, его хоронили на отдельном кладбище без надгробных камней и опознавательных знаков вдали от дома.

В ходе Реконструкции в 1860-е – 1870-е годы и после отмены рабства были приняты законы, которые наделяли темнокожее население правами. В частности, Четырнадцатая поправка к федеральной Конституции (1866) провозглашала афроамериканцев гражданами, а Пятнадцатая поправка (1870) предоставляла им право голоса [12].

После получения свободы, афроамериканцы пытались снова обрести идентичность. Мы видим, что Синара становится увереннее с течением времени. Если в начале произведения ее прошлое пугает ее («breaking in like a robber in the night» [11]); тот факт, что ее бывшая владелица налила ей чашку кофе, заставляет дрожать ее руки («Она налила в нее [в пустую чашку] кофе… она меня обслуживала, и это о чем-то говорило… Чашка дрожала у меня в руках» *(перевод автора)* («She poured coffee into it [an empty cup]… she was serving me, and that said something… The cup tingled in my hands» [11]), то к концу дневника становятся очевидными внутренние изменения, произошедшие с героиней. Прошлое, которого она так боялась, больше не вызывает в ней чувства ужаса, так как ей удалось принять свою историю: «Too many folk died, and I was in the market… This is my story and I tell it again» [11].

На формирование идентичности главной героини после отмены рабства повлияло множество факторов, среди них: отношение к ней Р., который покупает ей дом, учит читать и писать, дарит подарки, водит Синару на приемы к богатым людям, где она замечает, что афроамериканцы начинают отвоевывать свое «место под солнцем» (например Конгрессмен), позволяет самой встречать гостей в роли хозяйки дома, и, в конце концов, женится на ней, что обеспечивает ей статус в обществе и ставит на одну ступень с белыми женщинами. Еще одним фактором, повлиявшим на Синару, было то, что она узнала, что жена Плантатора – Леди – имела негритянские корни, что разбивало представления об исключительности и чистоте белых людей. Важнейшее влияние на выстраивание у героини положительного представления о себе оказало уже упомянутое нами осознание материнской любви. Когда Синара понимает, что она была любима матерью, она находит в себе силы по-другому взглянуть на свое прошлое и понять, что, несмотря на разные социальные условия, в которых она жила тогда и сейчас, ей удалось сохранить свое «я», белым не удалось окончательно растоптать его: «So I recall it's not slavery and freedom that separate my now from my then; it's when I could read and when I could not, it's when Mammy loved me and I didn't know it, and when Mammy loved me and I did. It is when Lady was white and when Lady was black. It is still me, and it's still a carriage, but me in the carriage has changed more than I would have thought possible…» [11]. Обретя идентичность и перестав стыдиться своего прошлого, осознав свое место в меняющемся мире, героиня по-настоящему освобождается от оков рабства, принимая свой цвет кожи и начиная гордиться им: «Это цвет моей души, а она черная и сумеречная, как прекрасная ночь … Я не могу … забыть цвет своей кожи … Я не хочу … Больше не хочу» *(перевод автора)* («It is the color of my mind, and my mind is dark, dusky, like a beautiful night ... I cannot … forget my color. I don't want to. Not anymore») [11].

Проанализированные нами примеры из произведения Э. Рэндалл «Ветер унес» позволяют выделить некоторые особенности поведения белого населения, повлекшие за собой возникновение кризиса идентичности у порабощенных афроамериканцев. Лишенное каких-либо сведений о себе (настоящем имени, фамилии, дате и месте рождения), оторванное от родных, подвергавшееся пыткам и насилию, существовавшее в животных условиях бесправное темнокожее население не имело возможности сохранить собственную идентичность. Но все же после отмены рабства афроамериканцы, как, например, Синара, смогли найти ресурсы для формирования собственной идентичности как свободных людей. Они черпали силы в любви членов семьи, в позитивных межличностных отношениях с представителями общины, в осознании себя частью коллективного духа. Именно это помогло афроамериканцам принять свое прошлое и преодолеть кризис идентичности.

Литература

1. Эриксон Э. Детство и общество. Изд. 2-е, перераб. и доп. / пер. с англ. СПб.: Речь, 2000. 416 с.
2. Adler P. S. Beyond cultural identity: reflections on cultural and multicultural man. Honolulu: East-West Center, 1974. P. 24–41.
3. Тишков В. А. Старые и новые идентичности // Блог В. А. Тишкова. Режим доступа: http://valerytishkov.ru/cntnt/-nauchnaya_/obrazy_ rossii/starie-i-novie-i.html (дата обращения: 13.05.2017).
4. Calhoun C., Light D., Keller S. Sociology. 6th ed. N. Y: McGraw-Hill, Inc., 1994. 651 p.
5. Сапожникова Ю. Л. Категория идентичности как художественная доминанта в афро-американских классических и новых историях рабов (XIX–XXI вв.): дис. … д-ра филол. наук. Смоленск, 2014. 457 с.
6. Гасанова Д. С. Лингвокультурологические и структурно-семантические особенности языка сказки (на материале лезгинского, русского и английского языков): дис. … канд. филол. наук. Махачкала, 2013. 159 с.
7. Андреева Г. М. К вопросу о кризисе идентичности в условиях социальных трансформаций // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2001. № 6(20). Режим доступа: http://psystudy.ru/index.php/num/2011n6-20/580-andreeva20.html (дата обращения: 10.05.2017).
8. Магомедова М. З. Социокультурная идентичность в условиях трансформирующегося общества // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2013. № 4(130). С. 125–130. Режим доступа: http://cyberleninka.ru/article/n/-sotsiokulturnaya- identichnost- v-usloviyah-transformiruyuschegosya-obschestva (дата обращения: 10.05.2017).
9. Гофман И. Стигма: заметки об управлении испорченной идентичностью. Часть 1: Стигма и социальная идентичность. Нью-Йорк, 1963. Режим доступа: http://www.hse.ru/data/2011/11/15/1272895702/Goffman_stigma.pdf (дата обращения: 08.05.2017).
10. Allport G. W. Pattern and growth in personality. N. Y: Holt, Rinehart and Winston, 1961. 593 p.
11. Randall A. The wind done gone. 2001. Режим доступа: http://www.rulit.me/books/the-wind-done-gone-read-342080-1.html (дата обращения: 13.05.2017).
12. Changing our own words: essays on criticism, theory, and writing by Black women / ed. by Ch. A. Wall. New Brunswick: Rutgers University Press, 1989. 253 p.

THE INTERPRETATION OF THE IDENTITY CRISIS OF AFRICAN AMERICANS AT THE TIME OF SLAVERY AND THE WAYS OF OVERCOMING IT (BASED ON «THE WIND DONE GONE» BY A. RANDALL)

Daria V. Tikhonova [1, 2, @]

[1] *Language center «Lexica», 9, Matrosov St., Smolensk, Russia, 214013*
[2] *Smolensk State University, 4, Przhevalskii St., Smolensk, Russia, 214000*
[@] dariachumina@gmail.com

Received 01.06.2017.
Accepted 14.09.2017.

Keywords: African American literature, «The wind done gone» by A. Randall, slavery, identity, stigma, identity crisis, reconstruction, abolition of slavery.

Abstract: The article is devoted to the analysis of the causes and ways of overcoming the identity crisis among the enslaved African Americans based on A. Randall's novel «The wind done gone». The definitions of the terms «identity», «stigma», and «identity crisis» are given, basic types of stigma are described. The article proves that Africans brought to America were stigmatized, which subsequently led to the emergence of an identity crisis. The analysis reveals factors influencing the formation of identity among the black population and the ways of identity deprivation used by slaveholders, such as withholding information about the date and the place of birth, deprivation of name, separation from the family, sexual slavery. As a result, the author describes the resources used by ex-slaves after the abolition of slavery to overcome the identity crisis and to form their own identity as free people. Love of family members, positive interpersonal relations with the representatives of the community, recognition of oneself as part of the collective spirit play a very important part among them.

For citation: Tikhonova D. V. Traktovka krizisa identichnosti u afroamerikantsev vo vremena rabstva i sposobov ego preodoleniia (na materiale romana E. Rendall «Veter unes») [The Interpretation of the Identity Crisis of African Americans at the Time of Slavery and the Ways of Overcoming it (Based on «The Wind done Gone» by A. Randall)]. *Bulletin of Kemerovo State University,* no. 3 (2017): 205–209. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-3-205-209.

References

1. Erikson E. *Detstvo i obshchestvo* [Childhood and society]. 2nd ed. Saint Petersburg: Rech', 2000, 416.
2. Adler P. S. *Beyond cultural identity: reflections on cultural and multicultural man*. Honolulu: East-West Center, 1974, 24–41.
3. Tishkov V. A. *Starye i novye identichnosti* [Old and new identities]. Available at: http://valerytishkov.ru/-cntnt/nauchnaya_/obrazy_rossii/starie-i-novie-i.html (accessed 13.05.2017).
4. Calhoun C., Light D., Keller S. *Sociology*. New York: McGraw-Hill, Inc., 1994, 651.
5. Sapozhnikova Iu. L. *Kategoriia identichnosti kak khudozhestvennaia dominanta v afro-amerikanskikh klassicheskikh i novykh istoriiakh rabov (XIX–XXI vv.)*. Diss. doktora filol. nauk [The category of identity as an artistic dominant in African American slave and neoslave narratives (XIX–XXI cent.). Dr. philol. Sci. Diss.]. Smolensk, 2014, 457.
6. Gasanova D. S. *Lingvokul'turologicheskie i strukturno-semanticheskie osobennosti iazyka skazki (na materiale lezginskogo, russkogo i angliiskogo iazykov)*. Diss. kand. filol. nauk [Linguocultural and semantic and structural characteristics of the fairy-tale language (based on the Lezghian, Russian and English languages). Cand. philol. Sci. Diss.]. Makhachkala, 2013, 159.
7. Andreeva G. M. K voprosu o krizise identichnosti v usloviiakh sotsial'nykh transformatsii [To the question of the identity crisis under the conditions of social transformations]. *Psikhologicheskie issledovaniia: elektron. nauch. zhurn. = Psychological studies: electronic academic journal,* no. 6(20) (2001). Available at: http://psystudy.ru/index.php/num/2011n6-20/580-andreeva20.html (accessed 10.05.2017).
8. Magomedova M. Z. Sotsiokul'turnaia identichnost' v usloviiakh transformiruiushchegosia obshchestva [Social and cultural identity in the terms of transforming society]. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia 1: Regionovedenie: filosofiia, istoriia, sotsiologiia, iurisprudentsiia, politologiia, kul'turologiia = Bulletin of the Adyghe State University. Series 1: Regional studies: philosophy, history, sociology, jurisprudence, political science, culturology*, no. 4(130) (2013). Available at: http://cyberleninka.ru/article/n/sotsiokulturnaya-identichnost-v-usloviyah-transformiruyuschegosya-obschestva (accessed 10.05.2017).
9. Goffman E. *Stigma: zametki ob upravlenii isporchennoi identichnost'iu. Chast' 1. Stigma i sotsial'naia identichnost'* [Stigma: notes on the managment of spoilt identity. Part 1. Stigma and social identity]. New York, 1963. Available at: http://www.hse.ru/data/2011/11/15/1272895702/Goffman_stigma.pdf (accessed 8.05.2017).
10. Allport G. W. *Pattern and growth in personality*. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1961, 593.
11. Randall A. *The wind done gone*. 2001. Available at: http://www.rulit.me/books/the-wind-done-gone-read-342080-1.html (accessed 13.05.2017).
12. *Changing our own words: essays on criticism, theory, and writing by Black women*. Ed. Wall Ch. A. New Brunswick: Rutgers University Press, 1989, 253.

УДК 811

ПРИЗНАКИ КОНЦЕПТОВ ЛИЧНОСТЬ И PERSÖNLICHKEIT КАК СОСТАВЛЯЮЩИХ МАКРОКОНЦЕПТОВ РОССИЯ И DEUTSCHLAND (ГЕРМАНИЯ)

Юлия Н. Точилина [1, @]

[1] *Кемеровский государственный университет, Россия, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6*
[@] totschilina-juli@mail.ru

Поступила в редакцию 25.07.2016.
Принята к печати 10.02.2017.

Ключевые слова: концепт, признаки концепта, Россия, Германия, личность.

Аннотация: Концептуальные исследования являются интенсивно развивающимся на сегодняшний день направлением. Они направлены на рассмотрение таких фундаментальных проблем, как структуры представления знаний о мире и способы концептуальной организации знаний в языке. Центральным термином в изучении языковой картины мира является концепт, привлекающий внимание исследователей в различных областях науки. В статье рассматривается значимые концепты русской и немецкой культуры ЛИЧНОСТЬ (PERSÖNLICHKEIT), выделяются и сопоставляются некоторые признаки данных концептов.

Автор останавливается на мотивирующих и понятийных признаках данных концептов. Среди образных признаков большую по количеству группу представляют антропоморфные признаки, где наибольшую значимость для исследования представляют признаки характера, социальные и ценностные признаки.

В статье выделяется ряд синонимов слов-репрезентантов исследуемых концептов, рассмотрение которых также важно для составления более полной структуры данных концептов.

Для цитирования: Точилина Ю. Н. Признаки концептов *Личность* и *Persönlichkeit* как составляющих макроконцептов *Россия и Deutschland (Германия)* // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 3. С. 210–216. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-3-210-216.

Одним из важных достижений нашего времени является открытие того, что язык – это самостоятельная реальность. Он создает самого человека и его мир. При помощи языка опытное знание, полученное отдельными личностями, становится всеобщим достоянием, коллективным опытом.

Лингвистический канал передает человеку значительную часть информации о мире, поэтому человек живёт больше в мире концептов, созданных им самим, нежели в мире предметов и вещёй. Любая деятельность в социуме требует самосовершенствования личности и одобрения данного социума. В современном мире желание быть особенным, выделяться из окружающих, быть замеченным имеет все большие приоритеты. Сегодня успех подразумевает «своевременное достижение высоких результатов в значимой деятельности, отражающих социальные ориентиры общества и связанных с самореализацией личности» [1, с. 10].

Изучая такие макроконцепты русской и немецкой языковых картин мира, как РОССИЯ и DEUTSCHLAND (Германия), большое внимание следует уделить концептам ЛИЧНОСТЬ и PERSÖNLICHKEIT (личность). Исследование данных концептов естественно вписывается в антропоцентрическую направленность современной науки, в том числе языкознания и всеобщей истории, для которых интерес к феномену человека, его личности и роли этой личности является определяющим. В обществе действуют люди, одарённые сознанием, разумом, волей. Здесь действуют как низменные, отвратительные, так и возвышенные, благородные человеческие страсти: с одной стороны, жадность, ненасытная жажда накопления личного богатства, властолюбие, карьеризм, с другой – любовь к народу, к родине и ненависть к её врагам. «Личность» является самым распространенным и противоречивым понятием как в гуманитарных науках, так и в жизненном понимании. В повседневной жизни мы привыкли обычно называть личностью того человека, который достиг определенных успехов в жизни и имеет высокий социальный статус. В науке понятие «личность» отличается многогранностью и наличием различных подходов к его толкованию.

На протяжении длительного времени в европейской философии разрабатывается теория концепта. Она лишь отчасти восходит к латинскому корню conceptus «понятие». В языкознании, истории, философии и многих других гуманитарных науках теория концепта получила новое развитие. «Выделение круга национальных концептов, образующих концептосферу, или национальный культурный мир, позволяет с известной долей уверенности отграничивать «свое» от «чужого». А это, в свою очередь, может помочь избежать предвзятости в политических и социальных оценках и промахов в собственных высказываниях и поведении» [2].

Цель данной статьи – сравнить некоторые репрезентации концептов ЛИЧНОСТЬ и PERSÖNLICHKEIT в русской и немецкой языковых картинах мира.

М. В. Пименова дает следующую классификацию концептуальной структуры, которая, по ее мнению, формируется шестью классами признаков:

1) мотивирующим признаком слова-репрезентанта концепта;

2) понятийными признаками, объективированными в виде семантических компонентов слова-репрезентанта концепта, а также синонимами;

3) образными признаками, которые выявляются через свойства сочетаемости слова-репрезентанта концепта;

4) ценностными признаками, которые актуализируются как в виде коннотаций, так и в сочетаниях со словом-репрезентантом концепта;

5) функциональными признаками, отображающими функциональную значимость референта, скрывающегося за концептом;

6) символическими признаками, которые выражают мифологические, религиозные или иные культурные понятия, закрепленные за словом-репрезентантом концепта [3, с. 68].

Образные признаки в составе названных концептов являются очень значимыми. Они гораздо разнообразнее, чем понятийные, и расширяют структуру данного концепта. Материал для анализа образных признаков был отобран на основе метода целенаправленной выборки с помощью поисковой системы google.ru и google.de из различных русских и немецких вербальных текстов.

Самыми разнообразными у концептов ЛИЧНОСТЬ и PERSÖNLICHKEIT являются **антропоморфные признаки**. Данные концепты описываются индивидуальными и социальными признаками (личность и есть соединение индивидуального и социального). Были выделены общие признаки, присущие только человеку, которые наблюдались у данных концептов:

– «способность говорить»: Его ***личность говорила*** сама за себя, и ее оценка не требовала преувеличений; Der Körper spricht... und die ganze ***Persönlichkeit spricht mit*** (Тело говорит… и вся ***личность говорит вместе с ним*** (перевод автора));

– «способность принимать решения»: полноценную ***личность, способную самостоятельно принимать решения*;** Unsere ***Persönlichkeit entscheidet*** nicht nur darüber, für welchen Job wir uns entscheiden (наша ***личность решает*** не только то, за какую работу мы возьмемся (перевод автора));

– «способность любить»: сложная ***личность любит*** чёрное пиво «Сенатор» и обожает чёртово колесо; Die hysterische ***Persönlichkeit liebt*** die Liebe als solche (истеричная ***личность любит*** любовь как таковую (перевод автора));

– «воин»: ***личность непобедима***; ***die Persönlichkeit in dem Kampfe*** (***личность в борьбе*** (перевод автора)).

К антропоморфным индивидуальным признакам относятся:

– **гендерные признаки**: главные черты ***женской личности***; starke ***weibliche Persönlichkeiten*** (сильные ***женские личности*** (перевод автора)); мужество как идеал венчает окончательное становление мужской натуры и ***мужской личности***; prominente ***männliche Persönlichkeit*** (выдающееся **лицо мужского пола** (**мужская личность**) (перевод автора));

– **признаки волеизъявления**: ***личность требует; die Persönlichkeit fordert*** (***личность требует*** (перевод автора));

– **признаки характера**: сильная и ***властная личность***; Всякая ***благородная личность*** глубоко сознает свои кровные связи с Отечеством; Технологические и идейные основы бренда Sisley (Сисли) нашли свою цельную реализацию в новой коллекции солнцезащитных очков, претендующей стать незаменимым аксессуаром в мире ***дерзкой личности*;** Настолько отталкивающая и ***самолюбивая личность***, что хочется невольно восхититься; Миролюбивый флегматик настолько приятная, спокойная и ***кроткая личность***, что буквально каждая семья должна позаботиться о том, чтобы заполучить и себе пару-тройку флегматиков; За него болеют по настоящему легендарные и ***рассудительные личности***; Недосып превращает экстравертов в ***апатичных личностей***; Die 9 wichtigsten Angewohnheiten von ***starken Persönlichkeiten*** (9 важнейших плохих привычек ***сильных личностей*** (перевод автора)); Alle deinen Freunde lieben deine ***freche Persönlichkeit*** (все твои друзья любят твою ***дерзкую личность*** (перевод автора)); Die ***autoritäre Persönlichkeit*** wurde als ein in der Gesellschaft weit verbreiteter Sozialtypus aufgefasst (***авторитарная личность*** воспринималась как широко распространенный в обществе социальный тип (перевод автора)); die ***selbstverliebte Persönlichkeit*** (***самовлюбленная личность*** (перевод автора)); ***edelsinnige Persönlichkeit*** (***благородная личность*** (перевод автора)); die ***fromme Persönlichkeit*** (***набожная личность*** (перевод автора)); ***vernünftige Persönlichkeit*** (***благоразумная личность*** (перевод автора));

– **признаки чувств:** а вы очень ***злая личность***? und jetzt kommt eine ganz ***boshafte Persönlichkeit*** raus (а теперь выходит совсем ***злая личность*** (перевод автора)); ***личность*** эмоционально неустойчивая, ***беспокойная***; eine ***empfindliche Persönlichkeit*** (***впечатлительная личность*** (перевод автора)); ***жалкая личность*;** seine eher ***bedauernswerte Persönlichkeit*** (его ***личность*** скорее ***достойная сожаления*** (перевод автора));

– **ментальные признаки:** ***изобретательная личность***; ***erfinderische Persönlichkeit*** (***изобретательная личность*** (перевод автора)); ***умная личность***; ***kluge Persönlichkeit*** (***умная личность*** (перевод автора)); он – ***творческая личность***… вот и не знаю, что с таким творческим делать; die ***kreative, schöpferische Persönlichkeit*** (***креативная, творческая личность*** (перевод автора)).

У исследуемых концептов отмечены также и **социальные признаки:** ***свобода личности***; ***бедная личность***; ***Freiheit der Persönlichkeit*** jetzt kaufen; so unglückliche als ***ärmliche Persönlichkeit*** (купить сейчас ***свободу личности***; настолько несчастная, как и ***бедная личность*** (перевод автора)). Среди социальных признаков можно выделить:

– **этические признаки:** ***порочная личность***; eine ***lasterhafte Persönlichkeit*** (***порочная личность*** (перевод автора)); ***грубая личность***; ***grobe Persönlichkeit*** (***грубая личность*** (перевод автора));

– **интерперсональные признаки:** ***Победила личность*** учителя; ***победить личность***; die ***Persönlichkeit gewinnen*** (***победить личность*** (перевод автора)); Как ***помириться с*** ублюдочными ***личностями*** за 3 дня; ***sich*** auch ***mit seiner Persönlichkeit versöhnen*** (***помириться*** также ***со своей личностью*** (перевод автора));

– **национальные признаки:** Это была масштабная ***русская личность***; английская национальная ***личн-***

ность; известнейшие ***немецкие личности***; культ ***американской личности***; описания ***африканской личности***; die wichtigsten ***deutsche Persönlichkeiten*** seit 1949; 40 afrikanische Autoren und Autorinnen porträtieren selbst gewählte ***afrikanischen Persönlichkeiten***; Die berühmte ***russische*** Prosaistin und ***Persönlichkeit*** des öffentlichen Lebens (важнейшие ***немецкие личности*** с 1949; 40 африканских авторов пишут портреты выбранных ими ***африканских личностей***; известная ***русская*** прозаик и ***личность*** общественной жизни (перевод автора)).

В **ценностных признаках** прослеживается система ценностей народа, этические нормы, оценка. Эти признаки могут быть представлены посредством разных типов признаков – **собственно оценки**: ***оценить личность***; ***ценить личность***; Könnt ihr ***die Persönlichkeit*** eurer Kinder schon ***einschätzen***?(вы можете уже ***оценить личность*** ваших детей? (перевод автора)); ***личность оригинальная***; ***originelle Persönlichkeit*** unternehmerisch denkt (***оригинальная личность*** думает предприимчиво (перевод автора)); ***значительная личность***; ***bedeutende Persönlichkeiten*** (***значительные личности*** (перевод автора)); **денег, драгоценностей:** ***драгоценная личность***; ***wertvolle Persönlichkei*** (***драгоценная личность*** (перевод автора)); ***бесценна его личность*** для человеческой истории; eine ***kostbare Persönlichkeit*** (***бесценная личность*** (перевод автора))**.**

Под мотивирующим признаком, согласно М. В. Пименовой, понимается внутренняя форма слова, это такой признак, который послужил основанием для именования некоего фрагмента мира. В зависимости от того, когда слово появилось в языке, у соответствующего концепта может быть несколько мотивирующих признаков [3, с. 115]. «Под понятийными понимаются признаки концепта, актуализированные в словарных значениях лексемы – репрезентанта концепта – в виде семантических компонентов (сем)» [3, с. 116].

Остановимся более подробно на мотивирующих и понятийных признаках рассматриваемых нами концептов.

В словаре Ф. Клуге мы вообще не находим словарной статьи про Persönlichkeit. Как отмечает Петер Хельд, слово Persönlichkeit не поддается четкому описанию и имеет много значений. Оно переливается разными красками в своем значении и вызывает различные реакции и инициирует различные оценки. Невозможным представляется также четко дефинировать этот термин по частям. Уже в 1923 г. Курт Шнайдер, немецкий психиатр и патопсихолог, предостерегал, что понятие Persönlichkeit можно дефинировать также мало, как понятия Welt (мир), Leben (жизнь) и Seele (душа) [4, с. 1]. П. Хельд указывает, что, разбирая этимологию слова Persönlichkeit, можно увидеть, что понятие ‘Persönlichkeit’ уже в начале своей истории было использовано не однозначно. Если рассматривать английское слово ‘personality’, французское ‘personalité’ и немецкое ‘Persönlichkeit’, то можно установить родство со средневековым латинским словом ‘personalitas’. В классической латыни использовалось только слово ‘persona’. Немецкое слово Persönlichkeit – это производное слово от используемого с 13 века (средневерхненемецкий период) слова ‘person[e]’, заимствованного от латинского ‘persona’ [4, с. 3].

Вероятно, латинским словом ‘persona’ стало этрусское слово ‘phersuna’ – ‘маска’, или точнее ‘принадлежащее Персу’, богу Загробного мира [4, с. 4]. Имя Персу семантически произошло от этрусского слова ‘phersu’ – ‘персонаж в маске’. У этрусков существовали театрализованные представления, где основным действующим лицом был Персу. Целью таких представлений было облегчение душе ее загробного путешествия. Предполагаемое и соответственно часто используемое производное слово для ‘Persönlichkeit’ от латинского ‘personare’ (раздаваться) с наибольшей вероятностью не верно. Делая этот вывод, исходят из того, что античные театральные маски имели большой рот, также использовался инструмент из тростника, который служил для усиления голоса актера, который звучал сквозь маску. Первоначально ‘Persona’ обозначала маску ранней греческой драмы. Греки использовали ее уже с 400 до н. э. Около 100 до н. э. ее переняли римские актеры. Различные перспективы развития античного театра привели к многообразию значений ‘persona’. Сначала слово обозначает только конкретную маску, а потом используется в переносном значении. Оно означает также то, что немцы понимают под словом Person [4, с. 4]. Так как маска носится одним актером и в зависимости от роли может быть различна, то ‘persona’ означает то же самое, что и ‘роль’. Роль определяет соответствующий характер актера. Поэтому ‘persona’ – это то же самое, что и ‘характер’. О характере можно говорить не только у актера, каждый человек имеет характер. Таким образом, понятие ‘persona’ получает значение как понятие для определенного характера, для определенной индивидуальности, для неповторимого, совершенного определенного существа [4, с. 4].

Что касается слова Person, то оно, в свою очередь, согласно этимологическому словарю Ф. Клуге, появляется раньше и восходит к XII веку, также заимствовано от латинского persona (также: ‘характер’, ‘роль’) и означает ‘маска актера’, но происхождение это спорно [5, с. 691].

Из всего вышесказанного следует, что с самого начала в понятие «личность» (‘persona’) был включен внешний поверхностный социальный образ, который принимает человек, когда играет определенные жизненные роли, – некая «личина», общественное лицо, обращенное к окружающим. Отсюда следует, что понятие «личность», в первую очередь, связано с социальной сущностью человека. Абстрактный смысл слова ‘persona’ развился уже в древности и употреблялся в различных значениях [4, с. 6].

Согласно словарю М. Фасмера, личность в русском языке происходит от существительного лик, русск., укр. лик «изображение, икона», болг. лик «картина; цвет лица», сербохорв. ли̏к (род. п. ли̏ка) «лицо, форма, образ», словенск. lȋk «фигура, образ, изображение», чешск. líce «щека, лицо», польск. lice «щека, лицо», в.-луж., н.-луж. lico «щека» [6, с. 495].

Может показаться, что с понятием личности было связано слово лице. Но в древнерусском языке слово лице выражало более разнообразные значения. Чаще всего лице обозначало переднюю часть головы, реже одну сторону этой части, 'перед вообще или наружную, переднюю сторону предмета', 'образ, вид'; 'личину, цвет, краску', 'породу', в судебном языке – 'поличное'. Вооб-

ще же слово *лицо* до XVII – начала XVIII в. не обозначало человека вообще, индивидуума, так же как и не выражало до XIX в. значения: 'отличительные черты, индивидуальный облик, совокупность индивидуальных признаков' (*иметь, приобрести свое лицо*).

Сознанию древнерусского человека до XVII в. не было свойственно понятие об индивидуальности, об отдельном человеческом «я» как носителе социальных и субъективных признаков и свойств. Об этом свидетельствует отсутствие в древнерусской литературе таких жанров, как автобиография, повесть о самом себе, приемы портрета и т. п. Поэтому, согласно В. В. Виноградову, в древнерусском языке до XVII в. не имелось потребности в слове, которое бы хоть отдаленно соответствовало современным представлениям и понятиям о личности, индивидуальности. Древнерусское мировоззрение определяло признаки отдельного человека его отношением к богу, общине или миру, к разным слоям общества, к власти, государству и родине с иных точек зрения. Эти признаки выражались в других терминах и понятиях. Некоторые современные признаки личности, такие как обособленность, отдельность, сконцентрированность, мотивированность поступков, последовательность характера и другие, были характерны и для сознания древнерусского человека, но они были разбросаны по разным обозначениям человека (*человек, людие, людин, лице, душа, существо* и др.) [7].

Русское слово *личность* было образовано как существительное отвлеченное к имени прилагательному *личный*, обозначавшему «принадлежащий, свойственный какому-нибудь лицу». Становление и развитие этого слова относится не ранее чем ко второй половине XVII в. В русском литературном языке XVIII в. слово *личность* уже встречалось в следующих значениях:

1) личные свойства кого-нибудь, особенность, свойственная какому-нибудь лицу;

2) привязанность, пристрастие, любовь к себе, эгоизм;

3) отношение к физическому или социальному лицу;

4) личное пристрастие к кому-нибудь;

5) оскорбительный намек на какое-либо лицо [7].

В русском языке XVII и XVIII столетий признаки и представления, нашедшие выражение в слове *личность* начала XIX века, не имели подходящего выражения в каком-либо одном слове. Немного ранее в XVI–XVII вв. в русский литературный язык вошли два понятия – *персона* и *особа*. Но эти слова выражали лишь официальное положение человека, его значимость для общества и государства [7].

Европейские языки, безусловно, повлияли на развитие и становление концепта ЛИЧНОСТЬ в русском языке. Концепт «личность» в европейских языках включает следующие основные этапы развития:

– личность – человек со своими физическими и психическими особенностями, своим внутренним миром;

– личность – известный человек, деятель;

– личность – юридическое лицо.

В русское слово *личность* вошли многочисленные оттенки значений, которые развивались в разных европейских языках у большой группы слов, происходящих от латинских слов persona и individuum и от греческих *πρόσωπον* и *ἄτομον*. Несмотря на то, что русское слово *личность* имеет ярко выраженную окраску национально-русского языкового строя мысли, оно включает в себя элементы мирового и, в первую очередь, европейского понимания соответствующего круга значений и представлений о человеке и обществе, о социальной индивидуальности в ее отношении к обществу и государству. Слово *личность*, так же как и европейские слова Person, Individuum, Persönlichkeit, Individualität, personality, person, individuality, personalité, individualité и т. д., становилось термином и своеобразным лозунгом в разных общественно-политических и философских направлениях XIX и XX вв. [7].

К концу XVIII столетия все сильнее начинают осознаваться в слове *личность* такие значения, как «индивидуальные, личные свойства кого-нибудь, личное достоинство, самобытность, обнаружение личных качеств и ощущений, чувств, личная сущность» [7]. В начале XIX в. в русском языке наряду со словами для выражения представлений о личности, такими как *существо, лицо, человек, характер, создание* и некоторыми другими, полученными в наследство от русского литературного языка предшествующего столетия, употребляются также понятия, которые пришли из европейских языков: *индивидуум, индивидуальность* и калька *неделимое* (individuum, фр. individu). В начале XIX в. в русском слове *личность* сформировалось значение: «монада, по-своему, единственно ей свойственным образом воспринимающая, отражающая и создающая в себе мир» [7]. Складываются противоречия между личностным, индивидуальным, неделимым и общим, общественным. С понятием о личности начинает связываться представление о неделимости и цельности отдельного человеческого существа и о его неповторимости. В русском языке 40–50-х гг. XIX в. особенно ярко проявляются три оттенка в значении слова *личность*:

1) человеческая индивидуальность в качестве носителя отличительных, неповторимо сочетающихся духовных свойств и качеств;

2) отдельное существо, определяемое по внешним, индивидуальным приметам;

3) человек в его отношении к обществу как субъект гражданских прав и обязанностей [7].

В «Толковом словаре живого великорусского языка» Владимира Даля слово «личность» находится в подразделе словарной статьи «лицо»: «Личность же. – Лицо, самостоятельное, отдельное существо; // состояние личного. Личность его неодобрительна, он некрасивый, как человек, как отдельно взятое лицо. Дело не в личности, а в наличности. Служба с личностями несовместима, с личными отношениями служащих, с частными видами их. // Личная обида, хула, падающая прямо на лицо, оскорбленье лица; намек на человека» [8, с. 259].

В. Даль приводит в своем словаре однокоренные слова к слову «лицо», значения которых отражают внутреннюю сущность человека. Например, «личина» означает не только накладную маску (рожу, харю), но и ложный вид человека, притворство. Отсюда: «лицедейство» означает действовать под личиной, принимая на себя чужой вид; представлять какую-то личность, на игрищах, или быть самозванцем; ханжить, вообще притворяться; Лицемерить, лицемирствовать, принимать на себя личину, быть лукавым, действовать, притворяясь

кем-нибудь, вводить в заблуждение своей внешностью; притворяться смиренным, ханжить; льстить.

С. И. Ожегов дает следующее толкование слова «личность» – человек как носитель каких-н. свойств, лицо (в 3 знач.). Лицо – 3. Человек как член общества [9, с. 417–418].

В словаре Дуден находим следующее толкование: «Persönlichkeit – 1. *Gesamtheit der persönlichen (charakteristischen, individuellen) Eigenschaften eines Menschen*. 2. *Mensch mit ausgeprägter individueller Eigenart*: er ist eine starke P. 3. *jmd., der eine führende Rolle im gesellschaftlichen Leben spielt*: eine bekannte P.» [10, с. 1199]. (Личность – 1. *Совокупность личных (характерных, индивидуальных) качеств человека.* 2. *Человек с выраженными индивидуальными особенностями*: он сильная личность. 3. *тот, кто играет ведущую роль в общественной жизни*: известная личность (перевод автора)).

Слово Persönlichkeit искусственное, образованное от слова Person, и вошло в немецкий язык в поздний средневерхненемецкий период. Как уже упоминалось выше, оно означает также то, что немцы понимают под словом Person [4, с. 4]. Согласно словарю Дуден: «Person – 1. a) *Mensch als Individuum, in seiner spezifischen Eigenart als Träger eines einheitlichen, bewussten Ichs*: eine [un]bekannte P.; … seine P., die eigene P. (sich selbst) in den Vordergrund stellen; … b) (seltener) *Persönlichkeit* (1). 2. *Mensch hinsichtlich seiner äußeren, körperlichen Eigenschaften: eine männliche, weibliche P.* 3. *Figur, Gestalt in der Dichtung od. im Film*: die -en und ihre Darsteller. 4. (emotional) *Frau, Mädchen*… 5. (Sprachw.) *Form des Verbs od. Pronomens, die an die sprechende[n], an die angesprochene[n] od. an die Person[en] (1a) od. Sache[n], über die gesprochen wird, geknüpft ist* [10, с. 1197]. (Лицо – 1. a) *человек как индивидуум, в его специфической характерной особенности как носителя единого, осознанного Я*: (не)известное лицо; … ставить себя на первое место; … б) (реже) *личность* (1). 2. *человек относительно его внешних, физических качеств*: мужчина, женщина. 3. *фигура, образ в поэзии или в фильме*: лица и их исполнители. 4. (эмоц.) *женщина, девочка*… 5. (языкознан.) *форма глагола или местоимения, которая связана с говорящим или упомянутым лицом (1a) или с предметом, о котором говорят* (перевод автора)).

«Persönlichkeit – 1. личность, индивидуальность, er ist eine ~ он цельная [незаурядная] личность [индивидуальность]. 2. (высокопоставленное) лицо, деятель; führende ~en des Landes руководящие деятели страны; ~en des öffentlichen Lebens общественные деятели; ~en des kulturellen Lebens деятели культуры» [11, с. 658]. «Person – 1. персона, лицо, человек; личность; особа (б. ч. о женщине); ohne Ansehen der ~ не взирая на лица; die Familie besteht aus fünf ~en семья состоит из пяти человек; den Tisch für zwei Personen decken накрыть стол на две персоны; … in (höchst)eigener ~ собственной персоной; er ist die Liebenswürdigkeit in ~ он олицетворенная любезность; он сама любезность;… 2. юр. лицо eine juristische ~ юридическое лицо; 3. театр. действующее лицо…; 4. грамм. лицо; 5. разг. особа, тип, фрукт; eine dumme ~ дура; so eine freche ~! вот нахалка!» [11, с. 658].

У слова «личность» в русском языке нами выделены следующие синонимы: человек, лицо, особа, персона, индивид, индивидуум, индивидуальность, субъект, субчик, обличность, физиономия, морда, мордализация, мордасово, мордасы, мордень, мордоплясия, мордофиля, мордуленция, мурло, рожа, рыло, ряха, ряшка, сусалы, физика, физиомордия, физия, фотография, харя, хрюкало, моська, фигура, натура, деятель, существо, создание, примат, женщина, фрукт, малый, организм, мужчина и др.

У немецкого слова Persönlichkeit выделен следующий ряд синонимов и родственных по смыслу слов: Charakter(figure, -gestalt) (характер (характерная фигура, тип, характерный образ); Respektsperson (авторитетное лицо, уважаемый человек, человек с положением, важная персона); ganzer/abgerundeter Mensch (все существо, человек целиком); ugs.: ganzer Kerl (красавец-мужчина); Mensch (человек); Person (лицо, личность); Homo sapiens ("гомо сапиенс"; человек разумный); Erdenbürger (простой смертный, землянин); Erdenwurm (ничтожный человек, ничтожество); der Einzelne (индивидуум, отдельный человек, одиночка); Zoon politikon (существо общественное); Individuum (индивидуум); Leute (люди), Sterblicher (смертный); Staubgeborener (смертный); [menschliches] Geschöpf/Wesen, Kind/Ebenbild Gottes ((человеческое(ий)) творение/существо, ребенок/подобие бога); Krone der Schöpfung (венец творения); Halbgott (полубог); Figur (salopp) (фигура (фамильярно)); Subjekt (abwertend) (субъект (уничижительно)); Type (ugs.) (тип, типчик, чудак) (разг.); Frau (женщина); Mann (мужчина); Kind (ребенок); Mädchen (девочка); Faulenzer (лентяй); Individualität (индивидуальность); Eigenart (оригинал); Eigenheit (странный человек); Eigentümlichkeit (своеобразный человек); Wesen (существо); Format (формат); bedeutender Mensch (выдающийся человек); Hochgestellter (высокопоставленное лицо); Prominenter (важная персона, выдающаяся личность, видный деятель, авторитет, крупный специалист); Ehrenmann (человек чести); Phänomen (феномен); Besonderheit (особенный человек); Genie (гений); Genius (гений); Größe (знаменитость, величина); Kanone (видная персона, шишка); Kapazität (крупный специалист, крупная величина); Koryphäe (корифей); Könner (знаток, лучший в чем-либо) [12; 13].

Данные синонимы также имеют право быть рассмотрены в качестве репрезентантов исследуемых концептов. Их анализ позволит выявить другие своеобразные и глубинные признаки исследуемых концептов и сравнить их тождественность и различие в немецком и русском языках.

Из всего выше сказанного следует вывод о том, что концепты ЛИЧНОСТЬ и PERSÖNLICHKEIT очень важны при сравнении макроконцептов ГЕРМАНИЯ и RUSSLAND, в них кроется много смыслов представления народов этих стран о себе, о человеке в целом, как об индивидуальном, так и о социальном существе, в них закладываются те ценности, которые важны для этих народов.

Концепт ЛИЧНОСТЬ представлен следующими мотивирующими признаками «лик», икона». Следовательно, только бог сначала представлялся в сознании носителей русского языка как личность – абсолютная личность. В немецкой языковой картине мира мотивирующими признаками концепта PERSÖNLICHKEIT являются «маска», «роль», «характер». Понятийные признаки названных концептов во многом совпадают, так как на формирование русского концепта ЛИЧНОСТЬ во мно-

гом оказали влияние европейские языки. К понятийным признакам данных концептов относятся:

1. «Отдельный человек», «я», «человеческая индивидуальность» как носитель своеобразных социальных и субъективных признаков и свойств.

2. Человек с точки зрения черт его характера, поведения, общественного положения.

3. Человек как субъект права, гражданское лицо.

Личность есть соединение индивидуального и социального. В группе образных признаков большое количество представлено антропоморфными признаками, среди которых наибольшую значимость для исследования представляют признаки характера, ценностные и социальные признаки.

Литература

1. Розенберг Н. В. Архитектоника «успеха» в культуре: автореф. дис. … канд. филос. наук. Тамбов, 2001. 16 с.
2. Межкультурная коммуникация: учебное пособие / Издатели серии В. Г. Зусман, А. А. Фролов. Н. Новгород: ДЕКОМ, 1997. Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/m_komm/index.php (дата обращения: 01.05.2015).
3. Пименова М. В., Кондратьева О. Н. Концептуальные исследования. Введение: учеб. пособие. М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. 176 с.
4. Held P. Der Begriff Persönlichkeit. Darmstadt, 2007. Режим доступа: http://www.institut-waldspirale.de/alt/down/Institutsschrift-15.pdf (дата обращения: 01.05.2015).
5. Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Bearb. von Elmar Seebold, 24., durchges. und erw. Aufl. Berlin; New York: de Gruyter, 2002. 1023 s.
6. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 2: Е – Муж / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1986. 672 с.
7. Виноградов В. В. Из истории слова «личность» в русском языке до середины XIX в. // Виноградов В. В. История слов. М.: Толк, 1994. Режим доступа: http://wordhist.narod.ru/lichnost.html (дата обращения: 01.05.2015).
8. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 2: И – О. М.: Терра, 1995. 785 с.
9. Ожегов С. И. Словарь русского языка: Ок. 53000 слов / под общ. ред. проф. Л. И. Скворцова. 24-е изд., испр. М.: ОНИКС 21 век; Мир и Образование, 2004. 1198, [1] с.
10. Duden, Deutsches Universalwörterbuch. 5., überarbeitete Auflage, Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverl., 2003. 1892 s.
11. Немецко-русский (основной) словарь: Ок. 95000 слов. М.: Рус. яз., 1992. 1040 с.
12. Duden, Sinn-und sachverwandte Wörter: Synonymwörterbuch der deutschen Sprache / hrsg. und bearb. von Wolfgang Müller. Nach den Regeln der neuen deutschen Rechtschreibung überab. Neudr. der 2. Aufl. Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverl., 1997 (Der Duden; Bd. 8). 858 s.
13. Synonymwörterbuch. Sinnverwandte Wörter. Völlig neu bearbeitet. Bertelsmann Lexikon Verlag, Gütersloh. München, 2001. 711 s.

FEATURES OF THE CONCEPTS *PERSONALITY* AND *PERSÖNLICHKEIT* AS PARTS OF THE MACROCONCEPTS *RUSSIA AND DEUTSCHLAND*

Julia N. Tochilina [1, @]

[1] *Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000*
[@] totschilina-juli@mail.ru

Received 25.07.2016.
Accepted 10.02.2017.

Keywords: concept, features of concept, Russia, Germany, personality, person.

Abstract: Conceptual studies are an intensively developing area of research nowadays. They are aimed at considering such fundamental problems as structures of representation of knowledge about the world and ways of the conceptual organization of knowledge in the language. The central term in research of a linguistic world-image is the concept, which draws attention of research workers in various areas of science. The current paper features the PERSONALITY (PERSÖNLICHKEIT) concept, which is significant for both Russian and German cultures, and some of its characteristics.

The author describes the features of the word's inner form and conceptual features of these concepts. The main group among the image features is represented by anthropomorphic characteristics, where character, social and valuable features are significant for the research.

The paper includes a number of synonyms of words representing the concepts under discussion, which provides an aggregate structure of these concepts.

For citation: Tochilina Ju. N. Priznaki kontseptov Lichnost' i Persönlichkeit kak sostavliaiushchikh makrokontseptov Rossiia i Deutschland (Germaniia) [Features of the Concepts *Personality* and *Persönlichkeit* as a Parts of the Macroconcepts *Russia and Deutschland*]. *Bulletin of Kemerovo State University,* no. 3 (2017): 210–216. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-3-210-216.

References

1. Rozenberg N. V. *Arkhitektonika uspekha v kul'ture.* Avtoref. diss. kand. filos. nauk [Success architectonics in the culture. Cand. philos. Sci. Diss. Abstr.]. Tambov, 2001, 16.
2. *Mezhkulturnaia kommunikatsiia* [Cross-cultural communication]. The publishers series Zusman V. G., Frolov A. A. N. Novgorod: DEKOM, 1997. Available at: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/m_komm/index.php (accessed 01.05.2015).
3. Pimenova M. V., Kondrat'eva O. N. *Kontseptual'nye issledovaniia. Vvedenie* [Conceptual Researches. Introdaction]. Moscow: Flinta: Nauka, 2011, 176.
4. Held P. *Der Begriff Persönlichkeit.* Darmstadt, 2007. Available at: http://www.institut-waldspirale.de/alt/-down/Institutsschrift-15.pdf (accessed 01.05.2015).
5. Kluge F. *Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache*. Bearb. von Elmar Seebold, 24., durchges. und erw. Aufl. Berlin; New York: de Gruyter, 2002, 1023.
6. Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka. T. 2. E – Muzh* [Etymological dictionary of the Russian language. Vol. 2. E – Husband]. 2nd ed. Transl. Trubachev O. N. Moscow: Progress, 1986, 495.
7. Vinogradov V. V. *Istoriia slov* [History of words]. Moscow: Tolk, 1994. Available at: http://wordhist.-narod.ru/lichnost.html (accessed 01.05.2015).
8. Dal' V. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka* [The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Moscow: Terra, vol. 2 (1995): 785.
9. Ozhegov S. I. *Slovar' russkogo iazyka: Ok. 53000 slov* [Dictionary of Russian Language: about 53000 words]. Ed. Skvortsov L. I. 24th ed. Moscow: ONIKS 21 vek: Mir i Obrazovanie, 2004, 1198, [1].
10. *Duden, Deutsches Universalwörterbuch*. 5., überarbeitete Auflage, Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverl., 2003, 1892.
11. *Nemetsko-russkii (osnovnoi) slovar': Ok. 95000 slov* [German-Russian (basic) dictionary: about 95000 words]. Moscow: Russkii iazyk, 1992, 1040.
12. *Duden, Sinn-und sachverwandte Wörter: Synonymwörterbuch der deutschen Sprache* / hrsg. und bearb. von Wolfgang Müller. Nach den Regeln der neuen deutschen Rechtschreibung überab. Neudr. der 2. Aufl. Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverl., 1997 (Der Duden; Bd. 8), 85.
13. *Synonymwörterbuch. Sinnverwandte Wörter.* Völlig neu bearbeitet. Bertelsmann Lexikon Verlag, Gütersloh. München, 2001, 711.

УДК 81.42

ФОРМЫ ОБРАЩЕНИЯ И ВОКАТИВНЫЕ ФУНКЦИИ ИМЕН НАРИЦАТЕЛЬНЫХ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)

Юй Исин [1, @]

[1] *Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Россия, 119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1*
[@] *yyx-diana@yandex.ru*

Поступила в редакцию 30.05.2017.
Принята к печати 17.08.2017.

Ключевые слова: обращение, имена нарицательные, вокативные функции, жанровая закрепленность, вокативный потенциал, коммуникативные взаимоотношения.

Аннотация: В статье рассматривается жанровая закрепленность разнообразных единиц обращения. Особое внимание уделено изучению форм обращения и их вокативных функций в жанрах художественной литературы. На основе применения метода структурного и компонентного анализа форм обращения выявляются две основные функции вариантов обращения в художественной литературе – звательная функция и фатическая, осложненная эмоционально-экспрессивными и аксиологическими компонентами. В результате анализа оказалось, что реализация вокативного потенциала имен нарицательных во многом зависит от их семантических параметров. В рассмотренных художественных произведениях большим вокативным потенциалом обладают те нарицательные имена, за которыми стоят «статусные» роли их референта, проявляющие себя в социальной или родственной иерархии, по которым они противопоставляются семантически смежным с ними. Вместе с тем слова с положительной оценкой легко выступают в роли обращений, поддерживающих уже начатую коммуникацию, а реляционные слова являются важным вокативным средством в силу их сильной идентифицирующей функции и одновременно возможности играть роль средства для поддержания коммуникации. Раскрываются социальные и коммуникативные взаимоотношения людей в ситуациях, где следует соблюдать «социальную дистанцию» и придерживаться «принципа вежливости» и «принципа кооперации».

Для цитирования: Юй Исин. Формы обращения и вокативные функции имен нарицательных (на материале текстов художественной литературы) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 3. С. 217–222. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-3-217-222.

Под термином «обращение», обозначающим важное грамматическое средство организации направленности речи, понимается вокатив, иначе говоря, звательный падеж. Звательный падеж, наименование которого происходит от латинского слова «vocativus», употребляют для того, чтобы идентифицировать лицо (объект), которому адресовано обращение.

В древнерусском языке звательные формы отмечаются в памятниках письменности: *братие и дружино*! («Слово о полку Игореве»). Тем не менее «приблизительно в XIV–XV вв. звательная форма была утрачена» [1, с. 287]. В качестве звательной формы, или обращения, теперь употребляется форма именительного падежа. Примечателен тот факт, что «русский язык развил и своеобразную новую звательную форму, представляющую собой нечто вроде усеченного именительного падежа»: *мам!*, *Кол'!*, *пап!*, *Ван'!* и т. д. В. В. Иванов отмечает, что «подобные факты никак не связаны в своем происхождении с древнерусской звательной формой и являются новообразованиями, возникшими в живой русской речи относительно позднего исторического времени» [1, с. 287].

В коммуникативном пространстве русской культуры в сфере обращения широко представлены не только личные имена (онимы) в их общепринятых вариантах (имя, имя-отчество, отчество, фамилия в их сочетаниях, а также уменьшительно-ласкательные разновидности официального, паспортного имени человека), но и имена существительные нарицательные, имена прилагательные, а также междометия (например, *голубчик*, *дорогой*, *эй*). При этом большая часть русских обращений эмоционально окрашена, вследствие чего их выбор и употребление должны коррелировать и со статусом собеседника (его возрастом, полом, социальным положением), и с характером речевой ситуации. Вместе с тем многие формы обращения закрепились за определенными жанрами, что позволяет исследовать их в связи как со стилистической дифференциацией лексико-семантического уровня языка, так и с функциональной дифференциацией речи по существующим сферам культуры (функциональные стили, речевые жанры).

В процессе развития литературного языка сформировались различные речевые жанры (устойчивые типы совмещения стилистически маркированной лексики в речи), в том числе присутствуют не только литературные, публицистические, научные, деловые, но и типы устного диалога – семейно-бытового, салонного, фамильярного, общественно-политического, философского и т. д. Речевые жанры в качестве объекта исследования устной и письменной речи изучены довольно подробно (М. М. Бахтин, В. В. Дементьев, К. Ф. Седов, А. Д. Шмелев, Н. Б. Степанова, Н. А. Минаева) [2–7]. В соответствии с концепцией речевых жанров М. М. Бахтина «всякое высказывание <...> может отра-

зить индивидуальность говорящего, то есть обладать индивидуальным стилем» [2, с. 240]. Тем не менее «не все жанры одинаково благоприятны для отражения индивидуальности говорящего в языке высказывания. Наименее благоприятные условия для отражения индивидуальности в языке присущи тем речевым жанрам, которые требуют стандартной формы», а «наиболее благоприятны жанры художественной литературы» [2, с. 241]. В качестве примера приведем контекст из романа «Война и мир»: «*Что вы, милая, – сказала она сердито девушке, которая заставила себя ждать несколько минут. – Не хотите служить, что ли? Так я вам найду место. Графиня была расстроена горем и унизительною бедностью своей подруги и поэтому была не в духе, что выражалось у нее всегда наименованием горничной «милая» и «вы»*».

«В хорошей речи должно быть строгое соответствие жанру. При выборе речевого жанра необходимо учитывать ситуацию общения, коммуникативную цель, характер коммуникации, сферу речевого общения, адресованность» [8, с. 165]. Пьеса является особым жанром художественных текстов, поскольку она состоит из реплик различных персонажей и разных ситуаций, что в ярком виде отражает диалогичность, в которой проявляет себя «смена речевых субъектов» (смена говорящих), «специфическая завершенность» и «отношение к самому говорящему (автору высказывания) и к другим участникам речевого общения» [2, с. 249, 255, 263]. Как отмечает М. М. Бахтин, «диалог по своей простоте и четкости – классическая форма речевого общения. Каждая реплика, как бы она ни была коротка и обрывиста, обладает специфической завершенностью, выражая некоторую позицию говорящего, на которую можно ответить, в отношении которой можно занять ответную позицию» [2, с. 250].

Надо отметить, что разнообразные формы русского обращения могут быть сгруппированы по их жанровой закрепленности. В публицистических, деловых и научных жанрах обычно употребляется форма «имя-отчество», соответствующая паспортной идентификации человека, а также апеллятивы *господин*/*госпожа*, *дамы* и *господа*, *гражданин*/*гражданка* (чаще в правовой среде), *коллеги*, которые нередко стоят в сочетании с прилагательным *уважаемый*, *друзья* (часто с притяжательным местоимением *мой*), что обусловлено официальностью речевой ситуации, определяющей значительную социальную дистанцию коммуникантов по причине их разного социального статуса либо возраста (иногда эти параметры связаны).

А в бытовых речевых жанрах форма «имя-отчество» применяется как знак особо уважительного отношения говорящего к собеседнику, а также в тех случаях, когда люди мало знакомы друг с другом. Кроме того, в бытовой речи часто используются уменьшительно-ласкательные формы личных имен (*Андрюша*, *Люсенька*), указывая на отсутствие дистанции в отношениях между говорящим и слушающим. Внимания заслуживает широкое употребление в обыденном речевом общении и многочисленных имен нарицательных, одни из которых имеют очевидный стилистически сниженный оттенок, например, *парень*, *малый*, *дружок*, *приятель*, *юноша*, *мужик*, *старик* и т. д., другие в большей степени акцентируют эмоциональную окрашенность типа умиления, ласки, близости, симпатии, любви: *сердечко*, *крошка*, *радость*, *жемчужина*, *рыба* и др. Вместе с тем в бытовом речевом общении такие достаточно употребительные в составе обращения прилагательные, как *дорогой*, *милый*, *любимый*, прибавляют к обращению теплый, сердечный оттенок.

В обращениях, использованных в художественных произведениях, наличествует «индивидуальное творчество», под которым понимается и наполнение формы слова (его означающего) иным содержанием, и создание образа, и переосмысление общепринятого сочетания слов. Как отмечает Л. О. Чернейко, «выбор говорящим при обращении к другому лицу или при его идентификации определенной формы личного имени оказывается значимым в случае несоответствия формы стандартным условиям ее применения» [9, с. 25].

В русском языке особую смысловую нагрузку несет использование в официальной речи неофициальных форм: *Пришлите же мне ваши книжки, непременно с автографом. Только не пишите «многоуважаемой», а просто так: «**Марье**, родства не помнящей, неизвестно для чего живущей на этом свете»* («Чайка»); и, наоборот, использование в неофициальной речи официальных форм: *Мне ничего не нужно, но меня возмущает несправедливость. Ступай, **Федор**!* («Три сестры»). В первом случае фамильярный вариант личного имени свидетельствует о желании сокращения социальной дистанции между говорящим и собеседником. А во втором случае говорящий прибегает к «приему речевого отчуждения» [10, с. 159]: полная форма личного имени говорит об эмоциональном состоянии говорящего – возмущении и холодном отношении жены к мужу.

Из всего многообразия форм русского обращения особенно выделяется (как недостаточно изученная) вокативная функция имен нарицательных, обозначающих лицо. Т. Е. Янко предлагает следующую классификацию имен лиц и других нарицательных имен на основании их вокативного потенциала по возрастанию [11, с. 239]: 1) имена таксономических классов людей, которые можно назвать именами-«таксонами» (*узбек, студент*); 2) оценочные имена (*предатель, сумасброд*); 3) ролевые имена (*докладчик, свидетельница*); 4) реляционные имена (*шеф, земляк*); 5) онимы (*Вася*, *Василий*). Вместе с тем Т. Е. Янко выделяет два фактора, определяющих вокативный потенциал слова, – социолингвистические традиции (в том числе «категорию вежливости») использования слов: *доктор*, *врач*, *таксист*, *водитель*, *гость*, *сосед*, *зритель*, *пассажир* и др. и собственно семантические признаки «хороших» обращений: *доктор*, *водитель* и «плохих» обращений: *врач*, *таксист*, *гость*, *сосед* и *зритель*, *пассажир* без прилагательных [12, с. 574 – 575]. В рассмотренных пьесах А. П. Чехова («Чайка», «Три сестры», «Дядя Ваня», «Иванов») и в романе Л. Н. Толстого «Война и мир» в функции вокатива выступают в основном имена трех классов – это оценки, релятивы и онимы.

Т. Г. Винокур предложил оппозицию двух полярных речевых замыслов – «информатики» и «фатики». «Информатика» понимается как вступление в общение, имеющее целью «сообщение» чего-либо, тогда как «фатика» понимается как вступление в общение, имеющее

целью предпочтительно само «общение» [13, с. 5–6]. «Фатическое общение – это прежде всего диалоговое, контактное общение. Чрезвычайно важными оказываются вход и выход из такого разговора» [14, с. 143]. Выделяя праздно-речевые жанры как варианты фатической коммуникации, Н. Д. Арутюнова отмечает, что «праздно-речевая деятельность не имеет непосредственной цели, но очень важна как регулятор психического состояния людей, их взаимоотношений; она развивает художественные задатки, тренирует интеллектуальные способности» [15, с. 55].

Важно отметить, что имя нарицательное может совмещать две функции обращения – апеллятивную (собственно «звательную») и эмоционально-экспрессивную, которую можно считать разновидностью «фатической» как контактоустанавливающую и контактоподдерживающую. В исследовании и моделировании коммуникативных стратегий А. П. Чехова А. Д. Степанов выделяет две коммуникативные цели фатики: первая из них – это «общение ради общения, обмен словами, который способствует общности людей и не преследует иных, практических целей» [16, с. 292]. Вместе с тем «*общение* может способствовать либо улучшению, либо поддержанию, либо ухудшению отношений собеседников» [16, с. 292]. Вторая цель – это «установить, а затем либо продлить, либо прервать общение, то есть проверить, работает ли канал связи, а также для того, чтобы привлечь внимание собеседника и удержать его в случае надобности» [17, с. 201].

В обращении, представляющем собой важный элемент стратегий речевого поведения, выполняющих фатическую задачу высказывания, «коннотативный план коммуникативно-стилистического характера способен выступить как абсолютная ценность» [13, с. 6]. Как отмечает Т. Е. Янко, стандартным средством образования вокатива с выражением чувств говорящего по отношению к слушающему является присоединение местоимения *мой* к лексемам со значением свойства [11]. Приведем примеры из пьес А. П. Чехова: *Вас бы проводил кто-нибудь,* ***моя крошка*** («Чайка»); *Я посидел бы теперь в Москве у Тестова или в Большом Московском,* ***голубчик мой*** («Три сестры»); *Не ходите,* ***дуся моя*** («Три сестры»).

По наблюдениям В. И. Супруна, «в качестве вокатива могут употребляться практически все прилагательные с положительной семантикой» [18, с. 51]. Они широко представлены в пьесах А. П. Чехова, например: ***Родная моя***, ***золотая моя***, *я тружусь, я работаю…* («Три сестры»); *Вот и видишь, я одна умею ценить тебя; одна говорю тебе правду,* ***мой милый***, ***чудный*** («Чайка»). Аналогом вокативной формы признается и метафорическое употребление абстрактных существительных или конкретных в их переносных значениях: *Что, девочка моя,* ***радость моя****?* («Три сестры»); *Здравствуй,* ***душа моя****. Что скажешь?* («Три сестры»); *Пойдем,* ***светик****…* («Дядя Ваня»); *Ну, дорогая моя,* ***роскошь****, будьте умницей!* («Дядя Ваня»); ***Сокровище мое***, ***отчаянная голова****, ты хочешь безумствовать, но я не хочу, не пущу…* («Чайка»).

Важно отметить, что применение существительных в метафорическом значении легло в основу формирования различных ников и прозвищ: ***Вафля****, играй!* («Дядя Ваня»); *Ну что,* ***казак мой****?* (Марья Дмитриевна «казаком» называла Наташу) («Война и мир»). Слово *ник* заимствовано из английского языка и включается в синонимический ряд с такими исконно русскими словами, как *кличка* и *прозвище*. Можно обнаружить, что ник часто является производным вариантом собственного имени или фамилии, имени мифических персонажей, предметов или животных, имеет символическое образное значение и отражает вкус и настроение именующего. Кроме того, местоимение *мой* присоединяется и к именованиям флоры и фауны: ***Птица моя белая****...* («Три сестры»). Существует и такой случай, когда применяется комплекс обращений, состоящий из нескольких форм обращения вышесказанных типов в связи с высокой степенью экспрессивности: *Нет,* ***душенька***, ***голубчик***, ***милая***, ***персик****, я не отстану и я знаю, что вы знаете* («Война и мир»).

По замечанию Л. О. Чернейко, «вербальные оценки являются результатом социального взаимодействия людей и основаны на общности межличностного опыта» [19, с. 42]. Аксиологическая лексика включает оценку типа личности (*крохобор*, *гуляка*), ее поведения (*канючить*, *мямлить*), результатов деятельности (*халтура*, *мазня*), социальных контактов (*грызня*, *бойня*), ситуаций (*показуха*, *беспредел*) [19, с. 42]. Можно заметить, что в роли обращения нередко используются оценочные лексемы, в которых представлено впечатление говорящего от поведения, состояния или личности собеседника, содержится эмоционально-оценочное отношение говорящего к адресату и отражаются взаимоотношения говорящего и слушающего. В данном случае обращение представляет собой и словесную ответную реакцию говорящего по отношению к адресату: ***Чудачка****, и я заплакала…* («Дядя Ваня»); *Не горюй,* ***сиротка****…* («Дядя Ваня»); *Ты,* ***бедняжка****, устала!* («Три сестры»); *Ну, пойдем,* ***старик злосчастный*** («Чайка»).

Следует отметить, что слова с положительной оценкой легко выступают в роли обращений, поддерживающих уже начатую коммуникацию: говорящий хвалит слушающего, умиляется или восхищается им. Слова негативной (пейоративной) оценки, занимая позицию обращения, превращаются в ругательства, оскорбления и тем более приводят к нарушению «принципа вежливости» и «принципа кооперации»: *Снимай,* ***болван****!* («Война и мир»), особенно это касается стилистически сниженных названий национальности, например: *Молчи,* ***жидовка****!* («Иванов»). Но поскольку ни положительные, ни отрицательные оценочные имена не обладают идентифицирующей функцией, они и не выполняют призывную функцию, логически главную для идентификации адресата и инициирующую контакт.

Реляционные слова также являются важным вокативным средством в силу их сильной идентифицирующей функции и одновременно возможности играть роль средства для поддержания коммуникации. Данный класс слов отражает социальную стратификацию, возрастную или родственную иерархию, а потому служит богатым источником устойчивых (закрепившихся в культуре) обращений. Приведем следующие примеры: *А я,* ***брат****, люблю литераторов* («Чайка»); *Ирина, нельзя так,* ***матушка****, обращаться с молодым самолюбием* («Чайка»); *Я сам,* ***ваше превосходительство****, что-то*

не совсем здоров («Дядя Ваня»); *Что, **батюшка**? Больно?* («Дядя Ваня»); *Нет, **дружок**, вам с своими генералами против Бонапарте не обойтись...* («Война и мир»); *Я против вас, **барон**, никогда ничего не имел* («Три сестры»); *Эй! **Землячки**! Держись влево, постой!* («Война и мир»). Следует отметить, что имена родственных отношений легко соединяются с диминутивами, что придает соответствующему обращению дополнительный стилистический оттенок: *папаша*, *бабуля*, *братец*, *дружок*, *начальничек*. При этом «первичное родственное или другое значение, как правило, выветривается» [11, с.253].

По мнению Т. Е. Янко, «обозначения высокого места в социальной иерархии вследствие того, что говорящий по политесным соображениям склонен позиционировать слушающего как старшего, могут пополнить класс этикетных обращений» [12, с. 575] (ср. такие имена, как *господин*, *батюшка*, *государь*, *шеф*, *начальник*, *командир*). В художественных произведениях XIX в. в функции вокатива часто встречаются названия лиц по профессии – имена *доктор*, *генерал* и *полковник*: *Прощайте, доктор. Благодарю…* («Чайка»); *Возьмите, полковник. Когда-нибудь прочтете от скуки* («Три сестры»); *Помилуйте, генерал, да смею ли я!* («Война и мир»). Понятие, стоящее за именем *доктор* в отличие от понятия *врач*, предполагает не только умение лечить людей, но и положение доктора в обществе как ученого человека. Вместе с тем понятия *полковник* и *генерал* отличаются от понятия *солдат* тем, что полковник и генерал в сравнении с рядовыми занимают более высокий статус в армии и, в силу этого, пользуются большим почтением. Вот почему слова *доктор*, *генерал* и *полковник* – стандартные обращения, а слова *врач*, *солдат* и *боец* использовать в качестве обращения не принято.

Из анализа рассмотренного материала вытекает следующий вывод: формы обращения (вокатива) варьируются в зависимости не только от характера коммуникативной ситуации, статуса говорящего и адресата в социальной или родственной иерархии, но и от их жанровой закрепленности (маркированности). Кроме того, способность имени нарицательного использоваться в функции обращения, т. е. при реализации его вокативного потенциала, во многом зависит от его семантических параметров. В рассмотренных художественных произведениях большим вокативным потенциалом обладают те нарицательные имена, за которыми стоят «статусные» роли их референта, по которым они противопоставляются семантически смежным с ними. На формирование обращения влияют прагматические условия общения, например, пространственная, психологическая и социальная дистанция между коммуникантами. Обращения выполняют звательную функцию, а также фатическую (контактоустанавливающую), осложненную эмоционально-экспрессивными и аксиологическими «добавками» – отношением говорящего к адресату, которое преобладает и ярко отражается в пьесах А. П. Чехова и в романе Л. Н. Толстого. Это дает словам художников яркие краски в прорисовке взаимоотношений персонажей. Так характеризуются социальные и коммуникативные взаимоотношения людей в ситуациях, где надо общаться, учитывая как «социальную дистанцию», так и «принцип вежливости» как частный случай «принципа кооперации».

Литература

1. Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка: учебное пособие для студентов вузов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Просвещение, 1983. 399 с.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.
3. Дементьев В. В. Фатические и информативные коммуникативные замыслы и коммуникативные интенции: проблемы коммуникативной компетенции и типология речевых жанров // Жанры речи. 1997. Вып. 1. С. 34–44.
4. Седов К. Ф. О жанровой природе дискурсивного мышления языковой личности // Жанры речи. 1999. Вып. 2. С. 13–26.
5. Шмелев А. Д. Русские речевые жанры извне и извнутри // Речевые жанры современного общения: тезисы докладов международной конференции: Одиннадцатые Шмелевские чтения (23–25 февраля 2015). Москва, 2015. С. 162–164.
6. Степанова Н. Б. Жанровое мышление носителей русского языка (на материале ассоциатов имен праздноречевых жанров) // Речевые жанры современного общения: тезисы докладов международной конференции: Одиннадцатые Шмелевские чтения (23–25 февраля 2015). Москва, 2015. С. 140–143.
7. Минаева Н. А. Дискурсивные особенности речевого жанра // Языковая личность. Речевые жанры: сборник научных статей / под ред. И. В. Голубевой. Таганрог: Таганрогский ин-т им. А. П. Чехова Ростовского гос. экономического ун-та (РИНХ), 2015. С. 52–56.
8. Захарова Е. П. Коммуникативные категории и нормы // Хорошая речь / под ред. М. Л. Кормилицыной и О. Б. Сиротининой. М.: ЛИБРОКОМ, 2015. С. 163–179.
9. Чернейко Л. О. Имя собственное как результат индивидуального творчества и как объект авторского права // Изобретательство. 2002. № 8. С. 23–25.
10. Байкулова А. Н. Семейная беседа // Хорошая речь / под ред. М. Л. Кормилицыной и О. Б. Сиротининой. М.: ЛИБРОКОМ, 2015. С. 151–163.
11. Янко Т. Е. Лексическая семантика обращений: семантические особенности русских антропонимов и других имен, обозначающих людей // Язык и речевая деятельность. 2011. Т. 11. С. 239–255.
12. Янко Т. Е. Русские обращения: словарная информация и вокативные конструкции // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». 2009. С. 574–580.
13. Винокур Т. Г. Информативная и фатическая речь как обнаружение разных коммуникативных намерений

говорящего и слушающего // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М.: Наука, 1993. С. 5–29.

14. Милёхина Т. А. Светская беседа // Хорошая речь / под ред. М. Л. Кормилицыной и О. Б. Сиротининой. М.: ЛИБРОКОМ, 2015. С. 131–151.

15. Арутюнова Н. Д. Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис. М.: Наука, 1992. 281 с.

16. Степанов А. Д. Проблемы коммуникации у Чехова. М.: Языки славянской культуры, 2005. 400 с.

17. Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика // Структурализм – «за» и «против». М.: Прогресс, 1975. С. 193–230.

18. Супрун В. И. Особенности использования вокативных единиц в современном русском языке // Грани познания. 2010. № 5(10). С. 47–52.

19. Чернейко Л. О. Порождение и восприятие межличностных оценок // Филологические науки. 1996. № 6. С. 42–53.

FORMS OF ADDRESS AND VOCATIVE FUNCTIONS OF COMMON NOUNS IN FICTION

Yu Yixing [1, @]

[1] *Moscow State University of M. V. Lomonosov, 1, Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991*
[@] yyx-diana@yandex.ru

Received 30.05.2017.
Accepted 17.08.2017.

Keywords: address, common nouns, vocative functions, genre fixation, vocative potential, communicative relationships.

Abstract: The article considers the genre fixation of various units of address. It focuses on the forms of address and their vocative functions in the genres of literature. According to the application of the methods of structural and component analysis, two main functions of the variants of salutation in literature are revealed: calling and phatic functions. The phatic function in terms of emotional-expressive and axiological components presents another level of complexity. As a result of the analysis, it turned out that the realization of the vocative potential of common nouns depends on their semantic parameters, to a certain extent. In the considered literature works a greater vocative potential belongs to the nominal names with the "status" roles of their referent that manifest themselves in the social or related hierarchy, according to which they are opposed to those nouns, which are semantically adjacent to them. At the same time, words with positive evaluation are likely to act as salutations supporting an act of communication that has already started; as for relational words, they represent important vocative means, due to their strong identifying function as well as their ability to maintain communication. The article features social and communicative relationships in situations, where it is necessary to observe the “social distance” and adhere to the “principle of courtesy” and the “principle of cooperation”.

For citation: Yu Yixing. Formy obrashcheniia i vokativnye funktsii imen naritsatel'nykh (na materiale tekstov khudozhestvennoi literatury) [Forms of Address and Vocative Functions of Common Nouns in Fiction]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2017): 217–222. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-3-217-222.

References

1. Ivanov V. V. *Istoricheskaia grammatika russkogo iazyka* [Historical grammar of the russian language]. 2nd ed. Moscow: Prosveshchenie, 1983, 399.

2. Bakhtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow: Iskusstvo, 1979, 424.

3. Dement'ev V. V. Faticheskie i informativnye kommunikativnye zamysly i kommunikativnye intentsii: problemy kommunikativnoi kompetentsii i tipologiia rechevykh zhanrov [Fatic and informative communicative ideas and communicative intentions: problems of communicative competence and typology of speech genres]. *Zhanry rechi = Speech genres*, Iss. 1 (1997): 34–44.

4. Sedov K. F. O zhanrovoi prirode diskursivnogo myshleniia iazykovoi lichnosti [On the genre nature of the discursive thinking of the language personality]. *Zhanry rechi = Speech genres*, Iss. 2 (1999): 13–26.

5. Shmelev A. D. Russkie rechevye zhanry izvne i izvnutri [Russian speech genres from outside and from within]. *Rechevye zhanry sovremennogo obshcheniia: tezisy dokladov mezhdunarodnoi konferentsii: Odinnadtsatye Shmelevskie chteniia (23–25 fevralia 2015)* [Speech genres of modern communication: Proc. Intern. Conf: Eleventh Shmelevskie readings (February 23–25 2015)]. Moscow. 2015, 162–164.

6. Stepanova N. B. Zhanrovoe myshlenie nositelei russkogo iazyka (na materiale assotsiatov imen prazdnorechevykh zhanrov) [Genre thinking of native speakers of Russian language (on the material of associates of names of idle genres)]. *Rechevye zhanry sovremennogo obshcheniia: tezisy dokladov mezhdunarodnoi konferentsii: Odinnadtsatye Shmelevskie*

chteniia (23–25 fevralia 2015) [Speech genres of modern communication: Proc. Intern. Conf: Eleventh Shmelevskie readings (February 23–25 2015)]. Moscow, 2015, 140–143.

7. Minaeva N. A. *Diskursivnye osobennosti rechevogo zhanra* [Discourse features of the speech genre]. *Iazykovaia lichnost'. Rechevye zhanry* [Language personality. Speech genres]. Ed. I. V. Golubeva. Taganrog: Taganrogskii in-t im. A. P. Chekhova Rostovskogo gos. ekonomicheskogo un-ta (RINKh), 2015, 52–56.

8. Zakharova E. P. Kommunikativnye kategorii i normy [Communicative categories and norms]. *Khoroshaia rech'* [Good speech]. Moscow: LIBROKOM, 2015, 163–179.

9. Cherneiko L. O. Imia sobstvennoe kak rezul'tat individual'nogo tvorchestva i kak ob"ekt avtorskogo prava [The personal name as a result of individual creativity and as an object of author's right]. *Izobretatel'stvo = Invention*, no. 8 (2002): 23–25.

10. Baikulova A. N. Semeinaia beseda [Family conversation]. *Khoroshaia rech'* [Good speech]. Moscow: LIBROKOM, 2015, 151–163.

11. Ianko T. E. Leksicheskaia semantika obrashchenii: semanticheskie osobennosti russkikh antroponimov i drugikh imen, oboznachaiushchikh liudei [Lexical semantics of salutation: semantic features of Russian anthroponyms and other names denoting people]. *Iazyk i rechevaia deiatel'nost' = Language and Speech Activity*, vol. 11 (2011): 239–255.

12. Ianko T. E. Russkie obrashcheniia: slovarnaia informatsiia i vokativnye konstruktsii [Russian salutations: dictionary information and vocative constructions]. *Komp'iuternaia lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog»* [Computer linguistics and intellectual technologies based on the materials of the annual International Conference «Dialogue»]. Moscow, 2009, 574–580.

13. Vinokur T. G. Informativnaia i faticheskaia rech' kak obnaruzhenie raznykh kommunikativnykh namerenii govoriashchego i slushaiushchego [Informative and phatic speech as the discovery of different communicative intentions of the speaker and listener] *Russkii iazyk v ego funktsionirovanii. Kommunikativno-pragmaticheskii aspekt* [The Russian Language in its Functioning. Communicative-pragmatic aspect]. Moscow: Nauka, 1993, 5–29.

14. Milekhina T. A. Svetskaia beseda [Secular talk]. *Khoroshaia rech'* [Good speech]. Moscow: LIBROKOM, 2015, 131–151.

15. Arutiunova N. D. *Chelovecheskii faktor v iazyke: Kommunikatsiia, modal'nost', deiksis* [The human factor in the language: Communication, modality, deixis]. Moscow: Nauka, 1992, 281.

16. Stepanov A. D. *Problemy kommunikatsii u Chekhova* [Problems of communication in works of Chekhov]. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2005, 400.

17. Iakobson R. O Lingvistika i poetika [Linguistics and poetics]. *Strukturalizm – «za» i «protiv»* [Structuralism – «for» and «against»]. Moscow: Progress, 1975, 193–230.

18. Suprun V. I. Osobennosti ispol'zovaniia vokativnykh edinits v sovremennom russkom iazyke [Features of the use of vocative units in the modern Russian language]. *Grani poznaniia = Boundaries of knowledge*, no. 5(10) (2010): 47–52.

19. Cherneiko L. O. Porozhdenie i vospriiatie mezhlichnostnykh otsenok [The generation and perception of interpersonal assessments]. *Filologicheskie nauki = Philological sciences*, no. 6 (1996): 42–53.

УДК 811.161.1

СПЕКТР ВТОРИЧНЫХ НОМИНАЦИЙ В ПОЭТИЧЕСКОМ ОЧЕРКЕ И. СЕЛЬВИНСКОГО «ПУТЕШЕСТВИЕ ПО КАМЧАТКЕ»

Михаил С. Ястребов-Пестрицкий [1, @]

[1] *Государственный архив РФ, 119435, Москва, ул. Большая Пироговская, 17*
[@] *myp-63@mail.ru*

Поступила в редакцию 29.11.2016.
Принята к печати 02.08.2017.

Ключевые слова: вторичная номинация, косвенная номинация, метонимический перенос, семантическая сфера, переход значения денотата.

Аннотация: Из научной литературы известно, что явления косвенной номинации относятся к периферии лексико-семантической системы языка и еще слабо исследованы (см., например, указание на это в работах В. Н. Телии). Наш фактический материал показывает, что И. Сельвинский активно использует в своем творчестве косвенную номинацию как прием метафорического переноса для создания ярких художественных образов и ассоциаций. В целом вторичная номинация у И. Сельвинского отражает индивидуально-значимую образную языковую картину мира (ЯКМ) за счёт семантической двуплановости, основанной на сходных признаках денотатов (двух или более), которые реализуются в контексте произведения. По особенностям «поведения» метафоры в синтагматике на фоне смежных явлений можно сделать вывод о случаях несовпадения исследуемых единиц с литературной нормой как того времени, так и настоящего, если исходить из данных настоящего мини-исследования, где мы вскрыли и описали связь вторичной номинации как языкового феномена со стилистикой художественной речи, обусловленной – в данном случае – жанровой спецификой произведения.

Для цитирования: Ястребов-Пестрицкий М. С. Спектр вторичных номинаций в поэтическом очерке И. Сельвинского «Путешествие по Камчатке» // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 3. С. 223–230. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-3-223-230.

Один из распространенных видов вторичной номинации называется **косвенной номинацией** [1, с. 199–204]. Она возникает, как правило, в связанных двучленных конструкциях-словосочетаниях, где одно слово – свободное, номинативно первичное, непереосмысленное, а второе – несвободное, связанное, переосмысленное. Последнее нагружается ассоциативно-смысловыми (коннотативными) признаками обычно на основе таких видов переноса, как метафора, метонимия, синекдоха. Приведем примеры косвенной номинации из исследуемого произведения: *буквы* ***бегают***, ***ходят*** *туманы,* ***охватит*** *испуг,* ***высечь*** *имена,* ***подымаются*** *берега* [2, с. 5–22], – в которых выделенные глагольные словоформы обладают косвенной номинацией метафорической природы, за счет чего и возникает семантический сдвиг всего словосочетания. **Цель** данной статьи – через представление вторичных номинаций в поэтическом очерке И. Сельвинского «Путешествие по Камчатке» выявить основные закономерности **метафорического переноса** в поэтическом творчестве указанного автора. В качестве одной из **задач** проведём исследование косвенной номинации как одного из приёмов, используемых И. Сельвинским в целях метафоризации тех или иных концептов. **Оптимальным выбором** для достижения поставленной цели представляется указанный **поэтический очерк** (определение самого И. Сельвинского), поскольку, являясь произведением поэтическим, но в то же время – в определённой степени – публицистическим и тем самым уникальным, он (данный очерк) практически не нашёл до сих пор отражения ни в лингвистических, ни в литературоведческих исследованиях отечественных филологов. Кроме того, текст представляется идеальным для изучения вторичных номинаций ввиду обилия в нём последних. Даже если мы имеем дело с когнитивной экспликацией (в духе Лакоффа / Джонсона): *география – миф; Камчатка – лиловый гранитный факт*, т. е. наблюдаем движение по линии <абстракция – абстракция>, <физический мир – абстракция> и т. п., где задействованы модели «имя – имя» и на первый взгляд реализуется принцип сухой номинации, на самом деле превалирует принцип образной категоризации, «стремление субъекта к конкретно-чувственному, другими словами – эмпирическому, представлению некоторого абстрактного признака» [3, с. 187].

Другой вид вторичной номинации – более сложный – базируется на переосмыслении не слова, а целого словосочетания или предикативной единицы, в результате чего возникают крылатые выражения и фразеологизмы-идиомы: *его аршином я мерю тела* [2, с. 11]. Значительное место в структуре вторичной номинации занимает *метонимия* – «вид тропа, в котором сближаются слова по смежности обозначаемых ими более или менее реальных понятий или связей» [4, с. 215]. Типология метонимических переносов достаточно разветвлена и зависима от характера смежающихся сущностей. Традиционно различают метонимию **пространственную**, **временную** и **логическую**, а собственно видов метонимических переносов насчитывают до двух десятков. (Относительно первого пункта отметим характерную деталь из более позднего исследования смежной тематики. О. Р. Темиршина замечает: «В системе метафор, возникающих в философско-эстетических работах

А. Белого, чаще всего встречается **пространственная** метафора» [5, с. 101]). В тексте «Путешествия по Камчатке» нами обнаружены яркие примеры метонимических конструкций: ***Москвою, Харьковом, Ленинградом*** *вымуштрованный; Тогда прочитай ей хоть «****Птичку божью****»; Блеснет усмешка* ***в медном литье*** и др. При этом следует отметить, что у большой части метонимических переносов практически прозрачна граница с метафорой. А в некоторых случаях ее невозможно провести: *Вот уж мой* ***лысач*** *захрипел* (с одной стороны, перенос по смежности: у человека лысая голова, а с другой – суффиксация привносит оценочное значение, характеризующее внешне)

Приведенная выше дефиниция включает в понятие метонимии и *синекдоху*, т. е. троп, созданный на основе количественного переноса (части на целое или наоборот), и само значение, возникшее на основе такого переноса. В рамках нашего исследования фактор отдельности не имеет значения, поэтому мы его здесь не обсуждаем. Однако примеры синекдохи из анализируемого текста приведём: *послушать баяна* (инструмент вместо исполняемого произведения)*; сердце как шкурка заячья; за длинным рублём*. Такого рода переносных значений слов встречается значительно меньше, чем собственно метонимических, однако они тоже несут ярко выраженную функционально-оценочную нагрузку в тексте поэтического произведения и по большей части также не имеют жесткой границы с метафорой. Поэтому **фактор включенности иногда срабатывает**.

«Частными случаями вторичной номинации являются **аллюзии**, отсылки к другим текстам, <…> **реминисценции**» [6, с. 80], замечает Ю. А. Ахмедова. У И. Сельвинского, безусловно, такие разновидности вторичной номинации присутствуют: *есть упоение в бою; во глубине камчатских недр; страдания молодого бобра.* Закрепляются в языке в основном вторичные наименования, которые восполняют номинативные средства, недостающие в нём. Вместе с тем необходимо, чтобы способы этих наименований для данного языка были в значительной степени закономерны.

В сфере метафорических переносов как вторичной номинации мы можем наблюдать два способа отображения действительности и отнесения к обозначаемым объектам (явлениям) понятийного плана именований. Первый способ номинации, достаточно простой и прозрачной, состоит в непрямом отражении объекта; отражение здесь опосредуется предшествующим значением лексемы, признаки которой создают внутреннюю форму, наполняясь новым смыслом (см. наши предыдущие работы [7–15] и др.). **Номинативная ценность** нового значения зависит от содержащейся в нём информации. Такие производные значения лексем обладают уже самостоятельной номинативной функцией, например:

От Усть-Камчатска река ***плывёт***
Унылым *побережьем.*

В данном текстовом фрагменте употреблено прилагательное *унылый*. Словарь Ушакова (далее – СУ) даёт значения: «испытывающий уныние» и «проникнутый унынием, выражающий уныние, наводящий уныние, грустный, мрачный» [16, с. 499]. В первом значении прилагательное употребляется по отношению к человеку, к субъекту психических процессов; во втором – по отношению к каким-то объектам, воспринимаемым психикой человека. Второе значение, таким образом, представляет собой **языковую метафору**, каковая и употреблена И. Сельвинским.

Скучная *тундра лежит предо мной…*
Закрывшая волны ***унылая*** *тундра*.

В данном текстовом фрагменте употреблены два адъектива-метафоры: *скучная* и *унылая*. Аналогичное словоупотребление наблюдается и в отношении прилагательного *скучная*. СУ [16, с. 277] даёт значение данного слова как «испытывающий скуку»; «наводящий скуку, неинтересный». Здесь в первом значении прилагательное относится к человеку, во втором – к тем объектам, которые воспринимает и оценивает человек. И также второе значение представляет собой языковую метафору.

В языковой технике второго способа вторичной номинации отражена **комбинаторно-синтезирующая деятельность сознания**, а это значит, что в присвоении имени объекту (явлению) в данном случае участвуют другие наименования, уже имеющиеся в языке. Т. е. вторичная номинация состоит здесь в том, что вместе с **непрямым отражением действительности**, отражением, воспринявшим на себя некоторые элементы предшествующего значения, смысл нового наименования формируется и под воздействием содержания другого имени, детерминирующего отражение действительности в том или ином ракурсе её рассмотрения и опосредующего, через указанное предшествующее значение, это отражение, например:

Я вдруг задумался. Мучаюсь рядом.
Что ж им прочесть, например?
В глазах каруселью прошла пантомима.

Здесь сформировавшееся понятийное содержание именований соотносится с внеязыковой действительностью косвенно, а не прямо.

Принимая во внимание такую лингвистическую основу поэтического искусства, как **внутренняя форма слова**, мы склонны считать, что в основе метафористики лежит возможность создания новых (обновлённых) представлений. В художественном произведении разные метафорические приёмы дают возможность раскрытия предмета как эстетической ценности; а внутренняя форма как способ представления помогает особому видению предмета. Но переосмыслению подлежит только слово семантически зависимое, ключевое же соответствует своему лексическому значению, которое не раскрывает смысловых оснований выбора комбинаций номинативных средств. Традиционно принято считать, что метафорическое значение реализуется благодаря **контекстному указанию**. В контексте элементы текста взаимодействуют между собой, детерминируя друг друга. Между метафорическим высказыванием и контекстом мы усматриваем отношения **контрдетерминации**. Контрдетерминация способствует обнаружению семантического взаимодействия между метафорой и контекстом, и именно это взаимодействие являет собой качество метафоризации. Таким образом, метафоризованная лексема отличается от автологических единиц:

Пастух на коне – прямой ***конквистадор*** *–*
В черной маске от мошкары.

Свои аргументы исследователи метафоры часто выстраивают на сходных примерах типа *Человек – это*

волк, что и заставляет их спорить о свойствах подобного сравнения. Х. Ортега-и-Гассет отвергает мысль о полной идентичности сравниваемых предметов, считая это абсурдом, утверждая, что «эти образы сопротивляются взаимопроникновению, отталкиваются друг от друга» [17, с. 156]. Писатель их сводит не для того, чтобы доказать реальность их сходства, а скорее, чтобы «подчеркнуть реальное несходство обоих предметов» [17, с. 156], потому что там, где есть полное сходство, нет метафоры, а есть сравнение (*сердце как камень*) или прямая идентификация (*алоэ – это столетник*). Свои умозаключения относительно сути метафорического процесса Х. Ортега-и-Гассет выражает тоже метафорически: «В столкновении предметов ломается их твердый остов» [17, с. 157]. И действительно, говоря *Человек – это волк,* мы прежде всего создаем оценочное предложение, в котором на основе прямого уподобления даем умозрительную характеристику соответствующему человеку: жестокий, злой, коварный, бездушный – не по внешнему виду, а по характеру и поступкам. Например, у Сельвинского:

По всем паразитам,
По тлям, по убожью…

Максимальная глубина присуща тем метафорам, в которых лексема, реализуемая функционально-семантически, представлена существительными, **имплицирующими значение** признака: *запах революции.* В этой грамматической метафоре главный субъект – обозначение свойства, конечного признака, вспомогательный же – существительное, имеющее **реляционную семантику**.

Как показывают исследования отечественных лингвистов, поэтическая метафора обладает мотивированностью, более того, признается, что мотивированность – непреложное условие ее функционирования [18, с. 16]. Для поэтической метафоры первой половины XX века (в т. ч. и метафоры И. Л. Сельвинского в некоторой части) характерен классический перенос признаков, которые лежат в основе русского метафорообразования. Признаки эти – мотивационные.

На мотивированность опираются многие из сегодняшних классификаций метафоры (в том числе поэтической), например, классификация, предложенная Г. Н. Скляревской [18], где выделяются восемь типов метафорических моделей по способу переноса. Первые пять типов метафоризации проходят в границах объективной действительности:

1) от предмета к предмету: *серебристый целкаш – луна*;

2) от человека к человеку: *председатель … глядит угодничком*;

3) от животного к человеку:

Аферист, меняющий на галопы рысь,
Переходящий в карьер напоследок;

4) от предмета к человеку:

Чтобы рабочий класс Камчатки
Не был «камчаткой» в рабочем классе;

5) от предмета к физическому явлению (*галера* – тяжёлая работа, пример Г. Н. Скляревской).

Следующие три типа метафоризации обнаруживают разрыв между миром абстракции и миром реалий и представляют иное соотношение компонентов:

6) от предмета к явлению, психологическому чувству (*грязь* – что-либо уничижающее);

7) от предмета к отвлечённому понятию (*чтобы* ***кровей*** *придать математике*);

8) от явления физического к психическому явлению (*где-то под ложечкой пели ручьи*).

Нередки случаи, когда стертая метафора, получившая обработку, «огранку» художником слова, приобретает новую жизнь. В узуальной метафоре функция создания художественной образности переходит на лексическое окружение, что и способствует её «оживлению», поэтизации. Чем больше метафора «стирается», переходя в разряд языковых, тем вероятнее она будет получать подкрепление со стороны контекста, и наоборот, чем она ярче, тем меньше будет контекст участвовать в приращении смысла, например, у Сельвинского: *от масляных красок млея*. Именно благодаря прилагательному *масляный* языковая, стёртая метафора *млеть от красок* (природы) получает новую жизнь, переходя в разряд художественных метафор. Значение денотата переходит в пределах семантической сферы *предметный, физический мир*.

Дискуссионным пунктом отечественной метафорологии является «точка соприкосновения» сравнения и метафоры. Лингвистическая поэтика содержит различные мнения в отношении того, как функционируют в тропах словоформы творительного падежа. **Творительный метафорический** может быть представлен нарицательным существительным: *Плацдарм* ***циркулем*** *кружится* [2, т. 4, с. 14] – и существительным собственным: *глядит* ***Наполеоном***. Признавая вполне приемлемым этот термин («творительный метафорический»), мы не игнорируем, однако, и понятие **творительный сравнения** в тех случаях, когда имеем дело с чистым сравнением без семантических приращений и трансформаций общего смысла (например: *Сопка орудием дальнего действия / палит бомбы*), хотя приведенные выше примеры, безусловно, метафоры.

Н. Н. Кузнецова описывает такое заметное явление, как **распространение прилагательным** метафоры с генитивом. И она отмечает, что прилагательное относится лишь ко второму из двух – необразному существительному, как бы подчёркивая его буквальность: туман *исступлённых* растений; провалы *чёрной* тучи – примеры Н. Н. Кузнецовой из стихотворений В. Набокова и И. Бунина [19, с. 127]. Такой способ распространения прилагательным, разумеется, не единственный в креативной метафористике художественно-поэтической речи. Н. Н. Кузнецова говорит и о других его разновидностях в генитивной метафоре. Как легко можно убедиться, распространяться адъективной словоформой может и другой член метафорического словосочетания. Такие примеры имеют место и в исследуемом произведении: *в стеклянном гробу зоопарка; из трещин окраин,* – однако они единичны, а значит, не представляют характерный признак идиостиля автора.

В художественной метафоре ***гранясь*** *в линейный смысл (Встает за четвертым Курильским проливом // Сизая масса туч)* мы обращаем внимание на то, что в качестве способа образования метафорического деепричастия здесь уместнее указать овеществление (а не олицетворение, первая мысль о котором возникает в связи с глаголом *встает*), кроме того, значение здесь

затрагивает не только тематический разряд «физический мир» (метафора относится к мысу, географическому объекту), но также и «психический мир» (*смысл*, данный здесь в винительном падеже). Такая метафора не сводится к простой сумме лексических значений: значение метафоры всегда превышает сумму значений-компонентов. Отсутствие одного компонента, например, объекта сравнения, может расширить семантику и увеличить количество интерпретаций. Можно предположить, что объектом данной метафоры (правым её элементом, secundum comparationis) является, например, алмаз, отчётливость граней которого сравнима с чётко обозначившимся *смыслом* в восприятии рассказчика. Такую интерпретацию подсказывает внутренняя форма возвратного деепричастия *гранясь*.

В следующем примере автор употребляет прилагательное *штопорный*, которое в СУ помечено как отымённое прилагательное к существительному *штопор* во 2-м значении, т. е. к значению «фигура высшего пилотажа – стремительное падение вниз по винтовой линии (*авиац.*)» [16, с. 561]. И. Сельвинский употребляет данное прилагательное в качестве эпитета к существительному *круговорот*. В СУ данное существительное толкуется как «беспрерывный процесс, с постоянным возвращением к исходному положению, к началу» и «беспрерывное движение, изменение чего-н.» [20, с. 191]. В данном случае, очевидно, слово *круговорот* употреблено во втором значении. Это чисто художественная, авторская метафора, так как значение её глубинно. Можно только догадаться, что И. Сельвинский имеет в виду сравнение путешествия по бурному морю, сопровождающегося беспрерывным повторением стремительных падений вниз по винтовой линии в пучину океана (предположительно, чередующихся с взлётами, однако словесно эта мысль не выражена).

Справа и слева привычно и просто
Законное буйство пышных кулис.

Относительное прилагательное *законный* употреблено поэтом в соответствии со значением «*перен*. позволительный, допустимый, понятный с нравственной или логической точки зрения» [21, с. 711]. Это позволяет говорить о том, что ситуация природы измеряется в категориях человеческого бытия, законности.

Существительное *буйство* в СУ, так же как и в словаре Ожегова, характеризует обозначаемое им явление только с отрицательной стороны: «шумные и угрожающие выходки, самоуправство, связанное с насилием, драка» [21, с. 138]. Значит, И. Сельвинский употребил существительное *буйство* в переносном значении, как производное от *буйный* в том значении, которое словарём Ожегова отмечено как «быстрый в росте, обильный» (о растительности) [22, с. 58], поскольку придал ему положительный смысл с экспрессией и эмотивностью: «обилие, поражающее глаз и воображение».

Прилагательное *пышный* в СУ имеет значения: «роскошный, нарядный, великолепный; легко, воздушно вздымающийся, лёгкий и как бы взбитый» [16, с. 161]. В тексте употреблено в первом значении.

Существительное *кулиса* в указанном словаре имеет значения: «боковая декорация; театральная, актёрская среда; рычаг или система рычагов, служащая для перемены хода машины» [20, с. 211]. Сельвинский сравнивает берега с декорациями, употребляя существительное *кулисы*. Оно появится в поэтическом очерке ещё раз:

А по окружью ***в разбег очей –***
Кулисы, кулисы, кулисы.

Сходный прием находим в строчках:

Этот, возбуждающий классовую ненависть,
Сей ***аристократический гриф***.

Речь идет о характере течения реки Камчатки, которую поэт сравнивает с европейскими реками и не находит соответствия. И вновь применен прием остранения и перифразирования.

Развивая тему последнего примера, приведём ряд метафор из рассматриваемого произведения, относящихся к семантической сфере «абстракция»:

Ни приседанья фрейлины Роны,
Ни рыцарские реверансы Риона,
Ни позы Невы, не знающей дна,
Ни в четырёх коронах Дунай… – начальный тематический разряд **(левый элемент,** т. е. **субъект** в предикативной паре, **референт**, первый член метафорического сравнения, **primum comparationis)** – «абстракция» (*приседанья, реверансы, позы*).

Их почерк мужицки крив – начальный тематический разряд «абстракция».

Сделала б честь – идиоматический оборот. Соотносится с тематическим разрядом «абстракция».

Уронит образ благолепий – начальный тематический разряд – «абстракция».

Прозрачная ясность … волшебная ясность воды – конечный тематический разряд (**правый элемент, предикат, агент**, второй член метафорического сравнения, **secundum comparationis**) – «абстракция».

Нечаянный блик двупланных идей (об остроте) – начальный тематический разряд – «абстракция».

(Блистали) *всем своим номиналом сполна* – задействован тематический разряд «абстракция» (*номинал*).

Соревнованье с Юпитером – начальный тематический разряд – «абстракция».

Разбегавшийся издали гул – тематический разряд – «абстракция».

С неукротимостью юного девства – конечный тематический разряд – «абстракция».

Охватит испуг – начальный тематический разряд «абстракция» (*испуг*).

(Тенденции) *Шаткие* – начальный тематический разряд «абстракция».

В лакировочном глянце – тематический разряд «абстракция».

Лирические цеха,
Пафос которых заперт – конечный тематический разряд «абстракция».

Поэтический рапорт – конечный тематический разряд «абстракция».

В следующем фрагменте текста:

Хребты ***вылезают****, как ящеры*.

И, выгибая *крестцовый хрящ,*

Камчатка являет своё настоящее – употреблен глагол *вылезать*, среди значений которого: «лезть откуда-нибудь, выходить ползком, цепляясь руками и ногами; выходить (*разг. фам.*); выпадать, осыпаться (*о волосах, шерсти*); неуместно выступать с каким-н. заявлением, замечанием (*разг. неодобрит.*)» [21, с. 209]. Здесь данное

слово использовано автором в значении «бросаться в глаза среди окружающего ландшафта». А. Ю. Корбут тоже считает частеречную принадлежность не последним фактором лингвопоэтики: «Динамический аспект композиции любого художественного текста непосредственно выражается на грамматическом уровне. Основными морфологическими признаками <…> являются наклонение, вид и время глаголов-сказуемых, а также статистическое преобладание глаголов, имен существительных или имен прилагательных» [23, с. 72–73].

Динамизм и оживление природных явлений наблюдается и в следующих строках:

В узкое сердце, в жильные недра
Кряжей, ***прыгающих*** *чехардой.*

В данном фрагменте текста поэт употребил причастную форму глагола *прыгать*. В СУ указываются его значения: «делать прыжки или прыжок; ударившись о землю, о что-н. твердое, отскакивать эластично вверх, в сторону (*разг.*); *перен*. делать быстрые и резкие движения (*разг. фам.*)» [16, с. 154]. Именно к последнему значению относится метафора И. Сельвинского «прыгающие чехардой» – значит создающие хаос, неразбериху в глазах наблюдающего, хотя семантически существительное *чехарда* первично означает игру, которая имеет определённые правила.

Показательна и следующая строка:

Или, в скульптурную кладку вринясь – где *вринясь* – окказионализм, употреблённый в значении «врезавшись», от глагола *врезаться*, т. е., согласно СУ, «вонзиться, воткнуться чем-н. узким, острым» или «*перен.* стремительно, с силой ворваться (в толпу)» [21, с. 188]. Экспрессия и образность – налицо.

Но посредине за островом остров
Декоративной клумбой ***вились****…*

Глагол *виться*, употреблённый в данном фрагменте, имеет значения: «обвиваться, заплетаться вокруг чего-н.»; «завиваться в кудри»; «кружиться в воздухе, вздыматься»; «летать, кружась в воздухе»; «делать извилистые движения, извиваться»; «вертясь, ласкаться около кого-н., увиваться (разг.)» [21, с. 153]. Ни одно из этих значений не подходит по контексту: *острова вились клумбой*… Следовательно, здесь мы имеем художественную, авторскую метафору.

Рассмотрим следующий пример:

Атласный век ***возвратился*** *назад*.

Глагол *возвратиться* в СУ имеет значения: «прийти, приехать обратно, вернуться; возобновить прежние отношения с кем-н., прежние занятия чем-н., вернуться к чему-н. прежнему; опять появиться, возобновиться, восстановиться» [21, с. 161]. В тексте И. Сельвинского оно употреблено в значении «возобновиться». В процитированном отрывке происходит перенос значения денотата с семантической сферы *предмет* на семантическую сферу *абстракция (время).*

Образцом тонкого умения пользоваться метафорическими выражениями служат следующие стихи И. Л. Сельвинского:

И *странный* день*, похожий на вечность,*
Стоит *в апатической тишине.*

День стоит – языковая метафора. Судя по СУ, здесь полисемантичный глагол *стоять* употреблён в значении *быть* [16, с. 291]. У других поэтов такое употребление и сочетание слов тоже встречается: «Весь *день стоит как бы хрустальный*…» (Ф. И. Тютчев).

И, выгибая ***крестцовый*** *хрящ,*
Камчатка являет свое настоящее.

Крестцовый – прилагательное к существительному *крестец*. «Крестец – кость из пяти сросшихся позвонков, примыкающих к костям таза» [20, с. 163]. Следовательно, И. Сельвинский употребляет данное прилагательное в качестве метафоры-олицетворения с опорой на ассоциации по зрительному сходству, создающему образ живого существа в океане. Вычурность образов – принципиальная установка автора. Приведем еще подобные примеры: ***жильные*** *недра кряжей; залит* ***сиятельною*** *водой;* ***дебелая***, ***белолицая****, вынянчившая нас Луна.* Одушевление природы продолжается здесь в общем контексте развития образов.

Художественная описательность подобных строк перемежается с интонациями восхищения:

Горной готики ***строгий*** *канон*.

Имя прилагательное *строгий* в СУ имеет шесть значений, два из которых, как нам видится, относятся к контексту данного фрагмента: «2. не допускающий никаких отклонений, отступлений от принятых норм, предписаний, совершенно точный» и «5. правильный, отвечающий требованиям определённого стиля, нормы» [16, с. 311]. При этом прилагательное в более употребительном значении (в первой половине дефиниции) содержит коннотацию одушевлённости, т. е. оттенки значения «не допускающий никаких отклонений, отступлений от принятых норм, предписаний» относятся к семантической сфере *человек,* а в переносном значении данное прилагательное имеет коннотацию неодушевлённости, т. е. его значение относится к семантической сфере *абстракции.* С помощью таких адъективных метафор автор добивается эстетического эффекта, соотнося явления природы с высоким искусством.

Как видим, И. Сельвинский пишет об окружающем пейзаже, давая ему когнитивно-экспрессивную оценку. Его «метафорическая картина мира», складываясь из метафорических номинаций, которые, в свою очередь, «выступают языковыми репрезентантами тех или иных метафорических концептов» [24, с. 53–54], вполне соотносима с авторской языковой картиной мира поэта, где «совокупность таких концептов в целом составляет метафорическую концептосферу языка» [24, с. 53–54]. Но необходимо отметить, что понимание определенных метафорических образований у И. Сельвинского достигается не только вследствие внутритекстового толкования, но и экстралингвистического подхода (фоновых знаний, предтекстовой информации и др.).

Итак, основной составляющей текста И. Сельвинского является система вторичных (в том числе косвенных) номинаций, из которой автор отбирает необходимые средства для адекватного воплощения своего творческого замысла. В число этих средств входят: аллюзии, отсылки к другим текстам, реминисценции, синекдоха, метонимия пространственная, временная и логическая, языковая метафора, творительный метафорический, распространение прилагательным метафоры с генитивом. Между метафорическим высказыванием и контекстом усматриваются отношения контрдетерминации. Номинативная ценность метафорического выра-

жения зависит от содержащейся в нём информации, одновременно комбинаторно-синтезирующая деятельность сознания реципиента через непрямое отражение действительности воспринимает как внутреннюю форму слова, так и контекстное указание. В целом основные закономерности метафорического переноса в поэтическом творчестве И. Сельвинского вполне коррелируют с установками, общепринятыми в поэтических течениях его эпохи.

Литература

1. Телия В. Н. Метафоризация и её роль в создании языковой картины мира // Серебренников Б. А., Кубрякова Е. С., Постовалова В. К, Телия В. Н., Уфимцева А. А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 173–204.

2. Сельвинский И. Л. Путешествие по Камчатке. Поэтический очерк // Сельвинский И. Л. Собрание сочинений. В 6 т. М.: Худож. лит., 1973. Т. 4. С. 5–22.

3. Киклевич А. К. Динамическая лингвистика: между кодом и дискурсом. Харьков: Гуманитарный центр, 2014. 444 с.

4. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.

5. Темиршина О. Р. Символизм как миропонимание: линия Андрея Белого в русской поэзии последних десятилетий XX века: дис. … д-ра филол. наук. М., 2012. 496 с.

6. Ахмедова Ю. А. Идиостиль сонетов И. Северянина из цикла «Медальоны»: дис. … канд. филол. наук. Челябинский гос. пед. ун-т. Орск, 2007. 219 с.

7. Ястребов-Пестрицкий М. С. Аспекты изучения метафористики как лингвистической проблемы // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2016. № 2. С. 137–142.

8. Ястребов-Пестрицкий М. С. Диалектизмы, топонимы, гидронимы, арготизмы и просторечия в построении метафорического текста И. Сельвинского // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2016. № 5. С. 43–49.

9. Ястребов-Пестрицкий М. С. Концепция вторичной номинации в общенациональном языке и языке художественной литературы // Вестник МГОСГИ. 2013. № 2(14). С. 82–90.

10. Ястребов-Пестрицкий М. С. Метафора семантической сферы "физический мир" в поэзии И. Сельвинского (на материале поэтического очерка "Путешествие по Камчатке") // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2014. № 5-4. С. 156–162.

11. Ястребов-Пестрицкий М. С. Метафора – составляющая идиостиля поэта // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8. № 3-2. С. 187–192.

12. Ястребов-Пестрицкий М. С. Наиболее распространённые типы классификаций образных средств языка (на материале поэтического очерка И. Л. Сельвинского «Путешествие по Камчатке») // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2015. № 5. С. 176–181.

13. Ястребов-Пестрицкий М. С. Семантический анализ метафоры И. Сельвинского // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 2. С. 293–299.

14. Ястребов-Пестрицкий М. С. Стилевые приёмы и типы переосмыслений в русской поэтической метафоре // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8. № 4-1. С. 190–196.

15. Ястребов-Пестрицкий М. С. Тематический состав метафор И. Сельвинского (на материале поэтического очерка «Путешествие по Камчатке») // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8. № 3-1. С. 218–224.

16. Толковый словарь русского языка. В 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М.-Л.: Советская энциклопедия; ОГИЗ, 1940. Т. 4. 1502 стб.

17. Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства. Эссе на эстетические темы в форме предисловия // Эстетика: Хрестоматия / сост. Л. П. Квашина. Донецк: ДонГУ, 1999. С. 150–161.

18. Скляревская Г. Н. Метафора в системе языка. СПб.: Наука, 1993. 153 с.

19. Кузнецова Н. Н. Средства создания экспрессивности в русской поэзии XX века: дис. … д-ра филол. наук. М., 2011. 594 с.

20. Толковый словарь русского языка. В 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М.-Л.: Советская энциклопедия; ОГИЗ, 1939. Т. 3. 1486 стб.

21. Толковый словарь русского языка. В 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М.-Л.: Советская энциклопедия; ОГИЗ, 1935. Т. 1. 1562 стб.

22. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.

23. Корбут А. Ю. Лингвистическая поэтика: пособие для практического анализа. Иркутск: Восточно-Сибирская государственная академия образования, 2011. 160 с.

24. Кравцова Ю. В. Семантико-когнитивный анализ метафорики языка: от метафорической картины мира к метафорической концептосфере // Вестник Днепропетровского университета. 2011. № 11. С. 53–60.

THE SPECTRUM OF SECONDARY NOMINATIONS IN I. SELVINSKY'S POETIC ESSAY "JOURNEY ACROSS KAMCHATKA PENINSULA"

Mihkail S. Yastrebov-Pestritskiy[1, @]

[1] *State archive of the Russian Federation, 17, Bolshaya Pirogovskaya St., Moscow, Russia, 119435*
[@] *myp-63@mail.ru*

Received 29.11.2016.
Accepted 02.08.2017.

Keywords: secondary nomination, indirect nomination, metonymic transfer, semantic field, crossing the value of the denotation.

Abstract: From scientific literature it is known that the phenomenon of indirect nomination belongs to the periphery of the lexical-semantic system of the language and is still poorly studied (as, for example, V. N. Telia's works indicate). Our factual material shows that I. Selvinsky uses indirect nomination as a technique of metaphorical transfer, to create vivid artistic images and associations. In general, I. Selvinsky's secondary nomination reflects individually meaningful figurative linguistic worldview due to its semantic duality, based on similar characteristics of two or more denotations that are implemented in the context of the work. Judging by the features of the "behavior" of the metaphors in the syntax against the background of related phenomena, one can conclude that the units in question do not coincide with from the literary norm of that time and present, as based on the results of this mini-study, where we analysed and described the relationship of the secondary nomination as a linguistic phenomenon with the stylistics of artistic speech, which is determined – in this case – by specifics of the essay genre.

For citations: Yastrebov-Pestritskiy M. S. Spektr vtorichnykh nominatsii v poeticheskom ocherke I. Sel'vinskogo «Puteshestvie po Kamchatke» [The Spectrum of Secondary Nominations in I. Selvinsky's Poetic Essay "Journey across Kamchatka Peninsula"]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2017): 223–230. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-3-223-230.

References

1. Serebrennikov B. A., Kubriakova E. S., Postovalova V. K, Teliia V. N., Ufimtseva A. A. *Rol' chelovecheskogo faktora v iazyke: Iazyk i kartina mira* [The role of human factor in the language: The language and the picture of the world]. Moscow: Nauka, 1988, 173–204.

2. Selvinsky I. L. *Sobranie sochinenii* [Collected works by I. L. Selvinsky]. Moscow: Hudozh. lit., vol. 4 (1973): 5–22.

3. Kiklewicz A. K. *Dinamicheskaia lingvistika: mezhdu kodom i diskursom* [The dynamic linguistics: besides the code and the discourse]. Kharkov: Gumanitarnyi tsentr, 2014, 444.

4. *Lingvisticheskii entsyklopedicheskii slovar'* [The linguistic encyclopaedic dictionary]. Ed. Iartseva V. N. Moscow: Sovetskaia entsyklopediia, 1990, 685.

5. Temirshina O. R. *Simvolizm kak miroponimaniie: liniia Andreia Belogo v russkoi poezii poslednikh desiatiletii XX veka*. Diss. doktora filol. nauk [Symbolism as a world view: Andrey Belyi's line at the Russian poetry of the last decades of the 20th century. Dr. filol. Sci. Diss.]. Moscow, 2012, 496.

6. Akhmedova Iu. A. *Idiostil' sonetov I. Severianina iz tsikla "Medaliony"*. Diss. kand. filol. nauk [The idiostyle of I. Severyanin's sonnets from the cycle "The medallions". Cand. philol. Sci. Diss.]. Chelyabinsk stat. ped. un-t. Orsk, 2007, 219.

7. Yastrebov-Pestritskiy M. S. Aspekty izucheniia metaforistiki kak lingvisticheskoi problemy [The aspects of studying metaphors as a linguistic problem]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriia: Istoriia i filologiia = The Bulletin of Udmurt University. Series: History and Philology*, no. 2 (2016): 137–142.

8. Yastrebov-Pestritskiy M. S. Dialektizmy, toponimy, gidronimy, argotizmy i prostorechiia v postroienii metaforicheskogo teksta I. Sel'vinskogo [Dialect words, place names, hydronyms, ergotizma and colloquialisms in the creating metaphor text by I. Selvinsky]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriia: Istoriia i filologiia = The Bulletin of Udmurt University. Series: History and Philology*, no. 5 (2016): 43–49.

9. Yastrebov-Pestritskiy M. S. Kontseptsiia vtorichnoi nominatsii v obshchenatsional'nom iazyke i iazyke khudozhestvennoi literatury [The conception of secondary nomination in the whole-nation language and the language of fiction]. *Vestnik MGOSGI = Herald of the Moscow State Regional Social-Humanitarian Institute*, no. 2(14) (2013): 82–90.

10. Yastrebov-Pestritskiy M. S. Metafora semanticheskoi sfery "fizicheskii mir" v poezii I. Sel'vinskogo (na materiale poeticheskogo ocherka "Puteshestvie po Kamchatke") [The metaphor of semantic sphere "the physical peace" in I. Selvinsky's poetry (in the context of Selvinsky's poetic essay "A Journey across Kamchatka")]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriia: Istoriia i filologiia = The Bulletin of Udmurt University. Series: History and Philology*, no. 5-4 (2014): 156–162.

11. Yastrebov-Pestritskiy M. S. Metafora – sostavl'aiushchaia idiostil'a poeta [The metaphor is a component of poet's idiostyle]. *Istoricheskaia i sotsial'no-obrazovatel'naia mysl' = Historical and social-educational ideas*, no. 3-2 (2016): 187–192.

12. Yastrebov-Pestritskiy M. S. Naibolee rasprostranionnyie tipy klassifikatsyi obraznykh sredstv iazyka (na materiale poeticheskogo ocherka I. L. Sel'vinskogo "Puteshestvie po Kamchatke") [The most common types of classifications of

expressive means of the language (in the context of Selvinsky's poetic essay "A Journey across Kamchatka"]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriia: Istoriia i filologiia = The Bulletin of Udmurt University. Series: History and Philology*, no. 5 (2015): 176–181.

13. Yastrebov-Pestritskiy M. S. Semanticheskii analiz metafory I. Sel'vinskogo [The semantic analysis of I. Selvinsky's metaphor]. *Znaniie. Ponimaniie. Umeniie = Knowledge. Understanding. Skill*, no. 2 (2014): 293–299.

14. Yastrebov-Pestritskiy M. S. Stilevyie priiomy i tipy pereosmyslenii v russkoi poeticheskoi metafore [The styles and types of reconsiderations in the Russian poetic metaphor]. *Istoricheskaia i sotsial'no-obrazovatel'naia mysl' = Historical and social-educational ideas*, no. 4-1 (2016): 190–196.

15. Yastrebov-Pestritskiy M. S. Tematicheskii sostav metafor I. Sel'vinskogo (na materiale poeticheskogo ocherka "Puteshestvie po Kamchatke") [The thematic composition of I. Selvinsky's metaphor (in the context of poetic essay "A Journey across Kamchatka"]. *Istoricheskaia i sotsial'no-obrazovatel'naia mysl' = Historical and social-educational ideas*, no. 3-1 (2016): 218–224.

16. *Tolkovyi slovar' russkogo iazyka* [The Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Ed. Ushakov D. N. Moscow; Leningrad: Sovetskaia entsiklopediia; OGIZ, vol. 4 (1940): 1502.

17. Ortega y Gasset J. Degumanizatsiia iskusstva. Esse na esteticheskiie temy v forme predisloviia [The dehumanization of arts. The essay on aesthetic themes in the pre-words form]. *Estetika: Khrestomatiia* [Aesthetics. Chrestomathy]. Ed. Kvashina L. P. Donetsk: DonGU, 1999, 150–161.

18. Skliarevskaia G. N. *Metafora v sisteme iazyka* [The metaphor in the language system]. Saint-Petersburg: Nauka, 1993, 153.

19. Kuznetsova N. N. *Sredstva sozdaniia ekspressivnosti v russkoi poezii XX veka*. Diss. doktora filol. nauk [The means for creation an expressivity in Russian poetry of XX century. Dr. philol. Sci. Diss.]. Moscow, 2011, 594.

20. *Tolkovyi slovar' russkogo iazyka* [The Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Ed. Ushakov D. N. Moscow; Leningrad: Sovetskaia entsiklopediia; OGIZ, vol. 3 (1939): 1486.

21. *Tolkovyi slovar' russkogo iazyka* [The Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Ed. Ushakov D. N. Moscow; Leningrad: Sovetskaia entsiklopediia; OGIZ, vol. 1 (1935): 1562.

22. Ozhegov S. I., Shvedova N. Iu. *Tolkovyi slovar' russkogo iazyka. 80 000 slov i frazeologicheskih vyrazhenii* [Explanatory dictionary of Russian language. 80 000 words and expressions]. 4th ed. Moscow: Azbukovnik, 1999, 944.

23. Korbut A. Iu. *Lingvisticheskaia poetika* [The linguistic poetics]. Irkutsk: Vostochno-Sibirskaia gosudarstvennaia akademiia obrazovaniia, 2011, 160.

24. Kravtsova Iu. V. Semantiko-kognitivnyi analiz metaforiki iazyka: ot metaforicheskoi kartiny mira k metaforicheskoi kontseptosfere [The semantic-cognitive analysis of language's metaphors: from metaphoric picture of a peace to metaphoric concept-sphere]. *Vestnik Dnepropetrovskogo universiteta = The Science magazine of Dnepropetrovsk university*, no. 11 (2011): 53–60.

16+

Редакторы выпуска:
Долгих В. П., Митько Н. В., Плисенко С. В., Рабкина Н. В., Старикова Л. С.

Подписано к печати 02.10.2017. Формат А 4.
Дата выхода в свет 02.11.2017.
Печать офсетная. Бумага Sveto Copy. Усл. печ. л. – 28,87. Уч.-изд. л. – 23,93.
Тираж 500 экз. Заказ № _____
Цена свободная.
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет».
Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6, http://kemsu.ru.

Отпечатано ООО ПК «ОФСЕТ». 650001, Кемерово, ул. Пролетарская, д. 9.